АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ЧАСТЬ VIII.

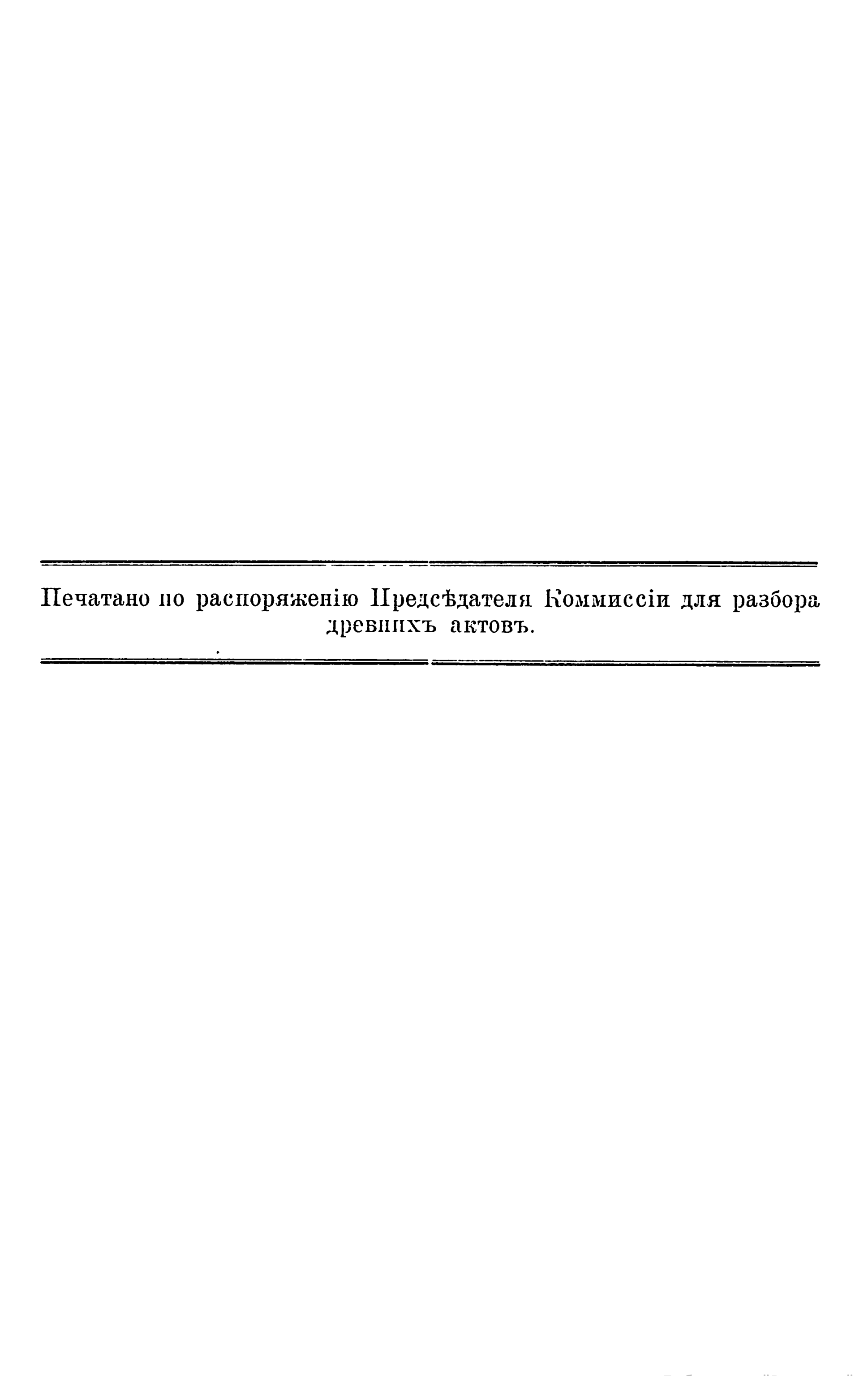
Т. VI.

Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская у. д. № 4.

1911.



Печатано по распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв.

ЗАСТАВНОЕ ВЛАДѢНІЕ.

Рядомъ съ полными (неограниченными) правами землевладѣнія (коронным, княжескимъ, панскимъ и шляхетскимъ-земянскимъ), которыя сложились въ одинъ типъ въ полов. XVI вѣка, въ Литовско - русскомъ государствѣ было нѣсколько формъ условнаго (ограниченнаго) права. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли изъ государственныхъ правъ на землю, или точнѣе, изъ смѣшенія государственныхъ и частныхъ правъ, другія—изъ отношеній частныхъ лицъ между собою.

Что касается дѣйствія государственныхъ правъ, то мы видимъ примѣръ его уже на церковныхъ имуществахъ (см. Арх. Юго.-Зап. Рос. ч. VIII т. IV), въ которыхъ вліяніе государства создало право патронатства, или подаванія.

Изъ непосредственныхъ правъ государства исходило: *старостинское (ленное)* владѣніе и *войтовства.* Къ тому же типу примыкаетъ *служебное* землевладѣніе, типъ весьма распространенный особенно на югѣ государства. Подобно этому послѣднему строилось *служебное и чиншевое* владѣніе на частныхъ земляхъ. Наконецъ, чисто изъ частноправныхъ началъ возникло *заставное* владѣніе, сдѣлавшееся типическою особенностію западно-русскаго права.

I.

Понятіе о заставѣ и причины развитія заставнаго владѣнія.

Терминъ „*застава*“ есть наиболѣе употребительный, но не единственный для выраженія юридическаго отношенія, обозначеннаго имъ. Слово: „заставить“ замѣнялось тождезначащимъ: „закупить“; вещь заставленная именуется также „закладомъ“. Такъ, въ одномъ и томъ же артикулѣ X-го Р.

Лит. Статута 1529 г., именно 3-мъ, говорится: „А коли бы кто имене свое, або иншую реч которую колвекъ свою заставилъ,..... и хотелъ бы *закладъ* свой в него (кредитора) взяти, а онъ бы пенезей своих в него брати не хотѣл, а ни *закладу* его ему (должнику) поступити“....., то должникъ (собственникъ вещи) можетъ деньги вручить суду и получить вводъ въ свое имѣніе. „А еслибы оный, который имене, або которые иные речы, заставным обычаем *закупил*, на року позваномъ стал...“, то обязанъ, получивъ деньги, возвратить имѣніе должнику, не ссылаясь ни на какую давность [1]).

Такое совмѣщеніе нѣсколькихъ терминовъ для выраженія одного и того же понятія можетъ дать поучительные выводы относительно сущности заставы, а также и другихъ юридическихъ отношеній, обозначаемыхъ тѣми же терминами (напр. закупничества).

Для выраженія залоговыхъ отношеній есть еще одинъ терминъ—„задавать“: „задалъ ми жонку Барбарицу у трехъ копахъ грошей безъ двадцати грошей“ [2]).

Иногда для той же цѣли служитъ терминъ: „запродать“. Въ 1517 г. жаловались королевскому суду бояре Тумашевичи на бояръ Мацкевичей въ томъ, что послѣдніе почему-то завладѣли ихъ отчизною, рубятъ въ ней лѣсъ и сады и переносятъ постройки. Отвѣтчики доказали записями, что отецъ истцовъ и они сами „запродали отцу нашему всю свою отчизну“. Претензіи истцовъ свелись на то, что владѣльцы злоупотребляютъ правомъ владѣнія. Судъ рѣшилъ „землю ихъ (отвѣтчиковъ) *закупную* имъ держати до тыхъ

---

[1]) Около 1519 г. состоялось на маршалковскомъ судѣ пари между тяжущимися Соколовскимъ и Шишкомъ слѣд. рода: если спорное имѣніе окажется (по суду) *закупнымъ* у Шишки, то Соколовскій снимаетъ урожай; если же *отчизное*, то Соколовскій платитъ 10 рублей грошей въ пользу суда (Литов. Метр. I стр. 1347). На маршалковскомъ судѣ сестры жаловались на брата, что онъ „*позаставлялъ*“ ихъ часть имѣнія; судъ возстановилъ право сестеръ съ тѣмъ, чтобы ни самъ отвѣтчикъ, ни тотъ, кто у него *закупилъ*, впредь не нарушали ихъ правъ (Ibid. стр. 84—86).

[2]) Лит. Метр. I стр. 396.

часовъ, поки Тумашевичи.... тую сумму пенезей имъ отложатъ“ [1]).

Въ чемъ же сущность „заставы?“

Застава есть залогъ вещи, съ передачею правъ владѣнія и пользованія кредитору. Это древняя форма залога, присущая и старинному римскому праву и праву новоевропейскихъ народовъ, столь извѣстная и въ Московскомъ государствѣ. Сообразно съ отличительными свойствами движимыхъ и недвижимыхъ вещей, заставою въ тѣсномъ смыслѣ именуется залогъ недвижимостей, а залогъ движимыхъ вещей обычно называется закладомъ и отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что заложенная недвижимая вещь переходитъ во владѣніе и пользованіе залогопринимателя, а заложенная движимость—только во владѣніе, но не пользованіе (закупничество людей подводится подъ первую категорію). Разница эта возникаетъ изъ того, что владѣніе недвижимостью безъ пользованія является почти невозможнымъ: необработываемая земля запустѣваетъ, теряетъ свою цѣнность безъ пользы какъ для собственника, такъ и для кредитора. Во-вторыхъ, пользованіе недвижимою вещью представляетъ особыя удобства для взиманія процентовъ, именно доходами имѣнія. Кредиторъ, взявшій въ закладъ движимости, условливаетъ проценты въ деньгахъ; пользованіе же движимостью (напр. одеждою) составляло бы уменьшеніе цѣнности вещи. Владѣніе движимостью, безъ пользованія ею, весьма легко осуществимо, такъ какъ вещь можетъ находиться въ рукахъ кредитора; недвижимость такого удобства не представляетъ.

Однако, было бы ошибочно полагать, что въ старомъ правѣ Литовскомъ (какъ и въ Московскомъ) иного значенія залогъ недвижимостей никогда не имѣлъ, что право на чужую вещь въ отношеніи къ недвижимостямъ не мыслилось иначе, какъ въ формѣ передачи владѣнія и пользованія. Постановленія 1-го

---

[1]) Лит. Метр. I стр. 438—439. Въ дѣлѣ 1517 г. истецъ говоритъ: „тесть мой *закупилъ* въ него землю“; отвѣтчикъ говоритъ: „тестю его *запродалъ* есми...“ Лит. Метр. I стр. 488.

Статута о заставѣ (Р. X.) начинаются слѣдующимъ очень важнымъ закономъ: „Хто бы купилъ именье *должное*, а тот, хто долг мѣл, десят лет молчал“, т. е. если кто купитъ имѣніе, на которомъ лежитъ чей-либо старый долгъ, и кредиторъ пропуститъ 10 лѣтъ со времени покупки имѣнія, не взыскивая долга, то свое право тратитъ. Что значитъ „имѣніе должное“? Очевидно, имѣніе, на которомъ обезпеченъ долгъ, значитъ—заложенное. Но какимъ бы образомъ могъ купить его сторонній человѣкъ, если бы оно находилось во владѣніи и пользованіи кредитора? Какъ могъ молчать нѣсколько лѣтъ владѣлецъ-кредиторъ, если бы онъ получалъ доходъ съ этого имѣнія? Какъ могъ онъ не знать о передачѣ его въ другія руки? Очевидно, заложенное имѣніе не находилось въ рукахъ кредитора. Здѣсь—залогъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. имѣніе заложенное остается во владѣніи и пользованіи собственника.

Подобный же характеръ имѣетъ постановленіе 2 Стат. (Р. VII арт. 12): „о долги двох, або колко, на одномъ именью,“ а именно: „Если кто владѣетъ имѣніемъ закупнымъ въ какой-либо суммѣ, а другой явился бы съ притязаніями со своимъ долгомъ къ тому же имѣнію, утверждая, что ему *на томъ же имѣніи обезпечена сумма денегъ*..., а то имѣніе стоило бы обѣихъ суммъ, тогда тотъ, который имѣетъ право на бо́льшую сумму, долженъ сплатить второму, или оба, отдавши въ заставу имѣніе стороннему, подѣлятъ деньги между собою сообразно требованіямъ. Если же бы нѣсколько кредиторовъ стеклись съ равными долговыми притязаніями на одно и то же имѣніе, а имѣнье не стоило бы совокупности ихъ долговыхъ требованій, тогда имѣніе должно поступить тому, у кого запись (долговая) старше, или кто владѣлъ имѣніемъ [1]), а прочіе кредиторы съ остальными записями могутъ

[1]) Въ Стат. 1566 г. стоитъ: „хто будетъ мети першій запись, *або бы* въ держаньи именя былъ“... Въ Стат. 1588 г. уже допущено существенное измѣненіе: „хто будетъ имети першый слушный а правный записъ, и *въ держаню того именя за тымъ першымъ записомъ былъ*“... Т. е. здѣсь преимущество предоставляется тому конкуренту, который имѣетъ не только старшій

искать своихъ денегъ на должникѣ". Въ первомъ пунктѣ этого артикула рѣчь идетъ о конкурсѣ заставы съ обезпеченіемъ долга по суду; а потому отношеніе этого пункта къ нашему вопросу можетъ показаться сомнительнымъ. Однако и здѣсь въ заключительныхъ словахъ пункта, именно въ томъ, что застава при извѣстныхъ условіяхъ можетъ уступить праву на чужую вещь, не соединенному съ передачею владѣнія,—уже, говоримъ, и здѣсь совершенно ясна возможность залога не въ формѣ заставы; но второй пунктъ того же артикула не оставляетъ въ томъ сомнѣнія: при конкурсѣ кредиторовъ по залогу на одну и ту же вещь, преимущество можетъ оказаться даже на сторонѣ не того, кто владѣетъ вещью по заставѣ, а того, у кого въ рукахъ старшая долговая запись.

Что залоговое право присутствовало въ то время и помимо обычной заставы, что оно могло существовать и помимо передачи вещи во владѣніе и пользованіе кредитора, доказательствомъ служатъ тѣ многочисленные факты, на которые мы натолкнемся въ документахъ, приводимыхъ ниже, когда должникъ, совершая заемъ, указываетъ, что лишь по просрочкѣ долга кредиторъ можетъ ввестись во владѣніе такимъ-то имѣніемъ. Напр. въ заставной записи кн. Льва Ал. Сангушко еврею Батку Мисановичу 1565 г. говорится: „если я (князь) Б. Мисановичу суммы 716 копъ гр. въ срокъ не отдамъ..... тогда буду обязанъ заплатить вдвое; и во всей этой суммѣ (т. е. увеличенной вдвое) еврей или тотъ, кому онъ передастъ свое право, можетъ ввестись во владѣніе имѣніями моими Мѣзовомъ и Смолевомъ". Такая спецификація имѣній, на которыхъ обезпечивается взысканіе, показываетъ, что и до просрочки долга они находились подъ запрещеніемъ, оставаясь во владѣніи собственника.

Такое же условіе находимъ въ залоговой записи кн. Масальскаго Яну Котовскому, которому дается право, по

актъ, но и заставу на имѣніе. Но такъ какъ первый пунктъ артикула и въ Статутѣ 1588 г. остался неизмѣненнымъ, то очевидно, что у всѣхъ кредиторовъ находится не простое, а залоговое требованіе на одно имѣніе (а не на должника съ его имуществомъ вообще).

просрочкѣ долга, ввестись во владѣніе имѣніями, Масальскихъ Ботиномъ и Бодячиномъ [1])

Подобное же условіе (о поступленіи заставы по просрочкѣ долга) находимъ въ долговой записи Марка Вас. и Алекс. Марк. Жоравницкихъ Яну Котовскому (на имѣніе Блудовъ [2]); въ записи Дм. Ал. Буремскаго Ивану Чапличу-Шпановскому (на имѣніе Новоселки [3]) и мн. др. [4]).

Залогъ недвижимостей безъ передачи пользованія въ руки кредитора имѣетъ для выраженія особый терминъ въ законодательномъ и актовомъ языкѣ, именно: „*записать* имѣніе въ суммѣ" такой-то. Въ 1572 г. Ограф. Ѳедор. Тышкевичева-Звѣрева даетъ запись зятю и дочери своей Романовскимъ въ томъ, что, взявши у нихъ въ долгъ 200 коп. гр., записываетъ имъ на своихъ имѣніяхъ Посягвѣ и Тойкурѣ этотъ долгъ. Кредиторы обѣщали ждать уплаты до ея смерти; по смерти же, ея наслѣдники, которымъ будутъ приходится названыя имѣнія, не далѣе, какъ черезъ четверть года, обязаны будутъ уплатить долгъ подъ штрафомъ двойного увеличечія долговой суммы [5]). Въ данномъ случаѣ не было заставы; должница не говоритъ, что она *заставляетъ* имѣніе, а выражается такъ: „я суму пенязей пану Романовскому и жонѣ его, яко певный а истый долгъ, *упевняю и записую*".

Конечно, подобный залогъ имѣній безъ передачи ихъ во владѣніе кредитора не можетъ быть признанъ столь же прочнымъ, какъ застава; въ тѣ времена формы запрещенія, свойственныя нынѣшнему праву, еще не были выработаны; собственникъ всегда могъ злоупотреблять правомъ, остававшимся въ его рукахъ, и отдать въ заставу третьему лицу уже заложенныя имъ имѣнія, если залогоприниматель во время не узнавалъ о такой сдѣлкѣ и не воспрепятствовалъ ей. Но это было уже злоупотребленіемъ права, а не правомъ; оно

---

1) Кіев. Ц. Арх. кн. 2037, л. 167-й.
2) Ibid. л. 216-й.
3) Ibid кн. 2037, л. 121-й.
4) См. напр. ibid. кн. 2092, л. 102-ой.
5) Ibid. кн. 2092, л. 227 на об.

каралось потомъ условными штрафами — заруками. Приведемъ такой примѣръ, указывающій, какъ на фактическое примѣненіе такой формы залога, такъ и на возможность ея нарушенія. Въ 1570 г. кн. Елена Солт. Сокольская и ея сынъ Маркъ заняли у Борзобогатыхъ Ильи и Степана 550 коп. гр. на одинъ годъ, до праздника Петра и Павла, и „описали имъ" въ вѣрности уплаты занятой суммы имѣнія свои—села Сетовичи, Подлѣсы и Корсынь съ тѣмъ, что если долгъ не будетъ уплоченъ въ срокъ, то наступитъ его удвоеніе, и кредиторы могутъ „въѣхать" въ указанныя имѣнія при возномъ или даже безъ возного и затѣмъ владѣть ими, какъ заставою, въ удвоенной суммѣ долга. На дѣлѣ такъ и вышло: кредиторъ предъявилъ требованіе къ уплатѣ при наступленіи срока, а должники заявили, что уплатить не могутъ и предоставляютъ войти во владѣніе заложенными имѣніями, согласно записи. Но когда посланные ими ихъ же урядники съ вознымъ прибыли на мѣсто въ имѣніе, то оказалось съ перваго разу, что имѣніе Корсынь не можетъ быть передано во владѣніе кредиторовъ, потому что собственники отдали его въ заставу Богуфалу Иваницкому. Кредиторъ засвидѣтельствовалъ предъ вознымъ, что должники такимъ образомъ нарушили свое обязательство и попали въ заруки. Слѣдующее имѣніе Подлѣсы оказалось чистымъ и было передано; но принадлежащее къ нему дворище Ленартовское также отдано было въ заставу тому же Иваницкому. Кредиторъ опять отмѣтилъ, что должники „попали въ заруки". Село Сетовичи было передано все, но по заявленію тамошняго урядника, князья Сокольскіе приказали вывести оттуда 33 головы рогатаго скота и кое-какія другія вещи къ себѣ въ Соколь. И это было отмѣчено, какъ новое нарушеніе записи. За то было передано непоименованное въ залоговой с. Грушевное (вѣроятно, въ видѣ замѣны за дефекты залога [1]).

Во всякомъ случаѣ, залоговыя сдѣлки безъ заставы (безъ передачи пользованія) несомнѣнно были возможны и

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2045, л. 272 на об.

существовали. Но преобладающимъ видомъ залога въ Западной Руси (какъ и повсюду въ древности) былъ залогъ съ передачею кредитору владѣнія.

Всѣ историческіе народы (сколько намъ извѣстно), пережили время, когда залоговое право у нихъ замѣнялось pactum fiduciae и затѣмъ pignus. Но всѣ, рано или поздно, перешли къ современнымъ формамъ залога. Одно только западно-русское право до конца своего существованія, т. е. почти до половины XIX в., осталось вѣрнымъ формѣ заставы, организованной въ учрежденіе, совершенно своеобразное. Въ сѣверно-русскомъ правѣ (московскомъ) залогъ, по просрочкѣ, обращался въ право собственности (закладная въ купчую); затѣмъ, въ періодъ имперіи, когда просрочка повела ко взысканію по закладной путемъ публичной продажи, заложенное имѣніе уже не поступало во владѣніе кредитора, и залогъ сталъ лишь однимъ изъ средствъ обезпеченія договора займа, не болѣе. Совсѣмъ не такъ было въ западной Руси: застава, по просрочкѣ (при невыкупѣ имѣнія), не переходитъ въ право собственности кредитора [1]) и не ведетъ къ продажѣ имѣнія, а остается заставою т. ск. *вѣчно*, т. е. впредь до выкупа. Подъ этою вѣчною угрозою выкупа, всѣ вещныя права тѣмъ не менѣе находятся въ рукахъ заставнаго владѣльца. Такимъ обр. застава занимаетъ не одну только служебную роль при обязательственномъ правѣ (договорѣ займа), но составляетъ институтъ sui generis, примыкающій болѣе къ вещному праву. Она дѣлается способною распространить свое вліяніе на сферы, совершенно чуждыя договору займа: она лежитъ въ основѣ служебнаго владѣнія и многихъ видовъ семейнаго владѣнія.

Чѣмъ объяснить такую оригинальность Литовско-русскаго права, которое первоначально ничѣмъ не отличалось отъ права прочихъ народовъ въ этомъ отношеніи? Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ какою-либо общею формулою; изслѣдуемое явленіе есть результатъ весьма сложныхъ исто-

---

[1]) Если противное не обусловлено особо въ договорѣ. Объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

рическихъ причинъ. Здѣсь попытаемся лишь намѣтить послѣдовательную цѣпь этихъ причинъ. Существующіе взгляды на этотъ предметъ нельзя считать удовлетворительными [1]).

Застава прежде всего есть замѣна отчужденія съ правомъ родового выкупа. Здѣсь ясно слышенъ отзвукъ древней идеи о неотчуждаемости недвижимыхъ имуществъ. Идея общеродовой и общесемейной собственности сохранилась ясно въ западно-русскомъ правѣ вплоть до изданія Статута. Укажемъ на слѣдующія черты этой идеи: отецъ не можетъ отстранить однихъ собственныхъ дѣтей отъ наслѣдованія въ пользу другихъ дѣтей [2]). Вѣно бездѣтной вдовы не можетъ превышать 1/3 родовыхъ имѣній мужа [3]). Никто не можетъ продать имѣніе „безъ воли родственниковъ“ [4]). 1518 г., іюля 2, состоялось рѣшеніе маршалковскаго суда между мачехою (Богданою Кинкевичевою) и пасынкомъ ея (Яномъ Якубовичемъ) о выкупѣ вѣна, записаннаго ей мужемъ (отцомъ Яна). Судъ рѣшилъ, что Якубовичъ можетъ выкупить имѣніе; но затѣмъ, „если Янъ захочетъ это имѣніе продать комулибо на вѣчность“, то помимо родственниковъ не можетъ продать никому, а заставить можетъ („не маетъ отъ ближнихъ никому обчему продати: заставити обчимъ можетъ“) [5]). Иногда, впрочемъ, достатутовое право даетъ нормы еще болѣе строгія, запрещая выкупившему родовое имѣніе не только продавать, но и закладывать его чужеродцамъ; наприм. 1518 г., декабря 21, маршалковскій (королевскій) судъ; рѣшивъ дѣло между сестрами о выкупѣ одною изъ нихъ части имѣнія, отданнаго въ заставу другою, присоединилъ слѣд. постановленіе: „если-бы она (выкупившая) за-

---

[1]) Мысль И. П. Новицкаго о томъ, что распространенность заставы объясняется традиціонной привязанностію шляхетскихъ родовъ къ землѣ и связью землевладѣнія съ личными и политическими правами (Арх. Юг. Зап. Рос. ч. II т. 1 введеніе стр. 141), не можетъ быть принята; связь съ землею все равно прекращалась съ отдачею имѣнія въ заставу.

[2]) Лит. Метр. I, стр. 15.

[3]) Ibid. стр. 34.

[4]) Ibid. стр. 1141—1142.

[5]) Ibid. I, стр. 1210.

хотѣла .. кому иному продать или заставить въ какой-либо большой суммѣ, то она не имѣетъ права это сдѣлать, а должна, согласно съ обычаемъ и правомъ земскимъ („водле обычая и права земского“), заставить или продать ближнему своему, именно той-же своей сестрѣ. Впрочемъ, повышенная строгость требованія здѣсь объясняется прибавкою одного слова („заставити въ которой суммѣ *великой*“), т. е. имѣется въ виду предупредить прикрытіе заставнымъ актомъ акта полнаго отчужденія [1]). Еще до Статута 1529 г., въ XV в. и началѣ XVI в. обычаемъ установлено, что собственникъ можетъ продать лишь ¹/₃ имѣнія; остальныя ²/₃ можетъ заставить именно въ охраненіе правъ наслѣдниковъ („ближнихъ“), что̀ ясно выражается въ судебныхъ актахъ до-статутовой эпохи [2]). Статутъ утверждаетъ эту норму.

Хотя до—статутовая исторія содержитъ въ себѣ немало примѣровъ отчужденія имуществъ, и въ томъ числѣ родовыхъ, тѣмъ не менѣе правило о продажѣ лишь ¹/₃ имѣній есть новость, а воспрещеніе продажи ²/₃ (съ правомъ лишь заставы ихъ) есть удержаніе старины, а не наоборотъ; ибо прежде всякое отчужденіе предоставляло *право выкупа.* Что право выкупа родственниками *проданнаго* имѣнія допускалось, на это есть не мало указаній [3]). Со времени утвержденія правила о допущеніи продажи лишь ¹/₃ имѣнія, право родового выкупа исчезаетъ. Очевидно, съ теченіемъ времени выкупъ имѣній, отчужденныхъ *на вѣчность*, все болѣе и болѣе дѣлался затруднитетельнымъ (объ условіяхъ его въ дошедшихъ до насъ памятникахъ не говорится ничего). Статутъ 1-й совсѣмъ умолчалъ объ этомъ правѣ, хотя слѣды выкупа (дерогативные) встрѣчаются и въ эпоху Статута. Довольно ярко выступаютъ они въ томъ постановленіи 1-го Статута (арт. 9 Р. X), по которому застава, по просрочкѣ, обращается въ право собственности не eo ipso, а съ предъявленіемъ ея

---

[1]) Лит. Метр. I, стр. 1248.
[2]) См. Лит. Метр. I, стр. 34, 94, 531, 791, 826, 958 и др.
[3]) Лит. Метр. I, стр. 446—447, 890—891.

для выкупа родственникамъ заложившаго: „Если бы кто кому-нибудь заставилъ (имѣніе) на срокъ „подъ страченьемъ“ (т. е. съ потерею права на выкупъ), и если-бы, при наступленіи срока, заложившій оказался не въ состояніи выкупить, то заставной вадѣлецъ („кто закупилъ“) долженъ обослать родственниковъ (залогодателя), чтобы они выкупили имѣніе. Если и родственники не будутъ въ состояніи выкупить въ теченіе года, то заставной владѣлецъ дѣлается вѣчнымъ собственникомъ“. Но при продажѣ имѣнія на вѣчность Статутъ не допускаетъ права выкупа.

Итакъ, полагаемъ, что законъ о правѣ продажи имѣнія лишь въ $^1/_3$ его и о правѣ заставы въ $^2/_3$ есть замѣна стараго права родового выкупа. Этотъ законъ и есть первоначальное условіе развитія заставнаго права. Что же касается дальнѣйшаго расширенія заставы на счетъ прочихъ сдѣлокъ распоряженія имѣніями, когда уже ни законъ (послѣ 1566 г.), ни обычай не ограничивали правъ распоряженія, то, конечно, можно успокоиться на мысли о консервативности западно-русскаго права вообще (напр. уголовнаго). И дѣйствительно законъ о воспрещеніи продажи свыше $^1/_3$ имѣнія дѣйствовалъ такъ долго, что не могъ не оставить послѣ себя прочной привычки въ населеніи.

Но къ тому слѣдуетъ еще добавить и другія соображенія. Застава есть въ сущности залогъ, т. е. обезпеченіе по договору займа. Ничто не препятствовало, сохраняя за собою имѣніе, установить въ немъ вмѣсто заставы залогъ (безъ передачи пользованія кредитору). Тогда вовсе не было бы опасности утратить имѣніе для рода. Однако это было возможно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы уплата въ срокъ послѣдовала. Въ противномъ случаѣ, каждый разъ при неисполненіи долговой сдѣлки угрожала бы полная продажа имѣнія, т. е. именно то, чего такъ старались избѣжать люди того времени. Но этого-то условія, т. е. наличности денегъ, и не было тогда въ хозяйствѣ западно-русскихъ землевладѣльцевъ. Хозяйство это было еще вполнѣ натуральное. Конечно, такая ступень въ исторіи народнаго хо-

зяйства свойственна всѣмъ государствамъ въ извѣстные періоды ихъ жизни; но нигдѣ она не отличалась такою продолжительностію, какъ въ государствѣ Литовско-русскомъ. Изъ стремленія примирить недостатокъ денегъ съ удержаніемъ права на имѣніе и явилась единственнымъ выходомъ застава: деньги за долгъ не уплачивались; право пользованія кредитора продолжалось, а за собственникомъ вѣчно сохранялось его право собственности.

Но откуда же брались деньги у тѣхъ, кто бралъ имѣнія въ заставу? Денежные люди все таки были, это—городское (главн. обр. еврейское) населеніе. Въ литовско-русскомъ правѣ есть весьма оригинальная черта: не смотря на то, что это государство было преимущественно шляхетское, въ немъ право землевладѣнія de jure не воспрещается никому изъ свободныхъ гражданъ. Это и есть послѣдній факторъ въ цѣпи причинъ развитія заставнаго права. Мы разсмотримъ это подробнѣе ниже и тогда увидимъ, какъ могущественно отразилось это на соціальномъ строѣ Западно-русскихъ земель, гдѣ денежными людьми было инородческое городское населеніе, именно еврейское.

II.

Лица.

1) *Лица, отдающія имѣнія въ заставу*, суть собственники —физическія лица и затѣмъ юридическія лица: государственныя власти и учрежденія и церковныя власти. О заставныхъ владѣльцахъ (не собственникахъ), передающихъ заставу въ третьи руки, скажемъ ниже. Здѣсь по неволѣ мы должны коснуться нѣсколькихъ общихъ вопросовъ гражданскаго права Западной Россіи XVI в.

Что касается до собственниковъ, то, конечно, не стоило-бы начинать рѣчи о нихъ, такъ какъ право ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Но по особымъ свойствамъ права собственности въ Литовскомъ государствѣ, слагаются отличія и въ правѣ заставы. А именно:

а) Господствуетъ общая собственность мужа и жены,

преимущественно на имѣнія жены, но часто и на всѣ имѣнія обоихъ супруговъ. Напр. въ 1584 г. заставную запись выдаютъ: „Я Филипъ Бокий-Печифостский а я Ганна Остафьевна —княжна Ружинская Филиповая Бокиева - Печифостская“ (т. е. жена предыдущаго). Отдаютъ они „имене *наше* Смыково, въ повете Луцкомъ лежачое, т. е. всю половину нашу у Смыкова“. Отдаютъ они это имѣніе Кузьмѣ Немиричу-Порванецкому и малжонкѣ его мил. пани Авдотьи Якимовнѣ Охлоповской. Изъ самой записи мы, разумѣется, ничего не узнаемъ, какимъ образомъ упомянутыя лица пришли къ совладѣнію. Да для понятія о заставѣ это и безразлично. Достаточно знать, что отвѣтственными лицами по исполненію явились оба супруга; равно правомочными субъектами становятся другіе два (заставные владѣльцы). Напр. обязанность защищать и очищать владѣнія возлагается по смерти заключившихъ сдѣлку на наслѣдниковъ (родственниковъ) того и другого супруга. При нарушеніи условія (при отнятіи кѣмъ-либо или уменьшеніи имѣнія) заставные владѣльцы имѣютъ право „въѣхать съ вознымъ (т. е. правильно ввестись во владѣніе) въ какое угодно имѣніе *наше*, и пользоваться имъ“. Это имѣніе могло принадлежать или мужу или женѣ [1]).

б) Имѣетъ ли право мать, при несовершеннолѣтнемъ сынѣ, отдать въ заставу имѣніе, наслѣдуемое сыномъ послѣ умершаго отца? Въ 1561 г. возникло дѣло о заставѣ, совершенной матерью Моисея Мурина—Чагадаевича, при несовершеннолѣтіи этого послѣдняго, отъ своего имени и отъ имени сына. Хотя Муринъ заявилъ на судѣ, что онъ не признаетъ этой заставы и что мать его „до того ничого не могла“ (т. е. не имѣла права), однако судъ такого вопроса не ставилъ и рѣшилъ искъ по другимъ обстоятельствамъ дѣла [2]).

в) Въ до - статутовое время при отдачѣ имѣнія въ заставу обычай требовалъ, чтобы о томъ предварительно за-

---

[1]) Кіев. Цен. Арх. 2097, л. 635.

[2]) См. этого тома № X d.

явлено было родственникамъ. Напр. въ 1510 г. бояринъ господарскій Талко Римовидовичъ жаловался суду на своего брата Миколая, говоря, что когда онъ (истецъ) уѣзжалъ на службу господарскую—на войну и не имѣлъ средствъ на свое снаряженіе, то принужденъ былъ отдать свою землю въ заставу; но не желая заставлять этой земли чужимъ людямъ, обсылалъ (извѣщалъ) о томъ своего брата, чтобы онъ ту землю „закупилъ" по родству; братъ отказался; тогда жалобщикъ по неволѣ „запродалъ" эту землю Михаилу Кондратовичу въ 5 копахъ. Когда же онъ былъ на войнѣ, то братъ учинилъ гвалтъ, землю у Кондратовича отнялъ, жито и овесъ пожалъ. По его возвращеніи, Кондратовичъ ищетъ убытковъ на немъ [1]). Этотъ обычай не вошелъ въ Статутъ, но судя по тому, что лица, заставляющія имѣніе, обыкновенно оговариваются въ записяхъ, что принуждены къ тому нежеланіемъ родственниковъ помочь, можно думать, что древнее право участія родичей, особенно въ сдѣлкахъ „подъ страченьемъ", продолжалось и въ XVI вѣкѣ.

г) Имѣетъ ли право, получившій отъ вел. князя имѣніе въ пользованіе („держаніе") отдать часть этого имѣнія въ заставу за свой долгъ? Изъ понятія залогового права несомнѣнно слѣдуетъ, что пользователю (не собственнику) такого права принадлежать не могло. Но „держаніе", исходящее отъ великокняжеской (государственной) власти, отличается отъ пользованія, установляемаго частными лицами. Это почти то же, что помѣстное право Московскаго Государства. Помѣщикъ мало по малу пріобрѣталъ вещныя права, кромѣ пользованія. „Держаніе" могло перейти (и переходило) по наслѣдству. Это то, что въ болѣе раннюю эпоху именовалось пожалованіемъ „до воли и ласки" господаря, и потомъ нерѣдко и даже обыкновенно переходило въ право собственности. Имѣя въ виду это, „державцы" (помѣщики) позволяли себѣ нѣкоторые акты распоряженія и, въ частности, отдачу въ заставу. Однако, если „держаніе" не укрѣпилось за поль-

[1]) Лит. Метр. I, стр. 35.

зователемъ, было еще недавнимъ, вел. князь могъ отнять его и передать имѣніе въ собственность или въ пользованіе другому лицу. Отсюда возникаютъ коллизіи и судебные споры. Около 1519 г. мѣщанинъ частновладѣльческаго города Угрова Свашко заявилъ маршалковскому суду жалобу на земянина Яна Климчицкаго такого рода: нѣкто Андрей Хохуленокъ владѣлъ („держалъ"), по пожалованію вел. князя, имѣніемъ Сорочино; часть этого имѣнія—полжеребья онъ отдалъ въ заставу истцу—мѣщанину Свашкѣ за 12½ копъ грошей. Но затѣмъ, по смерти Хохуленка, вел. князь пожаловалъ это имѣніе въ собственность („на вѣчность") Яну Климчицкому, который отказался платить по заставной сдѣлкѣ своего предшественника. Очевидно, заставленная часть имѣнія была въ рукахъ собственника. На судѣ отвѣтчикъ также заявилъ, что онъ не намѣренъ платить никакихъ долговъ Андрея Хохуленка, ибо получилъ имѣніе отъ короля въ собственность, а Хохуленокъ на то имѣніе „вѣчности не имѣлъ". Отвѣтчикъ представилъ суду не только жалованную грамоту короля, но и спеціальный королевскій „листъ" по этому дѣлу, въ которомъ король предписываетъ мѣстнымъ властямъ (дорогицкимъ) наблюдать, чтобы Свашко не вмѣшивался въ имѣніе Сорочино; но при этомъ дается ему, однако, право судебнаго иска. Съ своей стороны истецъ представилъ также грамоту короля, данную раньше и адресованную тѣмъ же дорогицкимъ властямъ, чтобы они приказали Климчицкому уплатить въ пользу Свашка заставную сумму, или въ противномъ случаѣ ввести Свашка во владѣніе заложенною частію имѣнія. Въ виду такого противорѣчія королевскихъ грамотъ, маршалковскій судъ не считалъ для себя возможнымъ рѣшить это дѣло и отложилъ его до пріѣзда короля въ Литву, т. е. передалъ разсмотрѣніе дѣла личному усмотрѣнію короля [1]). Противорѣчивыя распоряженія короля и весь ходъ дѣла показываетъ, что на практикѣ было неясно, принадлежитъ ли „державцу" право отдать имѣніе въ заставу.

---

[1]) Лит. Метр. I, стр. 1325.

Повидимому, болѣе общимъ былъ тотъ взглядъ, что такое право принадлежитъ ему; въ томъ не сомнѣвались пользователь и взявшій имѣніе въ заставу его кредиторъ, между тѣмъ какъ именно въ ихъ интересахъ было рѣшать правильно; не сомнѣвался въ этомъ раньше и король. Вся путаница возникла изъ передачи имѣнія другому лицу на иныхъ правахъ.

На практикѣ заинтересованныя лица разрѣшали это недоразумѣніе такъ: отдавая въ заставу имѣніе, пожалованное королемъ, кредиторъ писалъ въ записи, что въ случаѣ отнятія этого имѣнія государемъ, онъ обязывался перенести заставу на другое—свое собственное имѣніе. Въ 1575 г. Амвросій Юріев. Овлучимскій отдаетъ Андрею Павловскому въ заставу за долгъ „плебанію Владимірскую“, т. е. имѣніе, приписанное плебану, но почему-то вновь перешедшее къ королю; въ записи онъ прибавляетъ слѣдующее: „еслибы плебанія за неласкою господарскою какимъ-нибудь образомъ была взята (королемъ), то я Овлучимскій и мои потомки обязаны будутъ предоставить Павловскому въ той же суммѣ такого же качества и количества землю съ крестьянами въ имѣніи моемъ Овлучимѣ во владѣніе и пользованіе“ [1]).

д) Имѣетъ ли право крестьянинъ господарскій (и частновладѣльческій) отдать свой участокъ земли въ заставу стороннимъ? Въ 1511 г. жаловалась суду Богдана Любжина, что она „закупила“ у господарскаго человѣка Едя сѣножать за $3^1/_2$ копы грош.; но потомъ эту сѣножать отнялъ у нея воевода троцкій; и теперь у нея ни сѣножати, ни денегъ. Правда виленскій тіунъ судилъ уже этотъ искъ и приказалъ Едѣ или очищать сѣножать, или уплатить деньги; но онъ не дѣлалъ ни того ни другого. Чѣмъ окончилось дѣло на королевскомъ судѣ, неизвѣстно [2]). По Статуту крестьяне уже лишены были права распоряженія своими участками. Но въ данномъ случаѣ неизвѣстно, по какому праву распорядился воевода троцкій.

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 920, л. 225.

[2]) Лит. Метр. I. стр. 69.

Около 1514 г. король разсматривалъ дѣло Сапѣги, который будто бы купилъ въ собственность землю у королевскаго крестьянина. Такъ какъ Сапѣга отрицалъ этотъ фактъ и предложилъ пари на 100 золотыхъ въ пользу короля, король предписалъ разслѣдовать, купилъ ли Сапѣга или только *позычилъ* тому крестьянину [1]).

Послѣдній примѣръ и нѣкоторые другіе факты показываютъ, что государственные крестьяне не могли отчуждать свои участки на вѣчность, но отдавать въ заставу могли. Но вотъ, противоположный случай. Въ 1516 г. королевскій (маршалковскій) судъ разбиралъ дѣло между крестьянами и кн. Чорторыйскимъ, который взялъ въ заставу крестьянскій участокъ. Крестьяне, родственники того, который отдалъ участокъ, заявили притязаніе получить его въ свою пользу. Судья рѣшилъ, что заложившій долженъ выкупить землю и владѣть ею. Если же онъ не въ состояніи выкупить, то поступаетъ въ личную зависимость кн. Чорторыйскаго, а земля должна быть передана родственникамъ должника, т. е. истцамъ по этому дѣлу. Общій принципъ рѣшенія такой: „не годится земли господарьское тяглое куповати въ людей“ [2]). Терминъ „куповати“ здѣсь примѣненъ къ заставѣ, между тѣмъ какъ дѣйствительный его смыслъ означаетъ продажу. Быть можетъ, мотивомъ такого рѣшенія послужило то, что земля поступила въ заставу лицу нетяглому.

е) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдающій имѣніе въ заставу другому отнюдь не есть, по нашимъ понятіямъ, собственникъ. Возьмемъ такой примѣръ: въ 1571 году нѣкто Станиславъ Держановскій, вмѣстѣ съ женою своею Раисой Борзобогатянкой, „сторговалъ“ часть имѣнія въ Гуляльникахъ, прозываемую Шельвовецъ, у пана Волынца за 160 копъ грошей. Порядокъ уплаты установленъ былъ такой: впередъ (при заключеніи сдѣлки) Держановскій уплатилъ Волынцу 40 копъ гр.; затѣмъ 60 копъ первый уплатилъ второму на

---

[1]) Лит. Метр. I, стр. 139.
[2]) Ibid. стр. 253.

3-й день Пасхи 1572 г. Остальные 60 копъ жена покупщика должна была уплатить при укрѣпленіи сдѣлки въ судѣ, т. е. при заявленіи, поданномъ въ судъ, о совершившейся продажѣ и при врученіи покупщику документовъ о переходѣ имѣнія къ самому продавцу отъ прежнихъ собственниковъ (именно отъ п. Михала Яцутича). Ничего этого продавецъ не совершилъ, т. е. купчей не заключилъ, потому что покупщики не выполнили съ своей стороны условія; жена Держановскаго денегъ 60 копъ не уплатила и затѣмъ умерла. Спрашивается: чье теперь это имѣніе Шельвовецъ? Казалось бы, что оно, какъ и прежде, принадлежитъ Волынцу. А Волынецъ обязанъ возвратить полученный задатокъ 100 копъ Держановскому (такъ какъ о потерѣ задатка стороны не условливались). Но вышло то, что для насъ совершенно неожиданно. Прошло 12 лѣтъ послѣ неудавшейся сдѣлки. Собственникъ (Волынецъ) за это время неоднократно судился съ женою Держановскаго и самимъ Держановскимъ (по смерти ея) о неотдачѣ ему 60 копъ гр. и объ убыткахъ. Слѣдовало бы ожидать, что, напротивъ, Держановскій будетъ взыскивать заплоченныя имъ деньги 100 копъ гр. Но въ 1584 г. дѣло разрѣшилось самымъ оригинальнымъ (на нашъ взглядъ) образомъ. Держановскій отдаетъ спорное имѣніе въ заставу Ив. Чапличу-Шпановскому! Очевидно, всѣ эти 12 лѣтъ владѣлъ имѣніемъ не прежній собственникъ, а покупщикъ, не уплатившій всѣхъ денегъ и не получившій утвержденія купчей. По какому праву? Мы могли бы подумать, что Держановскій считался уже собственникомъ и въ качествѣ таковаго отдаетъ въ заставу имѣніе третьему лицу. Но условія заставы совершенно отличаются отъ обыкновенныхъ: самъ Держановскій получаетъ отъ Чаплича-Шпановскаго 100 копъ гр., т. е. ту сумму, которую уплатилъ при покупкѣ имѣнія продавцу; а заставной владѣлецъ, т. е. Чапличъ-Шпановскій долженъ такую же самую сумму уплатить собственнику Волынцу, который тогда получаетъ свое имѣніе назадъ въ собственность [1]).

1) Кіев. Цент. Арх. кн. 927, л. 110 на об.

Такимъ образомъ можетъ показаться, что отдать въ заставу имѣніе можетъ и не собственникъ, а только сторговавшій имѣніе. Но здѣсь мы присутствуемъ при дѣйствіи древняго понятія о передачѣ вещи: купившій вещь и до укрѣпленія сдѣлки, и до исполненія остальныхъ условій, входитъ во владѣніе ею и обязанъ не возвратить вещь, а лишь исполнить остальныя условія. Но собственникъ сохранялъ право выкупа ея.

ж) Имѣетъ ли право владѣлецъ, которому по суду передано имѣніе должника во временное владѣніе, отдать это имѣніе стороннему въ заставу? Акты свидѣтельствуютъ, что такая сдѣлка допускалась свободно. Напр., въ 1520 г. на маршалковскомъ судѣ утверждена такая сдѣлка: Каспаръ задолжалъ Паньку Власовичу 80 бочекъ жита въ зернѣ и 50 копъ немолоченнаго. По суду за этотъ долгъ имѣніе должника Дичковщина передано во владѣніе кредитору, т. е. Паньку Власовичу, а этотъ послѣдній отдалъ его въ заставу Путятѣ Сухоносовичу. Королевскій судъ утвердилъ эту сдѣлку [1]).

з) Вдова, получившая имѣніе мужа въ видѣ вѣна, можетъ отдать его въ заставу, только не свыше суммы своего вѣна, какъ показываетъ актъ 1510 г. [2])

Итакъ, кругъ лицъ, имѣющихъ право отдавать имѣнія въ заставу, гораздо шире круга собственниковъ. И въ этомъ отношеніи застава есть институтъ льготный, расширявшій предѣлы гражданскаго оборота. И это есть одна изъ причинъ прочности учрежденія, заставлявшая имъ дорожить.

2. *Лица, владѣющія по заставному праву.* Хотя законъ Литов.-рус. государства не воспрещалъ землевладѣнія лицамъ всѣхъ свободныхъ классовъ общества, но какъ извѣстно, землевладѣніе сдѣлалось постепенно привилегіею шляхетства. И это понятно, ибо землевладѣніе не есть только право, но и обязанность (отправленія воинской повинности).

---

[1]) Лит. Метр. I, 1478.

[2]) Ibid. стр. 39.

Естественно, что только люди военные (milites, рыцари) оказались землевладѣльцами.

Но было и средство раздѣлить право отъ обязанностей: предоставить право землевладѣнія однимъ лицамъ, а обязанность отправленія военной службы другимъ. Эта задача разрѣшалась заставнымъ правомъ, по которому землевладѣлецъ можетъ передать права кому угодно, удержавъ за собою обязанность военной повинности. Правда, законъ (Ст. 2-й, II, 4) ограничиваетъ это право, предполагая общимъ правиломъ, что воинская повинность лежитъ на заставномъ владѣльцѣ; однако, тотъ же законъ предоставляетъ собственнику возможность удержать за собою эту повинность. Объ этомъ намъ придется сказать ниже. Землевладѣльцы—князья, паны и шляхтичи весьма часто отдавали въ заставу свои имѣнія людямъ не шляхетскаго происхожденія, и не безъ основанія: потому что деньги водились у этихъ послѣднихъ, а отнюдь не у лицъ высшаго класса [1]). Таковы были преимущественно евреи и отчасти купцы—христіане; но послѣдніе только изъ гор. Львова; въ прочихъ южно-русскихъ городахъ купцовъ капиталистовъ христіанъ, очевидно, было очень мало.

Капиталисты—евреи были во всѣхъ большихъ южно-русскихъ городахъ и въ частности въ Луцкѣ. Они искали примѣненія капиталу къ широкимъ и выгоднымъ оборотамъ, отнюдь не имѣя въ виду обратиться въ дѣйствительныхъ землевладѣльцевъ на прочныхъ и вѣчныхъ основаніяхъ.

Отдавая имъ свои имѣнія въ заставу, князья, паны и шляхтичи всегда и безъ исключенія ставили особое условіе въ заставныхъ записяхъ, по которому они принимаютъ на себя отправленіе военной службы на все время заставы.

Так. обр. вопросъ о лицахъ, владѣющихъ по заставному праву, кажущійся очень неважнымъ, даже излишнимъ, по-

---

[1]) Еврей Батко Мисановичъ, получившій отъ кн. Сангушки им. Перемиль и Смолеву въ заставу, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ право передать заставу кому угодно, „будь князю, будь пану, або которому купцу“ (см. этого тома № LVI).

лучаетъ огромную соціальную значительность. Благодаря указанному обстоятельству, землевладѣніе въ Западной Россіи получило такую окраску, которая впослѣдствіи (въ XVII в.) привела къ катастрофѣ весь государственный строй.

Приведемъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ: а) распространенность еврейскаго заставного владѣнія на счетъ княжескихъ и панскихъ земель, и лишь изрѣдка мелкихъ шляхетскихъ; б) непрочность и срочность такого владѣнія; в) связь его съ условіемъ о военной повинности.

Фактовъ, доказывающихъ распространенность еврейскаго заставного владѣнія (и иллюстрирующихъ прочія приведенныя сейчасъ соображенія), не мало.

Евреи могли владѣть землею въ повѣтахъ (шляхетскою) и на правахъ собственности. Но излюбленнымъ ими самими видомъ землевладѣнія было заставное, конечно, потому, что этотъ видъ владѣнія наиболѣе соотвѣтствовалъ ихъ главному занятію—торговлѣ деньгами. Приведемъ нѣсколько фактовъ: въ 1564 г. Богданъ Кнегининскій отдалъ въ заставу свое имѣніе Кнегининъ („позычилъ есми въ пана Хазка Семеновича жида луцкаго“) еврею Семеновичу на 4 года съ условіемъ, что еврей за ухудшенія имѣнія (уходъ крестьянъ) не отвѣчаетъ, а за возможныя, сдѣланныя имъ, улучшенія получаетъ вознагражденіе отъ собственника; военную повинность съ имѣнія несетъ не владѣлецъ, а собственникъ [1]). Въ томъ же году тотъ же еврей передаетъ имѣніе Подгаецъ, бывшее у него въ заставѣ отъ Ив. Красносельскаго, кн. Андрею Михайловичу Сангушко [2]); такимъ образомъ, имѣнія не долго оставались въ рукахъ такихъ владѣльцевъ: евреи сбывали ихъ тотчасъ при первой возможности обратно въ руки пановъ и земянъ.

Съ другой стороны, князья, паны и земяне, даже самые могущественные и богатые, постоянно нуждались въ деньгахъ и, при полномъ отсутствіи общественнаго кредита, находили

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. № 2038, л. 149 об.
[2]) Ibid. кн. 2039, л. 33 об.

его у евреевъ, которые давно ушли дальше своего времени въ исторіи развитія экономическихъ силъ: между тѣмъ какъ русскіе землевладѣльцы всецѣло жили еще въ натуральномъ хозяйствѣ, евреи давно перешли къ денежному, т. е. къ торговлѣ и банкирскимъ предпріятіямъ. XV-й и нач. XVI в. въ этомъ отношеніи составляютъ весьма интересную эпоху въ исторіи хозяйства, почти вполнѣ не обработанную. Въ 1565 г. кн. Левъ Александр. Сангушко-Кошерскій, „выпровуючися ко двору его королевской милости, такъ тежъ и на службу господарскую земскую военную, взялъ и позычилъ у пана Батка Мисановича и сына его Мошка—жидовъ мѣста Луцкаго“ 716 к. грошей лит. Никакой заставы пока не устанавляется. Но если долгъ въ годичный срокъ (рожд. Х-ва) не будетъ уплоченъ, то наступаютъ послѣдствія, уже довольно обычныя въ то время (хотя не оправдываемыя никакимъ закономъ), т. е. „совитость“ долга, т. е. долгъ увеличивается вдвое. Но, главное, при этомъ выступаетъ наружу обезпеченіе долга, а именно: „жиды“—кредиторы имѣютъ право войти во владѣніе (заставное) въ два имѣнія князя: Кошерское—Мѣзовъ и Перемильское, и затѣмъ владѣть и пользоваться ими впредь до выплаты двойной суммы долга. Так. обр. эти имѣнія составляли обезпеченіе и въ 1-й годъ: на нихъ указана, на нихъ спеціализирована уплата. Могъ ли князь и сами евреи серьезно надѣяться, что первоначальный долгъ будетъ выплаченъ въ срокъ—въ тотъ годъ, который собственникъ къ тому же проведетъ на войнѣ? Наоборотъ, не будетъ ли онъ вновь нуждаться въ деньгахъ?

Тотъ же вопросъ, но въ формѣ еще болѣе обостренной, остается въ силѣ, когда наступаетъ просрочка, когда долговая сумма увеличится вдвое и самое имѣніе будетъ приносить доходъ уже не князю, а еврею. Оставалось бы думать, что княжескія и панскія имѣнія постепенно, но довольно быстро перейдутъ всѣ въ руки евреевъ. Однако, этого не случилось; еврейское землевладѣніе дальше заставного (и аренды) не пошло. Почему? Юридическая причина ясна: заставное владѣніе не подлежитъ давности и не можетъ никогда пе-

рейти въ право собственности. Но ничто не препятствовало евреямъ владѣть, такъ сказать, вѣчно—по заставному праву, какъ это постоянно случалось между землевладѣльцами—христіанами. Конечно, важнѣе причина экономическая: евреи вовсе не желали стать землевладѣльцами и довольствоватьсѣ скромными результатами натуральнаго хозяйства. Въ случая нужды, они спѣшили передать заставу въ 3-ія руки, получивъ свой долгъ, часто увеличенный вдвое, съ процентами, и затѣмъ вернуться къ своимъ привычнымъ занятіямъ торговлею и ростомъ.

На подобныхъ условіяхъ въ 1565 г. заключили долговую сдѣлку княгиня Сокольская Елена Коптевна, сынъ ея Василій, жена этого послѣдняго Анна Монтовтовна и князь Марко съ евреемъ Ескомъ Моисеевичемъ, „жидомъ луцкимъ“, взявши у него въ заемъ 1600 копъ грош. на три года по день прор. Ильи (20 іюля), съ слѣд. отличіями: владѣніе и пользованіе заставленными имѣніями (Михлиномъ, Ситовичами, Божовомъ и половиною замка Любча) наступаетъ въ срокъ неуплаты, т. е. черезъ 3 года; но уже затѣмъ право выкупа наступаетъ не черезъ новые 3 года, а каждый годъ въ день прор. Ильи. Можно подумать, что это дѣлается для облегченія должниковъ, т. е. возможности для нихъ сократить время пользованія имѣніями со стороны кредитора. Однако, по смыслу документа, это дѣлается въ интересахъ кредитора—потребовать уплаты въ кратчайшій срокъ [1]). Совитости по просрочкѣ не установлено.

Мы не знаемъ, какъ князь Левъ раздѣлался съ паномъ Баткомъ Мисановичемъ; но вся дальнѣйшая экономическая предпріимчивость кн. Кошерскаго состоитъ въ новыхъ займахъ. Такъ, въ 1567 г. кн. Левъ Кошерскій занялъ у жида городенскаго Марка 2,750 золотыхъ съ уплатою въ Данцигѣ, по прибытіи туда барокъ князя съ хлѣбомъ и по продажѣ этого хлѣба. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ, „жидъ“ имѣетъ

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2039, л. 156-й.

[2]) Ibid. кн. 2039, л. 244 об.

право, взявши вижа у какого угодно уряда, вступить во владѣніе имѣніемъ князя Завидовымъ и владѣть до уплаты (безъ обозначенія срока) [1]).

Въ 1569 г. кн. Левъ Александр. Кошерскій занялъ у „жида городельскаго Еска (или Юска) Аврамовича“ 6000 золотыхъ польскихъ и въ этихъ деньгахъ заставилъ ему свой городъ Перемиль и с. Смолево, на годичный срокъ [2]). Въ случаѣ неуплаты въ срокъ, застава продолжается отъ года до года, но совитости не устанавливается. Согласно съ этимъ уловіемъ Юско Аврамовичъ введенъ вознымъ во владѣніе („въ моцъ, въ держане, вживане, во владность“) въ гор. Перемиль съ мѣщанами, боярами, людьми тяглыми и пр. [3]). Но, повидимому, эта сдѣлка относительно Смолева не могла тотчасъ осуществиться. На этомъ имѣніи уже лежало какое-то обязательство въ пользу Петра Загоровскаго, которому еврей Еско Аврамовичъ долженъ былъ отдать 800 коп. грошей и только подъ этимъ условіемъ получить Смолево. Такого рода соглашеніе состоялось между Загоровскимъ и евреемъ въ присутствіи князя Сангушки. Но въ назначенное время, когда еврей явился съ деньгами въ судъ, Загоровскій не прибылъ туда для принятія ихъ. Объ этомъ Еско Аврамовичъ тогда же заявилъ суду [4]).

Изрѣдка попадали въ еврейское владѣніе и болѣе мелкія шляхетскія имѣнія. Въ 1567 г. Марковскіе (Марья и сынъ ея Романъ Васильевичъ) взяли въ долгъ у пана Мошка Исачкевича—жида локацкаго 200 копъ гр., отъ 12 апр. до Рожд. Хр., и въ этой суммѣ заставили ему („ознаймуемъ ему“) въ имѣніи Марковичахъ половину млина и 15 „человѣковъ влостныхъ“ крестьянъ (поименно перечисляемыхъ). Если же долгъ не будетъ уплоченъ въ срокъ, то величина заложеннаго имущества увеличивается, именно, кромѣ $1/2$ млина и 15 человѣкъ, прибавляется еще 3 человѣка въ тѣхъ же Мар-

[1]) Кіев. Ц. Ар. кн. 934, л. 57 об.
[2]) Ibid. кн. 2043, л. 300 об.
[3]) Ibid. кн. 2043, л. 302 об.
[4]) Ibid. кн. 2043, л. 536 об.

ковичахъ по выбору самого „жида“—кредитора. Если-бы собственники отказались допустить эту прибавку къ заставѣ, то должны будутъ платить долгъ вдвойнѣ [1]).

Въ 1565 г. Несвѣцкіе Левко и жена его Параска заняли у жида Хацка Есмановича и его жены Стыри 99 копъ гр. и вола, обязавшись, въ случаѣ неуплаты, допустить вводъ „жида“ во владѣніе 7-ю дворищами въ имѣніи Несвѣцкихъ. По наступленіи срока кредиторами явились уже сынъ Хацка Шмойло Хацковичъ (вѣроятно, за смертью Хацка) и мачеха его Стыря. Возный, явившійся въ имѣніе Несвѣцкихъ, самого владѣльца не засталъ, а нашелъ лишь жену его, которая, прочитавши упоминальный листъ суда, не противилась вводу, который и былъ немедленно произведенъ. Отдаваемые въ заставу крестьяне были опрошены о родахъ и величинѣ повинностей, отправляемыхъ ими въ пользу своего пана. Еврей, получившій вводъ, тутъ же передалъ имѣніе во власть „державцы“ Николая Дубровскаго; так. обр., самъ ни одной минуты не вошелъ въ роль землевладѣльца.

Но нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ фактовъ показываютъ, что въ случаяхъ неизбѣжной необходимости евреи становились не только владѣльцами, но даже совладѣльцами мелкихъ заставъ. Напр., въ 1579 г. Сем. Хребтовичъ Богуринскій и его жена отдали въ заставу за долгъ въ 300 копъ гр. свои имѣнія Богуринъ и Кунятково, т. е., повидимому, все, что было у нихъ, Филиппу Герцику. Но затѣмъ явился новый кредиторъ ихъ еврей Глѣбко со своими претензіями на 150 копъ. Богуринскіе успѣли согласить Герцика допустить къ участью въ заставѣ и этого новаго кредитора, чтобы пользоваться доходами въ доляхъ, соотвѣтственныхъ долговымъ суммамъ. Эта рѣдкая по своей оригинальности сдѣлка состоялась въ 1581 году [2]).

Въ виду сказанаго выше, казалось-бы, что евреямъ болѣе сподручною была аренда, а не заставное владѣніе, при-

---

[1]) Кіев. Цент. Арх. кн. 934, л. 96 об.
[2]) Ibid. кн. 2058, л. 200.

которомъ нужно было выдать впередъ и сразу болѣе или менѣе значительныя суммы. И дѣйствительно, арендное владѣніе имѣніями было болѣе распространено въ рукахъ евреевъ, чѣмъ заставное. Но арендная сдѣлка иногда невольно связывалась съ заставою. Напр., въ 80-хъ годахъ XVI вѣка арендаторомъ имѣній князя Федора Роман. Сангушка былъ еврей Аврамъ Шмойловичъ („панъ Аврамъ, жидъ турейскій"). Въ то же время имѣніе князя Сангушка Мезовъ съ селомъ Березовою Черемшанскою было въ заставѣ у Андрея Халецкаго (которому перевелъ эту заставу Чапличъ — Шпановскій, первоначальный заставной владѣлецъ). Еврей выкупилъ это имѣніе у Халецкаго (по дозволенію кн. Сангушка), конечно, потому, что, арендуя другія имѣнія кн. Сангушка, нашелъ необходимымъ округлить свои владѣнія [1]).

Но это, конечно, частность: главное же условіе существованія заставного владѣнія (а не только аренды) заключается въ томъ, что землевладѣльцы—князья и паны нуждались весьма часто въ единовременномъ полученіи большихъ суммъ и не довольствовались правильными, но ограниченными полученіями ежегодной арендной платы.

Изъ лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія, не шляхетскаго происхожденія, имѣемъ въ актахъ свидѣтельство только о двухъ или трехъ. А именно: въ 1571 г. Казиміръ Ледницкій, владѣвшій по заставѣ отъ князя Сокольскаго крестьянами въ селѣ Божовѣ, перезаставилъ ихъ луцкому мѣщанину Парфену Щетиничу въ суммѣ 135 копъ грош. [2]). Львовскій купецъ Васко Куриловичъ въ 1563 г. передаетъ Михаилу Еловичу-Малинскому въ заставу имѣнія Михново и Лысую Гору, полученныя имъ также по заставному праву отъ кн. Януша Заславскаго [3]).

Заставное владѣніе мѣщанъ христіанскаго вѣроисповѣданія было болѣе распространено въ первые годы XVI в. и

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 949, л. 400 (413).
[2]) Ibid. кн. 2048, л. 95 на об.
[3]) См. эт. тома № XLVIII.

затѣмъ становится все болѣе рѣдкимъ; послѣ Люблинской уніи къ началу XVII в. совсѣмъ исчезаетъ.

Насколько важенъ и интересенъ вопросъ о лицахъ, владѣющихъ по заставному праву, не-шляхтичахъ, и въ особенности евреяхъ, мы въ особенности увидимъ, когда познакомимся съ предметами заставного владѣнія, въ числѣ которыхъ нерѣдко были цѣлые города и волости, не только съ городскимъ, но и шляхетскимъ населеніемъ, съ церквами и духовенствомъ.

III.

Предметы заставного владѣнія.

Предметомъ заставы служитъ недвижимое имущество.

Но для того времени и государства понятіе это далеко не имѣетъ той простоты и опредѣленности, какъ нынѣ. Тогда съ правами землевладѣнія (экономической эксплоатаціи) соединялись многія права государственнаго характера. Предметами владѣнія (въ томъ числѣ и заставного) могли быть и чисто частныя права, соединенныя съ государственными, и чисто государственныя права, соединенныя съ частными. Въ силу этого предметами владѣнія (между прочимъ, заставного) были не только вещи, но и лица, т. е. права на нихъ, именно не только люди несвободные, не только свободные— прикрѣпленные (крестьяне), но и вполнѣ свободные (духовенство, земяне, шляхетство и бояре). Точно также предметомъ заставы могли быть учрежденія: монастыри, церкви и государственныя учрежденія (войтовства, староства).

Приблизительно вполнѣ предметы заставы перечисляются въ слѣд. заставной записи 1575 г. (кн. Кон. Острожскаго Яну Больману) на имѣніе Бераздово и дворъ Здолбицу: эти имѣнія идутъ въ заставу „зо всими ихъ належностями", т. е. за̀мокъ, „мѣсто" (городъ), дворъ, волости, села, приселки съ фольварками, принадлежащими къ замку и городу Берездову и ко двору Здолбицѣ, съ ихъ доходными статьями и принадлежностями: съ постройками, дворами, фольварками, дво-

рищами, съ гумнами, съ хлѣбомъ („пашнями“) дворовымъ и фольварковымъ, сложеннымъ въ гумнѣ и засѣянномъ на полѣ, съ шляхтою, съ боярами и слугами за́мка Березловскаго и двора Здолбицкаго, съ ихъ службами, повинностями и доходами („пожитками“), съ платежами, чиншами и данями и (ихъ) селами, съ подсусѣдками, огородниками [1]), со всякимъ скотомъ рогатымъ и нерогатымъ, съ стадами (лошадей?) [2]), людьми тяглыми и дворовыми, съ ихъ работами и со всѣми землями, грунтами, полями пашенными и непашенными [3]), съ пущами, съ лѣсами, съ дубровами, зарослями, съ борами, гаями, съ деревомъ бортнымъ, со пчелами, съ ловами звѣриными и птичьими, съ рѣками, ставами, ставищами, сажалками рыбными, съ мельницами и ихъ вымелками [4]), съ людьми [5]) и ихъ службами, имуществомъ [6]) („маетностями“), повинностями, данями, чиншами, платежами, съ мытами и всякими другими доходами, какимъ бы именемъ они издавна не назывались, и тѣми, которые бы были найдены теперь или въ будущемъ, вообще въ томъ объемѣ, въ какомъ Березлово и Здолбица заключаютъ ихъ издавна въ своихъ границахъ и доходахъ“ [7]).

Къ этому перечню состава имѣній другія записи прибавляютъ еще не мало частностей, а именно: церкви, попа, земли церковныя и крестьянъ, сидящихъ на этихъ земляхъ [8]), монастыри и ихъ земли, руды, рудокопные заводы, бобровые

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду крестьяне шляхты и бояръ, зависимыхъ отъ замка.

[2]) Далѣе идетъ рѣчь о крестьянахъ дворовыхъ.

[3]) Далѣе идетъ рѣчь о принадлежностяхъ имѣнія.

[4]) Т. е. доходомъ, получаемымъ за помолъ чужого хлѣба.

[5]) Далѣе рѣчь идетъ о крестьянахъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. подворищныхъ.

[6]) Имущество (движимое) крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. выморочности) принадлежало владѣльцу.

[7]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2049, л. 247.

[8]) Въ записи Волчка-Жасковскаго Хмѣлевскому 1579 г.: „съ корчмою, съ церковью, попомъ, съ полями и сѣножатями церковными.“ Кіев. Центр. Арх. кн. 941, л. 85 на об.

гоны, кузницы, городища, селища, какъ мѣста бывшихъ поселеній укрѣпленныхъ и неукрѣпленныхъ и нѣк. др.

Такимъ образомъ, предметы заставы могутъ быть раздѣлены на слѣд. категоріи:

I. *Предметы, назначенные для жилища и защиты:* зданія, замки или дворы съ ихъ частями и меблировкою, замковое вооруженіе, какъ принадлежность замка; хозяйственные постройки („свѣтлицы" для прислуги, конюшни, сараи, бани и пр.).

II. *Предметы экономической эксплоатаціи:* предметы дворового хозяйства, т. е. собственнаго хозяйства пана: дворовыя земли (поля, сѣнокосы) и продукты, полученные отъ нихъ (хлѣбъ сжатый, хлѣбъ въ зернѣ); движимыя вещи хозяйства: лошади, скотъ, птица; люди, принадлежащіе ко двору (несвободные—челядь).

Угодья имѣнія: лѣса, воды и соединенные съ ними промыслы: охоты, пчеловодства, рыбныя ловли (въ особенности, искусственные водоемы—ставы).

Промысловыя заведенія: млины (мельницы), руды, винокурни („бровары съ кадми и прикадками, котлами горѣлчеными, съ трубами и бочками пивными").

III. *Права на повинности и службы людей*, населяющихъ имѣнія: *земянъ*, *шляхты*, *слугъ* (съ ихъ повинностями и съ крестьянами, принадлежащими имъ). Права на церкви, церковныя имущества и *духовенство*, т. е. нѣкоторыя выгоды отъ патронатства.

Права на повинности *„людей"*, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. *крестьянъ подворищныхъ* (сидящихъ на дворищахъ, волокахъ, ланахъ или службахъ), огородниковъ или крестьянъ прихожихъ (на послѣднихъ большею частію лишь номинально, пока продолжается льгота).

Въ городскихъ поселеніяхъ—права на повинности *мѣщанъ* и на доходы съ городскихъ имуществъ: корчмы и пр.

IV. *Права государственнаго характера*, соединенныя и несоединенныя съ имущественными выгодами: взиманіе проѣзжихъ пошлинъ („мыта"); взиманіе государственныхъ налоговъ

съ подчиненнаго населенія; отправленіе военной службы; право вотчиннаго суда и взиманіе уголовныхъ штрафовъ.

V. Особую категорію составляетъ застава государственныхъ имуществъ (*войтовствъ, староствъ*) и соединенныхъ съ ними имущественныхъ выгодъ.

Изъ перечисленныхъ пяти категорій предметовъ лишь первыя двѣ составляютъ реальные предметы заставного права; остальныя категоріи имѣютъ предметомъ лишь права въ отношеніи къ разнымъ слоямъ населенія имѣній. Это нужно разумѣть не только тогда, когда въ записяхъ говорится, что отдаются въ заставу земяне, слуги, бояре и ихъ земля и крестьяне, когда отдаются церкви съ попомъ и землями церковными, но и тогда, когда рѣчь идетъ объ отдачѣ крестьянскихъ земель подворищныхъ. Земли всѣхъ этихъ лицъ, въ томъ числѣ и крестьянъ, принадлежали имъ самимъ, а не собственнику и стало быть и не заставному владѣльцу. Въ заставу поступаютъ только извѣстныя повинности, доходы съ нихъ и службы ихъ. Въ частности, земли крестьянскихъ дворищъ были неотъемлемы.

Иногда предметъ заставы не былъ реально опредѣленнымъ: если, напр., отдавалась въ застзву половина имѣнія, то собственникъ въ заставной записи довольствовался указаніемъ, что отдаетъ половину двора, зданій, осѣдлости дворной, садовъ, огородовъ, гумна, оборы, полей, сѣнокосовъ дворныхъ, „людей тыхъ, которыхъ самъ похочетъ и которые ему подобати будутъ“ [1]). Реальный выдѣлъ половины производится уже при вводѣ.

Само собою разумѣется, что не во всѣхъ случаяхъ въ заставу входятъ всѣ эти предметы; могли быть заставлены только „люди“, т. е. дворища крестьянъ, или только дворовое хозяйство, или одно промысловое заведеніе (млинъ и т. п.). Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы коснемся всѣхъ этихъ объектовъ права землевладѣнія лишь въ той мѣрѣ,

---

[1]) Кіев. Цантр. Арх. кн. № 967, л. 358 на об.

въ какой они представляютъ интересъ съ точки зрѣнія особенностей заставного права.

О предметахъ первыхъ двухъ категорій, т. е. вещахъ, подлежащихъ экономической эксплоатаціи, распространяться здѣсь нечего. Для заставного права этотъ родъ предметовъ не даетъ никакихъ особенностей. Ограничимся однимъ замѣчаніемъ о движимыхъ вещахъ.

Движимыя вещи въ составѣ заставного имущества не составляютъ самостоятельнаго предмета „заклада"; онѣ входятъ въ залогъ не сами по себѣ, а какъ принадлежность недвижимости, а потому не подлежатъ тѣмъ условіямъ, которыми опредѣляется закладъ движимыхъ вещей въ отличіе отъ заставы. При выкупѣ онѣ не подлежатъ возвращенію въ своей индивидуальности, а мѣрою и счетомъ, по своему качеству и количеству (столько-то мѣръ хлѣба, столько-то головъ скота и т. д.).

Сосредоточимъ свое вниманіе на *правахъ*, какъ предметѣ заставы.

Княжескія и панскія владѣнія заключали въ себѣ цѣлыя *волости* съ центральнымъ за́мкомъ и городомъ и съ окружающими селами. Въ этихъ обширныхъ районахъ права владѣльца захватывали все населеніе, въ частности—земянъ, бояръ и слугъ. Въ какомъ смыслѣ они могли быть предметомъ заставы? Въ 1581 г. воевода сѣрадзскій—Альбрехтъ Ласскій, получившій всѣ имѣнія князей Острожскихъ, отдалъ въ заставу Войтѣху Стерѣховскому имѣніе Ровное (гор. Ровно и его округъ). Въ городѣ и его волости жили, между прочимъ, земяне (зависимые прежде отъ кн. Острожскаго). Ласскій передаетъ въ заставу этихъ земянъ, т. е. повинности ихъ, „яко здавна были", какъ говорилось обыкновенно. Но земяне были разныхъ правъ: нѣкоторые изъ нихъ сами владѣли частями княжеской земли, по старымъ дарственнымъ. При передачѣ имѣнія владѣлецъ (Ласскій) оговариваетъ, что такія давнія владѣнія земянъ, „не противныя общему закону", должны быть сохраняемы за владѣльцами, съ соблюденіемъ повинностей, свойственныхъ земянамъ, а именно: отправленіемъ

военной повинности всегда, когда окажется въ томъ необходимость, „на коняхъ добрыхъ почтовыхъ, збройно въ барвѣ свѣтлой“ (т. е. въ приличномъ вооруженіи и одеждѣ). Что же касается тѣхъ земянъ, которые владѣютъ участками по новымъ дарственнымъ, лѣтъ 10 или менѣе, то ихъ земли и державы остаются на волѣ и ласкѣ новаго владѣльца; равнымъ образомъ и такіе, которые не въ состояніи нести настоящую военную службу, могутъ подвергнуться выкупу своихъ владѣній со стороны заставного владѣльца.

Подобнаго же рода повинности передавались въ числѣ хозяйственныхъ правъ и относительно бояръ и слугъ путныхъ. Бояре были почти въ каждомъ имѣніи, именно—панцырные (для отбыванія военной повинности) и путные (для услугъ хозяйственныхъ). При отдачѣ въ заставное владѣніе, иногда собственникъ прямо обозначалъ права владѣльца на нихъ; напр., въ 1593 г. кн. Юр. Чорторыйскій въ заставной записи Понятовскому на имѣніе Дѣковъ говоритъ: „если бы кто изъ бояръ тамошнихъ дѣковскихъ не захотѣлъ исполнять обычныхъ (звыклыхъ) повинностей Понятовскому, то владѣлецъ имѣетъ право выслать его вонъ, а бояринъ долженъ оставить всѣ постройки; можетъ взять себѣ только годичный посѣвъ и уходить“ [1]). Бояре панцырные и путные не несутъ экономическихъ повинностей, а отправляютъ военную или иную личную службу. Они занимаютъ или цѣлыя дворища, или части ихъ и иногда на этихъ земляхъ имѣютъ своихъ крестьянъ („людей“).

Иногда въ имѣніи живетъ изъ милости какой-либо убогій „панъ“, т. е. шляхтичъ; о немъ въ заставной записи, конечно, можетъ упомянуться только по поводу оставленія его на мѣстѣ или выселенія.

Главнѣйшій предметъ заставы суть „*люди*“, т. е. *крестьяне*—люди тяглые; они—или люди подворищные, т. е. занимающіеся обработкою земли; въ каждомъ дворищѣ ихъ мо-

---

[1]) Арх. Ю.-Рос. ч. VI, т. I, № 2.

жетъ быть нѣсколько семействъ—„дымовъ“ [1]). Или то люди „корчемные“, работающіе на панской корчмѣ, или ремесленники, оплачивающіе пользованіе участкомъ произведеніями ремесла. Отъ подворищныхъ отличаются „огородники“, занимающіе не участки земли, а только усадьбы (бобыли). Тѣ и другіе (тяглые и огородники) могли быть какъ отчизные, т. е. потерявшіе право перехода, такъ и „прихожіе“ [2]).

[1]) Измѣреніе экономическихъ силъ населенія, а также вообще величины имѣнія „человѣками“ встрѣчается и въ актахъ 2-й половины XVI в. Напр., 1563 г. Мих. Степ. Болгаринъ отдаетъ зятю своему Ив. Сошенскому въ заставу за 15 копъ гр. свою часть въ общемъ имѣніи Новгородичахъ „полтора человѣка“ съ полями, сѣнокосами и со всѣми „принадками“. Эта часть имѣнія находилась въ рукахъ Болгарина пока по домашнему раздѣлу съ братьями его и сестрами. По наступленіи же вѣчнаго раздѣла заставной владѣлецъ долженъ владѣть тѣмъ, что достанется на часть залогодателя (Кіев. Центр. арх. кн. 2037, л. 93). Такое опредѣленіе величины имѣнія, подлежащаго заставѣ, отнюдь не должно внушать фальшивую мысль о томъ, что въ заставу идутъ *лица* крестьянъ, хотя бы и прикрѣпленныхъ; напротивъ запись поясняетъ, что дѣло идетъ о „платахъ, доходахъ и повинностяхъ“ крестьянъ. Въ данномъ случаѣ эти платы и повинности не опредѣляются, но изъ другихъ записей узнаемъ, что они опредѣлялись обычнымъ правомъ, къ которому молча адресуютъ заставного владѣльца и тѣ собственники, которые въ записяхъ ихъ не обозначаютъ (объ этомъ ниже говорится подробнѣе). Что же въ сущности обозначаютъ эти „полтора человѣка?“ Очевидно, то же, что и дворища и службы. Одинъ изъ крестьянъ занимаетъ полное дворище, другой полдворища. Имена ихъ въ записи не указываются. Можетъ быть, и одного такого факта достаточно, чтобы отстранить удивительно странную мысль одного писателя, который видитъ въ выраженіи „слѣдъ человѣка“ способъ измѣренія человѣческими стопами! Что же это за величина? Могли ли $1^1/_2$ человѣка отмѣривать что-либо шагами? На дворища, ни службы не имѣли опредѣленной геометрической величины. Они представляли собою хозяйство; если это хозяйство было полное (съ достаточнымъ количествомъ скота и посѣва), то это служба; если нѣтъ, то $^1/_2$ или $^1/_4$ службы. Самое выраженіе „слѣдъ человѣка“ означаетъ совокупность этихъ хозяйственныхъ силъ, создаваемыхъ руками одного хозяина; это „слѣдъ“ его дѣятельности, труда. При иномъ толкованіи, терминъ „наслѣдство“ мы должны бы принимать за нѣчто. измѣренное шагами. Такой грубый пріемъ толкованія юридическихъ терминовъ свойственъ людямъ, которые не считаютъ себя обязанными всмотрѣться въ реальный смыслъ ихъ, представляемый исторіею языка и права. „Слѣдъ человѣка“ есть слѣдъ, оставленный его культурною, экономическою дѣятельностію.

[2]) Арх. Кіев. Археогр. Ком. № 53.

Населеніе имѣній, т. н. „подданые“: крестьяне, огородники, подсусѣдки и пр., хотя и прикрѣпленные, не состояли еще (въ XVI в.) во власти собственника, какъ вещи; земля, принадлежавшая имъ, была *ихъ* землею; движимое имущество было ихъ собственностью. Ихъ экономическое значеніе для владѣльца измѣряется, какъ сказано, дворищами, службами, „человѣками“ и впослѣдствіи (во 2-ой полов. XVI в.) волоками [1]). Это экономическое значеніе состояло въ *повинностяхъ*, которыми они были обязаны владѣльцу, *денежныхъ и натуральныхъ*. При переходѣ ихъ въ заставу, заставной владѣлецъ получалъ право на эти повинности, но не на лицъ, крестьянъ. Для опредѣленія ихъ при составленіи заставной записи составлялся *инвентарь* (который, кромѣ того, обнималъ опись всего недвижимаго и движимаго имущества и двора). Напр., въ 1561 г. Янушъ Прок. Угриновскій отдалъ Ил. Бог. Несвѣцкому въ заставу свое имѣніе Угриновское и далъ ему при этомъ инвентарь, въ которомъ прописано: „дворъ, у дворе будованья (такое-то), быдла дворнаго (столько-то), свиней, гусей, каплуновъ (столько-то); у гумнѣ овса (столько-то копъ), гороху, проса, сѣна... При дворѣ броваръ съ кадми, съ котломъ.., бочекъ пивныхъ (столько-то), ставъ, млынъ; пашнина—поле засеянное (столько-то мацъ). А то люди Угриновскіе з роботами и ихъ повинностями... (перечисляется 21 человѣкъ)..., тые вси седять на зуполных службахъ“; а именно даютъ по 6 грошей, по 8 мацъ овса, по возу сѣна, по 2 курицы, по десятку прядива. Одинъ, сидящій на полной службѣ, служитъ на „тесельствѣ“, т. е. плотникомъ и потому не несетъ этихъ повинностей. Кромѣ подворищныхъ крестьянъ, перечисляются затѣмъ огородники въ числѣ 12; ихъ повинности не обозначены, ибо вообще огородники, т. е. бобыли, не владѣющіе полевою землею, вступали въ особыя соглашенія съ хозяиномъ за пользованіе огородами. Между перечисленными

---

[1]) Какъ, напр., въ реестрѣ Буремля 1573 г. (Кіев. Цент. Арх. кн. № 2095, л. 614).

здѣсь 12-ю человѣками одинъ былъ дѣдъ—„чоботарь“, другой „Волосъ—бортникъ“. Эти службы ихъ, разумѣется, также опредѣляемы были обычнымъ правомъ. Кромѣ крестьянъ и огородниковъ, инвентарь именуетъ, наконецъ, двухъ бояръ [1]).

Повинности крестьянъ были опредѣляемы или договоромъ, т. е. самою заставною записью, или обычнымъ правомъ.

Въ записяхъ (какъ въ приведенной сейчасъ) иногда точно опредѣляется, какія именно повинности должны отправлять крестьяне въ пользу заставного владѣльца (т. е. тѣ, которыя они несли и въ отношеніи къ собственнику); въ 1565 г. кн. Вас. Сокольскій, заставляя своихъ людей въ имѣніи Михлинѣ Ѳедорѣ Боговитиновой, именно 10 службъ, перечисляетъ поименно хозяевъ этихъ службъ и пишетъ, что они (крестьяне) обязаны день въ день на работу итти (т. е. съ каждой службы одинъ рабочій въ день), а „подачки“ каждый изъ нихъ ежегодно долженъ вносить по 8 мацъ овса, по возу сѣна, по 6 грошей, по 3 курицы, по десятку прядива [2]).

Но большею частію повинности въ записяхъ не обозначаются; актъ заставы ссылается на обычное право. Напр., 1566 г. король Сиг.-Августъ, отдавая Чапличу-Шпановскому въ заставу свой дворъ Гнидаву, говоритъ въ записи, что крестьяне отдаются „съ платами денежными и серебщизными, съ дяклами житными, овсяными и съ иными... со всѣми повинностями оныхъ подданыхъ гнидавскихъ, што кольвекъ они *зстародавна* платити и полнити суть повинны“ [3]).

Самою обычною формулою опредѣленія повинностей была слѣд.: отдаю подданыхъ съ данью грошовою и медовою, съ дяклами житными и овсяными, съ работами, подводами, „яко то *здавна* въ обиходехъ и пожиткохъ своихъ маетъ“ [4]).

---

1) Кіев. Цент. Арх. кн. 2035, л. 194

2) Ibid. 2039 л. 16.

3) Ibid. 2097 л. 637.

4) Арх. Кіев. Ком. № 53.

Въ записи Кнегининскаго еврею Есмановичу 1564 г. говорится такъ: „съ ихъ (крестьянъ) чиншами, податями и работами, такъ какъ мнѣ самому давали и работали“ [1]). Обычное право, о которомъ здѣсь говорится, не есть общая норма не только для цѣлаго государства, но и частей его болѣе или менѣе значительныхъ (хотя по нѣкоторымъ районамъ для извѣстнаго времени можно установить общія нормы); „старина“, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть обычай того имѣнія, которое отдается въ заставу.

Что касается величины и рода повинностей въ Юго-Западной Россіи XVI в., то это можетъ быть уяснено лишь отдѣльными примѣрами. Такъ, въ записи 1579 г. Вербскихъ-Вахновскихъ Древинскому на крестьянъ дворца Кривня, читаемъ: „Грицъ Зайковичъ (крестьянинъ) на полланѣ; съ него чиншу грошей 6, овса мацъ 4, куръ двѣ, работа въ каждую недѣлю по 3 дня... Тишко Якимовичъ—на цѣломъ лану; съ него чиншу 12 грошей, овса 8 мацъ, куръ 4, а работа ежедневная (штоденная). Савка Миткевичъ — огородникъ: съ него подачи 3 гроша; работа въ недѣлю 1 день“. Новоприхожій ничего не платитъ [2]).

Въ другихъ случаяхъ повинности крестьянъ опредѣлялись такъ: въ 1584 г. Фил. Бокій—Печифостскій и его жена, урожденная кн. Ружинская, занявъ у Кузьмы Порванецкаго и его жены 200 копъ гр., отдали въ заставу имѣніе Смыково въ Луцкомъ пов., со всѣми поддаными и дворищами пустовскими, а именно: на цѣлыхъ дворищахъ сидѣли Васко Рѣпинковичъ, Улизлиха—вдова съ сыновьями, Ив. Бѣлановичъ, Ивашко Хаимовичъ; повинность этихъ полнодворищныхъ людей состояла въ слѣд.: работать—съ чѣмъ прикажутъ—каждую недѣлю три дня; (сверхъ того?) пахать три дня на паренину, три на весну, три дня косить, сгребать и метать стоги, жать каждую недѣлю по три дня; затѣмъ день-

[1]) См. этого тома № LI.

[2]) Кіев. Цент. Арх. кн. 925, л. 119.

гами—чиншу полкопы грошей (съ каждаго дворища), прядива десятокъ, яицъ 15; стороживщины и пороховщины по 7 гр. На половинѣ дворища сидѣла Верхулиха вдова; ея повинности были во всемъ вдвое меньше. Кромѣ исчисленныхъ, въ томъ имѣніи были дворища пустовскія (ненаселенныя), а именно: Угриновское съ посѣвами и сѣнокосами; двор. Өеодора Гусаковича—также; полдворища, отдѣленное отъ вдовы Верхулихи, и къ нему половина полей и сѣнокосовъ (прежняго цѣлаго дворища).

Здѣсь не легко разобраться въ натуральныхъ повинностяхъ, т. е. въ панщинѣ трехдневной съ обозначеніемъ, однако, отдѣльныхъ работъ въ извѣстныя времена года. Можно думать, что послѣднее означаетъ только спецификацію работъ, отправляемыхъ еженедѣльно.

Несмотря на бытовую и мѣстную разницу повинностей, дворища (службы, волоки) по закону представляли опредѣленную экономическую цѣнность: законъ (Стат. 1566 г. Р. IV, арт. 68) опредѣляетъ, что при вводѣ кредитора во владѣніе имуществомъ должника описывается за каждыя 20 копъ долга —одна служба людей, за 10 копъ—полслужбы или $^1/_2$ волоки. Въ записи Киселя Древинскому 1566 г. за долгъ въ 46 копъ гр. отдаются „люди подворищные во именю моемъ Дорогиничахъ, ведле Статуту (?), за каждую 10 копъ гр. человека подворищного, которой на суполномъ дворищи седитъ, зо всими повинностями“ [1]).

Собственно повинности крестьянъ оцѣниваются при взысканіи за неисполненіе ихъ крестьянами (или съ самихъ крестьянъ, или съ собственника, если онъ былъ виною неисправности). Статутъ 1529 г. (Р. VIII, арт. 20) взысканіе съ крестьянина, отсидѣвшаго льготу и затѣмъ тотчасъ ушедшаго, опредѣляетъ по 6 грош. за каждую недѣлю (неотработаннаго времени). Въ жалобѣ Симоновскаго на кн. Мих. Заславскаго объ отнятіи заставы такъ исчисляются доходы,

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 923, л. 110.

которыхъ лишился заставной владѣлецъ: право перевозки хлѣба, оставшагося по окончаніи заставы, въ собственное владѣніе заставного владѣльца; право взимать съ каждаго крестьянина „посѣденье" по 12 грош.; пороховое и сторожовое по 2 грош.; десятина свиная—за каждую свинью—по 2 гроша; десятинныя пчелы—по 3 гроша; аренда съ млиновъ и корчмы [1]).

Въ записяхъ иногда опредѣляются способы взысканій повинностей съ неисправныхъ крестьянъ, а именно: если крестьянинъ во время жнива не явился на работу, то владѣлецъ долженъ взять вознаго и взыскать („пограбить") за каждый день по 2 гроша; крестьянское имущество, забранное въ число этихъ денегъ, можетъ быть ими отработано или выкуплено потомъ: въ данномъ случаѣ—въ им. Дѣковѣ было установлено—„яко то они здавна звыкли"—давать по двѣ „токи" (толоки) на каждый годъ (во время жнива) [2]).

Исполненіе повинностей крестьянами, отданными въ заставу, гарантируется въ записяхъ достатутовыхъ на основаніи „права земскаго" такимъ образомъ: въ случаѣ отказа крестьянина отъ исполненія повинностей, собственникъ, отдавшій ихъ въ заставу, обязывается за каждую прогульную недѣлю уплатить заставному владѣльцу по 6 грошей. Въ 1514 г. королевскимъ судомъ разсматривался споръ между Станиславомъ Яновичемъ — старостою жмудскимъ и Станисл. Добковичемъ о дворѣ Дявилтово. Оказалось на судѣ, что Добковичъ отдалъ въ заставу нѣкоему Шатилу 8 человѣкъ полныхъ службъ съ указаннымъ выше условіемъ въ случаѣ неисполненія ими повинностей. Оказалось, что изъ нихъ 3 человѣка не служили заставному владѣльцу 8 лѣтъ, что̀, считая по 6 гр. въ недѣлю, составило 40 копъ. Такъ какъ Добковичъ этихъ денегъ не заплатилъ, то Шатило былъ введенъ во владѣніе дворомъ Добковича Дявилтовымъ, и затѣмъ этотъ дворъ отдалъ въ заставу Ст. Яновичу въ тѣхъ же 40

¹) Кіев. Ц. Арх. кн. 2059, л. 113 на об.
²) Арх. Юг. Рос. ч. VI т., I № L.

копахъ. Королевскій судъ рѣшилъ, согласно условію между Добковичемъ и Шатиломъ, т. е. оставилъ дворъ въ заставѣ у Яновича [1]).

Несмотря на такую кажущуюся опредѣленность повинностей при отдачѣ имѣнія заставному владѣльцу, у владѣльцевъ все-таки оставлялся широкій просторъ для произвола, что можно видѣть иногда и въ самихъ записяхъ. Напр., вопросъ о томъ, должны ли крестьяне оставаться на издѣльной повинности (барщинѣ), или на оброкѣ, можетъ ли владѣлецъ перевести ихъ съ одного рода повинностей (денежной и натуральной) на другой, оставляется въ записяхъ нерѣшеннымъ, или иногда рѣшается въ смыслѣ предоставленія этого на произволъ владѣльца. Въ записи Ласскаго Котовскому 1566 г. говорится: „допускаемъ ему подданныхъ нашихъ... водлугъ воли его заховати: хочетъ ли на работѣ (панщина), або на вроцѣ (оброкѣ), то ему волно будетъ къ лепшому пожитку своему обернути“ [2]).

Такъ какъ въ записяхъ прописывалось, что владѣлецъ можетъ изыскивать новые доходы, то нѣкоторые заставные владѣльцы считали возможнымъ крестьянъ, сидящихъ на издѣльной повинности, обложить еще и денежными чиншами, быть можетъ, разсчитывая, что и собственникъ будетъ доволенъ, когда по выкупѣ найдетъ доходность имѣнія увеличенною. Но собственники не всегда радовались такому отягощенію своихъ крестьянъ, какъ увидимъ ниже на одномъ примѣрѣ [3]).

Для злоупотребленій владѣльца открывалось широкое поле и въ другихъ отношеніяхъ. Напр., движимое имущество крестьянъ было ихъ собственностью и ни въ какомъ случаѣ не подлежало произволу ни собственника, ни владѣльца. Собственникъ не могъ передавать такого права владѣльцу. Однако, изъ дошедшихъ до насъ жалобъ собственниковъ на

---

[1]) Лит. Метр., I стр. 179—182.

[2]) Кіев. Центр. Ар. кн. 2093, л. 387.

[3]) Ibid. 940, л. 170 на обор.

заставныхъ владѣльцевъ видимъ, что имущество крестьянъ мало было гарантировано отъ произвола владѣльца. Напр., 1562 г. Мих. Ив. Оцовскій заноситъ жалобу въ судъ на заставного владѣльца Ждана Коиленскаго въ томъ, что этотъ послѣдній разорилъ заставныхъ „людей оцовскихъ", взыскивая незаконные штрафы („вины"), и тѣмъ ихъ „субожилъ". А именно: у Мишечка пограбилъ (забралъ) вола и сукно муравское, купленное за 80 грошей, у Оверка,—вола и 16 копъ пшеницы, а самого Оверка держитъ „въ везеньи" (лишилъ свободы), при чемъ этотъ крестьянинъ „въ желѣзахъ", т. е. въ кандалахъ, сыпалъ греблю (плотину) въ его собственомъ (Коиленскаго) имѣніи пять недѣль; у Лучки взялъ коня, стоющаго больше 4 копъ грош.; у вдовы Юхновой забралъ стогъ жита, въ которомъ было 30 копъ; наконецъ, въ недавнее время, отправляясь на службу военную, взялъ у Богданца коня, цѣною свыше 4 копъ гр. Этими притѣсненіями прогналъ изъ Оцова (принудилъ бѣжать) четырехъ крестьянъ подворищныхъ: Лучку, Иванца, Мишечка и Оверка. Затѣмъ, уже послѣ того, какъ собственникъ въ срокъ предлагалъ деньги для выкупа своего заложеннаго имѣнія, Коиленскій взялъ насильственно, гвалтомъ, коня, стоющаго болѣе 4 копъ [1]).

Такіе грабежи крестьянъ частію объясняются правомъ владѣльца карать „винами"—штрафами за проступки; право суда передавалось имъ по заставной; но величина этихъ штрафовъ никогда не была опредѣлена. Въ приведенномъ актѣ два послѣднихъ крестьянина были „ограблены", повидимому, совсѣмъ безъ вины.

Хотя „люди" были уже большею частію „отчичами"—прикрѣпленными, но это прикрѣпленіе, въ особенности на Украйнѣ и Волыни, было не очень твердо. При каждомъ нашествіи татаръ (а они повторялись почти ежегодно) люди разбѣгались, скрывались въ лѣсахъ и затѣмъ уходили невѣдомо куда; разыскивать ихъ и собственнику было трудно,

[1]) См. этого тома № XLIII.

а заставному владѣльцу совсѣмъ не сподручно: имѣніе могло быть выкуплено черезъ годъ или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а розыски крестьянъ и судъ о выдачѣ были мѣшкотны. За такіе розыски особенно неохотно брались евреи—заставные владѣльцы, а потому въ условіяхъ съ ними (а очень часто и съ христіанами) ставилась оговорка, что за разбѣжавшихся крестьянъ заставной владѣлецъ не отвѣчаетъ, какъ, напр., въ записи 1564 г. Б. О. Кнегининскаго „пану Хацку Есмановичу, жиду луцкому, купцу господарскому“ [1]).

Но залогодатели, хотя и не всегда, считаютъ нужнымъ оградить посредствомъ записи своихъ крестьянъ отъ притѣсненій заставныхъ владѣльцевъ, къ чему побуждалъ ихъ собственный интересъ, чтобы при выкупѣ получить неразоренное имѣніе. Однако, собственникамъ приходилось уже post factum путемъ суда преслѣдовать злоупотребленія заставныхъ владѣльцевъ; во время же заставы у нихъ не было никакихъ средствъ предупрежденія притѣсненій крестьянъ. Около 1569 г. имѣніе Вильговцы было въ заставѣ у Гаврила Холоневскаго отъ Андрея Холоневскаго; затѣмъ, когда заставной владѣлецъ Гаврила Холоневскій умеръ, его право наслѣдовалъ сынъ его Иванъ. Въ 1569 г., повидимому, дѣло о злоупотребленіяхъ Ивана Холоневскаго перешло въ судъ; судъ назначилъ вознаго для разслѣдованія нѣкоторыхъ фактовъ по этому дѣлу, между прочимъ для опроса крестьянки Ганны, у которой было отобрано заставнымъ владѣльцемъ все имущество ея покойнаго мужа. Ганна показала: „когда мужъ мой Лучка умеръ, то всѣ пожитки покойнаго забралъ Иванъ Холоневскій, а именно: коня одного, воловъ четыре, коровъ три, невковъ четырегоднихъ два, телочекъ двѣ, овецъ 10, свиней 11, гусей 6, два стога жита, 1 стогъ пшеницы, стогъ ячменю, два стога овса, гречки стогъ, гороху стогъ, проса скирдъ и посѣяннаго на полѣ жита и пшеницы на 10 дней [2]).

---

[1]) Кіев. Цен. Арх. кн. 2038, л. 149 на об.; кн. 2039, л. 156, л. 244 на обор. и мн. др.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2043, л. 583.

До насъ дошелъ весьма интересный искъ собственника о притѣсненіяхъ крестьянъ, но искъ направленъ противъ арендатора, а не заставного владѣльца. Трудно сказать, могъ ли собственникъ начать такой искъ въ отношеніи къ заставному владѣльцу, права котораго, конечно, были гораздо шире правъ арендатора. Но самыя свойства отношеній къ крестьянамъ въ обоихъ случаяхъ могли быть одинаковы, а потому мы позволимъ себѣ взять нѣкоторыя подробности изъ этого акта. Въ 1581 г. занесли жалобу Вербскіе мужъ и жена, собственники имѣнія Вербы на арендаторшу этого имѣнія Ганну Вильгопольскую въ томъ, что эта послѣдняя „отягощаетъ крестьянъ ихъ роботами великими, битьемъ невинныхъ, грабежомъ" (взысканіями), превышающимъ „пристойность", сверхъ повинности людской (т. е. указанной обычнымъ правомъ), производитъ работы людьми не согласно съ инвентаремъ, ей даннымъ, привлекаетъ къ работамъ другихъ людей, которые не включены въ инвентарь, а тѣхъ, которые не хотятъ ей служить, сажаетъ въ ланцугъ и тѣмъ разгоняетъ ихъ прочь, а именно: „подданнаго моего Дмитра, посланнаго куда-то арендаторомъ, и теперь нѣтъ; подданаго Клима прочь отогнали; а прочимъ оставшимся чинятъ обиды, которыя заявлены слѣдующими лицами: Авр. Коваль заявилъ: слуга арендаторши Стан. Бзовскій неизвѣстно за что избилъ невѣстку его Косицу; возный, по указанію крестьянина, дѣйствительно, видѣлъ на ногѣ Косицы рану битую, кровавую; тотъ же Коваль заявилъ, что его посылала арендаторша по своему дѣлу въ Ковель въ бездорожье, при чемъ онъ испортилъ своего коня. На панщину всѣхъ гонятъ каждый день по двое, чего мы не обязаны дѣлать. Андрей заявилъ: меня самъ покойный Никола (мужъ арендаторши) избилъ ни за что и руку мнѣ правую выбилъ такъ, что я долженъ былъ лежать двѣ недѣли, а потомъ, когда выздоровѣлъ, долженъ былъ отработать за тѣ двѣ недѣли; ѣздилъ въ Кременецъ съ подводою съ хлѣбомъ; на панщину гонятъ каждый день по два человѣка. Иванъ заявилъ: послалъ арендаторъ паробка моего въ Люблинъ, а я самъ дома каждый день долженъ былъ работать на панщинѣ

„по двое“, т. е. по два человѣка съ дворища. Шитченя разсказалъ: пришелъ я въ гости къ матери, а арендаторъ Николай, поймавши меня, посадилъ въ ланцухъ и заставилъ насильно поселиться у него въ имѣніи, а такъ какъ я не хотѣлъ того, то онъ другой разъ всадилъ меня въ ланцухъ и гонитъ каждый день на панщину, хотя я у него не осѣлъ (не поселился). Олена Голодиха заявила: меня пани Вильгопольская избила жестоко, едва я оправилась потомъ. Иванъ Молчанъ разсказалъ: пани Вильгопольская, пришедши къ избенкѣ (хижкѣ) на огородѣ Шумлянскомъ, гдѣ мнѣ панъ Василій (собственникъ) позволилъ поселиться, пограбила изъ хижи сукманъ синій и двѣ кошули женскихъ; при этомъ пропало у меня изъ избы 12 грошей; это происходило въ отсутствіи хозяевъ-крестьянъ; заявитель и жена были на роботѣ на жнивѣ. Кромѣ показаній крестьянъ, сами собственники заявили, что Вильгопольскіе разогнали крестьянъ и избы ихъ сожгли, а именно избы Климовскую, Голодовскую и Матвѣевскую; огорожу на огородахъ (крестьянъ?) разобрали и другія постройки разрушили, такъ что однѣ избы стоятъ, но въ нихъ нѣтъ ни лавки, ни дверей.—Всѣ крестьяне одногласно заявили: „когда насъ заставляютъ работать безъ уроку (не по условію) сверхъ нашихъ повинностей (обязанностей), то мы всѣ уйдемъ прочь“. Заявилъ неудовольствіе и панъ Мировицкій (сосѣдъ), что пани Вильгопольская приказала насильственно „присмотрѣть“ (т. е. подрѣзать медъ) въ общихъ пчелахъ (въ борти), которыя надъ дорогою въ городъ на землѣ Лаврика Мерича. Вильгопольская противъ нѣкоторыхъ пунктовъ защищалась, говоря, напр., что сажала Стецка въ ланцухъ, ибо де онъ тутошній отчичъ (прикрѣпленный), а вообще заявила: „мнѣ вольно тутъ, яко и вашей милости“ (собственнику) [1]).

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 942, л. 307—319.

Въ арендныхъ условіяхъ находимъ иногда опредѣленное и ясное выраженіе запрещенія превышать повинности крестьянъ. Въ 1579 г. кн. Чорторыйскій, отдавая въ аренду имѣніе Стволовичи на три года Сердятицкому, между прочимъ пишетъ, что арендаторъ „можетъ увеличивать доходность,

Думаемъ, что это есть наилучшая иллюстрація отношенія крестьянъ къ временнымъ владѣльцамъ въ XVI в. „Подданные"—не рабы, не вещи; ихъ повинности урегулированы „уговоромъ" и обычнымъ правомъ; нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ право перехода. Тѣмъ не менѣе, экономическая сила владѣльца доминируетъ надъ всѣмъ этимъ; даже неприкрѣпленнаго заставляютъ „осѣсть", прикрѣпиться; установленная норма повинностей свободно ломается. Единственнымъ регуляторомъ остается опасеніе, что крестьяне всѣ разбѣгутся. Для настоящаго собственника эта угроза очень дѣйствительна; возвратить разбѣжавшихся весьма нелегко. Собственникъ такимъ образомъ, ради собственнаго интереса, не разоряетъ крестьянъ, не отягощаетъ ихъ свыше мѣры. Для арендатора такого регулятора нѣтъ. Быть можетъ, для заставного владѣльца, разсчитывающаго владѣть долго, онъ до извѣстной степени есть, какъ у собственника, но только до извѣстной степени.

Не располагая почти никакими легальными средствами защиты крестьянъ отъ злоупотребленій власти заставного владѣльца, при существованіи заставы, собственники, по обычаю людей того времени, прибѣгали къ самоуправнымъ дѣйствіямъ, т. е. самовольно прекращали или сокращали заставныя права владѣльца. Въ 1578 г. Янчинская отобрала заставленныхъ ею Нишковскому крестьянъ (въ им. Бабицкомъ), не выкупивши заставы. Въ жалобѣ владѣльца, поданной гродскому суду, излагаются причины этого поступка такъ: Янчинская, по обычной формѣ заставныхъ записей, обязалась ничѣмъ не вмѣшиваться въ дѣйствія заставного владѣльца; пользуясь такимъ полномочіемъ, Нишковскій принудилъ крестьянъ, кромѣ издѣльной повинности, къ которой они были обязаны, платить и цыншъ („на цыншу и платѣ

именно на пустыхъ участкахъ селить (новыхъ) людей; но не можетъ ничего измышлять и брать съ крестьянъ свыше повинностей ихъ, а брать только то, что обязаны были издавна вносить собственникамъ" (Кіев. Центр. Арх. № 946, л. 325). Такъ относительно арендаторовъ; но относительно заставныхъ владѣльцевъ трудно отыскать записи съ такими же условіями.

певномъ осадилъ“); они должны были ежегодно вносить: по 1 копѣ грошей (отъ дворища) и по 4 мацы овса. Это новое отягощеніе крестьянъ совершилось будто бы съ вѣдома Янчинской, и крестьяне уплатили за 1577 г., но не безъ недоимокъ. Жалобщикъ—отяготитель наивно говорилъ, что крестьяне не доплатили „для убозства своего“. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ къ нимъ, „яко до властныхъ своихъ“, слугу своего Прушинскаго, какъ для сбора налога на новый 1578 годъ, такъ и для взысканія недоимокъ за прошлый; способъ взысканія тогда общеупотребительный есть „грабежъ“, т. е. самовольное отобраніе движимыхъ вещей у должника. Посланный и началъ грабежъ: „пограбилъ воловъ два и клячу“. Собственница жила въ этомъ же селѣ и, конечно, видѣла „убожество“ своихъ крестьянъ и разореніе ихъ, а потому распорядилась круто; послала двухъ слугъ своихъ и другихъ своихъ подданныхъ, приказавъ имъ слугу заставного владѣльца выбить палками, награбленныя вещи крестьянъ отнять, а самихъ крестьянъ обратила на свою работу [1]). Намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло; но разумѣется и тогда подобныя средства защиты не признавались нормальными.

Въ числѣ экономическихъ выгодъ отъ населенія заставныя записи частныхъ лицъ рѣдко указываютъ такія, которыя *исходятъ изъ государственныхъ правъ землевладѣнія*, въ частности—*права суда* надъ подданными. Если же заставная запись дается лицомъ, облеченнымъ государственною властію, именно королемъ, то эта сторона дѣла выступаетъ ясно. Въ 1566 г. король Сигизмундъ-Августъ отдалъ Ивану Чапличу-Шпановскому свой дворецъ Гнидаву въ заставу за долгъ въ 1000 золотыхъ червоныхъ угорскихъ, взятыхъ королемъ для веденія войны съ вел. кн. Московскимъ. Въ заставной записи (листѣ) король пишетъ, что онъ отдаетъ Гнидаву съ пашнею дворною... и т. д., съ боярами путными и съ людьми осѣлыми на грунтахъ Гнидавскихъ, съ ихъ пла-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 940, л. 170 на обор.

тами пенежными, съ серебщизнами, съ дяклами и пр., со всѣми доходами и повинностями, которыя подданные гнидавскіе отъ стародавна платить и исполнять обязаны, съ *пересудами*, *съ винами* и т. д. Срокъ заставы—отъ Рождества Богородицы до такого же дня слѣд. года. Впослѣдствіи застава оказалась весьма долгосрочною; Шпановскій передалъ ее Ст. Крушевичу въ 1584 году. Вообще, всѣ прочія условія заставной записи таковы же, какъ и въ записяхъ частныхъ лицъ, кромѣ только одного, что Гнидава, какъ имѣніе ключевое (государственное), подлежитъ ежегодной отчетности въ доходахъ. Но въ этой записи выдѣляется упоминаніе о пересудахъ и винахъ, т. е. судебныхъ и уголовныхъ пошлинахъ, какъ доходахъ владѣльца. Владѣлецъ, имѣющій право суда надъ подданными, получаетъ эти пошлины въ свою пользу [1]).

Но это нельзя считать особенностію королевской заставы; мы знаемъ, что право суда принадлежало всѣмъ землевладѣльцамъ, и до насъ дошли контракты, передающіе это право (до права смертной казни) заставнымъ владѣльцамъ и арендаторамъ, хотя бы то были евреи. Почему въ частныхъ заставахъ мы рѣдко находимъ это условіе? Быть можетъ, только потому, что оно само собою разумѣлось и при томъ было малоцѣннымъ съ точки зрѣнія экономической.

Однако, и въ заставахъ частныхъ лицъ, хотя не всегда, но право суда иногда опредѣляется. Такъ, въ заставѣ кн. Андрея Пронскаго кн. Янушу Жеславскому 1587 г. говорится: можетъ кн. Жеславскій и всѣ преемники его, къ кому перейдетъ это право, по волѣ и желанію своему, извлекать доходъ, судя и управляя подданными, карая преступныхъ и виновныхъ. Имѣніе (м. Жуковъ съ селами) передается съ церквами, кляшторами, костелами, монастырями и ихъ пользованіемъ („вживаньемъ“) и подаваньемъ, съ боярами, принадлежащими издавна къ этимъ имѣніямъ и т. д. [2]). Въ

---

[1]) Кіев. Цен. Арх. кн. 2097, л. 637.

[2]) Арх. Юго Зап.-Рос. ч. VI т. I, № LXI.

1588 г. въ заставной Кришт. Витвинскаго Максиму Лудовичу на им. Хреново читаемъ: „передаемъ имѣніе все цѣликомъ... съ людьми подворищными, со всѣми повинностями, приходящими отъ нихъ, съ присудомъ этихъ людей хреновскихъ во всѣхъ проступкахъ ихъ, со взиманіемъ пересудовъ, куницъ мировыхъ, винъ и съ наказаніями, которыя могутъ простираться до смертной казни („хочь бы ся и горла дотыкало“) [1]). Въ 1598 г. кн. Дм. Курцевичъ-Булыга, отдавая въ аренду еврею Авраму Якубовичу села Туранъ, Вербное и Новоселки, между прочимъ пишетъ, что означенныя имѣнія отдаются съ людьми подворищными, боярами путными и панцырными, съ ихъ повинностями, работами,.. съ присудами и пересудами, съ куницами поемными (брачными), съ винами (штрафами) всякими—великими и малыми, денежными и неденежными;.. „можетъ (арендаторъ) подданныхъ судить, виновныхъ и непослушныхъ, смотря по преступленіямъ ихъ, карать хотя бы и смертію („бы тежъ и горломъ“), отнюдь не допуская аппеляціи ко мнѣ или къ брату моему“ [2]). Хотя здѣсь рѣчь идетъ объ арендѣ, а не о заставѣ, но аренда такого рода (съ правомъ передачи ея и съ полученіемъ денегъ впередъ) ничѣмъ не отличается отъ заставы. Во всякомъ случаѣ права заставныхъ владѣльцевъ были выше правъ арендаторовъ.

Что касается другого государственнаго права, именно, *взиманія государственныхъ налоговъ*, то въ грамотѣ Сигизмунда-Августа опредѣленно говорится, что король отдаетъ въ заставу крестьянъ гнидавскихъ съ платами пенежными и серебщизнами. Такимъ образомъ, населеніе не освобождалось отъ уплаты государственныхъ налоговъ, но они въ обыкновенное время шли не въ казну, а владѣльцу. Но (прибавляетъ король) если серебщизна и другіе новые налоги будутъ установлены на все податное населеніе, то должны быть взимаемы съ крестьянъ самимъ владѣльцемъ (застав-

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VI, т. I, № LXVI.
[2]) Ibid. № LXXXVII, см. тоже № XCII.

нымъ); онъ ихъ представляетъ въ казну самъ, а ревизоры и поборцы въ то не вмѣшиваются. Это составляетъ весьма важное право, передаваемое заставному владѣльцу.

Право взиманія мыта, сдѣлавшееся вполнѣ частною принадлежностью землевладѣнія, обыкновенно входитъ въ предметы заставы [1]). Въ 1573 г. Яловицкій отдаетъ им. Мильче Шумскому „з мытомъ гребельнымъ Милечскимъ" [2]). Такъ и во всѣхъ почти заставныхъ записяхъ.

Отправленіе военной службы съ имѣнія, составляющее для заурядцаго землевладѣльца не право, а обязанность государственную, часто не передается заставному владѣльцу, въ особенности евреямъ (какъ сказано выше). За нихъ отправляютъ военную повинность сами владѣльцы. Лишь въ имѣніяхъ крупныхъ, въ составѣ населенія которыхъ были между прочимъ и земяне, обязанные именно отправлять воинскую повинность, какъ въ указанномъ выше примѣрѣ отдачи гор. Ровна въ заставу, исполненіемъ этой повинности распоряжались заставные владѣльцы. Такъ было на практикѣ,—что не вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ закона (какъ было упомянуто выше). Законъ (Ст. 1566, II, 4) опредѣлилъ такъ: обязанность нести военную службу падаетъ на заставного владѣльца, если противное не оговорено въ записи; однако, эта обязанность тогда только возлагается на отдавшаго имѣніе въ заставу, когда у него остается и затѣмъ осѣдлость и средства.

Не такъ дѣло стояло относительно князей и пановъ. Для нихъ военная повинность являлась правомъ содержать собственныя войска—правомъ, которымъ они и пользовались въ широкихъ размѣрахъ, какъ, напр., кн. Острожскіе, армія которыхъ состояла изъ черемисъ, татаръ и др. народовъ, кромѣ туземцевъ—казаковъ. Ее они употребляли не только на службу государству, но и въ собственныхъ интересахъ, для веденія междоусобныхъ войнъ съ сосѣдями — панами

---

[1]) См. Кіев. Центр. Арх. кн. 2093, л. 387.
[2]) Ibid. 2047, л. 456.

и Крымскими и Нагайскими татарами. Такое право, конечно, не передавалось заставнымъ владѣльцамъ отдѣльныхъ имѣній этихъ князей.

Указанными явленіями не ограничивался весь составъ государственныхъ правъ, которыя могли быть переданы отъ собственника заставному владѣльцу. Почти въ каждомъ имѣніи жили лица и существовали учрежденія, которыя не имѣли ни хозяйственнаго, ни служебнаго значенія; таковы были *церкви и духовенство*. Въ 1579 г. Прок. Алекс. Волчекъ—Жасковскій отдалъ свое родовое имѣніе половину с. Хмѣлева и благопріобрѣтенное — дворецъ Максимовскій въ заставу Станисл. Хмѣлевскому, несомнѣнно лицу польскаго происхожденія и стало быть католику. Имѣніе отдается „съ людьми дворищными (т. е. крестьянами, составляющими полныя дворища), боярами, людьми полдворищными, огородниками, подсусѣдками, съ лѣсами, пчелами и пр., съ корчмою, съ церковію, съ попомъ, и съ полями, и сѣножатями церковными“ [1]). Конечно, „попъ“ не есть прикрѣпленный крестьянинъ и лично не могъ считаться экономическою цѣнностію для владѣльца. Равнымъ образомъ церковь сама по себѣ не есть доходная статья владѣльца (злоупотребленія XVII в., когда арендаторы и заставные владѣльцы, въ особенности евреи, обратили церкви, дѣйствительно, въ доходныя статьи, въ XVI в. еще не существовали).

Церковныя поля и сѣнокосы могли быть обложены какими-либо взносами въ пользу землевладѣльца. Однако, въ XVI в. не это означается прибавкою въ заставныхъ записяхъ, относящеюся къ церкви и попу. Ссылаясь на то, что сказано нами о подобныхъ явленіяхъ въ другомъ изслѣдованіи [2]), мы можемъ утвердительно сказать, что здѣсь разумѣется право общественнаго характера, т. е. право поданья. Во 2-й половинѣ XVI в. оно уже сдѣлалось интенсивною частію правъ землевладѣнія, будучи въ источникѣ чисто го-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 941, л. 81 на об.

[2]) См. наше изслѣдованіе: „Церковныя имущества въ Юго-Зап. Россіи XVI в.“ (Арх. Юг.-Зап. Рос. ч. VIII, т. 4).

сударственнымъ. Но и попавши въ составъ правъ землевладѣльческихъ, оно не утратило своего первоначальнаго государственнаго характера. Землевладѣлецъ „подавалъ“ попа, т. е. избиралъ и рекомендовалъ лицо епархіальной власти. Быть можетъ, при этомъ панъ взималъ иногда за репрезентацію деньги, но это уже не вытекало изъ его вотчинныхъ правъ. Что касается церкви и ея имуществъ, то въ правѣ поданья мыслилось, между прочимъ, право землевладѣльца вести искъ за церковь и отвѣчать при судебныхъ спорахъ, возникающихъ изъ церковнаго землевладѣнія. Эти именно права переходили и къ заставнымъ владѣльцамъ. Впрочемъ и въ XVI в. большія монастырскія имѣнія уже давали доходъ панамъ и могли быть предметомъ отдѣльной заставы, какъ всякое другое имѣніе.

Въ представленныхъ выше случаяхъ въ заставное владѣніе передаются частныя права и соединенныя съ ними государственныя. Но въ заставу могли переходить и непосредственно государственныя права вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ частными.

Разумѣемъ передачу *войтовствъ и староствъ*. Въ 1569 г. владимірскій войтъ Михаилъ Дубницкій (купившій это войтовство въ 1567 г. у Макс Лудовича) даетъ заставную запись женѣ своей Томилѣ Даниловичъ на Владимірское войтовство въ суммѣ 400 копъ грош. Деньги взяты были мужемъ у жены для выкупа этого самаго войтовства. Права заставной владѣлицы обозначаются такъ: „она, Томила, имѣетъ право владѣть и пользоваться („держати и уживати“) войтовствомъ моимъ со всѣмъ управленіемъ и властію („справою и владностю“), со всѣми доходами и выгодами до своей смерти; а если она пойдетъ замужъ и у насъ съ ней дѣтей не будетъ, то братья и родственники мои обязаны уплатить ей всю сумму долга сполна и получить войтовство („къ рукамъ своимъ взяти“); а не уплативши суммы долга, братья и родственники ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права изъять войтовство изъ ея власти и держанія. Если же отъ меня она будетъ имѣть дѣтей, то послѣ моей смерти она будетъ владѣть вой-

товствомъ пожизненно, развѣ сама захотѣла бы кому изъ взрослыхъ дѣтей, способныхъ управлять и владѣть войтовствомъ, передать его при жизни. Владѣя войтовствомъ, она должна воспитывать и обучать дѣтей изъ доходовъ этого войтовства. Она не можетъ никому записывать войтовства, кромѣ дѣтей и родственниковъ; при сдачѣ, не обязана давать отчета никому по управленію войтовствомъ" [1]).

Какая имущественная цѣнность передается по этой заставной? Въ записи не говорится ни о какихъ вещахъ, ни о какомъ владѣніи недвижимостію; передается „управленіе и власть" и затѣмъ уже доходы, соединенные съ этимъ управленіемъ. Войтовская власть состояла въ высшемъ управленіи и судѣ надъ членами городской общины, въ данномъ случаѣ гор. Владиміра, одного изъ главнѣйшихъ городовъ Волыни. Женщина, получившая войтовство въ заставу, дѣйствительно, становится правителемъ и судьею этого города. Въ ея пользу идутъ судебныя пошлины и уголовные штрафы отъ дѣлъ войтовскаго суда. Ей принадлежатъ пошлины торговыя и другія. Обыкновенно самый судъ и управленіе совершается не только въ такихъ случаяхъ, но и при войтахъ—мужчинахъ, замѣстителями ихъ—лентвойтами.

Но въ право войтовства часто включались и недвижимыя —городскія и земскія имущества. Въ 1566 г. происходилъ судебный (и внѣсудебный) споръ между Ело-Малинскимъ съ одной стороны и Лысаковскимъ и Борзобогатыми съ другой о Луцкомъ войтовствѣ. Предметомъ спора было какъ сельское имѣніе (Збороль), принадлежащее войтовству, такъ и городское имущество (войтовскій домъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ основнымъ предметомъ спора было самое войвовство, т. е. власть надъ мѣщанами и получаемыя отъ нея доходы; при вводѣ во владѣніе той или другой стороны производился вводъ особо въ это послѣднее, т. е. предъявлялась мѣщанамъ обязанность повиноваться, причемъ мѣщане то становились на одну или другую сторону спорящихъ, то заявляли, что будутъ повиноваться тому, кто окажется сильнѣе („дуж-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 954, л. 79 на об.

шій“) [1]). Малинскіе по заставному праву отъ Борзобогатыхъ провладѣли до 1570-хъ годовъ и затѣмъ перезаложили его Антону Яловицкому. Въ 1579 г. состоялся выкупъ войтовства собственниками Борзобогатыми. Сдавалъ Яловицкій, но въ присутствіи Малинскихъ, которые должны были заступать подъ-владѣльца при претензіяхъ Борзобогатыхъ на разореніе войтовства. При этомъ оказались слѣд. дефекты въ предметахъ частнаго права войтовства: при выкупѣ не нашлось уже войтовскихъ домовъ на войтовскихъ участкахъ; не нашлось также двухъ бань — мужской и женской; не нашлось дома лентвойтовскаго (въ которомъ помѣщались намѣстники войта); на мѣстахъ бывшихъ домовъ виднѣлись только остатки каменныхъ фундаментовъ и печища [2]). Въ 1578 г. Борзобогатые продали войтовство Александру Жоравницкому [3]).

Гораздо важнѣе войтовствъ были староства, какъ предметъ заставного владѣнія. Что такое староства въ XVI в., всякому извѣстно. Это прежде всего округъ государственной власти, постепенно оттѣснившей значеніе воеводствъ. Власть эта была административная и судебная, простиравшаяся въ обширныхъ округахъ на все населеніе, въ томъ числѣ шляхетское (державцы мелкихъ дворовъ судили и рядили только тяглое населеніе). Съ этою властію соединялись болѣе или менѣе обширныя имущественныя права на коронныя имущества округа, причемъ населеніе ихъ находилось въ одинаковомъ подчиненіи, какъ и населеніе частныхъ вотчинъ владѣльцу. Такія крупныя и важныя староства были немногочисленны; напр., на Украйнѣ было ихъ только 6: Каневское, Черкасское, Винницкое, Житомирское и Бѣлоцерковское (не считая Кіевскаго воеводства, которое имѣло характеръ староства). На Волыни—еще менѣе того: Луцкое, Владимірское и Кременецкое.

Отдавая одно изъ такихъ староствъ въ заставу, король

---

[1]) См. этого тома №№ LIX, LXIV.
[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 941, л. 3.
[3]) Ibid. кн. 2095, л. 441.

передавалъ въ руки частнаго лица всю полноту государственной власти на время залога. Такимъ путемъ эта власть получала совершенно частный характеръ: она принадлежала какъ самому лицу, получившему заставу, такъ (въ случаѣ смерти владѣльца и неуплаты) его женѣ, дѣтямъ, хотя бы и несовершеннолѣтнимъ.

Въ 1568 г. [1]) король Сигизмундъ-Августъ выдалъ запись о томъ, что еще раньше онъ даровалъ привилегію кн. Богушу Ѳедор. Корецкому — старостѣ луцкому, браславскому и вѣницкому за его издержки и службу; по этой привилегіи кн. Корецкому переданы въ держанье зáмки Браславъ и Вѣница на пожизненномъ правѣ со всѣми доходами, слѣдовавшими королю. Теперь, нуждаясь въ деньгахъ на жалованье войску и на оборону зáмковъ по-Двинскихъ и Полоцкой земли при веденіи войны съ Московскимъ государемъ, король убѣдилъ кн. Корецкаго, при помощи радныхъ пановъ, дать въ долгъ государственному казначейству 5000 копъ гр. Къ выдачѣ такихъ денегъ кн. Корецкій не былъ обязанъ по прежнему своему владѣнію староствами. Выдача 5000 грошей есть новая, добровольная услуга со стороны его, за что король, по совѣщанію съ Радою, заставилъ ему самому, женѣ, дѣтямъ и потомкамъ его зáмокъ, мѣсто (городъ) и волость Вѣницкую на слѣд. условіяхъ. Князю Корецкому передается зáмокъ, городъ и волость со всѣми мѣщанами, людьми волостными и съ слугами путными, съ ихъ службами и платежами и доходами съ нихъ, съ корчмами городскими и сельскими пивными, медовыми и водочными, съ правомъ торговли всякими другими привозными напитками, словомъ, со всѣмъ, что получалось прежде, ничего не оставляя ни на самого короля, ни на воеводъ и каштеляновъ браславскихъ и вѣницкихъ, ни на старосту, который бы владѣлъ замкомъ Браславскимъ (а съ этимъ зáмкомъ всегда прежде держали и зáмокъ Вѣницкій). Заставной владѣлецъ имѣетъ право на землѣ замка и города поселять („осажи-

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2093, л. 461 на обор.

вати“) людей и по своей волѣ и усмотрѣнію прибавлять и расширять доходы; это, повидимому, относится къ новымъ поселенцамъ, потому что о прежнихъ говорится, что съ нихъ кн. Корецкій можетъ брать то, что слѣдуетъ („прислухаетъ и належитъ“). Онъ имѣетъ право подданныхъ тамошнихъ „судить и рядить и каждому изъ нихъ справедливость чинить, а виновныхъ карать винами, согласно съ королевскимъ уставомъ и статутомъ земскимъ“. Никто изъ „подданныхъ“ не имѣетъ права иска противъ лица старосты и его преемниковъ. Противъ слугъ его могутъ заносить жалобу королю; но король отсылаетъ эти жалобы на разсмотрѣніе заставного владѣльца. Что касается шляхетскаго населенія города и округа, то запись говоритъ о правахъ на нихъ кн. Корецкаго въ особомъ пунктѣ; а именно: „мы (король) не отдаемъ въ заставу шляхты и ихъ земель кн. Корецкому и его потомкамъ“. Но заставной владѣлецъ, становящійся потомственнымъ старостою, усвояетъ и всю государственную власть обыкновенныхъ старостъ надъ шляхетскимъ населеніемъ: „а они (Корецкій и его потомки), какъ урядъ нашего замка, имѣютъ право ихъ судить, рядить и управлять, только не нарушая права и статута“. Противъ лицъ шляхетскаго происхожденія, вторгающихся въ права замкового владѣнія, король обѣщаетъ давать оборону заставному владѣльцу. Извѣстно, что старосты стояли во главѣ гродскаго суда, которому подлежали всѣ классы общества по уголовнымъ дѣламъ, а до образованія земскихъ судовъ—и по дѣламъ гражданскимъ.

Передавая въ заставу цѣлый городъ, одинъ изъ важнѣйшихъ на Украйнѣ, съ укрѣпленіями на опасномъ пути постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, король не могъ освободить владѣльца отъ существенныхъ государственныхъ обязанностей, именно относящихся къ военной защитѣ. За исполненіе этихъ обязанностей взялся кн. Корецкій въ Вѣницѣ. Уже и прежде старосты этого города содержали „почетъ“ (отрядъ) войска при себѣ; но до того времени пѣшая рота содержалась тамъ на счетъ казны и такимъ же образомъ (на

счетъ казны) содержались тамъ и пушкари и другіе замковые слуги. Теперь это все кн. Корецкій принялъ на себя. За эту особую услугу король вводитъ особое условіе въ заставную запись, а именно постановляетъ, что корчемные доходы становятся монополіею Корецкаго, и никто другой, ни мѣстные воеводы и каштеляны, и никто, хотя бы и получилъ отъ государства право, не можетъ заводить тамъ новыхъ корчемъ.

Остальные пункты вполнѣ совпадаютъ съ условіями частной заставы: городъ передается владѣльцу на три года; если онъ не будетъ выкупленъ, то застава продолжается еще на три года. Между сроками выкупъ не можетъ состояться. Заставная сумма должна быть уплачена вся сразу, а не по частямъ. Никому другому король не имѣетъ права до выкупа отдать въ заставу за ту же или за бóльшую сумму (съ цѣлью выкупа чужими деньгами). Никакой другой службы военной, кромѣ упомянутыхъ выше обязанностей (содержать конный отрядъ, пѣшую роту и пушкарей) кн. Корецкій съ этой заставы не несетъ. Король уже не имѣетъ права посылать въ Вѣницу какіе-либо другіе военные отряды. Подданные вѣницкіе не обязаны никакими другими государственными повинностями, напр. стаціями въ пользу короля или воеводъ браславскихъ и вѣницкихъ или старосты браславскаго; они исполняютъ прежнія повинности исключительно въ пользу кн. Корецкаго. Если будетъ назначенъ новый налогъ или серебщизна вальнымъ сеймомъ, но не самимъ королемъ, на всѣхъ подданныхъ — княжескихъ, панскихъ и другихъ, тогда и подданные вѣницкіе обязаны будутъ платить; но собирать эти деньги и вносить въ казну должны только сами заставные владѣльцы, безъ участія государственныхъ сборщиковъ. Никакою отчетностію владѣльцы не обязываются.

Король, какъ и всякій другой залогодатель, даетъ право заставному владѣльцу передать заставу всякому другому, не докладывая королю и не испрашивая на то новаго

дозволенія; только сумма заставы не должна превышать первоначальную, т. е. 5000 копъ. При этомъ не оговаривается, какое лицо можетъ принять на себя заставу. Вѣроятно, подразумѣвалось, что лицо это должно имѣть государственную правоспособность, т. е. быть лицомъ шляхетскаго и панскаго происхожденія, хотя впослѣдствіи, въ XVII в., мы видимъ неоднократную передачу староствъ евреямъ. Обращаясь къ анализируемому случаю, находимъ, что Корецкіе, дѣйствительно, передали Вѣницкое староство, перезаложили его.

Въ заключеніе король гарантируетъ Корецкому, что всѣ убытки, которые могутъ быть причинены староству сторонними обстоятельствами (такъ думаемъ мы по смыслу другихъ записей и дальнѣйшихъ словъ этой записи), при выкупѣ староства не взыскиваются и изъ долговой суммы не вычитаются. Въ записи говорится огульно: „если бы городъ и волость Вѣницкая были опустошены или даже замокъ тамошній (чего Боже сохрани) былъ разрушенъ“... Полагать надо, что здѣсь разумѣются нападенія татаръ, а не произволъ заставныхъ владѣльцевъ. Если же городъ и волость такъ будутъ опустошены непріятелемъ, что заставные владѣльцы не могутъ извлечь никакихъ доходовъ, то король обязывается взамѣнъ Вѣницы дать имъ другое равноцѣнное имѣніе изъ своихъ столовыхъ (дворцовыхъ) имуществъ, а Вѣницу взять въ свое управленіе. Въ обыкновенное время поправки замка и мостовъ и содержаніе сторожей при немъ возлагается на всѣхъ крестьянъ округа, какъ государственныхъ, такъ княжескихъ, панскихъ, земянскихъ и духовныхъ, по прежнему обычаю. Неисправныхъ король долженъ принуждать приказами и грабежами, т. е. имущественными взысканіями. Никакія сеймовыя постановленія, прежнія и будущія, имѣющія возникнуть изъ уніи Литвы съ Польшею, нарушающія настоящую запись, не имѣютъ силы.

Трудно найти болѣе рельефное отображеніе древняго начала смѣшенія государственныхъ правъ съ частными. Начало это—общеисторическое для всѣхъ народовъ извѣстной степени развитія. Но рѣшительное примѣненіе его

въ довольно позднее время (во 2-й пол. XVI в.) составляетъ особенность Литовско-русскаго государства. Доминирующее значеніе частнаго права надъ государственнымъ и было основною причиною паденія этого государства въ XVII и XVIII в.в.

Что застава государственныхъ владѣній и правъ практиковалась и раньше, это показываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1522 г. возобновлена привилегія Юрію Иванов. Ильиничу на староство Берестейское и Лидское. Раньше король „взялъ" (въ заемъ) у этого пана 500 копъ грошей и въ этихъ деньгахъ заставилъ ему замокъ Берестье „съ городомъ (местомъ) и другими урядами и державьями, которыя издавна принадлежатъ къ Берестью, со всѣми уплатами и доходами, панщизнами, деньгами и съ данью медовою, кромѣ мыта и коморы восковой и соленой". Тотъ же панъ имѣлъ въ подобной же заставѣ замокъ Лиду съ двумя дворами въ двухъ тысячахъ золотыхъ угорскихъ. Теперь (въ 1522 г.) панъ Ильиничъ предложилъ королю уничтожить долгъ деньгами и взамѣнъ того предоставить ему Берестье и Лиду въ пожизненное владѣніе и пользованіе. Король согласился [1]).

Таковы разнообразные предметы, могущіе подлежать заставному праву; оно обнимаетъ всѣ предметы, которые могли подлежать въ то время и праву собственности. Но права заставныхъ владѣльцевъ въ отношеніи къ каждому изъ этихъ предметовъ видоизмѣняются по сравненію съ правами собственниковъ. Возьмемъ для примѣра хотя одинъ предметъ, именно право на повинности крестьянъ. Хотя эти повинности и для самихъ собственниковъ опредѣлялись обычнымъ правомъ, но это право не писанное. Въ первый разъ оно обозначается въ письменныхъ актахъ, именно актахъ заставныхъ, и гарантируется угрозами отвѣтственности (хотя не всегда и, какъ мы видѣли, далеко несовершенно).

Впрочемъ, вопросъ о правахъ заставныхъ владѣльцевъ мы должны подвергнуть особому разсмотрѣнію.

---

[1]) Лит. Метр. I, стр. 1133—1134.

III.

Права заставного владѣнія.

Права̀ заставного владѣнія точно опредѣляются словами закона и актовъ: „держати“ и „уживати“ (владѣть и пользоваться); но если мы присоединимъ къ тому право владѣльца передавать владѣнія кому угодно (лишь не свыше заставной суммы), то заставному владѣльцу принадлежатъ и права распоряженія въ извѣстныхъ предѣлахъ. Так. обр. намъ приходится разсматривать права владѣнія, пользованія и распоряженія, принадлежащія заставному владѣльцу.

Право владѣнія опредѣляется въ законѣ (Стат. 1529, X, 11; Стат. 1566, VII, 19) слѣд. чертами: „кто заставитъ кому имѣніе или людей... и затѣмъ, не заплативши денегъ, отниметъ до сроку,—тотъ долженъ заплатить „гвалту“ 12 рублей грошей и государю (в. князю) столько-же“; по второму Статуту штрафъ въ 12 р. гр. платится только истцу; а власть не участвуетъ въ полученіи его; но за то здѣсь прибавлено: „долженъ платити заруки, въ листѣ описаные“. Кромѣ уплаты истцу виновный обязанъ уплатить заставному владѣльцу за каждую недѣлю, пропущенную безъ работы въ его пользу людьми (крестьянами имѣнія), по 6 гр. за коннаго рабочаго и по 3 гр. за пѣшаго (по 2-му Статуту—по 6 гр. за „полную службу“).

Если-бы кто сторонній вступился („ввязался“) въ заставленную землю или людей, то залогодатель обязанъ очищать владѣніе для залогопринимателя. Если-же не очиститъ, то самъ обязанъ уплатить за вредъ заставному владѣльцу. 2-ой Статутъ постановляетъ: если владѣлецъ не *хочетъ* самъ искать на стороннемъ нарушителѣ владѣнія, то можетъ вызвать къ суду собственника (залогодателя), который въ такомъ случаѣ обязанъ очищать; если-же не „чистит“, то долженъ вознаградить владѣльца людьми или землями, такого-же достоинства. Если самого залогодателя не будетъ (на-лицо?), то обиженный заставной владѣлецъ „съ тое заставы

маетъ доходити на томъ, кто заставу в него отыимуетъ", т. е. съ нарушителя владѣнія. 3-й Статутъ ничего существеннаго не добавилъ, предоставляя на волю заставного владѣльца искать или непосредственно съ нарушителя владѣнія, или съ залогодателя, обязаннаго очищать.

Так. обр. мы здѣсь имѣемъ (не совсѣмъ полно развитыя) положенія: 1) о защитѣ владѣнія противъ собственника, 2) объ обязанности собственника очищать и 3) объ обязанности его вознаграждать при невозможности очистки.

Практика дополняетъ и развиваетъ эти постановленія такими указаніями.

Нарушеніемъ владѣнія считается не только фактическое изъятіе изъ владѣнія имущества или его части, но и всякій искъ о владѣніи противъ заставного владѣльца до выкупа [1]). При установленіи каждой заставы производится вводъ во владѣніе съ такими-же формами, какъ и при передачѣ собственности. При вводѣ составляется инвентарь или реестръ имѣнія, въ который входитъ: а) описаніе двора (если имѣніе съ дворомъ) и движимыхъ вещей, находящихся въ немъ; б) дворной земли; в) крестьянъ съ ихъ землями (дворищъ, службъ, „человѣковъ") и огородниковъ. При вводѣ иногда исправляются дефекты заставной записи и восполняется другимъ имуществомъ то, чего въ наличности не оказалось противъ записи: въ 1571 г. кн. Масальскій отдалъ въ заставу кн. Владиславу Збаражскому нѣсколько своихъ имѣній и включилъ въ запись инвентарь ихъ; но при вводѣ оказалось, что недостаетъ 25 челов.; взамѣнъ этого въ заставу поступило дворище, не включенное въ запись [2]).

Защита противъ собственника гарантируется слѣдующими установленіями:

1) *Зарукою*. Зарука опредѣляется въ произвольныхъ цифрахъ, по условію сторонъ. Уплата заруки повторяется всякій

---

[1]) См., напр., Кіев. Центр. Арх. кн. № 2094, л. 361 и 613 на об.: „трудность задаючи и переказу чинячи и позываючи о тое имене мое заставное".

[2]) Кіев. Цен. Арх. кн. 2094, л. 520 на об.

разъ при новыхъ нарушеніяхъ владѣнія, съ такими-же послѣдствіями.

2) *Безспорнымъ производствомъ* по искамъ о нарушеніи владѣнія. Литовско-русское право собственно не знало особыхъ формъ исковаго и безспорнаго производства дѣлъ въ судѣ; но понятіе безспорности достигалось установленіемъ отдѣльныхъ особыхъ пріемовъ производства; а именно: дѣла о нарушеніи владѣнія производятся при „завитыхъ рокахъ“, т. е. не требуютъ сложныхъ формъ троекратнаго вызова, обыкновенно подававшихъ поводъ къ „сбиванію позвовъ“ и безконечной волокитѣ. Дѣла эти не допускаютъ пренія сторонъ; судъ провѣряетъ только фактъ нарушенія владѣнія и немедленно возстановляетъ его повторнымъ вводомъ во владѣніе. Заставныя записи къ этому прибавляютъ иногда, что обращеніе къ суду съ жалобою за нарушенное владѣніе можетъ быть сдѣлано, не разбирая рода и компетенціи судовъ: можно обратиться къ земскому или гродскому суду, своего повѣта или чужого, даже полному или неполному. Послѣднее едва-ли могло быть постоянною нормою, ибо так. обр. можно было дойти до учрежденія, или лица, вполнѣ некомпетентнаго. Но мы не будемъ удивляться тому, если припомнимъ черты Лит.-рус. судоустройства, когда вмѣсто старосты засѣдалъ назначенный имъ подстаростій (что дѣлалось постоянно), но когда и подстарстій произвольно замѣнялъ себя кѣмъ угодно; когда весьма часто недоставало одного или двухъ членовъ уряда (гродскаго или земскаго), и при „книгахъ“ оказывался одинъ писарь. Обыкновенно эта привилегія заставного владѣнія въ записяхъ выражается такъ: „Если самъ залогодатель, жена, дѣти, братья или кто сторонній будетъ вступаться или дѣлать препятствія владѣнію, а онъ (залогодатель) отказался бы оборонять, и если заставной владѣлецъ позоветъ собственника къ какому угодно суду— земскому или гродскому, какого угодно повѣта, то собственникъ не долженъ ничѣмъ возражать на искъ, не ссылаясь ни на какія препятствія, напр. болѣзнь или государствен. службу, не прибѣгая къ защитѣ никакихъ артикуловъ Ста-

тута или конституцій; онъ долженъ отвѣчать, будетъ-ли судъ полный или неполный, не ссылаясь на сроки вызова; ставши на судъ и не вступая въ судебныя пренія, долженъ отдать сумму, выговоренную въ видѣ заруки суду и сторонѣ; а владѣніе опять возстановляется [1]). Собственникъ обязанъ отвѣчать заставному владѣльцу за нарушеніе владѣнія, какъ на „завитомъ року и не ждучи з реестру чрезъ вознаго до третего дня воланія" [2]).

3) Заставному владѣльцу записи предоставляютъ всѣ *средства самоуправной защиты* владѣнія при нарушеніи его собственникомъ, или сторонними лицами, даже до причиненія убійства и увѣчій: въ 1573 г. Гнѣвошъ Яловицкій передаетъ имѣніе Мильче въ заставу Стан. Шумскому и въ своей записи пишетъ, что если-бы онъ или кто-либо другой вздумалъ чинить владѣнію „вступы, кривды или утиски", или рѣшился-бы взять изъ рукъ владѣльца это имѣніе, то собственникъ обязанъ вдвойнѣ увеличить свой долгъ, заплатить заруки 600 копъ господарю (в. князю) и столько-же Шумскому; сверхъ того возмѣстить вредъ и убытки („шкоды и наклады"), не допуская возраженій, по одному „голому слову". Но кромѣ этихъ обычныхъ средствъ защиты владѣнія, при попыткѣ отнять имѣніе, Шумскій имѣетъ право вторгнуться въ это имѣніе („въежъчати моцно") силою; и если-бы при такомъ овладѣніи силою кто-нибудь противился ему, то хотя-бы при этомъ Шумскій кого нибудь убилъ или причинилъ вредъ, то никто не имѣетъ права искать за это на Шумскомъ; собственникъ (Яловицкій) обязанъ заступить и оплачивать головщину и за вредъ [3]).

Изложенные непосредственные пріемы защиты владѣнія иногда оказывались непримѣнимыми при особыхъ обстоятельствахъ. Напр., заставной владѣлецъ самъ не живетъ въ имѣніи; его замѣняетъ имъ назначенный урядникъ. Если этотъ

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 921, л. 13 на об.
[2]) Ibid. 942, л. 421 на об.
[3]) Ibid. 2047, л. 456, л. 600.

урядникъ почему-либо добровольно уступилъ владѣніе собственнику, то заставной владѣлецъ, очевидно, лишенъ возможности безспорнаго производства дѣла и личной защиты владѣнія. Онъ принужденъ идти обычнымъ исковымъ порядкомъ процесса. Въ 1575 г. Янъ Вольманъ подаетъ жалобу на урядника своего въ г. Ровнѣ Крыштофа Бронища о томъ, что онъ самовольно уступилъ городъ и волость Ровенскую Ласскому, между тѣмъ это имѣніе было и оставалось въ заставѣ у Вольмана за 40,000 зл. долга. Искъ, какъ и слѣдовало, направленъ не противъ Ласскаго, а противъ собственнаго урядника [1]) Вольмана.

Но какія бы гарантіи владѣнія не создавались записями, дѣйствительность нерѣдко брала свое; имущество, отданное въ заставу, оставалось все таки имуществомъ залогодателя, и часто другія его обязательства вторгались въ права заставного владѣльца. Въ 1566 г. урядникъ Юр. Козминскаго занесъ суду жалобу о нижеслѣдующемъ: имѣніе Туличовъ, которымъ завѣдывалъ этотъ урядникъ, находилось въ заставѣ Козминскаго отъ Ив. Борзобогатаго. Но тотъ же Борзобогатый былъ долженъ королю. Такой могущественный кредиторъ передалъ это имѣніе во владѣніе Лысаковскому, не обращая вниманія на стороннюю заставу, однако съ тѣмъ, чтобы заставная сумма была выплачена Козминскому. Съ этимъ и вмѣстѣ съ готовою выкупною суммою явились въ Туличовъ посланные Лысаковскаго; они не застали дома заставного владѣльца, а только урядника его, и безъ церемоніи выгнали его, заявивъ, чтобы панъ его (заставной владѣлецъ) явился за полученіемъ выкупа къ Лысаковскому [2]).

Въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ въ качествѣ стороны высшая государственная власть, на которую жаловаться некуда, а потому въ правовой исторіи такой фактъ едва-ли имѣетъ какое-либо значеніе. Но подобные случаи были не-

---

1) Кіев. Центр. Арх. кн. 2049, л. 456 на об.

2) Ibid. 923, л. 20.

рѣдки и между частными владѣльцами, которые каждый разъ руководились особыми мотивами; но разгадать ихъ не всегда удается. Вотъ одинъ изъ фактовъ. Въ 1581 г. извѣстный Мелетій Хребтовичъ, сдѣлавшись нареченнымъ владыкою владимірскимъ еще при жизни правящаго владыки Өеодосія, началъ возстановлять права церкви на разныя отчужденныя имѣнія. Между прочимъ имѣніе Петиковъ находилось въ заставѣ у Киселей-Нискиницкихъ съ давняго времени („отъ часу давнего"). Въ описываемое время владѣлъ имъ Петръ Кисель, городничій витебскій, за котораго распоряжался на мѣстѣ „пріятель и опекунъ" Григорій Кисель-Нискиницкій. Мелетій Хребтовичъ пріѣхалъ въ Петиковъ „со многими слугами и помощниками" и пана Петра Киселя „изъ спокойнаго держаня выбил" и поставилъ тамъ своихъ слугъ. Кисель отправилъ, по обычаю, вознаго съ шляхтичами, сначала, въ имѣніе Петиковъ для освѣдомленія о фактѣ завладѣнія. Войта и крестьянъ этого села посланный урядникъ опрашивалъ: „почему вы, войтъ и мужи, не идете на работу *пана своего*, какъ я вамъ приказывалъ, и не вносите налогъ, установленный для государства? Войтъ и мужи отвѣчали, что Мелетій Богуринскій получилъ отъ стараго владыки Өеодосія владычество и всѣ имѣнія церковныя, ввелся во владѣніе („ввязавшися") и въ им. Петиковъ и насъ взялъ въ свою „моцъ и въ держане свое", приказавши намъ, чтобы впредь мы ни въ чемъ не слушали Петра Киселя. И мы тебя не слушаемъ, потому что имѣемъ уже пана своего; достаточно уже п. Кисель нами распоряжался, а дальше уже распоряжаться не будетъ". Пришедшіе слуги Богуринскаго повторили то же, добавивши, чтобы урядникъ Киселя ѣхалъ прочь; иначе они, по приказанію своего пана, будутъ оборонять его владѣніе силою. Госуд. поборъ соберетъ и уплатитъ самъ Богуринскій. Кисель, не вѣря, чтобы Мелетій Хребтовичъ могъ произвести такое насиліе безъ причины, отправилъ посланцевъ къ нему самому для опроса. Но и самъ Хребтовичъ не далъ обстоятельнаго отвѣта, сказавши слѣдующее: „я въ то имѣніе Петиковъ не безъ при-

чины въѣхалъ, но какъ въ свое собственное, церковное, принадлежащее епископству Владимірскому“ [1]). Такъ какъ церковныя имѣнія были неотчуждаемы [2]), то застава имѣнія, во многомъ равнявшаяся полному отчужденію, могла быть признана дѣйствіемъ незаконнымъ. Въ 1561 г. подобнымъ же образомъ было изъято изъ владѣнія заставного владѣльца Филипа Герцика имѣніе въ Богуринѣ и с. Кунятковѣ, собственникомъ Сем. Хребтовичемъ-Богуринскимъ, также безъ уясненія причинъ. Здѣсь уже могли быть другіе, чисто личные, мотивы [3]).

Вообще владѣніе заставное, хотя продолжалось иногда нѣсколько поколѣній, никакъ не могло быть названо прочнымъ. Собственникъ, желая возвратить имѣніе, всегда находилъ предлоги, а при тогдашнихъ несовершенствахъ судоустройства и судопроизводства многое и противозаконное могло удасться.

Явки о захватѣ заставы собственникомъ до срока и вообще безъ права весьма часты; но подаются онѣ обыкновенно безъ указанія обстоятельствъ дѣла и причинъ захвата, а потому намъ не легко въ отдѣльныхъ случаяхъ установить правомѣрность или злоупотребленія въ дѣйствіяхъ собственника. Напр. въ 1580 г. подалъ жалобу Дан. Костюшковичъ-Хоболтовскій, заставной владѣлецъ Подберезья, на собственника этого имѣнія Фед. Гавр. Бокія-Печихвостскаго, заявляя, что этотъ послѣдній, вопреки своей записи, не позволилъ ему додержать заставу до срока и, „собравшися съ слугами, боярами и подданными своими и иными многими помощниками, силою и гвалтомъ наѣхалъ на дворецъ его Подбережскій; ставши передъ воротами, послалъ своего слугу, предлагая ему обороняться (sic: „абымся дей ему боронилъ“). Струсившій Хоболтовскій бѣжалъ изъ дому, бросивъ тамъ жену и слугъ своихъ. Бокій, будто-бы, гнался за нимъ,

[1]) Кіев. Цен. Арх. 942, л. 121.

[2]) См. наше изслѣд. о церк. имуществахъ Арх. Ю.-З. Рос. ч. VIII, т. 4.

[3]) Кіев. Цент. Арх. 2059, л. 35.

намѣреваясь его убить, но не догналъ; зато въ домѣ сбилъ и змордовалъ его жену и служебника; послѣдній даже неизвѣстно куда дѣвался“ [1]).

Такъ какъ судебнаго разбирательства по этому дѣлу мы не имѣемъ, то причины захвата остаются неизвѣстными; фактъ же рисуетъ обычные пріемы овладѣнія (даже и правомочнаго).

Заступленіе и очистка. Акты (не вполнѣ согласно со Статутомъ) установляютъ, что посягательства стороннихъ на нарушеніе владѣнія обязанъ отражать собственникъ, а не самъ заставной владѣлецъ. На этотъ счетъ въ каждой записи стоитъ пунктъ, выраженный, напр., такъ: „естли бы што въ чомъ была якая трудность въ тыхъ именяхъ отъ кого въ забраню кгрунтовъ, того п. Котовскій (заставной владѣлецъ) ничого не маетъ вѣдати и боронити; одно мы сами“ [2]). Это противорѣчитъ Статуту (особенно 3-й ред.), гдѣ владѣльцу предоставляется свободный выборъ между нарушителемъ права и собственникомъ. Но бытовые акты вѣрнѣе выражаютъ требованія жизни: кому охота добровольно брать на себя трудъ борьбы, когда за меня обязанъ сдѣлать это другой? При томъ предоставленіе защиты владѣнія временному владѣльцу (кредитору) могло казаться опаснымъ для собственника, ибо владѣлецъ могъ продать интересы собственника. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находимъ въ записяхъ условіе, дающее владѣльцу право „отъ кривдъ боронити,“ и сообразно съ этимъ установленіе обязанности собственника возмещать расходы владѣльца на оборону [3]).

Иногда залогодатель считаетъ нужнымъ особо обозначить лицъ, которыя наиболѣе могутъ угрожать заставному владѣнію. Напр., въ 1565 г. кн. Левъ Ал. Коширскій въ заставной за-

[1]) Кіев. Цен. Арх. кн. 321, л. 12. См. также К. Ц. Арх. кн. 2059, л. 191, захваты заставы с.с. Дьякова, Зубовщины и Мирутина кн. Мих. Заславскимъ у Сем. Зах. Симоновскаго (при передачѣ этимъ послѣднимъ заставы Чапличу-Шпановскому), и мн. др.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2037, л. 107 на об.

[3]) См. этого тома № XV.

писи жиду Батку Мисановичу на Мѣзовъ и Смолеву между прочимъ пишетъ: „его милость князь отецъ мой и нихто зъ близкихъ и кровныхъ моихъ того увязованя и уживаня имъ самым (заставнымъ владѣльцамъ) и ни тому, въ кого на он час сес лист мой будет, забороняти не мает“ [1]). Въ 1565 г. кн. Вас. Сокольскій въ записи Өедорѣ Боговитиновой пишетъ: „если-бы братъ мой, князь Марко, или жена моя Ганна, или кто-бы то ни былъ, какое-бы то ни было препятствіе ей въ томъ (владѣніи) причинилъ, тогда я обязанъ въ каждомъ судѣ заводить и очищать. Если-бы кто либо нарушилъ ея владѣніе, то я обязанъ „въ кождомъ судѣ заводити и очищати“ [2]). Кромѣ родственниковъ, могущихъ имѣть притязаніе на имѣніе, залогодатель также спеціально гарантируетъ отъ вмѣшательства урядниковъ, слугъ и подданныхъ своихъ [3]).

Иногда записи оговариваютъ, что если, по волѣ или упущенію собственника, какая либо часть заставленнаго имѣнія отошла бы въ руки стороннихъ, то собственникъ обязанъ тотчасъ вознаградить владѣльца другимъ равноцѣннымъ имѣніемъ [4]).

Защита и оборона со стороны собственника могутъ быть двоякаго рода: а) защита, когда права владѣнія уже нарушены стороннимъ лицомъ; въ этомъ случаѣ собственникъ является въ роли истца; б) оборона, въ томъ случаѣ, когда истецъ— стороннее лицо, предъявитъ свои права на заставленное имущество; тогда собственникъ является въ качествѣ отвѣтчика.

Первый случай рельефно описывается въ записяхъ, напр., такъ: „если бы, чего Боже сохрани, кто нибудь какимъ-нибудь способомъ противозаконно или насильственно подъ пан. Порванецкимъ... землю отнялъ, то мы сами (собственники)... должны возстановить судомъ“ [5]).

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2039, л. 156 на обор.

[2]) Ibid. кн. 2039, л. 16.

[3]) Ibid. кн. 2043, л. 300, на об.

[4]) Ibid. кн. 2039, л. 244 на об., 2057, л. 128 на об.

[5]) Ibid. кн. 2097, л. 635.

Когда застава передана заставнымъ владѣльцемъ другому лицу, то, при искахъ о нарушеніи владѣнія, заводцею, который обязанъ очищать, является не собственникъ, а предыдущій заставной владѣлецъ. Собственникъ-же иногда самъ становится истцомъ. Въ 1561 г. возникъ споръ между Моисеемъ Муриномъ Чегодаевичемъ — собственникомъ имѣнія Коршовца, евреемъ Хаскомъ Есмановичемъ и Гапономъ Григоревичемъ о возвращеніи означеннаго имѣнія изъ заставы. Мать Мурина отдала это имѣніе въ заставу (прописавши въ записи и несовершеннолѣтняго сына своего Моисея) Гапону Григоревичу. Но этотъ послѣдній передалъ заставу еврею Есмановичу, безъ права дальнѣйшей передачи, на три года, съ обычнымъ условіемъ—не въ срокъ не выкупать. Но по Статуту дѣти-наслѣдники имѣютъ право выкупать безъ срока. Требованіе выкупа предъявилъ Моисей Муринъ къ еврею-владѣльцу, но еврей поставилъ „заводцу" своего Гапона, который, однако, „жида заступать не хотѣлъ", ссылаясь на то, что онъ не позванъ и денегъ для выкупа не имѣетъ. Судъ призналъ отвѣтственнымъ лицомъ Гапона и потребовалъ уплаты „жиду". Стороны пришли къ соглашенію при помощи новаго лица—Вас. Гулевича, который далъ еврею деньги для выкупа [1]).

Право пользованія. Вся сущность (матеріальный субстратъ) заставной сдѣлки состоитъ въ предоставленіи кредитору права пользованія. Тѣмъ застава и отличается отъ залога. Она есть не только обезпеченіе долга, но и способъ взиманія роста. Очевидно, ростъ чрезмѣрно великъ. Для приведенія его въ справедливые, болѣе льготные предѣлы нерѣдко прибѣгали къ искусственной сдѣлкѣ, сущность которой теперь мы съ трудомъ можемъ представить себѣ. Именно, собственникъ, передавши кредитору свое имѣніе во владѣніе и пользованіе, тотчасъ-же заключаетъ съ нимъ условіе, по которому заложенное имущество беретъ у него въ аренду. Трудно вообразить себѣ собственника, арендующаго свою же землю,

---

[1]) См. этого тома № XL.

собственника-арендатора. Но тогда не находили другихъ средствъ, передавъ владѣніе, сохранить за собою пользованіе. А потому совмѣщеніе въ одномъ лицѣ собственника и арендатора, хотя есть положеніе довольно курьезное, но вполнѣ объяснимое и распространенное тогда. Напр., въ 1566 г. ковельскій еврей Ицка Шмойловичъ заявляетъ уряду, что онъ, заставивши свой домъ въ гор. Ковлѣ Станисл. Граевскому, взялъ у него тотъ-же домъ въ аренду на 3 года. Едва ли не евреямъ и принадлежитъ изобрѣтеніе этой странной сдѣлки, которая потомъ вошла въ общій обычай [1]). Въ 1580 г. кн. Александръ Збаражскій-Порыцкій заявляетъ, что онъ заставилъ свои имѣнія Грушовую, Самоволю и Кучковъ Лащу Обровецкому и тѣ же имѣнія арендовалъ у него на одинъ годъ съ уплатою денегъ за весь годъ впередъ. Въ этомъ случаѣ застава задолго предупредила аренду: Лащъ давно уже владѣлъ имѣніемъ [2]). Но въ другихъ случаяхъ установленіе заставы и аренды по времени совпадаетъ: въ 1582 г. Чапличъ-Шпановскій отдалъ въ заставу свое имѣніе Черноховъ Лисичинскому, и въ тотъ же день заключилъ условіе съ этимъ послѣднимъ объ отдачѣ ему—собственнику въ аренду того-же имѣнія [3]). Что особенно замѣчательно,—срокъ исполненія сдѣлокъ одинъ и тотъ же—одногодичный. Заставной владѣлецъ обязывается въ теченіе этого срока не перезакладывать этого имѣнія никому другому. Точно такую же сдѣлку совершилъ тотъ-же Чапличъ-Шпановскій въ томъ же году съ Богушемъ Зайцемъ-Луковскимъ на имѣніе Миловши [4]). Въ обоихъ случаяхъ арендная плата вся сполна уплачивается впередъ. Имѣніе было заставлено (въ послѣднемъ случаѣ) за 636 копъ гр.; а за аренду въ одинъ годъ собственникъ обязанъ уплатить 80 копъ.

Сущность такихъ сдѣлокъ составляетъ уплата деньгами процентовъ вмѣсто пользованія (въ послѣднемъ случаѣ 12%);

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 923, л. 72 об.
[2]) Ibid 921, л. 109.
[3]) Ibid. кн. 2060, л. 152 об.
[4]) Ibid. 2060, л. 212 об.

самая-же процедура установленія двойной сдѣлки означаетъ только состояніе имѣнія въ залогѣ (чтобы отнять у собственника возможность распорядиться имъ въ пользу другихъ лицъ).

Вообще при подобныхъ сдѣлкахъ владѣльцы старались точнѣе выразить остающееся за ними право, хотя это имъ совсѣмъ не удавалось. Напр., 1582 г., іюля 20, Лисичинскій, получивши въ заставу имѣніе Шпановскаго и отдавая въ тотъ же день это имѣніе въ аренду собственнику, пишетъ: „но я своей *посессіи*, то-есть держанія того имѣнія, ему не уступилъ и во всякомъ случаѣ *остаюсь державцою того имѣнія* (Чернехова); и изъ держанія своего тогда только долженъ выпустить его, когда собственникъ въ срокъ (20 іюля) взятую сумму 500 копъ мнѣ отдастъ; но если не отдастъ въ срокъ, то я, будучи *давнимъ* державцею (sic), уже не долженъ ему давать крестьянъ ни въ какую работу [1]). Совершенно подобнымъ же образомъ другой заставной владѣлецъ Богушъ Заяцъ-Луковскій, взявши у того же Чаплича-Шпановскаго имѣніе Миловши—1592, сент. 12—за 636 к. и отдавая въ тотъ же день ему же въ аренду на годъ за 80 копъ, буквально такъ же опредѣляетъ свое право владѣнія [2]).

Но и при существованіи арендной записи, заставнымъ владѣльцамъ казалось опаснымъ сліяніе правъ собственности и пользованія въ рукахъ должника, и они требовали иногда, чтобы собственникъ-арендаторъ заявилъ передъ урядомъ, что онъ „то имѣніе никакимъ другимъ правомъ держитъ, какъ только арендою“ [3]).

Предѣлы пользованія въ записяхъ обыкновенно не ограничиваются; владѣльцу предоставляются всѣ права, которыя принадлежатъ собственнику,—„можетъ онъ (заставной владѣлецъ) тотъ островъ земли держать и пользоваться со всѣми доходами (пожитки), что только есть на этой землѣ: съ лѣсами, съ дубровами, съ деревомъ бортнымъ, пользоваться

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2060, л. 152 об.

[2]) Ibid. кн. 2060, л. 212 об.

[3]) Ibid. Кн. 921, л. 109.

какъ своею собственностію, можетъ увеличивать доходы всѣми способами, которые можетъ изобрѣсти“... [1]). „Ввязавшися, маютъ они (евреи) тые именя мои (Мѣзовъ и Смолеву) з людми, з ихъ роботами, съ повинностями, съ платы, зъ доходы, съ пашнями дворными, въ гумнѣхъ стоячими и на поляхъ засеяными, с полми, сеножатми, з ставы, з млыны и со всякими пожитки малыми и великими, яко кольвекъ меноваными, албо назваными, держати и вживати, такъ зо всимъ, а потому, яко ся тые именя мои сами въ собѣ, въ пожиткахъ, въ границахъ и обыходехъ своихъ маютъ“ [2]).

Пользованіе, увеличивающее цѣнность вещи, конечно, не воспрещается. Здѣсь разумѣется увеличеніе, возвышеніе цѣнности, а не однихъ доходовъ, которые могутъ быть искусственно возвышены ко вреду имѣнія. Владѣлецъ можетъ произвести расчистку лѣсныхъ участковъ, обращая ихъ въ культурныя, обрабатываемыя поля и въ сѣнокосы: „што въ ономъ держанію новинъ прикопаетъ“... [3]). Владѣлецъ можетъ устроить прудъ, поправить греблю; построить млинъ (мельницу), поправить или вновь воздвигнуть зданія во дворѣ [4]). „Если бы што прибудовалъ властнымъ своимъ грошемъ и накладомъ, дворы, млины, ставы и гребли направуючи, тое я маю... тотъ весь накладъ отдати и заплатити при отдаваніи сумы“ [5]). Владѣлецъ можетъ посадить новыхъ крестьянъ на пустыхъ дворищахъ и тѣмъ увеличить доходность имѣнія. Онъ можетъ войти въ сдѣлку съ сосѣдями по вопросу о правѣ примкнуть плотину (греблю) къ берегу и образовать прудъ (ставъ), впрочемъ, съ вѣдома и согласія собственника.

При выкупѣ имѣнія собственникъ долженъ вознаградить владѣльца за сдѣланныя улучшенія по оцѣнкѣ стороннихъ лицъ. Иногда въ записи заранѣе опредѣляется число

---

[1]) См. этого тома № XLVII.
[2]) Ibid № LVI.
[3]) Ibid. № LVII.
[4]) Ibid № LI.
[5]) Кіев. Ц. Арх. Кн. 2094, л. 613 на об.

такихъ экспертовъ: двумя пріятелями съ каждой стороны, какъ установлено въ одной записи 1581 года [1]). Иногда же просто указывается на стороннихъ оцѣнщиковъ, безъ опредѣленія числа ихъ.

Уменьшеніе цѣнности вещи во время пользованія ею, происшедшее отъ стороннихъ причинъ, по большинству записей, не взыскивается съ владѣльца при выкупѣ: „если бы (чого Боже вховай) въ томъ именю, або въ дворцы Коршовскомъ якая шкода черезъ огонь, такъ и въ розиштю людей, сталася, тогды я того... жадного права доходити и поискивати не маю“ [2]). Въ записи Яловицкаго Шумскому 1573 г. читаемъ: „если бы въ томъ имѣнію произошелъ какой вредъ отъ морового повѣтрія, голода, отъ обнищанія (крестьянъ), отъ пожара, отъ окрестныхъ сосѣдей, то я не имѣю права искать на п. Шумскомъ“ [3]). Въ той же записи находимъ еще прибавку на счетъ завладѣнія сторонними лицами частью имѣнія во время заставного владѣнія; собственникъ также отказывается отъ иска за это съ заставного владѣльца. Здѣсь скрывалась опасность, о которой мы упоминали,—именно, возможность нарушенія интересовъ собственника по стачкѣ владѣльца со сторонними лицами, такъ какъ владѣлецъ вообще не обязанъ охранять имущественныя права собственника, хотя въ нѣкоторыхъ (весьма рѣдкихъ) записяхъ, какъ мы говорили уже, это *предоставляется* владѣльцу (не какъ обязанность, а какъ право).

Относительно приведенныхъ сейчасъ видовъ вреда, произведеннаго въ имѣніи во время заставного владѣнія (въ особенности, бѣгства крестьянъ) въ записяхъ опредѣленно не оговаривается вина владѣльца—небрежность или злоупотребленія (разореніе крестьянъ незаконными поборами и повинностями). Записи только косвенно намекаютъ на эти условія, говоря о другихъ причинахъ бѣгства крестьянъ: морѣ, голодѣ, непріятельскихъ опустошеніяхъ и т. п. Изрѣдка под-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2057, л. 108.
[2]) Ibid. кн. 2045, л. 118.
[3]) Ibid, 2047, л. 456.

разумѣваемое условіе безотвѣтственности — отсутствіе вины владѣльца довольно ясно выступаетъ въ записяхъ—напр., въ заставной короля кн. Корецкому на гор. Винницу 1568 г.: „если-бы отъ непріятеля посторонняго... волость и городъ Винница были опустошены и разорены, или даже самый замокъ (чего Боже сохрани) разрушенъ, то мы и наши потомки не имѣемъ права искать того (на Корецкомъ)“ [1]). Но иногда выраженія записи бываютъ настолько безусловны, что наводятъ на мысль о полной безотвѣтственности владѣльца во всякомъ случаѣ.

Пользованіе опредѣляется по инвентарю при вводѣ во владѣніе, а иногда обозначается и въ записяхъ. Пользованіе, конечно, должно начаться съ момента ввода во владѣніе по заставной записи; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ и предварять этотъ моментъ. Собственникъ передаетъ владѣльцу поля, уже засѣянныя; обыкновенно урожай уже слѣдуетъ владѣльцу. Но у собственника въ заставленномъ имѣніи можетъ быть на гумнѣ готовый (сжатый) хлѣбъ; его онъ можетъ вымолотить, зерно забрать себѣ, а солому оставить владѣльцу. Но молотьба въ пользу собственника не должна отвлекать крестьянъ, заставленныхъ уже, отъ ихъ работъ въ пользу заставного владѣльца, и потому такую работу собственникъ долженъ произвести сторонними рабочими, напр., своими крестьянами изъ другихъ имѣній [2]).

Пользованіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ продолжаться послѣ срока заставы и выкупа ея. По той же причинѣ, т. е. потому, что заставное владѣніе преимущественно относится къ сельскимъ имуществамъ, пользованіе которыми исключаетъ возможность моментальнаго прекращенія его при выкупѣ. Владѣлецъ засѣетъ поля; у него на гумнѣ сжатый, но не обмолоченный хлѣбъ; между тѣмъ застигъ срокъ выкупа. Владѣлецъ собралъ овощи съ огорода; онъ накосилъ сѣна на лугахъ. Должно ли это все достаться

---

[1]) См. этого тома № LXXIV.

[2]) Кіев. Цент. Арх., кн. 2047, л. 456.

собственнику въ моментъ выкупа? Нѣтъ; готовые продукты онъ можетъ вывезти; но продолжающіеся хозяйственныя операціи онъ можетъ закончить: произвести молотьбу, дождаться созрѣванія посѣяннаго зерна и сжать созрѣвшее, если принялъ поля незасѣянными. Все это легко разрѣшалось практикою. Но являлись и болѣе затруднительные вопросы: рыбные пруды можно было спускать лишь одинъ разъ въ году; если уловъ рыбы не былъ еще произведенъ въ текущемъ году, время спуска еще не наступило, а между тѣмъ имѣніе уже выкуплено; очевидно, становилось дѣломъ справедливости дозволить заставному владѣльцу хозяйничать въ прудахъ въ теченіе нѣкотораго промежутка времени послѣ выкупа [1]). Другой, гораздо болѣе трудный вопросъ являлся относительно сбора съ крестьянъ должныхъ чиншей и хлѣбныхъ и другихъ поборовъ, а также исполненія ими установленныхъ повинностей. Предположимъ, что срокъ выкупа назначенъ на время близкое къ началу хозяйственнаго года; имѣетъ ли право владѣлецъ взыскать съ крестьянъ за весь предстоящій годъ слѣдуемые съ нихъ платежи и услуги? Если такъ, то онъ узурпировалъ бы у собственника лишній почти цѣлый годъ пользованія. Вѣроятно, обычнымъ правомъ было установлено опредѣленное время для внесенія крестьянами чиншей и отправленія повинностей (въ частности подводной). Если бъ срокъ выкупа наступилъ до этого термина и владѣлецъ ничего не получилъ еще съ крестьянъ, то онъ лишился бы пользованія заставою, въ важнѣйшей части доходовъ, за цѣлый годъ. Допустимо ли было это? Такія затрудненія почти никогда не разрѣшаются заставными записями, думать надобно, именно потому, что обычнымъ правомъ они разрѣшались путемъ указанія сроковъ взысканій съ крестьянъ.

Право распоряженія. Передача заставы отъ заставного владѣльца другому, по общему порядку, дозволялась всегда. По крайней мѣрѣ, въ заставныхъ записяхъ постоянно пи-

---

[1]) См. Кіев. Центр. Арх., кн. 2047, л. 456.

шется, что права владѣнія сохраняются, какъ за самимъ заставнымъ владѣльцемъ и его преемниками (наслѣдниками), такъ и за всякимъ, у кого въ рукахъ будетъ „сесь листъ", т. е. условіе о заставѣ [1]). Однако, надо полагать, что право перезаставы не было безусловною принадлежностію заставного владѣнія; иначе не было бы надобности въ каждую заставную запись включать специальное позволеніе собственника; напр., въ заставѣ Чаплича-Шпановскаго Софьѣ Шибенской на им. Подгайцы, 1582 г., собственникъ обязывается не причинять нарушенія правъ владѣлицы или того, кому бы она уступила то имѣніе въ той же суммѣ и съ такимъ же правомъ, „чего я ее милости завжды *дозволяю*" [2]). Въ актахъ иногда встрѣчаются оговорки о *непередачѣ* заставы третьимъ лицамъ. Правда, въ сдѣлкахъ между собственниками и ихъ кредиторами такой оговорки мы ни разу не встрѣтили; но онѣ встрѣчаются при перезаставѣ отъ заставного владѣльца третьему лицу [3]).

Въ нѣкоторыхъ (исключительныхъ) случаяхъ право перезаставы дается, какъ особая привилегія, а не какъ принадлежность заставнаго права. Напр., въ передаточной записи 1563 г. отъ Васки Куриловича Михаилу Еловичу-Малинскому имѣній князей Збаражскихъ Михнова и Лысой Горы заставной владѣлецъ (Куриловичъ) пишетъ, что онъ, нуждаясь въ деньгахъ, просилъ кн. Острожскаго (опекуна малолѣтнихъ Збаражскихъ) выкупить эти имѣнія, но кн. Острожскій не нашелъ этого возможнымъ по отсутствію денегъ у Збаражскихъ; тогда (говоритъ Куриловичъ) „по просьбѣ моей его мил. кн. Острожскій *соблаговолилъ мнѣ дозволить* своимъ открытымъ листомъ, чтобы я отдалъ въ заставу кому нибудь другому имѣніе Михнову и Лысую Гору въ той же суммѣ, т. е. въ 1000 грошей" [4]).

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2035, л. 191. (Этого тома № LX).
[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2060, л. 63 на обор.
[3]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2035, л. 191 (этого тома № LX).
[4]) См. этого тома № XLVIII.

Но въ громадномъ большинствѣ записей право перезаставы является нормальною частью заставного владѣнія. Да это и понятно; при невыкупѣ имѣнія собственникомъ, кредиторъ лишенъ возможности возвратить свой долгъ посредствомъ продажи заложеннаго имѣнія съ публичнаго торга; для него остается единственнымъ средствомъ получить свои деньги со сторонняго лица, перезаложивъ ему имѣніе. Единственнымъ постояннымъ ограниченіемъ этого права владѣльцевъ служитъ оговорка, что перезастава должна быть совершена въ той-же, а не высшей суммѣ долга и на тѣхъ же правахъ. Необходимость такой оговорки ясна сама собою: собственникъ становится обязанною стороною по отношенію къ новому владѣльцу. Обычная формула передачи заставы такова (по заставной записи Чаплича-Шпановскаго 1582 г., іюля 20): „волно ему будетъ тые имена наши... кождого часу, коли одно самъ похочет, в той-же суме пенезей, въ тысячи копахъ грошей, во всѣхъ зарукахъ, шкодахъ и накладахъ, кому хотечи, заставити и тое право свое на него влити“ [1]).

Передача заставы отъ заставного владѣльца другому требовала совершенія новой заставной записи и ея явки. При этомъ прежній владѣлецъ передаетъ новому и прежніе акты, на которыхъ было основано его собственное право [2]).

Что означаетъ въ юридическомъ смыслѣ сдѣлка перезаставы? Составляетъ ли она взысканіе кредиторомъ своего долга посредствомъ цессіи требованія другому лицу? По существу дѣла и множеству примѣровъ практики, это такъ и есть. Кредиторъ, получивши эквивалентъ долга, прекращаетъ всякія отношенія къ своему должнику по этой сдѣлкѣ. Тотъ, кто вступаетъ въ его права, входитъ въ непосредственныя отношенія къ собственнику имѣнія, какъ долж-

---

[1]) Кіев. Цент. Арх. 2060, л. 145 об.

[2]) Ibid. 921, л. 15 об. См. также кн. 2057, л. 349: передача имѣнія Вас. Красенскаго отъ заставного владѣльца Жоравницкаго Халецкому (1581 г. августа 14) и мн. др.

нику; всѣ послѣдствія сдѣлки уже касаются новаго заставного владѣльца и собственника имѣнія. Однако, нѣкоторыя записи ставятъ вопросъ иначе; въ нихъ передающій заставу говоритъ о себѣ, какъ должникъ; выражается, что онъ занялъ у такого то такую то сумму и въ ней отдалъ въ заставу имѣніе, находящееся у него самого въ заставѣ. Въ 1563 г. львовскій купецъ Куриловичъ, имѣя въ заставномъ владѣніи имѣніе кн. Жеславскаго, перезаставляетъ его Михаилу Еловичу-Малинскому, но при этомъ выражается такъ: „п. Михайло Еловичъ-Малинскій... мнѣ 1000 копъ грошей *позычити* рачилъ, въ которыхъ пенезехъ тысячи копахъ я Куриловичъ заставилъ есми тое имене“...[1]). Если такъ, то перезастава не составляетъ цессіи обязательства, а есть новая самостоятельная сдѣлка, именно заемная запись съ залогомъ чужого имѣнія. Если такъ, то послѣдствія перезаставы должны быть иныя. Новый заставной владѣлецъ можетъ требовать уплаты долга не отъ собственника имѣнія, а отъ своего предшественника по заставѣ; собственникъ долженъ требовать возвращенія имѣнія (чрезъ выкупъ) не отъ новаго владѣльца, а отъ перваго кредитора. Но такъ какъ большая часть дошедшихъ до насъ заставныхъ актовъ противорѣчитъ этимъ выводамъ (собственникъ всегда обращается къ тому, у кого имѣніе въ рукахъ; заставной владѣлецъ съ требованіемъ выкупа идетъ не къ предыдущему владѣльцу, а къ собственнику), то мы должны допустить въ приведенномъ примѣрѣ исключеніе или, лучше, неправильный способъ выраженія: Куриловичъ не взялъ въ долгъ, а, напротивъ, получилъ уплату своего долга.

Но если при передачѣ заставы условія измѣняются, то такая сдѣлка не можетъ быть простой цессіей. Мы уже говорили, что законъ и обычай требовали, чтобы при передачѣ заставы условія ея не были болѣе отяготительными для должника, т. е. долговая сумма была бы не выше той, которою обязался собственникъ. Но ничто не препятствовало

[1]) См. этого тома № XLVIII.

установить при передачѣ меньшую сумму. Въ сущности такія сдѣлки являлись бы странностью и даже нелѣпостію со стороны кредитора, который бы добровольно уменьшилъ свое требованіе, терялъ часть должной ему суммы. Однако, такія сдѣлки, повидимому, существуютъ. Напр., между тѣми же лицами, т. е. Куриловичемъ и Малинскимъ, въ томъ же году (1563 г.) состоялось условіе о другомъ имѣніи (Чолгузовѣ) того же князя (Заславскаго, онъ же Жеславскій); по этому условію, Куриловичъ занялъ у Малинскаго 200 копъ гр. и, въ случаѣ неотдачи ихъ въ срокъ, обязался передать Малинскому имѣніе Чолгузовъ, заставленное ему Жеславскимъ за 400 копъ гр. Возможно, что такая сдѣлка на уменьшеніе суммы въ самомъ дѣлѣ состоялась въ виду крайности, постигшей кредитора, который за свои собственные долги сидѣлъ въ львовской тюрьмѣ. Но естественнѣе предположить, что Куриловичъ, не передавая еще имѣнія въ руки Малинскаго, заключилъ просто заемное обязательство, обязавшись, въ случаѣ неудовлетворенія Малинскаго въ срокъ, совершить передачу заставного владѣнія, причемъ условія первоначальной заставы остались бы неизмѣненными, т. е. долгъ кн. Жеславскаго въ 400 копъ перешелъ бы цѣликомъ къ Малинскому, а Куриловичъ получилъ бы разницу, т. е. еще 200 копъ гр. Такой передачи сдѣлано не было (по крайней мѣрѣ, въ актовыхъ книгахъ ея нѣтъ), а потому мы должны ограничиться лишь предположеніемъ. Так. обр. приведенный случай еще не даетъ намъ никакихъ твердыхъ выводовъ по вопросу. Но при передачѣ заставы могутъ быть измѣнены другія условія, можно передать заставу на другіе сроки. Напр., въ 1561 г. возникъ упомян. выше искъ по дѣлу о заставѣ, совершенной на 7 лѣтъ Настасьей Вечериною съ сыномъ Моисеемъ на имѣніе Коршовецъ въ пользу Гапона Григоревича. Этотъ послѣдній, т. е. заставной владѣлецъ, передалъ заставу Хазку Есмановичу, жиду луцкому, но только на три года. Изъ дѣла не видно, совпадаютъ ли сроки выкупа по первой заставѣ и передачѣ ея по календарю. Во всякомъ случаѣ собственникъ, виндицируя свое имѣніе у на-

личнаго владѣльца, имѣлъ предъ собою уже новыя условія, а не тѣ, какія были имъ установлены въ первоначальной заставной. Само собой разумѣется, что это недопустимо съ точки зрѣнія правъ собственности. На судѣ еврей выставилъ „заводцу“ своего Гапона, который и является уже настоящимъ отвѣтчикомъ. Очевидно, сдѣлка Гапона съ Хазкомъ Есмановичемъ не есть полная передача заставы, которая освобождала бы его отъ всякой отвѣтственности предъ собственникомъ. И, дѣйствительно, въ самомъ актѣ этой сдѣлки совершенно ясно выступаетъ ея особый самостоятельный характеръ; а именно, Гапонъ въ своей записи говоритъ, что обязывается выкупить у еврея имѣніе въ срокъ, а въ случаѣ неуплаты допускаетъ повтореніе такого же срока; къ этому прибавлено еще одно условіе: Есмановичъ не можетъ никому стороннему перезаставлять имѣніе. Итакъ, это не есть цессія обязательства, а новая долговая сдѣлка, обезпеченіемъ которой служатъ заставныя права Гапона. Поэтому судъ правильно призналъ Гапона обязаннымъ возвратить имѣніе собственнику, удовлетворивъ предварительно своего кредитора [1]).

Итакъ, измѣненіе условій при передачѣ заставы превращаетъ сдѣлку въ самостоятельный актъ, причемъ обязывающимися остаются лица, его совершившія, а не собственникъ и послѣдній владѣлецъ.

Такъ какъ *переходъ заставного владѣнія по наслѣдству* (отъ владѣльца къ его преемникамъ) есть одинъ изъ основныхъ принциповъ этого права, то не подвергается сомнѣнію право владѣльца передать заставу *по завѣщанію*. При раздѣлѣ наслѣдства по законному преемству, заставное имѣніе шло въ зачетъ доли того, кому оно достанется, а потому въ обязательственныя отношенія къ собственнику вступаютъ не всѣ преемники владѣльца, а только тотъ, кому выпало на долю заставленное имѣніе.

---

[1]) См. этого тома № XL.

Застава могла быть передана *по дарственной* и даже *по купчей* записи.

Пока дѣйствовалъ законъ о правѣ полнаго отчужденія недвижимыхъ имуществъ только въ 3-й части ихъ, всякая сдѣлка о продажѣ или дареніи цѣлаго имѣнія всегда слагалась изъ двухъ: купчей (или дарственной) на $^1/_3$ и заставной на $^2/_3$. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мыслилось полное отчужденіе всего имущества. Этотъ смыслъ двойственной сдѣлки иногда ясно выступалъ въ самыхъ выраженіяхъ актовъ сдѣлокъ; напр., въ 1560 г. Мих. Мих. Свинюскій даритъ своему слугѣ Ив. Денис. Юначку имѣніе—часть с. Линева, которое „за певную сумму пенезей *купилъ* у зем. Тихна Олехн. Линевскаго". Свинюскій даритъ это имѣніе Юначку „на вѣчность ему самому, женѣ и ихъ дѣтямъ и будущимъ щадкамъ", съ правомъ отдать, продать, мѣнять и расширять [1]). Между тѣмъ, самъ Свинюскій купилъ на правахъ собственности только $^1/_3$ этого имѣнія у Линевскаго, а $^2/_3$ получилъ отъ него же по заставной [2]). Можно бы подумать, что выраженіе „купилъ" и вся дарственная Юначку относятся только къ одной первой изъ этихъ сдѣлокъ, т. е. къ купчей на $^1/_3$. Но изъ дальнѣйшихъ актовъ оказывается не то: когда въ слѣд. 1561 году Юначко переуступалъ это имѣніе Фр. Фальчевскому, то хотя и упомянулъ въ своей купчей, что Свинюскій, подарившій его, не все имѣніе купилъ у Линевскаго на вѣчность, а только $^1/_3$ его, двѣ же трети пріобрѣлъ по заставной, но свое собственное пріобрѣтеніе характеризуетъ такъ: „за вѣрныя и правдивыя заслуги мои далъ, даровалъ и записалъ Мих. Мих. Свинюскій то имѣніе Линевъ мнѣ, женѣ, дѣтямъ и потомкамъ моимъ *на вѣчность*" [3]). Слѣд., актъ, данный Свинюскимъ, касается не одной трети, а цѣлаго имѣнія, и выраженія его обнимаютъ какъ куплю, такъ и заставу. Въ свою очередь Фр. Фальчевскій то же имѣніе переуступилъ зятю своему Стан. Граев-

[1]) См. этого тома № XXIII.

[2]) Ibid. № XI.

[3]) Ibid. № XXVII.

скому и въ своемъ актѣ, хотя такъ же различаетъ купчую отъ заставной, однако, выражается такъ: Юначко... „то имѣніе половину Линева въ держаніе и пользованіе, съ тѣми листами закупными, которые отъ пана своего получилъ, мнѣ уступилъ и *вѣчно продалъ*“ [1]).

До какой степени общество 1-й пол. XVI в. привыкло видѣть въ заставѣ сдѣлку полнаго отчужденія, доказательствомъ служатъ случаи *мѣны* заставного имѣнія на имѣніе, состоящее на правѣ полной собственности. Въ 1589 году кн. Юр. Вас. Сокольскій освѣдомился, что часть имѣнія въ Холпневѣ, долженствующая перейти къ нему въ наслѣдство и находившаяся въ заставѣ у кн. Елены Сокольской, промѣнена ею роднымъ братьямъ кн. Юрія. Наслѣдникъ потребовалъ у княг. Елены выкупа этого имѣнія, а потомъ вошелъ съ нею въ сдѣлку, по которой продалъ ей же на вѣчность это имѣніе. Так. обр. Елена Сокольская уже послѣ совершенной мѣны пріобрѣла право на такую сдѣлку [2]). Интересна эта путаная градація сдѣлокъ: заставной владѣлецъ отчудилъ имѣніе путемъ мѣны; собственникъ, не уничтожая этой сдѣлки, продаетъ заставному владѣльцу имѣніе, уже находящееся въ собственности другихъ лицъ.

Права собственника на имѣніе, отданное въ заставу. Сохраняетъ ли за собою собственникъ право распоряженія на заложенное имѣніе? Имѣетъ ли онъ право продать, подарить и пр. это имѣніе, конечно, не нарушая правъ заставного владѣльца? Акты не оставляютъ о томъ никакого сомнѣнія. Напр., въ 1567 г. Щасный Ванковичъ Луковскій даетъ дарственную своему племяннику Степ. Голковскому на часть имѣнія въ Оранахъ и Луковѣ, заложенную имъ Оранскому, отдаляя (права) своихъ братьевъ, сестеръ, близкихъ, кровныхъ и повиноватыхъ [3]).

Отъ актовъ отчужденія надо отличать права, предоставляемые собственникомъ кому либо на выкупъ имѣнія: выку-

[1]) См. этого тома № XIV.
[2]) Ibid. № XXVIII.
[3]) Кіев. Центр. Арх. кн. 934, л. 17.

пившій становится не собственникомъ, а такимъ же заставнымъ владѣльцемъ. Собственникъ всегда можетъ у него выкупить это имѣніе [1]).

Въ отдѣльныхъ (довольно рѣдкихъ) случаяхъ ставится условіе о невыкупѣ чужими деньгами для передачи заставленнаго имѣнія выкупившему. Въ заставной записи короля Сигизмунда-Августа князю Богушу Фед. Корецкому на городъ Винницу и волость, его 1568 г., между прочимъ находимъ условіе: король не имѣетъ права дозволить кому-либо выкупить заставу „въ таковой, а ни большой суме“ и тѣмъ принуждать кн. Корецкаго къ уплатѣ большей суммы (для удержанія за собой заставы). Послѣдняя прибавка объясняетъ и мотивъ подобныхъ условій [2]). Но, говоримъ, подобныя ограниченія являются въ рѣдкихъ случаяхъ. По общему же порядку собственникъ всегда могъ замѣнить одного заставного владѣльца другимъ, передавъ этому послѣднему право выкупить имѣніе у прежняго. Въ 1569 г. городенскіе „жиды“ Исаакъ и Лазарь жаловались королю на пана Николая Николаевича Ильинича, что онъ имъ не платитъ долга въ 400 копъ гр. Король предписалъ, чтобы панъ или удовлетворилъ евреевъ, или явился къ нему на судъ. Панъ вступилъ съ евреями въ такую сдѣлку: у него было имѣніе Ивачевичи, находившееся въ заставѣ у Александра Солтановича въ 100 копахъ грошей; евреи согласились: въ срокъ, опредѣленный заставною записью, уплатить Солтановичу 100 копъ грошей и затѣмъ получить имѣніе въ заставу, какъ въ этой суммѣ, такъ и въ своей претензіи, т. е. въ 500 копъ гр. [3]). Очевидно, подобная сдѣлка была возможна только тогда, когда заставная сумма была много ниже стоимости имѣнія и когда новый кредиторъ согласится на то. При такой заставной суммѣ дарованіе правъ на выкупъ является, очевидно, большою льготою.

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2042, л. 378.

[2]) См. этого тома № LXXIV.

[3]) Лит. Метр. I, стр. 1336.

IV.

Установленіе и прекращеніе заставы.

Установленіе. Для установленія заставы законъ и обычай требовали совершенія записи. Это требовалось и сущностію дѣла, ибо заставленное имущество всегда могло быть выкуплено (застава не подлежала давности), чего нельзя было достигнуть иначе, какъ тогда, когда есть документъ въ рукахъ заинтересованныхъ лицъ. Однако, въ достатутовую эпоху, это требованіе не имѣло безусловнаго примѣненія; фактъ заставы могъ быть установленъ и свидѣтельскими показаніями. Напр., въ 1517 г. бояринъ Тальковичъ заявилъ притязаніе на гай, якобы заставленный имъ дѣду бояръ Юрковичей за ушатокъ меду. Такъ какъ отвѣтчики не признали факта заставы, а утверждали, что лѣсъ—ихъ родовая собственность, которою владѣли дѣдъ, отецъ ихъ и они сами 5 лѣтъ, то судъ допустилъ, по ссылкѣ стороны, свидѣтельскія показанія (которыми притязаніе Тальковича было отвергнуто) [1]).

Въ 1517 г. маршалковскимъ судомъ разсматривалось такое дѣло: бояринъ Войтко отдалъ въ заставу землю двоюроднымъ братьямъ Миколаевичамъ въ 9 копахъ грош. предъ людьми сторонними, но потомъ, не выдавъ записи, отрекся отъ сдѣлки; но судъ воеводы виленскаго призналъ заставную сдѣлку на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Затѣмъ тотъ же Войтко продалъ ту же землю уже въ собственность нѣкоему Бутьку за 10 копъ грошей. Маршалковскій судъ рѣшилъ весьма оригинально: заставные владѣльцы и покупщикъ должны уравнять заплаченныя ими деньги (9+10) и затѣмъ землю должны раздѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы покупщикъ владѣлъ половиной на правѣ собственности, а заставные владѣльцы другою половиной на заставномъ правѣ [2]).

Статутъ всѣхъ редакцій требуетъ для установленія заставы формальной записи и явки ея суду; но и Статутъ, въ

---

[1]) Лит. Метр. I, стр. 430.

[2]) Ibid. I, стр. 454, 455. См. еще стр. 467 (отъ 1517 года); и стр. 488 (того же года).

особенности 3-й редак., считаетъ возможнымъ допустить въ судѣ разсмотрѣніе исковъ о старыхъ заставахъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, о чемъ скажемъ подробнѣе ниже.

Застава, какъ сдѣлка несамостоятельная, казалось бы, должна быть установляема всегда въ связи съ договоромъ займа. Дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ условіе о заставѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ условіе о займѣ: *А* занялъ у *Б* столько-то денегъ и въ этихъ деньгахъ заставилъ ему такое-то имѣніе.

Но въ актахъ, встрѣчаются весьма часто отступленія отъ этого основного положенія, какъ мнимыя, такъ и дѣйствительныя. Напр., въ 1566 г. Альбретъ Ласскій отдаетъ въ заставу Яну Котовскому имѣніе Любашу въ обезпеченіе возврата 3000 золотыхъ польскихъ, отданныхъ (якобы) Котовскимъ Ласскому *на сохраненіе:* „взяли есмо до *схованія* и до властныхъ рукъ нашихъ три тысячи золотыхъ..., которые пенези три тысячи зол. прирекаемъ и обецуемъ нашимъ панскимъ словомъ рыцарскимъ и обовезуемся тымъ листомъ нашимъ врожоному Яну Котовскому, служебникови нашому, на тотъ часъ, гды ся их намъ он самъ упомянетъ, албо хто-ли колвекъ отъ него-бы тотъ листъ нашъ, за порученемъ его, мел..., сполна отдати и вернути будемъ повинни“. А такъ какъ Котовскій несетъ немалый ущербъ отъ того, что его деньги находятся „въ схованьи“ у Ласскаго, который можетъ воспользоваться ими для своей надобности („ужити...ку потребе нашой“), то въ награжденіе за то, „дали есмо ему имене наше..., на имя Любашу, и съ приселками въ той-же сумѣ пенезей трехъ тысячей золот., з ласки нашое, для большого пожитку“ [1]). Что это за сдѣлка? Долговою ее назвать нельзя; она сама себя называетъ сдѣлкою на соблюденіе (сохраненіе). При томъ же срокъ возврата денегъ не обозначенъ. Но она не соотвѣтствуетъ и понятію depositum, пот. что взявшій деньги говоритъ о правѣ своемъ пользованія ими. Она всего ближе подходитъ къ актамъ записей

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2093, л. 387.

именій слугамъ не на вѣчность, а до выплаты условленной суммы. Ее тѣмъ легче присоединить къ такому роду сдѣлокъ, что въ той же записи Ласскаго подтверждается право Котовскаго на другія имѣнія, выслуженныя имъ у жены Ласскаго Беаты (Острожской). Только эти другія имѣнія выслужены на вѣчность и не подлежатъ выкупу, а новое имѣніе Любаши можетъ быть выкуплено.

Вообще, служебное владѣніе устанавливается (фиктивно) въ формѣ заставы и имѣетъ многія свойства заставы, кромѣ указываемыхъ ниже.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію quasi-заставныхъ сдѣлокъ, которыя, однако, въ главной своей сущности несомнѣнно относятся къ заставному праву. Это:

а) Упомянутыя сейчасъ сдѣлки, устанавливающія *служебное владѣніе*. Панъ (землевладѣлецъ), желая наградить своего слугу за прежнюю службу и обезпечить для себя продолженіе ея въ будущемъ, „записываетъ“ слугѣ имѣніе, т. е. передаетъ ему право владѣнія и пользованія безсрочно (или пожизненно, или съ правомъ наслѣдованія). Панъ можетъ возвратить себѣ имѣніе не иначе, какъ уплативши слугѣ, или его наслѣдникамъ, записанную сумму. Сдѣлка такого рода имѣетъ всѣ главныя свойства заставы; она иногда и прикрывается формою долговой сдѣлки, т. е. панъ якобы взялъ у своего слуги извѣстную сумму денегъ и за этотъ долгъ передаетъ имѣніе въ заставу. Но чаще она является независимо отъ долговыхъ формъ и, тѣмъ не менѣе, установляетъ отношенія заставного владѣнія: панъ устанавливаетъ за собою обязательство на выплатъ извѣстной суммы при выкупѣ имѣнія; слуга получаетъ право владѣнія и пользованія. Но затѣмъ въ сдѣлкахъ этого рода есть и существенныя отличія отъ обыкновенной заставы: срока нѣтъ; съ прекращеніемъ службы слугою, имѣніе можетъ быть отобрано. Сдѣлка является не договоромъ займа, а договоромъ найма въ услуженіе.

б) Точно также фиктивно-заставными сдѣлками являются *семейныя сдѣлки:* записи женѣ, мужу, братьямъ или сестрамъ, зятьямъ или тестю извѣстныхъ суммъ, обезпеченныхъ на

имѣніяхъ. И здѣсь весьма часто сдѣлка прикрывается формою займа, особенно между мужемъ и женою: такой-то якобы занялъ у жены своей столько-то; въ дѣйствительности, конечно, никакого займа не было. Иногда въ подобную форму облекалась обычная сдѣлка о вѣнѣ и приданомъ (вѣроятно, ради большаго упрощенія взысканій). Затѣмъ и въ этихъ сдѣлкахъ срокъ отсутствуетъ.

Такъ какъ въ существенныхъ и главныхъ чертахъ сдѣлки этихъ обоихъ видовъ являются тождественными съ заставами, то мы должны установить, что застава (не въ собств. смыслѣ) можетъ быть установляема и помимо договора займа. Дальнѣйшія подробности объ этихъ quasi-заставныхъ сдѣлкахъ сообщимъ ниже, когда будемъ говорить о разрѣшеніи заставныхъ сдѣлокъ.

При установленіи заставы и вводѣ кредитора во владѣніе составляется (какъ упомянуто выше) инвентарь, въ который входитъ опись какъ недвижимости, такъ и движимости во дворѣ (принадлежностей жилища и промысловыхъ заведеній). Въ этомъ отношеніи особое затрудненіе представляли тѣ случаи, когда сначала установляется залогъ безъ заставы, при чемъ не составляется инвентаря, а между тѣмъ при наступленіи заставы на эти заложенныя имѣнія оказывается, что собственникъ уже успѣлъ распорядиться частію имѣнія въ пользу третьихъ лицъ, или скрылъ, или перевелъ къ себѣ часть движимаго имущества изъ заложенныхъ имѣній. Тогда является требованіе о возвращеніи таковаго или объ уплатѣ неустойки [1]).

Запись составляется по установленной въ законѣ формѣ и требуетъ подписи свидѣтелей. Въ опредѣленный срокъ она должна быть явлена и внесена въ книги земскаго суда. Но такъ какъ земскіе суды функціонировали не постоянно, то допускалась запись и въ книгахъ гродскаго суда, съ обязанностію перенести ее въ земскія книги въ первую сессію земскаго суда.

---

[1]) Кіев. Центр. Арх., кн. 2045, л. 272 на об.

Прекращеніе заставного отношенія. Застава, какъ сдѣлка, обезпечивающая договоръ займа, прекращается съ прекращеніемъ главной сдѣлки, т. е. съ уплатою долга, или выкупомъ заставы въ срокъ; иногда то же послѣдствіе наступаетъ при невыкупѣ въ срокъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (исключительныхъ) погашается давностію. Въ первомъ случаѣ владѣніе возвращается собственнику; въ двухъ послѣднихъ утверждается за владѣльцемъ право собственности.

Выкупъ. Формальныя условія выкупа таковы. Выкупающій обязанъ предъ наступленіемъ срока выкупа объявить о намѣреніи выкупить заставу (смотря по условію) или за 6 недѣль [1]), или за 8 [2]) („а если бы не далъ знать за 8 недѣль, то потомъ хотя бы и принесъ деньги для уплаты долга, то заставной владѣлецъ не обязанъ ихъ брать“), иногда даже за 12 недѣль [3]). Трудно догадаться, для чего это требовалось, когда срокъ выкупа въ записяхъ всегда обозначается въ самыхъ опредѣленныхъ и строгихъ формахъ. Предупрежденіе производится формально чрезъ вознаго. Напр., въ 1575 г. Семашко, намѣреваясь выкупить свое имѣніе Вышковъ у Василія Понятовскаго, послалъ къ этому послѣднему вознаго 10-го іюля, тогда какъ выкупъ предстоялъ 1-го сентября, т. е. за мѣсяцъ и 20 дней [4]).

Въ заставныхъ записяхъ не всегда обозначается *мѣсто* выкупа, но иногда оно назначается съ точностію, напр., въ мѣстожительствѣ кредитора: „на местцу певномъ, въ дому его милости, въ Порванчу“ [5]). Но такъ какъ кредиторы (заставные владѣльцы) часто и даже обыкновенно поселялись въ заставномъ имѣніи, то выкупъ весьма часто совершается здѣсь. Иногда стороны въ своихъ записяхъ устанавливаютъ особыя спеціальныя мѣста по какимъ либо личнымъ удоб-

---

1) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2057, л. 128 на об.

2) Ibid. 2060, л. 63 на об.

3) Ibid. кн. 2097, л. 635.

4) Ibid. 2049, л. кн. 382 на об.

5) Ibid. 2097, л. кн. 635. Въ домѣ кредитора въ Смыковѣ: ibid. № 2060, л. 35 на об.

ствамъ; напр., въ записи Чаплича-Шпановскаго Лисичинскому (1582 г., іюля 20) условились платить въ г. Острогѣ, въ домѣ Павла Малышевича—войта острожскаго, въ руки или самому Лисичинскому, или его женѣ, или кому онъ поручитъ [1]).

Но такія спеціальныя назначенія мѣста выкупа составляютъ исключеніе. И въ самомъ дѣлѣ онѣ сопряжены съ большими неудобствами; напр., если выкупающій никого не засталъ на мѣстѣ выкупа, то что предстоитъ ему дѣлать, чтобы окончить сдѣлку? Общимъ порядкомъ остается—уплата въ судѣ подлежащаго повѣта, или въ урядѣ, условленномъ сторонами въ записи. Выкупающій ждетъ кредитора весь условленный день, „съ поранку ажъ до вечера", и если кредиторъ не явился, то собственникъ дѣлаетъ о томъ заявленіе суду [2]). Хотя по закону выкупъ заставы подлежитъ „завитому" сроку (безъ отсрочки), но обыкновенно выкупающій ждетъ другой и третій день, вызывая кредитора чрезъ вознаго (по тогдашнимъ судебнымъ обычаямъ). Если послѣдній не является и послѣ того, то выкупъ могъ быть совершонъ безъ присутствія другой стороны: выкупающій представляетъ деньги суду, „кладетъ ихъ при актахъ". Затѣмъ онъ можетъ ввестись во владѣніе своимъ имѣніемъ, взявши у суда вознаго.

Въ заставныхъ записяхъ всегда обозначалось качество монеты, которою можетъ быть произведенъ выкупъ, „не какими-либо фантами, но грошами, монетою звыклою" [3]). Здѣсь ясное свидѣтельство о томъ, что и въ то время (въ XVI в.) замѣна денегъ другими движимыми вещами (фантами) была дѣломъ обычнымъ. И въ самомъ дѣлѣ до насъ дошли акты сдѣлокъ, при которыхъ уплата производилась лошадьми и т. п. Монета была въ ходу двухъ родовъ: польская и литовская:—„монетою польскою або литовскою, правѣ доброю,

---

1) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2060, л. 145 на об.

2) Ibid. кн. 2057, л. 93.

3) 1528 г. Кіев. Цен. Арх. кн. 2060, л. 145 на об.

якая на онъ часъ тутъ въ земли Волынской ити будетъ“ [1]), „монетою польскою—грошми и полугрошками або золотыми чирвоными добрыми“ [2]). Деньги должны быть уплочены всѣ сразу, а не по частямъ. При выкупѣ заставной владѣлецъ обязанъ составить инвентарь въ двухъ экземплярахъ; если же онъ этого не дѣлаетъ, то составляется инвентарь собственникомъ [3]).

Таковы условія выкупа со стороны собственника. Подобныя этимъ относятся и къ требующему выкупа, т. е. заставному владѣльцу. Если онъ желаетъ потребовать выкупа, то также является въ мѣстный урядъ въ срокъ, назначенный въ заставной записи. Тогда уже онъ становится въ положеніе истца, заявляетъ суду о своей явкѣ и вызываетъ собственника чрезъ вознаго (въ мѣстѣ засѣданія уряда). Въ случаѣ неявки должника, онъ дѣлаетъ заявленіе о томъ суду.

Въ записяхъ иногда (мы знаемъ уже, почему) предъявляются требованія выкупа *своими* деньгами (а не вновь занятыми у сторонняго). Въ Москвѣ ставилось это условіе, когда дѣло идетъ о выкупѣ родовыхъ имуществъ родственниками; здѣсь примѣняется и къ постороннимъ лицамъ [4]). Напротивъ, часто въ записяхъ прямо выражается, что застава производится для выкупа имѣнія у 3-го лица [5]). Въ такомъ случаѣ выкупъ долженъ быть произведенъ собственникомъ, когда онъ уже отдалъ то же самое имѣніе въ заставу другому лицу: въ 1571 г. „жидъ“ Юско Абрамовичъ жаловался суду, что князь Левъ Александр. Сангушко, отдавши ему въ заставу имѣніе Смолево, бывшее уже въ заставѣ у Загоровскаго, не выкупаетъ его [6]).

---

[1]) Кіев. Центр. Арх., кн. 2097, л. 635.

[2]) Ibid. кн. 2060, л. 63 на об.

[3]) Ibid. кн. 2049, л. 386.

[4]) Въ 1571 г. кн. Масальская заставляетъ нѣсколько имѣній кн. Збаражскому и пишетъ, что ни она сама, ни потомки ея не имѣютъ права выкупить эти имѣнія чужими деньгами, а только своими собственными (Кіев. Цен. Арх., кн. 2094, л. 613 на об.).

[5]) См. этого тома № XX.

[6]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2044, л. 323.

Законъ (Ст. 1566, р. IV, арт. 22), какъ сказано, для дѣлъ о выкупѣ заставъ установилъ срокъ завитой. Въ 1569 г. Добринскій, Павловичъ и всѣ сябры ихъ заявили требованіе о выкупѣ имѣнія въ с. Болотковцахъ у Мих. Дчусы и его сыновей Богдана и Ивана. Отвѣтчикъ далъ знать суду, что его вызываютъ въ Кременецкій гродскій судъ по другому, болѣе важному, дѣлу, и просилъ дать о томъ увѣдомленіе истцамъ. Но истцы напомнили суду о законѣ; судъ хотя и рѣшилъ ждать отвѣтчика до трехъ дней и хотя отвѣтчикъ и явился на 4-й день, и пытался было вступить въ пренія (ссылаясь на то, что якобы имѣніе было заставлено въ большей суммѣ), но не былъ къ тому допущенъ. Судьи взяли выкупныя деньги отъ истцовъ и „при книгахъ положили". Однако, какъ сами истцы, такъ и судъ предоставили отвѣтчику право жалобы, если онъ находитъ какую либо несправедливость. Эта новая жалоба, очевидно, касалась бы правильности процедуры выкупа, и дѣло велось бы при обычныхъ исковыхъ формахъ [1]).

Кому принадлежитъ право выкупа? При жизни залогодателя право выкупа, конечно, принадлежитъ ему; но не во всѣхъ случаяхъ ему исключительно. А именно:

а) При заставѣ „подъ страченьемъ" (т. е. когда, при невыкупѣ въ срокъ, застава eo ipso переходитъ въ собственность кредитора) право выкупа переходитъ къ его родственникамъ („близкимъ") въ теченіе извѣстнаго срока [2]).

б) Въ достатутовое время допускается выкупъ родственниками залогодателя, при жизни этого послѣдняго, во всякомъ случаѣ, помимо его воли и согласія. Въ 1517 г. жаловался на маршалковскомъ (королевскомъ) судѣ Лавринъ Ганцевичъ на своего дядю Богдана Яцковича за то, что этотъ послѣдній отнялъ землю, заставленную имъ (стороннему) Степану Яцевичу. На судѣ дядя не отрекался отъ совершеннаго имъ самоуправнаго поступка, но заявилъ, что

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2093, л. 375.

[2]) Стат. 1529 г., р. X, арт. 9.

онъ готовъ заплатить кредитору Яцевичу долгъ племянника, а землю держать самому въ заставѣ. Судъ призналъ это правильнымъ [1]).

Въ 1511 г. на королевскомъ судѣ жаловался берестейскій земянинъ Ставскій на дворянина Лозку за то, что этотъ послѣдній не возвращаетъ имѣнія, заставленнаго ему, когда сумма долга ему была предложена теткою собственника въ срокъ. Король и рада рѣшили: „кто коли именье свое кому заставитъ, або и обель продастъ, ближний можетъ пенези отложити, а именье близкость свою къ своей руце взяти“ [2]). Первый случай, впрочемъ, означаетъ не выкупъ въ точномъ смыслѣ, а переводъ заставы изъ рукъ сторонняго въ руки родственника; но 2-й случай есть несомнѣнно выкупъ.

Съ другой стороны, тогда же и на томъ же судѣ встрѣчаются, какъ будто, и противоположныя указанія. Въ 1516 г. тягались между собою на королевскомъ судѣ Янъ Андреевичъ и дядя его Юрій Остромечовичъ; этотъ послѣдній записалъ свое имѣніе Юрію Ив. Ильиничу, который обязался, какъ родственникъ, при жизни собственника заступать его на государственной службѣ, а затѣмъ по смерти Остромечовича получаетъ имѣніе на заставномъ празѣ. Янъ Андреевичъ, какъ ближайшій родственникъ, заявилъ притязаніе на выкупъ (при жизни собственника). Судъ отказалъ на томъ основаніи, что заставное владѣніе начнется еще по смерти дяди, тогда онъ и можетъ претендовать на выкупъ. Такимъ образомъ, выкупъ не допущенъ, но не потому, что залогодатель еще живъ, а потому, что застава еще не началась. Выраженіе „записалъ“ не однозначуще съ терминомъ „заставилъ“ (какъ объ этомъ было говорено выше); первое означаетъ условіе о будущей сдѣлкѣ, которая имѣетъ осуществиться по исполненіи условій другою стороною (отправленія военной службы) [3]). Итакъ, этотъ фактъ еще не мо-

1) Лит. Метр. изд. Арх. Ком. т. I, стр. 492—493.

2) Ibid. стр. 653—654.

3) Ibid. стр. 862—864.

жетъ служить опроверженіемъ нормы о выкупѣ заставы родственниками при жизни залогодателя.

Въ эпоху дѣйствія Статута мы уже не находимъ этой нормы ни въ законѣ, ни въ практикѣ. Тогда, по общему порядку, право выкупа заставы, при жизни собственника, можетъ быть предоставлено лишь самимъ залогодателемъ особою записью. При наличности ближнихъ родственниковъ, такая *передача* заставы (не „выкупъ" въ точномъ смыслѣ) допускалась въ пользу дальнѣйшихъ родственниковъ, а равно ближайшихъ свойственниковъ съ обычными оговорками о причинахъ обхода правъ ближайшихъ родственниковъ: въ 1555 г. кн. Юрій Вас. Сокольскій, совершая дарственную на 3-ью часть своихъ имѣній въ пользу двоюродныхъ братьевъ, помимо родныхъ, пишетъ, что эти имѣнія дядя его (отецъ одаряемыхъ) „за просбою и дозволеніемъ моимъ" (собственника) выкупилъ у постороннихъ [1]).

Въ 1568 г. Янушъ Тих. Линевскій, предоставляя брату своему Якиму право на выкупъ изъ заставы родового имѣнія, заложеннаго отцомъ ихъ, разсказываетъ, что по смерти отца Якимъ остался малолѣтнимъ, и Янушъ позаботился о его воспитаніи, отдавши его на службу (панамъ), а потомъ захотѣлъ и самъ свѣту видѣть и отъѣхалъ до чужихъ краинъ, въ страну нѣмецкую. Для этого онъ пустилъ въ заставу все отцовское имѣніе, т. е. какъ свою часть, такъ и братнину, въ немалой суммѣ денегъ. Когда онъ вернулся изъ Германіи, то братъ его не только простилъ ему тотъ убытокъ, который онъ причинилъ, заставивши и его часть имѣнія, но еще помогалъ ему денежными средствами, между тѣмъ какъ въ то же время принужденъ былъ нести большія траты по выкупу имѣнія. За это Янушъ Линевскій продалъ брату свою часть имѣнія и сверхъ того далъ ему право выкупить другое имѣніе, заложенное еще отцомъ ихъ Михаилу Свинусскому, отъ котораго оно „по рукахъ" пришло къ Степ. Граевскому, чѣмъ онъ и теперь владѣетъ, невѣдомо по, какому праву [2]).

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2037, л. 117 на об.

[2]) Ibid 2092, л. 175, 180, 181; сл. л. 174.

По смерти залогодателя, право выкупа получаютъ его наслѣдники, именно, „ближніе“, т. е. члены рода, нисходящіе и боковые, въ установленномъ общемъ порядкѣ преемства. При этомъ соблюдаются обычныя правила наслѣдованія, а именно: ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую отъ права выкупа; лица одной степени получаютъ это право сообща, т. е. выкупаютъ всѣ вмѣстѣ, чтобы произвести потомъ раздѣлъ выкупленнаго. Въ 1560 г. четыре брата Дрозденскіе заключили между собою условіе о солидарномъ выкупѣ родового имѣнія Зубильна, находившагося въ заставѣ у зятя ихъ Петра Хоболтовскаго; по этому условію каждый изъ братьевъ могъ выкупить это имѣніе за общую собранную ими сумму. А тотъ изъ договаривающихся, который-бы потомъ началъ протестовать, долженъ будетъ заплатить заруку, а выкупъ остается въ силѣ. Это условіе они отдали строоннему для храненія, именно Роману Гулевичу. Когда-же одинъ изъ братьевъ явился къ нему и потребовалъ выдать ему документъ, то Гулевичъ не согласился на то „безъ братьи его“. Дѣло дошло до короля, и изъ королевской канцеляріи получено предписаніе Гулевичу явить условіе въ судѣ и выдать его Дрозденскому [1]). Но по большей части, выкупъ въ дѣйствительности производитъ одинъ братъ, а другіе получаютъ право на свою долю имѣнія, заплативши соотвѣтствующія доли выкупной суммы [2]).

Правомъ выкупа пользуется жена по смерти мужа, но, думать надо, лишь тогда, когда остались дѣти (несовершеннолѣтнія): въ 1567 г. Ганна, по 1-му мужу Оранская, требуетъ на выкупъ имѣніе, заставленное ея мужемъ брату ея, въ свою пользу и въ пользу дѣтей своихъ Федора и Авдотьи, рожденныхъ отъ 1-го мужа.

Вопросъ о томъ, что дѣлать, если одно имѣніе, заставленное третьему, присуждено двоимъ, съ тѣмъ, чтобы они вмѣстѣ выкупили, но одинъ изъ нихъ заявилъ, что не имѣетъ

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2935, л. 241.

[2]) Лит. Метр. I, стр. 634—636 и 301—302.

средствъ на выкупъ, остался на корол. судѣ 1513 г. нерѣшеннымъ [1]). Весьма оригинальный порядокъ выкупа былъ установленъ въ 1573 г. Елизаветою Гурко (урожд. княжн. Острожской, дочерью кн. Ильи). Задолжавши кн. Константину Острожскому 122,400 копъ, а съ присоединеніемъ къ тому долговъ отца ея, кн. Ильи, тому-же князю Константину, всего 152,400 копъ, Елизавета Гурко даетъ кн. Конст. Острожскому полномочіе („моцъ зуполную") на выкупъ ея имѣній, заставленныхъ разнымъ лицамъ опекуншею ея кн. Беатою Острожскою. Когда князь Константинъ „выищетъ" (вѣроятнѣе всего, выкупитъ) какое либо изъ этихъ имѣній, то оно переходитъ въ его заставное владѣніе въ суммѣ выкупа. Тогда собственница должна выдать отдѣльную заставную запись на случай могущаго послѣдовать выкупа ея наслѣдниками.

Срокъ заставы предоставляется волѣ сторонъ; но обычный срокъ въ большинствѣ записей годичный. Казалось-бы, что застава, предполагающая пользованіе, и не можетъ быть установлена менѣе, какъ на годъ, когда сельскохозяйственныя операціи могутъ дать извѣстный результатъ и доходъ. Но мы находимъ и такія заставныя, въ которыхъ срокъ заставы опредѣляется въ нѣсколько мѣсяцевъ, и при томъ такихъ, въ которые дохода отъ хозяйства быть вообще не можетъ. Напр. въ 1582 г., апрѣля 1, Чапличъ-Шпановскій отдалъ въ заставу свое имѣніе Подгайцы Софьѣ Шибенской *до 29 іюня* того же года (Петра и Павла). А между тѣмъ имѣніе отдается съ дворомъ, постройками дворовыми, „пашнею дворною" (хлѣбомъ въ снопахъ), сложенною на гумнѣ и засѣянною въ полѣ, со всѣмъ имуществомъ („спрятомъ господарскимъ"), съ боярами, людьми тяглыми и огородниками, съ ихъ платами, чиншами, работами и повинностями, съ грунтами землеными... и со всѣми малыми и великими пожитками того имѣнія Подгайцы" [2]). Положимъ, готовый хлѣбъ можно было продать, хлѣбъ на корню запродать, выбрать всѣ повинности съ крестьянъ впередъ за годъ. Но какой же

[1]) Лит. Метр. I, стр. 835—837.

[2]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2060, л. 63 об.

въ такомъ случаѣ былъ интересъ собственнику заключать краткосрочную заставную сдѣлку, а не на цѣлый годъ? Едва-ли владѣльцу предоставлялся такой произволъ пользованія; повидимому, онъ долженъ былъ извлекать доходы въ обыкновенномъ общепринятомъ порядкѣ хозяйства; напр., взыскивать чинши тогда, когда было въ обычаѣ платить ихъ, и т. д. Въ данномъ случаѣ загадка разрѣшается, кажется, такъ: залогодатель въ самомъ дѣлѣ нуждался въ займѣ только на короткій срокъ и надѣялся возвратить деньги черезъ 3 мѣсяца. Заставо-приниматель же заинтересованъ тѣмъ, что въ случаѣ просрочки онъ получаетъ во владѣніе, кромѣ Подгаецъ, другое, повидимому, болѣе цѣнное имѣніе подъ самымъ Луцкомъ — Гнидаву, и тогда уже онъ владѣетъ въ обычный срокъ цѣлаго года (отъ Петра до Петра).

Годичный срокъ опредѣлялся чаще всего днями праздниковъ, напр. Петра и Павла, Пасхи [1]). Срокъ, обозначаемый переходящими праздниками (средопостье, Пасха, Вознесенье, Троица и пр.), обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что даетъ не одинаковое протяженіе времени (большее или меньшее годичнаго), хотя опредѣляется обычными терминами (годъ, два и т. д.).

Въ записяхъ иногда установляются сроки болѣе долгіе, а именно—два или три года, иногда 4 [2]) и больше, но болѣе длинные сроки можно встрѣтить только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ сдѣлкахъ, гарантирующихъ договоръ займа, точное обозначеніе сроковъ есть дѣло, конечно, необходимое. Но мы уже говорили, что заставное владѣніе иногда возникаетъ помимо договора займа, или только прикрывается этою сдѣлкою. Отсюда возникаютъ *безсрочные заставные акты*, на которыхъ здѣсь придется остановиться. Это, во первыхъ, *семейныя* сдѣлки: между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми,

---

[1]) Кіев. Ц. Арх. кн. 941, л. 81 об.

[2]) Ibid.

братьями и сестрами. Въ записяхъ въ пользу жены мужья, подъ формою заставной, назначаютъ имъ пользованіе имуществомъ или пожизненно, или совсѣмъ безъ срока. Въ 1568 г. князь Ив. Дмитр. Буремскій далъ запись женѣ своей Марьѣ Вас., урожд. Гулевичевой, въ томъ, что онъ взялъ у нея взаймы 2 т. копъ гр.; при этомъ, вѣроятно, для того, чтобы указать, что это не фикція, а дѣйствительный долгъ, говоритъ, что жена получила эти двѣ тысячи отъ отца своего за проданное ему имѣніе. Въ этомъ долгу мужъ заставилъ женѣ своей имѣніе Новоселки: „можетъ она держать и пользоваться этимъ имѣніемъ до живота своего; имѣетъ она право, если захочетъ, заставить и записать въ той же суммѣ, кому хочетъ, какъ при жизни своей, такъ и по смерти“ [1]). Последнее выраженіе (о возможности передачи заставы по смерти) показываетъ, что пожизненность есть фикція, обозначающая, что при жизни кредитора выкупъ не можетъ состояться противъ его воли.

Какъ приведенная сейчасъ, такъ и вообще семейныя сдѣлки вносятъ въ понятіе о заставѣ большія измѣненія, въ нихъ иногда наблюдается неуловимый переходъ къ сдѣлкамъ полнаго отчужденія. Напр., въ 1568 г. Фенна Дм. княжна Любецкая, вышедши замужъ за Харлинскаго, передала ему свое заставное право на большое количество имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, унаслѣдованное ею отъ брата (кн. Богуша Дм. Любецкаго). Въ заявленіи ея, между прочимъ, стоитъ слѣд.: „оную сумму две тысячи копъ (долгъ по заставѣ)... малжонку моему п. Щасному Харлинскому даю, дарую и на *вечность* записую, отдаляючи то отъ всѣхъ близкихъ, кровныхъ и повиноватыхъ моихъ“. А въ самой записи—даже болѣе того,—рѣчь идетъ уже не о заставной суммѣ, а о самыхъ имѣніяхъ: „воленъ будетъ его м. п. Щасный Харлинскій, малжонокъ мой, тые именя верху мененые у моцы и владности своей маючи, на себе *вечне* держати и ихъ уживати... и кому хотечи *продати, даровати, заменити и на веч-*

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2042, л. 387 на об.

ность записати. А я сама, так теж близкии, кровныи и повиноватыи мои того его милости боронити и ничим уступовати не маем вечными часы“ [1]).—Трудно сказать, при чемъ тутъ заставное право.

При семейныхъ сдѣлкахъ срокъ заставы опредѣляется иногда не календаремъ, а наступленіемъ извѣстныхъ семейныхъ событій. Въ 1561 г. Угриновскій сосваталъ у Несвѣцкаго дочь его себѣ въ замужество; между тѣмъ, надъ женихомъ тяготѣли долги отца, которые судъ предложилъ ему платить изъ наслѣдства, оставленнаго отцомъ, а имущества, поступившаго въ наслѣдство, было мало. Тогда на выручку явился будущій тесть и выдалъ ему триста копъ гр. впередъ въ видѣ вѣна за дочерью. Въ обезпеченіе этихъ денегъ будущій зять выдаетъ заставную запись на свое родовое село Угриново и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ самого себя въ опеку Неснѣцкому, до тѣхъ поръ, пока выдадутъ дочь свою въ замужество за него. Но если бы бракъ не осуществился, тогда что? Запись предвидитъ только одно обстоятельство, именно смерть собственника до брака и установленіе права выкупа за родовыми наслѣдниками его (сестрами) [2]). Въ 1554 г. Прок. Угриновскій даетъ заставную запись женѣ своей Оринѣ Болбасовнѣ, взявъ у нея 200 копъ грош. „ку своей потребѣ“; заставилъ онъ свое отчизное имѣніе Котчища. Срока уплаты и выкупа имѣнія никакого не постановлено: „не заплативши той суммы, я самъ, дѣти и близкіе мои того имѣнія и людей изъ рукъ ея брать не должны“. И только [3]). Въ 1558 г. Палагея Богдановна Хорохоринская заняла у сына своего Никиты Федоровича 400 копъ гр., которые были ей нужны для выдачи дочерей замужъ. Въ заставной записи на им. Бытенское, данной по этому поводу, она пишетъ, что сынъ—кредиторъ имѣетъ полныя права пользованія до тѣхъ поръ, пока другія дѣти ея (дочери) не заплатятъ ему весь долгъ, т. е. занятую сумму,

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2042, л. 44.

[2]) См. этого тома XXXI.

[3]) Кіев. Ц. Арх. кн. 2035, л. 23 об.

и тогда (при выкупѣ) имѣніе должно быть подѣлено по равнымъ частямъ между дочерьми и тѣмъ же сыномъ. Срока для того не означено никакого [1]). Не назначая срока выкупа, собственникъ всемѣрно старается отяготить условія выкупа, требуя, что-бы заставному владѣльцу были возмещены всѣ его расходы, произведенные въ имѣніи. Это не что иное, какъ замаскированное полное отчужденіе имущества.— Въ 1581 году Петръ Рогачевскій отдаетъ брату своему Михаилу въ заставу часть общаго (нераздѣленнаго между ними) имѣнія, какая придется на его долю: „ажъ до зуполное заплаты“ долга, т. е. безсрочно. Очевидно, мнимая застава есть замѣнъ раздѣла.

Замаскированныя сдѣлки полнаго отчужденія подъ формою заставы практиковались и между посторонними (не родственниками). Иногда эта замаскировка вовсе не удается, и явно выступаетъ наружу подлинная цѣль сдѣлки. Въ 1538 г. Ив. Васк. Белимовичъ - Свищевскій отчуждаетъ свое имѣніе Кокоровщину Михаилу Васильевичу (Свинюсскому); при этомъ актъ, данный имъ, нельзя назвать ни купчею, ни заставною: именно, онъ говоритъ, что $^1/_3$ имѣнія продалъ, а $^2/_3$ заставилъ, но не различаетъ правъ пріобрѣтателя на ту и другую часть, а говоритъ о цѣломъ имѣніи слѣд.: „если-бы я, или жена, дѣти и потомки мои пожелали доискиваться того имѣнія подъ паномъ Михайломъ и его наслѣдниками, то они должны будутъ заплатить королю 300 копъ грошей, а пану Михаилу и его наслѣдникамъ другіе 300 копъ гр.“ Имѣніе же остается и потомъ за Свинюсскимъ. Такой явный обходъ права заставы былъ замѣченъ при утвержденіи акта королемъ, и въ королевской грамотѣ прибавлено: „что касается до двухъ частей, которые Белимовичъ заставилъ въ деньгахъ, то Михайло и потомки его могутъ владѣть ими до тѣхъ поръ, пока не будетъ выплачена заставная сумма“. Но срока такъ и не было установлено [2]). Такія безсрочныя за-

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VIII, т. IV, № XI, 15.
[2]) Ibid. № XXX, 7.

ставныя съ посторонними практиковались особенно въ началѣ статутоваго времени, и до Статута. Напр., такія заставныя заключены: въ 1535 г. Өедоромъ Дривинскимъ въ пользу Енка Өедоровича на Дривинъ [1]); въ 1551 г. Мацкомъ Кузмичемъ Дегтемъ въ пользу Александра Загоровскаго на островъ земли [2]); въ 1532 г. Олехномъ Дехтевичемъ въ пользу Миска Стасевича на часть им. Дегтева [3]). Въ послѣднемъ случаѣ имущество передаетъ дядя своему племяннику и дѣлаетъ слѣд. характерную прибавку, которая освѣщаетъ значеніе подобныхъ сдѣлокъ: „племянникъ мой Миско обязывается содержать („ховать") меня до смерти, какъ-бы собственнаго отца". Такимъ образомъ застава, очевидно, прикрываетъ собою полную передачу собственности. Безсрочную заставу затѣмъ находимъ въ 1536 г. отъ упомянутаго выше Миска Стасевича въ пользу Загоровскихъ [4]) и т. д.

Такая форма заставы была, повидимому, еще въ большемъ употребленіи въ достатутовое время и, очевидно, замѣняла собою другія сдѣлки отчужденія имѣній, но только съ правомъ выкупа. Напр., въ 1516 г. двор. господ. Владыка заявилъ королевскому суду, что онъ заставилъ двухъ своихъ людей Легушу Хазвеевичу въ 19 копахъ; эти люди обязаны служить Легушу, какъ ему служили и подачки давали. Легушъ можетъ держать ихъ, пока ему Владыка отложитъ (уплатитъ) 19 копъ. [5]). Въ рѣшеніяхъ маршалковскаго суда за 1516 г. содержится два случая заставы безъ указанія срока: 1) по дѣлу Кевли съ Юшковичемъ оказалось, что еще мать отвѣтчика заставила Кевлѣ человѣка своего, котораго онъ по смерти матери отнялъ было у владѣльца, но по суду принужденъ былъ возвратить съ навезкою; 2) по дѣлу кн. Ив. Льв. Вяземскаго съ кн. Өед. Өед. Сокольскимъ, который заставилъ первому имѣніе Городецъ, и затѣмъ началъ

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Р. ч. VIII, т. IV, № LV.
[2]) Ibid. № LVII, 5.
[3]) Ibid. № LVII, 6.
[4]) Ibid. № LVII, 8.
[5]) Лит. Метр. I, стр. 281—282.

вступаться въ это имѣніе, не заплативши денегъ; на судѣ онъ сослался было на подложность акта, но не доказалъ; опять рѣшеніе таково: „не маеть ся уступати до тых часов, поки ему тую 150 копъ гр. отложить" [1]), т. е. безъ срока.

Мы уже упомянули, что особый видъ безсрочныхъ заставныхъ сдѣлокъ (прикрывающихъ собою сдѣлки отчужденія) составляютъ тѣ, которыя постоянно примѣнялись между *панами и ихъ слугами*, когда первые желали наградить вторыхъ имѣніемъ на служебныхъ правахъ. Этими сдѣлками и опредѣлялась специальная форма землевладѣнія, именно *служебное владѣніе*, которое заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Здѣсь отмѣтимъ только одинъ примѣръ его: въ 1528 году кн. Илья Конст. Острожскій заставляетъ своему слугѣ Гурку Өедоровичу дворецъ Здвижное и нѣсколько частей другихъ имѣній и въ заставной записи пишетъ, что онъ взялъ у своего боярина Гурка Өедоровича 300 копъ грошей. Это несомнѣнно заставная; она заключена съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и съ назначеніемъ даже срока (день св. Петра). Но у князей деньги не всегда водились; когда Гурко пожелалъ получить свой долгъ и князь приказалъ было своему подскарбему (казначею) выдать деньги, то касса оказалась пустой; князю пришлось иначе вознаградить слугу, и вотъ онъ переводитъ долгъ на имѣнія, которыя уже раньше пожалованы были Гурку на служебномъ правѣ, именно—на Бормаки и Чудле, и при этомъ уже не назначается никакого срока заставы. Зачѣмъ это дѣлается? Что за выгода Гурку въ переводѣ заставы съ одного имѣнія на другія и притомъ такія, которыя и прежде были въ его владѣніи на служебномъ правѣ? Очевидно, 300 копъ грошей, взятыхъ на заставномъ правѣ, служатъ только средствомъ усилить право служебнаго владѣльца тѣмъ, что ни самъ панъ, ни его потомки уже не отнимутъ у слуги пожалованныхъ имѣній (каковое право имъ принадлежало), если имъ еще придется уплатить 300 копъ гр. [2]). Въ этомъ случаѣ несомнѣнно былъ сдѣланъ

[1]) Лит. Метр. I, стр. 325—328.

[2]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VIII, т. IV № XLVIII.

дѣйствительный долгъ; но б. ч. сдѣлки съ обозначеніемъ занятой суммы въ дѣйствительности были фиктивныя. Для фикціи установилась обычная формула: „записать такую-то сумму на имѣніи такому-то“. Обыкновенно такое имѣніе никогда не выкупалось и переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію владѣльцевъ. Но во всякомъ случаѣ это было владѣніе прекарное и могло быть отнято или выкуплено собственникомъ.

Послѣдствія невыкупа заставы въ срокъ. Обращается-ли застава въ право собственности владѣльца при невыкупѣ ея въ срокъ? По закону и актамъ полов. XVI в. этого послѣдствія не наступаетъ (за исключеніемъ специальной сдѣлки „подъ страченьемъ“, о которой ниже). Но текстъ 1-го Статута возбуждаетъ сомнѣнія; въ немъ (Р. X, арт. 7) читаемъ подъ заголовкомъ: „коли-бы позвалъ тотъ, въ кого застава, того, хто ему заставилъ“: „Коли-бы справа была кому *о которую реч дедичную*, то естъ яко о долгъ позыченый, *або реч рухомую* заставленную, тотъ, который („позванъ“ по сп. Фирлея) ку выправеню тыхъ речей его заставленыхъ, на первомъ и на другомъ и на третемъ року не сталъ, тотъ свою реч тратить, а тотъ, которому-бы тые речи заставлены, будетъ моценъ обернути, куды хотечы“.—Что значитъ здѣсь „речь дедичная“ и объясненіе ея „яко о долгъ позыченый“? Судя по тому, что дальше ей противопоставляется „речь рухомая“, можно подумать, что подъ неясными словами о „речи дедичной“ и „долгѣ позыченомъ“ разумѣется недвижимое имущество, заложенное должникомъ. Это, повидимому, и подтверждается дальнѣйшимъ содержаніемъ артикула, гдѣ идетъ дѣло о предоставленіи въ собственность кредитора заложенныхъ вещей вообще (безъ различія движимыхъ и недвижимыхъ). Такое пониманіе артикула давало-бы намъ чрезвычайно важное положеніе закона о переходѣ въ собственность кредитора заложенныхъ недвижимыхъ имуществъ всегда при невыкупѣ ихъ собвтвенникомъ въ срокъ.

Противъ такого толкованія артикула можно-бы выставить то положеніе, что далѣе (въ арт. 8 и 9) идетъ дѣло

объ особомъ условіи, при существованіи котораго только и допускается такой переходъ имуществъ какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ, а именно: если собственникъ (должникъ) въ своей долговой записи напишетъ, что закладываетъ вещь „подъ страченемъ“ (на упадъ), то тогда только заложенная вещь становится собственностью кредитора при невыкупѣ ея въ срокъ [1]). Казалось-бы, зачѣмъ нужна спеціальная оговорка „подъ страченемъ“, если и безъ того невыкупленная вещь всегда обращается въ собственность кредитора? Но это возраженіе можетъ быть отстранено тѣмъ, что въ артикулѣ 7 устанавливается необходимость судебной процедуры по взысканію долга съ троекратнымъ вызовомъ должника, а въ артикулахъ 8 и 9 этого нѣтъ; т. е. если собственникъ займа не написалъ, что закладываетъ вещь „на упадъ“, т. е. что соглашается на ея полную утрату для себя въ случаѣ невыкупа, тогда кредиторъ долженъ обратиться къ суду, потребовать уплаты въ срокъ и только послѣ этого, если выкупъ не послѣдовалъ (должникъ не явился), обращаетъ вещь въ свою собственность. Если-же должникъ обозначилъ въ записи, что заранѣе соглашается навсегда потерять вещь въ случаѣ невыкупа, то кредиторъ съ момента наступленія срока и непредставленія выкупа, безъ участія суда, становится собственникомъ.

Повидимому, другого толкованія артик. 7-го допустить нельзя; нельзя, напр., полагать, что въ немъ идетъ рѣчь только о движимыхъ вещахъ, ибо въ дальнѣйшемъ (арт. 8), какъ мы видѣли сейчасъ, законъ опять говоритъ о движимыхъ вещахъ. Если здѣсь, при установленіи особой нормы („подъ страченемъ“), законъ отдѣльно, въ двухъ артикулахъ, говоритъ о движимыхъ и недвижимыхъ вещахъ, то потому, что относительно недвижимыхъ вещей требуется особое условіе для обращенія ихъ въ собственность кредитора, а именно: заставной владѣлецъ, при ненаступленіи выкупа въ срокъ, тогда только получаетъ ихъ въ собственность, когда

---

[1]) Объ этой сдѣлкѣ скажемъ подробнѣе ниже.

не послѣдуетъ, въ теченіе года, выкупа ихъ родственниками должника (арт. 9), что́ относительно движимыхъ вещей не требуется.

При этомъ можетъ возникнуть вопросъ: почему о правѣ выкупа родственниками ничего не было сказано въ арт. 7, т. е. при обращеніи заставы въ собственность кредитора по суду? На это можно отвѣтить предположеніемъ, что тогда не было нужды въ особомъ вызовѣ желающихъ выкупить родственниковъ, ибо дѣло о выкупѣ шло гласно чрезъ судъ и троекратный вызовъ должника, о чемъ не могли не знать родственники его. Допустимо и такое предположеніе, что право родственниковъ было одинаково въ обоихъ случаяхъ, но законъ, по свойству редакціи всѣхъ старыхъ законовъ, не обобщилъ его. Можно допустить и другое предположеніе: если собственникъ самъ соглашается на потерю вещи, то тѣмъ совершаетъ вину предъ своими родственниками, которые чрезъ то и получаютъ право на выкупъ.

Представленное толкованіе арт. 7, X Р. Статута 1529 г. мы не рѣшаемся выставить, какъ несомнѣнный историко-юридическій выводъ лишь потому, что не находимъ фактовъ въ подтвержденіе его; а потому ставимъ его какъ вѣроятную гипотезу, не находя никакого другого способа изъяснить содержаніе арт. 7.

Въ Статутѣ 1566 уже нѣтъ ничего соотвѣтствующаго этому артикулу (осталось лишь положеніе объ условіи „подъ страченемъ“). Так. обр., со времени изданія 2-го Статута устанавляется тотъ порядокъ, который и продолжался до указа 1827 года, а именно: прекращеніе заставы съ просрочкою долга (невыкупомъ) не наступаетъ никогда; для собственника и его преемниковъ сохраняется, т. ск., вѣчное право выкупа; для владѣльца и его преемниковъ такое-же право владѣнія и пользованія.

Это положеніе во 2-мъ Статутѣ ближе опредѣляется слѣд. чертами: 1) Выкупъ не можетъ быть произведенъ „между сроками“; по арт. 15 (Р. VII) заставной владѣлецъ „тую заставу маеть держати, ажъ до другого року не мо-

жетъ окуповати, подлѣ запису на то даного", т. е. срокъ, установленный въ записи, продолжается до новаго такого-же термина (годичнаго, двухлѣтняго и т. д.); среди такого періода времени („межи роковъ") выкупать запрещалось. И первый Статутъ зналъ такую норму (Р. X, 10), но предоставлялъ это волѣ договаривающихся: если собственникъ самъ такъ напишетъ въ записи. По смыслу поставленій 2-го Статута, такое правило, повидимому, превращается въ общую норму. По крайней мѣрѣ, съ того времени практика ввела его въ каждую заставную запись, какъ необходимое и постоянное.

Правило о невыкупѣ заставы „между сроками" относится только къ лицу, заложившему имѣніе, но не къ его наслѣдникамъ, которые по смерти наслѣдодателя могутъ тотчасъ-же потребовать возвращенія имѣнія чрезъ выкупъ, не дожидаясь наступленія установленнаго термина.

2. Затѣмъ практика въ пол. XVI в. ввела въ общее употребленіе штрафныя мѣры для обезпеченія исполненія сдѣлки въ срокъ, а именно:

Во перв., при просрочкѣ застава продолжается до такого-же новаго срока; но долговая сумма уже не та, какая была условлена при возникновеніи заставы, а увеличивается вдвое, что̀ технически именовалось *совитостію*. Это и вводится почти въ каждую заставную запись. Конечно, кредиторъ, съ согласія должника, можетъ установить какую угодно неустойку; но „совитость" дѣлается явленіемъ обычнымъ, составляя какъ-бы норму обычнаго права. Это обнаружилось въ содержаніи Статута 1588 г. (Р. VII, ар. 18), гдѣ законъ, говоря объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя и различая эту отвѣтственность по тому, начался-ли уже процессъ при жизни наслѣдодателя о взысканіи, или должникъ только былъ еще вызванъ въ судъ и до начала процесса умеръ, устанавливаетъ въ первомъ случаѣ полную отвѣтственность наслѣдниковъ со всѣми убытками, заруками, винами и пр., а во второмъ случаѣ возлагаетъ на наслѣдни-

ковъ только уплату суммы долга „съ совитостію“, отъ „шкоды“ же, зарукъ, накладовъ, „винъ“ освобождаетъ ихъ. Очевидно, „совитость“ составляетъ уже законную принадлежность долга (при неуплатѣ его въ срокъ), не смотря на то, была-ли установлена въ долговой записи, или нѣтъ [1]).

3. Наконецъ, обезпеченіемъ срока служитъ слѣд. введенное обычаемъ условіе заставныхъ записей: должникъ (залогодатель), не уплатившій денегъ въ срокъ, обязывается допустить кредитора ко вводу во владѣніе другимъ или другими своими имѣніями, кромѣ того, которое заставлено по первоначальной записи. Это является необходимымъ послѣдствіемъ совитости; если долгъ увеличивается вдвое, то и обезпеченіе его должно быть усилено вдвое.

Дѣльцы того времени, однако, старались устранить связь новой заставы съ совитостію. Напр., въ 1582 году Чапличъ-Шпановскій, отдавая Лысичинскому въ заставу им. Черноховъ, между прочимъ говоритъ въ своей записи, что, въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, кредиторъ имѣетъ право получить во владѣніе другія четыре имѣнія его, „не зовучи того совитостю, але властными рукодаными пенезями“. Зачѣмъ эта прибавка? Полагаемъ, что кредиторъ опасался, что о „совитости“ еще могутъ быть споры, и новая застава могла быть оспорена. Поэтому залогодатель принужденъ былъ заявить, что новая застава возникла не изъ совитости, а изъ новаго долга [2]).

Но иногда новая застава другихъ имѣній должника, при просрочкѣ долга, возникаетъ и безъ отношенія къ совитости; напр. въ 1582 г. Чапличъ-Шпановскій даетъ заставную запись Шибенской на свое имѣніе Подгайцы и, не устанавляя въ записи удвоенія суммы долга въ случаѣ просрочки, пишетъ: „можетъ е. м. п. Шибенская, или тотъ, у кого тотъ листъ мой будетъ, взявши вознаго повѣта Луцкаго, силою въѣхать и ввестись въ имѣніе мое подъ Луцкомъ—

[1]) Объ установленіи суммы долга вдвое см. этого тома № LXI.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2060, л. 145 на об.

Гнидаву и держать и пользоваться имъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ имѣніемъ моимъ Подгайцами, до слѣдующаго полнаго сроку“ [1]).

Так. обр. въ замѣнѣ обращенія заставленнаго имѣнія въ собственность кредитора въ эпоху 2-го Статута установляются иныя штрафныя послѣдствія при невыкупѣ въ срокъ; застава же продолжается вѣчно.

Застава „подъ страченьемъ“ (*„на упадъ“*). Описанныя послѣдствія невыкупа въ срокъ усиливали права заставного владѣльца, но не обращали владѣнія въ собственность, не прекращали заставного владѣнія. Однако въ эпоху Статута какъ въ законѣ, такъ и въ обычаѣ, былъ и другой видъ заставы, при которомъ именно наступали эти послѣдствія. Это именно (упомянутая выше) застава „подъ страченьемъ“, т. е. условіе, по которому собственникъ обязывается при невыкупѣ въ срокъ предоставить владѣльцу полное право на вещь заставную. Законъ (Стат. 1529, Р. X, 8) прежде всего имѣетъ въ виду вещи движимыя: „можетъ тые речи обернути ку своей потребе на вечность“. Въ Стат. 1566 г. уже устанавливается при этомъ докладъ уряду: „оповѣдавшися вряду“ (Ст. I. X, 8; Стат. 2-й, VII, 20). Статутъ 1529 (ibid. арт. 9), распространяя общую норму и на имѣнія, ограничиваетъ ее слѣдующимъ: когда наступитъ срокъ выкупа, и собственникъ не выкупаетъ, то заставной владѣлецъ долженъ оповѣстить родственниковъ должника и предложить имъ выкупить имѣніе; если въ теченіе года никто изъ родственниковъ не выкупаетъ, то кредиторъ вступаетъ въ право собственности: „вечне тое именье одержитъ“. Въ Статутѣ 1566 г. (Р. VII, арт. 18) это послѣднее постановленіе изложено совершенно согласно съ 1-мъ Статутомъ. Этимъ достигалось огражденіе правъ рода, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгость соблюденія срока и исполненія условія „подъ страченьемъ“ значительно ослаблялась.

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2060, л. 63 на об.

Статутъ 1588 г. (Р. VII, ар. 21) допустилъ дальнѣйшее существенное изъятіе изъ указаннаго принципа, сдѣлавши слѣд. прибавку: „если-же заставившій имѣніе на рокъ подъ страченьемъ умеръ, то хотя бы срокъ по записи минулъ, но потомки или родственники его имѣютъ право, заплативши деньги, возвратить себѣ имѣніе“. Законъ не объясняетъ, сохраняется-ли это право за родственниками навсегда, или дѣйствуетъ только немедленно по смерти наслѣдодателя. Если первое изъ этихъ двухъ толкованій закона правильно, то Статутъ не устанавливаетъ никакого срока для родового выкупа заложенныхъ имѣній и призываетъ къ этому праву не только боковыхъ родственниковъ, но и нисходящихъ. Такая прибавка въ законѣ лишала старое постановленіе всякой опредѣленности и строгости, хотя мотивъ закона понятенъ: „страченье“ есть штрафъ, добровольно условленный, за вину неисполненія обязательства; но за вину отвѣчаетъ только виноватый, взявшій на себя такое обязательство, а не другія лица.

Въ юго-западной Руси, гдѣ Стат. 1588 г. не получилъ силы и гдѣ продолжали пользоваться Статутомъ 1566 г., подъ названіемъ Волынскаго, практика (какъ до 2-го Статута, такъ и послѣ того) продолжала держаться отчасти прежнихъ строгихъ нормъ, и въ записяхъ (впрочемъ, весьма рѣдкихъ) относительно сдѣлки „подъ страченьемъ“ или на „упадъ“, мы находимъ такія условія: „тые имена мои Татьяны Олехновны Белостоцкаго въ именяхъ Беломъ Стоку и Городиску до пана Богдана Смыковского (заставного владѣльца) вѣчно трачу, которые его мил., водлугъ права посполитого и статуту земского въ арт. 16 въ розд. семомъ заховываючися и поступуючи, на вечность мети и ихъ на себѣ держати, и тые имена..., яко власностю своею самъ зо всими потомки своими уживати“ [1]).

Въ заставныхъ записяхъ иногда установлялось, что „страченье“ наступаетъ не въ первый пропущенный срокъ

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 2060, л. 33 на об.

уплаты, а при троекратномъ повтореніи неисправности должника: въ 1562 г. Фед. Бѣлинскій заставилъ Стан. Граевскому 6 волокъ на годъ; а „если-бы и въ другой годъ не отдалъ грошей, то п. Кграевскій маетъ держати до третьяго году; а по выиштю оныхъ трехъ годъ... тогды вже п. Кграевскій тую 6 волокъ вечно маетъ держати, а я самъ и *потомки мои* тых грошей маемо вечне молчати и тую 6 волокъ *будемъ винни* завести и записати на вечность“ ¹).

Послѣднее (подчеркнутое) выраженіе указываетъ, что постановленіе Статута 1588 г. (относительно права выкупа наслѣдниками) въ юго-западной Руси не дѣйствовало.

Примѣненіе давности къ заставному владѣнію. Заставное владѣніе, подобно арендѣ, какъ само собою понятно, не подлежитъ давности, что́ и было выражено въ Ст. 1529 (Р. X, 5) и въ Ст. 1566 г. (Р. VII, арт. 14) весьма опредѣленно: „кождая застава давности меть не можетъ“. То же постановленіе формально повторено и въ третьемъ Статутѣ (Р. VII, ар. 12).

Но Статутъ 1588 года внесъ въ этотъ вопросъ существенныя измѣненія и оговорки, а именно (Р. VII, арт. 13): если отвѣтчикъ (заставной владѣлецъ) будетъ отрицать фактъ заставы (утверждая, что спорное имущество есть его собственность), то (по сдѣлкамъ, состоявшимся до изданія 3-го Статута) надо имѣть въ виду, что „многіе привыкли искать судомъ правъ давныхъ, застарѣлыхъ, утверждая, что то была застава, и вводятъ стороны и судъ въ неосновательныя разбирательства А потому о такихъ давнихъ и минувшихъ заставахъ постоновляемъ такъ: Если кто потребуетъ выкупа имѣнія, утверждая, что застава была совершена послѣ изданія 1-го Статута, а отвѣтчикъ будетъ утверждать, что то его собственность, и будетъ ссылаться на давность земскую, то истецъ долженъ доказать ясными письменными документами, что имѣніе принадлежало его предкамъ; только послѣ этого истецъ можетъ быть допущенъ къ представленію до-

¹) Кіев. Центр. Арх. кн. 2037, л. 50. См. этого тома № XLVI.

кументовъ заставы. Безъ этого условія истецъ не допускается къ подтвержденію своего права присягою; напротивъ, отвѣтчикъ, хотя-бы и не имѣлъ документовъ, можетъ подтвердить свое право присягою, если провладѣлъ земскую давность; а если отвѣтчикъ представитъ какіе-бы то ни было документы, то и безъ присяги, по одной давности, освобождается отъ притязаній истца. Если, послѣ изданія 3-го Статута, кто-либо въ теченіе 10 лѣтъ не начиналъ иска о давней заставѣ (т. е. якобы состоявшейся послѣ 1-го Статута), то уже лишается права искать навсегда (за исключеніемъ обычныхъ условій малолѣтства и опеки). Наконецъ, кто-бы молчалъ отъ изданія 1-го Статута до изданія 3-го Статута, тотъ навсегда лишается права искать по причинѣ такой далекой давности.

Нельзя сказать, чтобы это постановленіе отличалось большою ясностію и опредѣленностію, а потому иски велись и послѣ изданія 3-го Статута о заставахъ глубокой древности. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ (4) арт., когда рѣчь идетъ о выкупѣ заставы, вставлена общая фраза: „ни якою давностію не вимовляючися". Приводя въ порядокъ постановленія 3-го Статута, находимъ, что 1. заставное владѣніе, вновь возникающее, давности не подлежитъ.

2. Дѣла о заставѣ, возникшей до 1529 г., совершенно и безусловно покрываются давностію.

3. Дѣла о заставѣ, возникшей послѣ 1529 года и до 1588 года, подлежатъ обсужденію суда, но при извѣстныхъ условіяхъ также могутъ быть погашены давностію.

4. Иски, начатые о заставахъ, возникшихъ до изд. 3-го Статута, по истеченіи 10 лѣтъ послѣ изданія его, т. е. послѣ 1592 года, погашаются давностію.

Очевидно, Статутъ 1588 года призналъ въ дѣлахъ о заставѣ возможность приложенія давности не земской (не владѣнія), а исковой, т. е. давности погашенія исковъ, хотя и допускаетъ выраженія „давность земская" (для отвѣтчика).

Дѣйствіе третьяго Статута, какъ сказано, не распространялось на юго-западный край (воеводства Кіевское, Волынское и Браславское), присоединенный въ 1569 г. къ коронѣ польской. Поэтому нельзя искать прямого вліянія его на практику этого края.

Но обстоятельства, вызвавшія постановленія Статута 1588 года, были одинаковы во всѣхъ краяхъ бывшаго Литовскаго государства.

Соберемъ эти обстоятельства (указанныя уже по мѣстамъ на предыдущихъ страницахъ).

а) По закону и обычаю, застава, невыкупленная въ срокъ, продолжается на новые такіе-же сроки. Такое *возобновленіе сроковъ* не всегда совершается по суду, т. е. послѣ требованія кредиторомъ выкупа въ срокъ и отказа должника. Разъ собственникъ не заявлялъ требованія, не представлялъ денегъ на выкупъ, застава продолжалась сама собою. б) Припомнимъ то обстоятельство, что до 1566 года законъ воспрещалъ продавать все имущество въ цѣломъ, а лишь 1/3; между тѣмъ, въ дѣйствительности многіе собственники именно *имѣли въ виду передать все имущество* и на заставу 2/3 имѣній смотрѣли только, какъ на фикцію и, вѣроятно, значительная часть такихъ сдѣлокъ и приводила къ полному отчужденію. Приведемъ такой примѣръ: въ 1567 году зем. Щасный Луковскій заявляетъ въ судъ, что болѣе 40 лѣтъ тому назадъ продалъ онъ Оранскимъ свою часть отчизнаго имѣнія Лазкова; но тогда нельзя было продать все имѣніе, и потому продажа была заключена на 1/3, а на 2/3 дана заставная. Когда-же въ 1566 году дозволено владѣльцамъ продавать все, то онъ, Луковскій, задумалъ было продать 2/3 имѣнія (заставленнаго Оранскимъ) своему племяннику Голку. Однако Оранскіе представили „листы—твердости“, выданные Луковскимъ съ вѣдома и подъ печатями урядниковъ господарскихъ, изъ которыхъ (листовъ) продавецъ убѣдился, что продать стороннимъ лицамъ онъ не можетъ, а потому теперь заключаетъ продажную сдѣлку съ Оранскимъ [1]. Эти ли-

[1]) Кіев. Центр. Арх. 2057, л. 175 на об., 177 и 179.

сты—твердости, вѣроятно, суть обычныя тогда обязательства не продавать никому имѣнія, кромѣ такого-то. Словомъ, продавецъ черезъ 40 л. хотѣлъ уничтожить установленную фикцію. в) Разграниченіе права собственности и права владѣнія между двумя лицами можетъ достигнуть точности и прочности тогда, когда существуетъ формально составленная запись, какъ это и вошло во всеобщее употребленіе въ XVI в.; но въ XV в. и нач. XVI *сдѣлка заставы была совершаема и словесно*; когда (какъ мы видѣли) она могла быть подтверждаема на судѣ свидѣтельскими показаніями, право собственности легко можно было смѣшать съ правомъ владѣнія, и наоборотъ. Напр., въ 1517 г. (марта 28) королевскій судъ рѣшалъ споръ между боярами, изъ которыхъ одинъ утверждалъ, что земля, состоящая во владѣніи отвѣтчиковъ, есть его отчизна, находящаяся у нихъ лишь въ заставѣ; а отвѣтчики настаивали, что земля пріобрѣтена ихъ отцомъ не на заставномъ правѣ, а на правѣ собственности („обель вечно“); ни та, ни другая сторона не имѣли документовъ; судъ рѣшилъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, въ пользу истца [1]).

Для иллюстраціи идей 3-го Статута можно привести фактъ изъ временъ довольно позднихъ, когда уже давно дѣйствовалъ 1-ый, а затѣмъ и 2-ой Статутъ. Въ 1571 г. кн. Янушъ Збаражскій и его сестра предъявили искъ о выкупѣ изъ заставы ихъ материнскаго имѣнія Морозовичъ, которое отдалъ въ заставу (по ихъ мнѣнію, безъ всякаго права) отецъ ихъ кн. Николай Андреевичъ нѣкоему Станиславу Залѣскому-Медвѣдю за 12 копъ гр. Затѣмъ это имѣніе, неизвѣстно какъ (говорятъ истцы), перешло во владѣніе Стан. Остророга, а по смерти его—женѣ его и сыновьямъ. Повѣренный отвѣтчицы пытался прибѣгнуть къ разнымъ обычнымъ тогда крючкотворнымъ уловкамъ, опровергнутымъ истцами и судомъ. Затѣмъ пріятель Остророговой—каштелянъ любачевскій вынулъ и показалъ какой-то документъ съ двумя печатями, свидѣтельствующій (по его мнѣнію) о томъ, что по-

[1]) Лит. Метр. I, 990.

койный кн. Збаражскій не заставилъ, а продалъ на вѣчность спорное имѣніе Залѣсскому-Медвѣдю. Но когда истцы потребовали, чтобы онъ далъ имъ этотъ актъ для ознакомленія съ нимъ и снятія копіи, то „пріятель“ не далъ его и спряталъ у себя бумагу. Судъ призналъ, что такой невѣдомый документъ не можетъ служить опорою правъ отвѣтчиковъ, призналъ право Збаражскихъ на выкупъ и взялъ деньги у нихъ для храненія „при книгахъ“. Очевидно, что у сторонъ не было въ рукахъ подлинной заставной записи. Что-же было въ рукахъ истцовъ? Документъ о пожалованіи спорнаго имѣнія в. кн. Свидригайломъ, т. е. 100-лѣтней давности. Сохранилось у нихъ какое-то свѣдѣніе, что имѣніе было заложено за 12 копъ. И только [1]). При такихъ условіяхъ примѣненіе давности дѣйствительно могло имѣть мѣсто, хотя въ данномъ случаѣ судъ не примѣнилъ ея.

г) При *наслѣдственности* заставного владѣнія и правѣ передачи его кому-угодно, всякіе сроки могли застарѣть; преемники собственника могли совсѣмъ выпустить изъ виду свои права на имѣніе, когда-то принадлежавшее ихъ предкамъ. Оно могло подвергнуться опасности овладѣнія преемниками заставного владѣльца. Въ 1583 г. нѣкіе Янчинскіе заявили Владимірскому грод. суду искъ на кн. Константина Острожскаго, въ качествѣ опекуна надъ имѣніями несовершеннолѣтнихъ дѣтей кн. Романа Сангушка, въ томъ, что когда-то ихъ дѣдъ (Янчинскихъ) отдалъ въ заставу своему брату имѣніе Крухиничи. Теперь-же это имѣніе, „не вѣдати якимъ правомъ“, попало въ составъ имѣній Сангушка [2]). Мы не знаемъ результата тяжбы, ибо кн. Константинъ отбивался отъ позва формальными причинами (другимъ, важнѣйшимъ дѣломъ въ другомъ судѣ). Но важно то, что уже 3-е поколѣніе Янчинскихъ почему-то доискалось и схватилось за свои права, которыя совсѣмъ могли быть упущены въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Актовыя книги и записи докумен-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 954, л. 226.
[2]) Кіев. Ц. Арх. кн. 927, л. 78 об.

товъ въ нихъ начали правильно вестись лишь съ нач. 60-хъ годовъ XVI в. Въ рукахъ собственника, так. обр., могло не сохраниться никакихъ данныхъ о совершонной заставной сдѣлкѣ.

Итакъ, думаемъ, что примѣненіе давности къ заставному владѣнію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вызвано обстоятельствами жизни права, а не выдумано произвольно составителями 3-го Статута.

Говоря о фактическихъ условіяхъ, при которыхъ могла возникнуть мысль о возможности примѣнить давность къ заставѣ, нельзя не принять во вниманіе вліянія польскаго права на литовско-русское. Въ польскомъ правѣ, какъ въ древнемъ (Вислицкихъ Статутахъ), такъ и въ болѣе близкомъ къ Лит. Статуту (Вартскихъ Статутахъ), находимъ по этому вопросу весьма важныя указанія, а именно: въ Вислицкомъ Статутѣ, подъ рубрикой: de obligatione alicujus hereditatis, читаемъ: „Если кто-либо держитъ въ заставѣ какое-либо имѣніе, то постановляемъ, что заставившій, или, при отсутствіи или неимѣніи заставившаго (non existente vel deficiente, т. е. по смерти его или отлучкѣ?), ближайшій ему по родству или свойству (долженъ) публично предъ нашимъ (королевскимъ) судомъ, или въ приходскомъ округѣ того имѣнія, или на общемъ сеймѣ сдѣлать заявленіе по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, что сказанное имѣніе заложено въ такой-то суммѣ денегъ, какъ это есть или было въ дѣйствительности. Дѣлая такого рода заявленіе, заставившій или ближній его, какъ сказано, будетъ имѣть полное и неограниченное право выкупить или освободить сказанное имѣніе. Если-же онъ не позаботился или пренебрегъ сдѣлать подобное заявленіе въ теченіе 15 лѣтъ, непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ, то теряетъ всякое право на заложенное имъ имѣніе“. Въ Вартскихъ Статутахъ (1423 г.) сдѣлано слѣд. измѣненіе приведеннаго постановленія: „Давность владѣнія имѣніемъ, заложеннымъ за деньги, въ нѣкоторыхъ нашихъ земляхъ была назначена въ 15 лѣтъ, по прошествіи которыхъ кредиторъ обыкновенно пріобрѣталъ навсегда это

имѣніе; мы и наше дворянство нашли, что такая короткая давность установлена неправильно (non sine peccato). А потому отнынѣ постановляемъ: относительно такихъ заставъ срокъ долженъ быть сохраняемъ въ теченіе 30 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ заложившій можетъ по десятилѣтіямъ или пятилѣтіямъ, или когда ему угодно возобновить заставу въ актахъ передъ судомъ". Это послѣднее постановленіе въ древнемъ переводѣ на русскій языкъ изложено такъ: „мы уставляемъ: такый записъ 30 годовъ держать а въ... годъ тотъ записъ можетъ передъ судьею обновить въ книгахъ записныхъ".

Изъ представленныхъ узаконеній очевидно, что польское право отнюдь не признавало правила о томъ, что застава не подлежитъ давности; напротивъ, оно прямо назначало срокъ такой давности,—сначала 15-лѣтній, а потомъ 30-лѣтній. Правда, эти узаконенія не отразились на литовскомъ законѣ, но на практику могли имѣть извѣстное вліяніе, когда поляки начали внѣдряться на территоріи литовско-русскаго государства. Усвоенію польскаго права помогали переводы Вартскихъ Статутовъ на русскій языкъ, распространенные въ Литвѣ уже въ XV в.

Полное утвержденіе начала о нераспространеніи давности на заставу послѣдовало только тогда, когда закономъ (1827 г.) былъ уничтоженъ порядокъ вѣчнаго продолженія заставы при постоянномъ возстановленіи сроковъ и было постановлено, что отсрочки выкупа могутъ быть дѣлаемы только до 9-ти лѣтъ, что, очевидно, было вызвано опасеніемъ наступленія 10-лѣтней давности владѣнія. Но это узаконеніе послѣдовало почти наканунѣ отмѣны силы Литовскаго Статута и замѣны его общеимперскимъ правомъ [1]).

---

[1]) См. „Сводъ мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній (проектъ)", изд. М. Я. Пергамента и бар. А. Э. Нольде. Спб. 1910 г., § 978: „заставные договоры могутъ быть отсрочиваемы и условіе о сей отсрочкѣ включаемо въ самыхъ договорахъ; но такія отсрочки далѣе 9 лѣтъ отъ дня совершенія заставного договора не допускаются". Ук. 1827, іюля 14, п. 1 и 3.

I.

1. 1450 г. [1]). Грамота Кіевскаго князя Александра Владиміровича слугѣ Ларіону Валевскому о причисленіи его къ боярамъ.

2. 1486 г. (?) марта 7 [2]). Грамота кор. Казиміра Ягелловича намѣстнику Овруцкому Роману Ивановичу о подтвержденіи права Булбака (Булгака ?) Бѣлявскаго на землю Скачковскую.

3. Грамота короля Генриха 1574 г. марта 18 о подтвержденіи за земянами кіевскими Павломъ и Семеномъ Булгаковскими, Гридкомъ Нелиповичемъ Левковичемъ и Радивономъ и Охримомъ Геевичами на владѣніе землями Смолчанскою, Левковскою, Ловдыковскою и островомъ Литовскимъ.

Облята екстракту з книгъ трыбуналскихъ любелскихъ выданого, з уписанiем привилеiов и конфирмации од королей их м.м. на земли Левковскую, Булгаковскую и Ловдыковскую ихъ м.м. наном Левковским, Геевскимъ и иным служачыхъ.

Року тисеча семъсотъ шеснадцятого мца генуарии семнадцятого дня.

На враде кгродскомъ въ месте его корол. млсти Овручом, передо мною Шымономъ Валевскимъ Левковскимъ, войскимъ жытомерскимъ, коморником граничным, намесником подвоеводзтва, реентом кгродским енералу воеводства Киевского и книгами нинешними кгродскими киевскими, comparens personaliter urodzony imc pan Jan Hejewski Łowdykowski dla wpisania do xiąg ninieyszych extrakt, z xiąg głownych trybunalskich lubelskich spraw woiewodztwa Kijowskiego wyięty,

---

[1]) Такъ какъ въ годы правленія князя Александра Владиміровича (1440—1455) индиктъ 13-й падаетъ на 1450 годъ, то къ нему мы и пріурочиваемъ актъ.

[2]) Грамота Казиміра дана инд. 4 послѣ управленія Кіевомъ Мартина Гаштольда; отсюда полагаемъ, что она могла быть дана не въ 1471 году (когда приходится также индиктъ 4-й), а въ 1486 году; ибо въ 1471 году Мартинъ Гаштольдъ могъ быть только-что назначенъ намѣстникомъ въ Кіевъ, да то сомнительно.

z upisaniem praw, przywilejow, konfirmacyi na dobra ziemie Lewkowską, Bulhakowska, Lowdykowska, od nayiasnieyszych krolow ich mm. y xiążąt łaskawie nadanych, per oblatam podawszy, prosił, aby przyięty y w xięgi wpisany był. Ktory to extract ia urząd, do xiąg przyimuiąc, czytałem y tak się w sobie ma. Wypis z xiąg głownych trybunalskich spraw woiewodstwa Kijowskiego roku tysiąc siedmsett dwunastego miesiąca octobra pierwszego dnia: przed sądem ninieyszym głownym trybunalskim koronnym lubelskim comparens personaliter urodzony im pan Mikołay Lewkowski, extrakt z xiąg ziemskich kijowskich authentyce wydany z upisaniem w nim przywilejow y konfirmacyi, od nayiasnieyszych krolow ich mciow Henryka, Kazimierza y innych, nizey wyrazonych, na dobra ziemi Bułhakowska, Łowdykowska y inné dane y miłosciwie conferowane, dla wpisania do xiąg ninieyszych głownych trybunalskich spraw woiewodztwa Kijowskiego per oblatam podał, prosząc sądu ninieyszego, aby przyięty y do xiąg wpisany był; ktory extrakt sąd ninieyszy, ad acticandum przyimuiąc, czytac przed sobą kazawszy, de verbo ad verbum do xiąg ninieyszych wpisać roskazał de eo verborum quis sequitur tenore:

Wypis z xiąg spraw sądowych ziemskich woiewodztwa Kijowskiego roku od Narodzenia syna Bozego tysiąc pięcset dziewięc dziesięt siodmego miesiąca octobra siedmnastego dnia. Na rokach sądowych ziemskich kijowskich, od dnia swiętego Michała swięta rzymskiego przypadłych y na zaiutrz tego swięta w zamku iego krolewskiey msci Owruckim sądzic się zaczętych, przed nami Jesipem Niemiryczem sędzią, a Harasimem Surynem podsędkiem, a Dymitrem Jelcem pisarzem, urzędnikami sądowemi ziemskiemi woiewodztwa Kijowskiego, postanowiwszy się oczewisto ziemianin iego krolewskiey m-sci woiewodstwa Kijowskiego Iwan Makarowicz Łowdykowski, sam od siebie y imieniem wszystkich braci swoich Łowdykowskich, Lewkowskich y Bułhakowskich opowiadał y pokładał przed nami lis. przywiley sławney pamięci krola i. mci Henryka z pieczęcią koronną zawiesistą, na pargaminie pisany, pod datoj dnia osmnastego marca miesiąca, roku od Narodzenia syna Bozego tysiąc pięc-

set siedmdziesiąt czwartego; y położywszy prosił, aby ten list przywiley iego krolewskiey msci był wyczytany y do xiąg ziemskich kiiowskich wpisany; a tak my, ten przywiley iego krolewskiey msci wyczytawszy, y słowo od słowa w xięgi ziemckie wpisac kazali, ktory tak się w sobie ma.

Henryk, z laski Bozey krol polski, wielki xiąze litewski, ruski, pruski, mazowiecki, zmudzki, kijowski, wołynski, podlaski, inflanski pan y xiąze andegawenski, borbonski, kalwernenski, grabia w Marchyi, w Forescie, w Kwercie, w Rowernie, w Montisforcie. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem w obec y kazdemu z osobna, komu by tego wiedziec nalezało ninieyszym y napotym będącym, iż ukazywali przed nami ziemianie nasi Kijowskiego powiatu na imie Paweł a Semen Iwanowiczy Bułhakowscy, Hridko Nelipowicz Lewkowicz a Radywon a Ochrym Heiewiczy z bracią swą, list sławney pamięci xiązęcia Alexandra Włodzimirowicza kiiowskiego, ktorym listem swoim przodka ich Laryona Walewskiego, z ktorego oni pokolenia wyszli, wyzwolic raczył od wszelkich robot y powinnosci, a zostawic ich raczył na słuzbie szlacheckiey. A drugi list potwierdzenie sławney pamięci Kazimierza krola i. mci prodka naszego, ktorym listem swoim Kazimierz krol i. mc. pradziadu ich ziemianinowi owruckiemu na imie Bułhakowi Beławskiemu potwerdzic raczył ziemie ich oyczystą na imie Smolczanską, według listu na on czas woiewody kijowskiego, pana Marcina Gasztolda, co na tych lisciech szyrzey opisano iest, ktore słowo od słowa tak się w sobie maią.

My Alexander Włodzimirowicz pozałowalis-my naszego sługę Laryona Walewskiego, nie trzeba iemu nam z sługami słuzbę słuzyc, a popłatow płacic y innych zadnych poszlin, w Czarnobylu nie kazali podwodami nie strzec; słuzyc iemu słuzbę z boiary, y na to dalis my iemu ten nasz list z naszą pieczęcią, potwierdzaiąc iego ku boiarom. A pisan w Owruczym februarij dziewiętnastego dnia indykta trzynastego.

Sam Kazimierz, Bozą miłoscią krol polski, wielki xiąze litewski, ruski, xiąze pruskie, zmudzki y innych. Namiesnikowi owruckiemu panu Romanowi Iwaszkiewiczowi. Bił nam czołem

ziemianin owrucki na imie Bułhak Beławski y powiadał nam, co ziemia iego oyczysta Smolczanska od niego precz odeszła; y iak niebozczyk pan Marcin Gasztołowicz Kijow od nas dzierzał, y o tym dowiedziawszy się y prawa doyzrzawzy y swiadkow opytawszy, tę ziemie iemu dał; y list pana Marcinow na tę ziemie przed nami kładł y prosił nas, abys my tę ziemie iemu potwierdzili naszym listem; y my pana Marcinowa listu wysłuchawszy, y tę ziemie iemu potwierdzamy tym naszym listem, niech on tę ziemie trzyma y nam z tego słuzyc po temu, iak przed tym z tey ziemie służba szła. Pisan w Trocech, marca siodmego dnia, indikta czwartego.

Ku temuz tez powiadali przed nami przerzeczone ziemianie nasi kijowskie: iz własną oyczystą ziemie swą nazwaną Lewkowską, Lowdykowską y ostrow Litewski, z dawnych czasow od przodkow swoich dzierzą y spokoynie od kilkadziesiąt lat z bracią swoą uzywaią y sluzbę naszę ziemską woienną zarowna z inszemi ziemiany, z szlachtą kijowską, zawzdy sługiwali, będąc pod przysądem sądu Kijowskiego, tak ziemskiego iako i grodzkiego; a teraz dey im niektorzy ziemianie kijowskie u tym trudnosc zadaią, pociągaiąc ich do sąndu im nienaleznego przed dzierzawce owruckiego, ku wielkiey krzywdzie y ublizeniu wolnosci ich; y pokazywali przed nami listy sławney pamięci krola iego msci Zygmunta Augusta, do dzierzawcy owruckiego pisane, aby ich pod przysąd swoy do zamku Owruckiego nie przymuszał, ale zeby się pod przysądem kijowskim, według zdawna zwykłego obyczaiu, sądzili za-rowną z inną szlachtą kijowską; y bili nam czołem pomienieni ziemiame nasi kijowskie, abysmy ich przy wolnosciach szlacheckich od przodkow naszych im nadanych, takze tez przy tych imionach ich oyczystych ziemiach nazwanych, to ist ziemie Smolczanskiey, ziemie Lewkowskiey, ziemi Łowdykowskiey y ostrowie Litowskim, ktorych oni od przodkow swoich z wiecznych czasow w dzierzeniu y uzywaniu są, zostawiwszy, to im listem przywilejem naszym na wiecznosc potwierdzic kazali; iakoz y woiewoda kijowski wielmozny Konstantyn, xiąze ostrogskie, będąc tuz przy nas na koronacyi naszey, za niemi

się przyczyniął, powiadaiąc, iz oni zdawna zarowno z szlachtą woiewodztwa Kijowskiego słuzbę ziemską woienną sługiwali y o wszelakie rzeczy przed sądem ziemskim grodzkim Kijowskim sprawowali się. My tedy, wziowszy w tym pewną wiadomosc od woewody Kijowskiego y od innych panow rad naszych koronnych, widząc tego bydz rzecz sluszną, wyrozumiawszy y obaczywszy to z listow przodkow naszych, iz oni zdawna są ziemiame szlachta powiatu Kijowskiego, z łaski naszey hospodarskiey, za radą y przyczyną panow rad naszych koronnych, na tym seymie koronacyi naszey przy nas będących, przerzeczonych ziemian kijowskich z bracią y potomstwem ich przy wszelkich wolnosciach y swobodach szlacheckich, zdawna od przodkow naszych szlachcie ziemi Kijowskiey nadanych, y przy unyi albo złączeniu wielkiego xięstwa Litewsk. y xięstwa Kijowskiego z koroną Polską za panowania sławney pamięci Zygmunta Augusta krola iego msci poprzysięzonych y uprzywilejowanych, tak tez y przy tych imieniach y ziemiach ich oyczystych, wyszmianowanych, ktorych oni z dawnych czasow w dzierzeniu y uzywaniu są, zostawilismy, iakoz y tym ninnieyszym listem naszym zostawuiemy y utwierdzamy na wiecznośc, tak iz przerzeczone ziemianie kijowskie z bracią swą, tak wszyscy spolnie, iako y kozdy z osobna, dzieci y potomkowie ich pomienione ziemie swoie oyczystę, to iest ziemie Smolczanską Lewkowską, Lowdykowską y ostrow Litowski ze wszystkiemi pozytkami y dochodami, tak iako się tę ziemi zdawna sami w sobie w pozytkach y obychodziech y szyrokosciach gruntow maią, z lasami, rzekami, iezioramí, z sianozęciami, z lowy rybnemi y zwierzynnemi z bobrowemi gony, maią trzymac y wszelkich swobod y wolnosci szlacheckich, od przodkow naszych xięstwa Kijowskiego obywatelom nadanych uprzywilejowanych, podług praw koronnych y statutem opisanych, uzywac y w nich się sprawowac spolnie rowno ze wszystkiemi obywatelami szlachtą ziemie Kijowskiey na wieczne czasy, służąc nam hospodaru y rzeczy pospolitey słuzbę ziemską woienną. Tak tez we wszelakich potrzebach y sprawach swoich przed sądem ziemskim albo grodzkim Kijowskim sprawowac się maią, a przed sądem,

im nie naleznym, przed urzędem zamku Owruckiego y nigdzie indziey nie powinni stanowic się y sprawowac się, iesliby roki ziemskie sądowę albo grodzkie, w zamku Owruckim, z zezwoleniem wszystkich obywatelow y obowiązania naszego, byli sądzone. I na tos my przerzeczonym ziemianom naszym kijowskim, ich braci y potomkom ich dali ten nasz list, do ktorego na swiadcbtwo y pieczęc naszą koronną przywiesic roskazalis my. Dan w Krakowie dnia osmnastego marca miesiąca roku od Narodzenia Syna Bozego tysiąc pięcset sidmdziesiąt czwartego, a panowania naszego roku pierwszego, przy bytnosci panow rad naszych koronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego duchownych y swieckich y posłow ziemskich, podczas koronącyi naszey przy nas będących. Dan przez ręce wielmoznego Walentego Dębinskiego z Dębian kanclerza korony Polskiey starosty wartenskiego. U tego przywileiu iego krolewskiey msci pięczęc przywiesista koronna, a podpis ręki iego msci kanclerza temi słowy po polsku podpisana: Walenty Dębinski kanclerz.

Ktorez to opowiadanie Iwana Lowdykowskiego y przywiley iego krolewskiey msci słowo od słowa w xięgi ziemskie iest wpisany; y ten wypis z xiąg pod naszemi pieczęcmi pomienionemu Janu Łowdykowskiemu y braci iego iest wydany. Pisan u Owruczym. U tego extractu przy pieczęciach dwoch przycisnionych podpis ręki pisarskiey temi słowy: Dymitr Jelec pisarz ziemski kijowski Korygował. Koczurowski.

Ktory ze to extract za podaniem y prosbą wysz mianowanego iego msci podawaiącego a za przyięciem sądu ninieyszego, słowo w słowo, iak się u sobie pisany ma, do xiąg ninieiyszych iest wpisany, z ktorych y ten wypis pod pieczęcią ziemską woiewodztwa Kijowskiego iest wydany. Pisany u Lublinie. У того екстракту трыбуналского при печати воеводзтва Киевъского притисненои, коррекга и подписъ руки писарское тыми словы: correxit Zbikowski mp. Antoni Franciczek Siennicki sędzia ziemski kijowski, podstarosci grodzki Łucki deputat y pysarz woiewodztwa kijowskiego mpia. Которыйже то екстрактъ з книгъ трыбуналскихъ выданы, за

поданіемъ и очевистою прозбою вышъ менованое особы подаваючое а за моимъ врадовымъ принятіемъ, з почетку ажъ до конца слово въ слово, як ся в собе маетъ, для памети до книгъ нинешныхъ кгродзкихъ киевскихъ естъ инъгроссованы.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 32, л. 15 об.

II.

1550 г. янв. 6. Грамота короля Сигизмунда Августа дворянину Станиславу Залѣсскому Медвѣдю на учрежденіе мѣстечка въ имѣніи его Ляшкахъ въ Луцкомъ повѣтѣ. Грамота предъявлена въ судъ Фронцемъ Крушемъ въ 1579 г. окт. 5.

Право на основаніе мѣстечка дается, между прочимъ, потому что имѣніе лежитъ на самой границѣ съ Польшею и нуждается въ „особой оборонѣ“: въ мѣстечкѣ строился замокъ.

Року Божого 1579 месяца октебря 5 дня. На рокох судовыхъ земскихъ, от дня светого Микола рымского свята в году нинешнемъ семдесят девятом ведле статуту припалых и судовне отправованых, перед нами Остафъем Соколским судею а Иваном Хреницким подсудком, врядниками судовыми земскими повету луцкого, постановившыся очевисто в замку господаръскомъ луцкомъ врожоный панъ Фронцъ Круш оповедалъ и покладалъ перед нами в суду лист а привилей его кролевское милости светобливое памяти зошлого короля его мл. Жикгимонта Августа на папери писаный с печатью и с подписомъ рукы его кор. мл. такъ тежъ и с подписомъ рукы маръшалка и писара его кор. милости пана Остафья, даный от его кролевское милости дворенину его кролевское милости пану Станиславу Залескому Медъведю и всим потомкомъ его, дозволяючы его кр. мл. в томъ именью Ляшкох местечко поселити и в нем торгы в ден неделныи мети, в которомъ листе а привилию короля его милости Жикгимонта Августа шырей меновите описано и доложоно ест, просечы, абых-мо его огледали и до книг для вписованя приняли; ко-

торогож то менованого листу а привилию его кор. мл. мы суд огледавшы а преймуючы его до книг для вписованя, чытати казали; и который листъ а привилей его кр. млсти слово от слова с початку до конца так ся в собе маетъ:

Жикгимонтъ Август, Божю милостью корол полский, великий князь литовъский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иныхъ, ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ: бил намъ чоломъ дворенин наш Станислав Залѣский Медведь и просил в нас, абых-мо ему в ыменю его Ляшкахъ, лежачом в земли Волынской в повете Луцкомъ, дозволили местечько поселити и в немъ торгъ в ден неделний мети, который дей местомъ и торгомъ нашимъ не ест на жадной шкоде и переказе, одно на запоможене его самого и подданых его, для лацнейшое обороны кгрунтъ того именя Ляшковъ от куруны полское, бо при самой границы лядской седить, якожъ тамъ и замочокъ в томъ имену своемъ муровати začалъ, о чомъ же и воевода виленский, маршалокъ земъский, канцлиръ великого князьства литовского староста берестейский, деръжавца борисовъский и кловленский панъ Миколай Радивил нас у причине за нимъ же дал; а такъ мы з ласки нашое господаръское а на жадане пана воеводы виленьского и на челомъ—бите его, с тых вышей от него помененых причин, местечко в томъ имену его Ляшках посадити и в день неделный в немъ торгъ мети дозволили есмо и сим листомъ нашимъ дозволяемъ; мает он самъ, его жона, дѣти и потомъки их тое местечько свое держачи, торгу всякого вживати и примножати собе в нем пожитки, якие ему на-пожиточнейше вѣдатися будут. И на то дали есмо ему сес нашъ лист до которого на твердость тое речи и печат нашу казали есмо приложити. Писан у Вилни лета Божого нароженъя тисяча пятсот петдесятого месяца генвара шостого дня. Жикгимонтъ Августъ рукою. Остафей маршалокъ писар.

А такъ мы судъ тотъ менованый лист а привилей его кролевское мл. славное а светобливое памети зошлого короля Жикгимонта Августа от его кролевское мл. пану Станиславу

Медведю Залескому, жоне, детемъ и всимъ потомкамъ их даный, слово у слово с почaтку и увесъ до конъца до книг справъ судовыхъ земъскихъ луцкихъ записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л. 683 б, № а 277.

III.

Документы по разграниченію имѣній Борзобогатыхъ-Красенскихъ съ имѣніями Мышекъ Варковскихъ 1552—1555.

1. 1553 г. апр. 13. Рѣшеніе комисарскаго суда по спорамъ о границахъ им. Галичанъ и Бородчичъ.

2. 1553 г. іюня 6. Заявленіе Мих. Ѳедор. Мышки о томъ, что онъ согласенъ передать взаимные споры съ Борзоб. Красенскими (между имѣніями перваго Бородчичами и имѣніемъ вторыхъ Галичанами) на рѣшеніе третейскаго суда.

3. 1553 г. іюля 19. Постановленіе третейскихъ судей по этому дѣлу (опредѣленіе границъ между указанными имѣніями).

4. 1553 г. марта 1. Заявленіе Ивана Шимковича Скленскаго о границахъ имѣнія Бородчицкаго съ имѣніемъ Галичанами.

5. 1552 г. окт. 11. Подобное же заявленіе Кахны Яцковой Скленской.

Дѣло, рѣшенное комисарскимъ судомъ при помощи свидѣтельскихъ показаній и присяги, перерѣшается вновь третейскимъ судомъ.

Лѣта Божого Нароженя 1584 месяца октебра 12 дня. На рокох судовых земских луцких, водле порядку статутового о светом Михале римскомъ святе въ году теперешнемъ тисеча пятсо̄т осмьдесятъ четвертом в замку господарскомъ Луцком припалых и на завътрие того свята судити зачатых, перед нами Федоро̄мъ Кадъяновичом Чапличомъ Шпановским судъею а Иваномъ Хренницкимъ подсудком, врядниками судовыми земскими луцкими, постановившися очевисто у суду врожоные пан Иван мостовничий луцкий, а пан Семен Борзобогатовичи Красенские оповедали и положили пят листов на границы вечистые, которые въ року прошлом тисеча пятсот пятдесят третем теперешний владыка луцкий и осрозский велебный Иона стрый их, а зошлый Олехно отец

ихъ Борзобогатые от именя своего Галичан з велможным паномъ Михаилом Мышкою Варковским, теперешним кашталяном волынскимъ, старостою гомейскимъ, от именя его Бородчич правом и угодою, водле менованых листов, учинили и скончили. А то ест первый лист панов комисаровъ, которые за позванемъ комисьею господаръскою от пана Олехна з руки его против пана Мышки были спосоьлены, яко князь Александро Андреевич Санкгушковича Кошерский маршалокъ господарский, а пан Тихно Микитич Киселъ Дорошницкий и пан Фелелей Левкович Марковский с печатями ихъ. Другий лист то ест компромис пана Мышчича съ печатю и с подписом властное руки его, которым листом далсе в моц приятелем, в том же листе его меновите описаным, на поеднане так о кгрунтъ, яко и о всѣ иные зайштья именья его Бородчицкаго с паном Олехном и паномъ Иваном Борзобогатыми, на он час целники господарскими, от именя их Галичан. Третий лист пана Григоря Гулевича хоружого земли Волынское а зошлых пана Богдана Семашка маршалка господарскаго, а пана Михаила Михайловича Свинюского, теж пана Михаила Еловича Малинскаго и пана Гаврила Василевича Бокея, яко компромисаров и едначов о помененые зайштья межи паномъ Мышкою а паны Борзобогатыми, на он час целники господаръскими, с печатми помененых панов компромисаровъ. Четвертый лист видимус з листу сознаня зошлого Ивана Шимковича Скленского на сведоцтво о тыеж границы межи Бородчич и Галичан, которого видимусу оригиналъ самый лист знайденя вышей помененых панов компромисаров ест дан от панов Борзобогатыхъ часу еднаня пану Мышце, а паномъ Борзобогатым ест дан видимус с того листу с печатми тых же панов компромисаров. А пятый видимус з листу сознаня зошлое Кахны Яцковое Скленское и дочки ее Зофеи на сведоцтво о тыеж границы межи Бородчичъ и Галичан, которого видимусу оригиналъ самый лист знайденя вышей менованых панов компромисаровъ часу еднаня ест дан от панов Борзобогатых пану Мышце, а паном Борзобогатым ест дан видимус с того листу с печатми тых

же панов компромисаров. И просили, абы таковых пят листовъ, яко реч вечистая на помененые их границы до книг земских были приняты и уписаны; ино мы тые, листы огледавши и их с початку аж до конца велевши перед собою вычитати, а видечи жедане их быти слушное, казали есмо их до книг справ судовых земских луцких слово в слово уписати, и так ся в собе маютъ.

1. Я Александръ Андреевич Санкгушковича Кошерский маршалок господаръский, а Тихно Микитичъ Кисель Дорошницкий, а Фалелей Левкович Марковский ознаймуем тым нашим листом: што позвал листы господаръскими комисейными дворенин господаръский пан Михайло Мышка Варковский справцу мыт господаръскихъ пана Олехна Яцковича Борзобогатовича Красенского, менечи собе быти, яко бы пан Олехно, з ыменя своего Галичанского, властной земли его имення Бородчицкого, на милю забрал и на туюж дей землю его вжо от колка лет кгвалтовне наежчаючи, слугъ и людей збивает, жита пшеницы, овсы, проса, ячмени брати и быдло его, кони, овцы, на оной же земли стадо займовати и грабити кажет, и о иншие речы, што ест ширей на комисеи господаръской описано, хотечи з ним о тот кгрунтъ земеный и о иншие речи право вести, на што з руки своее судями собе взял и в комисеи господаръской описал их милости маршалка Волынское земли старосту володимерского князя Костентина Костентиновича Острожского а старосту черкаского и каневскаго князя Дмитра Федоровича Санкгушковича а дворанина господаръского пана Михаила Свинусского; а панъ Олехно, кого похочет, того бы также з руки своее судями собе взял; абы тыи суди пана Мышчины, поспол ся и з судьями пана Олехновыми згодивши, там на тот кгрунтъ земеный выехали и то промежку ими кончили, водлуг статуту права земского. Которыми комисиями господаръскими пан Михайло Мышка пана Олехна позвавши, и рок ему на оном кгрунте стати водлуг комисей господаръскихъ зложил, тоест по отданьи комисеи господаръское за дванадцат недел, который рокъ припал по Велицедни другое недели у середу месяца

апреля второгонадцат дня; на который рокъ зложоный пан Олехно сам выехал на тот кгрунть земленый, и нас судей своихъ вывел, и со всим доводомъ своим ку праву прислухаючим готов был; нижли пан Михайло Мышка на тот рокъ черезъ комисеи господаръскии пану Олехну ознайменый, на тот кгрунть земеный сам не выехал, и судей своих не вывел и ничого о собе знати не дал. А так мы, выехавши на тые земли, о которыи межи ими спор идет час немалый, павши з ранку аж до вечора, пана Мышки ожидали; а кгдыж пан Мышка на тот рокъ сам не выехал, пытали есмо пана Олехна, абы он нам оказал границы, покул ест земля имѣнья его Галичанскаго. Пан Олехно на первей указал нам листы вызнаныи сябров пана Мыщиных, которыии с ним весполокъ тое имѣнье Бородчичи держатъ, тоест панеи Катерины Склѣнъскои и дочки еи панны Зофеи, и ту теж другий лист пана Ивана Шымковича Склѣнъского, под печатми ихъ самыхъ и инших людей добрых; в которых листех описует, вызнаваючи пану Олехну и именуючи вси врочища и границы, а по которым местцом здавна предки их и они сами здавна землю именя своего Бородчицкого от Галичан держали и держат; по которым врочищом и границам пан Олехно нас повел, вказываючи тые врочища, которые в тых листех меновите описаны: напервей почонши от болота великого до врочища Салищова, где еще на той стороне от Бородчич села есть нива и сеножат церкви Галичанского (sic), которая нива пришла концем вдолжъ к болотцу Куповатцови; тот Куповатец на влостной земли Галичанской лежит; а з другое стороны в головах к томуж Куповатцови пришли нивы Бородчицкие концами; там же опят с третее стороны тогож Куповатца к горѣ пришли нивы властные Галичанские; а за тыми нивами инше нивы дворные Галичанскиеж, на горѣ тое нивы праве на границы; там за тыми нивами врочища, которые зовут Вертепища а ест две долине; держачи тые Вертепища две долине поправу от Бородчич, подле тых Вертепищъ идетъ граница и властные нивы Галичанские аж в дуброву; а там дубровою до колодезя, едучи теж дубровою

аж до Лисихъ Язвин, где ест граница и пята земли Полганской, которая делить землю Бородчицкую Галичанскую и Полганскую. Которые листы перед нами были вычтены аж до конца. Ку тому еще пытали есмо пана Олехна: штобы на то за довод мел. Пан Олехно поставил светков осмънадцат суседов обаполных пограничных и теж людей добрых шляхту, которыи здавна кгрунть и земль Галичанских ест добре сведоми; на первей земенина господаръского пана Ивана Лѣтинского, который поведил, иж дей я земль Галичанских потому сведомъ: коли дей матка моя Юхна за князем Иваном Галичанскимъ, отчичом того именя Галичанского, была, тогды дей я, мешкаючи на он час при матце моей на том имени Галичанох, так теж коли дядко мой небожчикъ пан Василей Енкович тот двор Галичаны от королевое ее милости держал, ям дей от дядка своего врядником был через колко год; тогды дей завжды по тым врочищом и границам тые земли спокойне ку Галичаном держаны были; а ни один дей с панов Бородчицких через тые границы ничим ся не уступовали. А Станислава Зыбелского, врядника Скрыголовского князя Александра его милости Кошерского, который поведил, иж дей я, служачи князю Ивану Галичанскому небожчику, за посыланем кнежим стоивалом над людми Галичанскими коли они от границ Бородчинских на землях, в дубровах, и на сеножатех на двор Галичанский орывали и сена кошивали; так теж будучи врядникомъ в Полганех от небожчика пана Федора Якимовича через осмъ год, и теперешнего часу будучи мне врядником от князя его милости в Скрыголовех через сем год, того есми добре сведом, иж через тые врочищи граници жаден с панов Бородчинских ничим ся не вступовалъ. А подданых князя Александра Кошерского Скрыголовских сугранников на имя: Гаврила Похвонича, Федца Олешковича, Дениса Шабановича, Прокопа Ивановича, Хому Яцковича, Ивана Семеновича, Луцыка Митковича, Грицка Величковича, а Ивана Калениковича, и Вахна Волошиновича, а къ тому подданых князя Александра Кошерскогож Смолевскихъ также сугранников: Грицка тивона, Ивашка Борт-

ника, Анъдрея Борщевича, Минишика Евхимовича, Макара Ивашковича, Ивашка Климковича; тые вси свѣтки веспол с паном Онехном, почонши отъ реки з болота Великого, привели нас до врочища Салищова, там ставши поведили, иж тое Салищово ест граница стародавная земли Галичанское Бородчиц, где еще на той сторонѣ од Бородчиц нива и сеножать черкви Галичанское; потом от того Салищова повели нас межею старою берег сеножати и нивы черкви Галичанское, аж до болотца Куповатца; и поведили, иж тот Куповатец лежит на властной земли Галичанской; далей от того Куповатца врочища повели нас к горе в нивы аж до врочища к границы двох глубокихъ долин, которые зовут Вертепища; от тых Вертепищь, держачи тыи Вертепища по праву от села Бородчичкого, повели нас нивами в дуброву через дорогу, которая идет з Бородчич долиною до Перемиля, аж до врочица Колодезя, которы ест в дуброве на долине; от того врочища Колодезя повели нас дубровою к горѣ Псам (sic) аж до врочища Лисихъ Язвин, где ест пята и копцы. которые дѣлят землю Полганскую Галичанскую и Бородчичскую; там приведши стали. И поведилъ пан Олехно, иж потул есть земля моя Галичанская од Бородчич, которое я с поддаными своими Галичанскими по тым всим врочищом и границам старым, яко пол, дубров и сеножатей, вживаю и держу. А тыи вси вышей описаные при нем свѣтькове так сознали и поведили, иж по тым врочищом и границам изстародавна, яко за князей Галичанских, так за держаня королевое ее мл, так теж якося тое имѣне паном Борзобогатым остало, по тым врочищом и границам завжды спокойне, аж до тых часов поле, дубровы и сеножати ку Галичаном ест держаны; а ни один с панов Бородчицких через тые врочища и границы ничим ся не вступовали, того есмо добре сведоми. Мы выслухавши тых всих вышэй описаных доводов, слушне от пана Олехна показаных, яко листовных, так и живых, пытали есмо еще пана Олехны: естлибы хотел на то сам особою своею и с тыми всими свѣтками присягу телесную учинити? Он ся с того ничого не вымовляючи, там же на той ос-

татней границы, где ест пета у Лисих Язвин, сам особою своею и с тыми всими свѣтками присягу телесную вчинил. Мы, заховываючи его в том подле права и статуту посполитого, вказали и присудили есмо ему вечне оный кгрунть земли поля, дубровы и сеножати по тым врочищам и границам, вышей а меновите в том листе описаным, и копцы есмо перед собою посыпати, и грани в дубех врубати и на болоте пали побити велели: тоест на первое почон от реки з болота Великого аж до врочища Салищова, казали есмо шест палей убити: а от тых палей через сеножат и дорогу, которая идетъ от Бородчич до Галичан межею старою через сеножати и нивы черкви Галичанское аж до врочища болотца Куповатца, казали есмо посыпати копцов чотыри; а в того болотца Куповатца казали есмо копец посыпати; а от Куповатца через гору нивами аж до двох долинъ Вертепищъ казали есмо сем копъцовъ посыпати; а в тых Вертепищъ от Галичан по праву казали есмо копец посыпати; а от тых Вертепищъ нивами ажъ в дуброву до Колодезя казали есмо посыпати копцов петнадцат; а от Колодезя дубровою аж до Лисихъ Язвинъ там же и до пяты и копъцов, которые делят землю Бородчичкую, Галичанскую и Полганскую, казали есмо посыпати копцов одинадцат; а якося почали нивы ст врочища Куповатца до Вертепищъ, а от Вертепищъ дубровою и нивами аж до Колодезя, а от Колодезя до Лисих Язвъ туды всюды копцы сыплючи, казали есмо перед собою грани в дубехъ врубывати. А штося дотычет кривдъ и шкод, котории пан Михаило Мышка от пана Олехна. слуг и людей его собе быти в жалобе своей и в комисеи господаръской поменил, на тых же земляхъ, о которые межи ними шпор ишол, от тых всѣх самого, слуг и людей его волных чинимо. На што даем пану Олехнови сес наш лист судовый з нашими печатми. Писан въ Галичанох лета Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят пятого [1]) месяца апреля третийнадцат ден индикт первогонадцат.

---

[1]) Судя по слѣд. актамъ несомнѣнно, что надо читать: „третего“.

2. Я Михайло Федорович Мышка писар полный господаръский вызнаваю сим моим листом, кому того потреба будет вказувати сесчас и на потом завжды, што которые заштя и розницы от давных часов от колка лет промежку мною и паном Олехномъ а Иваном Яцковичи Борзобогатыми, мытники господаръскими, именем нашимъ Бородчичким, а их имѣнем Галичанскимъ, слугами и людми тых именей наших в многих кривдах и шкодах, кгвалтех, боех и грабежох и забранях земли, пол, сеножатей, дубров, зарослей и побраня с тых землъ збожя, о што мы ся ку праву позывали и позвали, чому рок припада поблизу. Нижли мы не хотячися в болшие шкоды и наклады, и поволоки и неприязни заводити, одно приятелским а зьгодливым обычаем нало...чи и в том ся еднанем застановит, вечными часы то держати, опустивши право, далися есмо у моц по всих тых розницах наших малыхъ и великих, которие ся межи нами и тыми именями слугами подьдаными тых именей наших Бородчицких а Галичан от часов давных аж до сего часу дѣяли, маршалку господаръскому пану Богдану Михайловичу Семашку, а пану Михаилу Михайловичу Свинюскому, а пану Григорю Гулевичу, а пану Михаилу Еловичу Малинскому, што бы их мл. панове а едначи наши полюбовные едналным обычаем межи нами знашли, и на чом зоставили, то мы от их мл. панов а приятелей и едначов наших маем и повиныи будем вдячно принати и неотмѣнно вѣчно держати ничим зъ едняня и застановеня их мл. едначов наших не отступуючи, и никоторыми причинами того постановеня и едняня их мл. нерушаючи; а еслибых я с того знайденя и едняня и застановеня их мл. панов а приятелей наших полюбовных чим колвек выступил и знайденя и постановеня их мл. намнѣй нарушыл а его не сполнил и которыми причинами и вымыслы против того чинити мел: я маю закладу господару королю его мл. заплатити пятсот коп грошей, а паном едначом нашим другую пятсот коп грошей, а пану Олехну а пану Ивану Борзобогатым третюю пятсот коп грошей; а заплативши заклады тые, предсе маем тое еднане и застановене от их мл. панов

едначов наших за нашим добровольным призволенем дѣланое, твердо а неотмѣнно вечно держати, ничим с того не выступуючи. И на то есми их мл. паном едначом нашим сес мой лист моцованый ку еднаню под моею печатю и с подписом властное руки моеи дал. Писан в Луцку под лѣт Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят третего месеца июня шостый ден. У того листу подпис руки властное пана Мышчины ест в тые слова: я Михайло Мышка рукою своею власною подписал. А еще есмо взяли з руки своее пана Гаврила Бокия а князя Ивана Федоровича Четвертенского.

3. Я Богдан Михайлович Семашко маршалок господаръский, а Михайло Михайлович Свинускій, Михайло Елович Малинскій, Гаврило Василевич Бокей, а Григорей Федорович Гулевича едначи полюбовные з обу сторон, з руки пана Михаила Мышки Варковскаго писара его кр. мл. полного, и теж з руки дворян и целников господаръских пана Олехна а пана Ивана Яцковичов Борзобогатых взятые, ознаймуем и чиним явно сим листом нашим: иж што которые кривды, розницы и заистя в речи земленой, яко о границы звечистые и забране землъ, пол, сеножатей и в ынших многих речах, деялися на обе стороне межи именем пана Мышчиным Бородчим, а з другое стороны межи именем панов Борзобогатых Галичаны, о чомъ они з обусторон частократ жалобы свои королю его мл. на себе доносили; потом и листы комисейные пан Мышка на жалобу свою с канцлереи его кр. милости державши, паном Борзобогатым рок земский, ведле обычаю права и статуту земского, зложил, хотячи на нем перед судями, которых бы на обе стороне вывели, в речи земленой о границы, и о забране землъ право вести и расправу приняти; якож кгды тот рок, за оными комисеями от пана Мышки им зложоный припал, панове Борзобогатые, вземши собе судями маршалка господаръского князя Александра Андреевича Кошерского, Тихна Киселя а Фалея Марковскаго тамъ на тые земли пенные, о которые ся межи ними спор и розницы деяли выехали, и доводы свои ставили и листы вчастников пана Мышчиных, которыми он тое имене Бородчицкое дер-

жат, тоест Ивана Шымковича Келенского [1]), а Яцковое Келенское [2]) Кахны и дочки ее Зофеи покладал, которым они вызнавают, поколе ку именю своему Бородчичом держатъ и вживают, а потом зо всими тыми светками своими знаки и границы певные обведши и оказавши, поколе ку именю их Галичанскому держано было, присяги телесные вчинили; зачим оные суди их заховываючи ся водле права статуту земского, тые вси земли, поля, дубровы и сеножати, поколе от пановъ Борзобогатых оказано и заведено было, им вказали и присудили, копцы закопали и на вечность держати подали. А пан Мышка в час принятя того року ся колвек послугою господаръскою забавен и до Вилна по пенези на служебных послан был, для чего на оный рок ставитися и права вести з ними не мог; ведже листом господаръским и теж листом маршалка Волынское земли старосты володимерского его мл. князя Костентина Костентиновича Острозкого тот рок им отрочал, о которое отрочене панове Борзобогатые не дбаючи, и на сторону его отложивши, тое право собе звели и вес оный кгрунт вышей мененый листом его мл. господаръским собе воцнили (sic); ино ач колвек так великая розница межи их милостю дѣяла, и так не малые трудности в собе мели, нижли на обе стороне так пан Мышка, яко теж и панове Борзобогатые не хотечися в том правом обходити, трудности, шкоды, и незгод промежку себе еднати и приймовати, зволившися сами доброволне, нас приятелей своих к тому возвали и листы своими в моц нашу ся дали, подвезуючися всего того, што быхмо мы розознаем нашим знашли, з обу сторон втерпети и моцъне и не порушне держати, под немалыми заруками. Где мы, маючи ихъ в шафованю своем, зъехавшися наперед вси восполокъ до замку господаръского Луцкого, початокъ того едналя вчинили и на том то застановили, ижъ мели есмо на часъ певный на тые земли ихъ пенные выехати и застановене водле Бога и речи справедливое межи ними вделати; а што ся дотычет шкод, на обе стороне

---

[1]) Въ пред. актѣ: Скленского. [2]) Въ пред. актѣ: Скленское.

починеных, коло того они словом своим добрымъ мовити мели,—што кто кому будучи в томъ зайштью взял. Которому выеханю нашому зложили есмо были рокъ певный яко сегодня в недели месяца июля шостогонадцат дня, на который, заховываючи есмо водле того застановеня нашого, тамъ до тых границъ выехали и обычаемъ едналнымъ тую речъ застановили; и наперед о шкоды поделаные пан Олехно Борзобогатый поведил перед нами словомъ своимъ добрым, же пану Мышце а ни подданымъ его ничого не брал; а пан Мышка потомужъ поведил словомъ своимъ, иж тежъ николи на кгрунте их пану Борзобогатому, а ни подданымъ его ничого не бралъ. Мы для тое причины тые вси шкоды на сторону отложили, и обеех их сторонъ волными отъ них учинили. А што ся дотычет кгрунту земленого, мы достаточне коло того зъ собою намову учинивши, и бачачы на то, кгдыж панове Борзобогатые таковое право за комисиями господаръскими, им от пана Мышки даными, собе звели, на которымъ доводы свои оказавши, присяги телесные учинили, у суду ихъ имъ по знакомъ и границам певнымъ земли ку именю ихъ Галичанскому отехали и присудили, а зъвлаща, ижъ тежъ и листы от вчасниковъ пана Мышчиных Ивана Шимковича Скленского и Яцковое Скленское Кахны и дочки ее Зофьи, с которыми онъ имене Бородицкое держит, перед нами оказали, в котором они высветчают, же по тымъ знакомъ, яко панъ Олехно Борзобогатый и з светками своими объвелъ и яко тые суди их вышей помененые имъ ку именю Галичанскому отехали, завжды перед тымъ отъ Бородчичъ ку Галичаном было держано; о которыеж границы ачъ колвек пан Мышка ничого не дбаючи, далей былъ заехал и властностю своею быти мenилъ, нижли иж таковое сведоцство от тых вчасников его на листех их было вчинено, зоставили есмо пановъ Борзобогатыхъ знайденьемъ нашимъ при том всемъ и кгрунте вышей мененомъ, который первей суди ихъ имъ отехали и, знаки певные положивши, копцы закопавши, им присудили и в листе своемъ судовомъ границы меновите описали, што панове Борзобогатые сами з детми и потомки

своими вечными часы на себе держати и добровольне а спокойне уживати мают; а пан Мишка вжо самъ, дети и потомки его мают вечное молчане коло того мети и ничимъ ся в тые земли, поля, дубровы и сеножати через оные границы положеные въступовати и жадное трудности паномъ Борзобогатым задавати коло того не мают. Ведже если бы пан Мышка мовити с тыми вчастниками своими похотелъ, тогды мы за таковою причиною, иж они без воли его граници с паномъ Борзобогатымъ чинили и таковые листы свои ему подавали, волное мовене мѣти ему з ними заховываемъ. А которая бы з них сторона тому теперешнему застановеню и найденю нашому досыт не чинила и чимъ кольвекъ его яко, речъ вечно застановеную, узрушивати хотела, тот повинен будет заплатити господару королю его милости заруки пятсот копъ грошей, а нам едначом пятсот копъ грошей, а стороне тое постановене нашо держачой пятсот копъ грошей; а заплативши тую всю суму сполна, предся тое знайдене и постановене нашо теперешнее моцне и непорушне держано быти маетъ. И на то есмо дали паном Борзобогатымъ сес нашъ лист з нашими печатьми; писанъ въ Бородчичох лета Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят третего месеца июля девятогонадцат день.

4. Я Иван Шимкович Скленский явно чиню и сознавамъ тым моим листом, кому будеть потреба того ведати албо чтучы его слышати, ижъ што пытали мене целники господаръские их милост панове Олехно а Иван Яцъкевичи Борзобогатые о том, если быx я мел быти помочным пану Михаилу Мышце в тых речах, которые ся кривды имъ самым и подданым их Галичанскимъ и Зборошовским в забрани земль, пол, дубровъ и сеножатей, так теж в кгвалтех, в боех, и грабежох и в многих иных розных кривдах такъ год и сего году стали, а иж досих часовъ ся становят, але ижем ся на то пану Михаилу Мышце никгды радити и помогати давати не хотел, видячи явну кривду и втискъ от него именю панов Борзобогатых Галичанскому, в таковых всѣх вышей описаных и в розных кривдах так будучи того добре сведом, сознаваю и

завжды, кгды того потреба будет, знати буду, иж яко стародавна за предков моих в том то именю в Бородчичох, так теж якося мне зостало, тогды я сам и отец пана Михаила Мышки небожчик пан Федор, так теж пани Яцковая Скленская з доцкою своею панею Зофеею по тым врочищам и границам старым земли, дубровы, и сеножати именя нашого Бородчицкого от Галичан спокойне держали и аж до сих часовъ я держу, тоест: починъ от болота великого первое врочищо и граница Салищово, где еще на сей стороне отъ Бородчичъ села нашого ест нива и сеножат церкви Галичанское, которая нива пришла концем вдолжъ къ болотцу Куповатцови; тот Куповатец на влостной земли Галичанской лежит; а з другое стороны в головах ку томуж Куповатцеви пришли нивы Бородчинские концами; тамже опят с третее стороны тогож Куповатца к горе пришли нивы властные Галичанские, а за тыми нивами иншие нивы дворные Галичанскиежъ на гори, тые нивы праве на границы; там за тыми нивами врочища, которыи зовут Вертепища, а ест две долине; держачы тые Вертепища, тые две долине, по праву от Бородчич, подле тых Вертепищъ идет граница властные нивы Галичанские аж в дуброву, а там дубровою до Колодезя едучи (*вырвано*) аж до Лисих Язвин, где есть граница и пята земли Полганскои, которая делит землю Боротчицкую и Галичанскую и Полганскую. По которым врочищам и границам завжды я и сяброве мои въ том листе вышше описаные земли Бородчицкие отъ Галичан, яко за держаня королевое ее милости, так теж за держаня панов Борзобогатых спокойне держаны к Галичаном по тые врочища и границы, вышей в том листе мененные, а предкове наши и мы сами по тым врочищам и границам з другое стороны отъ Бородчич спокойне есмо тые земли держали, а через тые врочища и границы никгды предкове наши и мы сами ничим ся не вступовали. А што колвекъ пан Мышка кривдъ и шкод паном Борзобогатым и подданым их починил, то все на властных землях Галичанских, на што я ему никгды радити и помочы давати не хотел а ни давал. И на то есми их милости пану

Олехну а пану Ивану Борзобогатым дал сес мой лист вызнаный под моею печатю и с подписю властное руки моее. А при том были и тому добре сведоми их мл. княз Иван Федорович Четвертинский, а пан Анътоней Лабета Чаруковский; и просил есми их милости о приложене печатей; их мл. на прозбу мою вчинили, печати свое приложили к сему моему листу. Писан у Склени лета Божего Нароженя тисеча пятсот пятдесят третего месеца марта первый ден.

5. Я Кахна Яцковая Скленская, весполок з дочкою панною Зофею, чиним явно и зознаваем тым нашим листом, кому будет потреба того ведати, албо чтучи его слышати, иж што пытали нас целники господаръскиe их мл. панове Олехно и Иван Яцковичи Борзобогатые о том: естли быхмо мели быти помочни пану Михаилу Мышце в тых речах, которые ся кривды им самым и подданым их Галичанским и Зборошовским в забрани земль, пол, дубров и сеножатей, так теж в боех, кграбежохъ и в многих иных розных кривдах, так год и сего году стали и аж до сих часов ся становят; але иж мы пану Михаилу Мышце на то никгды радити и помочи давати не хотели, видечи явную кривду и втискъ от него именю панов Борзобогатых Галичанскому, в таковых всих вышей описаных и в розных кривдах, так будучи того добре сведоми зознаваем и завжды, кгды того потреба будет, знати будем, иж стародавна за предков наших в том то именю Бородчичох, такъ теж якъ ся нам зостало, тогды мы сами и отец пана Михаила Мышки небожчик пан Федор, так теж пан Иван Шимкович Скленский, по тым врочищам и границам земли, дубровы и сеножати именя нашого Бородчицкого от Галичан спокойне заховали и держали, и аж до сих часов мы держим: тоест почон от болота великого, первое врочищо и граница Салищово, где еще на сей стороне от Бородчич села нашого ест нива и сеножат церкви Галичанское, которая нива пришла концем вдолжь к болотцу Куповатцови; тот Куповатец на власной землѣ Галичанской лежитъ; а з другое стороны в головах к томуж Куповатцови пришли нивы Бородчиские концами; там теж опят с третее

стороны тогож Куповатца к горѣ пришли нивы властные Галичанские, а за тыми нивами иншии нивы дворныи Галичанскиеж на горѣ; тые нивы праве на границы; тамъ за тыми нивами врочищо, которое зовут Вертепище, а ест двѣ долины, держачи тые Вертепища тые двѣ долины по праву от Бородчищь, подле тых Вертепищь идет граница и властные нивы Галичанские аж в дуброву, а там дубровою до Колодезя; едучи теж дубровою аж до Лисих Язвин, где есть граница и пята землѣ Пулганское, которая делит землю Бородчискую и Галичанскую и Пулганскую. По которымъ врочищом и границам завжды мы и сяброве наши въ том листе вышей описанои землѣ Бородчиской от Галичан, яко за держаня королевое ее мл., так теж за держаня панов Борзобогатых, супокойне держаны к Галичаном по тые урочища и границы вышей описаные в листе нашом; а предкове наши и мы сами по тым врочищом и границам з другое стороны от Бородчиц супокойне есмо тые земли держали; а через тые врочища и границы никгды предкове наши и мы сами ничи(м)се не вступовали. А што колвек пан Мышка кривдъ и шкод паном Борзобогатым и подданым Галичанским чинил, то все по властным землямъ Галичанским, на што мы ему николи не помогали и помочи не давали, ведаючи то певне, иж на властных землях Галичанских берет. На то есмо мы их милостям пану Олехну а пану Ивану Борзобогатым (дали) сес наш лист вызнаный под нашими печатми. А при том были и тому добре сведоми князь Иван Федорович Четвертенский, а пан Михайло Боговитинович Шубарский, а пан Станислав Залеский дворанин господаръский, а пан Манойло Яцкович Скленский; и просили есмо ихъ милости о приложене печатей, и их мл. то на прозбу нашу вчинили и печати свои приложили к сему нашому листу. Писан у Склени лета Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят второго месяца октебра первыйнадцат ден индиктъ десятого.—Которые всѣ пят листов мы принемши до книг справ судовых земских луцких уписати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2097, л. 944, № а 631.

IV.

1552 г. декаб. 25. Дарственная (на случай смерти) Богданы Федоровны кн. Четвертинской племяннику мужа Петру Богдановичу Загоровскому на имѣнія ея: дворъ Луковъ, с. Навоза, части Четвертни и Копыловъ.

Бездѣтная жена подарила своему мужу третью часть своихъ имѣній и оформила даръ, испросивъ согласіе короля. За тѣмъ, по прошествіи долгаго времени, пожелала одарить за службу племяника мужа (Петра Загоровскаго) *тѣми же имѣніями* что и дѣлаетъ, съ согласія мужа; но оставляетъ эти имѣнія въ *пожизненомъ владѣніи своемъ и мужа.*

Я Ивановая Анъдреевича, подскарбиная дворная господаря короля его милости, державчина веленская, Богдана Федоровна кнежна Четвертеньская вызнаваю сама на себе симъ моимъ листомъ, кому будеть потребъ того ведати, або чтучи его слышати нинешнимъ и на потомъ будущимъ: которые именья мои отчизные на Волыни, тоесть: у Вышкове, в Лукомъ, в Четвертни, в Навозе, в Годомичох, в Копылехъ, в Суску, в Славожичохъ, в Носачевихъ, в Олишковичохъ записала есми малжонкови моему его милости пану Ивану Анъдреевичу, подскарбему дворному господаря короля его милости, державцы веленьскому, третюю часть всих тыхъ именей моихъ отчизныхъ, верху писаныхъ, на вечность и листъ есми свой его милости под печатми их милости пановъ радъ на то дала; розумеючи то, ижъ я вжо зъ его милостью паномъ моим потомъства жадного по себе не оставимъ, а ижъ тежъ братаничъ его милости, маршалокъ господарьский, панъ Петръ Богдановичъ Загоровский з молодости летъ своихъ пану его милости и мнѣ сприязливе служилъ, и не хотечи, абых-мо его милость кревного пана своего службы даремне опустить мели, упросиламъ его милости пана моего, абы его милость рачилъ в томъ ласку братаничу своему оказать, а тую третюю часть, от мене его милости записаную, пана Петра Загоровскаго тымъ даровать рачилъ. Гдѣ его милость, паметавши на кревъность и на службы его, за причиною

моею, з ласки своее, его самою, жону, и дети и потомки ихъ на вечные часы тою третею частью водле запису моего по животехъ нашихъ даровати рачил. И будучи пану Петру Загоровскому при насъ у Волыни, кгды вжо его милость панъ мой, за причиною моею, тую третюю часть ему даровалъ и листъ свой под ведомостью пановъ радъ ихъ милости и тежъ листъ мой, который я его милости пану своему дала, и потверженье господарьское ему далъ; розумеючи онъ то, ижъ я его милости пану своему на всих именьяхъ третюю часть описала, билъ чоломъ его милости пану и мне тежъ, абыхмо мы с паномъ его милостью меновите на особливыхъ именяхъ, выделивши с тых именей третюю часть, ему дали. А такъ я паметаю (чи) важность всихъ именей моихъ и ровнуючи в третюю часть з ыменей своихъ, за прозбою пана Загоровского, просиламъ пана моего и тогомъ теж его милости пану своему позволила, абы его милость рачил пану Загоровскому третюю часть с тыхъ именей выделити; где его милость восполок зо мною рачил то в третюю часть пану Загоровскому дати именье мое дворъ Луков з людми тяглыми и огородными, село Навоз з бояри, в Четвертни з бояри и людми тяглыми и зъ ихъ дворищи, в Копылехъ даньники и люди тяглые. Маеть то панъ Загоровский и потомки его тую третюю часть тыхъ чотырохъ вышей меменыхъ именей по животех нашихъ вечне держати и ихъ вживати, водле листу пана моего, со всими подачками и даньми грошовыми и медовыми и с тымъ всимъ, як ся тыи именья сами въ собе и въ границахъ своихъ мають, ничого не оставуючи на близкихъ моихъ. Нижли штося дотычеть Лютогощеи Хребътовъское части и челяди невольное, в тося панъ Петръ Загоровъский ничимъ уступати не маетъ, бо я того пану своему не записывала; а естлибы што сходило вышей третее части в тыхъ именьяхъ, тогды маеть быти отделено и прилучоно ку двум частям; естлиж бы пакъ пану Загоровъскому в третеи части виделася кривда, тогды мають зъ оныхъ двухъ частей именей то ему дополнити. А предся тые именья, водле запису пана моего и моего тежъ, маеть панъ Загоровский и

потомки его вечне держати, бо его милость панъ мой и я сама тыми записы нашими вечне отписуемъ. И для того есми тот записъ мой пану Загоровскому дала, абы по животе пана моего и моемъ близкие пана моего и мои якое трудности его милости о тые именья не чинили, ижемъ давно тые именя его милости пану своему водле запису своего поступила и в держанье его милости подала, и тотъ записъ мой водле обычаю права Великого князьства Литовъского господару нашему королю и великому князю литовъскому его милости объявила и оповедила. А при томъ были и тому добре сведоми и за просбою моею и печати свои к сему моему листу приложити рачили ихъ милость вельможные панове и рада его кролевъское милости: его милость панъ Иванъ Горностай, воевода новгородский, маршалокъ дворный, подскарбий земъский, староста слонимъский и мъстибоговский, державца зельвеньский; а панъ Григорей Алексанъдровичъ Ходкевича, подъкоморий господаря короля его милости, староста ковеньский и коръмяловъский; а панъ Павелъ Шимковичъ Кгедройть, тивунъ виленский, староста ушпольский и пеняньский. И на то есми пану Петру Загоровъскому дала сесь мой листъ, до которого для лепшое тверъдости и печать свою приложила к сему моему листу. Писанъ у Вильни лета Божего нароженя тисяча пятьсотъ пятьдесятъ второго году месяца декабра двадцать пятого дня.

Арх. Кіев. Арх. Ком. № 60.

V.

1553 г. августа 15. Разграниченіе имѣній съ одн. стор. Свищова (Петра Богд. Загоровскаго), съ друг. стор. Дублянъ, Лисина и Лѣщина (Щаснаго Госинскаго и его жены).

Комисарскій судъ, по желанію сторонъ, обращается въ третейскій.

Року 1586 мѣсяца октебра осмого дня. На рокох судовыхъ земскихъ луцких, в року тепер идучом тисеча пятсот осмдесятъ шостомъ о светом Михале римскомъ святе припалыхъ и на завтрее менованого свята судовне отправованых, перед нами тоест Федором Кадяном Чапличомъ Шпановским судею а Олизаром Кирдѣем Мылским маршалком его кр. мл., на тот час будучи засажоным на местцу врядовом его мл. пана Ивана Хренницкого подсудка луцъкого, постановившися очевисто у суду в замку господарском Луцкомъ его мл. панъ Иванъ Хренницкий подсудок луцкий оповедал и покладал перед нами лист граничный зошлого его мл. пана Петра Богдановича Загоровского маршалка господарского с наном Щасным Кгесинским и малжонкою его панею Ганною Монтовтовою межи именями его Свищовом, а пана Кгесинского и малжонке его Дублянского Лысинского и Лещинского, просечи абы для всякое безпечности, тот лист менованый до книгъ земскихъ принят и вписанъ был; которого мы огледавъшы, перед собою читати казали, и так ся въ собе мает:

З роскезанья господаря нашого кр. его мл. Жикгимонта Августа, мы суди, маршалку господарскому пану Петру Богдановичу Загоровскому отъ его кр. мл. посланые, Матфей Василевичъ Четвертинский, Федор Василевич Бокѣй, Иван Шимкович Скленский, а з руки пана Щасного Кгесинского и панеи его пани Ганны Монтовтовны маршалок госцодарский Алесандръ Санкгушкович Кошерский, Михайло Ело а Михайло Козинский, за жалобою пана Петра Загоровского ку его кр. мл., его кр. милость нашъ милостивый пан рачил нам казат черезь лист свой господарский писати, абыхмо

на жалобу пана Загоровского, яко его мл. кролеви его мл. жаловал, менячи быти кривды собѣ в землях, в ставех, в рухомых речах, там на тые пенные земли и розницы их выехали; где они з обудву сторонъ одна о другое стороны кривды собе быти менили; где есмо на рок назначоный за комисеями кр. его мл. на тые земли выехали, водле статуту и жалобы пана Загоровского, смотрели есмо того дѣла: На первеи жаловалъ панъ Загоровский на пана Кгесинского и панюю его, иж дей они моцно кгвалтом з ыменъя своего Дублянского, Лешнянского и Лысанского сами въ ставу моем Свищовском рыболовом своим на себе рыбу ловити кажут, и к тому дей врядникъ их Матушъ тых именей и подданые вышей написаные в том же ставу моем Свищовском злодѣйским обычаем рыбы ловят, в чом дей я собе не мало от них шкодую; якож реестръ шкод своих, в том ставу поделаных, перед нами цоказал, и просил за то, абыхмо водлугъ комисеи господарское наперед о тот ставъ, выслухавши доводов его, кончили. И ставил перед нами на то довод сем шляхтъ обаполных суседовъ; мы, того права не хотечи розно судити, змовившися всѣ весполокъ, дали есмо тое право о ставъ на сконъченье, обведши границъ, так о став, яко и о кгрунт земляный; потом от того ставу отехавши от дороги, которая идет от Кнегинина до Лопавшъ, где над тою дорогою показал копецъ, который его мл. менил быти границу именю своему Свищовскому с Княгинином с паны Княгининскими и с паном Кгесинским и панею его; в тогож копца панове Кнегининские с поддаными своими вызнавали, ижь тот копецъ мают с паном Загоровским. От тое дороги и от того копца повелъ нас дубровою, показывачи знаки и деревъе, в которыхъ панъ Загоровский менил быти грани покажоные от подданых пана Кгесинского; с тое дубровы на поле градою до копца, который на той же градѣ, и от того копца до лужка который ся прозывает Вербовым; тоюж градою от тогож лужка до болота, которое ся называетъ Куповатецъ; от тогож болота на той же грядѣ менил быти пан Загоровский копецъ роскопаный; от того копца до долины,

на которой долине также поведилъ копецъ скаженый; от того скаженого копца до лужка Калинового, тоюжь градою опьят до копца роскопаного; от того копца к болоту и до реки, на чом став Свищовский ест; черезь тую реку и болото межи селъ Свищова и Дублянъ до груши; а от груши, показывааючи знаки, привелъ насъ до долины, которою долиною дорога идет от рудки до Букоймы; в тое дороги менил быти пяту земли своее Свищовское. Тут же в тое дороги стоял панъ Василей Рудецкий с поддаными своими, которого есмо пытали, с ким бы он тую границу мел, а от кого бы ее стерегъ? Он с поддаными своими вызналъ, иж где панъ Загоровский привел долиною до тое дороги, менячи быт за дорогою своею землю, а кгды пан Загоровский вел, то дей земля Свищовская. Потом, водле статуту права посполитого, панъ Кгесинский с панею своею пани Ганъною Монтовтовною взявши понедалеку от тоежъ дороги, откол панъ Загоровский початок обвоженъя вчинил, показал курганъ великий, который назвал Костеная могила; от тое могилы повел насъ через поля просто и той же руцѣ уверхъ ставу Свищовского, а нижей ставу Дублянского на отногу залитя ставу Свищовского; от тое отноги долиною через поля и дубровы до тоежь долины, где панъ Загоровский привел нижей заводу пана Загоровского. Там нас споткали з Букоймы панъ Григорей а панъ Семен Еловичи, менячи быти к той же дорозе прилеглую землю свою, где перъвей панъ Загоровский к той же дорозе привел; пытали есмо тых пановъ Еловичовъ: с ким бы они тут границу, где пан Кисинский с панею своею привелъ, мели? Они поведили, иж с паном Загоровскимъ от именя его милости Свищова. А так мы, обехавши заводы обеюх сторонъ на тую границу, где панъ Загоровский водле первшого заводу своего нас привелъ, там приехал и водле слушного вказанъя границъ шляхты людей добрых и теж светковъ сугранproblemsчниковъ и вызнаня тых шляхтъ сумежниковъ, которая сем шляхтъ особливе светчили, иж дей тот став Свищовский далей ли-вас (sic), нижли тепер, ажъ под самую греблю Дублянскую; а там николи панове Дублян

жадъного вжитку в ставу Свищовском не мевали. Ту теж на кгрунте земяном, куды панъ Загоровский вел, шляхта и суграничники вызнавали. Допустили были есмо водле права пана Загоровского близшого ку доводу; пан Загоровский пана Кгесинскго с панею его, яко отчичов тых именей, без жадных светков, одно их двох особ, ку доводу припускал, абы они на том довод вчинили, куды заводили и свою землю поведили. И взявши есмо межи ними речи невеликие, покусили (?) есмо их милости едънанем. Где их милости межи собою, хотечи наперед доброе заховане в суседстве мети, далися на добром слове нам въ моцъ, што бых-мо межи ними знашли, того они втерцити мают; мы хотечи межи их милости вечный а суседский впокой вчинити, в тое есмося вложили и их мл. з обудву сторонъ у згоду привели и на том постановили: што ся дотычет тых заводовъ обеюхъ сторонъ к той дорозе, которая идет з рѣки до Букоймы, не хотечи межи их милостью того вчинити, абы на обедве стороне шкоды не было, тую землю межи их милостю водле их доброволного позволенъя розделили, почении от тое дороги выше писаное Букоемское на гору, и подле дороги копецъ закопали; от того копца черезь дубровы и поля до отноги ставу Свищовского тридцат копцовъ закопали; а черезъ тот ставъ и болото ставу Свищовского на другую сторову, отколся повод пана Загоровского земли Свищовское стал, почовши от болота аж до кургана назнаного Костеная Могила и до дороги Лопавшъское, копцы есмо закопали, которых копцов от болота до Костеное Могилы тридцат и осмъ. Што ся дотычет ставу пана Загоровского Свищовского, тот его мл. мает подыймовати, яко бы могъ надалей залити на землю пана Щасного Кгесинского и панее его, кроме абы тот ставъ Свищовский млына не подтопил и спусту ставу Дублянскому ничого не зашкодил, коли его будет спущати; а панъ Кгесинский сам, пани и потомкове его милости и подданые тых селъ его милости не мают ся в тот ставъ его милости вступовати, човнов на том ставу Свищовском не мети, рыбъ сѣтми и утками, вятерми, кошами, неретами и не жадными

иншыми вловками ловити не мают. А што ся дотычет тых рухомых речей, яко их млст на обедве стороне жаловали, тогды вже тых речей один на другом и на подданыхъ не мают межи собою поискивати; якож их милост тое наше винайденъе от насъ вдячне приняли и обедве сторонѣ на то позволили и то перед нами межи собою вечне а не отменъно держати обецали, и хотели межи собою вечного упокою, позволили на себе заруки: хтобы мел с того еднанъя и знайденъя нашого и тежь призволенья их обеюх сторон выступити, або чим колвек нарушити, тогды будет сторона выступная повинна заплатити королю его милости триста рублевъ грошей, а сторона стороне другую триста рублевъ грошей, на што их милость з обудъву сторонъ доброволне то позволили, и на себе тые заруки приняли; и насъ за то просили, абых-мо к тому листу нашому судовому и еднацкому печати свои приложили. Мы на жеданъе их милости печати наши к тому листу приложили; а в тот час всполокъ съ нами были пан Михайло Михайловичъ Свинюский, панъ Гаврило Бокѣй, панъ Данило а панъ Василей Рогозенский, пан Василей Рудецкий, пан Микита Кутровский, панъ Федор, пан Андрѣй а панъ Яцко Русинове. На то есмо дали пану Петру Загоровскому сес наш листь з нашими печатми. Писан у Свищови лета Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят третего месяца августа пятогонадцат дня.

А так мы тот лист судовый и еднацкий ку ведомости нашои врядовой припустивши, слово от слова с початку аж до конца до книгъ справ судовых земскихъ записати есъмо казали.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2099, л. 425, № а. 355.

VI.

1554 г. іюля 17. Рѣшеніе королевскаго (маршалковскаго) суда объ имѣніи Яшковцы и части с. Вильгоръ между Остафіемъ Рогозою и его женою Маріею Богдановною Джусянкою съ одной стороны, и Томилою Вороною и его женою Немилою Богдановной Джусянкою; имѣнія подлежатъ окончательному раздѣлу, для котораго судья назначаетъ срокъ 4 недѣли, съ обязанностію сторонъ привлечь къ раздѣлу другихъ соучастниковъ (сонаслѣдниковъ). Въ актѣ содержатся указанія на сдѣлки и тяжбы объ им. Ромейковичахъ между Александромъ Джусою и Степ. Болгариномъ, происходившія въ 1544 году.

Року 1581 месяца сентебра 5 дня. Передо мною Петромъ Мложовскимъ писаром кгродским луцкимъ, на тотъ часъ бубучим на местцу пана Станислава Петровского подстаростъего луцкого от его велможное милости пана Александра Проского столника великого князства Литовского старосты луцкого, постановившися очевисто на вряде кгродскомъ в замку господарскомъ Луцкомъ панъ Александро Лясота именемъ приятеля своего . . . . . . покладалъ передо мною выписъ с книгъ его милости пана Миколая Радивила воеводы виленского, маршалка земского, канцлера великого князства литовского, старосты берестейского, державци борисовского и сошленского, подъ печатъю его милости, справы, которую мелъ земенинъ повету киевского Остафей Рагоза и малжонка его Маря Богдановна Джусянка из земениномъ земли Волынское Томиломъ Вороною и малъжонкою его Немилою Богдановною Джусянкою, о взятъе именъя жоны того пана Остафъя Рагозы материстыхъ, которые маетъ в земли Волынской, тоест въ Яшковцовъ и части Вилгора, яко то ширей на номъ выписе естъ описано и доложоно, и просил тот панъ Лясота, абы тот выписъ до книг кгродскихъ луцкихъ былъ записанъ. Которого я выпису, передо мною покладаного, видячи ни яко нарушоного знаки того показуютъ, я (sic) же естъ з одное стороны краю спаленъ, карты спереду с писмомъ поотпадывали; теды пред ся зложивъши водле пристойности, и вычитавши его, за прозбою пана Лясоты слово

от слова до книгъ кгродскихъ луцкихъ записати есми казалъ. Который выпис так ся в собе маетъ:

Выпис с книг его милости пана Миколая Радивила воеводы виленского, маршалка земского, канцлера великого кнезства литовского, старосты берестейского, державцы борисовского и шосленского, лѣта Божего нароженя тисеча пятсотъ пятдесят четвертого месяца июля семогонадцат дня во второкъ, з росказанъя и за комисиями господаря короля его милости и за позвы и за децкимъ пана его милости, судьи от его милости высажоные: панъ Янъ Олехнович Римша, хоружий ошменский, судя виленский; пан Ян Андриевич Новицкий, наместникъ виленский смотрили того дѣла: стоячи в праве очевисто земенин господарский повету киевского Остафей Рагоза, сам от себе и именем жоны своее Мари Богдановне Джусянки, за моцю ее зуполною, на листе моцованом описаною, жаловалъ на земянина земли Волынское Томила Ворону и на жону его Немилу Богдановну Джусянку, штожъ они недавно минулыхъ часовъ в року пятдесят третем, нѣг ведома за яким правомъ, одержали собе увязане з уряду староства луцкого вы именъя жоны мои (sic) материстые, которые они мают в земли Волынской, на имя въ Яшковцы и в часть именя Велгора, в люди и въ земли тых именей; за которымъ увязанъемь ихъ немалые шкоды намъ стали, которых шкодъ реестръ в себе маем и один при позвании имъ есмо дали, а другий на праве положити хочемъ. И просилъ Остафей Рагоза, абы ему на то судовне отповедили. Томило Ворона, самъ от себе и от жоны своее Немилы Джусянки, за моцю еи зуполною, на тую жалобу их отказъ чинечи, поведил, ижъ мы тое увязане не без причины але слушъне и врядовне в тые именя одержали; которого врядовного увязаня своего доводечи, комисии госгосподарское позвы и листъ децкованый князя Андрия Михайловича Сенкгушковича Кошерского старосты луцкого, и выпис становенъя пилности своей, а не станъя Остафъя Рагозы и жоны его Мари Ежусянъки на року позваномъ за позвы перед паны судьями у суду, показовалъ; за которымъ

покладалъ выпис с книгъ князя Андрея Михайловича Санкгушковича Кошерского старосты луцкого под печатъю и под датою року пятдесятъ третего месяца мая двадъцатъ пятого дня, в которомъ пишетъ: ижъ кгды Остафей Рагоза и з жонкою своею Марьею Джусянкою за децкимъ перед князем старостою луцким ку праву не сталъ, а Томило Ворона и з жоною своею року оного за позваного за децъкимь пилновалъ, князь-староста луцкий за нестанем Рагозинымъ и жоны его, заховываючисе водле комисии и росказаня господарского, сказалъ Томилу Вороне и жоне его Немиле выделене части их в тых именяхъ Ромейковичахъ, у Япковцахъ, у Вилъгори и во всих пожитках; за тымъ покладал лист князя Андрея Кошерского старосты луцкого под печатъю его, и под датою тогож року пятьдесятъ третего месяца мая двадцат семого дня, писанный до Остафъя Рагозы и до жоны его Мари Джусянки, в которомъ пишетъ, ижъ, подъле того сказанъя, Томило Ворона и жона его взяли делъчими пана Петра Кирдѣевича Мылского а князя Ивана Федоровича Четвертенского, а рокъ выделеню части ихъ с тыхъ именей зложилъ князь староста луцкий от дня светои Троицы римского свята дванадьцатъ неделъ, и вижа своего врядового Матея Зенковича на увязанъе частей тыхъ, што бы мне от делчих было выделено, имъ придалъ; за тымъ, покладал лист тѣхъ дѣлчихъ вышей мененых, пана Петра Кирдѣевича Мылского и князя Ивана Федоровича Четвертенского, под печатми ихъ и под датою месяца августа четвертогонадцатъ дня, на котором пишетъ, иж кгды тыи делчие на оный рокъ князя старосты луцкого ку тому дѣлу до замку Тесова въехали, хотечи подле сказаня князя старосты на выделенъе имъ в тых именях вчинити, Остафей Рагоза и з жоною своею Томилу Вороне и жоне его Немиле Джусянце делу оного в тыхъ именъяхъ вышей мененыхъ не допустили; за тым Томило Ворона покладалъ другий лист увяжчий князя старосты луцкого под печатю его, и под датою року пятдесят третего месяца ноябра двадцатъ первого дня, писаный до Остафъя Рагозы и до жоны его Мари Джусянки, где пишет, иж княз

староста луцкий, за таковымъ непоступенъемъ оного делу, послал повторе того вижа своего Матея Зенъковича, которому казал вы именъе их въ Яшковцы и в дворище Вилгорское, и в люди, и въ поля, и сеножати, и в дубровы, и въ мыта, и в бобровые гоны и во все, што к нимъ прислухаеть Томила Ворону и жону его Немилу Джусянку увезати и то имъ деръжати подати до вечного делу; а за тым покладал лист увяжчий того вижа Матея Зенковича под печатю его, и под датою року пятдесятъ третего месяца декабра осмого дня, где пишет тот виж, сознаваючи, иж за тым росказанем и посланемъ князя старосты луцкого увезал Томила Ворону и жону его Томилу Джусянку, вы именя Остафъя Рагозы и жоны его Мари Джусянки въ Яшковцы, в люди, в поля, и в сеножати, и в дубровы и в дворище, на которомъ вдова Кунашовая с чотырма сынми, двумъ имена Васки, а Гацко, а Иван, а на том же дворищи Мишко Герасимович з сынми Иваном, Лукъяномъ, а Лучкою, а чоловѣка Якимца Герасимовича и дву сыновъ его, которым обудвумъ имена Степаны, и статки ихъ и з будованъемъ, а в другое дворище Кондратовское з будованъем; а в Вилгори полъ дворища, на которомъ слуга путный Яцко Томаховичъ и з братомъ Степаномъ и з статки своими седят, и въ мыто Вилгорское, и в бобровые гоны, яко ширей и достаточней тая речъ на тыхъ листехъ, вышей мененыхъ у права покладаных, естъ выписана. А по прислуханю тое справы листовъ, от Томила Вороны у суду покладаных, Остафей Рагоза поведилъ, иж я и з жоною своею в тыхъ именъяхъ Волынскихъ въ Яшковцахъ и в Вилгору делу имъ вечного не боронимъ; одно нехай бы ми первей увязане с них ведле права было сказано, кгдыж ся они за нестанем нашим увезали; а к тому и о то припоминамъ, иж сут инъшии свояки-сестры жонъ наших рожоныхъ, которые особливые части у двох именъяхъ до вечного делу держать, а я, а ни они без тых свояковъ своих и жон ихъ и без тых частей делу ровного вечного промежку собою чинити не можемъ; для чого нехай бы и тых свояков нашихъ ку тому делу притягали, а если

его мет хотят; а именя Ромейковичи я з жоною своею и з детми небожчика Степана Болгариновыми держимъ въ суме пенезей у перезыску, которого тотъ Болгаринъ на брате жонъ нашихъ на Александру Джусе презыская, и без отложеня оного презыску, не повиннисмы того именя Ромейкович в делъ поступовати. Чого доводечи у суду, Остафей Рагоза передъ паны судями покладалъ два листы судовых судей господаръскихъ дворныхъ высажоныхъ: князя Ивана Андриевича Полубенского а пана Миколая Миколаевича Андрушковича конюшого господарского дворного, пана Василя Тишкевича старосты мѣнского, под печатми ихъ и подъ датою четырдесят четвертого месяца июня двадцатъ первого дня, в которых пишет, иж тые суди господарские высажоные смотрели Степана Болгарина зъ Александромъ Джусою о долгъ о тридцатъ копъ грошей, который тот Александро Джуса на записе своем тому Степану Болгарину винен зосталъ, а особливе о десеть копъ грошей, о которое зослане ихъ обу дву сторонъ на Ивана Дутого было; а ижъ тотъ Дутый до суду описал, же Джуса тое десети копъ грошей ему не давал, тогды панове суди дворные тые пенези, и с тою верху описаною сумою сорокъ коп грошей, на Александре Джусе Степану Болгарину всказали и роки заплати тым пенезем положили. К тому Остафей Рагоза покладал запис Александра Джусин, под печатью его самого и под сведомъемъ и печатми людей сторонъних: пана Михна Якубовича, а Зенка Борсуковича а Василя Борисковича, под датою месяца марца третегонадцат дня индикта первого, где описался Александро Джуса, вызнаваючи, иж зостал винен Стефану Болгарину из выроку господарского девеносто копъ грошей литовское монеты, и мел ему тые пенези отдати на рок на семую суботу вы именю своем Ромейковичах; еслибы на тот рок тыхъ пенезей ему не отдалъ, тогды мел ему на завтреи же того року поступити в тых пенезех именъя своего Ромейкович зо всим ку держаню и поживаню его, аж до того часу, поки бы ему тую сумму пенезей девеносто копъ грошей сполна заплатилъ; а еслибы пенезей на тот рок не дал и ни

именя оного не поступилъ, тогды описался Степану Болгарину заплатити сто рублей грошей. За тымъ положил лист судовый тых же судей господарских дворныхъ, вышей мененыхъ, под печатью их и под датою року чотыръдесят четвертого месяца июня двадцать первого дня, где пишет, иж тые суди господарские о тую девеносто копъ грошей Александра Джусу з Степаном Болгариномъ очевисто смотрели, иж ся то в суду з очевистого мовеня их показало, же Александро Джуса на рок ведле запису своего тое девеносто коп грошей Степану Болгарину не отдал, а именя оного Ромейкович не поступил; тогды тые суди господарские сказали на Александру Джусе, водълe того листу его записного, сто рублей грошей и роки заплате тымъ пенеземъ зложили, и на томъ же именъю Ромейковичахъ тыхъ пенезей присужоныхъ смотрети ему велели. За тымъ покладалъ у суду лист увяжчий пана Алекшою Покривницкого врядника мостовского, в котором пишет Алекший Покривницкий сознаваючи, иж за листомъ и расказанъемъ господарскимъ увезалъ Степана Болгарина в той во всей суме пенезей, верху мененой, у двохъ сотъ копах грошей и в шести копах и въ сороку грошей и въ своемъ увяжчомъ у двадцати копахъ и в сороку грошей, у двор и все имене Ромейковичи з будованемъ, и збожъемъ и з статком дворнымъ, з людми волостными и землями, з огородники и зо всимъ, якося тое имене Ромейковичи в собе маетъ, и то ему в моц подал; якожъ и копею з того листу господарского увяжчого под печатъю того увяжчого господарского Алекшаго Покривницкого Остафей Рагоза у суду передъ паны судями покладалъ, на которой з листу господаръского росказане его кролевское мимилости по выистью роковъ заплате оной, от судей зложоных. до Покривницкого описано, ижбы Олекший Покривницкий Степана Болгарина в суме пенезей у двусту копах и в шести копахъ и в сороку грошей в тое имене Ромейковичи увезалъ. Што все ширей а достаточней на тыхъ листех, у права покладаныхъ, ест выписано. Где по вычтеню тыхъ листовъ, оповедалъ Остафей Рагоза, иж за тымъ увязанъем

в томъ презыску небожчикъ Болгаринъ предокъ его за живота своего тое имене Ромейковичи держалъ чотыри годы, а по смерти его они от осми годъ держатъ.

А так панове суди, с прислуханя речей ихъ обудву сторонь, обачивши то, кгдыж за нестанъемъ Рагозинымъ в тые именъя Волынские Вороне увязаня дано, с таковое причины заховываючися водле права земского, з вынайденя своего судового, такъ сказали, иж с тыхъ имений Волынскихъ зъ Яшковец и з Вилгора, во што Ворона и з жоною своею увязане за нестанъемъ Рагозинымъ былъ одержалъ, мает Рагозе и жоне его вывезане дано быти зо всимъ тымъ, маетъ Ворона тые имения имъ поступити съ чимъся в нихъ увезалъ, до вечного делу; а што будетъ севбы власное своее Ворона за держанъя своего тамъ засеял и будованя прибудовал, то маетъ при немъ, яко власностъ его, зостати; а што ся дотычетъ делу вечного в тых именяхъ, такъ и презысковъ тыхъ, которого Остафей Рагоза и з жоною своею на томъ именъю Ромейковичахъ з листов справы вышей мененое покладал, ино иж за сказанъемъ судей господарских дворных на одинъ лист записный Александровъ Джусинъ, на которомъ онъ Болгарину девеносто копъ грошей винен зосталъ, сказано, якобы з совитостью сто рублей грошей, о то панове судъи. сказаня своего не чинечи, дали то на вырок пана его милости.

И кгды было по той справе дня пяткового месяца июня двадъцатого панови суди на установеню очевистом обудвух сторон тую справу суду своего перед паном его милостю оповедали, а в тот час при пане его милости были пан Остафей Богданович Воловича маршалокъ и писар господарский староста могилевский и медницкий; панъ Ян Шимковичъ маршалокъ господарский староста тыкотинский; его мл. пан, преслухавши тое справы, суду ихъ и с тыхъ листов вышей помененых, у права покладаных, порозумевши и обачивши, кгдыж жоны ихъ до тыхъ имений Яшковецъ и Вилгора право прирожоное маютъ, а делу вечного промежку ними еще ся в тых именяхъ не стало, с таковыхъ причинъ рачилъ его

милостъ з розсудку своего сказат, иж они тые именья Яшковцы и Вилгоры, ведълe права прирожоного жонъ своих; маютъ промежку собою вечне розделити и взявши делчихъ каждый з них з руки своее, кого похочутъ, ку тому делу; и рокъ очевистый зенский рачилъ его мл. имъ зложит отъ того дня даты вышей писаное, которого тая справа передъ его милостю была, тоесть от месяца июля двацатого, за чотыри недели; а ижъ тежъ они от другихъ свояковъ своих у суду его милости припоминали, которые по жонахъ своих каждый свои части у другихъ именъяхъ на себе до вечного делу держитъ, а о делъ ровный вечный тыхъ частей еще не поставили, и тыхъ свояковъ вчастниковъ своих зъ ихъ частми, што они держатъ, маетъ Томило Ворона и з жоною своею до того делу ведълe права притегати. А штося ткнет того презыску вышей менованого и тое совитости, которая на судовномъ сказаню судей господарскихъ дворныхъ с тых листов; у права покладаных, от Рагозы ест показаны, и того именя Ромейковичъ, которое в том презыску Остафей Рагоза и з жоною своею держитъ, кгдыж тая сума презысков з долговъ Александра Джусиныхъ, за власными его описы; естъ уросла еще за живота его, от судей господарскихъ дворных и тою совитостю вышей помененою на немъ сказана, и за листомъ росказанъемъ господарскимъ и з суду сказаня ихъ правного в той суме пенезей презысканой в тое имене Ромейковичи увезане врядовное небожчику Степану Болгарину еще за живота его дано, его мл. тую всю суму пенезей презысканую и ввязане оное в тое имене Ромейковичи, яко слушное и врядовное, водле тыхъ листовъ верху описаныхъ судовныхъ записаных и ввяжчихъ, з розсудку своего при моцы рачилъ заховати, иж Остафей Рагоза и з жоною своею Марею Джусянкою и з детми небожчика Степана Болгарина, яко держачый того именя Ромейковичъ не повинни будутъ, без отложеня оного презыску сумы пенезей, Томилу Вороне и жоне его Немиле Джусянце в томъ именъю Ромейковичахъ делу поступовати; але кгды они част того презыску. што на нихъ приходитъ, отложатъ, тогды Остафей Рагоза и з жоною своею

частъ въ томъ именъю Ромейковичахъ на нихъ приходячую водле права прирожоного жоны Томила Вороны ку выделенъю имъ поступити мають. На штожъ Остафей Рагоза з жоною своею и выписъ с книгъ подъ печатъю пана его милости собе взялъ. Писанъ у Вилъни. Иванъ Солтанъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2058, л. 31, № а. 8.

VII.

1554 г. Янв. 18. Грамота короля Сигизмунда Августа о возвращеніи Армянской церкви села Цепорово, которое король пожаловалъ было Луцкому католическому костелу св. Троицы на содержаніе при ней проповѣдника; въ замѣнъ того король жалуетъ этому послѣднему доходъ въ 30 к. гр. съ Берестейск. мыта и участокъ земли на 15 мацъ сѣвбы поля во дворѣ Гнидавскомъ, до тѣхъ поръ, пока не найдется подходящаго недвижимаго имѣнія для вѣчнаго пожалованія костелу.

Въ грамотѣ не говорится, что пожалованіе католич. костелу имѣнія церкви Армянской было сдѣлано по ошибкѣ.

Року 1574 мца генваря 30 дня. Пришодши на вряд кгродский въ замокъ Луцкий перед мене Михаила Вилгорского подстаростего луцкого отъ его млсти князя Богуша Корецкого воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и вѣницкого, князь Каспор Албинус каноник и казнодѣи луцкій оказал и положил передо мною на вряде привилей его королевское млсти нашого млстивого зошлого пна под печатю и с подписом руки его млсти гдръское и с подписом руки писара его млсти гдръского пна Остафѣя Воловича и просилъ, абы был тот привилей его кролевское млсти вычитан и в книги кгродские луцкие слово от слова вписан. Которого я огледавши, перед собою читати казал и так ся в собе маеть:

Жикгимонт Август Божю млстью корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецкий и иныхъ, чинем знаменито тым нашимъ листом, хто

на него посмотрит, або чтучи его услышит, нинешним и на потом будущим, кому будет потреба того ведати: што есмо первей сего, на жадане кнзя Юря Фаличовского бискупа луцкого и берестейского, и маючи бачност на учтивые а важные наклады его, которые он вчинил ку чти а фале Божой и славе ншой гдрьской и земской коло збудованя знову а з кгрунту костела головного бискупего Светои Тройцы на замку нашомъ Луцком, и иншихъ многихъ будованей муром, а то властным его накладом, где для достаточной фалы Бжой и потребы и науки хрестиянской, которий тот головный костелъ, а звлаща в оных сторонахъ, потребуеть, дали фундовали и записали были есмо привилемъ нашим на тот костелъ луцкий Светои Тройцы на вечность село церкви ормянское луцкое на имя Цепоровъ, а то на козноде̃ю слова Божьего того костела головного; а при томъ дали есмо тежъ, даровали и записали тымже привилемъ нмимъ такежъ на вечность томужъ козноден костела луцкого, для способнейшого выхованя его, мыто наше гдрьское старое и ново уставленое и тое, которое бы еще на потомные часы могло быт уставлено з места Торчинского и з иныхъ именей бискупъства луцкого Волынскихъ, которое мыто могло бы на нас гдря с подданыхъ тыхъ именей бискупих подле звыклого а постановеного обычаю в земли Волынской, до скарбу ншого гдрьского брано быти; яко на томъ селе Цепарове, так и на мыте вышей мененомъ именей бискупих дали есмо моц и дозволили тому кнзю Юрю Фаличовскому вчинити и фундовати оного казнодею для лепшое учтивости его каноникомъ тогож костела ншого луцкого и поличит его местцомъ и всею иншую уцтивостю и владностю межи иншими каноники капитулы тамошнее, яко то оный привилей фундатъ наш, ему на то и на козноде̃ю даный, ширей въ собе обмовляют, чого всего кнзь Юрей Фаличовский и по немъ кнзь Валериян нинешний бискупъ луцкий и берестейский и казнодей того костела Божого вышей мененого, подле наданья и привиля ншого, въ держанью и в поживанью завжъды были аж до сего часу; топак ижъ после того с певных причин и за при-

вили славное памети королей их млсти и великихъ кнзей предковъ нашихъ, которые на тую церковъ свою ормянскую поп ормянский церкви луцкое Вартикъ и иншие ормяне того места нщого Луцкого перед нами оказывали и покладали, з выроку очевистого станья и россудку нашого гдръского, тое село Цепоровъ вынявши з моцы бискупа луцкого и казнодеи тамошнего, за ся есмо подле тыхъ старыхъ привилеювъ продковъ нашихъ церкви ормянъской луцкой и потомъ той церкви вернули и присудили подле давного наданя ихъ. Для того хотечи з ласки нашое гдръское князю бискупу луцкому и каноникомъ казнодеямъ костела луцкого тое першое наданье и фундоване нашо место того села Цепрова иншим чимъ наполнити и нагородити, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ и записуемъ князю Яну Речицкому канонику и казнодеи нинешнему луцкому и по немъ будучимъ каноником казнодеямъ луцкимъ готовый платъ у каждый год на мыте и камори нашой Берестейской тридцать копъ грошей личбы великого кнзьства Литовского, а к тому при замку Луцкомъ поля дворного двора нщого Гнидавского, где наближей ку замку будеть, на пятнадцатъ мацъ севбы, на чом тот казнодея и по немъ будучие для домовыхъ своих речей и потребъ маютъ собе дворецъ поселити и огороды мети; што есмо приказали старосте луцкому кнзю Андрею Михайловичу Коширскому ему завести и в держаня подати; которыйврочистый плат тридцать копъ гршей маетъ тым казнодеямъ луцкимъ у кождый год о светомъ Мартине от мытниковъ нщихъ, на тот час будучихъ, и тых, хтобы потом от насъ тое мыто закупилъ, плачоно и давано быти без кождого перевода, яко за щасливого панованья нщого, такъ и за потомковъ нашихъ королей великихъ кнезей ихъ млсти; а мы и потомки наши будемъ повинни то мытникомъ нашимъ на личбе нашой приймовать. Которуюж врочистую плату, тоесть тых тридцати копъ грошей на мыте нашомъ берестейскомъ, и поля вышей мененого, которое имъ заведено и подано будеть, мает кнзь Янъ Речицкий и иные по нем будучие казнодеи, напротивку першой данины нашой

села Цепорова, вживати и то на себе мети до того часу, поки мы, дастли Бог, або потомкове нши и иншою даниною нашою именемъ которым лежачимъ, такъ добрым и пожиточнымъ, яко был Цепоровъ, место того готового плату, тыхъ казнодей осмотримъ и обдаруемъ; а кгды то от насъ и от потомковъ нашихъ учинено будет, то на он часъ тот платъ ихъ урочистый коморы берестейское и оная пятнадцать мац земли за ся к рукамъ нашимъ привернена быти маеть. А штося дотычет мыта старого и нового наданого от насъ под першого привиля ншого тым же казнодеям луцкимъ на подданых места Торчинского и иных именей волынскихъ бискупства луцкого, тое надане нше першое оныхъ мыт и тепер при моци заставуемъ и ничим того не нарушиваемъ; мает кнзь Янъ Речицкий нинешний и потом будучие казнодеи луцкие тое мыто в Торчине и по иным именямъ волынскимъ с подданыхъ бискупихъ, старое и новое—от соли, от воловъ, от кожъ и от иншихъ всякихъ речей, што ку старому и новому мыту прислухаеть, на себе брати и того вживати вечне и непорушне; а мы гсподаръ то тымъ казнодеямъ костела луцкого и теперъ знову даемъ и тым листомъ ншимъ потвержаемъ; а ведже не мають они того мыта старого и нового иначей брать одно тымъ же обычаемъ и шацунком звычайным, яко на коморе луцкой и иншим коморам ншим волынским мыта наши гдръские старые и новые выбирают. И на то дали есьмо князю Валерияну бускупу луцкому и казнодеямъ костела луцкого сесь нашъ листъ подъ нашою печатью и с подъписомъ руки нашое господаръское. Писанъ у Кнышине подъ летъ Божъего Нароженья тисеча пятьсотъ петъдесят четвертого мца генвара осьмогонадъцать дня. Подписъ руки господарское и подписъ руки его млсти пана Остафъя Воловича: Остафей маръшалокъ и писаръ.

А такъ я тотъ привилей его кролевское млсти, за прозбою кнзя Каспора каноника и казнодеи луцкого, слово от слова до книгъ кгродъских луцкихъ записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 9, № ак. 13.

VIII.

1554 г. октября 10. Заставная запись Прокопа Матв. Угриновскаго женѣ его Оринѣ Болбасовнѣ на село Котчичи.

Застава женѣ всегда совершается безъ опредѣленія срока.

Року 1561 мѣсяца генвара второго дня. Пришодчи и постановившися обличне в замку Луцкомъ передъ нами Гаврилом Василевичомъ Бокиемъ, судею повѣту луцкого, а Борисомъ Ивановичомъ Совою, подстаростимъ луцкимъ, земенинъ господарский пан Януш Прокопович Угриновский оповедалъ и созналъ тымъ обычаемъ: иш што з розсудку вряду здешнего замъку Луцъкого, присужоно было мачосе моей панеи Орине Болбасовне вѣна, от небожчика отца моего неописаного, тридцат коп грошей и к тому третюю част в людех, в поляхъ, в сеножатехъ и во всих пожиткохъ именя моего Вгриновского, до тых часов покол замуж пойдет; ино вже есмо (съ) панею мачохою моею в томъ промежку себе приятелъскимъ а вгодливымъ обычаемъ застановили, иж вжо пани мачоха моя, взявши от мене нѣкоторую суму пенезей, третюю част именя Вгриновского, што мела до часу слушного держати, мнѣ в держане мое дала и поступила, и вже в то ничимъ вступовати не мает. А штося дотычетъ именей моихъ отчизных в повѣте Овруцком Котчища и Велавска, што небожчикъ отец мой в двохсот копах грошей заставилъ и листомъ своим описал, ино пани мачоха моя тых именей зо всими пожитки держати и вживати мает до зуполное ее милости от мене заплаты оное сумы двохсот коп грошей; а неотдавши еи тых пенезей сумы помененое, я сам. сестры и никто з близкихъ моих в тые именя вступовати и никоторое переказы за держаня ее чинити не маем, ни в чом листу небожчика отца моего не нарушаючи, але овшемъ его при моцы заставуючи, заховати ся маем; гдеж тутже ставши очевисто мачоха его пани Орина Болбасовна таким же способомъ вызнала, иж промежку себе на том застановили и показала лист

записный малжонка своего под печатми людей добрых на тые именя вышей помененые, и былъ вычитанъ с початку аж до конца. Который листъ так ся в собе маеть:

Я Прокоп Матфѣевич Угриновский вызнаваю сам на себе сим моим листомъ, кому будет потреба того вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и на потом будучим, иж позычил есми у жоны моее пани Орины Болбасовны ку потребе моей двѣсте коп грошей литовское личбы, личачи по десяти пенезий у грош, и в той суме пенезий заставил есми жоне моей имене мое отчизное, никому ни в чом невинное, село Котчишща, част мою, люди на имя Павла отамана, Якима Малца, Занца Полуяна; а в другом селе моем у Велавску чоловѣка моего моее части на имя Евдокима, и зо всими с тыми людми, зъ их землями бортными, полми, сеножатми, з дубровами с пущами, з реками. з озеры. з бобровыми гоны, зо всими платы грошовыми и данми медовыми, зо всим тым, якся тое имене у собе мает, ничого на себе не оставуючи; мает жона моя пани Орина тое имене держати и его вживати, так як я самъ держал; а неотложивши тои сумы пенезей верху описаное, в жоны моее пани Орины я самъ, дѣти и близкие мои того именя и людей з рук ее брати не маем до тых часов, поки я сам, дѣти, або близкие мои тую суму пенезий еи заплатим. А естли быхъ самъ, дѣти або близкие мои тое имене в жоны моее з рук взяли, а не отложивши сумы пенезий, або чимъ колве нарушили; тогды маемъ заруки заплатити пану воеводе киевскому сто коп грошей, а жоне моей Орине другую сто копъ грошей; а заплативши заруку, предся жона моя тое имени и люди держати мает до тых часов, поки от мене самого, от детей, або от близких моих еи зуполная заплата станет. А естлибы который человѣкъ мой отчизный с того именя за держаня жоны моей проч где пошол, тогды я сам, дѣти и близкие мои того на жоне моей поискивати не маем. А при томъ были и того добре зведоми их мл. княз Дмитрей Александрович Буремский, пан Роман Ивановичъ Белостоцкий, а пан Андрей Иванович Колпытовский, а пан Иляш Несвецкий, а пан Дахно Александрович Му-

шата Охлоповский, а пан Еско Олехнович Грушвицкий. И просил есми их мл. о приложене печатей, и их милости на прозбу мою вчинили и печати свои къ сему моему листу приложили; и для лепшое твердости я сам печат мою приложил и руку мою влостную подписал, и сес мой лист на то жоне моей Орине я дал под печатми их милости панов верху писаных и под моею печатю и с подписомъ руки моее. Писан в Пашовѣ лѣта Божего Нароженя тисеча пятсот пятдесят четвертого мѣсяца октебра десятого дня.

А по вычтеню листа просил пан Януш Вгриновский, абы то было записано. А так мы очевистое сознане доброволное оповедане их и лист небожчика Вгриновского до книгъ замковых записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2035. л. 23 об. № ак. в.

IX.

1555 г. августа 15. Дарственная кн. Юрія Васильевича Сокольскаго кн. Василію и Марку Солтановичамъ Сокольскимъ на части имѣнія въ Холпневѣ, Тристенцу и пр., каковыя имѣнія были прежде въ заставѣ у разныхъ лицъ (кн. Кошерскаго, п. Вечерича и Отабія жида Луцкаго).

Дареніе родового имѣнія требуетъ оправданія: родные братья дарителя не оказали ему никакой поддержки во время нужды; онъ нашелъ поддержку у болѣе отдаленныхъ родственниковъ, которымъ и даритъ.

Лѣта Божого нароженя 1563, месяца июля 25 дня. Пришодчи и постановившися очевисто в замку Луцкомъ передо мною Борисом Ивановичом Совою, подстаростим луцким, кн Юрей Василевич Соколский оповедалъ и сознал тым обычаемъ: иж дей я з молодости лет своих бывал есми на Украине, бавячися службами колконадцат лет, хотячися прислужити господарю королю его милости, также в том принялъ коштъ и втрату великую, для чого мусил есми части именей своих отчизных, которыи ся мне по отцы моем от брати моей рожоное остали, тоест: в Холпневе, в

Тристенцу, у в Острове и в Божове князю Кошерскому и пану Вечеричу и Отабию жиду луцкому в двохсот копах грошей заставити; и еще надто остал есми был виненъ товарышомъ своим за кони и за иншие статки пятдесят коп грошей; а правуючися през часы не малые з мачохою своею панею Ганною Вечериною позычоными грошми, утратил есми сто коп грошей; а потом мешкаючи тут на Волыни, не мог есми от брати своей рожоной князя Максима и князя Остафья, а ни отколя жадного запоможеня, выхованя и спокойного мешканя мѣти; одно толко, ужаливши ся мене дядко мой его милост князь Солтан Соколский, не с повиноватства. але з ласки своее рачил мя завжды запомогати грошми, конми, шатами и иншими речами; где я, дознавши таковую ласку его милости до себе, просилом дядка моего князя Солтана, иж бы тыи части именей моих вышей помененых за гроши свои собе выкупил, и тые долги, што есми кому виненъ, людем заплатил; его мл. за прозбою и позволенемъ моим тыи части именей моих в двусот копах грошей выкупил и долги за мене тую полтораста коп грошей заплатил; так же его мл. князь Солтан Соколский дядко мой тыи части имѣней моих и з людми держал в полчетвертаста копах грошей; а по смерти его кнегиня Олена Солтановна Соколская з сынми своими рачили мне дати на объход пятдесят коп грошей литовских на тые части имѣней моих; а от того часу, якож приехалъ в домъ их милости, и завсегды рачили мя их милост князь Василей а княз Марко Соколские запомогати грошми, конми, шатами и иншими статками, аж до сего часу. А так я, маючи доброе запоможене и видячи великую ласку их милости до себе, як дядка моего небожчика князя Солтана, так и сынов его милости, без жадного принуженя, а ни з намовы людское, одно сам по своей доброй воли за таковое добродейство даю, дарую и записую их милости князю Василю и князю Марку Солтановичам Соколским тыи вси части свои во именях вышей помененых тоест: у Холпневе четвертая част двора зо всим, и ку тому там же в Холпневе дворище Рецевич; на том дворищи седят слуги поселские,

прозываемые Рецевичиж; а в Трестенцы дворище Давыдовское з людми, а другое Куцыновское з людмиж тяглыми; у в Острове дворище Михновское з людми, а Миколаевское з людми тяглымиж; у Божове дворище Сидоровское з людми, а Шпаковское з людми тяглымиж, выймуючи то за третюю част зо всих именей моих отчизных, материстых и спадковых хребтовских, як тую четвертую част двора Холпневского, так и тые дворища, вышей описаные, во именю Холпневе, и в Трестенцы, у в Острове и в Божове, якося вышей поменило, з людми, з кгрунты, и зо всими пожитки малыми и великими, ничого там на себе, на братю, на близких, кровных и повиноватых моих не оставуючи; мают их милост княз Василей и княз Марко то держати и вживати на веки вечно а непорушно; на штом их милости лист свой записный под печатю и с подписом властное руки своей и под печатми людей заиных дал, у котором ширей а достаточней ест описано и доложоно. Якож се (сь) лист свой, под печатми и с подписом руки своее на то от себе князю Василю н князю Марку Солтановичом Соколским даный, передо мною на вряде покладал и был вычитан с початку аж до конца; который лист такся в собе мает:

Я Юрей Василевич Соколский вызнаваю сам на себе симъ моим листомъ, кому того потреба будет ведати, або чтучи его слышати, тепер и на потом будучим, иж мне мешкаючи на послузе господарьской, служечи в старост Украины и125 бываючи частокрот завше к потребе напротивко неприятеля его королевское милости, через час немалый през колконадцат лет ведучи втрату и коштъ немалый, абых мог его кролевское милости пану своему милостивому прислужит, а иж немеломъ отколя запоможеня, и от брати своей рожоной, чим быхся выховати мел, мусиломъ позаставлят части именей своих в Холпне, в Трестенцю, в Острове и в Божове князю Кошерскому, а пану Вечеричу а Отабию жиду в двухсот копах грошей. К тому его милост мя небожчик дядко мой кнๆ Солтан Соколский рачил мя з ласки своей запомогат грошми, коими, шатами; и приехавши мне с Украины,

немелом нигде мешканя и выхованя; и его милост княз Солтан дядко мой взял мене в дом свой, рачил его милост мне слушное выховане чинит в дому своем; ям его милости позволил выкуповат тые части именей в тых селах выший описаных в двухсот копах гроший личбы литовское. К тому еще застал был есми винен там на Украине товарышом своим пятдесят коп грошей, а тяжучися з мачохою своею панею Ганною Вечериною, позычивши пенезей в приятелей своих, втратилом сто коп грошей; где его милост княз Солтан Соколский и туюю полтораста коп грошей дал мне на тыеж части именей заплатит долгъ. Ино вже тые люди части именей были в небожчика дядка моего у князя Солтана в полчетвертасто коп. грошей. И по смерти дядка моего небожчика князя Солтана, ее милости кнегини Олена з сынми своими рачила мне дат пятдесят коп грошей на обыход мой на тыеж части именей моих; а от того часу, якож приехал в дом ихъ милости, и завсегды рачили их млт. мне запомогат конми, шатами и иншими статками, аж и до сего часу. А так я Юрей Василевич Соколский, маючи великое запоможене и видячи великую ласку их милости къ собе, як небожчика дядка своего князя Солтана, так и сынов его милости, за то их милости записую, даю и дарую князя Василя а князя Марка Солтановичов Соколских тыми частми во именях, тоест: в Холпневе четвертая част двора зо всим, к тому там же в Холпневе дворище Рецевич, на том дворищи седят слуги поселские прозвищом Рецевичиж; а в Трестенци дворище Давыдовское з людми, а другое Куцыновское з людмиж тяглыми; у в Острове дворище Михновское з людми, а Миколаевское з людми тяглыми; у Божове дворище Сидоровское з людми, а Пашковское з людми тяглымиж; и выймаючи то за третюю част зо всих именей моих отчизных, и материстых и спадковых Хребтовских, як туюю третую част двора Холпневского, так и тые дворища, вышей описаные, во именю Холпневе, въ Трестенци, в Острове и в Божове, якося вышей поменило, зовсим держати и вживати вечно а непорушно, с полми,

сеножатми, гаи, запусты, з лесы, з дубровами, з ловы, ловишчи, зъ землею бортною, з островами, дворными ставы, з млыны и их вымерками, з реками, з бобровыми гоны, з озеры, з рудами, и зо всим, як я сам держал и як мне от брати моее на делу зостало, ничого на себе и на близких своих не оставуючи. А волны будут князь Василей и князь Марко и их потомки в тых именях вышей описаных прибавлят и розширят, на сырых коренех, и кгдеся их милости подобает, воли садити, на реках гребли сыпати, ставы займовати, и яко хотячи, господарство на тых кгрунтех их милости волно будет чинити. А естлибы их милост тые части вышей описаные хотели водле воли своеи где обернут, повинни (sic) будут отдат, дароват, записат и ку своему лепшому и вжиточному привернут; а я сам, жона, дети мои, и рожоная братя моя, и нихто з близких моих и далеких вже ся не маем ничим уступовати в тую четвертую част двора и в тые части именей; а еслибых я, жона, або дети мои мели быхмо з рук в князей Соколских выймовати, а кому иншому записоват, повинни будем господарю королю его милости заплатити заруки триста коп грошей, а стороне другую триста коп грошей; а заплативши тые заруки, пред ся мают князи Соколские при тых именях, вышей описаных, зостат и их держат. А естлибы хто мел князей Соколскихъ где до права позыват, тогды я в кождого права их милости князей Соколских заступоват маю. А при том были и того добре свядоми их милост: отец Иона архимантрит Жидичинский, а пан Петръ Михайлович Семашко староста кремянецкий, а князь Матфей Василевич Четвертенский, а пан Михайло Ело-Малинский, а пан Василей Федоровичъ Гулевич; и я их милости просил о приложене печатей, и их милост на прозбу мою вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. А для лепшое твердости и я сам печат свою приложил, властивую руку свою подписал в сего моего листу. Писан в Луцку лѣт Божего нароженя тисяча пятсот пятдесят пятого, месяца августа пятыйнадцат ден. И просилъ князь Юрей Василевич Соколский, абы то было записано; а так я тое

очсвистое сознане, доброволное оповедане и лист его записный слово от слова с початку аж до конца в книги замковыи записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 117 об.

Родъ кн. Сокольскихъ.

		Михаилъ.			
Василій,			Солтанъ, (Хорун. Вол. 1539) ж. Елена.		Юрій.
Андрей,	Максимъ,	Остафій, (1541).	Юрій. (1555).		
			Василій,	Маркъ,	Богданъ.

X.

1556 г. марта 23 [1]). Обратная дарственная кн. Януша Богдановича Любецкаго теткѣ его Аннѣ Остиковой, урож. кн.Друцкой-Любецкой, на ¹/₃ своей части им. Любча и купчая на остальныя ²/₃ той же части.

Въ данномъ случаѣ продавецъ не оговариваетъ своего права, отчуждая все родовое имѣніе, а не ¹/₃ его, какъ постановлено въ законѣ.

Я Янушъ Богдановичъ Любецъкий князь Друцкий чиню явно тым моим листомъ и вызнаваю кождому доброму, кому будеть потребъ того ведати, албо чтучи его слышати нинешним и на потомъ будучим, жем ни от кого ненамовеный а ни примушоный, лечъ сам добровольне, бачечи незгоду с князи дядки моими а великий непожиток именя сполного Любча, а паметаючи, иж пани тетка моя пани Миколаевая Остиковича панни Ганна Любецкая кнежна Друцкая на том же именю презыскала была части четвертое Любча, которая ся ему была достала от братьи его, топакъ по смерти отца моего пани тетка моя вышей мененая мене тыми презысками своими даровала и над то во всих потребах моих нинешних.... (нак)ладомъ своимъ не опущаетъ, и хотечи еи милости за то досыть чинити, дарую пани тетку свою пани Миколаевою Остиковича панюю Ганну Любецкую кнежну Друцкую

---

1) Явлена 1570 г. янв. 9.

третею частью части своее вы именью своем Любчы на вечность, еи самой, детем и потомкомъ ее; а две части за певную суму пенезей тисечу копъ грошей монеты великого князства Литовъского, личачи по десети пенезей у грошъ, продалъ; гдеж тая сума, верху мененая, вся сполъна до рукъ моих дошла, со всим, якося тая часть четвертая Любча в границах обыходех своих маетъ, ведле привильев славные паметей господарей наших их кролевских милостей короля Казимера и Алекъсандра, продком моим от их милости даных, ничого на себе и на потомки и близких своих не оставуючи, а ни выймуючи, во всем добровольное а ничим никому непенное, тоесть часть в замочку и в местечку, в селех, к тому замку прислухаючих, з бояры, з мещаны, з людми и з ихъ повинностями, з мытом, з реками, з озерми, з ставы, з ставищи, з млыны и з их вымелки, з лесы, с пущами, з ловы зверинными, з бобровыми гоны, и з даньми грошовыми и медовыми, куничными и з деревом бортным, з сеножатми и зо всими пожитки, которым именем названы быти могутъ, и з збожем вшеляким в гумне и засеяным, и з быдлом, и с челедю неволною, со всим с тым, маеть пани тетка моя вышей мененая в моц свою част вышей писаную доброволне взяти держати и вживати, яко власности своее, на часы вечные; волна ее милость и потомки се тое имене вышей писаное, тоест дар и куплю, отдати, продати, заменити, даровати, ку своему лепшому пожитку обернути, так як ее милость сама, яко и потомки ее милости; а я вжо сам, а ни близкие и потомки мои жадным обычаем вынайденым, под закладом на господара гороля его милость тисечу копъ грошей, на воеводу виленьского пятьсот копъ грошей, пани тетце моей пятьсот копъ грошей, не маемся уступовати; и от дати того листу моего доброволного и спокойного усханя в моц ее милости тое части взятья поступую и от вшеляких парсун записую, под закладом также вышей менев(ым); а заплативши заклады, пред ся пани тетка моя тое имене мое, ведле того листу моего, супокойне на вечные часы держати (мает). И на том дал ее милости тот мой лист под моею печатю и

рукою моею власною писаныи. А при том был князь Лукаш Болеславович Свирский писар его милости пана воеводы Виленъского, а панъ Иванъ Солтанович; и на прозбу мою печати свои приложили къ сему моему листу. Писанъ у Вилни лета Божого Нароженя тисеча пятьсот пятдесятъ шостого, месеца марца двадцать второго дня.

Якож того очевистого оповеданья и доброволного вызнаня князя Януша Богдановича Любецкого [1]) на тот дар и продажу его перед нами учиненого и до книгъ наших справ судовых записаного панеи Миколаевои Остиковича паней Ганъне Любецъкой княжне Друцкой выпис с книгъ под печатю нашою привесистою ест дан. Писано у Вилни лета Божего Нароженья тисеча пятьсот пятдесят шостого месеца марца двадцать третего дня. Лукашъ Болеславъ Свирский.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2094, л. 29.

---

[1]) Князья Любецкіе:

Василій.
Богданъ. — Романъ.
Димитрій. Богданъ. Василій, — Иванъ. Янушъ, Ганна.
Богданъ — Янушъ.

XI.

1556 г. іюля 10 [1]). Заставная запись Тихна Олеховича Линевскаго Михаилу Свинюскому на двѣ трети его половины имѣнія Линева. Отдача въ заставу мотивирована угрозами на жизнь Линевскаго со стороны его племянниковъ.

Я Тихно Олехновичъ Линевский чиню явно и вызнаваю тым моим листом, кому будетъ потребъ того ведати, або чтучы его слышати: штож, маючы я великие кривды и втиски, отповеди и похвалки от братаничов моих Федора и Михаила Линевских, за которыми отповеди и похвалками их здоровя своего безпечен не естем, гдеж вже от них из лука есми застрелен был, и розумѣючы мнѣ то, иж я во имени моем Линеве с ними з братаничами своими спокойне промешкати не могъ, для того, иж ся насадили мне о горло приправити, знаючы я от давныхъ часовъ ласку и великое добродейство от пана Михаила его милости Свинюского, а не хотечы того именя моего половицы Линева, которое на мне правом прирожным пришло, никому иншому взычити и в рукы пустити, одно его милости пану Свинюскому, а так я, кром жадного припуженя и намовы, одно по моей доброй воли, третюю част того именя моего половицы Линева продал есми его милости пану Михаилу Михайловичу Свинюскому на вечност и на то особный лист мой продажный его милости дал, в котором ширей а достаточней ест описано; и еще будучи мнѣ пенезей потребным, позычил есми у его милости пана Свинюского шестсот коп грошей личбы и монеты литовское, личачы по десяти пенезей белых у грош; в которой суме пенезей заставил есми его милости двѣ части тогож именя моего половицы Линева со всѣм, як с полми, так зъ сеножатми, гаи и дубровами, з ловы звериными и пташими, и гоны бобровыми, зъ ставы, ставищами, з млыны и их вымелки, з данми гроповыми и

[1]) Явлена 1570 г. окт. 13.

медовыми и всякими доходы и пожитки, так якся тые двѣ части сами в собѣ и в обыходех своих мают, ничого на себе дети и потомки и близкие мои не оставуючы; мает его милость панъ Свинюский сам, жона, дети и потомки их милости тые две части именя моего половицу Линева держати и вживати до того часу, поки я сам, або дети, и потомки и близкие мои тую суму шестсот копъ грошей всю сполна его милости отложат; а не заплатившы оное сумы пенезей вышей мененое, я сам, дети, а нихто с потомковъ, або близких моих тых двух частей именя моего половицу Линева, от мене его милости пану Свинюскому заставленых, под его милостью нѣкоторым обычаем поискивати не маем; а естлибых я сам, дети, або которые близкие мои мѣли тот лист мой нарушити, а тых двух частей именя моего половицу Линева, от мене его милости пану Свинускому заставленых, не отложивши оное сумы пенезей шестисот коп грошей, под его милостью яким обычаем поискивати, або до права поволокати, тогды тот мает заруки заплатити господару королю его милости шестсот коп грошей, а пану Михаилу Свинускому другую шестсот коп грошей; а заплатившы тые заруки, предся тот лист мой при моцы захован. А при том были и того добре свидоми их милость панъ Василей Семашко судя повѣту Луцкого, пан Яцко Русин дворенин господарьский, панъ Петръ Костюшкович Хоболтовский, а панъ Дахно Иванович Жабокрицкий; которых вышей мененых пановъ просил есми о приложене печатей; их милость на мою прозбу учинили, и печати свои к тому моему листу приложити рачили. А на твердост того моего листу я сам Тихно Линевский петат свою к тому моему листу приложил и руку мою подписал. Писан у Свинюхах под леты Божого Нароженя тисяча пятсот пятдесят шостого месеца июля десятого дня. Тихно Линевский властная рука.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2094, л. 361 до 362 л.

XII.

1558 г. янв. 30. Дарственная Богданы Федоровны ур. княжны Четвертинской въ пользу племянницы ея Федоры Федоровны Загоровской на 3½ дворища *(съ подробнымъ описаніемъ состава дворищъ).*

Я Ивановая Андреевича подскарбиная господарьская дворная Богдана Федоровна, княжна Четвертенская, явно чиню и сознавамъ сама на себе симъ моим листомъ нынешнимъ и напотом будучимъ, кому будет потреб того ведати, албо чтучи слышати, штож я милуючи братанку свою ее милость панюю Петровую Загоровъскую маршалковую господарьскую панюю Федору Федоровну, даю, дарую и на вечные часы сим листомъ моимъ ее милости самой, детем и потомкомъ ее милости записую полчетверта дворища моих властных, которые спали на мене по небожчику пану Ивану Хрыбтовичу, а тоест: найпервей в Четвертни полтора дворища боярскихъ, на которых седят Василь Бурносъ з унуком своимъ Кунцомъ, Кузма Михайлович а Станко Мишевич з братею, три дымы под ними, дворищо целое служебное служат на нем, а подачок никоторых не дают, а пол дворища боярскогож на котором седят Опанасъ Бурнасовичъ и з сынми своими; а в Навозе дворищо Шемаковское, на которой половицы дворища седит Яцко Лемеш, служит конем, подачки никоторое не дает; а на другой половицы тогож дворища седят люди тяглые на имя Павел Грицевич Митко Пашкович, дымы два, на работу ходят, цыншь платят и дань дают же . . . . дворище тяглое Костюковское на немъ седит Малко и з сынъми Иваном а Максимом, дымы три, на работу ходят и дан дают. Которуюж полчетверта дворища тых спадковых в тых именях моих, яко в сем листе моем меновите ест описаны, мает ее милость пани Петровая Загоровская братанна моя со всим на все держати и их вживати, платы и всякии доходы з них брат, такъ яко я сама отчичка и дедичка тыи полчетверти дворища на себе дер-

жала и их вживала; и волна будет ее мл., взявши то до рук своих, по животе моем тую полчетверта дворища, от мене ес мл. записаную, отдати, продати, на церков Божю записати и ку своему лепшому и пожиточному обернути, так яко сама ее мл. налепей розумети будет; а по животе моем нихто з близких кревных моих в то ся ничим вступовати не мают. А хтобы з близких кревныx моих мел в тую полчетверта дворища вступовати, або того под ее милостю поискивати, тот мает заплатити заруки господарю королю его мл. пятсот коп грошей, а панеи Загоровской другую пятсот коп грошей; а заплативши тые заруки, предся в тую полчетверта дворища ничим вступовати не мают на вечные часы; якож есми то и вряду замку господарьского луцкого оповедила и в книги то записавши, выпис с книг взела. И на то есми братанне моей панеи Петровой Загоровской дала сес мой листъ з моею печатью. А при том были и того добре сведоми их мл. велможный князь Александръ Федорович Четвертенский, пан Михайло Михайловичъ Свинуский, а пан Михайло Тихновичъ Козинский. Которыеж верху помененые панове их мл. за прозбою моею и печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Вышкове под лѣт Божего нароженя 1558, месяца генвара 30 день.

Арх. Кiев. Арх. Ком. № 69.

XIII.

1558 г. февр. 4. Обязательство произвести раздѣлъ племянниковъ Гурина и Федора Масковичей съ дядями ихъ Петромъ и Титомъ Хомяками. Раздѣлъ движимости касается дерева на постройку жилища, вооруженія (панцыря), стадъ и челяди невольной.

Я Гурин Маскович Хомик, маючи поручене от брата моего молошшого Федора, вызнаваю то сим моим листом, иж которое застоновене учинил есми з дядки моими паном Петромъ а паном Титомъ Ивановичи Хомеки перед их милостю паны, которыи на он час з руки моей быти рачили: его милост пан Василей Семашко, судя повету луцкого, а пан Януш Федорович Гулевич, а теж которыи были з руки дядков моих: его милость княз Матфей Четвертенский, а князь Остафей Соколский, о том позывал, за камисеями господарьскими, дядков моих пана Петра а пана Тита Хомеков позвы их милости комисарскими пана Петра Чаплича, а пана Василя Семашка на ономъ року, где ся есмо зъехали, который был при нас за позванем моимъ; ач колвек на он час судей своих звести не мог, алеж порозумел в собе то, иж ми напред ласки их милости потребуючи, яко дядков моих, бил есми симъ вышей мененым паном, абы их мл. рачили на то засѣсти, прац своих неполятуючи, меж дядки моими а мною постановити; их мл. рачили на мое челомъбите ласку свою вчинити на том, веспол с прыятелми панов дядков моих вышей мененых, засести; гдеж я вырозумевши право панов дядков моих, которое они противъ мене мают, иж панове дядки мои мнѣ отъ того позву могли бы быт правы, за прозбами моими, через тых же еднаков наших, чинилем постановене с паны дядки моими: штося дотычет именя Смордовского в замку господаръскомъ Луцкомъ подворя и речей крунтовых, которое бы мели прийти ведлуг права прироженого, то панове дядки мои перед их милостю обещали мнѣ и брату моему третею част поступити, на што есмо и рок на отделене части перед их милостю

приняли, который припадет рок в̄ року Божем тисяча пятсот пятдесят девятом, уступивши в пост великий на первой недели в пятницю; гдеж на оный рок мы з убудву сторон маем неотминне дилчих своих до имения Смордви звести: я з руки своей пана Петра Чаплича судю повиту луцкого а пана Ерофея Гостского; а панове дядки мои з руки своей князя Матфея Четвертенского а пана Василя Семашка; а еслибы в нас з обудвусторон судя который быти не мог, тогды мы маем якого человѣка доброго на тое местце взяти, который мает мети такую моц, як и тый, который в сем листе ест описаны. И коли веже их м. мнѣ част нашу и збратом моим третюю отделят, тогды панове дядки мои мают мнѣ дати наперед на двора селене вывезти дерева людей на избу, а на клитку; к тому теж мают их мл. дати мнѣ панцыр, десятеро поголовя, стада шест волов; а пан Петръ коров двѣ; пашни теж на зиму засѣяной с части своей пан Петръ два дни жита а ден пшеныцы; а пан Тит такеж два дни жита а ден пшеницы; а панъ Петръ на выховане мает мнѣ дати двадцат коп пшеницы, а панъ Тит стого овса; што ся дотычет челяди неволнои, теды в том и во всемъ иншом я з братом моим, ведлуг тастаменту дѣда моего, панов дядков моих вечне не маем рушати; а што ся дотычет вышей мененыхъ речей тых, теды то все панове дядки мои при отделени третеи части имения нашого мают мнѣ отдати; а я маю на он час при розделени имени нашего брата своего ис собою поставити и их милости во всем листом делчим заступити; иж я сам не маю, а ни брат мой, доросши лет своих, их милости ни в чомъ, ни в имени лежачом, а ни в ричах рухомых поискивати; а если бы брат мой хотел в чом искати, тогды я панов дядков своих маю во всем заступати. яко ся то ширей а достаточней на листе делчом доложит. А при том были и тому добре свидомы их мл. пан Федор а пан Андрей Русинове, пан Андрей Рудецкий, пан Семен Ело; и просил есми их мл. вышей мененых едначов и тых панов, которыи при той справе быти рачили, о приложение печатей; их мл. на мою прозбу то вчинити и печати свои к

сему моему листу приложити рачили. А я на тот час печати своей не мел, я руку свою влосную подписал на сем моем листе. Писан у Луцку лет Божего нароженя тисеча пятсот пятдесят осмый, месяца февраля четвертого дня. Тот лист так ся в собе достаточне маетъ яко то ест описано; к тому поведил пан Гурин, што позывал ееми дядков моих коммисѣями господарьскими перед их мл. судей луцких, што ест на комисѣи господаръской и на листех моих было описано, о тое все есмо насторону отложили и о то вечне маем молчати; одно ведле того листу нашего маем ся з братом своим ку их мл. во всем заховати.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2092, л. 20, № ак. 26.

XIV.

1559 г. янв. 25. Кн. Юрій Васильевичъ Сокольскій продаетъ свое право наслѣдства послѣ брата Андрея на участки земли въ Холпневѣ теткѣ своей княгинѣ Еленѣ Сокольской и ея сыновьямъ.

Заставной владѣлецъ отчудилъ имѣніе, путемъ мѣны. Но потомъ собственникъ-наслѣдникъ (безъ оговорки на счетъ 3-й части отчуждаемой изъ общаго количества его имѣній) продалъ это же имѣніе тому, кто его промѣнялъ.

Лѣта Божого нароженя 1563, месяца июля, 25 дня. Приподчи и постановившися очевисто в замку луцком передо мною Борисом Ивановичом Совою, подстаростим луцким, княз Юрей Василевич Соколский оповедал и сознал тым обычаем: иж што дей которая част именя небожчика брата моего князя Андрея была в заставе у небожчика князя Солтана Соколского дядки нашого, то ест у Холпневе четвертая част двора Холпневского зо всим, там же в Холпневе дворище Минцовское з людми, а две дворища пустовских Салневское а Шатиловское, а у в Острове два чоловеки Тумаш а Матѣй з дворищами, в сороку копах грошей монеты и

личбы литовское: ино ее мил. кнегиня Олена Соколская дядиная моя з сыном своим князем Богданом небожчиком, променили брати моеи рожонои князя (sic) Максиму и князю Остафью с тое части две дворища налепшие—Минцовское а Салневское; где ж я, маючи близкост до тое части именей небожчика брата нашего князя Андрея, упоминалом кнегиню Олену Солтановою Соколскую и сынов ее милости листы господарскими, абы мне тыи части вышей описаныи небожчика брата моего, за отложенемъ сумы пенезей, до рук моих пустили, топак княз Василей, князь Марко Солтановичи Соколские в том зо мною приятелским обычаем погодили и дали мне за тую четвертую част двора Холпневского и за тые три дворища Холпневское и Островское, вышей меновите помененые, осмдесят коп грошей личбы литовское; а я их милости тую четвертую часть двора Холпневского и тые три дворища вышей описаные з людми, с полми, з сеножатми, з лесы, з дубровами, з речками и зо всими пожитки малыми и великими, ничого сам на себе, на братю, на близких, кревных и повиноватых своих не оставуючи, князю Василю и князю Марку Солтановичам Соколскимъ вичностю пустил, на што их милости лист свой под печатю и с подписом властное руки моеи и под печатми людей добрых дал, в котором ширей а достаточней ест описано и доложоно; якож и лист свой, на то от себе князю Василю и князю Марку Соколским даный, передо мною покладал и был вычитан с початку аж до конца, который лист так ся в собе мает:

Я Юрей Василевичъ Соколский вызнаваю сам на себе сим моим листомъ, кому бы того потреба ведати, або чтучи его слышат, иж што которая част имени небожчика брата моего князя Андрея была в заставе в небожчика князя Солтана Соколского дядка нашего, тоест в Холпневе четвертая част двора Холпневского зо всим, тамже у Холпневе дворище Минцовское з людми, а две дворищи пустовских Салневское а Шатиловское, а в Острове два чоловеки Тумаш а Матѣй з дворищами, в сороку копах грошей, ино ее милост кнегини Соколская дядиная моя з сыномъ своим небожчиком

Богданом променили брати моей рожоной князю Максиму и князю Остафью с тое части две дворища налепшие Минцевское а Салневское; где я Юрей маючи близкост до тое части именей небожчика брата нашего князя Андрея, впоминалом кнегиню Соколскую и сынов ее милости листы господарьскими, абы их милост мне тые части вышей описаны небожчика брата моего, за отложенемъ сумы пенезей, к рукам пустили; ино их милост князь Василей а князь Марко зо мною на том згоду вчинили, мне за тую четвертую част двора Холпневского и за тые три дворища в Холпневе: за Шатиловское з людми, а в Острове за дворище Туманское з людми, а Матеевское з людми. дали их милост ми осмдесят коп грошей Литовское личбы; а я их милости князем Соколским тую четвертую част дворища вышей описаныи вечне пущчаю зо всим с полми, з сеножатми, з лесы, з дубровами, з речками, и зо всякими пожитками, як ся в собе мает, ничого на себе не оставуючи. А естлибы хто князей Соколских, або братя моя рожоная, мели о тую част спадковую по брате нашем князю Андрею позыват, тогды я маю князей Соколских в каждого права заступит и от брати своей рожоное. А я сам вже в тые части жадными причинами вступоватся и иншему никому записыват не маю. А при томъ были и того добре свядоми: князь Матфей Василевич Четвертенский, а князь Юрей Федорович Воронницкий, а пан Микита Федорович Сербин. А для лепшои твердости и я сам печат свою приложил(и) властную руку свою подписал в сего моего листу; и я их милости просил о приложене печатей и их милост на прозбу мою то вчинили, и печати свои приложили к сему моему листу. Писанъ в Луцку лѣт Божего нароженя тисяча пятсот пятдесят девятого, месяца генвара двадцат пятый ден. И просил княз Юрей Василевич Соколский, абы то было до книг записано. А так я тое очевистое сознане, доброволное оповедане и лист его записный слово от слова съ початку аж до конца в книги замковыи записати казал.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2037, л. 119 об., № а. 29.

XV.

1559 г. февр. 1. Заставная запись Богданы Федоровны, урожд. кн. Четвертинской, на принадлежащую ей часть имѣнія въ с. Ускѣ, на с. Руду Носачевичи и полдворище Петрашевичи, Петру Богдановичу Загоровскому и женѣ его Федорѣ Федоровнѣ Сангушковнѣ.

Застава стороннему родоваго имущества мотивируется недобрымъ отношеніемъ родственниковъ къ собственнику.

Я Ивановая Андреевича подскарбиная дворная господаря короля его милости Богдана Федоровна кнежна Четвертенская чиню явно и сознавам сим моим листом, кождому кому будет потребъ ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотом будучимъ: иж мнѣ осталися по малжонку моем мешкаючи на вдовемъ столцы, и маючи великие и незносные кривды и втиски в отчизных именях м(оих) от брати моеи князей Четвертенских и Соколских, и теж от инших обаполных суседов моих, в наездках, в боех, в кгвалтех, в головщизнах, в забраню земль, в подрани бчолъ мнѣ самой и п(одданны)м своимъ, и теж в побраню збожя з гумен и на поли, и в ынших многих речахъ, а так я, во всих тых кривдах моихъ посылаючи до господаря короля его милости и до панов рад ихъ милости, двора господарьских и теж двора их милости панов род беручи для справ, и мешкаючи у в оных час немалый и справуючися в Литвѣ и теж на Волыни, на права и едняня накладуючи, позычила есми в маршалка госцодарьского его милости пана Петра Богдановича Загоровского и в малжонки его милости панеи Федоры Федоровны Санкгушковны тысячу копъ грошей литовских, личачи по десети пенезей у грош, и не маючи мнѣ тои сумы тисячи коп грошей, чимъ заплатити, заставила есми ихъ милости часть именя моего отчизного в Луцкомъ повете на имя в селѣ Суску з бояры и з их людми боярскими, и теж люди мои тягълые подворищеныхъ(?) и корчемные, яко отчизные, так и прихожие, и огородники, и дворищо спадковое Хрыб-

товское на имя Бойковское в том же селѣ Суску, и село Руда Носачевичи з ставом, з млыном и с кузницами ковалскими, и к тому теж пол дворища Петрашевич на Рудѣ, пол ставу и млын, якъ ся здавна в собе мают, такеж з землями, с полми, и сеножатми з боры, и лесы, з реками, и речками, с озеры, и с озерищи, бобровыми гоны, з ставы и ставищи, з млыны и их вымелки, з даню грошовою и медовою, так з дяклы житными и овсяными, и з роботами, подводами и зо всякими пожитки полными, боровыми, лесными, и речными, з ловы зверннымии и пташими, яким кольекъ именем названы, або наменены быти могут, якося то здавна в обыходех и въ пожиткох своих мает, ничого я сама на себе и на близъкихъ моихъ не оставуючи, якожем вже част того именя моего Суска и дворищо спадковое Хрыбтовское на имя Бойковское в Сускуж, и Руду Носачевич и пол дворища Петрашевич з людми и зо всими пожитки, яко ест вышей описано в семъ моем листе, в руки их милости пустила и подала; мают их милость пан Петръ Загоровский маршалок господарьский и панея малжонка его милости пани Федора Федоровна Санкгушковна оные именя мои верху писаные ку себе држати, и их вживати, и людми осаживати, и всякие пожитки прибавляти, розширати, и от кривдъ боронити. А естлибы ихъ милость пан Петръ Загоровский и малжонка его милости, држачи тые именя мои верху описаные, мели што наложити, двор селючи, а ставы сыплючи, млыны будуючи, або с ким право на тые именья ведучи, тогды близкие мои по животе моем, не мают от их милости тых именей моих верху описаных брати, а ни з моцы их милости выймовати, аж всю сполна тую суму тисячу копъ грошей, мнѣ от ихъ милости даную, заплатят и вси наклады и шкоды, што их милость држачи тыи именя мои наложат. А я Богдана до живота моего оных именей моих вышей описаных в томъ листе окупати и никому инъшому вжо тых именей моихъ заставляти не маю, а ним теж их никому не заставовала. А хотябы нѣякие листы якие в кого колвекъ при животе моемъ, албо пак и по животе, мели показати на тые именя Суско и дво-

рищо спадковое хрыбтовское на имя Бойковское, Руда Носачевич з ставом, и з млыном, и к тому теж пол дворища Петрашевич на Руде, пол ставу и млын,—тогды в жадного права тые листы никоторое моцы мети не мают. А паклиж бы близкие мои по животе моем, не отдавши тои сумы пенезей тисячи коп грошей и тежъ накладов их милости, з рук и моцы их мл. тыи̂ именя мои взяти бы мели, тогды будут винни заплатити заруки господарю королю его милости двѣ тисячи коп грошей, а пану Петру Загоровскому и малжонце его милости панеи Федоре другую две тисячи коп грошей заплатити; а заплативши тые заруки, пред ся не мают оных именей моих верху описаныхъ з моцы их милости вымовати, аж отдавши тисячу копъ грошей, мне от их милости позычоную, и теж наклад их милости, не з жадного права и доводу, одно на приречене слова их милости, теж тыи именя к рукам своим взяти мают. И на то есми дала пану Петру Загоровскому и малжонце его мл. панеи Федоре сесь мой листъ под власною печатю моею. А для лепъшого ведомя и твердости просила есми ихъ милостей братьи моее князя Андрея Ивановича Вишневецкого, пана Михаила Михайловича Свинуского, пана Михаила . . . . пана . . . . . . Богушевича . . . . дворянина господарьского, о приложене печатей. Их милости на прозбу мою то вчинили, печати свои приложити рачили к сему моему листу. Писан у Лу(ц)комъ, лета Божего нароженя тисяча пятсот пятдесят девятый, месяца февраля, 1 день.

Арх. Кіев. Археогр. Ком. № 53.

XVI.

1559 г. мая 16. Договоръ (переводъ съ латинскаго) между Луцкою капитулою съ одной стороны и Францишкомъ Фальчевскимъ съ его наслѣдниками (въ двухъ поколѣніяхъ)—съ другой объ арендѣ этимъ послѣднимъ костельныхъ имѣній Садова, Гордвина, Кошова и Собихлѣбцовъ.

Срокъ аренды опредѣляется предѣлами жизни самого контрагента, его двухъ сыновей и одного внука, которому прійдется наслѣдовать. Плата выговаривается въ деньгахъ и продуктахъ.

Року Божого 1579, мца генвара 15 дня. На рокохъ земъскихъ судовых etc. перед нами тоест etc, за приточеньемъ сезъде въ замъку гдръскомъ Луцкомъ справы ихъ милостям княжатомъ Жеславъскимъ с кнземъ бискупомъ луцкимъ, умоцованые его милосъти кнзя бискуповы и викарѣеве положили лист, на паръкгамене по латыне писаный, с котораго сторона отъ ихъ милосъти княжатъ Жеславъскихъ просили, абы оный лист до книг записанъ и ихъ милости княжатомъ Жеславскимъ з него препис данъ; мы есьмо дали з латыньского на руський языкъ переложить и рускимъ писмомъ вписать; который листъ слово от слова так ся въ собѣ маетъ:

Фронцишекъ Фаличевъский, староста ковельский, дерържавца добръ костелъныхъ столу викарейского костела столечного луцкого, речоныхъ: Садовъ, Гордвинъ, Кошово, и Собихлѣбцы на столъ тыхъ же презнекови славное памети светобъливого ксендза Ирего Фаличевъского, бискупа луцкого, рожоного брата моего, перъшого и навеншого фундатора и надавце ихъ, свядомо чиню всимъ и кождому з особна теперешънимъ и напотомъ будучимъ, жемъ учинилъ, своимъ и сыновъ своихъ Петра и Томаша и вънука одного з нихъ никоторого будучого имены, з уцътивыми капъланы Томашемъ Хоеньскимъ подъдеканимъ, паномъ Ласкимъ подкусътошимъ, Станиславомъ Шепетовскимъ, Петърмомъ Коласкимъ, Адамомъ Рожанитою, Юзефомъ з Вохоцъка, Станиславомъ с Иракова, з Матѣем з Выкого, викарейми вчными и Марътиномъ и Павломъ Хомутовъскимъ, манъсионарми костела столечного луцъкого, на добра костелне пречечоный Садовъ,

Горъдвинъ, Кошов и тeж Собихлебцы, отступуючи отъ угоды першое аренды, за которую тые добъра пречечоных трымалемъ и осягънулемъ ажъ до того часу, тымъ тоесть способомъ, ижъ отъ теперешънего часу першее угоды аренды во всемъ вздавамъ и зъступую; а то для полепшенья столу пречечоныхъ викареевъ, которую мнѣ и потомъки мои, тоесть Петра и Томаша и внука, с которого ихъ зступуючого, объвезалемъ ся и обвезуе такъ, ижъ якъ долго буду живъ, буду виненъ и тымъ писаньемъ обвезуюся, ижъ на кождый рокъ платити повиненъ и скутечъне пречеченымъ викареемъ костела столечного луцкого теперешним и напотомъ будучимъ суму пнзей копъ осмъдесятъ монеты и личбы литовское, половицу, тоесть сорокъ копъ, на светого Яна Хрыстителя, муки житное мѣры луцкое мацъ полътретѣ, а пшонъное так тежъ много, масла дежу, съ которое бы было мѣра речоная липечная, и три копы сыровъ; и так тежъ много копъ на светое Нарожене Панского, с такъ много муки, яко вышей есть выражоно мѣрами збожя обоякого к воли утучоного, от близъко пришълого свята Яна Крыстителя почавши, и так порядкомъ отъ року до року презъ всѣ часы живота моего, а по съмеръти моей сынове мои Петръ и Томасъ и одинъ внукъ, с котораго ихъ ступуючи, будуть повинъни и будуть объвезани суму пнзей сто копъ личъбы и монеты литовское, за ровъно на даты вышей выражоные, рокъ от року пречечонымъ кнземъ викариемъ костела Луцкого столечъного теперешъним и напотомъ будучимъ платить и отличать и своими посланъцами отсылат повинъне и съкутечне; с которыхъ взятыхъ и напотомъ беручи реченые кнзи викареeве мне и потомъкове мои, добръ костелъныхъ вышей помененыхъ властъные державцы, будуть винъни и объвезалися в таковыхъ сумахъ и рѣчахъ взятыхъ листы квитуючими усъпокоити; а я и сынове мои и потомокъ, с котораго их посътупуючи, буду виненъ и будуть винъни отъ якого колвекъ нагабанья и кривдъ албо шкодъ добра ихъ Садовскимъ, откул кольвекъ вынесеныхъ и напотомъ въношаючихъ, пречечоны оные добра костелные боронить, щитит и всѣ и моцъные во

всѣхъ своихъ границахъ трымать, и властъне деръжати, моими и потомъковъ моихъ властными наклады наживаня кнзей викареевъ напотомъ будучихъ теперешние естъли и якъ вельце потреба будеть бороненя або щиченья, с привилейми, в которыхъ оные добъра костелные на столъ ихъ описаные маютъ, и онъ на таковое поживанье, кгды того потреба была бы, всѣ ити, албо братю свою з моцы своее з нашимъ накладомъ писать будуть повинни и объвезалися; а естлибы за се якая крывда албо престрашанье ихъ особамъ и от кого были вынесены, а наболшей отъ породителя местца, што есть, кгды одинъ подъ другимъ вступуе, была, тогды будеть виненъ и будуть винъни потомъкове мои за нихъ заставятся. А по животе моем и потомъковъ моихъ, и въже выдеръжавши угоду аранды, будеть вольно кнземъ викториомъ (sic) на тотъ тамъ часъ будучимъ, вольне добра оные столу их войти и осягънути, яко правъдивымъ а властнымъ дѣдичомъ, здоровые и целые во всемъ будучие; а естлибы якою пригодою нещастною презъ неприятельское знищене и звалчене добра оные косътелъные столу викарейского утерпить притрафили се, на тотъ часъ иншую угоду аренъды зо мъною и зъ моими потомъками, такъ яко пречечоно есть, выражоные зъдоровымъ побожънымъ и сълушънымъ умиръкованьемъ, кнзя викареи, на он часъ будучие, учинити будут повинъни, обовезалися; а жебы таковая угода аренъды моцъ мела, закладъ мне и моимъ потомъкомъ, естъли бы ся шъто звышей описаного противъ него стало, тисячу золотыхъ угоръскихъ, половицу, тоесть на будованье альбо убѣръ костела столечъного Луцкого, а дъругую половицу на самыхъ выкареевъ, угоде несъпротивъляючимся, ку запълате кладу и тымъ писаньемъ мне и потомъки мои обовязую за одыйтьемъ деръжанья и уживаня пречечоныхъ добръ костелъныхъ. Не (на?) которое рѣчи веру и сведоцство печать моя есть вытисънена низко; дѣялосе и дата въ Луцку дня шостогонадъцат мая, року паньского тисячного пятсотъного педдесятого девятого. При чимъ были на тотъ часъ Станиславъ Собавилский, подъстаростий ковельский, Петръ Матиньский, Баръттломѣй Буй-

ницъкий, товарыше мои, и иньшихъ веле вѣрыгодъныхъ до пърречоныхъ справ свѣдковъ, которые за пърозбою ншею печати свои властъные до тыхъ листов ншихъ завѣсили.

А такъ мы судъ тот менованный листъ с початъку увесь до конъца до книгъ справъ нашихъ земскихъ луцъкихъ записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л. 398 об. № ак. 101.

XVII.

1559 г. ноября 9. Грамота кор. Сигизмунда-Августа Василію, Ивану и Дахну Исаевичамъ Жабокрицкимъ, подтверждающая ихъ права на имѣнія въ Браславскомъ повѣтѣ: Жабокричъ, Бобровъ, Роговцы, Юрковцы, Кузминцы и Гвоздовцы, такъ какъ старыя грамоты на эти имѣнія сгорѣли при нашествіи Крымскаго хана на гор. Браславъ.

Oblata extraktu confirmacyi prawa ich mm panom Zabokrzyckim na wies Zabokrzycki y inne sluzącego z metryki koronney.

Roku tysiąc siedmset dziewietnastego miesiąca septembris dwudziestego szostego dnia. Na urzędzie grodzkim w zamku iego k. mci Winnickim przede mną Wawzyncem Stefanem z Ladzkich Kamionk na Malowszczyznie Kamienskim, burgrabią Zakroczymskim, namiestnikiem starostwa y regentem grodzkim winnickim, y xięgami ninieyszemi grodzkiemi winnickiemi, comparens personaliter, urodzony im. pan Michal Zabokrzycki ten extrakt, z metryki koronney wyięty, ratione intro contentorum, ad acta praesentia castrensia kapitanealia Winnicensia podaiąc, mnie urzędu o przyięcie onego prosił; a tak ia urząd, annuendo affectationi im. podawaiącego, ten extrakt przyimuiąc de verbo ad verbum czytalem, y iest de tenore verborum sequenti, styło ruthenico pisany:

Władyslaw Czetwerty Bozeiu myłostiu korol polski, wieliki kniaz litowski, ruski, pruski, zmudzki, mazowecki, inflanski, smolenski, sewerski, czernihowski, a szwedzki, gotski, wandalski dédyczny korol, oznaymuiem tym lystom naszym, komu to

wedaty nalezyt: proszeny iesmo byly o wydanie z knyh cancellaryi naszei bolszoy welykogo kniazstva Lytowskogo, extraktom sprawy prywyleiu nyzey wyrazonoho, kotoryi se w knyhach znayszoł, a swetobliwoi pamèty korola ieho mylosty Zygmonta Auhusta, predka naszeho, tymy słowy napysany:

Auhust Bozeiu mylostiu korol polski, weliki kniaz litowski, ruski, pruski, zmudzki, mazowecki, y innych, czynym znamenyto sym naszym listom: byly nam czołom zemiane naszy pòwetu Bracławskoho Wasyli, Jwan a Dachno Jsaiewiczy Zabokryckiie y powedyly pered namy, iz szto kotorye selyszcza swoi własnye otczyznyie maiut oni w powete Bracl. menowyte Zabokrycz Bobrow, Rohowcy, Jurkowcy, Kuzmyncy a Hwozdowcy, ino dey lysty twerdosty ich, za czym prodki y otec ich, y po nym ony tyie selyszcza derzaly, pohorely na on czas, gdy pohanyn car Perekopski, ubespeczywszy prysehoiu swoieiu nas y panstwa a poddanych naszych, zamok nasz Bracławski spalył y kotorye dey selyszcza wyzey menenye, acz kolwek ony y teper derzaly, wedze aby pożoha tych lystow napotom czas gdy byla wedoma, byly nam czolom, abychmo na to daly im nasz lyst, iakoz y starosta tamoszni bracławski y winnycki kniaz Bohusz Fedorowicz Korecki, buduczy na tot czas u dworu naszeho, o tom sprawu nam dał y soznawał, iż onyie selyszcza sdawna sut y ich własnyie otczyznyie y dedycznyię, y iz Zabokryckiie s prodkow otca swoieho toho wseho w spokoynom derzaniu y pozywaniu byly y teper sut, proseczy nas za nymy y powedaiuczy, szto potrebnemy y hodnymi słuhamy sut nam tam na toy ukraini. Ino gdyz kniaz Korecki, starosta bracławski y winnycki, takowuiu sprawu y swedoctwo nam dał, y własnosty dedyznoy y spokoynom derzaniu y uzywaniu tych selyszcz yich perworeczonych, y o hodnoy a potrebnoy służbe ich, prawo a twerdosty ich, koloryiże na to mely, tak pryhodne pohorely; my z łaski naszoie hospodarskoie, za czołombytyiem ich y daiuczy meysce powesty y prozbe kniazia Koreckoho, na tyie selyszcza Zabokrycz, Bobrow, Rohowcy, Jurkowcy, Kuzmyncy a Hwozdowcy daiem im ses nasz lyst y to im potwerzaiem naszym lystom; maiut tyie zemiane naszy Wasyley, Jwan a Dachno Zabokryckie

samy, zony, dety y potomki ich onye selyszcza, wyzey pomenenyi, so wsimy y so wsiakimy pozytkamy, iakose w sobe maiet, derzaty y uzywaty wecznemy czasy, a nam z toho służbu zemskuiu szlacheckuiu pry tom zamku naszom Bracl. konno a zbroyno słuzyty po tomu, iako y innye boiare naszy, szlachta tamosznaia bracławskaia, słuzyt. J na to iesm im daly ses nasz lyst z naszoiu peczatiu. Pysan w Wylni, leta Bozoho narozenia tysiacza piatsot piatdesiat dewiatoho, misiaca noiabra dewiatoho dnia. Podpys ruki hospodarskoi.

A tak my, korol, na prozbu storony potrebuiuczoi laskawe przyzwolywszy, tot prywyley u ses list nasz w roku teperesznem tysiacza szessot trydciat piatom, misiaca fewrala dwadcat wtoroho dnia, wpisały, a na bolszuiu wahu y peczat welykogo kniaz. Lytowskogo prytysnuty roskazaly iesmo. Pisan w Warszawie.

U tego extraktu z metryk wyiiętego przy pieczęci wielkiey koronney podpis ręki kanclerskiey ruskim pismem w te słowa: Olbrycht Stanislaw Radiwył kancler welykoho kniaztwa Litowskoho rukoiu własnoiu. Okolo teyże pieczęci podpisy w te słowa: propter vetustatem ponaddzierane. Franciszek Dolmat S. I. K. Mci, za sprawoiu osweconoho kniazaty Albrychta Stanisława Radywyła, kniazaty na Olycy, Neswiszu, kanclera welykoho kniaztwa Lytowskoho; correxit Montronowicz.

Ktory że to extrakt przywileiu, za podaniem y oczewisto prozbo i. mci podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, do xiąg ninieyszych grodzkich winnickich de verbo ad verbum iest ingrossowany.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 4604 л. 111, № ак. 75.

XVIII.

1560 г. февраля 20. Заручный листъ старосты Житомирскаго Романа Федоровича Сангушка земянину Житомирскому Алексѣю Поповичу, съ приказаніемъ, чтобы этотъ послѣдній не вступался безправно въ землю Скоморовскую, принадлежащую зем. Стецку Пилиповскому.

Охраненіе имущественныхъ правъ административными мѣрами.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego trzeciego, miesiąca ianuarij czternastego dnia. Na urzędzie grodzkim w zamku iego krolewskiey mosci Zytomirskim przede mną Konstantym Didkowskim namiesnikiem starostwa regentem grodzkim zytomirskim y xięgami ninieyszemi grodzkiemi zytomirskiemi, comparens personaliter przewielebny w Bogu iego mosc xiądz Waleryan, od swiętego Brocarda Karmelita Bosy prezydent berdyczowski, dla zapisania do xiąg ninieyszych grodzkich zytomirskich list zaręczny, ruskim pismem pisany, nizey inserowany, pieczęcią po srzodku przycisniony, bez podpisu ręki, ratione intro contentorum, per oblatam podal, tenoris sequentis:

Roman Fedorowicz Sanguszko starosta Zytomirski ziemianinowi hospodarskiemu zytomirskiemu Olexiowi Popowiczowi. Załował mnie ziemianin hospodarski Zytomirski pan Stecko Pilipowski, iz co ty, niewiedziec dla ktorey przyczyny, mocno gwaltem wlasną ziemie iego Skomoroską posiągasz, y wielką szkodę iemu w niey czynisz, za co mnię prosil, abym list moy zaręczny o tym do ciebie pisał. Przeto napominam y przykazuię tobie, pod zarękami na hospodara krola iego mosci dwiemastami kopami groszey, na zamek Kijowski sto kop groszey, a na zamek Zytomirski pięcdziesiąt kop groszey, abys y iemu samemu y w tey ziemi iego wyszopisaney po Tulinski Brod we wszystkim pokoy dał y niczym się w nią nie ustępował. Pisan w Zytomirzu lata Bożego narodżenia tysiąc pięcset szesdziesiątego, miesiąca february, dwudziestego siodmego dnia. Locus sigili.

Ktory ze to list per oblatam podany beż podpisu ręki, za podaniem y prozbą wysz mianowanego iego mosci podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, slowo w slowo do xiąg ninieyszych grodzkich zytomirskich iest inserowany.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 215, л. 559, № ак. 372.

XIX.

1560 г. апрѣля 3. Продажная запись Олехна Семеновича Порванецкаго Семену Ивановичу Дрозденскому на ⅓ имѣнія Порванца, съ отстраненіемъ права родоваго выкупа.

Лѣта Божего нароженя 1560, 7 дня. Про памет казано записати. Пришодчи перед мене Василя Михайловича Семашка судю повѣту луцкого, а Остафѣя Василевича Сокол-ского подстаростего луцкого, земенин господарский повѣту Луцкого пан Олехно Семенович Порванецкий оповѣдил и до книг вызнал тым обычаемъ: штож дей продал есми в части именя моего Порванецкого, которое я маю отдѣленое от невѣстки моее панеи Овдоти Зѣнковны Порванецкое и от сыновъ ее Ивана а Савы, третюю част именя моего Порванецкого, за певную суму пѣнязей полтораста коп грошей личбы и монеты литовское пану Семену Ивановичу Дрозденскому, тоест дворца моего зо всею землею дворною, и людми моими, с полми, и сеножатми, и иншими всѣми доходы и пожитки, якож и лист продажный, котораго он пану Семену на тую третюю част далъ, передъ нами покладал; мы его вычетши, достаточней оный лист вырозумѣли, который лист так ся в собе мает:

Я Олехно Семенович Порванецкий вызнаваю сим моимъ листомъ кому будетъ потреба того вѣдати, або чтучи его слышати, нынешнимъ и напотом будучим, штож продал есми 3-ю часть именя моего отчизного Порванецкого, которое я маю отдѣленое от невѣстки моеи панеи Овдоти Зѣнковны Порванецкой и сынов ее Ивана а Савы Тихновичов Порванецких, третюю част того именя моего, никому ничим невинную а ни пенную, за певную суму пѣнязей полтораста коп грошей монеты и личбы литовское пану Семену Ивановичу Дрозденскому, ему самому, жоне, дѣтемъ и потомкомъ ихъ милости на вѣчност, дѣлечи во всѣхъ речах третюю част, тоест в дворѣ, и въ земли дворнои з людми, и ихъ дворнищами, з роботами и повинностями, с полми, и сеножатми, з ставы, з гаи, и дубровами и зо всими иншими платы, доходы и пожитки, ничого на себе, на потомки и на близкии мои тое

третей части имени моего Порванецкого не зоставуючи. Мает пан Семен сам, жона, дѣти и потомки их милости тую третюю част именя моего Порванецкого з людми и со всими тыми речми, верху поменеными, держати и вживати, всѣ платы, доходы и пожитки, што одно колвек ку той третей части моей прислухает, на себе брати; волно вжо пану Семену, жонѣ, дѣтем и их милости потомкомъ тую третюю част именя моего Порванецкого отдати, продати, заменити, и ку своему лепшому а пожиточнейшому, яко самъ нalepѣй розумеючи, обернути и розширяти; а я вжо сам, жона, дѣти, потомки и нихто з близскихъ моих той третей части людей и всих тых вышей описанных речей у ихъ милости окуповати жадным правомъ, а никоторыми причинами того поискивати не маемъ вѣчными часы; одно вжо пан Семен Дрозденский самъ, жона, дѣти и потомки их милости тую третюю часть именя моего въ Порванчи, водле описаня сего листу и продажи моей, яко властность свою мают держати вѣчне и на веки вечистые ничимъ непорушно, якож вжо заразом тую третюю част зо всим як ся сама въ собе у границах в межах и обыходех своих мает и зо всѣми тыми речми, вышшей ознаймеными, отъ дня и даты в семъ листе моемъ нижей описаное, пану Семену в моц, и владность, в держане и уживане его подал и поступил; и на то есми его милости дал сес мой лист продажный з моею печатю. При том были а того добре свѣдоми и печати свои за прозбою моею к сему листу моему приложили их милост пан Гаврило з Брохович Воютинский, пан Василей Витонизскнй, пан Петръ Костюшкович Хоболтовский, пан Ванко Белостоцкий, а пан Иван Яцкович Лѣтинский. Писан в Порванчи лѣта Божего нароженя тисеча пятсот шестдесятого, месяца априля, третего дня.

Якож мы тое оповедане а вызнане пана Олехна Порванецкого и тот листъ его слова от слова в книги замковыи записати казали и выпис с книг под печатми нашими пану Семену Дрозденскому на то дали. Писан въ Луцку.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2092, л. 143, № ак. 226.

XX.

1560 г. іюня 30. Условіе между Андр. Ив. Колпытовскимъ и Богд. Олехн. Княгининскимъ, по которому второй, занявши у перваго 100 копъ гр. для выкупа своего Княгининскаго имѣнія, обязывается—въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ—заплатить вдвое и допустить кредитора во владѣніе его имѣніемъ Княгининомъ.

Я Богдан Олехнович Княгиненский ознаймую сам на себе тым моим листомъ, кому того потреба будет ведати, або чтучи его слышати, позычил есми ку своей великой а пилной потребе в пана Андрѣя Ивановича Колпытовского и в его мл. панеи малжонки панеи Марины Болбасовны сто коп грошей личбы и монеты литовское по десяти пенезей у грошъ для окупеня моего власного именя отчизного Кнегинина у пана Хрѣнницкого; а маю его мл. тую суму пензей отдати о святом Николи осѣннемъ святе пришлом у Филипов пост, которое свято мает быти в року шестдесятомъ; а естли бых ся на тот рок его мл. тые ста коп грошей не отдал, тогды я маю его мл. совито платити, тоест двѣсте коп грошей, а мает его мл. як в той истизне, так и в той совитости у двусот копах грошей, имене мое власное отчизное у Княгинине поступити зо всим на все, ничого на себе не оставуючи; а еслибых я у тых двусот копах грошей того именя моего не поступил, а мел его мл. шкоду, наклад, правуючися зо мною, собе приймовати, маем то все без жадного доводу едно на приречене его мл. слова платити; а елибы теж до того року, чого Боже вховай, на мене смерти, тогды и по смерти моей, як тот рок прийдет, мает его мл. в тое мое имене Княгинин моцно уехати и его зо всим держати и вживати, а брат и сестра моя, або и повиноватые приятели мои не мают его мл. того боронити до тых часов, поки его мл. тую верхо писаную суму пенезей отдадут; а естли бы теж до того року, чого Боже вховай, на пана Андрея Колпытовского смерти, тогды я буду винен отдати тые пенези тому, в кого тот лист мой будет. А еслибых я самъ, або брат, и сестра, и близкие повиноватые приятели мои мели тот лист мой чим колвек нарушити, або з него выступити, маем на замокъ господарьский Луцкий пятдесят коп грошей

платити заруки, а пану Андрею Колпытовскому также другую пятдесят коп грошей заруки платити, а заплативши заруку тую, мает предся пан Колпытовский, водлуг того ся листу моего, справовати, а тое имене мое Княгинино в той сумѣ пенезей держати, яко ест у верху въ том листе моем описано. И для лепьшое твердости руку мою влосную к тому моему листу подписал. А при томъ были и того добре сведоми пан Иван Шимкович Склѣнский, пан Хведор Селецкий, а пан Ян Хростыцкий; для моий прозбы их мл. и печати свои къ тому моему листу приложили. И на то есми дал пану Андрею Колпытовскому тот мой лист подъ моею печатю и с подписанем власное руки моее. Писан у Селцы в року Божего Нарожена тисеча пятсот шестдесятый, месяца июня, тридцатый ден.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2092, л. 102, № ак. 163.

XXI.

1560 г. іюля 29. Дарственная князя Андрея Михайловича Сангушковича Кошерскаго слугѣ своему Ивану Волынцу на „подворокъ“ (фольварокъ) Черчицкій, на правѣ служебномъ до смерти дарителя, а послѣ его смерти на правѣ полной собственности.

Типическая форма перехода служебнаго владѣнія въ шляхетское.

Я Андрѣй Михайлович Сангушкович Кошерский, староста луцкий, явно чиню и сознавам самъ на себе тымъ моимъ листомъ нинешнимъ и напотом будучим, кому будет потреб того вѣдати, штож который подворок мой власный купленый, никому ничимъ неценный, мел есми под местом Луцким лежачий, з одной стороны подданные князя Федора Петровича Острожецкаго, а з другое стороны подданые пана Михаила Свинюского въ селѣ в Черчичох, который я фолварок мой от колкодесят лѣт во впокою, яко влостную куплю свою, держал и вживал, а так я бачечи ку собѣ вернегодного и заслуженого и завжды на мои послуги потребного служебника моего Ивана Тимофеевича Волынца, который служит мнѣ,

пану своему, з молодости своее от колкадесят лѣт, яко на доброго а цнотливого слугу приналежи, коштом и накладом своимъ, гдеж я паметаючи и бачечи на верные послуги его, которые он завжды напротивку мнѣ, пану своему, чинил и тепер чинит,—даю и дарую и на вечные часы записую ему самому, жонѣ, дѣтем и напотомъ будучимъ их потомству тот подворокъ Черчицкий вышей помененный куплю мою зо всимъ на все з дворцомъ, с полми, сеножатми, и зо всимъ с тым, яко ся тот фолварок самъ в собѣ мает и якъ я самъ тот фолварок держал, ничого на себе не зоставуючи; маетъ он мнѣ пану своему служити службу военную и иншую послугу, которая ся трафит, ничимъ не вымовлячися, мает мнѣ служити пану своему до живота моего; а по животе моемъ волно ему будет кому хотечи с тым фолваркомъ служити и волен будет он тот фолварок отдати, продати, заменити и ку своему лепшому а пожиточному обернути, яко самъ налепей розумѣти будет; а по моем животе, жона, дѣти а ни внучата наши под ним самым и под его жоною, под детми, и потомки их того поискивати не мают вечными часы. А который я лист купчий на тот фолварок Черчицкий и иншие листы на то в себе маю, тые всѣ листы маю я тому служебнику моему Ивану Волынцу, ничимъ у себе не забаряючи, поотдавати в руки ему; а где бы теж, приехавши на Волын, тых листовъ ему не отдалъ, або их у моемъ скарбу доискатисе не мог, теды и напотомъ гдебы се тые листы у кого бы колвек оказати мѣли, тогды вже тые листы в жадного права никоторое моцы и местца мѣти не мают, одно тот мой служебник Иван Волынец самъ, жона, дѣти и потомки их мают тот фолварок Черчицкий держати за тымъ листом моимъ и его вживати, на вечные часы. И на то дал есми ему тот мой лист з моею печатю. А при том были и того добре свѣдоми их милост велможные панове приятели мои: пан Ян Шимкович, маршалок и писар господаръский, староста тыкотинский; пан Петръ Богданович Загоровский маршалок господарский, а пан Махайло Мышка Варковский; которыеж их милост панове за прозбою моею печати свои приложити

рачили къ тому моему листу. Писан у Вилни лѣта Божого Нароженя тисеча пятсот шестдесятого, мца июля двадцат девятого дня.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л. 569, *№ ак. 205*.

XXII.

1560 г. августа 20. Запись Яна Якубовича Монтовта Коблинскаго служебнику его Гавріилу Грицковичу Бересткѣ на имѣніе Беневщину въ 60 копахъ грошей за службу его и за приданое, обѣщанное ему Монтовтомъ при выдачѣ за него замужъ служебницы его Магдалины, подъ условіемъ дальнѣйшей службы.

Мужъ и жена, передавая слугѣ владѣніе имѣніемъ, называютъ это послѣднее „имѣніе *наше* отчизное". Трудно рѣшить, чье это родовое имѣніе: Монтовта ли, или жены его—княжны Порыцкой. Въ случаѣ выкупа имѣнія слугою, не говорится о прекращеніи обязательной службы Берестка.

Я Янъ Якубович Монтовтъ, восполокъ з малжонкою моею Барбарою Александровною кнежною Порыцкою, вызнаваемъ сами на себе симъ нашим листомъ кождому доброму, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотом будучымъ: который служебникъ мой Кгабриял Грицкович Берестка служил нам добре а цнотливе з молодыхъ лет своихъ, а такъ я, паметаючи верные а цнотливые службы его ку собе восполок з малжонкою моею, за его верные службы дали есмо ему имене наше отчизное, никому ничимъ непенное, на имя Беневщину з людми, и зъ ихъ землями, зъ сеножатми, зъ гаи, зъ дубровами, з ставы, з ставищи и зо всими пожитками, так яко ся тое имене Беневъщина само в собе мает, ничого на себе не оставуючи; и дали есмо за него служебницу нашу Макгдалену въ малжонство, по которой посагу дали есмо шестдесят копъ грошей литовскихъ по десяти пенезей у грошъ, которую суму пенезей записали есьмо служебнику нашому Кгабриялу на томъ имени Беневщине,—мает он на томъ имени з жоною своею

мешкати и его вживати, а намъ самымъ, детемъ и потомкомъ нашимъ с того именя служити мает; а я самъ, жона, дети и потомки наши ничимъ того служебника нашого, а ни жоны его с того именя рушати не маемъ; а естлибыхъ я, або жона моя, або дети и потомки наши тое имене Беневщину хотели к рукамъ своим мети, тогды первей маемъ Кгабриялу, або жоне его, отдати тую суму пенезей шестдесят копъ грошей литовскихъ, тож имене къ рукамъ своимъ мети маемъ. А што Кгабриял, мешъкаючи въ томъ именю, прибавит або прибудет, або збожя засеютъ, албо и готовое в гумне будет, то все волен будетъ Кгабриял и жона его побрати; а я самъ, жона, дети и потомки наши того ему забороняти не мают и статку домового, быдла и иншихъ рухомыхъ речей то все Кгабриялъ и жона его побрати мают. А естлибыхъ я самъ, або жона, дети и потомки наши, не отдавши Кгабриялу, або жоне его, тое сумы пенезей шестидесяти копъ грошей, его самого, або жону его с того именя Беневщины рушати мели, то я самъ, жона моя, дети и потомки наши маемъ заплатити господарю королю его милости сто коп грошей, а Кгабриялу и жоне его другую сто коп грошей; а заплативши тую заруку вышей помененую, предся отдавши Кгабриялу, або жоне его, шестдесят копъ грошей, тож тоеименъе к рукамъ своимъ мети маемъ. А при томъ были и того добре сведоми: князь Михайло Алексанъдрович Порыцкий, а панъ Андрей Русин; и за жеданемъ нашимъ печати свои к сему нашому листу приложили. А для лепшое твердости сего моего листа я з малжонкою моею печати свои приложили есмо к сему нашому листу и руку есми свою на томъ листе подписал. Писан у Коблине лет Божего нароженя тисяча пятсот шестдесятомъ, месяца августа, двадцатого дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2038, л. 230, № ак. 53.

XXIII.

1560 г. окт. 30. Дарственная (на правѣ полной собственности) Мих. Мих. Свинюскаго служебнику своему Игнату Денисовичу Юначку на часть имѣнія Линева, купленную у Тихна Олехн. Линевскаго.

Но Свинюсскій купилъ только $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ пріобрѣлъ заставнымъ правомъ; самъ же даритъ повидимому безусловно и то и другое; однако изъ актовъ дальнѣйшаго перехода того же имѣнія (см. №№ XXVII и XXVIII) видно, что и при кажущемся безусловномъ дареніи, подразумѣвалось различіе правъ на заставу отъ права собственности.

Служебное владѣніе.

Я Михайло Михайловичъ Свинюский явно чиню и вызнавам сам на себе симъ моим листом, кому будетъ потреба того ведати, або чтучы его слышати, нинешнимъ и напотом будучымъ, иж есми дознавшы верные послуги служебника моего Игната Денисовича Юначка, которые мнѣ он з молодости лет своихъ верне а правдиве служил, а так тых верных послуг его даремне опустити есми не хотел; част именя за певную суму пензей купил в земенина землѣ Волынское у пана Тихна Олехновича Линевского; тому служебнику моему Юначку Денисовичу тую част в Линеви даю и дарую, на вечност записую ему самому, жонѣ, и ихъ детем и на потом будучым их щадком, з двором, с пашнею дворною, полми, и сеножатми, з людми, и з ихъ дворищами, с платы грошовыми и овсяными и куничными, и зо всими доходами, з гаи, и з запустами, с хворощами, з дубинами, с пробками, з ставы, з рудами, с крыницами и зо всими пожитки, ничого на себе и на близких моихъ не оставуючы; волен будет служебник мой Юначко тую часть именя в Линеве, куплю мою, отдати, продати, заменити, и розширити, даровати и ку своему лепшому а пожиточному обернути, яко сам налепей розумеючы; а жона моя и нихто з близких моих, як по отцу, так и по матце моей, въ тую част в Линеве купли моее уступоватися и никоторым правом под ним поискивати не мают на вечные часы; и нѣкоторые листы и твердости на тую част именя купли моее, вышей меденое,

мел, тые всѣ листы есми Игнату Юначку Денисовичу сес мой лист дал. А при том были и того добре сведоми: их милость князь Роман Федорович Санкгушковича, староста житомерский, панъ Петръ Богданович Загоровский, маршалок господарьский, панъ Павел Олехнович Шпановский, а панъ Яцко Федорович Рогачовский; и за прозбою моею их милость печати свои къ сему листу приложити рачили. А на твердост того и свою есми печат приложил къ сему моему листу. Писан в Свинюсех лета Божого Нароженя тисяча пятсот шестдесятого, месяца октебра, тридцатого дня. А так я тое оповедане их милости до книг замковых записати есми казал и выпис с книг под печатю моею пану Игнату Юначку Денисовичу на то дал. Писан у Володимери.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 362 до об. 363 л.

XXIV.

1560 г. окт. 30. Дарственная запись Михаила Михайловича Свинюскаго слугѣ его Павлу Черневскому на имѣніе Войнинъ.

Переходъ служебнаго владѣнія въ шляхетское (по смерти завѣщателя и жены его).

Лѣта Божего нароженя 15 семъдесятого, месяца генваря, семогонадцат дня, о трехъ крулех свята римского.

На рокох судовых земских, постановившися очевисто передо мною Богданом Костюшковичомь Хоболтовскимъ, судьею земским повѣту Володимерского, а передо мною Гаврилом Яковицким, подьсудком земскимъ повѣту Володимерского, земенин повѣту Луцкого пан Война Линевский оповедал, ижъ дей перед в. мл. судом земъским оповедал на рокох пришлых судовых, зачатых от дня святого Михаила свята римского в року вже минулом шестдесят девятом, же по смерти небожчика тестя моего пана Павла Черневъского в тым замешаню часу смерти его сгинула скринка з дому его з листы

потребными и з ыншими многими нѣкоторыми речми, якож дей я оден лист потребный згинулый, о котором есми ведал перед в. м. судом земъским оповедал; а о инших речах и листех, о которых еще есми не вѣдал, и том перед в. м. оповедал, же еще посли того замешаня вѣдомости не маю, што за листы погинули; якож и выпис того оповеданя своего в себе маю; а ижъ недавно минулого часу довѣдался есми о листе, который тамьже в тот час с тою скриню згинул, даный остатнею волею от его милости небожчика пана Михаила Михайловича Свинюского тестю моему пану Павлу Яцковичу Черневъскому на имене его Войнин и квиты поборовые в тот же час погинули; на который же тот лист згинулый нашол есми выпис, в ыншой скрини лежачый з ыншими листы и выписами, выданый с книг замку господаръского Володимерского от пана Томаса Подоского на тот час будучого намесника володимерского, от его милости пана Михаила Козинского; якож тот выпис перед нами пан Война Линевский, положивши, прохал, абы читан был. Мы оземши тотъ выпис перед собою читат казали, который так ся в собѣ маетъ:

Выпис с книг замку господарского Володимерского лѣта Божего нароженя 15 шестдесятого, месяца ноябра, третего дня. Оповедал передо мною Томасомъ Подоским, наместникомъ володимерским, от его милости пана Михаила Тихновича Козинского, городничого и подстаростего володимерского, ихъ милостъ княз Романъ Федорович Санкгушко, княз Иван Федорович Чорторыский а пан Петръ Богданович Загоровский, маршалок господарский, иж дей небожчик панъ Михайло Михайлович Свинюский, ач в недостаточном здоровю своем, але в суполномъ розуме, сталеся на то розмысливши, дал, даровал и записал служебнику своему Павлу Черневъскому ему самому, жоне, дѣтем и потомкомъ его имѣнъе свое влостное отчизное Войнин, которое ку Свинюхам прислухало, з двором и с пашнею дворною, з полми, и з сеножатми, з людми и з их землями, и зо всѣми платы и доходы, ничого на себе и на близких своих не оставляючи; на што дей лист

свой его мл. под печатю своею и под печатми никоторых людей добрых ему на то дал; и над то дей еще остатнею волею своею на тестаменте своем потвердит рачил, якож тот тестамент и лист его записный передо мною вказовати рачили. Который лист слова от слова таксе в собѣ мает:

Я Михайло Михайлович Свинюский чиню явно и вызнавам тым моим листом, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати, нинешним и напотом будучим, ижем дознавши вѣрные послуги служебника моего Павла Черневъского, который мне з молодости лет своих верне а правдиве служил, и нехотячи я тых послуг его верных ку собе дозналых даремне опустити, имене мое влостное отчизное Войнинъ, которое к Свинюхам прислухало, з двором, з пашнею дворною, з полми, з сеножатми, з людми и ихъ землями, и зо всѣми платы и доходы, тому Павлу Черневъскому записую, даю и дарую ему самому, жоне, дѣтемъ и потомкомъ его на вечные часы; а чого Боже вховай на мене часу смертелного, тогды он самъ с тым имѣнъем своим вышейреченым Войнином малжонце моей панеи Федоре Федоровне до живота ее служити мает, а жона моя того имѣнья Войнина в него отыймовати и з него рушати не мает, якож и сама малжонка моя на то позволила; а по животе ее тот служебникъ мой Павел Черневский, жона, дѣти и потомки его с тым имѣньем Войнином, кому хотечи, служити будут волни; а еслибы жона моя схотѣла замуж пойти, а близкие мои хотѣли бы суму пенезей, от мене еи записаную, отложити, а имѣнье к рукам своим мѣти, тогды также тот служебник мой Павел Черневский, жона, дѣти и потомки его пред ся тое имѣнье держати и вживати мает вѣчне подлуг сего листу моего записного; волен он самъ, жона, дѣти и потомки его тое имѣнье Войнин отдати, и продати, и записати и ку своему лишшому а пожиточному обернути, такъ яко сам налепий розумеючи; а близкие з отца и з матки нихто з них того имѣнья в него отыймовати и никоторым правом в него того имѣнья поисковати не мают, одно то он спокуйне мает держати вѣчными часы. На то есми служебнику моему Павлу Черневьскому

дал сес мой лист под моею печатю. А при том были и того добре сведоми: его милостъ княз Роман Федорович Санкгушко, староста житомирский, пан Петръ Богановоч Загоровский, маршалок господарский, пан Павел Олехнович Шпаковъский, пан Яцко Федорович Рогачовский; и за прозбою моею их мл. печати свои к сему моему листу приложити рачили. И на твердость свою печат есми приложил к сему моему листу. Писан у Свинюсех року Божого тисяча пятсот шестдесятый, месяца октебря, тридцатого дня.

А так я тое оповедане их мл. до книг замковых записати казал и выпис с книг под печатю моею за жаданем их милости пану Павлу Яцковичу Черневскому на то дал. Писан у Володимери.

А по вычитанью оного выпису прохал панъ Война Линевский, абым тое оповедане его и тот выпис Черневского у книги земскии судовыи записано было. Мы тотъ выпис з уряду володимерского записаный до книг земских выпис с книгъ под печатми панеи Павловой Черневской панеи Катерине Якубовне на то естъ дан. Писано у Володимеру.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 954, л. 125 об., № ак. 63.

XXV.

1560 г. дек. 2. Заявленіе слуги Н. Ю. Радзивила Мартина Бурцевича о томъ, что кн. Елена Солтановна Сокольская и князья Василій и Маркъ силою воспрепятствовали вводу во владѣніе ихъ имѣніями Өедора Дубровскаго, присужденными этому послѣднему господарскимъ судомъ.

Формальное значеніе ввода. Подробности сопротивленія.

Року 1560, месяца декабра, 2 дня. Казано записати: приходчи перед мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, служебник велможного пана его милости пана Миколая Юревича Радивила, воеводы троцкого, гетмана навышшого великого князства Литовского, старосты мозырского, державцы лидского, белицкого и сомилишского, Мартин Бур-

цевич оповедал тым обычаем: штож дей за листы (и) росказанем его милости пана своего, дан есми увяжчим пану Федору Дубровскому, и маючи дей при собе шляхту людей добрых—пана Якима Охлоповского а пана Марка Холоневского, искал есми на многих местцох кнегини Олены Солтановое Соколское и сына ее князя Василя, хотечи им дати лист его милости панский; и не мог есми ее знайти и, приехавши до Соколя, пытал есми людей о кнегини Соколской; они поведили ее в дворе; я дей до двора пришодчи, пытал есми служебников; они у дворе кнегини быти не поведали: „и сами дей не вѣдаем, где поехала“; и я перед тымиж служебники, показавши лист панский с печатю, положил есми копѣю з листу его мл. панского; и чинивши осветчене шляхтою, поехал есми з двора. А потом на завтрее в понеделок месяца ноябра, двадцать пятого дня знашол есми князя Василя Солтановича Соколского в Луцку, при тых жо добрых людей (sic) и при пану Шимковичу Скленском, дал есми ему лист панский под печатю его мл.; княз Василей Соколский учтиве лист принял; а скоро по вычитаню, дал есми ему копею. Онъ мне лист вернул и казал ми ждати до завтрия: „я дей тобе на то отказ вчиню;“ и хотечи еднане приняти с паном Дубровскимъ, задержалъ мя до третего дня, и еднал пана Дубровского через пана Ивана Борзобагатого; а видячи то княз Соколский, иж еднаня звести собе не мог, отказал через пана Ивана Шимковича Скленского, иж дей пан Дубравский болшей того по Волыни ездити не будет, и тот, хто ему в том допомагает. А за тым стала ми ся тяжкост и тым зацным людем—пану Марку Холоневскому и пану Охлоповскому, иж нас самых и служебников наших збито и поранено. Я дей чинячи досыт воли и росказаню его милости, съ тымиж добрыми людми шляхтою, взявши вижа з ураду замку Луцкого, боярина господарского Красноселского Михна Павловича, в тую прошлую суботу месяца ноябра традцатого дня ездил есми до Божово до имени кнегине Соколское, хотечи в тое имене пана Дубровского увязати; ино кгдыж есмо к тому именю приехали, знашли есмо у воротех кобылины запущоны,

и людей множство з мечи, з рогатинами стоят; до села нас не пустили; а по малой фили кназ Марко Солтанович Соколский и з служебниками своими, з ручницами и з аркабузы, приехавши до нас, почал нам мовити: „для чого дей есте тут приехали во имене мое увязыватися“? Я ему показал лист его м. пана воеводы троцкого, в котором заруки описаны, он мнѣ на то поведил.: „тот дей лист писан до матки моее и до брата моего князя Василя; а я дей невинен ни за кого терпѣти; бо дей то имене мое влостивое, до которого матка и брат мой не мает ничого; я дей в том именю мешкаю; боронити его буду и никому не поступлю“. И хотел есми до того села вламатися; он мне поведил: „прожно дей ты кгвалтом во моем именю хочеш увязовати; я тебе до села не пущу; а будеш ли дей кгвалтом далей добиватися, поткает тебе што дивного“. Я осветчивши шляхтою и вижом врадовым, ехал есми оттоля проч., и тогож дня ехали есмо до именя кнегини Солтановое Соколское до Михлина, хотечи там в том именю пана Дубравского в десят служоб людей увязати, водле декрету его милости панского; а кгдыж есмо там до Михлина приехали, тогды врадник Михлинский, служебник кнегини Соколское и сынов ее, Богдан, способившися з многими людми и з мечи, з ручницами, з луки и з рогатинами на гребли дорогу застапили (sic) и до села нас не пустили; и почал нам тот врядник Михлинский мовити, абыхмо ся вернули, поведаючи: „иж дей кнегини а ни князей панов моих тут въ том именю не маш, и вы дей не маете, по што ехати; а естли дей маете якую справу, або листы, едтеж собе до панов моих; а я дей вас до именя панского не пущу и ввязованя жадного не поступлю“. Я дей, показавши ему лист панский, хотел есми ехат до села; он напротивку нас з рогатинами казал позастав(ить), аж праве добре нас на рогатины не взяли, и юж были под бока приложили. И поведил тот врадник: „если ся дей навернете, будет вас тут колко забитых, бо дей ми панове мои росказали того боронити“. Я и там, вчинивши освятчене шляхтою и вижом врадовымъ, ехал есми проч. Якож то и виж врадовый Михно Павлович,

пришодчи перед мене до книг, тымиж словы сознал: иж княз Марко Солтанович Соколский во имене Божов увязаня не допустил, поведаючи, иж то ест имене мое властивое, до которого матка и брат мой ничого не мают; а врядник Михлинский Богдан также в Михлине до села не допустил и ввязаня не поступил, а мало нас не побил, поведаючи: „мне панове мои заказали того дуже боронити“.—А так я тое оповедане служебника его мл. пана воеводы троцкого Мартина Бурцевича а и вижово сознане до книгъ замковыхъ записати казал.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2035, л. 1 об., , № ак. 3.

XXVI.

Князья Василій и Левъ Андреевичи Четвертинскіе убили князя Ивана Четвертинскаго и затѣмъ бѣжали и къ королевскому суду не явились. Тогда, по рѣшенію короля, они должны были уплатить головщину вдовѣ убитаго княгинѣ Четвертинской и ея сыновьямъ, которые и были введены во владѣніе имѣніями убійцъ. Но затѣмъ княгиня Марія Львовна Четвертинская (вѣроятно мать убійцъ) предъявила свои права (вмѣстѣ съ дочерьми) на 4-ю часть и получила ее. За вину господарскую (400 копъ) ввелся во владѣніе частію этихъ же имѣній дворянинъ господарскій, производившій вводъ.

Року 1560, месяца декабра, 6 дня. Казано записати. Пришодчи перед мене Бориса Ивановича Сову, подстаростего луцкого, дворенин господарский пан Крыштофъ Масло оповедал тымъ обычаем: штож дей з выроку господарского за непослушенство и нестане князя Василя и князя Лва Андреевичов Четвертенских и за мандатом господарским, на року через дворенина им зложоным, вскавано на них за головщину князя Ивана Четвертенского и за шкоды, которые кнегини Ивановая собе от них быти менила, так теж и за вину господарскую всего сумою чотыриста коп грошей; у которой суме перво того за расказаньем господарьским, выделивши част именя того князя Василя и князя Лъва Чет-

вертенскихъ от иншое брати их, што за то стояло, увезал есми кнегиню Ивановую Четвертенскую и сынов ее и то им держати подал. А теперичи дей, за жалобою кнегини Андрѣевой Четвертенской кнегини Мари Лвовны, господарь его кролевская милост рачил расказати, лист свой господарский до мене писати, абым я с тых частей князя Василевы и князя Лвовы на дочки кнегини Андрѣевой Четвертенской четвертую част выделил и в то их увезал; а так я за росказанем и листомъ его кролевское мл., в тую прошлую середу мѣсяца декабра четвертого дня, зо всего того, у вошто есми кнегиню Ивановую и сынов ее был увезал, выделивши четвертую част в людех, в полях, в сеножатех, в борох, и в дереве бортном, кнегиню Андрѣевую и дочок ее в тую четвертую част увезал, в моц и в држане им подал; якож и реестръ той четвертой части людей Боровицкихъ и Голузейских, меновите списавши, под печатю моею на то имъ далъ. А што ся дотычет вины господарьское ста коп грошей, я дей за тыи пенези увезался есми на господаря в десет служоб людей Голузейских до росказаня его кролевское мл. И просил, абы то было записано; гдеж я тое оповедане дворенина господарского до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 4 об. № ак. 8.

XXVII.

1561 г. нояб. 20. Продажная на 1/3 и заставная на 2/3 имѣнія Линева отъ Игната Денисовича Юначка Францишку Фальчевскому.

См. № XXIII и XXVIII.

Я Игнат Денисович Юначко служебник ее мл. панее Михайловое Свинюское чиню явно и ознаймую сим моим листом кождому, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати сесчас и напотом завжды: што которую половицу именя Линева в повете Луцкомъ пан Михайло Михайловичъ Свинюский пан мой третюю част на вечност купил за триста коп грошей, а две части тогож именъя Линева закупил в суме пенезей в шестисот копах грошей литовскихъ у пана Тихна Олехновича Линевского, и на тую куплю и закуплю лист от пана Тихна Линевского маючи, то през час никоторый спокойне держал, а за верные а правдивые послуги мои, которыи есми его мл. пану своему з молодости летъ своих чинил, дал, и даровалъ и записал его мл. пан Михайло Михайлович Свинюский тое имене Линево мне, жоне, детем и потомкам моим на вечност и на то мне лист свой даровный и записный дал и тое имене, половицу Линева, в держане и в поживане с тыми листами купными, которые он от пана Линевского мел, мне поступил, где я тую половицу Линева всю зо всим, як з двором, с пашънею дворною, с полми, сеножатми, дубровами, з лугами, з людми и всякими пожитками малыми и великими (в) спокойном держаню през час немалый еще за живота пана моего его милости пана Михаила Свинюского держал и вживал. А такъ в тых часех будучи в недостатку моем, а ку пилным потребам моим, продал есми третюю част того именя Линева на вечность за триста коп грошей, а две части тогож именя Линева заставил есми в суме пенезей в шестисот копах грошей личбы великого князьства Литовского пану Фронцышку Фалчевскому и в держане его мл. поступил з дъвором, и с пашнею

дворною, с полми, сеножатми, з дубровами, с лугами, людми и всякими пожитки малыми и всякими, яким колвек именем назваными; и во всемъ его мл. пан Фронцышок Фалчевский тую третюю част именя Линевского держати и вживати вечно. а две части в суме мети зо всим и лист купчый на третюю част и лист заставный на две части в сýме пенезей пана Линевского и лист дату пана Михаила Михайловича Свинюского пана своего пану Фронцышку Фалчевскому дал. И волен его милость пан Фронцышко тую третюю част именя Линева на вечност продати, а две части в суме пенезей заставити; а в то ся я сам, жона, дети и потомки мои и нихто з близких и повиноватых пана Тихна Линевского и моих не мают ся вступовати, а ни под его мл. паном Хвалчевским самым, детми и потомками его милости поискивавати и никоторое переказы чинити; а естлибы хто хотел в тую половину именя Линева чимъ колвек вступовати, або ку праву позывати, тогды я маю и повинен буду перед кождым правом пана Фалчевского заступовати и очищати, правом своим боронити, так яко его мл. пан Фалчевский не мает шкодовати. И на то есми дал его мл. пану Фронцышку Фалчевскому сес мой лист. А при том были и того добре сведоми его мл. князь Матфей Четвертенский, а пан Михайло Елович Малинский, а князь Василей Солтанович Соколский, а пан Андрей Русинович; которых вышей помененых панов просил есми о приложене печатей. Их мл. то на прозбу мою вчинили и печати свои к сему моему листу приложити рачили. А на твердост того листу и я сам Игнат Денисович Юначко печат свою приложил к тому моему листу и рукою своею подписал: Юначко властная рука. Писан в Свинюсех лета Божого Нароженя тисеча пятсот шестдесят первого, месеца ноября, двадцатого дня.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2094, л. 359.

XXVIII.

1562 г. марта 12. Продажная на 1/3 и заставная на 2/3 имѣнія Линева отъ Францка Фальчевскаго зятю его Станиславу Граевскому.

Я Фронцко Фалчевский чиню явно и ознаймую симъ моим листом кождому, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати, сесчас и напотом завжди, што которую половицу именя Линева в повете Луцком небожчикъ пан Михайло Михайловичъ Свинюский третюю част на вечностъ купивши за триста коп грошей, а две части тогож именя Линева закупивши в суме пенезей в шестисотъ копах грошей литовских у пана Тихна Олехновича Линевского, и на тую куплю и закуплю лист от пана Тихна Линевского маючи през час некоторый спокойне држачи, за верные а правдивые послуги служебнику своему Игнату Денисовичу Юначку, который з молодости лет его ку собе узнавши, его милость пан Михайло Свинюский тое имене Линево дал и даровал и записал ему самому, жоне, детем и потомком его на вечност и на то ему лист свой даровный и записный дал и тое имене половицу Линева в држане и вживане с тыми листами закупными, которые он от пана своего мел, мне поступил и вечне продал; где я тую половицу Линева всю зо всим якъ з дъворомъ, с пашнею дворною, с полми, сеножатми, дубровами, и з лугами, людми и всякими пожитками малыми и великими (в) спокойном держаню през час никоторый, купивши от пана Юначка, держал и вживал. А так в тых часехъ, будучи мне потребному ку пилным а великим потребам моим, продал есми третюю част того именя моего Линева на вечность за триста копъ грошей, а две части тогож именя Линева заставил есми в суме пенезей в шестсот копах грошей личбы великого князьства Литовского зятю моему пану Станиславу Кграевскому и вже есми тое имене половину Линева, якъ третюю частъ вечне продануую, такъ и тые две части заставленые в держане и в поживане его ми-

лости поступил есми зо всим тым, яко есми самъ держал, ничого на себе не оставуючи, тоест з двором, с пашнею дворною, с полми, сеножатми, з дубровами, з слугами, з людми и всякими пожитками малыми и великими, яким колвекъ именем назваными, и вже волен будет его мл. пан Станислав Кграевский тую третюю часть имене Линева держати и вживати вечно, а две части в суме пенезей зо всим, и лист купчий и лист заставный на две части в суме пенезей пана Юначковъ и лист дату небожчика пана Михаила Свинюского пана его пану Станиславу Кграевскому дал есми; волен его млст пан Станислав Кграевский тую третюю част имення Линева на вечност продати, а две части в суме пенезей заставити и ку своему лепшому а пожиточному обернути; а в то ся я сам, жона, дети и потомки мои и нихто з близких и повиноватых пана Юначковых и моих не маются вступовати и ни под его мл. паном Станиславом Кграевским самым, жоною, детми и потомками их милости поискивати и никоторое переказы чинити не маем; а естлибы хто хотел в тую половину Линева чим колвекъ вступовати, або ку праву позывати, тогды водле описов и твердостей, которыи есми дал пану Станиславу Кграевскому вси на тое имене, пан Юначко будет винен, якося мне описал, пана Кграевского, або на кого бы моц тых записовъ и твердостей влил, во всем очистити и заступовати перед каждымъ правом боронити, так яко пан Кграевский не мает на том шкодовати. И на то есми ему дал сес мой листъ. А при том были и того добре сведоми его мл. пан Волчко Якимович Жасковский, судья володимерский, а князь Дмитрей Козика, пан Миколай Дубровский; которыхъ вышейпомененых панов просил есми о приложенъе печатей; их мл. то на мою прозбу учинили и печати свои к сему моему листу приложити рачили. А на твердость того листа и я сам Фронцко Фалчевский печат свою приложил к тому моему листу. Писан в Садове лет Божого Нароженя тисеча пятсот шестдесят второго, месеца марца, второгонадцат дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 357.

XXIX.

1560 г. дек. 14. Жалоба князя Дмитр. Александр. Буремскаго на вдову Мих. Свинусскаго Федору Федоровну, урожд. княгиню Чорторыйскую, объ опустошеніи имѣнія Новоселки, принадлежавшаго ея мужу, но перешедшаго по наслѣдству къ кн. Буремскимъ.

Року 1560, мѣсяца декабра, 14 дня. Пришедчи перед мене Бориса Ивановича Сову, подстаростего луцкого, княз Дмитрей Александрович Буремький жаловал и оповедал тымъ обычаем: штож дей сестренец мой небожчикъ пан Михайло Свинуский с того света без потомства зшол, а именя его Новоселки, так теж част в Корсове, в Сестрятине, на Змеинцы, у в Обзери, и в Водрожине, водле права прирожоного на мене и на детей моих спадком припали, бо дей отец мой княз Александро з небожчиком братом своим князем Львом, дедом пана Михаила Свинюского, тыи именя Буремскии, так теж стада и зброи, на полы был розделил, топак дей ее мл. пани Свинуская пани Федора Федоровна княжна Чорторыская, скоро по смерти малжонка своего, с тых именей стада полтретяста, зброи на дванадцат чоловѣков, к тому быдла и збожя и всякие речи рухомые побрати и до дворов своих выпровадити казала, и людем великое драпезство чинила; я дей, видечи таковую шкоду свою, утеклом ся до вряду и, взявши вижа от его мл. князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы киевского, маршалка Волынское земли, старосты володимерского, пана Петра Чибенского, а з ураду замку Луцкого от князя Остафъя Соколского, подстаростего бывшого луцкого, служебника его Гришка Труша, и маючи при собе шляхту и сторон людей добрых, въ тот двор Новоселки, яко во властивую отчизну свою уехал; и пытал есми врадника панеи Свинуской Матея: еслибы што было которого схованя пана Свинуского в дворе Новоселицкомъ, он жадного схованя панъского в том дворе быти не поведил; а што дей было быдла рогатого, то дей пани еще до погребу, скоро по смерти пана Свинуского, побрати казала; толко всее маетности двор-

нои поведил осмеро телят, свиней двадцатеро, гусей двадцатеро и четверо, куров сто; а в гумнех збожя в дворе два стоги жита, а сто коп пшеницы, овса полтора стога и два оденки проса; а на поли в гумне пят стогов жита а стог овса; того всего вижи огледали и на реестръ списали и листы свои под печатми и с подписю рук своих сведомя своего мне дали. Я дей, освѣтчивши шляхтою, вижами и сторонами, уставивши врадника своего в том дворе, ехал есми проч; а том вчинилъ для того, абы болшей пани Свинюская того именя не пустошила; то пак по выеханю моем четвертого дня в неделю месяца ноября двадцат четвертого дня ее мл. пани Свинуская, способившися з многими людми, з слугами, и бояры своими, приехавши моцно кгвалтомъ до Новоселокъ, з гумен збоже што до снопа вывожено, так теж з двора остатокъ быдла, кони дворные, свини, гуси, куры побрати казала; а на остаток збираючи домы в дворе огнем попалити казала и великие шкоды починила, которых всих шкодъ реестръ меновите написаный в себе быти менит; ку тому з людей воловщину, от вола по десети грошей брала, чинши и подымщину, а в Корсови и в Сестрятине с подданных моих взяла тридцать волов безправне; которыи люди для великого драпезства всѣ здоймом хочут пойти проч. И хотечи княз Дмитрей Буремский о то мовити, просил, абы то было записано. А так я тую жалобу и оповедане его до книгъ замъковых записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2035, л. 7, № ак. 14.

XXX.

1561 г. января 8. Дозволеніе Луцкаго старосты (кн. Богуша Корецкаго) женѣ Ивана Олехновича Борзобогатаго Красенскаго Ганнѣ Васильевнѣ, урожд. Семашковой (вмѣстѣ съ мужемъ ея), и сестрѣ ея Марьѣ Семашковой продать 3-ю часть ихъ собственныхъ имѣній п. Василію Семашко.

Дозволеніе, установленное Статутомъ, со стороны органовъ власти на право продажи родовыхъ имѣній ($^1/_3$) не есть простая явка, а въ точности—„дозволеніе", разрѣшеніе сдѣлки до ея совершенія. Продажа требуетъ мотивировки.

Я, Богуш Федорович Корецкий, староста луцкий, браславский и веницкий, ознаймую то симъ моим листом, штож постановившися передо мною в замку господарьском Луцкомъ пан Иван Олехнович Борзобогатый Красенский поведил самъ от себе и малжонки своей Ганны и свести своее Мари Василевне Семашковича Рыканских, штож которого половицу именя Подрежа отчизны их братъ их пан Иван Василевич Семашко, въ певной суме пенезей в пятнадцатисот копах грошей, за ставил был пану Василю Михайловичу Семашку, суди луцкому, для пилных потреб своих, а к тому и другое имене отчизну теж ихъ Тополе также заставил и записал в трех сот копах и въ сороку копах грошей пану Василию ж Семашку брату их, и то пан Василей Семашко въ той суме пенезей от немалого часу, при животе пана Ивана Семашка, так и по животе его, спокойно держал; до чого оны ведле права прирожоного вечностю будучи близкие яко ку отчизне, мяли бы в тыи сумы пенезей в пана Василя Семашка тыи именя окупит, а то к рукам своим мети; нижли не хотечи в том именю Подрежу половицы держат не в покою и неприязни з братом своимъ паном Василемъ мети, доброволно позволили и хут свою до того нахилили кром великого припуженя тую свою половицу именя Подрежского, выймуючи зо всих именей своих отчизныхъ за третую част, пану Василю Семашку брату своему на вечност, яко в тых сумах вышей описанных, так и в додатку им иншее сумы пенезей именя част в Групювне продати и отписати сами з детми и потомки

своими; и прохали мя за то з обу сторон, яко пан Иван Борзобогатый Красенский з малжонкою своею Ганною а свестю Марею Семашковнами Рыканскими, так и пан Василей Семашко, судя луцкий, абых онымъ продати и вечности ся списати, а ему подле права земского тую половицу именя Подрезского зо всѣмъ, якося само в собе здавна мает, на вечност купити дозволил. А так, я зрозумевши в томъ подле обычаю права посполитого и статуту земского, иж кождый стан шляхетский именя своего отчизного, за дозволенемъ вряду господарьского, третую част на вечност продати и кому хотячи записати, а две части въ суме пенезей заставити волен и моцон,—з местца моего вряду староства Луцкого, дозволил есми и дозволяю пану Ивану Красенскому з малжонкою его Ганною и з свестю панею Марею Семашковнами Рыканскими тую половицу именя Подрезского зо всѣмъ, якося само в собе здавна мает, за третюю част всих именей их отчизных, продати и записати на вечност, а пану Василю Семашку, суди луцкому, купити и записы вечистыи на то собе справовати и то вечне держати есми позволил; и дал пану Василю Семашку, суди луцкому, сес мой лист дозволеный под моею печатю. Писан въ Луцку под лет Божого Нароженя тисеча пятсот шестдесят первого, месяца генваря, осмого дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 34. об., № ак. 17.

XXXI.

1561 г. февраля 1. Заставная запись Яна Прокоповича Угриновскаго на имѣніе Угриново, данная Ильяшу Богушевичу Несвѣцкому и женѣ его Еленѣ Федоровнѣ, за деньги, полученныя отъ этихъ послѣднихъ въ видѣ вѣна за дочь ихъ, сосватанную Угриновскимъ; застава оканчивается съ наступленіемъ брака. При этомъ Угриновскій отдаетъ себя самого въ опеку будущему тестю.

Казано записати: Пришодчи и постановившися обличне передо мною Борисом Ивановичомъ Совою, подстаростим луцким, земенин господарский пан Януш Прокопович Вгры-

новский оповедал, и вызнавал тым обычаем: штож дей небожчик отец мой с того свѣта зшол, оставивши по собе долги немалыи, о што мене по смерти небожчика отца моего перед уряд ку праву много крот позывано, а вряд присужовал, абых я платил з ымени своего отчизного, которого ми ся велми мало посли отца моего зостало, и не маючи я с чого тых долгов отцевских платити, утеклом ся в томъ до ласкавого приятеля моего пана Иляша Богушевича Несвѣцкого и до панеи малжонки его милости панеи Олены Федоровны, иж их мл. дочку свою панну Богдану за мене заручили, по которой паненцы своей мѣли мнѣ дати вена готовых пенезей триста копъ грошей и выправы за сто копъ грошей; просил есми их мл., абы мнѣ тыи пенези на долги отцевские выплачовати дали; их мл. ужалившися мене и не хотечи мне шкоды моей узычати, абых я остаток отчизны своей на долги отцевские мел заставляти, дали мнѣ триста копъ грошей монеты и личбы литовское; а иж тот час еще не пришол и рок веселя моего не припал, постерегаючи в том пан Иляшъ Несвѣцкий шкоды своее, не хотел ми наперед веселя згола тых пенезей дати; я дознавши ласкавую приязнъ его милости пана Иляша Несвецкого и панеи малжонки его мл., у той суме пенезей в трохсот копах грошей заставил есми их мл. имене мое Вгрыновское з людми, зъ ихъ землями, з роботами, с подачками, с платы и доходы и зо всякими пожитки; и сам ся есми его мл., яко пану а отцу своему, у в опеку дал; мает его мл. сам и малжонка его милости мене у в опеце своей мети, именя моего Вгрыновского держати и вживати до того часу, покол их мл. панну Богдану дочку свою за мене в малжонство выдадут; а при выдаваню дочки своее одно ми их мл. мают дати за сто коп грошей выправы; а я тыи пенези триста копъ грошей и выправы сто коп еи малжонци своей панне Богдане Иляшовне Несвѣцкой на третей части именя моего В(г)рыновского совито отправу маю вчинити; а чого Боже рач уховати до тых часов на мене часу смертеиного, тогды сестры мои роженыи винни будут тые пенези триста коп грошей личбы литовское

пану Иляшу Несвѣцкому, панеи малжонце, або детем его мл. отдати, а имене мое Вгрыновское мают сест(р)ы мои к рукам своим взяти. И просил абы то было записано. А так я тое оповеданье и очевистое сознане пана Януша Прокоповича Вгриновского до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 52 об., № ак. 44.

XXXII.

1561 г. сентября 18. Инвентарь с. Угриновскаго при уступкѣ его собственникомъ п. Янушемъ Прокоповичемъ Угриновскимъ Ильяшу Богушевичу Несвѣцкому (см. пред. актъ).

Казано записати. Пришодчи до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, земенин господарский пан Илъяш Богушевич Несвецкий, оповедал: иж пан Януш Угриновский поступил ему именя своего Угриновского зо всими пожитками от мала и до велика, водле первого застановеня своего, и просил о вижа, при котором бы тое имене Угриновское, и с которыми маетностями, до рук своих взял; ино я з уряду замъку Луцкого давал ему вижомъ боярина господарского красноселского Семена Гордуновича, который там бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною, тыми словы сознал: иж пан Януш Прокопович Угриновский при мне вижу врадовомъ и при людех сторонних поступил пану Иляшу Несвецкому имене свое Угриновское з двором, з людми, с полми, и сеножатми, з гаем, з млыномъ, з ставомъ, с пашнею засеяною, и зо всим на все, як ся тое имене само в собе мает; а тоест: наперве двор, у дворе будованя—светлиц две; промежку ними сени; на дворе клетка, погреб; на погреби хижа з двема прихижки; изба з сенми и с коморою; стайня рубленая; лазня з сенми; быдла дворного: волов осмъ, коров две с теляты, яловиц три, бык не впряжен, другий подтелок, свиней шестеронадцатеро, гусей пятеронадцатеро, каплунов шест; у гумне овса осмъдесят коп и двѣ копе; гороху пят-

надцат воз, проса осмъ коп; сѣна колешня и стирта; а на поли сѣна шестдесят воз; при дворе бровар с кадми, с котлом; котел горѣлченный с трубами и с кадми; бочок пивных трынадцат, кадей пят, а прикадков два; став, млын и з вымелками. Пашни на поли засеяное: жита мац двадцат и полшесты, а пшеницы полтрети мацы. А то люди угриновские з роботами и их повинностями: Лашко Жулга, Иванец, Дмиш, Степанец, Тишко а Грицко, Матфеец з Бараном, Янко с Климком, Иванец, Авдѣй, Панец, Климко, Каленик, Тимош, Яцко, Хавустовая, Андрей Спожичи, Конаш—служба, а седит на тесельстве; а тые вси седят на зуполных службах, а дают плату по шести грошей, по осми мац овса, по возу сена, по двое кур, прадива по десятку. А то огородники: Пилипецъ, Мартинъ, Пашко, Гира воротный, Мотруница, Михъно, Демъянъ, Павелъ дедъ чоботарь, Матъфеецъ, Трушь, Козелъ, Волосъ бортникъ; к тому бояре: Федор а Назар. И то все панъ Янушъ Угриновъский, списавши на реестри, пустилъ пану Ильяшу Несвецкому, хотечи, абы панъ Илъяш Несвецкий часу пришлого под тымъ же обычаемъ тое имене пану Янушу Угриновскому зо всимъ тым в целости подал. И просил пан Иляш Несвецкий, абы то было записано. А так я тое сознане вижово в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 194 об., № ак. 15.

XXXIII.

1561 г. іюня 26. Заявленіе отъ имени п. Н. Ю. Радзивила, воеводы Троцкаго о томъ, какія притѣсненія крестьянамъ чинилъ въ его имѣніи Полонной и въ другихъ его имѣніяхъ Волынскихъ и Полѣскихъ ключникъ луцкій Иванъ Яцковичъ Борзобогатый, державшій эти имѣнія въ арендѣ отъ Радзивила.

Арендное владѣніе; права арендатора.

Про памет казано записати. В небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, на местцы его мил.

Василей Дешковский, писаръ замку Луцкого. Пришодчи до мене служебникъ ясней велможного пана его милости пана Миколая Юревича Радивила, воеводы троцкого, гетмана великого князства Литовского, старосты мозырского, державцы лидского, белицкого и сомилишского, пан Иван Тимофѣевич оповедал тым обычаем: штож дей его мил пан мой, за жалобою подданных своих полонских и инших всих имѣній своихъ Волынскихъ и Полѣских, которыи был его мил. арендовал ключнику луцкому пану Ивану Яцковичу Борзобогатому, присылал мене до имѣній своих, абых я вси кривды, шкоды, бои, грабежи и розогнане людей, што ся за держаня пана Борзобогатого стало, списал; я дей, водле росказаня его милости пана моего, з бояры полонскими Иваном Гарабурдою а Иваномъ Балдою, тыи вси шкоды и кривды, которыи он над повинност поданных панских чинил, списавши, и то на вряде замку Луцком оповедам. И показовал передо мною реистръ шкод поделаня и людей отчизных розогнаня; который реистръ такъ написан: Иж за держаня пана Ивана Борзобогатого с Полоной именя его милости пана воеводы троцкого отчичов панских, добре осѣлых, проч пошло: на первей Гринец Владычка, з нимъ сынов три, а дочка; Панко з сыном; Ярошина, с тым сынов три а дочка; Конаш з двема сыны и з двема дочками; Сенко з сыном а дочок две; Сачко Тишко з сыном; Савостянецъ з сыномъ и з дочкою; Хведец самотретий; Ярмолец Киселевич, з нимъ сынов три а дочок двѣ; Корнец з сыном, а братаничов два; Малко з двема сыны и дочок двѣ; Степанец з двѣма сыны, а дочок три; Савка Слюсар с трема сыны и з дочкою; Стецко, а с ним дочок чотыри; Пасюк, з ним сынов два, а дочка Хомица; Федец и з сыномъ; Жук и з сыномъ. Подданныи его милости вси до Буга попелъ отвезли, а он, их там же загамовавши, казал им к Бугу дерево возити; и тыжден возили дерево, а которыи возити не хотели, онъ ихъ бити казал: Гарасима збито, Михна збито, Грицка збито, Курила збито, Саву збито, Ярмолца збито, тот проч пошол; а тых дей всихъ Василей сын войтов позбивал. А повторе им кривду над повинност их

вчинил, иж што они повинни орати, то были оторали; а он дей, побравши плуги и з волы, гонил их до Заборовля орати; там дей сем ден орали; и на той роботе чотыри волы здохли; а их всих позбивали. Савку посылал до Львова; там же дей в него коня взято, за которого ему давано двѣ копи и двадцат грошей; в Матфѣя там же взято два кони, за одного дей давано сем копъ, а за другого двѣ копи грошей; Гринца безвинне с попелом выгнали, тамже ему кон здох. Подданныи его милости, видячи таковыи кривды, поехали были до его милости пана, до Литвы; топак дей пан войт казал их на дорозе погонити; а поймавши и до Заборовля приведши, тамже перед собою казал их линами бити: Казарца, Гулка, Савку, Гуцину, Малашину збито, и взяли в нихъ полтретѣ копы и двадцат грошей. А с Ездова за держаня пана Борзобогатого, люде отчизныи проч пошли: Костяк з двема сыны и з дочкою; Пилипец, Ивашко, в того вола взял; а в боярина его мил. Войны взяли двадцат коп жита; Ивана Кисла безвинне збито; Евтуха также збили; Костюка над чергу съ попелом выгнали, тамже ему кляча здохла, а его самого безвинне тыжден у вежи держали. З ыменя его милости Черукова, за держаня Борзобогатого, отчичов его мл. проч пошло: Куприян с трема сыны и з дочкою; Костюк з двема дочками; Ивашко Лашко с чотырма дочками; Каленик з сыном, дочок чотыри; Петрок, Тимош, Мартин, Матфѣй, Павлюк. В попа Чаруковского отняли его мѣрки, што ему зо млина приходили, и держали на себе полтора року; в мелника взяли полсемы мацы жита. Масюка, безвинне збивши, свечами пекли; дъяка Левца збито; Федину збито; Лукяна линами били; у Васка дѣвку взяли и невѣдомо, где еи задѣли; до Якубца, приславши на огород до саду, порвати казали; он дей пришол жаловати, они его казали линами бити; Игнатова сына Грицка также линами збили; Мишкову жону приподчи в двор взяли, а кгдыж по жону пришол, его самого линами били; Елтухова сына безвинне збили и в колоде его час немалый держали; Стецка линами збили; Троца збили, а грошей двадцат и сукна чотыри локти в него взяли; Ан-

дрѣй Гирка служил год в дворѣ, мѣли ему дати ден жита а ден овса; и кгдыж найму своего просил, они его по два крот линами бити казали и клячу в него взяли; во Ивана седло и вздy взяли а ден паренины отняли; в Гринца сем возъ сѣна взяли; в Лашка шест воз сѣна, барана и кур трое взяли; в Мартина двадцат воз сѣна взяли, а его самого и жону его збили; в Матыска в Лучки взяли сем воз сѣна; у Яна Грабара сеножат на пятнадцат воз вытравити казали; в Гацка Хомича днину жита пожали и пят воз сена взяли; в Михна Овлучимский взял клячу, а в товариша его другую. З ымення его милости Коршова, за держаня пана Борзобогатого, людей отчизных проч пошло: Иван, Мордышовая с трема сыны; Жданец, Нестер з сыном, а дочок чотыри; Юшко з сыном; Тит з сыномъ и з дочкою; и в тых же мужей Коршовских казал во всих плуги и з волы мужиком своим побрати, иж над повинност свою не шли орати, и на тойже роботе волы их поморил; в Сенца два волы (з)дохли; в Климца вол здох; в Лазара вол здох; у Хведка вол здох; в Кунаша вол здох; во Иванца вол здох; в Мартинца вол здох; в Пилипца вол здох; Марко шурин войтов взял в Коняша чотыри копы грошей; Василей Войтович во Ивана взял на мѣсте мацу гороху за пол копы грошей и не заплатил; у Яцука взяли клячу, за которую дей давано чотыри копы грошей; в Маска взяли сорок грошей; в Пилипца взяли вепря; в Ждана взяли десят коп жита и тридцат локот полотна; у Федца стравили конми дванадцат коп гречки, а сем коп жита; во Иванца шест коп жита стравили; в Гаврилца сем коп проса стравили. Боярина панского Павлыша служебник войтов Бузынский по два крот збивал, а пан Борзобогатый справедливости ему не вчинил; Иванца тот же служебник збил безвинне; Постник боярина полонского Труша безвинне збил и в везеню держал; Балдина сына Ивашка Федорко з Блажевским збили; старца червиского Махна збивши у везеню тыжден держали; а з ним мужиков семи: Хведца, Кузму, Станца, Иванца, Тишка, Юрка, Панца, также збивши, тыжден у вежи держали; в Сенка слюсара полонского взял со млына шестнадцат мац жита. А по вы-

читаню того реистра тут же ставши бояре полонскии его милости пана воеводы троцкого Иван Гарабурда а Иван Балда оповедали и вызнавали, иж так много подданных панских для великихъ кривдъ проч пошло, и так имъ веле шкод поделано, яко в том реистре меновите ест написано. А так я тот реистръ с початку аж до конца слово от слова, так теж оповедане служебника его милости пана воеводы троцкого и очевистое сознане бояр его милости полонских до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 135 № ак. 26.

XXXIV.

1561 г. іюня 28. Жалоба Василія Пархомовича о насильственномъ выселеніи его изъ церковнаго имѣнія Луцкой епископіи Нѣмецкаго, которое онъ самъ заселилъ и держалъ болѣе 20 лѣтъ.

Владѣніе „до ласки" (на милости) въ церковныхъ имѣніяхъ; его прекарный характеръ.

Року 1561, месяца июня 28 дня. Про памет казано записати. В небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, на местцы его мл. Василей Дешковъский, писаръ замку луцкого; пришодши перед мене служебник ясникелможного княжати его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы киевъского, маршалъка Волынское земли, старосты володимерского, на име Василей Пархомович жаловалъ и оповедал обтяжливе тым обычаемъ: штожъ дей державъ есми имене церкви столечное владычества луцкого Немецкое побълизу Луцка, которого дей именя, оселивши своим властивым грошем и накладом, держал и вживалъ есми болшей двадцати лѣт, тоест за владыки луцкого небожчика Федосия Гулевича, а по животе его мл. за Иосифа небожчика владыки луцкогож бывшого; а кгдыж пан Марко Жоравницъкий нареченнымъ владыкою зосталъ, тогды давал ми индей помешкане, а тое имене Немецкое,

которое я своим властивымъ грошемъ и накладом осадил, двор збудовалъ, и зо всѣмъ на всем укрунтовалъ, собѣ взяти; я не хотячи накладу и працы своей оставити, просил есми его мл. пана Марка по колку крот, абы мя с того именячъка не рушил, хотячи его милости так служити по тому, яком и первымъ владыкам с того именица служилъ; пан Марко его мл. мне в том ласки своей панской показати не хотел. Я по своей тяжкой неволи шукалъ есми собѣ пана, кому бых мялъ служити, и заложился есми за его милости князя Костентина, воеводы киевского; его милость пан мой милостивый княз Костентинъ рачил росказати лист свой панский до пана Марка писати, абы мя зо всѣм на все с того именя церковного выпустилъ; его мл. пан Марко на писане листу пана моего милостивого ознаймил ми час, до которого бых мел в том именю змешкати для вывоженя своего, а тое имене наменил дати служебнику своему Петру, врянику тереленскому, и писал до него листъ, абы ми жадъной переказы не чинил до того часу, поколся я с того именя зовсѣм выпроважу; топак в неделю вербную перед великоднем року теперешнего шестьдесят первого был есми у Кнегинини, именю кнегини Збаразскои; в тот час врядник тереленский Петръ, приславши служебника своего Яцка Жуковского и з ыншими помочниками его, тамжо у Кнегинини мене збили, змордовали, толко за мертвого покинули, с которого збитя от того часу недели вербни аж до сих часов здоров быти не могу; а потомъ тот же врядникъ тереленский, приехавши с помочниками своими на святои недели в середу, стал ми отповедати и мене з дому выгнал; а после того в тыжден на проводной недели без бытности моей жону мою з дому от всей майности моей выметал. А то ест шкод моих, што там на тот час погинуло: две скрыни великих и з шатами, и платем белым, с полотны и скатертями; к тому цын, мисы, талери и инши рухомии речи; и тамжо в одной скрыни великой была скрынечка моя малая, в той поведает было готовых пенезей осмьдесят коп и полтрети копы гроши; серебра шест гривен, а две ложки сребраных, листы записные и при-

виля в той жо скрынце были; то все на тот час погинуло; в чомъ собе шкоду немалую быти менит; которых всѣх шкод своих реистръ менovите написаный в себе поведаетъ. И просил, абы то было записано; а так я тую жалобу и оповедане его до книг замъковых записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 139 об., № ак. 30.

XXXV.

1561 г. іюля 17. Заявленіе вижа о томъ, что Федора Федоровна ур. княжна Чарторыйская, оставшись вдовою по смерти мужа ея Михаила Свинюсскаго, не позволила нареченному владыкѣ луцкому Марку Журавницкому сдѣлать опись военныхъ орудій и вещей въ замкѣ Свинюсскомъ, вопреки постановленію третейскаго суда.

Замковое вооруженіе составляетъ принадлежность недвижимости.

Року 1561, месяца июля, 17 дня. Казано записати. Присылал до мене Василя Дешковского, на тот часъ на местцу пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, его мл. пан Марко Василевич Жоравницкий, нареченый владыка луцкий и острозский, оповедаючи, иж пани Михайловая Свинюская пани Федора Федоровна княжна Чорторыская, будучи позвана, учинила постановене зо мною около стрелбы, зброи и речей военных, при замку Свинюскомъ лежачихъ, иж их перед вижом замку Луцкого мне, або сыномъ моимъ на реистръ списати и реистръ под печатю своею дати мела; и просил пан Марко о вижа, перед которымъ бы тые речи, яко стрелба, зброи и речи военные в замку Свинюскомъ списаны были. А так я его милости давал на то вижомъ боярина господарского повѣту Луцкого красноселского на имя Юрка, который, у панеи Свинюскои бывши, и оттоля приехавши, передо мною до книг сознал и поведил, иж пан Александро и пан Михайло Жоравницкии, будучи посланы от отца своего его милости пана Марка, приехали до панеи Свинюское до именя Блудова, и будучи у нее,

просили ее милости передо мною вижомъ, иж бы ее милости, водле застановеня и казаня приятелского и обовязку своего, допустила всю стрелбу, зброи и речи военные, в замку Свинюском по небожчику пане Михаиле Свинускомъ зосталые, на реистръ списати, а реистръ списаня тых всих речей под печатю своею и жебы им дала. А так пани Свинюская того позволити и в замку Свинюскомъ яко стрелбы, так и жадных речей списывати допустит не хотела. Которое я сознане вижово и оповедане его милости пана Марка Жоравницкого въ книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 155 об., № ак. 20.

XXXVI.

1561 г. ноября 1. Заявленіе вдовы Михаила Свинусскаго Федоры Федоровны, урожд. кн. Чорторыйской, о полученіи ею отъ Марка Жоравницкаго выкупа за ея вѣно и возвращеніи ею Жоравницкому имѣній Теслугова, Блудова и др.

Року 1561, мѣсяца ноябра, 1 дня. Приехавшы и постановившыся обличне в замку Луцком, ее милост пани Михайловая Михайловича Свинуская Федора Федоровна кнежна Чорторыская а пан Марко его милость Василевич Жоравницкий, восполок и з сынми своими, оповедали мне Борису Ивановичу Сове, подстаростему луцкому, и вызнавали тым обычаем: иж дей што которая вгода застановеня нашого виленского, через приятелей наших з обу сторон за компромисом вчиненая, на рок в листе компромисарскомъ описаный принятая, нынешнего часу припала, тоест мѣсяца ноябра, первого дня, в суботу, которого року мы обоя сторона пилновали, а водле обовязку и застановеня компромисарского, яко нинешнего дня на рок помененый я Михайловая Свинуская тисячу коп грошей личбы литовской сполна от пана Марка Жоравницкого и сынов его милости взяла а именей, которые по смерти небожчика малжонка моего пана Михаила Свинуского, пану Марку Жоравницкому и сыном его милости правом прирожоным спалых, тоест имения Блудова с присел-

ком Десятиною, и к тому замку Теслугова з приселки Крупцом, Борятином, Добрыводою и Пещанкою, пану Марку Жоравницкому и сыном его милости поступила, и вже в тыи именя от нынешнего дня ничим ся вступовати и жадной перерказы чинити не маю; так теж листы, привиля, на имене Блудов, на Теслугов, на Жабокрики и на Крупец прислухаючие, поотдавала. Якож тутже ставши его милост пан Марко Жоравницкий восполок и з сынми своими, очевисто вызнал, иж на рок, зложоный водле выроку компромисарского, тые пенези тисячу коп грошей ее милости панеи Михайловой Свинуской отдал и яко именя вышей помененые, так теж листы и привиля, ку тым именям цриналежачие, до рук своих взяли и во всем томъ ее милост панюю Михайловую Свинускую волною вчинили, и вжо о то вечне молчати мают, и просили, абы то было записано. А так я тое очевистое сознане и доброволное оповедане их милости до книг замковых записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 238, № ак. 2.

XXXVII.

1561 г. ноября 8. Заявленіе вижа о томъ, что при пріемѣ имѣній отъ вдовы Мих. Свинусского Маркомъ Жоравницкимъ, имѣніе Блудовъ оказалось опустошеннымъ (между прочимъ, взяты были священныя вещи изъ церкви Блудовской).

Року 1561, мѣсяца ноябра, осмого дня. Просил мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, нареченый владыка луцкий и острозский его милост пан Марко Василевич Жоравницкий о вижа, при котором бы мел въехати во имене Блудов, што ему пани Михайловая Свинуская року теперешнего шестдесят первого, мѣсяца ноябра, первого дня, водле застановеня и листу компромисарского, поступила; ино я з уряду замку Луцкого давал есми на то вижом служебника моего Карпа Юнковича Гулялницкого, который там

бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною до книг тыми словы сознал: иж его милост пан Марко Жоравницкий, при мне вижу судовом, и маючи при собе людей добрых сторонних, въехал во имене Блудов; ино в дворе Блудовском быдла жадного малого, ни великого, так теж и инших домовых речий ничого не заехал и не застал; к тому теж оказовал ми его милост, иж с церкви Блудовское пани Михайловая Свинуская взяла сосуд церковный сребръный келих, миску, звезду и лыжицу, евангелие с престола сребром оправное, ризы адамашковые, индит адамашковая; з бровара дей взяли котел пивный и кади; с корчмы взяла свѣтлочку, а другую светличку перед лазнею; к тому теж дерева, которого небожчик пан Свинуский на будоване двора тамошнего был наготовал, осмьдесят протесов дерева великого до Свинух вывезти, а з саду щепи яблоней и груш добрих тридцатеро дерева выкопати казала; и то теж его милост поведил иж теперешнего року пани Михайловая Свинуская с подданных Блудовских выряд с каждого чоловѣка по пятнадцати грошей брала, и коней военных четверо а яловиц двох взяла; а службы военное не служила; и иншии дей драпезства чинила и вины непомерные з людей Блудовских брала, чого реистръ, меновите написаный, в себе быти менит. А так я тое вижово сознане до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 242 об., № ак. 8.

XXXVIII.

1561 г. ноября 22. Заявленіе вижа о томъ, что, при пріемѣ отъ вдовы Мих. Свинюсского, Федоры Федоровны (ур. Чорторыйской), кн. Алексан. Буремскимъ, однимъ изъ наслѣдниковъ имѣній покойнаго мужа ея (черезъ годъ по смерти его), эти имѣнія оказались опустошенными.

Року 1561 мѣсяца ноябра, 22 дня. Писал и присылал до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, князь Дмитрий его милость Александрович Буремский, оповедаючи тымъ обычаем: штож дей, з выроку ясневелможного пана его милости пана Миколая Радивила, воеводы виленского, маршалка земского, канслера великого князства Литовского, старосты берестийского и ковелского, державцы борисовского и шовленского, ее милост пани Михайловая Свинюская Федора Федоровна княжна Чорторыская, в год по смерти малжонка своего небожчика пана Михаила Свинуского, мает мнѣ пустити в моц и в держане мое именей моих отчизных, по небожчику пану Свинуском на мене правом моим прирожонымъ спалые, тоест Новоселки и части в Корсове, в Сестрятинѣ, на Змеинцы, в Обзирѣ и в Одрыжине, который дей рок ку поступеню тых именей от панеи Свинюское мнѣ в держанье мое припал мѣсяца ноябра первого дня, в суботу, в року тепере идучом шестдесят первом; и просил мене о вижа, при котором бы до тых имѣней вышей помененых, яко до отчизны своей въехати мел. Ино я з уряду замку Луцкого давал есми его милости вижом служебника моего Ивана Гулялницкого, который виж зъ его милостю князем Буремским, тамъ в тых именях бывши и оттоля приехавши, ставши передо мною до книг тыми словы сознал: иж на рок припалый поступеня именей, тоест ноября первого дня, в суботу, его милост князь Буремский служебника своего Мартинка со мною вижом врядовым и з людми сторонними до ее милости панеи Свинуское з листом врядовым напоминалнымъ посылал, в котором листе пишет, абы пани Свинуская, водле выроку его милости пана воеводы виленского, на тот рок тых именей тоест Новоселок

и части в Корсове, в Сестрятинѣ, на Змеинцы, в Обзире и в Одрыжинѣ князю Буремскому, в држане его ему здала и пустила; и тогож дня в суботу знашли есмо ее милост панюю Свинускую на Кочкаровцы в дворе; тамже тот служебник князя Буремского Мартинко лист навпоминалный панеи Свинуской давал, которого ее милость казавши вычести, ему отдала, а копѣю собе взяла; а потом князь Буремский тогож дня в суботу над вечором, ждавшы панеи Свинюское, або посланца ее, на первей въехал во имене и в двор Новоселки з вижом, от его милости пана воеводы виленского на то князю Буремскому приданным, паном Федором Русином дворенином господарьским, и в том дворе яко самое панеи Свинюское, так врядника, тивона, ключнка, а ни рыкуни и никого есмо не нашли, одно двор пустый, который велми опален и обламан; а печки в светлицах розбиты, въ дверей и в вокон защепки поламаны и побраны; быдла, а никоторых речей, не застали; и в гумнѣ пашне дворное ничого не было; так теж и на поли не засѣяно. Што его милость князь Буремский нами осветчил; а потом зшедшися подданые новоселицкие поведили перед нами, иж дей ее милост пани Свинуская с того двора быдло, всю пашню дворную и иншии каждые речи до имеей своих выпровадила. И там же в Новоселках его милост князь Буремский нам оповедал, иж дей пани Свинуская, вжо после выроку его милости пана воеводы виленского, с того имени Новоселок девяти чоловеков отчизных з быдлом, с пашнями, и зо всими их маетностями выпроводила и за собою во именях своих осадила, которых дворенин господарьский пан Федор Русин на реистры, так теж и вси шкоды от панеи Свинюское тым подданным поделаные, всѐ достаточне а меновите пописал и под печатю своею князю Буремскому дал. А што ся теж дотычет части людей в Корсови и в Сестрятинѣ, тые люди тамжо на тот час до двора Новоселок приходили, бо дей они к тому двору служат. А потом на завтрие в неделю мѣсяца ноябра, второго дня, его мл. князь Буремский въехал во имене Змеинец; там двора на части небожчика пана Михаилла Свинюского

нет; и поведилъ нам князь Буремский, иж в том именю Змеинцы за князя Льва Буремского двор бывал, который дей и за пана Свинуского стоивал: нижли дей потом тот двор со Змеинца на Кочкаровец небожчик пан Свинуский знести казал и тых дей подданых Змеинецкихъ к тому двору Кочкаровскому служити был привернул. И потом в середу мѣсяца ноября, пятого дня, князь Буремский въехал в двор Обзирский, в котором дворе также есмо никого не знашли, ключника, а ни рыкуни не было; двор пустъ стоит; толко есмо там застали шестеро быдла, тоест волов чотыри а яловиц двѣ; а пашни дворное в гумнѣ ничого немаш, и на поли теж не сѣяно. То его милост князь Буремский нами осветчил. А потом в суботу тогож мѣсяца ноября, шостогонадцат дня, князь Буремский въехал в двор Одрижинский, и там в томъ дворе не нашли есмо никого, и врядника от панеи Свинюское не было; быдла а ни пашни в том дворѣ нет, и перед тым дей не бывало, бо тот двор Одрыжинский под Пинском межи реками и болоты топкими стоит; однож дей для переезду на час малый тот двор поставлен; и тыеж подданные Одрыжинские жаловали князю Буремскому при дворянине господарьскомъ и при мне вижу врядовом, иж дей пани Свинуская тых недавных часов и вже перед роком безвинне взяла в нас шестнадцат волов, так теж платы, подачки и повинныи звыклости нашии все сполна в нас выбрала. И то его милост князь Буремский нами осветчил. Которых всих кривдь и шкод, тымъ всим подданным от панее Свинуское поделаных, пан Федор Русин дворенин господарьский все достаточне а менавите на реистръ пописал, а князю Буремскому под печатю своею дал. И просил князь Буремский абы то было записано. А так я тое оповедане князя Буремского и вижово сознане до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 249, № ак. 16.

XXXIX.

1561 г. іюля 22. Вводъ во владѣніе п. Михаила Козинскаго и его жены Маріи Юрьевны Гольшанской имѣніемъ владыки Владимірскаго Десятиною, которое владыка Іосифъ уступилъ Козинскому въ держанье на вѣчность съ обязанностію вносить условленную плату; при этомъ прежній владѣлецъ—слуга владыки Михаилъ Грицковичъ подлежитъ выселенію.

Вѣчное чиншевое право на церковныхъ земляхъ.

Року 1561, месяца июля, 22 дня. Казано записати. Пришедчи перед мене на вряд Василя Дешковского, писара луцкого, зоставеного на местцу пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, виж от мене в небытности на тот час в Луцку, даный на справы его милости пану Михаилу Козинскому, городничому володимерскому, боярин господарский красноселский Михно Павлович очевисте до книг вызнал тыми словы: иж што его милост отец Иосифъ, владыка володимерский и берестейский, имене свое церковное Десятину его милости пану Михаилу Козинскому и малжонце его милости пани Мари Юревне Голшанской в держане на плате врочистом на вечност пустил, а так оногдашнего дей часу месяца июля, двадцат второго дня у вовторок был он в том именю его милости владыки володимерского в Десятине; тамъ же дей перед нимъ служебник его милости отца Иосифа, владыки володимерского и берестейского, Михайло Грицкович, за расказанемъ пана своего, увезалъ пана Михаила Козинского в тое имене у Десетину, которое имене первей боярин владыки его милости Кузма держалъ, тоест у дворец того боярина, у будоване его, и в люди десятинские у чотыри чоловеки поддворищных, а в пятого подсуседка, и в земли их—в поля, в сеножати, в гаи, в заросли, у ставы, и у вес кгрунт того имени Десятины от мала и до велика, яко ся само в собе в обыходех и в пожиткох своих мает, и во всю властност, к тому именю прислухаючую; и списавши

дей тых людей и важност того именя Десятины меновите, якося в границах своих мает, в моцъ и в держане его милости пану Козинскому подал, и тым людем Десятинским от того часу послушным его милости быти росказал. Который дей реестръ так ся в собе мает: тоест на первей дворец того боярина Кузмин,—светлица з сенми, а гридня з сенми, а стайня; люди того именя Десятинского на имя: Мацко Тилкович, Матфей Тилкович, Исай Мишкович, Касян Толстикович; тыи чотыри человѣки каждый по дворищу своему держат; а пятый чоловѣкъ на огороде седит Ленко. Граница того именя Десятинского: почонши от того села Десятины от гребелки именя пана Козинского Бискупицкого униз посеред болота граница идет, держачи землю Десятинскую по правой руце до болота другого, которое идетъ от села Скленя; от того устя уверхъ посередъ болота до гребли Склѣнское— именя его милости пана Требуховского; от тое гребли посеред ставу уверхъ граница идет до дороги и до врочища Межного Пути, где граница прибегла Блудовская именя панеи Свинуское; от того болота и врочища Межного Пути просто тою дорогою через поле утираючи (sic) гаю Десятинского боярина панеи Свинускои Жукова, держачи землю Десятинскую по правой руце, а землю панее Свинуское Десятинскую, што боярин ее Жук держит, по лѣвой руце; аж до тогож села Десятиное граница пришла у болото подле дворища Десятинского Коръмановского до петы, отколесе была первей граница почала. Якож дей на он же часъ перед тымъ жо вижом и служебникъ его милости владыки володимерского Михайло Грицкович зложилъ тому боярину Кузме, за листом его милости владычнимъ пана своего, рокъ певный от дня олторкового месяца июля двадцат второго за чотыри недели, с того именя зо всими статки своими выпровадить, и того именя вже от того часу именя (sic) не вживал. Которого именя и людей Кузма, за листомъ его милости владычным, поступилъ; и тое имене и люди, заразом через него дей и лист его милости отца владычин пану Козинскому и малжонце его милости панеи Мари даны сут. А так я того

вижа врадового достаточне выслухавши, такъ якъ онъ передо мною все то вызналъ, тое сознане его, яко вышей есть описано, до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2035, л. 163, № ак. 33.

XL.

1561 г. сент. 18. Рѣшеніе Луцкаго гродскаго суда по жалобѣ Моисея Мурина Чагадаевича на Луцкаго еврея Хазка Есмановича объ имѣніи Коршовцѣ, находящемся въ заставѣ у послѣдняго (по заставной записи матери Мурина Гапону Григорьевичу, который переуступилъ заставу еврею Есмановичу).

Вопросъ о правѣ матери отдавать имѣніе въ заставу при несовершенолѣтнихъ дѣтяхъ отъ ихъ имени. Передача заставы (еврею) на уменьшенный срокъ. Обязанность передавшаго заставу „заступать“ (въ судѣ) слѣдующаго заставнаго владѣльца.

Року 1561, мѣсяца сентебра, 18 дня. Записъ с книгъ замку господарского Луцкого Гаврила Василезича Бокия, судъи повету Луцъкого а Бориса Ивановича Совы, подстаростего Луцкого, а на тот часъ при нас были их милост княз Василей Солтановичъ Соколский, пан Семен з Брохович Воютинский и пан Иляшъ Богушевич Несвецкий. Смотрели есмо того дела: ставши перед нами очевисто на рок припалый, земенин господарский пан Моисей Мурин Чагадаевич жаловал, водле позву и листу децкого, на подданного кролевского Хазка Есмановича, жида луцкого, о том, штож дей он нет ведома для которое причины имене его отчизное Коршовецъ на себе держит и его вживает, а ему яко отчичу того имени поступити не хочет; абы листы, твердости, право свое, за чимъ тое имене держит, положил. Хазко Есманович, жид места Луцкого, показал и положил перед нами лист заставный на тое имене, и был вычитан, у котором написано, иж Настася Ванковна Вечериная и з сыном своим Мойсеемъ Мурином заставила тое имене Коршовец, с трема чоловѣки, с

полми, и сеножатми и зо всим на все, як ся тое имене здавна само в собе мает, пану Гапону Григоревичу, врянднику водирадскому, у восмидесят копах грошей монеты и личбы литовское на сем год, тоест от року тисечного пятсотного пятдесят девятого от великих запуст, аж до тогож року который запуст великий мает быти в року шестдесят девятом (sic); а естлибы на тот рок того именя в него не окупили, тогды пан Гапон другую сем год держати мает; а они в него без року окупати не мают; и то в листе доложено, иж естлибы пан Гапон потребовал пенези, тогды ему так же волно тое имене Коршовец в той же суме у в осмидесят копах кому хотечи заставит; што ширей а достаточней на том листе записном ест описано. Ку тому теж положил другий лист вызнане пана Гапоново, у котором пан Гапон сам на себе вызнавает, иж тое имене Коршовец в той же суме пенезей у в осмидесят копах заставил Хазку Есмановичу, жиду луцкому, на три годы, тоест от середопостя року шестдесятого аж до тогош року середопостя, которое мает быти в року шестдесят втором; а естлибы на тот рок припалый того именя в него не окупил, тогды Хазко другие три роки держати мел; а Гапон без року в него окупати не мел; и то в листе доложоно, иж Хазко того именя никому иншому заставляти, а ни в руки пущати не мел, одно пану Гапону самому. На то пан Мойсей Мурин поведил; я дей ся к тому листу не знаю и именя есми своего не заставлял и грошей не брал; а естлиже матка моя кому заставила, ино она до того ничого не мела; хотя дей в том листе имя мое написано, але печати моее не маш; а я дей на тот час, кды тот лист справован, и лет своих зуполных еще не мел. Тогды Хазко Есманович тогож часу поставил заводцу своего пана Гапона, которому тутже у права листы право свое подал, и тое имене Коршовец ему поступилъ, хотечи от него пенези свои мети. Пан Гапон Хазка жида заступоват не хотел, поведаючи, иж его о то не позвано, и ку тому дей еще рок водле опису моего не припал; а грошей тепер, чим бых тое имене окупил, не маю. Мы вырозумевши из листа Гапонова, у котором на-

писано, ижбы Хазко того имения никому иншому в руки не пустил, одно самому, казали есмо, абы Гапон тые пенези осьмдесят коп грошей Хазку жиду отдал, которой заплате тых пенезий и рок есмо зложили чотыри недели. Нижли тут же стоячи перед нами Гапон Хазка упросил, иж ему троха далей двема неделями того року помкнул. А пан Мойсей Мурин пана Гапона с права спустити не хотел, вѣдаючи то, иж он оселости своее не мает; топак пан Гапон восполок с паном Мойсеем, не хотечи далей у болшие шкоды и в наклады приходити, тут же у права згодилися приятелским обычаем и заразомъ Гапон того имени Коршовца пану Мойсею Мурину поступил и листы право свое перед нами ему дал; а пан Василей Гулевич, восполок з Мойсеем Мурином, пана Гапона от Хазка жида заступили, што мел ему пенези дати, о то вже его волным учинили; и на том промежку себе застановили, иж пан Василей Гулевич тые пенези осмъдесят коп грошей за тое имене Коршовец Хазку жиду луцкому ест винен и мает дати в замку Луцком от сего дня четверга месяца сентебра осмогонадцат дня за шест недел; а естлибы на тот рок описаный пан Василей Гулевич тых пенезий тут принесши до замку Луцкого Хазку не отдал, тогды Хазко жид того имени зо всим на все уживати мает до тых часов, покол ему пан Василей Гулевичъ тые пенези осмъдесят коп грошей отдаст. А так мы видечи вгоду их приятелскую, иж ся они сами межи собою згодили, и тое имене до рук пана Мойсеевых заразом в держане дошло, положили есмо рок Хазку жиду с того имени вывозитися от сегодня четверга месяца сентебра осмогонадцат дня за чотыри недели; мает он пашню свою и дерево, естлибы што было кром будованя, то мает вывезти; а осели ничого з дворъца рушити не мает; волно ему с того имени до того часу статки, маетности и пашню свою готовую вывозити; а што будет на поли засеяно, вже до того он дела не мает. Которое застановене наше и вгоду их до книг замковых записати есмо казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. 2035, л. 191, № ак. 12.

XLI.

1561 г. дек. 6. Янушъ Прокоповичъ Угриновскій продаетъ свою часть въ имѣніи Михлинѣ кн. Василію и Марку Солтановичамъ Сокольскимъ, будучи принужденъ къ этой продажѣ долгами отца и расходами на снаряженіе себя на службу панамъ.

Мотивировка продажи родового имѣнія.

Лѣта Божего нароженя 1563, месяца августа, 16 дня. В небытности Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, на тот час будучи на местцу его Войтех Красовский, воротный замку Луцкого. Постановившися передо мною очевисто в замку Луцком, земенин господарьский пан Януш Прокопович Угриновский, который тыми словы вызнал и поведил: иж дей будучи мне по смерти отцы (sic) моем зосталомъ в долзехъ великихъ отца своего, и к тому теж служачи мне паномъ з молодости моеи аж и до того часу, а так не маючи мне чимъ долгу отца своего заплатити, так теж и до службъ панов своих выправоватися, абы был ку службамъ ихъ милости чоловекомъ годным, продал есми част именя моего отчизного в Михлине, которое отцу моему по матце его было спало, а на мене водле права прироженого по отцы моемъ было то пришло; которое я маючи в моцы и держаню своемъ, пустил и продал есми то на вечност за певную суму пенезей, тоест за двесте коп грошей личбы литовское, князю Василю а князю Марку Солтановичомъ Соколскимъ, которые пенези от их милости есми вси сполна до рук своихъ вземъши, а оную част именя моего Михлина имъ в держане поступивши, и лист на то вызнаня своего под сведомъемъ и печатми людей добрых ихъ милости есми на то дал, который лист так ся в собе мает.

Я Янушъ Прокопович Угриновский вызнавамъ самъ на себе симъ моимъ листомъ, комуͮбы потреба того ведати, або чтучи его слышати тепер и напотомъ будучимъ, иж мнѣ будучи осталымъ по отцу своемъ въ великих долзехъ, и не маючися чимъ обыйти будучи на службах в панов своих, ко-

торымъ есми служил з молодости летъ своих, абых тымъ годнейшимъ былъ слугою его королевское милости, и на тую потребу свою и на заплату долговъ отца моего част именя моего отчизъного в селе Михлине, материста отца моего небожчика пана Прокопа, на имя дворище Володковское з людми; на немъ живет человекъ тяглый на имя Сен з братомъ своимъ Кузмою, а другое дворище Олифировское, на немъ седит чоловекъ тяглый Мартинъ с чотырма братею своею недѣлно от себе, к тому част пол и сеножатей дворных, и теж част в млыне, в ставех, в гаех, в запустех и все то, як ся тая част моя в собе маеть во именю Михлине зо всимъ повиноватствомъ своимъ, чинши и зо всякими платами, з роботами, вынелом (sic) то на третюю част зо всих именей моих, и тую всю част мою, яко ся вышей написало и поменило, в селе Михлине продал есми князю Василю а князю Марку Солтановичомъ Соколскимъ за двесте копъ грошей литовское личбы, ничого на себе, на жону, дѣти и на потомки свои не оставуючи; але мает его милост князь Василей а кияз Марко тую част мою в селе Михлине вже вѣчне держат и вживат, они сами, дѣти и потомки их; волны их милость будут тую част мою разшират, прибавлят и ведле воли своей куды хотечи оберънут; я сам, жона, дѣти и потомки мои, нихто з близких моихъ и обчих людей, не найдуючи жадных причин, тамъ вже в тую част вступоватся не маем и жадное перекажы не делат в тое имене Михлинъ, жадного вступу и пожитку з нас мети немаемъ. А естлибых я самъ, жона, дети и потомъки мои мѣли якую переказу або вступ в тое имене Михлин их милость князей Соколских чинити, такъ правнымъ обычаем, яко и неправнымъ, тогды маемъ господару королю его милости заплатити заруки триста копъ грошей, а княземъ Соколскимъ другую триста копъ грошей, а заплативши тые заруки, пред ся тот листъ мой при моцы захован быти мает. А тая вся сполна сума пенезей, тоесть двѣсте копъ грошей литовское личбы, от их милости князей Соколскихъ до рукъ моих дошла. И на томъ я князю Василю а князю Марку Солтановичомъ Соколскимъ дал сесь мой лист под моею печатю и

с подписом властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милость князь Матфей Василевич Четвертенский, а пан Гаврило Василевич Бокѣй, судя луцкий, а пан Микита Федорович Сербин, судя луцкий, а панъ Богданъ Иванович Дрозденъский; и их милости просил есми о приложене печатей; их милост на прозбу мою то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Луцку лет Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят первого, месяца декабра, шестого дня.—И просил пан Янушъ Угриновский, абы тое оповедане и доброволное вызнане его так и оный лист до книг было записано, котороеж я оповедане и вызнане доброволное пана Угриновского так и оный листъ вызнаня его слово от слова в книги замковые вписати казал, на што и выпис с книг под печатю моею князю Василю а князю Марку Соколскимъ на то далъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 127 об., № ак. 6.

XLII.

1562 г. іюня 3. Жалоба князей Романа и Ярослава Сангушковичей на подданыхъ Францишка Фалчевскаго изъ имѣнія Козлиничей, которые безправно вторгаются „въ собственныя ихъ—князей земли имѣнія Песочнаго, принадлежащія монастырю Мелецкому“.

Церковныя имущества въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ и отношеніе ихъ къ этимъ послѣднимъ.

Року 1562, месяца июня, 3 дня. В небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, на тот час на местцы его Иван Хребтович Богуринский, писар замку Луцкого. Присылал до мене его милость княз Роман Федорович Сонкгушковичъ, староста житомирский, и з братом своим его милостю князем Ерославом, жалуючи обтяжли(ве) и оповедаючи на подданных пана Фронцышка Фалчевского, державцы Чернчегородского, иж дей люди Козлиницкие въеж-

чають и вступаются во властивый кгрунт ихъ милости именя Песочинского, в Дубнов лес и в востров Замостецкий, кгвалтомъ впираючися, шкоды чинят; а тых дей часов у четвергъ прошлый месяца мая двадцат осмого дня тыеж люди Козлиницкие на имя Мартин Осташевич старец, Ивашко и Еско а Васил Яшковичи, а Петраш Маркович, способившися зо всими людми Козлиницкими, наехавши моцно кгвалтом на влостный кгрунт их милости именя монастыра Мѣлецкого на землю Песочинскую, тивона и людей позбивали, помордовали и поранили, три плуги з железы и з волы побрали, и з людей сермяги и шапки познимали, и сокиры поотнимали, тоест меновите што побрали: с плугами волов двадцат и два, сермягъ девят, шапок девят, сокир девят, хомут ремянный. Якож на обвожене оного кгрунту, где людей Песочинских позбивано и волы побрано, и на огледане людей збитых и пораненых, брали в мене вижом боярина господарьского красносельского Семена Гордуновича, который виж там бывше и оттоля приехавши, ставши передо мною, тыми словы сознал: иж будучи у Песочаном огледал людей збитых и пораненых, и видел тивона песочинского Кузму кийми збитого, раны по телу битые синие; Мица Борсуковича збито, и на нозе левой рана рубаная над котком. А потом отец Серьгий, игумен Милецкий, з людми Песочинскими при мнѣ вижу врядовом и з людми сторонними выежчал там на тот кгрунт Песочинский, где людей збито и побрано, и выехавши от села, якобы чверть мили, знашли есмо на поли людей Козлиницких, на имя Мойсея Ивашковича и з его паробки, оручи плугом землю Песочинскую под Дубновым лесом; тогды тот Мойсий, обачивши нас, побегъ от плуга в лес; а отец игумен пытал паробков его: для чого тую землю орете и поседаете, а ведаючи то иж есмо промежку себе на том зостановили, же тых новин люди Козлиницкие, а ни Песочинскии орати до росправы не мели? Паробки его повѣдили, иж нам врядник наш Козлинецкий росказал тое поле орати; то отец игумен Мелецкий мною вижом врядовым и людми сторонними осветчил и хотячи их милост княз Роман и княз Ерослав о

то мовити, просили, абы то было записано. А так я тую жалобу оповедане их милости и вижово сознане до книг замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2036, л. 112 об., № ак. 8.

XLIII.

1562 г. іюля 5. Жалоба Михаила Ивановича Ощовскаго на Ждана Томковича Копленскаго, который, имѣя въ заставномъ владѣніи людей Ощовскаго, разоряетъ ихъ безправными и чрезмѣрными штрафами, а жена его отказалась принять отъ Ощовскаго деньги за выкупъ имѣнія, вопреки взаимнаго условія между Копленскимъ и Ощовскимъ.

Отношеніе правъ собственника къ правамъ заставнаго владѣльца.

Року 1562, мѣсяца июля, пятого дня. В небытности пана Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, на местцы его Иван Хрибтович Богуринский, писар замку Луцкого. Жаловал и оповедал мне земенин господарьский пан Михайло Ивановича Ощовский на земенина господарьского пана Ждана Томкович Коиленского, ижъ дей он держачи от мене заставнымъ обычаемъ людей моихъ ощовскихъ, беручы з нихъ вины безправные и непомерные, тых подданыхъ моихъ субожил и грабил; а тоест меновите што в кого побрал: на первей у Мишечка вола и сукно муравское, купленое за осмъдесят грошей; у Оверка вола и петнадцат коп пшеницы, и тогож дей Оверка самого у везеню своем держал, который дей в желѣзех во имению его сыпал греблы пят недел, а в Лучки взял коня лепшей чотырох коп; у вдовы Юхновое взял стог жита, в котором дей было тридцать коп; а тыхъ дей часовъ, едучи на службу господарьскую военную, взял у Богданца коня лепшей чотырох копъ; для которых дей кривдъ и безправных грабежов прогнал з Ощова чотырох чоловеков моихъ, подворищных, на имя Лучку, Иванца, Мишечка и Оверка. Ку тому дей, маючи он зо мною промежку себе лист записный, иж на рок припалый, тоест на ден светого Петра року те-

перешнемъ шестдесят второмъ, от мене пенези свои сто и двадцат коп, а особливе за презыскъ десят коп грошей, взяти, а людей моих ощовских мне поступити мел; ино дей я на тот рок описаный, тоест на ден святого Петра, у дворе Коиленском с пѣнязми был и без бытности его оныи пенези, яко за люди свои заставные сто и двадцать копъ, так теж и за того человѣка, которого от мене в презыску мает, десят коп грошей, перед вижом врядовымъ и при людех сторонъ-нихъ в дворе его покладал и людей своих окупал; топак дей пани Коиленъская, не хотячи от мене тых пенезей малжонка своего ста и тридцати копъ грошей взяти, з двора своего Коиленского зъехала, пенезей от мене не брала и людей моихъ ощовских мнѣ не поступила; а черезъ тот рок и до сих часовъ моцно кгвалтомъ тых людей моих в моцы и в послушенстве своем держит, а мнѣ поступити не хочет. И вжо дей по отдаваню оных пенезей по светомъ Петре моцно кгвалтом взяли у Ярмолца коня лепшей чотырох коп. Якож то и виж врядовый боярин господарьский красносел-ский Степан Павлович, ставши передо мною, тымиж словы до книг сознал: иж пан Ощовский при мне вижу врядовомъ и при людехъ сторонъних в дворе пана Коиленского на ден светого Петра в Коилне был и гроши за люди свои ощов-ские покладал; одно ж дей есмо панеи Коиленской в дворе не знашли. И просил пан Ощовский, абы то было записано; а так я тую жалобу оповедане и вижово сознане в книги замковые записати казал.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2036, л. 138 об., № ак. 5.

XLIV.

1562 г. августа 11. Заявленіе королевскаго дворянина И. Б. Несвѣцкаго о томъ, что онъ, исполняя королевское рѣшеніе, хотѣлъ ввести королевскаго мытника еврея Еска Шломича во владѣніе имѣніемъ Луцкой капитулы—Лучичами за неуплату податей, но урядникъ этого имѣнія подяканій Луцкій ксендзъ Томашъ Хоенскій не допустилъ ввода, ссылаясь на то, что это имѣніе дано ему „на содержаніе". Королевскій дворянинъ потомъ самъ „увязался" (ввелъ себя во владѣніе) въ 10 домовъ костельныхъ въ гор. Луцкѣ, но присоединилъ эти дома къ войтовству Луцкому, впредь до рѣшенія короля.

Имущества Луцкой католической кафедры: спеціальное назначеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ; „домъ попа Дмитровского" въ составѣ имѣній католическаго бискупства.

Року 1562, месяца августа, 11 дня. В небытности старосты луцкого, браславского и веницкого князя Богуша Федоровича Корецкого, на местцы его милости в замку Луцком будучый Андрей Иванович Русин, справца староства Луцкого. Пришодчи до мене, дворенин господарьский пан Пляшъ Богушевич Несвецкий оповедал тымъ обычаем: иж дей за росказанемъ и листы его кролевской милости ездил есми з вижомъ врядовымъ до именя костела головного Луцкого светое Тройцы до Лучич, хотячи мытника господарьского Еска Шломича, арандара корчом и солодовней места Луцкого, в тое имене за триста и за двадцат коп грошей, яко в листе господарьскомъ описано и мне росказано, увязати и кгдыжемъ до того именя приехал, и знашодчи тамъ князя Томаша Хоенского, подяканего луцкого, далом ему лист его кролевское милости, иж бы мне во именю костелномъ увязаня допустил и ни в чом, под закладомъ господарьским тисячою коп грошей, мне дворянину господарьскому противен не был; тогды князь подяканый лист его кролевское милости почтиве принял и вычитавши мне его отдал, а копею, с тогож листа списаную, собе взял; и на то ми отповедал: тут поведает, пане дворенине, господарь корол его милость пан нашъ милостивый в листе своемъ господарь-

скомъ не одно до мене самого, але до всих викареев капитулы костела Луцкого писат росказати рачил, што бых мо тобе во именю костелном котором колвекъ за тую шкоду, яко собе тот жид арендар господарьский о нас быти менит, тоест в трехсот и в двадцати копах грошей, увязане допустили и ни в чом противны не были; за правду дей поведамъ иж то ест имене костелное Лучицы, але викариове до него ничого не мают, бо дей то одно мне самому подяканиму на мое выховане тое село дано; я дей с тое причины в том именю Лучицах тобе увязаня не поступлю, боронити буду, и самъ о том до господаря короля его милости, хотячися того справити, без омешканя поеду; а естли дей собе тот арендар якую шкоду от нас быти менит в месте Луцкомъ з домов наших костелных, там же ся в тыи домы увязуите: а я того именя пискупего капитулного, которое мне на выховане до часу, яко врядинку, дано, не поступлю. Я дей, осветчившися вижомъ врядовымъ, ехаломъ с того именя, а зрозумевши то собе я иж ми нигде во именю костелномъ увязаня не поступят, а постерегаючи в том росказаня господарьского и шкоды арандаровы, приехавши тут до места Луцкого с тымже вижомъ врядовымъ, увязался есми за тую суму тоест за триста и за двадцат коп грошей в десят домов костелных. А тоест тыи именя меновите названыи: дом Кузмы Ганчина, домъ Еска Кишчин, дом Яна Полончин, дом Кожковое, дом Кравца Олекшого, домъ Ивана Ножчин, дом Кошкодавовский, дом попа Дмитровского, дом Нагончого Михна, дом Сенка Кравцов. И скоро по увязаню тогож часу заразом тые вси десят домов привернул есми и в моц подал ку войтовству луцкому до науки господарьской. Якож то и виж врядовый боярин господарьский красноселский Ждан Павлович, ставши передо мною, тымиж словы сознал. И просил пан Иляш Несвецкий, дворенин господарьский, абы то было записано; а так я тое оповедане его и вижово сознане в книги замковыи записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2036, л. 165, № ак. 11.

XLV.

1562 г. августа 3. Урядники имѣній князей Жеславскихъ заявляютъ, что они всѣ, согласившись со всѣми подданными князей Жеславскихъ, избрали себѣ „опекуномъ и оборонцою“ кн. Конст. Кон. Острожскаго впредь до совершеннолѣтія пановъ своихъ—кн. Жеславскихъ.

Избраніе опекуна надъ имѣніями малолѣтнихъ владѣльцевъ урядниками и крестьянами этихъ имѣній.

Року 1562, месяца августа, 3 дня. В небытности старосты луцкого, браславского и виницкого князя Богуша Федоровича Корецкого, на местцы его милости Андрей Иванович Русин, справца староства Луцкого. Пришодчи и постановившися облично в замку Луцком передо мною, пан Михайло Добрицкий, врядник верховский княжат их милости Жеславских, оповедал сам от себе именем своим, так теж и имены товаришов своих, за моцю зуполною, на листех описаную, врядника жеславского пана Гаврила Вербовецкого а врядника почапецкого, милятинского, и черноховского пана Матфея Артюховича, иж они вси одностайно а неотменно, так оден, яко и другий, зо всими подданными княжат Жеславских згодившися, взяли собе за опекуна и оборонцу аж до лет княжат Жеславских, панов своих, его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводу киевского, маршалка земли Волынское, старосту володимерского, яко кревного а повиноватого ихъ милости; а не будучи никгды ничим не примушоны а ни припужоны, одно сами по доброй воли своей его милости князю Костентину, воеводе киевскому в моц и в послушенство ся поддали и вси замки и дворы и именя, и што колвек от мала и до велика у рукахъ а шафованю ихъ было, то все достатечне перед вижом вряду здешнего бояриномъ господарьским красноселским Юрьком, который тое передо мною на вряде очевисто зознал, и за ведомостю людей добрых, на реистра списавши, под печатми своими тые реистра на вряде передо мною служебнику его

милости князя Костентина, воеводы киевского, пану Якубу Мошенскому до рук его влостных отдал; и просил мене пан Мошенский за то, иже бых до тых реистров печат свою приложил и то до книг замковых записати казал. А так я за прозбою пана Мошенского до трех реистров, на которых списаны вси замки и дворы и именя княжат Жаславских, печат свою приложил и тое очевистое зознане и оповедане врядника верховъского пана Михаила Добрицкого и товарышов его, врядников княжат ихъ милости Жеславских, через писане листового зознаня и вижово теж зознане, до книгъ замковых записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2036, л. 158 об., № ак. 2.

XLVI.

1562 г. мая 7. Заставная „подъ страченьемъ“ Федора Бѣлинскаго Станиславу Граевскому на 6 волокъ въ Любинѣ.

Сдѣлка, допущенная Статутомъ, но на практикѣ встрѣчающаяся весьма рѣдко.

Я Федоръ Олехновичъ Белинскій, земенинъ повѣту Луцкого, вызнаваю сам, на себе тымъ моим листом, кому потреба его будет читати, або чтучи его слышати, штож ку пилнои а великои потребы своеи позычилом у пана Станислава Кграевского рукоданыхъ а готовых пенезей тридцат и шест коп, грошей, личбы и монеты великого князства Литовского, личечи по десяти пенезей у грош, в которои суме пенезей заставую и поступую его милости пану Кграевскому, або на кого моц свою злецит, шест волок во именю моем в Любине; мает его милость тую шест волок кгрунту пред него проробле용 казати отмерити, где ся его милости подобати будетъ або кому поручитъ, в одном местцы до рукъ своихъ приняти и вживати до году; а што в оном году новин прокопаетъ, то я по выштю оного году, отдаючи оную тридцат

шест коп грошей, буду винен сам, або потомки мои, або в кого маетность моя будетъ, подле шацунку людей добрыхъ, отдати и заплатити кром жадное отволоки, не вынайдуючи собе никоторыхъ причинъ; а по животе моем потомки мои жадное вымовы, а ни обороны, толко тому постановеню моему чинити во всем досыт, яко ся тут добрым розмыслом описую, а от трудностей вшелаких яко од судед, так теж естли бы ся ку тому хто припытывати мел, о трудность пана Кграевского приправуючи, буду винен, так потомкове мои и в кого бы маетность моя в руках была, боронити и ослобожати своимъ властным коштомъ, а войну буду винен заступовати и потомки мои; а панъ Кграевский вже не маетъ на то накладати, а ни серебщины будет винен давати и всих повинностей земских, которые бы потом прибавлены были, я сам заступовати на тую шест волок маю; и што збудует став або сажавки заставит, тогды я и потомки мои, выкупуючи тые волоки, маемо накладъ увес его милости отложити водле слушныхъ реестров, што тое коштовати будет и шлушный шацунокъ на тое покажет; а паша на быдло в оном именю моем, во всем Любине, так и дерево до будованя волно будетъ пану Кграевскому, або кому поручитъ. А кгды оный год выйдетъ, яко од теперешних святков, в року тепер идучом шестдесят второмъ, аж до других святковъ, которые будут в року шестдесят третим, а если быx и в другий год не отдал грошей, тогды панъ Кграевский маетъ держати до третего году; а по выштю оных трох годъ, если быx я, або потомки мои, тых грошей тридцати коп и шести коп грошей не отдали, тогды вже пан Кграевский тую шест волок вечно маетъ держати, а я сам и потомки мои тых грошеи маемо вечне молчати, и тую шест волок будем винни завести и записати на вечность водле права посполитого и статуту земского, абы то пану Кграевскому вечно и далей. А в держаню и в уживаню оных шест волок через три годы, естли бы ся якая шкода в оном именю от его милости, або кому поручил, стала, тогды я того и потомки мои и в кого маетность моя в руках будетъ поискивати, а ни зъ оных грошей от-

тручати не маемо, такъ и жадную теж шкоду и трудность за симъ упевненем моимъ, штобых был винен нагородити, кром жадного доводу прийти не мает; а пашню, которую посеет, то есть яко жита и ярины, хотя бых мо гроши отдали, мает волно яко свое властное пожати и в целости зобрати, и ку своему пожитку обернути. А межи роков тых шесты волок жадным обычаем окуповати не маемо, толко на первый рок, на святки; а от мене и потомков моих, его самого або кому поручитъ, або въ кого сей мой лист будет, жадная трудность потыкати не мает; а естли бых в тую шест волок увязаня доброволного подати не мелъ, або не поступил и всих обовязок от наболшое до наменшое верху описаных не выдержал, тогды я сам, або потомки мои, або в кого маетность моя будетъ, винни будем королю, его милости заплатити заруки сто коп грошей, а пану Кграевскому осмъдесят коп грошей, а шкоды и наклады або трудности, еслибы для насъ якие утерпети мел, на словное речене его самого, або в кого листъ мой будет, кром жадное присяги будемо винни нагородити и заплатити, з местца не ступуючи у кождого права и на том же именю, то все врядовне зыщоно и отправлено быти маетъ; и толко разов, колко быхмо с того запису нашого выступити мели, толко крот в заруки попадати маемо; а заплативши оные вси заруки, так шкоды яко и наклады, яко выше описано, пред ся тот запис у кождого права при моцы зоставленый быти мает; а тых шести волок его милость пан Кграевский мает волно вживати, розширяти, и и вси пожитки ку своему лепшому оборочати; а жадному за тое ничого не мает быти повинен; якож для лепшое певности, хотечи тое тым моцнеи здержати, печать свою приложилом, а за прозбою и чоломбитемъ моим, его милость панъ Мартинъ Кграевский, войский дорогицкий, староста мѣлечицкий, а панъ Иван Борзобогатый ключник, городничий, мостовничий и войтъ луцкий, а панъ Янъ Витвинский, конюший его милости пана воеводы виленского и далей печати свои приложили ку тому моему листу, который я пану Станиславу Кграевскому на себе даю. Писан у Вилни лѣта

Божого нароженя тисяча пят сот шестдесят второго месяца мая семого дня. И просил пан Федор Белинский, абы то было записано; а так я тое очевистое оповедане доброволное сознане и лист его записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 50.

XLVII.

1563 г. мар. 18. Сложная сдѣлка: передача права выкупа заставы и условная запродажная запись отъ Фед. Бѣлинскаго Станиславу Граевскому.

Я Федоръ Белинский, земенин повету Луцкого, вызнаваю сим моим листом, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати сесь час и напотом, иж будучи потребен на службу военную ку выправе, а видячи срокгое росказане господаръское, абы вси ехали на войну, позычил есми на панъцыри, на прилбыци, на кони и на инший статок военный, у пана Станислава Кграевского тридцати и пяти коп грошей, личбы и монеты великого князства Литовского, личачи по десяти пенезей у грошъ; ку тому упросил есми пана Станислава Кграевского и даломъ ему зуполную моц окупити остров земли своей Любинское у пана Ванка Бѣлостоцкого з Любитова, у двадцати копах грошей Литовских, маючи от него незносные кривды и спустошене во всем именю моем Любинскомъ, што его милость на прозбу мою вчинилъ и тот остров окупил; у которых пенезех, яко у тридцати и пяти копах грошей, описую тот остров, што был у заставе в пана Ванка Белостоцкого, также на томъ острове вже пан Кграевский пятдесят и пят коп грошей литовскихъ мает, который остров врочищом зовут Коросно, а речка Коростанка делит тот остров и з землею владыки володимерскаго Воронинскую; которые пенези пятдесят и пят коп грошей литовских буду виненъ заплатити пану Кграевскому, або в кого сесь лист будет, на пришлое Божое на-

рожене, которое свято будет в року теперешнемъ шестдесятъ третемъ; которую землю вже заразом пану Кграевскому поступую в тыхъ пенезехъ аж до оного року Божого нароженя, коли тую пятдесят и пят копъ грошей литовских пану Кграевскому отдамъ; а естли бых на тот рок и часъ пану Кграевскому тых пенезей не отдал, тогды мает пан Кграевский держати год отъ году то есть, от Божого нароженя до другого Божого нароженя, также и далей рок за роком идучи; а межи годов не маю я сам, а ни потомкове мои окупати; с которое земли буду повинен я сам и потомкове мои войну заслуговати, а пан Кграевский вже не мает на то накладати; и вси повинности земские, которые бы потом прибавлены были, я сам и дети мои заступовати маем. Маетъ его милость пан Кграевский тот островъ земли держати и вживати зо всими пожитками, што одно на тои земли есть, з лесами, з дубровами, з деревом бортным, яко своего властного вживати, пожитки и всякие доходы, которые бы одно мог собе вынайти и множити; а если бы в лесех на тои земли робота в товарох лесных выроблена была, тогды будет волно пану Кграевскому, або в кого сес лист будет, тое вывозити, хотя бых и гроши его отложил; а што в оном держаню того острова новин прикопает, то я отдаючи гроши и выкупуючи тот остров, буду винен сам, або потомкове мои, подле шацунку людей добрых, отдати и заплатити, кром жадное отволоки а ни обороны, одно так, яко люди добрыи ошацуют; а збоже, которое бы его милость за держаня своего на тои земли мел посеяное на зиму мает, будет его милости волно, хотя бых и гроши его милости отдал, пожати, и там же, на том кгрунте поставити и до рук своих доброволне взяти; а естли бых был потребен грошей тогды того именя своего Любина не маю никому продати на вечность а ни заставою заводити, одно тым листом своим застановляю и певное постановене чиню в том именю своем Любине каждую волоку маю пустити на вечность по чотырнадцати коп грошей литовских пану Станиславу Кграевскому, а ни кому иншому, и хотя бых кому иному продал або завел, тогды

тое не мает моцно поити жадному, гдыжъ пан Кграевский отдавши по чотырнадцати коп грошей близший до того, а тое сумы, которую бых мо дал, не на тои земли, але на особе моей мает поискивати, а я вже сам и потомкове мои волны не маем быти в жадном загоне земли своее в Любине продати, або заставляти, кром воли и ведомости пана Кграевского; а кгды тое имене вже все мне пан Кграевский будет платити, тогды в тот час я сам, або потомкове мои, маемо описы свои с паном Кграевским поделати и пописати, водле обычаю права посполитого и статуту земского. Ку тому тую десят волок, которую есми описал зятю своему Яну Тупичовскому по дочце своеи у посагу, волно будет пану Кграевскому, чотириста золотых полских отдавши, оную десят волок взяти и вечне держати; а еслибых кому иному продати або заставити мел, або якую переказу в спокойном держаню оного остова (sic) пану Кграевскому, або в кого сес лист будет, чинил я сам, або потомкове мои, тогды заруки заплатити господару королю его милости маю пятсот коп грошей, а стороне пану Кграевскому триста коп грошей, и толко разов, колко бых ся того важил с того постановеня и опису выступити, за каждым разом в тые заруки упасти маю, которые кром жадного милосердъя, где мя застанут с тым листом, был бых винен платити, не вступуючи в жадное право, одно ся истячи, если бы маетности не стало, на особе моей того доходити маетъ, уморяючи всѣ першие записы и последные, хотя бых съ ким учинил, вже тому запису моему ничого шкодити не мает, и вже тым листомъ своим такие записы в нивечь оборочаю; а заплативши тые заруки вышепомененые, тогды сесь мой лист в кождого права при моцы мает быти зоставлен. А при том были и того добре сведоми их милость зацне врожоныи панове: его милость пан Михайло Тихнович Козинский, городничий и подстаростий володимерский, а пан Фронтишек Фалчевский, князь Дмитрий Андреевич Козѣка, а панъ Петръ Костюшковичъ Хоболтовский; и просил есми их милосты о приложене печати, и их милость на мою прозбу то вчинили и печати свои приложили къ сему моему листу;

а для лепшого сведомя и твердости сего моего листа и я сам печат свою приложил и руку свою властную подписал. Писан у Володимери, лет Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят третего, месяца марца, осмогонадцат дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 52.

XLVIII.

1563 г. сентября 22. Передача имѣнія Михнова и Лысой-Горы отъ заставнаго владѣльца Васка Куриловича — купца Львовскаго Михаилу Еловичу Малинскому. Означенное имѣніе было заставлено Куриловичу собственникомъ его кн. Янушемъ Заславскимъ, по смерти котораго опекунъ его дѣтей кн. К. К. Острожскій, не желая выкупать его, позволяетъ Куриловичу перезаставить.

Передача заставы. Тюремное заключеніе за долги съ женою.

Лѣт Божего нароженя 1563, мѣсяца сентебра, 26 дня. Пришодчи и постановившися очевисто в замку Луцкомъ передо мною Войтех(омъ) Красовскимъ, на тот часъ будучымъ подстаростимъ луцкимъ, пан Васко Курилович, купец места Львовского, оповедалъ, сознал тымъ обычаемъ: иж што дей князь Януш Кузминич Жеславский небожчикъ остал ми винен певного долгу готовыхъ позычоныхъ пенезей тисячу копъ грошей личбы и монеты великого князьства Литовского, у которой суме пенезей в тых тисячи копахъ грошей водлугъ листу князя Януша Жеславского и выпису врядового, што княз Януш Жеславский очевисто тут на вряде в замку Луцкомъ вызнал, иж ми на рокъ описаный тых пенезей тисячы коп грошей не отдал, держалъ есми в той суме имене князя Жеславского Михново и приселокъ Лысую Гору з дворомъ, з людми, з ставы, з млыны, и зо всякими пожитки малыми и великими, чого есми немалый часъ в спокойном держаню былъ; нижли тепери будучи я пилно потребнымъ грошей, бомъ самъ людемъ должонъ, и для тое причины заставил есми тое имене Михново и приселок Лысую Гору зо всимъ

на все, ничого тамъ на себе не оставуючи, одно так, якомъ самъ держал, в той же суме пенезей в тисячи ко(па)х грошей личбы литовское его милости пану Михаилу Еловичу Малинскому, целнику земли Волынское, на штом его милости листъ небожчика князя Януша Жеславского, выпис врядовый, лист его кролевское милости, лист увяжчый и о всю справу свою на то в себе маючую пану Михаилу Еловичу Малинскому отдал и спустил; и на то еще дал есми его милости лист мой под печатю моею с подписомъ руки своее и под печатми людей зацных, в которомъ ширей а достаточней тая справа ест описана. Якож и лист свой, на то от себе его милости пану Михаилу Еловичу Малинскому даный, передо мною на вряде покладал и был вычитан с початку аж до конца. Который лист так ся в собе мает:

Я Василей Курилович, купец лвовский, ознаймую то симъ моимъ листом кому будет потреба того вѣдати сес час а напотом завжды, што небожчик князь Януш Кузминич Жеславский зостал мне винен тисечу коп грошей литовских, на штож и лист свой записный мне дал, хотячи на рокъ описаный тую суму пенезей мне заплатити; а естлибы на рокъ описаный тое сумы не отдал, обезуючи в той суме имене свое двор Михнов—пашню дворную, поля, и сеножати, люди с повинностями ихъ, став, млын, и приселокъ Михновский Лысую Гору—также люди, поля, сеножати, став, млын, и всякие пожитки мне поступити описал; а естлибы на рокъ описаны яко сумы тое тисячи коп грошей не отдал, або именя Михнова и Лысое Горы мне не поступил, вливши на себе заруку господарю королю его милости тисячу коп грошей, а мне дру(гу)ю тисячу коп грошей заруки, и вси шкоды и наклады без жадного права и доводу заплатити, яко ширей в томъ описе князя Януша Жеславского ест ознаймено и на вряде господаръском луцкомъ то записано; якож князь Януш Жеславский тое тисячи коп грошей на рокъ мне не отдавши, а чиначи опису своему досыт, вряднику своему жеславскому пану Гаврилу Вербовецкому росказал, абыхъ я через того врядника его милости в двор Михновский и в

Лысую Гору и во вси пожитки въехалъ. Гдеж пан Вербовицкий, за росказанемъ князя Жеславского, двор Михновский и Лысую Гору зо всими пожитки малыми и великими мне поступилъ и в держане подал перед вижомъ замку господарьского Кремянецкого; которых имеией я спокойно презъ часъ не малый держал и вживал: топак в рыхломъ часе князь Янушъ Жеславский с того свѣта зшолъ; а по зыштью его воевода киевский, маршалок Волынское земли, староста володимерский его милост князь Костентинъ Костентинович Острожский, будучи опекуномъ дѣтей и имеией князя Жеславского, тое имене Михново и Лысую Гору зо всими пожитки в мене моцно отняти росказати рачил, о чомъ я господарю королю его милости жаловалъ и лист записный его милости князя Януша Жеславского и все застановене его перед его кролевскою милостью показовалъ; господарь корол его милость, выслухавши тое всее справы, лист свой господарьский под заруками росказати дати и дворянина своего господарьского пана Ивана Бурого послати до воеводы киевского, маршалка Волынское земли, старосты володимерского князя Костентина Костентиновича Острозского, абы его милост за тое имене Михново и Лысую Гору тую тисячу коп грошей мне отдалъ, або тых имеией зо всими пожитки мне навернути, а за шкоды, во именях поделаныи, заплатити росказати рачилъ; а е(с)тлибъ водле росказаня господарьского его милост князь воевода тых имеией зо всимъ не поступилъ и пенезей не отдал, тогды томуж дворянину своему пану Ивану Бурому его кролевская милост росказати рачилъ, моцно тыи именя от его милости вземши, мне подати. И за писанемъ и росказанемъ господарьскимъ, его милост кияз Костентин, воевода киевский, тое имене Михновъ и Лысую Гору зо всими пожитки, через служебника своего пана Якуба Мошенского, мне поступилъ, и тот дворенин господарьский увязал и в моц и держане подал. Чогомъ я в спокойномъ держаню час немалый былъ; одиож по нещастю моемъ, пришодчи мне у великий впадокъ и недостатокъ для долговъ моихъ, которимися есми для небожчика князя Януша Же-

славского, доставаючи на потребу его милости пене зей, за должилъ, в которых долгохъ маетност моя вся, которуюмъ мел во Львове, в заставе есть, и сам и з жоною своею для тыхъ долговъ свободен не будучи и везене для нихъ восполокъ и з жоною своею там же вы Львове подыймуючи; а хотячи ся з жоною и маетностю своею от тых долговъ высвободити, просилъ есми яснеосвецоного а велможного княжати его ми лости князя Костентина Костентиновича Острожского, воеводы киевского, яко опекуна прироженого детокъ и именей его милости князя Януша Жеславского, абы ми его милост тую суму пенезей тисячу копъ грошей литовские личбы, которы есми небожчикъ князь Янушъ Жеславский на Михнове и Лысой Горе за записомъ своимъ во вряде Луцкомъ вызнаныхъ, уистилъ и записалъ, за которым записомъ небожчика князя Жеславского а за листом увяжчим господарьскимъ тое (и)мене Михновъ и Лысую Гору до рукъ своихъ взялъ. А так его милость князь воевода никоторыхъ пенезей, з ыменей Жеславскихъ взятыхъ, в себе быти не повѣдил, а своих теж властныхъ, огледаючися и потребуючи ихъ на службу господарьскую речи посполитое, дати не хотѣлъ; нижли за прозбою моею его милост князь Костентин через лист свой отвороный дозволити мне рачил, жебых имене Михновъ и Лысую Гору для пилное а наглое потр(еб)ы моее кому иному в той же суме пенезей в тисячи копах грошей заставилъ. Я не могучи ни в кого иного тых пенезей достати, просил есми его милости пана Михаила Еловича Малинского, мытника Волынское земли, абы его милост, бачечи на мою великую впадлост и потребу а на тое имене Михновъ и Лысую Гору тую тисячу копъ грошей литовскихъ позычилъ, а тыи именя зо всимъ правомъ моимъ до рукъ своих взял; якож его милост панъ Михайло Елович Малинский, ужалившися так великого впадку и недостатку моего, мне тисячу коп грошей литовское личбы готовыми грошми позычити рачил, в которых пенезех тисячи копах грошей я Васко Курилович заставил есми тое имене Михнов и Лысую Гору з дворомъ, с пашнею дворною, з слугами и

людми, з ставы, з млыны, з гумны, и зо всякими пожитками, ничого на себе и на дети князя Януша Жеславского не оставуючи, с тоюж обороною и обовязками и заруками, которые мне в листе записномъ от князя Януша Жеславского належали, и зо всимъ правомъ своимъ его милости пану Михаилу Еловичу Малинскому, мытнику Волынское земли, в моц подалъ; и мает его милост пан Малинский Михново и Лысую Гору зо всими пожитки самъ и с потомками своими в той тисячи копах грошей литовскихъ держати и вживати, ставы спускати, и гумна молотити, ку своему лепшому оборочати до тыхъ часовъ, поки дети князя Жеславского, доросши лет своих, его милости пану Малинскому, або потомкомъ его милости тую суму пенезей заплатят. А естлибы што в тых именях с причины або пригоды ушкодило, тогды дети князя Жеславского, доросши лет и отдавши тисячу коп грошей, не мают никоторыхъ речей, а ни шкод на его милости пану Малинскомъ поискивати и ку праву позывати, и никоторое трудности задавати, але вечное молчане мети мают; а где бы дети князя Жеславского, не дошодчи лет, або в тыхъ летехъ опекунове, близкие и кровные их о тыи именя пана Михаила Малинского до права позывати и ку шкоде и накладомъ приводити або и кгвалтовне з моцы его выняти хотели, тогды повинни будут заруки, в листе князя Януша Жеславского описаные, господару королю его милости тисечу копъ грошей, а пану Малинскому другую тисечу копъ грошей заруки заплатити, а за шкоды и наклады, безъ жадного права и доводу, одно на слово досыт вчинити мают; а заплативши заруки господару и пану Малинскому и за шкоды и наклады на слово досыт вчинивши, пред ся пан Малинский Михново и Лысую Гору, водле сего опису моего, держати маетъ до того часу, нимъ дети князя Януша Жеславского, дорошши лет своих, тую тисечу коп грошей его милости пану Малинскому сполна заплатити и отдадутъ; якожъ водле обычаю права поступуючи, лист князя Януша Жеславского, и выписъ вряду Луцкого, и лист господарьский увяжчий и вьвяжчий лист, и реистръ и листъ дозволный

князя Костентина его милости, воеводы киевъского, его милости пану Михаилу Еловичу Малинскому при семъ листе моемъ в руки подалъ, водле которыхъ листовъ мает его милост пан Малинский во всемъ поступовати и того именя в держаню быти, яко я самъ властне держал и вживалъ. И на то есми пану Михаилу его милости Еловичу Малинскому далъ сесь мой лист под моею печатю и с подписомъ руки моее властное. Ино то все зляне и спущене того права, пану Михаилу Малинскому прислухаючие, на вряде замку господарьскомъ Луцкого оповедал, и в книги записати прохалом. А при томъ были и того добре сведомы их милост: пан Ярофей Гостский, пан Андрей Бабинский, пан Левъ Вилгорский, которыи за прозбою моею печати свои к сему листу моему приложити рачили. Писан в Луцку лѣта Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят третего, месяца сентебра, двадцат второго дня.—И просил пан Васко Куриловичъ купец места Лвовского, абы то было записано. А так я тое очевистое оповедане доброволное сознанъе и лист его вызнаный слово от слова съ початку аж до конъца в книги замковые записати казал, с которыхъ и выпис под печатю моею его милостю панъ Михайло Еловичъ Малиньский собе на то взялъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 161 об. № ак. 31.

XLIX.

1563 г. іюня 18. Заставная запись Михаила Степановича Болгарина зятю его Ивану Сошенскому на полтора человѣка въ имѣніи Новгородчичахъ.

Року 1563, месеца июня 21 дня. Присылал до мене Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, земенин господарьский пан Михайло Степанович Болгарин служебника своего Стася з листом своим, оповедаючи и вызнаваючи, иж заставил пану Ивану Сошенскому зятю своему в пятинадцати копах грошей личбы литовское част свою материстую у селѣ

Новгородчичах полтора чоловека с платы, з доходы, зъ их повинностями, с полми, и сеножатми, и зо всими пожитками, так потому, яко ся тая част здавна сама в собе, в пожиткох и обыходех своих мает, ничого там с тое части на себе не оставуючи, што ширей а достаточней на листе его вызнаном ест доложоно и описано. Якож и лист свой вызнаный под печатю с подписом властное руки своей и под печатми людей добрых, на то от себе пану Ивану Сошенскому даный, до мене на врад замку господарьского Луцкого присылал и был вычитан с початку аж до конца, который лист так ся в собе мает:

Я Михайло Степанович Болгаринович вызнавам тымъ листом моим самъ на себе, ижем для великои а пилное потребы моее позычил в зятя моего пана Ивана Ивановича Сошенского пятнадцат коп грошей монеты литовское, личачи по десяти пенезей в грош, в которых заставилом его милости част мою во именю нашом Новгородчичах полтора чоловѣка с полми, з сеножатми и зо всими припадки, яко ся тая част моя в собе мает, которая в том имени Новгородчичах от брати и от сестръ моих правом прирожоным на мене припасти мает, которых у в отдѣле до дѣлу вечного вживамъ; а перед дѣлом делу вечном до тых часов, поки его милости тые вышей писаныи пенези отдам, мает его мл. тых полтора чоловека зо вшисткими пожитки держати и их уживати, поки его милости тые пенези отдам; а я сам водле того опису моего жадное переказы ему чинити и того опису моего нарушати не маю; а чого Боже вховай на мене часу смертелного, тогды жадные с повиноватых моих, жона и дети мои, естли их буду мети, жадное переказы в том чинити и того запису моего ни в чомъ нарушити, не отдавши тых пенезей, не мают. А естли бых я сам, або повиноватый мой, або теж жона и дети мои якую колвекъ переказу в той части моей Новгородчичах, которую я ему заставил, тот запис мой нарушати мел, тогды я самъ, абы хто бы то вчинил, буде повинен на замок господарьский Луцкий пятдесят коп грошей, а зятю моему пану Ивану Сошенскому другую пятдесят коп

грошей заплатити, шкоды и наклады, естли бы правдуючися зо мною о том што наложити мел, водле реченя слова его милости, нагорожати буду. А для лепшое ведомости и доданя веры просилом его милости пана Григоря Олексеевича Мощеницкого, а пана Федора Караевского, а пана Федора Вербовецкого о приложене печатей; их милости, на мою прозбу то вчинивши, печати свои к сему моему листу приложити рачили. И на том его милости сес мой лист под моим сыкнетом и с подписю властное руки моей дан и писан у Мощеницы року тисяча пятсот шестдесят третего, месяца июня осмогонадцат дня. А за писанемъ листу своего пан Михайло Степанович Болгарин просил, абы то было записано; а так я тое очевистое оповедане, доброволное сознане и лист его вызнаный слово от слова с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2037, л. 93 № ак. 26.

L.

1565 г. февр. 12. Передача евреемъ Хазкомъ Есмановичомъ с. Подгаецъ, которымъ онъ владѣлъ по заставной записи Ивана Подоленина Красносельскаго, кн. Андрею Михайловичу Сангушку, бывшему старостѣ луцкому, въ заставу.

Еврейское землевладѣніе.

Лѣта Божего нароженя 1565 року, месяца февраля 12 дня. Пришодчи и постановившися очевисто в замку Луцкомъ передо мною Андрѣемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ луцкимъ, подданый господарьский на имя Хазко Есманович, жид мѣста Луцкого, оповедал и тыми словы сознал: иж мел в держаню своем село Подгайцы от пана Ивана Подоленина Красноселского за листомъ его у тридцати копах грошей личбы литовское, и засъ тое имене Подгайцы в той же суме пенезей небожчику князю Андрѣю Михайловичу Санъкгушку, старосте луцкому бывшому, в тридцати копахъ

грошей заставил и в держане его милости пустил; при которамъ сознаню его на тот час были при мнѣ люди зацные панъ Михайло Игнатович Джуса, дворенинъ его кролевское милости, а панъ Войтехъ Красовский, воротный замку луцкого, тамже в тот час будучи пан Роман Иванович Красноселский, то осветчивши, просил абы то было записано; а так я тое очевистое оповедане и доброволное сознанъе Хазково в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2039, л 33 об., № ак. 16.

LI.

1564 г. апрѣля 21. Заставная запись Богдана Олехновича Кнегининскаго еврею Хазку Есмановичу на имѣніе Кнегининъ въ 190 копахъ грошей на 4 года, съ продолженіемъ заставного владѣнія на новые 4-хлѣтніе сроки въ случаѣ неуплаты, съ оговоркою, что заставной владѣлецъ не отвѣчаетъ за уходъ крестьянъ и имѣетъ право требовать вознагражденіе за улучшенія, а также освобождается отъ военной службы съ этого имѣнія, каковую долженъ отправлять самъ собственникъ.

Еврейское землевладѣніе.

Лѣт Божего нароженя 1564, месяца июля 21 дня. Пришодчи и постановившися очевисто в замку господарьскомъ Луцкомъ передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростим луцкимъ, земенинъ господарьский пан Богдан Олехновичъ Кнегининский оповедал и созналъ тымъ обычаемъ: иж дей я для великое а пилное потребы своее позычил есми в пана Хазка Есмановича, жида луцкого, на выкуплене именя своего Кнегининского двесте копъ без десети копъ грошей личбы литовское, личачи в грошъ по десяти пенезей белых, и выкупивши имене свое в пана Ивана Линевского и в жоны его, за се тоеж имене свое Кнегинин заставил есми пану Хазку Есмановичу въ той суйме (sic) вышей помененой, тоест у двохсот копахъ грошей литовскихъ без десяти копъ з людми, зъ их чиншами, с податками, з ро-

ботами, с полми, и сеножатми дворными, зо млыномъ, и з ставомъ у своей половине и зо всимъ на все, ничого тамъ на себе не оставуючи; которое имене мое Кнегинин мает пан Хазко Есманович спокойне держати и вживати от часу теперешънего, тоест от року шестдесят четвертого месяца апреля двадцат второго дня, до чотырох год; а естлибых я на тот рокъ описаный в чотырох лѣтех тое сумы пенезей двухсот копъ без десети коп грошей пану Хазку не отдал и̂ того именя своего не выкупил, тогды он мает тое имене мое держати до других чотырохъ роковъ; а я без року окуповати не маю; а будет ли пану Хазьку пилная потреба пенезей, тогды ему волно есть тое имене мое в той же суме пенезей в двохсотъ копах грошей без десяти коп кому хотечи заставити, што ширей а достаточней на листе моемъ вызнаномъ ест описано. Якожъ и лист свой, под печатми людей зацныхъ и под печатю своею на то от себе Хазку Есмановичу, жиду луцкому, даный, передо мною на вряде покладал, просечи абы былъ вычитан и в книги замъковые записан, который лист такся в собе мает:

Я Богдан Кнегининский вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листом, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати, иж которое имене мое Кнегинин заставил есми былъ у суме пенезей пану Андрею Ивановичу Копытовскому, топак онъ тое имене мое супокойне держал до живота своего, а по смерти его пришло до рукъ жоны его панеи Мари Балбасовъны в держане; топакъ она с тымъ именемъ моимъ шла замуж за его милость пана Ивана Василевича Линевского, и в держаню и вживаню супокойнымъ з мужомъ своимъ была; а будучи кривды такъ от мужа еи, яко и от самой подданымъ моим были деланы, топак я обочаючи то не хотел есми тых кривдъ и жалюв, которыеся мне и подданнымъ моим деяли, от их милости терпети, и взял есми у пана Хазка Есмановича, жида луцкого, купца господарьского, двесте копъ литовских без десяти копъ, личачи по десяти белыхъ у грошъ, а выкупилъ есми тое имене мое Кнегинин у пана Ивана Линевского и у жоны его; и заставил есми тоеж имене

мое Кнегинин пану Хазку Есмановичу в суме вышей описаной, тоест у двохсот копах литовскихъ без десяти копъ, ничого на себе не зоставуючи, со всимъ на въсе, со млыномъ, и ставомъ у своей половине, с полми, и сеножатми дворными, и с подданными своими, и зъ их чиншами, и податками, и з роботами, такъ яко мне самому давали и робили; а мает его милость пан Хазко имене мое вышей описаное супокойне держати и вживати от того року шестдесят четвертого месяца апреля двадцат первого дня до чотырох год; а естлибы ми пан Богъ допоможе его милости тую суму пенезей отдати, тогды мает пан Хазко свои пенези от мене взяти, а мне за ся именя моего поступити; паклиж бых его милости на тотъ рокъ вышей описаный двесте копъ литовских без десяти копъ не отдал, тогды мает от тогож року другии чотыри годы держати, и въживати аж до зуполного выплаченя приреченои сумы; которую суму пенезей маю его милости заплатити не жадными фантами, але готовыми грошми; а еслибы пану Хазку была якая пилная пенезей потреба, тогды волно будет имене мое заставити у той же суме пѣнезей, кому буде хотел, а в кого будет тот лист мой в руках, тогды тот мает имене мое держати, або суму пѣнезей ему отдати маю; а (е)стлибы за держаня пана Хазкова которы с подданых моихъ втеклъ, тогды а ни я сам, а ни брат мой, а ни жаден з близких мо(и)х не мамыся на немъ доискивати; але пред ся мает имене мое Кнегинин держати до зуполное заплаты; естлибы теж пан Хазко на будоване, або на усыпане и на поправлене гребли, и на млина будоване мел што наложит, тогды его милост што наложити (sic), маю все заплатити кром жадного доводу, одно на приреченъе слова его милости. К тому теж мает тотъ млин и став, который засыплет, держати до чотырох год; а четвертого году мает на него спуст прийти, и тот став собе ку своему пожитку спустити мает; а сам не маю ездити, а ни посылати на став ловити. Теж от войны его милости заступую, але я сам службу земскую маю служити и на войну ездити. А маю тое приехавши до замку господарского Луцкого вызнати перед

врядомъ и до книг замковых записати; а естлибых мел того листу моего в чом отступити, або его нарушити, тогды маю заруки заплатити на замок господарьский Луцкий сто коп, а пану Хазку Есмановичу вси шкоды и наклады заплатити маю без жадного доводу, одно на приречене слова его милости. А при том были и того добре сведоми люди добрыи верыгодны их милости панове тоест: его милост княз Дмитръ Александрович Буремский, пан Щасный Кгесинский, пан Федор Русин, писар замку Луцкого, пан Богдан Смыковский. И просил есми их милости о приложене печатей к сему моему листу; их милости на прозбу мою рачили то вчинити и печати свои к сему моему листу приложити рачили. А для лепшого того листу моего потверженя, и сам печат свою приложил есми. Писан у Буремли лет Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят четвертого, месяца апреля двадцат первого дня. А так я тое очевистое оповедане доброволное сознане и лист пана Богданов Олехновича Кнегининского в книги замковые записати казал и выпис с книг под печатю моей Хазку Есмановичу, жиду луцкому, на то дал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2038, л. 149 об., № ак. 44.

LII.

1564 г. іюля 8. Дарственная Өедора Аник. Бѣлинскаго зятю и дочери Тупичовскимъ на 13 волокъ въ им. Любинѣ; при этомъ даръ не опредѣляется, какъ 1/3 имѣній, а дѣлается ссылка на то, что „станъ шляхетскій маетностію своею шафовати есть воленъ“ (и это за два года до Брестского сейма).

Дарственная мужу и женѣ (хотя въ дальнѣйшемъ изложеніи акта упоминается одинъ мужъ, какъ одаряемый).

Лета Божого нароженя 1570, месяца генвара 18 дня. Пришедши и постановившися очевисто в замку господарскомъ Луцком на рокох земских судовых, от дня трех кролей свята римского зачатых, передо мною Гавриломъ Василе-

вичом Бокеем, судьею, а мною Остафъем Соколским, подсудком, врядниками земскими повету Луцкого, земенин господарский панъ Ян Тупячовъский оповедалъ: иж цей тесть мой панъ Федоръ Оникеевич Белинский далъ, даровал на вечность мне и жоне моей, а дочце своей, Раине вы именью своемъ Любине трынадцать волок, отмероныхъ на вси тры поля, такъ яко ся въ собе мають, и теж все право свое на тую трынадцать волок на мене влил и даровалъ, и на то лист свой, под печатью своею и теж под печатми людей зацных, мне давши, то на вряде кгродском замку господарского Луцкого оповедал и в книги кгродские оный лист свой записал, где то все есть своим положенем достаточне описано; с которых кгды и выпис пан Тупачовский одержавши, а поступуючи и заховываючыся в томъ ведле права посполитого и статуту земского и уфалъ соймовыхъ, тут до земъства переносить и оный же то выпис кгродский зъ уписаньем того листу, от пана Федора Белинского ему на тую трынадцат волок даного, перед нами судомъ панъ Ян покладал, просечы, абы вычитанъ и въ книги справъ земских обычаем перенесенья уписанъ был; которого мы огледавъши, перед собою вычитати казали, и такъ ся в собе маеть:

Выпис с книг кгродских замъку господарского Луцького лет Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят осмого, месеца ноября осмогонадцат дня. Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его королевское милости в замку Луцкомъ передо мною Петром Хомяком, подстаростимъ луцкимъ, земенин господарский пан Федор Оникиевич Белинский оповедал и тыми словы доброволне сознал: иж дей я видячи великую склонност а зычливую приязнъ и послуги ку собе зятя своего пана Ява Тупичовскаго, к тому теж вѣдаючи то добре, иж кождый стан шъляхетский властностю своею шафовати ест волно, протож я не зъ жадного принуженя, а ни зъ людское намовы, одно сам по своей доброй воли, даю, дарую и записую ему зятеви своему пану Яну Тупичовскому и жонѣ его, а дочце своей, Раине во именю своем Любини тринадцат волок отмероных и на вси три поля

так, яко ся сами в собѣ мают, ничого на себе, на жону и на сыны свои не оставуючы; якож и право свое, которое есми на то мел, вжо есми на зятя своего влил и вливам, и листы тые, которыемъ на то мел, ему есми дал; мает зят мой пан Янъ Тупичовский тую тринадцат волок отмероных у Любини вѣчъными часы держати и вживати он самъ, жона его а дочка моя Раина, дети и потомки его; на што дей есми зятю своему пану Тупичовскому и лист свой вызнаный под печатью своею и под печатми людей зацныхъ дал, в которомъ ширей а достаточне ест описано и доложоно. Который лист пан Федор Белинский передо мною на вряде покладал просячи, абы был вычитан и в книги кгродские записан. Который лист так ся въ собѣ мает:

Я Федор Оникеевич Белинский вызваваю сам на себе тым моимъ листом, кому того будет потреба ведати, або чтучи его слышати, иж я, видечи великую склонност а зычливую приязнъ и послуги ку собѣ зятя своего пана Яна Тупичовского, к тому теж ведаючи то добре, иж кождый стан шляхетский властностю своею шафовати ест воленъ, протож я не з жадного припуженя а ни з людское намовы, одно сам по своей доброй воли, даю, дарую и записую ему зятеви своему пану Яну Тупичовскому, жоне его, а дочце своей Раине вы именю своем Любини тринадцат волокъ отмероных на вси три поля, так яко ся сами въ собѣ мают, ничого на себе, на жону и на сыны свои не оставуючи. Якож и право свое, которое есми на то мел, вже есми на зятя своего влил и вливам и листы тые, которыем на то мел, ему есми дал; мает зят мой панъ Янъ Тупичовский тую тринадцат волокъ отмероных у Любини вечъными часы держати и вживати, он самъ, жона его, а дочка моя Раина, дети, и потомки его; и волно будет тую тринадцат волокъ, от мене ему на вечност записаную, кому хотечи отдати, даровати, на церковъ отказати и записати, и ку своему налепъшому а пожиточнейшому оборочати, и тым яко влостную отчизну свою шафовати; а я вже самъ, жона, дети и потомки мои жадными причинами в то ся уступовати, того искати и жадное переказы

в томъ чинити не маем; естлиж бых я самъ, жона, дети и потомки, албо хто мел з близких, кровных и повиноватых моих якими колвек причинами в тую тринадцатъ волокъ вступовати ся и о то его ку праву притегати мели, тогды маем заруки заплатити господару королю его милости сто коп грошей, пану Яну Тупичовскому другую сто копъ грошей, к тому вси шкоды и наклады, кромъ жадного права и доводу, толко на речене слова его платити маемъ; а заплативши оную заруку, так теж за шкоды и наклады его досыт вчинивши, пред ся тые трынадцат волокъ пан Ян Тупичовъ(ский) мает держати и вживати вѣчъными часы, он самъ, жона, дети и потомки его. И на то есми дал зятю своему пану Яну Тупичовскому сес мой лист под моею печатю. А при томъ были и того добре свидоми и за прозбою моею устъною печати свои к сему моему листу приложити рачили их мл. пан Александро Богданович Семашъко, пан Семен Хрыбтович Богурынский, а пан Федор Маскович Хомяк. Писанъ в Любини, лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят четвертого, месяца июля, осмого дня.

А так я тое очевистое оповедане доброволное сознанъе и лист пана Федора Белинского записный слово от слова с початку аж до конъца в книги кгродские записати казал и выписъ с книг под печатю моею пану Яну Тупичовскому на то дал. Писан в Луцку; в небытности писаря кгродского, Петръ Хомѣкъ. Котороеж то оповеданье пана Тупичевского и тотъ выпис с книг кгродских зъ уписаньем того листу пана Федора Белинского до книгъ справ земъских записати казали, тоест обычаемъ перенесенья. С которых и выпис под печатьми нашими панъ Янъ Тупичовский собе на то взялъ. Писанъ в Луцку.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2094, л. 119, № ак. 62.

LIII.

1564 г. окт. 6. Дарственная кн. Александра Өедоровича Чорторыйскаго слугѣ (не шляхтичу) его Якубу Казновскому на имѣніе Жолудско (35 дворищъ) на правѣ полной собственности (съ перечисленіемъ крестьянъ).

Образованіе шляхетскаго владѣнія изъ дара слугѣ.

Року 1568, месяца сентебра, 16 дня. Ставши очевисто в замку Луцкомъ передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ луцкимъ, велможный князь его милость князь Олександро Федорович Чорторыский, воевода волынский, оповедалъ и тыми словы до книг кгродскихъ волне сознал: иж дей дознавши я еще з молодых лет службы и захование верного противку себе служебника своего Якуба Казновского, и хотечи оному з ласки своей за то досыт учинити, даю, дарую на вечност ему, от сына и потомства своего, село своее (sic) в повети Луцкомъ меншее Жалудско, впускаючи в третюю част всих именей своих, з людми тяглыми, которых естъ дворищъ тридцат пят, зо всими их повинностями и пожитки, с полми, зъ сеножатми, зъ гаи, з дубровами, с проробками, зъ ставы и з ставищами, з млыны и зъ ихъ вымелъками, з даню медовою и грошовою, и зо всими пожитки и доходы, якимъ колвекъ именем названы и наменованны быти могут; якож и лист свой вызнаны под печатю и с подписомъ руки своее, тому служебнику своему Якубу Казновскому на то даный, передо мною на вряде его милости князь воевода покладал, просечи, абы был вычитан и в книги кгродские записан. Который лист так ся в собе мает:

Я Александръ Федорович Чорторыский вызнаваю тым моимъ листомъ, кому потреба будет ведати, нинешнемъ и напотомъ будучымъ, иж познавши еще з молодых лет службъ и захованя верного противку себе служебника своего Якуба Казъновского . . . . онуму (sic) з ласки моее за то досыть учинити . . . .
листомъ моимъ записую вечне от . . . .
своего село мое в повѣте Луцкомъ меншее Жалудско, впу-

скаючи в третюю част всих именей моих, з людми тяглымѝ, которых ест дворищъ тридцат пят на имя . . . .

. . . . Ждан Охремевич, ...

. . . . Юскович, Васко Мохнович, Андрей зъ сынми, ... з сынми

. . . . Охремъ Андреевич, Кузма Мартинович, Матефецъ и з сынми, Данилец и зъ сынми, Хома зъ сынми, Нестер Мисцевич, Якимецъ Пузейкович, Федец Нестерович, Пилипецъ Опанасович, Ходорецъ Сенкович, Мартинец Микитич, Олексеецъ Борисович, Борис Степанович, Радка Якимович, Трохим Радивонович, Игнат з сынми, Сац Борисович, Ивко Андреевич, Иванец Кондюкович, Наско Микитич, Сенец Дмитрович, Олексѣй Давыдовичъ,—зо всими ихъ повинностями и пожитки, с полми, зъ (се)ножатми, зъ гаи, з дубровами, съ проробками, зъ ставы и з ставищами, з млыны и з ихъ вымелъки, з даню медовою и грошовою, и зо всими пожитки и доходы, якимъ колвекъ именемъ названы, або менованы быти могут; волен он вже от того часу тое село отдати, продати, даровати, заменити и водлуг воли своее шафовати; которое я зо всею владностю, собе и потомкомъ своимъ належачою, з моцы своее упущамъ. Якож давши ему тот мой листъ на то под печатю моею и с подписомъ властное руки моее, от даты того листу моего в моц и в держане его поступил; а потом водлуг права и статуту посполитого до вряду замку Луцкого сознал и в книги записати дал. Писан у Чорторыску, лѣта Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят четвертого, месяца октебра, шостого дня. Александръ влостною руку подписал.

А так я тое очевистое оповеданъе доброволное . . .

. . . . его милости князя Александра Чорторыского, воеводы волынского, вес с початку аж до конца до книг кгродских записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2042, л. 319, № ак. 338.

LIV.

1564 г. ноября 2. Заставная запись кн. Романа Федоровича Сангушка служебнику его Яну Хрустицкому на имѣніе Мыслины въ 400-хъ копахъ грошей (застава установляется безъ срока, впредь до выплаты суммы; Хрустицкій обязанъ съ этого имѣнія служить военную службу при Сангушкѣ).

Служебное землевладѣніе подъ формою заставы.

Року 1564, месяца ноябра, 6 дня. Ставши очевисто на вряде господарьскомъ в замку Луцкомъ, его милост князь Роман Федорович Санкгушко, староста житомирский, оповедал мне Андрею Ивановичу Русину, подстаростему луцкому, сознаваючи тым обычаемъ: иж дей для великое а пилное потребы своее взял и позычил есми у служебника своего Яна Хрустицкого чотыриста коп грошей личбы литовское, и в тыхъ чотырохсот копах грошей заставилом ему имене мое отчизное Мыслины, которое именъе мое в той суме вышей помененной он самъ, жона и дети его мают держати и вживати до тых часов, поколе я ему тую суму пенезей сполна отдам, што ширей а достаточней на листе моемъ вызнаномъ ест описано, якож и лист свой вызнаный, властного рукописаня своего, под печатю своею, служебнику своему Яну Хрустицкому на то даный, передо мною на вряде показовал, жедаючи, абы был вычитан и в книги замковые записан; который лист такъ ся въ собе маеть:

Я Роман Федорович Санкгушко, староста житомирский, явно чиню кождому симъ моимъ листом, иж позычил есми ку моей пилной потребе у служебника своего Яна Хрустицкого чотыриста копъ грошей литовскихъ, у которых чотырохъсот копах грошей заставил есми ему имене мое отчизное на имя Мыслины, которое он имене мое у той суме он самъ, жона и дети его мает держати и вживати, покул я ему тую суму пенезей отдамъ; а естлижебымъ я з допущеня Божого смерть принялъ, тогды жона и дети мои, не отдавши ему тых чотырехсот копъ, того имени моего отчизного з рук его брати

не мают; такъ теж естлибы и на того служебника моего смертъ пан Бог допустил, тогды дѣти пана Хрустицкого, служебника моего, мают тое имене мое Мыслины держати и вживати, покол я имъ тую суму пенезей заплачу; а не заплативши, я самъ, або дети мои того имени Мыслина ему самому и дѣтем его брати не маю, едножe то собе зоставую, иж он самъ и дети его, держачи тое имене мое Мыслин, мает службу военъную земскую с того имени служити при мне, пану своемъ, у почте моемъ. И на томъ служебнику моему Яну Хрустицкому дал сес мой листъ под моею печатю и писаня руки моее. Дан у Серникахъ, лета Бо(ж)его нарожени тисеча пятсот шестдесят четвертого, месяца ноябра, четвертого дня.

А так я тое очевистое оповедане доброволное сознане и листъ его милости князя Романовъ, старосты житомирского, слово от слова с початку аж до конъца в книги замковые записати казал и выпис с книг под печатю моею пану Яну Хрустицкому на то далъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2038, л. 248 об., № ак. 6.

LV.

1565 г. января 19. Заставная запись кн. Василія Солтановича Сокольскаго Θедорѣ Андреевнѣ Богушевой-Боговитиновой на людей его имѣнія Михлина въ количествѣ 10 дворищъ, съ перечисленіемъ слѣдуемыхъ съ нихъ работъ и платежей.

Точное опредѣленіе правъ на крестьянъ, передаваемыхъ заставному владѣльцу.

Року 1565, месяца генвара, двадцатого дня. Пришодчи и постановившися очевисто на вряде его кролевское милости въ замку Луцкомъ передо мною Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростимъ луцкимъ, князь Василей его милость Солтанович Сoколский оповедел и сознал тыми словы: иж дей для великих, пилных а долеглыхъ потребъ своих, а звлаща выправуючися на послугу его кролевское милости,

позычил есми у ее милости панее Богушовое Боговитиновича, подъскарбиное земское, маршалковое и писаровое короля его милости, панеи Федоры Андреевны Санкгушковича ста коп грошей личбы литовское, в которой суме пенезей в тых сту копах грошей заставил есми ее милости люди именя моего Михлинского десяти чоловеков на зуполных дворищахъ, с платы, з доходы, с подачками, з роботами, и зъ их повиноватствы до середопостя близко прошлого, которое будеть в року теперешнем шестдесят пятом. А естлибыхъ я на тот рокъ помененый о середопостью близко пришломъ тых людей своихъ михлинских десяти чоловековъ, в листе моемъ меновите описаных, не выкупил, а оных ста коп грошей личбы литовское ее милости не отдал, тогды ее милост пани Богушовая маеть тых людей моихъ держати от року до року, тоест от середопостя до середопостья; а я безъ року и промежку роковъ не маю тых людей моихъ выкуповати и жадное перекazы чинити; што ширей а достаточней на листе моемъ вызнаномъ ест описано. Якож и лист свой подъ печатю и с подписом властное руки своее и под печатми людей зацных, на то от себе ее милости панеи Богушевой даный, передо мною на вряде покладал, просячы, абы был вычитан и в книги замковые записан. Который лист так ся въ собе мает:

Я Василей Солтанович Соколский вызнаваю самъ на себе симъ моим листом, иж есми позычил ку своей пилной, а великой и долеглой потребе, а зъвлаща выправуючися на послугу короля его милости, въ ее милости панее Богушовое Боговитиновича, подскарбиное земское, маршалковое и писаровое кроля его милости, в панеи Федоры Андреевны Санкгушковича ста коп грошей личбы литовское, в которой суме пенезей заставил есми люди именя моего Михлинского, на имя: Ивана Тронича, Мацка Товныгу, Яцыну Кулевича, Романа Мацковича, Васка Онацковича, Васка Клишевича, Дениса Волила, Яцка Борисовича, Левка Гринчуковича, Яцыну Василковича,—десят службъ зуполных; которые люди тые есть повинни ден в день нд роботу ити; и подачки в год давати каждый з них по осми мац овса, а по возу сена, по

шести грошей, по трое кур, а по десятку прядива. И зо всим с тым мает ее милост держати тые люди мои и вживати и ими росказывати, платы, доходы и роботы на себе брати и през жадное перекацы и забороны ажъ до року певного, тоестъ до середопустъя свята теперешнего, которое мает быти в року нинешнемъ шестдесят пятомъ; а гдебых я на тот рок вышей менованый на середопостю тыхъ людей не выкупил, ее милости пенезей не отдал, тогды ее милость мает держати тые люди мои вышей поме(не)ные зъ их землями и повинностями рок до року; а без року окуповати и з моцы выймовати и держаня ее милости окуповат не маю. А гдебы брат мой князь Марко, або жона моя Ганна, або хто колвек мелъ бы ее милости в томъ якую перекацу чинить, або з моцы и держаня ее милости выймовати, тогды я маю в кождого права заводит и очищат; а я самъ, жона, брат, кревные и повинные мои вже в тые люди жадными причинами уступоват и тых людей, не отдавши сумы пенезей выше помененое ста коп грошей, з моцы и держаня ее милости выймоват не маемъ, хотябы теж Пан Бог на мене час смертелный перепустил, тогды брат, жона моя и повинные мои также тых людей, не отдавши тои сумы пенезей, отнимати не мают, аж на рок помененый выкупит; а естлибых я самъ, жона и братъ мои, тогды повинни будомъ господарю королю его милости заплатити заруки сто копъ грошей, а ее милости другую сто коп грошей, шкоды и наклады ее милости на слово приреченя, кромъ жадного права, заплатит; а заплативши пред ся тот лист мой в кождого права при моцы захован быти мает. А гдебы теж за держаня ее милости який чоловек проч пошол, тогды я на ее милости того поискивати не маю. А штося дотычет подачокъ с тыхъ людей вышей мененыхъ, ино ужо сего году в осен тыи подачки на них выбраны; але иж на пришлую осен повинни будут они тыи подачки дат. И на томъ ее милости дал сесь мой лист под моею печатю и с подписю влостъное руки моее. А при томъ были и того добре свѣдоми его милость отец Иона архимандрыт жидичинский, а князь Якуб Матфее-

вич Четвертенский, а пан Иляшъ Богушевич Несвецкий, дворанин господаря короля его милости, которых есми просил о приложеня печатей; их милость на прозбу мою то учинили и печати свои приложили к сему моему листу. Писан у Луцку, лѣта Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят пятого, месяца генвара, девятогонадцат дня. Я Василей Солтанович Соколский властную руку подписал.

А так я тое очевистое оповедане и доброволное сознане и лист князя Василя Солтановича Соколского вызнаный слово от слова с початку аж до конца в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2039, л. 16, № ак. 25.

LVI.

1565 г. іюня 15. Заставная запись кн. Льва Александровича Сангушка-Кошерскаго еврею Батку Мисановичу и сыну его Мошкѣ на два имѣнія: Мѣзовъ (Кошерской волости) и Смолеву (Перемильской) въ суммѣ 716 копъ грошей. Право заставы этихъ имѣній возникаетъ для кредиторовъ въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, причемъ долгъ увеличивается вдвое.

Еврейское землевладѣніе.

Лѣт Божого нароженя 1565, месяца июня 16 дня. Пришодши и постановившися очевисте на вряде господарьском замку Луцкомъ передо мною Андреемъ Ивановичом Русиномъ, подстаростимъ луцким, его милость князь Лев Александрович Санкгушковича Кошерский оповедал и доброволнетыми словы сознал: иж для великое а пилное потребы свое, выправуючися ку двору его королевское милости, так теж и на службу господарьскую земскую военную, взял и позычил у пана Батка Мисановича и в сына его Мошка, жидов мѣста Луцкого, семсотъ коп и шестнадъцат коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личачи в грош по десяти пѣнезей бѣлых, которые пенези тую семсот коп и шестнадцат коп грошей личбы литовское маю и винен буду имъ на рок

певный нигде инде, одно тут же в замку господарьском Луцком, отдати, тоест на ден Божего пароженя свята пришлого в року тепер идучом тисяча пятсот шестдесят пятомъ, не вымовляючися форобою, ни службою господарьскою, земскою военъною, а ни соймом валнымъ и не закрываючися в томъ жадными причинами правными и неправными; а естлибых я на тот рок описаный пану Батку Мисановичу, абы сыну его Мошку, тое сумы пѣнезей семисоть коп и шестинадцати коп грошей личбы литовское в замку Луцкомъ не отдал и хотя намней чим колвек того року описаного похибил, тогды буду повинен имъ тую суму пенезей совито платити и грош грошемъ навязати, тоест чотырнадцат сот копъ тридцат и двѣ копи грошей личбы литовское дати; на што и лист есми свой вызнаный под моею печатю с подписомъ властное руки моее и теж под печатми зацных людей им далъ, в котором ширей а достаточней есть описано и доложоно. Якож и лист вызнаный передо мною на вряде покладал, просячи, абы тот лист был вычитан и в книги замковые записан. Который лист его милости князя Львов так ся в собе маеть:

Я Лев Александрович Санкгушковича Кошерский чиню явно и сознаваю симъ моим листомъ кождому в обец, кому одно того была потреба ведати, албо чтучи, его слышати, нинешнимъ и напотом завжды будучимъ, иж для великое а пилное потребы своее, выправуючися до двору его королевское милости, так теж и на службу господарьскую земскую военную, взял и позычил есми у пана Батка Мисановича и в сына его Мошка, жидов места Луцкого, семъсотъ коп и шестнадцат коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личачи в грош по десяти пѣнезей белых; которые пенези тую семъсот и шестнадцат коп грошей личбы литовское маю и винен буду имъ на рок певный и нигде индей, одно тут же в замку господарьском Луцкомъ, отдати, тоест на ден Божего нароженя свята пришлого в року тепере идучомъ тисяча пятсот шестдесят пятомъ, не вымовляючися форобою, ни службою господарьскою, земскою, военною, а ни соймом валнымъ, и не закрываючися в томъ

жадными причинами правными и неправными; а естлибыхъ я на тот рок описаный пану Батку Мисановичу, або сыну его Мошку тое сумы пенезей семисот и шестинадцати копъ грошей личбы литовское в замку Луцкомъ не отдалъ, и хотя намней чимъ колвекъ того року описаного похибил, тогды буду повинен имъ тую суму пенезей совито платити и гърош грошемъ навезати, тоест чотырнадцат сот копъ, тридцат коп и двэ копе грошей личбы литовское дати. А во всей той суме пенезей, яко у в ыстизне так и в совитости, волно имъ будет самымъ так теж и тому, въ кого на он час сес мой лист будет, з вижомъ врядовымъ во две именя мои, тоест во имене Кошерское Мѣзов, а в другое имене Перемилское Смолеву, увезатися и то держати и зо всимъ на все уживати; а я самъ, и его милост князь отец мой, а нихто з близских и кровных моих того увязованя и уживаня имъ самым, а ни тому, в кого на он часъ сес лист мой будет, забороняти не маемъ. А естлибых я самъ, або отец мой, або хтож колвекъ з близских и кровных моихъ тое сумы вышей менованое на тот рокъ описаный имъ не отдали, тых именей моихъ Мѣзова и Смолевы в моц и держане ихъ самыхъ, або и тому, в кого на он час сес мой лист будеть, не поступили, и того увязованя сами през себе, через врядников, бояр, слуг и подданных своихъ, так теж и през обчих людей заборонили, албо и по ввязованю в тося вступовати и им за держаня их в чомъ колвекъ якую переказу чинити, або тые именя в них кгвалтомъ отыймовати мели,—тогды буду винен заруки платити господару королю его милости две тисячи коп грошей, а пану Батку Мисановичу и сыну его Мошку, або тому, в кого на он час сес мой листъ будет, тисячу копъ грошей, к тому вси шкоды и наклады их, естлибы они на томъ правуючися зо мною, або с которым близкимъ моимъ, што собе шкодовати мели, кромъ жадного права и доводу, толко наречене слова, ихъ оферовати и досыт чинити; а заплативши тые заруки господарю королю его милости и стороне, так теж за шкоды и за вси наклады стороне досыт вчи(ни)вши, пред ся имъ ест и будет волно за

симъ листомъ моимъ з вижомъ врядовым в тые имена мои Мѣзов и Съмолеву увезатися и ввязавшися мают они тые именя мои з людми, зъ ихъ роботами, с повинностми, с платы, з доходы, с пашнями дворными, в гумнех стоячими и на полях засеяными, с полми, сеножатми, з ставы, з млыны, и зо всякими пожитки малыми и великими, яко колвекъ меноваными, албо назваными, держати и вживати так зо всимъ и по тому, яко ся тые именя мои сами в собе, в пожитках, в границахъ и обыходехъ своих мают, от року до року, тоесть от Божего нароженя до Божего нароженя; а я самъ, ни его милость отец мой, а нихто з близкихъ и кровных моихъ тых именей моихъ Мѣзова и Смолева, в которые ся они увяжут, без року и промежку роков в нихъ окуповати и ничим ся в то вступовати, а никоторое переказы сами через себе, врядников, бояр, слуг, и подданных своихъ в томъ имъ за держаня их чинити не маемъ до тыхъ часов, поколся имъ от мене албо от близких моихъ за истизну, за совитост, так теж за вси шкоды и наклады ихъ, досыт станет. А с тыхъ именей моих Мѣзова и Смолевы, в которые ся увяжут, не они, толъко я сам, або близские и кровные мои повинни будемъ за держаня их службу господарьскую и земскую военную служити и заступовати. А была бы им пилная потреба пенезей, тогды имъ волно будет тыежъ именя мои Мѣзовъ и Смелеву, в которые ся они увяжут, в той суме пенезей в ыстизне, в совитости, в шкодах, и в накладехъ своих, кому хотячи, буд князю, буд пану, або которому купцу от себе заставити, а право свое симъ моимъ листомъ на него влити и тые мои именя вышей менованые в держане его пустити и поступити; а я самъ, и его милость отец мой, а нихто з близких и кровных моих того имъ жадными причинами забороняти не моем под таковымиж заруками, яко есть вышей в семъ моем листе описано, не беручи и не вынайдуючи собе на то жадныхъ причин, одно во всемъ противко имъ самымъ и на противко тому, в кого сес мой лист будетъ, водле сего опису моего, поступовати и захowыватися маю, ничим сего листу моего не нарушаючи, але и овшемъ его перед кождымъ

правомъ во всихъ артыкулех, в немъ описаных, при моцы зоставуючи, полнити маю. А естлибы теж с тых именей моих, в которые ся они увяжут, за держаня ихъ самых, або и того, хто от нихъ тые именя мои за сим листомъ моим держати будет, люди проч розышлися, або якое знищене от татар и теж кгвалту, або грабежа от панов заграничныхъ и от когож колъвекъ тымъ именямъ моим стали, того я самъ, а ни отец мой, и нихто з близкихъ и кровныхъ моих на них самых, на потомъкох ихъ и на тыхъ, хтобы от них тые именя мои держал, вечне поисковати а ни ся о то впоминати будемъ, але вже о то вечные часы молчати маемъ; якож есми то на вряде господарьскомъ в замку Луцкомъ очевисто оповедал, до книг замковыхъ сознавши записати дал, и выписъ с книгъ под печатю врядовою они собе на то взяли; и на то есми пану Батку Мисановичу и сыну его Мошку, жидомъ луцкимъ, дал сес мой лист под моею печатю и подписом властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми их милост князь Остафей Василевич Соколский, подсудокъ земский повету Луцкого, панъ Иван Петрович Чаплич Шпановский, пан Федор Иванович Русин, писар замку Луцкого, а пан Андрей Свищовский, которыи за прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан в Луцку, лета Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят пятого року, месяца июня пятогонадцат дня.

А так я тое очевистое оповедане и доброволное сознане и лист его милости князя Лва Александровича Санкгушковича Кошерского слово от слова с початку аж до конца до книг замковыхъ записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2039, л. 156 об., № ак. 35.

LVII.

1565 г. іюля 21. Грамота короля Сигизмунда-Августа, которою король утверждаетъ за Филономъ Кмитою право на имѣніе Метейковщину, купленное дядею его Крыштофомъ Кмитою у подданнаго господарскаго Богдана Петровича Ласка, близъ Овруча.

Подтвержденіе королемъ сдѣлки, по которой тяглый человѣкъ продалъ свою землю шляхтичу, вопреки запрещенію отчужденія тяглыхъ земель. Но подтвержденіе дано уже тогда, когда имѣніе перешло въ третьи руки путемъ наслѣдства.

Жикгимонт Август, Божю милостю корол польский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, инфлянтский и иных. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышить, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати: поведил перед нами державца чернобыльский, панъ Филон Семеновичъ Кмита, иж первей державца овруцкий пан Крыштофъ Кмита, дядько его, купил собе имене названое Метейковщину в земли и воеводстве Киевскомъ неподалеку замку Овруцкого у подданого нашого у Богдана Петровича Ласка, и в жоны, и в детей его, обель вечно и непорушно за певную суму пенезей, якож того Крыштофъ Кмита, дядко его, у спокойном держаньи будучи, именье собе тамъ способилъ, двор збудовалъ и люди там садити почал; а по его смерти, яко безпотомного, пришло и спало, при иншихъ именях лежачихъ по нем зосталыхъ, брату его рожоному пану Семену Кмите, отцу пана Филонову, а по пану Семену Кмите такъже правомъ прирожоным ему сыну его зостало; котороеж помененое имене Метейковщизну, за тым правом купным дядька своего, он и тепер спокойне держачи, билъ нам чоломъ, абыхмо ласку нашу господарскую учинили и при том его зоставивши, потвердили то ему листомъ нашимъ на вечность. А такъ ач кольвекъ подданые наши, не будучи под

правом и волностью шляхетскою, кгрунту власности нашое продавати никоторое моци не мели, веджe маючи есмо в ласкавомъ баченю нашомъ господарскомъ верные а пилные речи посполитой паньства нашого и намъ господару пожиточные службы и заслуги пана Филона Кмиты, з особливое ласки нашое господарьское, при томъ его зоставили и симъ листом нашимъ зоставуемъ; маеть онъ сам и его жона, дети, и потомки, и щадки, и наследки его тое имене Метейковщину, в земли и воеводстве Киевъском, неподалеку Овручого лежачое, ничого. тамъ оттоль на нас и на урядъ нашъ не выймуючи, и не зоставуючи, але такъ и со всимъ тым, яко се тое именъе Метейковщина сама в собе и в пожиткох своихъ здавна перед тым . . . . маeт, держати и вживати вечно и навеки непорушно, будучи волни не толко тамъ пожитки собе, яко саминалепей розумеючи, причиняти и примножати, людми осажати и розширати, але теж отдати даровати, продати, заменити, записати и куды хотя оберънути, и тым, яко властностью своею, шафовати вечными часы; а намъ и потомкомъ нашимъ великимъ княземъ литовскимъ с того службу земскую военъную служити и заступовати повинни будуть, по тому, яко и иные обыватели стану шляхетского в тутошнемъ панстве нашомъ великом князстве Литовскомъ служать. И на то дали есмо ему сесь нашъ лист с подписанемъ руки нашое, до которого на твердость того и печать нашу привесити казали. Писан у Кнышине, лета Божего нароженья тисеча пятьсот шестьдесят пятого, месяца июля двадцать первого дни. Sigismundus Augustus rex etc.

Арх. Кіев. Арх. Ком. № 76.

LVIII.

1565 г. октября 29. Вводъ во владѣніе кн. Льва Александровича Сангушковича Кошерскаго въ фольварокъ на Красномъ, заставленный его отцу Иваномъ Яцковичемъ Борзобогатымъ, луцкимъ войтомъ.

Столкновеніе заставнаго права съ правами третьихъ лицъ (получившихъ вводъ по неудовлетворенію долговыхъ обязательствъ).

Лѣт Божего нароженя 1565, месяца октебра, двадцать девятого дня. Пришедчи на замок господарьский Луцкий перед мене Андрея Ивановича Русина, подстаростего луцкого, его милость велеможное княже княз Левъ Александрович Санкгушковича Кошерский просил мене о вижа ку уеханю фолварьку пана Ивана Яцковича Борзобогатого, войта луцкого, на Красномъ, который лежит над рекою Стыромъ под местомъ Луцкимъ, и в люди Омеленицкие, к тому фолварку прислухаючие, зъ ставомъ и зъ млыномъ Омеленицкимъ, яко у свое властное, иж тот фолварок и люди Омеленицкие зъ ставомъ и з млыномъ и зо всими пожитъки того фолварка з лудми Омеленицкими и ихъ кгрунты землеными в немалой суме пенезей заставивши, на листех его записных менovите и ширей описаной, сумы пенезей позычоное небожъчику кназю отцу моему его милости князю Александру Андреевичу Санкгушковича Коширскому, маршалку господарьскому, и по его милости мнѣ в моц и в держане и лист свой поступил; я сын и потомок отца своего, водле листовъ его записныхъ, в тот фолварокъ и в люди омеленицкие, яко свое властное, въехавъши до рукъ своихъ вземъши, и на себе держати хочу. И я з уряду замку господарского на то его милости вижомъ придалъ служебника моего Яръмолу Миткевича, который виж тамъ при томъ уеханъю будучи в тотъ фольварокъ на Красномъ и в люди Омеленицкие, ставши передо мною до книгъ, тыми словы сознаваючи, повидил иж дей его милость князъ Левъ Коширский, маючи мене при собе на тотъ часъ вижомъ й сторонъ людей добрыхъ шляхту, тоесть пана Михаила Ощовского и пана Микиту Кутровского, и кгды есмо

в тот фолварок на Красномъ уехали, и знашли есмо в томъ фолваръку одного самого ниякого Щасного Дубровского, который себе менил быти служебникомъ пана Лысаковского и тот фолварокъ якобы мел заведати от пана Лысаковского; але его милость князь Коширский ему повидил, иж дей вже от году, або от двохъ тот фолварокъ и з людми омеленицкими небожчику отцу моему пан Иван Борзобогатый заставилъ, в немалой суме пенезей черезъ листы свои записные в моц и в держанъе поступил, до которого фолваръку пан Лысаковский, або и хто другий, не заплативши и не отдавши мне тое сумы пенезей позычоное, до того ничого не маетъ, одно я, яко свое властное, мети и держати хочу. И пытал его милость князь Коширский того Щастного Дубровского: еслиж бы в том фолварку на тот час пана твоего Лысаковского, которого (ты) служебникомъ быти менуешъ, речи и схoване быти мело? И он отказалъ: иж тутъ жадного схованя пана моего не было и ничого нитъ; одно маю речки свои властные. Его милость князь Кошпрский зо всими тыми речми его забравшися с того фолварку вонъ выехати казалъ; и выехал доброволне и осветчалъ и обводил мною вижомъ, такъ и стороною тыми людми добрыми, иж в томъ фолварку ничого не знашолъ, и жадного схованя не было; одно будоване, то есть на первей: домъ пад Стыремъ: светлица, печ в ней розбита и окна побиты, и з светлицы на заде комора, оконъ такъ же нѣтъ: у дверей нутреный был замокъ, того нетъ, отодранъ; и з стое светлицы сини и изба чорная; противко сеней потомъ свиренъ, ленцухомъ желизнымъ завишонъ, который былъ не замкненъ, одно на пробои виселъ; у томъ свирне ничого нитъ, одно две колеса звенчастые, шины ободраны з нихъ; подле свирна домов светлочка: печ есть и сини; и другая светлочка напротивко, печъ в ней также естъ, нижли оболон нитъ, одно лавы, а столъ кленовый долгий в синех; але ся тые светлицы ошарпали; лазна подле ворот от Стыра опала и ошарпана; стайня ошарпана и обожжена; сырница на стопне стоит, в ней ничого нитъ; клетка и подле клетки светлочка и з сенми, такъ же опало: в нихъ

жадного схованя не было, одно пусто стояло; быдла рогатого чотыри яловицы, а чотыри подтелки; двор и гумно опало: у гумне два стоги жита не крыты; сена на болонъи чотыри стирты, а пятый стогъ сена ж; то в томъ фолъварку толко и было, а болшей ничого не знашли. Тивон Омеленицкий Роман и з людми Омеленицкими, к тому фолварку прислухаючие, тых есми всихъ меновите на особливомъ реистре списавши, под печатю моею, так и под печатми их милости пана Михна Оцовского и пана Микиты Кутровского, которые на тот час сторонами были, его милости князю Кошерскому дал. И просил его милость княз Коширский, абых то записати дал; я тое оповедане его милости и очевистое сознане вижово до книг замковых записати велелъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2039, л. 356, № ак. 36.

LIX [1]).

1565 г. ноября 25. Вводъ во владѣніе Михаила Еловича Малинскаго (по рѣшенію и приказу короля) „въ суммѣ пенязей" въ имѣніе Борзобогатыхъ Заборолъ и въ войтовство Луцкое, принадлежавшее Ивану Борзобогатому, нареченному владыкѣ луцкому.

Бытовая обстановка ввода.

Лѣт Божего нароженя 1565, ноябра 25 дня, в неделю. Пришодчи на вряд господаръский замку Луцкого до мене Войтеха Красовского, будучого на местъцу пана Анъдрея Ивановича Русина, подстаростего луцкого, дворянинъ госпо-

---

[1]) Слѣдующая затѣмъ серія документовъ 1565—1566 гг. (№№ LIX—LXIV) относится къ тяжбѣ о Луцкомъ войтовствѣ, какъ предметѣ частнаго владѣнія (почему документы о ней и вводятся въ составъ актовъ о землевладѣніи). Борьба шла между тремя лицами: знаменитымъ Иваномъ Борзобогатымъ (впослѣдствіи владыкою луцкимъ Іоною) съ сыновьями его Михаиломъ Еловичемъ Малинскимъ и случайно вступившимъ въ тяжбу Николаемъ Лысаковскимъ (каштел. любачевскимъ). Луцкое войтовство принадлежало, какъ наслѣдственная собственность, Ивану Борзобогатому; но онъ и его безпутные сыновья были такъ расточительны, что взысканіе пришлось

дарьский панъ Василей Мацъкович и повидил передо мною, штожъ онъ, за вырокомъ и росказанъемъ его кролевское милости, был при томъ и пригледал, яко маршалокъ господарьский панъ Михайло Елович Малинский въехалъ в двор и в половицу имени Велицкого част князя Дмитра Велицького и в моц свою ноябра осмогонадцать дня тоесть в неделю, што перво сего отняли были в него панове Борзобо-

обратить не только на родовыя имущества Борзобогатыхъ, но и на войтовство. Въ ноябрѣ 1565 г. маршалокъ господарскій Михаилъ Еловичъ Малинскій былъ, по приказанію короля, введенъ во владѣніе имѣніемъ Борзобогатыхъ Заборольемъ и войтовствомъ Луцкимъ. Между тѣмъ, въ нач. слѣд. года явился съ своими притязаніями Николай Лысаковскій (основанными также на взысканіяхъ съ Борзобогатого) и ввелся во владѣніе Луцкимъ войтовствомъ. Но Мих. Ело Малинскій выхлопоталъ королевскую грамоту, ограждающую его права; грамота эта и была объявлена луцкимъ мѣщанамъ янв. 28. Но въ тотъ же день и Лысаковскій созвалъ мѣщанъ и напомнилъ имъ о своихъ правахъ. На это бурмистръ заявилъ, что мѣщане предпочитаютъ повиноваться Лысаковскому, а не Малинскому; остальные же присутствующіе отозвались, что они будутъ повиноваться тому, кто окажется сильнѣе („хто будуть дужшиі"). Тогда въ Луцкѣ явилось двойное войтовство: и Лысаковскій, и Малинскій постановили каждый своего лентвойта (намѣстника). Государственная власть сносилась по дѣламъ общегосударственнымъ и съ лентвойтомъ Малинскаго; такъ, въ мартѣ полученъ приказъ короля, обращенный къ Малинскому, о сборѣ поголовнаго. Мѣщане отказались исполнить распоряженіе по этому дѣлу лентвойта Малинскаго, и наконецъ заявили, что не будутъ повиноваться не только ему, но и самому королю. Однако, въ концѣ марта, по новому распоряженію короля (остановить дѣло до рѣшенія на будущемъ сеймѣ), Малинскій получилъ новый вводъ въ большой войтовскій домъ, съ чѣмъ соединялась и передача дѣлъ, т. е. правительственныхъ и судебныхъ актовъ лентвойту Малинскаго отъ лентвойта противной стороны. Но Борзобогатые (интересы которыхъ сливались съ интересами Лысаковскаго) не отказались отъ дальнѣйшей борьбы и 29 марта 1566 г. произвели ночной наѣздъ на войтовскій домъ; наѣздъ сопровождался, по обычаю, панесеніемъ ранъ, побоевъ, убійствами и разграбленіемъ. Дѣло получило не гражданскій, а уголовный характеръ. 13 апр. 1566 г. Иванъ Яцковичъ Борзобогатый (нареченый владыка) подалъ заявленіе о томъ, что Михаилъ Малинскій будто бы 12 апр. совершилъ обратный наѣздъ на тотъ же войтовскій домъ и тамъ заграбилъ имущество Борзобогатыхъ, спрятанное въ кладовыхъ, а сторожа собственноручно убилъ, а также приказалъ убить двухъ посланцевъ Борзобогатаго, ѣхавшихъ съ жалобами его въ Луцкъ.— Между тѣмъ, дѣло о наѣздѣ Борзобогатыхъ на войтовскій домъ 29 марта

ґатые через увязане пана Ивана Шимъковича Скленского дворянина господарьского; а потомъ онъ, за тымже вырокомъ и росказанъемъ господарьскимъ, дня вчорашнего в суботу месяца ноября двадцать четвертого увязал его ж милость пана Михаила Еловича Малинского у во имение панов Борзобогатыхъ, тоесть у двор Заборолский: в гумно, и в пашъню и во вси люди, ку тому двору Заборолскому прислухаючыи; а сего дей дня порану в неделю тогож месяца ноября двадцать пятого дня такъ же, за выроком господарьскимъ, тогож марьшалка господарьского пана Михаила Еловича Малинского увязал у войтовство Луцкое и во вси пожитки местъские, ку тому войтовъству прислухаючии, ку которой же справе брал у мене пан Василей Мацкович вижомъ боярина господаръского замку Луцкого с Красного Ждана Ротковича; якожъ тот вижъ, пришодши передъ мене и до книг замку господаръского Луцкого, вчинил сознане тыми словы: штожъ дей дворенин господарьский панъ Василей Мацкович дня вчорашнего в суботу, маючи при собе панов землнъ земли Волынское стороною людей зацных, приехал до двора Заборолского, именя пановъ Борзобогатыхъ, до первшихъ ворот, которыми межи огородою лесаною от дворца Заборолского въездъ до воротъ двора Заборолского,

---

пошло своимъ путемъ и послѣ новаго заявленія о томъ же стороны Малинскаго (К. Ц. Арх., 2040, л. 92 об.) и вызова въ судъ Борзобогатыхъ, состоялось 30 апр. судебное рѣшеніе, постановленное лично самимъ старостою луцкимъ кн. Б. Ф. Корецкимъ; Борзобогатые, по обычаю, не явились въ судъ, который и приговорилъ ихъ къ уплатѣ 1122 копъ и 32 гр. (за головщины, раны, грабежъ). Так. обр. казалось, что дѣло закончено; права Малинскаго на войтовство признаны. Но центральное правительство, т. е. королевская канцелярія, по всегдашней привычкѣ, вновь спутало дѣло: Лысаковскій обратился съ жалобою къ королю о томъ, что Малинскій овладѣлъ Луцкимъ войтовствомъ, которое, по прежнему предписанію короля, должно принадлежать Лысаковскому. Король предписалъ вновь ввести Лысаковскаго во владѣніе войтовствомъ и вызвалъ Малинскаго на свой судъ. Объ этомъ и заявилъ уже 1-го мая корон. дворянинъ Дахно Федоровичъ. Новый вводъ принятъ мѣщанами, но войтовскаго дома Малинскій не уступилъ.

Ходъ дѣла по жалобѣ Борзобогатыхъ о наѣздѣ Малинскаго и грабежѣ 12 апрѣля намъ неизвѣстенъ. Знаемъ только, что войтовство осталось за Мих. Малинскимъ и передано имъ по наслѣдству дѣтямъ.

знашол тыи ворота забиты; онъ немалый часъ стоячы у ворота толкалъ и кликалъ, абы хто до него вышолъ и ему тыи ворота отворилъ и зъ ним розмовилъ о томъ, о чомъ онъ до Заборовля приехал; ино ачъ вѣдели есмо над вороты и на кганку дъвора Заборолского людей не мало стоячы, яко музских особъ, такъ и невестых, одножъ пану Василю нихто отозватися и до него выйти и ворот отворити не хотели. Потом ехалъ онъ со мною вижомъ и с тыми людми добрыми, которыи при томъ были, до дворца Заборолъского, где мешкаеть рикуня, и призвавши ее ку себе до окна, пыталъ ее: якъ ее зовут? Она поведила, иж зовуть ее Ганицою; в тот же час пыталъ тое рыкуни: кому она служит? Она повидила, иж служить пану Ивану Яцковичу Борзобогатому, а мешъкаеть дей в томъ дворе сын пана нашого пан Василей с паненю своею и тепер преехал недавно з Луцка и есть у дворе тутошнемъ; и давал той рыкуни листъ от себе до пана Василя Борзобогатого писаный, абы отнесла до него; она того листу от дворянина господарьского пана Василя Мацъкевича не брала и повидила, иж намъ всимъ заказано, абыхъ мо ни от кого нияких листов до рукъ своих не приймовали; але можешь, твоя милость, около изгороды обехати до воротъ дворныхъ и тамъ потолкати, и не похочет ли панъ Василей самъ выйти, або кого ку твоей милости выслати; для чогож дворинин господарьский пан Василей вколо изгороды объехавши, до вороть двора Заборолского приехавши, над которыми вороты есть кганокъ, немало в тыи ворота толкалъ и кликал, абы хто з двора до него вышол, або его самого до двора пустилъ; ино яко нихто вороть ему отворити, такъ и до него з двора выйти не хотели; одножъ по немалой фили стоячы дворянину господаръскому пану Василю зо мною вижомъ и тыми людми добрыми, в тыхъ ворот вказался намъ з кганку чоловѣкъ и почалъ говорити: для чого такъ много у ворота толкаете? Бо вас тут до двора не пустять. Дворянин господарьский панъ Василей пыталъ его: хто он естъ, а кому служить? Он повидил, иж мене зовуть Лонскимъ, а служу дей я пану, я вемъ

которому. Затым пан Василей дворянин господарьский почал ему мовити, абы помовил пану Василю Борзобогатому, або врядинку отца его Ивана Борзобогатого, жебы его, посланца господарьского, в двор до себе пустили, а з нимъ розмовили и листу выроку господарьского выслухали; тот Лонъский на то отказал: я тое речы до пана Василя Борзобогатого не понесу; пан Василей Мацкович повидил: ведай же о томъ, иж я за выроком господарьскимъ в суме пенезей приехалъ увязати пана Михаила Малинского маршалъка господаръского в тот двор и во все именъе Заборолское; а иж ты пану Борзобогатому о мне ведати дати не хочешъ, я свой листъ перед тобою и перед вижом врядовымъ, у верею воротную укладаю, в которым тепер о то писал до пана Василя Борзобогатого, даючи ему ведати, абы он от сего часу за двѣ недели совсимъ з двора выпроводился и поступил его пану Елу водле увязаня моего. Лонский на то пану Мацкевичу отказалъ: естли тъвоя милость ест посланецъ господарьский, а будет ли тобе потреба до пана Василя Борзобогатого, ты его переймай собе завтра порану, яко он отсель зъ Забороля до Луцка поедет. А такъ пан Василей дворянин господарьский, лист свой отвороный, писаный до пана Василя Борзабогатого, перед тым Лонскимъ у верею увоткнувши, и ему то оказавши, и мною вижомъ и сторонами осветъчивши, от двора на село до тивуна и подданыхъ ехалъ; и яко попа Заборолского, на имя Климентия, такъ и подданыхъ и корчмита Нестера пытал: кому они служать на тотъ час а хто ихъ держит? Ино попъ, и подданые, и корчмит Заборолскии поведили: держит дей панъ Иванъ Борзобогатый, нареченный владыка володимерский, и сынъ его Василей и тымъ служимъ; и тепер дей пан Василей Борзобогатый и з жоною своею есть у дворе Заборолскомъ; в тот же час панъ Василей дворянин господарьский попу, и людемъ, и корчмиту Заборолскимъ, которых в домех их и на селе знашол, росказалъ, абы они черезъ то Борзобогатыхъ послушны ни одного не были и от того часу служили и послушенство чинили ку пану Михаилу Малинскому, маръ-

шалъку господарьскому, в которыи он увезал пана Михаила у суме пенезей; гдеж и на особливом реистре своемъ кождого чоловека на имя, службы и повинности, статки и маетности ихъ списал, и за печатю своею один реистръ маршалку господарьскому пану Михаилу Еловичу далъ, а другий у себе зоставил. А потомъ сегодня в неделю порану тот же дворянин господарьский пан Василей, маючи мене вижа замку Луцкого при собе и сторонъ людей добрых шляхъту, дал листъ господарьский старшому бурмистру места Луцкого Василю Щетинце; черезъ который листъ свой господарь его милость росказуеть бурмистромъ, и радцамъ, и всему посполсту места Луцкого, абы они за увязанемъ пана Василя Мацкевича, дворянина господарьского, у войтовство Луцкое, которое пан Иванъ Яцкович Боръзобогатый держалъ, маршалъка его кролевское милости пана Михаила Ело-Малинъского во всемъ послушъни были по тому, яко и ку першимъ войтомъ здавна послушенство чинивали. Которого листу господарьского тотъ Василей Щетинка выслухавши, и в себе тот листъ господарьский зоставилъ, и на то отказъ вчинил: намъ дей воли и росказаня господаря нашого милостивого короля его милости спротивятися нелзе; а ведже до того листу господарьского всих братью свою зберу и росказанъе теперешнее господаръское имъ оповемъ. А потомъ тот лист господаръский вернулъ а послушенство ку пану Малинскому, водле росказанъя господарьского, у справах войтовскихъ полнити обецал и копею з листу господарьского в себе зоставил. А потомъ и дворнику, и слугамъ Борзобогатыхъ, которых на тот час у дворе войтовскомъ застал, волю господарьскую и увязане в тое войтовство Луцкое тотъ дворянин господарьский ознаймилъ, имъ с того двора войтовского за две недели выпроводитися зо всею маетностью велелъ, и его пану Малинскому ку войтовству Луцкому поступити росказалъ, а всѣ домы войтовские, и платы, и доходы, ку войтовству належачие, на реистра списал; и один реистръ под печатю своею пану Михаилу, маршалку господаръскому дал, а другий в себе у в одно слово зоставил.

Для чого пан Василей Мацкевичъ дворянинъ господаръский просил, абы тое оповедане его а вижово сознане до книгъ вряду замку господарьского Луцкого было записано. А так я тое оповедане дворянина господарьского пана Василя Мацкевича и сознане вижово до книгъ записалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2039, л. 392 об., № ак. 31.

LX.

1566 г. янв. 28. Донесеніе вознаго о томъ, что при объявленіи королевской грамоты, подтверждающей права Ело Малинскаго на войтовство, Николай Лысаковскій заявилъ свои права на то же, а мѣщане обѣщали повиноваться тому, кто одолѣетъ.

Лѣт Бож. Нарож. 1566, месяца генвара, 28 дня, в понеделок порану. Пришодчи до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Петра Ивановича Хомяка, подстаростего луцкого, дворянинъ его кролевское милости пан Василей Мацковичъ и просил мя о вижа, перед которым бы мелъ подавати листъ его кролевское милости бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ места Луцкого. Я ему на то давалъ вижомъ боярина господарьского красноселского Ждана Павловича, который виж с паномъ Васильемъ Мацковичомъ до бурмистров и до радец места Луцкого, маючи при себе людей добрыхъ сторону, ходилъ и пришодчи перед мене, до книг замковых тыми словы созналъ: иж пан Василей Мацкович, дворяни его кролевское милости, передо мною лист господарский подавал бурмистром, и радцамъ места Луцкого в дому пана Грицка Посолека, который дей лист перед ними писар местцкий Богушъ Ванковичъ прочиталъ, в которомъ дей листе от господаря его милости пишет, росказуючы бурмистромъ, и радцамъ, и всимъ мещаном луцкимъ, абы они никого иного не были послушны и не перед кимъ ся иным не справовали в потребах своих, одно абы были послушни маршалъка госпо-

дарьского его милости пана Михаила Ела Малинского и перед нимъ самымъ, або лентвойтом, в потребах своих в праве справовалися и доходы вскякие местские пану Елу давали; а Борзобогатых ни в чомъ и никого иного послушни не были; а естли бы Борзобогатый, або хто колвекъ, будучи в месте Луцкомъ, их мещан луцкихъ под право свое притягал и пожитки местские на себе брати и их в послушенство свое приворочати хотел, абы ся таковому боронили, яко кгвалтовникови. Который же лист пан Василей Мацкович, дворянин его королевское милости, и передо мною Красовскимъ на вряде показовалъ и былъ вычитанъ. А потом тогож дня месяца генвара двадцать осмого в понеделокъ же по обеде, приехавшы до места Луцкого, капталян лубачевский его милост пан Миколай Лысаковский жедалъ мене, абых был в него до господы его милости до Матыса Кравца, который мешъкает близу дому войтовства Луцкого; ямъ ку его милости шол; тогды пан Лысаковский слал, просячи пана Василя Мацковича, дворянина его королевское милости, абы с нимъ въ его господе видел; а кгдыж пан Василей приехал до него, пан Лысаковский ему мовилъ передо мною: слышу пане Василей, нж дей твоя милост в тутошнее войтовство Луцкое хочешъ увязовать пана Михайла Ела, а я тобе того не поступлю, бом ся я наперед в тутошнее войтовство на господаря его милости увязалъ; и буду тобе того боронити моцно, о том ведай; и вамъ бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ луцкимъ грозно росказую, абыстеся во всемъ пану Василеви, дворянину его королевское милости, моцно, боронили, естли бы ся у вас чим колвекъ уступоват хотелъ; яко о то и лантвойтом вамъ зоставую тогож Щасного Кресимовского, который до сего часу у вас лантвойтомъ до сего часу был. В тот же час бурмистръ места Луцкого Стецко Ленкович повставши, мовил: пане любачевский, волимъ мы твоей милости и вряду твоего послушни быть, нижли пана Михаила Ела. Пан Василей пытал бурмистров и радец и всих мещан луцкихъ: естли то всих их одно то, што Стецко мовил? Они повидили, хто будут дужший того мы будемъ послушни. Пан Василей

Мацкович мною врядом то освитчивъши, иж ся то при бытности моей деяло, просил, абы то было до книг замку Луцкого записано. А такъ я то все маючы у ведомости своей в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2040, л. 24.

LXI.

1566 г. янв. 28. Заявленіе Николая Лысаковскаго о томъ, что онъ, имѣя отъ короля право на взысканіе въ пользу короля долга съ Борзобогатыхъ, съ имѣній этихъ послѣднихъ и съ войтовства Луцкаго, воспротивился вводу во владѣніе войтовствомъ Ело Малинскаго. Право Лысаковскаго подтвердили и сами Борзобогатые.

Лѣт Бож нарож 1566, месяца генвара, 28 дня, в понеделок. Пришодчи на вряд его кролевское милости до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Петра Ивановича Хомяка, подстаростего луцкого, вельможный пан его милость пан Миколай Лысаковский, каштелян любачевский, оповедалъ: иж дей от немалого часу з росказанья господаря короля его милости въ долгу его кролевское милости, который долгъ небожчик пан Кгабрияль Тарло, каштелян радымыский, на панох Борзобогатыхъ его кролевское милости злецылъ, увязалъся, яко во всих именья(х) их, так теж и у войтовство Луцкое, в Красное и Омелникъ через дворянина его кролевское милости пана Дахна Федоровича, за записомъ пановь Борзобогатых и за листы его кролевское милосты увяжчими; якож листы короля его милости увяжчие, так теж и лист того дворянина господарьского пана Дахна Федоровичов мнѣ на вряде оказовал; гдеж то пан Василей и пан Степан Борзобогатовичы Красенские и сами передо мною очевисто сознали, поведаючы, иж пану Миколаю Лысаковскому, кашталяну лубачевскому, именей своих и войтовства Луцкого, в долгу его кролевское милости, дали и поступили. К тому тежъ его

милость пан любачевский оповедал, иж дей теперешних часов пан Василей Корнофель, дворянин его кролевское милости, от пана Михаила его милости Еловича Малинского, маршалка господарьского, хочет ся в тое войтовство Луцкое увязовати; што дей я видячы ку великой кривде и шкоде праву его кролевское милости быти, того увязаня у войтовство Луцкое тому дворянину его кролевское милости пану Василю Корнофелю заборонил и не поступил; на штож и лист его кролевское милости, писаный до его милости пана моего Богуша Федоровича Корецкого, старосты луцкого, браславского и вѣницкого, а в небытности его милости самого в Луцку до пана подстаростего луцкого, его милост пан любачовский мнѣ до рукъ моихъ давалъ и был вычитанъ; в которомъ листе его кролевская милость писати росказат рачил, абы ся жадному чоловеку в тое войтовство Луцкое увязовати не допускали, ажъ до зуполное заплаты всего долгу его кролевское милости. Так же его милость пан любачевский, справуючися водле росказаня и листу его кролевское милости, того увязанъя у войтовство Луцкое дворянину господарьскому пану Василью Корнофелю заборонилъ и не поступилъ, и то мною врядом замковымъ освитчилъ; гдеж на тот час Щасный Кресимовский, лантвойтъ луцкий, ставшы передо мною, очевисто сознал, иж дей еще от того часу яко ся дворянин господарьский пан Дахно Федорович у войтовство Луцкое на короля его милост увязалъ, он тот уряд войтовский, с порученя пана своего его милости пана любачевского, до сихъ часов заведалъ и справовалъ; которому Сщасному Кресимовскому и на сес час его милост пан любачевский тот уряд войтовский в месте Луцкомъ завѣдати и справовати злецылъ и поручил, абы тот вряд войтовский, яко перед тымъ, такъ и тепер с порученя его милости заведал, редил и справовал и то бурмистромъ, радцамъ и мещаномъ луцкимъ нинешнего дня в понеделокъ по обеде передо мною врядомъ замковымъ ознаймилъ и послушнымъ быти того служебника своего Сщасного Кресимовского на вряд войтовский приказалъ. И просил его милост пан Миколай

Лысаковский, каштелян любачовский, абы то в книги замковые было записано; а так я тое оповедане и освечене пана любачовского, такъ тежъ и пановъ Василя и Степана Борзобогатовичов очевистое сознане, в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2040, л. 25.

LXII.

1566 г. мар. 5. Заявленіе луцкаго лантвойта Романовскаго и вижа о томъ, что луцкіе мѣщане заявили, что не хотятъ повиноваться не только Малинскому, но и самому королю.

Месяца марца, 5 дня, у волторокъ. Приходил на вряд его кролевское милости до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тотъ час будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего луцкого, служебникъ его милости пана Михаила Еловича Малинского, маршалка его кролевское милости, пан Станислав Романовский, лантвойт луцкий, жалуючы и оповедаючы на бурмистров радец и всих мещанъ места Луцкого о томъ: штож дей вже колко листов его кролевское милости пан мой его милост пан Михайло Елович Малински до них присылаеть, абы они его милости пану моему войту луцкому и мне служебнику его, яко лантвойту, послушеньство чинили, а они дей, ничого не дбаючи на листы и росказане его кролевское милости, и до сих часовъ пану моему и мне служебнику его милости жадного повиноватства и никоторого послушенства чинити не схочуть; для чогож пан Станислав Романовский, хотячы в томъ врядовне поступовать, бралъ у мене вижом з уряду замку Луцкого служебника моего Станислава Милевского; который виж тамъ в мещан луцкихъ бывшы, зась оттоле пришолъ и ставшы передо мною, до книг замковых тыми словы созналъ: иж теперешнего часу пан Станислав Романовский ходил со мною вижомъ врядовымъ и з сторо-

ною до мещан луцких, то ест до Васка Лукашевича Щетинки, до Юска Щоки Боголюбца, до Михна Лашка и до Степана Пинчука, пытаючы их: естли они хочут быти под моцю и послушенствомъ пана его пана Михаила Еловича Малинского и его самого, яко лантвойта луцкого, водле росказаня и листов его кролевское милости? Тогды тые панове мещане луцкие вышей менованые тымъ обычаемъ пану Романовскому отказали: иж дей мы теперечы не толко пана твоего пана Михала Еловича Малинского, або тебе служебника его, але и самого господаря короля его милости, кроме бурмистров своих, слухати и жадного послушенства чинити не хочемъ. Што онъ мною вижомъ врядовымъ и стороною освитчилъ и хотячы пан Станислав Романовский о томъ до его милости пана своего пана Михаила Еловича Малинского слати, просилъ, абы то было записано. А такъ я тую жалобу, оповедане его и вижово сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2040, л. 60.

LXIII.

1566 г. мар. 25. Заявленіе Василія Мацковича, королевскаго дворянина, о произведенномъ имъ, по приказу короля, вводѣ Малинскаго во владѣніе войтовскимъ домомъ.

Року 1566, месяца марца, 25 дня. Пришодчи на врядъ его кролевское милости до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Андрея Ивановича Русина, подстаростего луцкого, дворянин его кролевское милости пан Василей Мацковичъ оповедалъ тымъ обычаемъ: иж дей якомъ первей сего, за листы и росказанемъ его кролевское милости, увезал есми пана Михаила Еловича Малинъского, маршалка его кролевское милости у войтовство Луцкое и во въси пожитки, ку войтовству належачие, и в нѣкоторые именя Борзобогатых, однож есми

не подалъ былъ ему дому войтовского большого, в которомъ лентвойт панов Борзобогатыхъ Сщасный Кресимовский мешкалъ, и с того дому велел есми тому ленътвойту выпровадитися; ино я теперечи дня въчорашнего в̑ неделю прошлую марца двадцать четвертого, маючи при собе вижа з уря(ду) замку Луцкого, от тебе, пане Красовский, приданого, и люде зацных земян господаръских досыт немало, увезал есми маршалка его кролевское милости пана Михаила его милости Еловича Малинского и в тотъ домъ больший его, де лентвойтъ Кресимовский мешкалъ в месте Луцкомъ, ку томуж войтовству приналежачий; гдеж есми тот домъ войтовский и лантвойтовства места господарьского Луцкого, зо всими платами и пожитки, служебнику его милости пана Малинъского Станиславу Романовскому в моц в держанъе подалъ, и мещан луцкихъ в послушенство его привернувши, вшелякие справы, на вряд войтовский приналежачии, редити, судити и справовати ему злецил; а того увязаня в домъ болший, ку войтовству належачий, мне самому, а ни Романовскому лантвойту луцкому, нихто не заборонял и никимъ ся въ то не въступовалъ. Якож Сщасный Кресимовский, который от Бордзобогатыхъ лантвойтомъ былъ, книги—справы судов своих, што судил и справовал мещан луцких, будучи на томъ лантвойтовъстве, мне далъ; а я их ланътвойту пана Малинского Романовскому подалъ. А што ся дей дотычеть будованъя того дому войтовского, и штомъ в немъ нашолъ, то все на реистра меновите списалъ, который реистръ под печатью моею и под печатми людей добрых один собе зоставилъ, другий Станиславу Романовскому, лантвойту луцкому; якожъ то и вижъ и врядовый бояринъ господаръский красносилский Жданъ Павлович, ставьши передо мною, до книг замковых тыми словы созналъ, поведаючи: иж дворенин его кролевское милости панъ Василей Мацковичъ, за листы и росказанемъ его кролевское милости, увезал пана Михаила Еловича Малинъского в дом болший в месте Луцкомъ, ку войтовству приналежачий, гдеж тот домъ и войтовство места господаръского Луцкого зо всѣми платы и пожитки служеб-

нику его милости пана Малинского Станиславу Романовскому в моц и в держане подал, и мещан луцкихъ, в послушенству его привернувшы, вшелякие справы, на вряд войтовский прилежачие, редити, судити и справовати ему злецил; которого увязаня в домъ и у войтовство Луцкое дворянину господаръскому пану Василъю Мацковичу а ни пану Романовскому нихто не заборонял; книги судов своихъ Сщасный Кресимовский, што межи мещан луцких, будучи на том лантвойтовстве, судил и справовалъ, дворянину господарьскому пану Василю далъ; а пан Василей тые книги тогож часу Романовскому подал; и в тот же час Сщасный Кресимовский при нем и при стороне людей добрыхъ зо всимъ своим статкомъ и з жоною с того болшого дому войтовского выпровадился. А што ся дотычет будованя того дому войтовского, то въсе дворянин господарьский пан Василей на реистра менովите списал. И просилъ Станиславъ Романовский, лантвойтъ луцкий, именем его милости пана своего пана Михаила Еловича Малинского, маршалка его кролевское милости, абы то было записано; а такъ я тое очевистое оповедане дворянина господарьского и вижово сознане в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 72.

LXIV.

1566 г. мар. 29. Жалоба луцкаго лантвойта Станислава Романовскаго на Вас. Ивановича и Степана Олехновича Борзобогатыхъ, которые ночью напали на войтовскій домъ съ большою вооруженною толпою, самого Романовскаго избили и ранили, нѣкоторыхъ слугъ и бояръ Малинскаго и случайно заѣхавшихъ слугъ н. Семашка застрѣлили, всѣ деньги, собранныя въ видѣ налоговъ, забрали и пр.

Лѣт Бож нарож 1566, месяца марца, 29 дня, у пятницу на свитаню. Пришодчи на вряд его кр. мл. до мене Войтеха Красовского, воротного замку Луцкого, в тот час будучого

на местцу пана Андря Ивановича Русина, подстаростего луцкого, лантвойтъ луцкий его милости пана Михаила Еловича Малинского, маршалка господарьского, пан Станиславъ Романовский, плачливе а велико обтежливе жаловал и оповедал на пана Василя Ивановича и Степана Олехновича Борзобогатовичов о томъ: штож дей они, запомнивши боязни Божое, звирхности его кр. мл., срокгости права и покою посполитого, одно наполнившися своволное а непристойное мысли своее, сами особами своими зобравшися з многими людми ве зброяхъ, з ручницами, аркабузами, з луки, з мечы, з рогатинами и з ыншим розным оружемъ, сее ночы с четверга на пятницу, яко бы могло быти двема годинами перед светомъ, нашодчы моцно кгвалтомъ ночъным обычаем на дом его милости пана моего войтовский в мѣсте Луцком, в котором дей дому я, за поданемъ и увязыванемъ дворенина господаръского пана Василя Мацкевича, а за росказанемъ его милости пана моего пана Михаила Еловича Малинского, спокойне мешкал, и лантвойтом будучи судил и справовалъ, што на вряд лантвойтовъский належало, нашедчи нас в том дому людей спячых, мене самого збили, змордовали, израпили, такъ тежъ многих слуг и бояр его милости пана моего, которыи дей были с пенезми господаръскими серебщизными, которая серебщизна зо всихъ имепей его милости пана моего, так теж и теперешний новоустановеный платъ господаръский, поголовный по томуж зо всих именей пана моего выбраный, до менеж был принесен, которых дей всѣхъ пенезей было тринадцат мешков немалых, за печатю малъжонки пана моего ее милости панее Малинское, и реистра яко серебщизные, такъ и нового поголовного плату при тыхъ пенезех до менеж были присланы; и мѣли есмо тые всѣ пенези и поголовъные съ приятелемъ пана моего паномъ Андрием Киверецкимъ, подле тых реистров, до панов бирчих господарьских на то уставленых, отдати; тогды дей тые вси пенези и реистра выбираня оных пенезей, так теж и всю маетност мою, при том маетность слуг и бояр его мл. пана моего, которые на тот час при мне были, самых нас з аркабузов и з ручниц постре-

лившиı, поранивши, и окрутне помордовавши, тые кгвалтовники и мордыри вышей помененые Василей а Степан Борзобогатовичи в тот час кгвалтовне побрали; и видел, иж дей Василей Борзобогатовичъ сам властною рукою своею боярина пана моего ивачковского, на имя Романа Грушевича, и Матфея Бойка, почтивого шляхтича з Руси, з аркабуза пострелял и на смерть позабивал; а о иныхъ служебникох и боярох пана моего, естъли которые на смерть побиты, або хто з них живый зостал, того дей и сам теперечы в такъ борздом часе видати не могу; бом дей я сам у одном том чамарку, яко мя перед собою видиш, и то не в своем, уносечи здорове от Борзобогатых, втек; такъ теж и книги судов и справы мѣстское на тот же час там в том дому панове Борзобогатовичы взяли; так теж и збърою пана моего военную—бехтери, панцыри, зброи бляховые, шишаки, рукавицы желѣзные, зарукавси (sic), наколенки, всее тое зброи на колкодесят чоловѣковъ, при том ручницъ долгихъ губчастыхъ сорокъ, аркабузов долгих и коротъких с костми тридцат,—которую дей зброю ее милость пани Малинская, малжонка его милости пана моего, абых ее дал вычистити, а ручницы и аркабузы направити, до мене была прислала; и иные многие статки и речы пана моего, што было до мене в тот дом войтовский звезено, то дей все в дому войтовскомъ побрали; якож дей тые вси шкоды, которые ся пану моему, такъ теж нам слугам и бояром его милости от Борзобогатовичовъ теперечи в том дому войтовском стали, часу потребы у права на реистре меновите указаны будут. Ку тому дей теж, пане милый Красовский, то твоей милости, яко вряду господарьскому, оповедам, ижъ дей дня вчорашънего приехали до мене в дом пана моего войтовский, в котором я мешкал, слуги и бояри приятеля пана моего пана Александра его милости Семашковы, которые дей по всих именяхъ пана своего выбирали плат господарьский поголовный, так теж и иные пенежъные доходы, которые з ыменей пана Семашковых на пана их приходят, и зо всими тыми пенезми всполок зо мною в дому его милости пана моего войтовском ночовали, тым дей всим слу-

гам и бояром его милости пана Семашковым так же ся от Василя и Степана Борзобогатовичов стало, яко и нам слугам пана Малинского; бом дей и сам очима своими видел, иж трех служебников пана Семашковых з аркабузов пострелених; а о инших дей не вѣдаю, што ся тепер в ночи над ними деет, естли побиты, або живы зостали. Для чогож на огледане и на осветчене збитя и ран себе самого и товарышов своих збитых и пораненых пан Станислав Романовский брал у мене вижом з уряду замку Луцкого боярина господарьского красноселского Ждана Павловича, который их огледал и, ставши передо мною до книг замковых, тыми словы сознал: иж видел в дому войтовском окна, двери порубаны, оболоны побиты, защепки, замки в дому и въ схованях выбиты, з аркабузов дом постреленый; у Станислава Романовского рану колотую на твари под лѣвым оком и руку правую збито и ею владати не может; у Станислава Ревуского на обудву ногах раны битые синекрывавые, иж на них ходити не может. У Матыса видел в голови рану рубаную; у Грицка боярина з Билвич видел в головѣ пят ран рубаных шкодливыхъ, а на плечохъ и по хрыбту раны битые синие, с которыхъ ран, не вѣдомо, будет ли жив. И повѣдили мнѣ тые слуги его милости пана Малинского, иж дей то Василей а Степан Борзобогатовичи, ночнымъ а кгвалтовным обычаемъ нашодчы на дом его милости пана нашого войтовский, нас самыхъ окрутне позбивали, помордовали и поранили; а инших дей товаришов нашихъ на смерт позабивали, и тела их нет вѣдома, где позадевали. Такъ же дей на тот час статки его милости пана нашого пана Малинского и своих властныхъ реистръ, меновите написаный, в себе быти менят. И хотячы пан Станислав Романовъский о том до его милости пана своего пана Михаила Еловича Малинского дати знати, просил, абы то было до книгъ записано; а такъ я тую жалобу и оповедане пана Романовского и вижово сознане в книги замковые записати казал.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 76 об.

LXV.

1566 г. апр. 30. Судебное рѣшеніе луцкимъ старостою княземъ Бог. Фед. Корецкимъ дѣла по жалобѣ Малинскаго на Борзобогатыхъ объ убійствахъ, пораненіяхъ и грабежахъ при наѣздѣ на войтовскій домъ въ Луцкѣ.

Року 1566, месяца априля, 30 дня. Передо мною Богушем Федоровичом Корецким, старостою луцким, браславским и виницким, ставши очевисто в замку господаръском Луцком его милость пан Михайло Елович Малинский, маршалок господаръский, обтяжливе жаловал и оповедал мне: што дей перве сего за насланемъ Ивана Яцковича Борзобогатого, сын его Василей з братомъ своим Иляшем Олехновичомъ Борзобогатые, зъ врядникомъ и з слугами его, моцно, кгвалтомъ наежчали на двор имене мое Велицко, бои, морды и шкоды починили, што на вряде замку господаръского Луцкого ест записано и мандаты дей господаръскими его самого и братаничов его о то перед господаря его милость на рок ку праву позывано, абы он самъ ку праву стал и сына своего Василя поставил; за которыми дей он мандаты господаръскими рок под страченемъ права зо мною принявши, перед господарем его милостью сам не сталъ и сына своего Василя а братанича Иляша не поставил; гдеж дей господаръ его милость на року, под страченемъ права принятомъ, и через лист господаръский от егож самого мне на инший рок з ними о то преложены, его королевская милость за нестанем их мене заховати, а на немъ и на братаничов его Иване, Степане Олехновичов Борзобогатых три тисячи коп три копы и сорок грошей въсказати, и на отправу дей тое сумы пенезей дворянина своего господаръского пана Василя Мацковича, росказавши ему в ыменя Борзобогатых земские и местские мене увезати, а сына его Василя и братанича его Иляша Олехновича и иных врядников, слуг и людей их ку праву на вряде замку господръского Луцкого ставити, томуж дворянину своему господаръскому росказати рачил; нижли дей сын его Василей и братанич Иляш на вряд ку праву дворянину господаръскому себе ставити не допустили и моцно ся дей з ыными кгвалтовники обжаловаными у дворе его Заборолском боронили, што ест на вряде господаръскомъ за-

писано и господару его милости от дворянина господаръского пана Василя Мацковича ознаймено. И не справуючися водле права и статуту земъского того обжаловання моего, тот же дей Василей, сын Ивана Яцковича Борзобогатого, зъ братомъ своимъ Степаном Олехновичом, за насланемъ Ивана Яцковича а Ивана Олехновича Борзобогатых, в небытности дей моей, яком дей . . . при дворе господаръском был, препомнявши дей заруки господаръское и обовязков, в листе их еднацком описаных, а зарутивши боязнъ Божую, звирхност кролевское милости и срогост права посполитого, умыслно, моцно, кгвалтомъ зъ слугами и помочниками своими, и з Щастным Кресимовскимъ, зъ Свеборовским а Волским, тых дей недавных часов року теперешнего шестдесят шостого, мѣсяца марца, двадцат девятого дня, ночным обычаем, с четверга на пятницю, вшедши в место господаръское Луцкое не броною, але непристойным местцом дырями, вдарили на дом войтовский, в который дей мене з войтовством Луцкимъ и иными именями их, з выроку господаръского, дворянин господаръский тот же пан Василей Мацкович увезал, в моц и в держане мне подал; и добывши дей до того дому войтовского, нашодши дей лантвойта моего Станислава Романовского и иных слуг моих—Станислава Ревуского, Матыса Яблонского, Грицка боярина з Вилбич побили и поранили, и Матфея Бойка почтивого шляхтича на смерть забили и окрутне замордовали, а боярина дей моего Романа Грушевича сам Василей Борзобогатый рукою своею з гаркабуза на смерт забил и замордовал, и тело того Романа забитого, звязаного цеглы к шыи и к ногам привезати, и в воду под лавку утопити казал, а другого забитого тело Матфея Бойка не ведати, где подети казал; и слуг дей пана Александра Семашковых, которые по потребах пана своего, для отдаваня плату земского и несучи никоторые пенези пану своему, в том дому войтовском ночовали, побили, и помордовали и окрутенства над ними чинили; и маетности дей мои—грши готовые, зброи, стрелбу, кони и иные многие речи побрали, кривды дей и шкоды великие починили, которых дей кривдъ и шкод реестръ в себе маючи, лантвойт

дей мой луцкий Станислав Романовский на вряде господаръском замку Луцкого оповедал, вижом раны обводил и до книг замковых записати дал; и о тое дей кгвалтовное наслане, побите, помордоване и о починене шкод немалых позвы твои милости княже старосто луцкий я Ивана Яцковича Борзобогатого, абы сам стал и того сына своего Василя и помочников его Щастного Кресимовского, Свеборовского и Волского поставил; а особливыми позвы тогож сына его Василя, и также братаничов его Ивана и Степана Олехновичов Борзобогатых, доложивши всю тую жалобу свою на позвех а тоеж слову (?), до замку Луцкого перед твою милост на рок ку праву на сес ден позвал; на который рок я зо всѣм доводом своим ку праву перец твою милостю уставам, и пилност через вес ден от поранку и до вечера чиню; а тое стороны позваное не бачу; которые они сами от мене позваны на рок ку праву на сес ден вышей помененый не стали и на свое местцо умоцованного своего прислати ку праву, и жадное ведомости о собѣ дати не хотели. И доводячи пан Малинский року своего позванного, покладал передо мною лист дворянина господаръского, на всѣ справы пану Малинскому приданого, пана Яна Бокея Зарецкого, а в необраню на сес час подле статуту права ново выданого возных на справы земские, вижа от мене приданого Тихни Свищовского, и лист сознаня шляхты, которые на тот час при них при позваню были: пана Богдана Сосницкого, пана Олекшого Миколаевича, а пана Сидора Чешинского; и к тому выпис с книг врядовых замку Луцкого покладал, в которых ся оказало, иж рок позваный от пана Малинского Борзобогатых выше мененых на сес ден в року шестдесят шостом, месяца априля, тридцатого дня припалъ; и водле позвов своих хотечи пан Михайло Малинский такового кгвалтовного нахоженя их, побитя на смерт, помордованя и зраненя слуг, побраня маетности своее и слуг своих, и починене шкод, подле права, з лантвойтом своим луцким Станиславом Романовскимъ, зъ слугами Станиславом Ревуским, Матысом Облонским а Грицкомъ бояриномъ з Вилбич, при теле через властные руки Василевы за-

битого и замордованого боярина Романа Грушевича, которого дей тело того забитого у воде под млыном Боровицким связаного, и цеглы к шии и к ногам привязаны, знайдено, и на вряд господаръский замку Луцкого привезено, и таковый мордъ оказано и оповедано, у права на них доводити, просил мене пан Михайло Малинский, маршалок господарьский, абыхмо его подле статуту права земского ново выданого заховали и ку доводу за нестанем их припустили. Ино кгдыж Иван Яцкович Борзобогатый на рок сам не стал и того сына своего Василя и помочников его Кресимовского, Свеборовского и Волского ку праву не поставил, так теж Иван и Степан Олехновичи Борзобогатые на рок ку праву за позвы не стали и никоторое видомости до вряду замку Луцкого на тот рок за позвы, им припалыи, о соби не дали, припустили есмо пана Михаила Малинского, маршалка господаръского, на таковом кгвалте, морде, головщинах и шкодах поделаных лантвойта его милости Станислава Романовского и слуг Станислава Ревуского, Матыса Яблонского а боярина Грицка, при теле того боярина забитого Романа Грушевича ку доводу. А так пан Михайло Малинский, доводячи того кгвалту и морду нахоженя ночным обычаем непристойным местцомъ дирями на дом войтовский, побитя, помордованя лантвойта и слуг, починеня шкод, покладал выпис с книг вряду замку Луцкого обвожене кгвалту и ранных вижом врядовым замку Луцкого Жданом Павловичом, тогож часу скоро по кгвалте оповеданя шкод поделаных, к тому лист людей добрых шляхты слуг пана Александра Семашковых: Яна Кгронцкого, Василя Несвицкого а Крыштофа Кравца, которые будучи на тот час в месте Луцком, по потребах пана своего в дому войтовском з ыншими товариши своими, ночовали, тот кгвалт видели, раны, шкоды и сами терпѣли, и теж лист дворянина господаръского пана Яна Бокея Зарецкого, который з листом господарьским до бурмистра и мещан луцких от его кролевское милости послан, абы пана Михаила Малинского, подле увязаня дворянина господаръского пана Василя Мацковича, послушни были; а мещане луцкие вызнавали перед дворянином господаръ-

ским паном Яном Зарецким, иж Василей и Степан Борзобогатые с тыми помочниками своими ночным обычаемъ дирею до места Луцкого входили, и тот кгвалт, мордъ, и шкоды в дому войтовскомъ пану Малинскому, лантвойту и слугам его милости вделали; над то ставлены через вряд замку Луцкого перед нами служебникъ Борзобогатых на имя Валентый а боярин их же Заборовский Лукян, которые доброволне вызнавали, што они з Василем а Степаном Борзобогатыми и помочниками своими выше менеными на дом войтовский пана Малинского в Луцку находили, побили, и помордовли, и тѣло забитого боярина пана Малинского, цеглы к шии и к ногам привезавши, в реку Стыр под лавки утопили, што на выписех с книг вряду замку Луцкого ширей ест описано; ку тому присегами телесными лантвойта луцкого Станислава Романовского и слуг Станислава Ревуского, Матыса Яблонского, людей добрых шляхты, и боярина Вилбицкого Грицка, а отца того замордованого Романа Труша; выслухавши есмо доводов пана Малинского на выписех врядовых, и листах, сведецствах и присегах телесных, въсказал есми и присудил на Иване Яцковичу Борзобогатомъ, на сыну его Василю и на братаничох его на Иване и Степане Олехновичох Борзобогатых за голову убитую служебника пана Малинского шляхтича Матфея Бойка сто коп грошей; за рану обличную Станислава Романовского, лантвойта пана Малинского, сорок коп грошей; за раны шляхтича Станислава Ревуского двадцат коп грошей; за раны шкодливые в голове, с которых кости выбираны, Матыса Яблонского тридцат коп грошей; за голову убитую боярина панцерного Романа Трушевича пятдесят коп грошей; а за раны другого боярина панцерногож Грицка з Вилбич десет коп грош; всего за головщины, за бои и за раны верху мененые двесте и пятдесят коп грошей; а за шкоды, на тот час в томъ дому войтовскомъ побраные, подле реестру менованого самого пана Малинского и слуг его милости, тоест у тринадцати мешкох за печатми грошей готовых двѣсте коп, двадцат и одна копа литовских . . . зуполных по петнадцати коп тридцат

коп грошей; за зброю одну бляховую зуполную осмъ коп грошей; за десет панцыров и за десет шишаков, за каждый панцыр зъ шишаком по чотыри копы грошей, сорок коп грошей; за ручниц губчастых долгих пят, по полторы копы, семъ копъ и тридъцать грошей; а за коротких ручниц губчастых двятцат пять, по копе, дватцат пят копъ грошей; за пят гаркабузов долгих с костми, по полторы копы, сем коп и тридцат грошей; а за двадцат пят гаркабузов коротших с костми, по копе, двадцат пят коп грошей; за два кони в рыже - чалых стада пана Малинского, торгованых по чотырнадцати коп грошей, дватцат осмъ коп грошей; а за третего коня гнедого неторгованного, стада пана Малинского, осмъ копъ грошей; за шкоды слуг пана Малинского, в тот же час поделаные, за два кони лантвойтовых Станислава Романовского купленых—за сивого десет коп грошей, а за полового шест коп грошей; за седло егож сафъяномъ крытое двѣ копе грошей; за ермяк блакитный люнский зъ шнурами едвабю черленого, смушками подшитый, три копы грошей; за шаблю и за гаркабуз три копы грошей; Станислава Ревуского за шаблю и гаркабуз двѣ копе и шестнадцат грошей; за коня гнедого зъ седломъ и з епанчею Матыса Яблонского девят коп грошей; за ермяк блакитный люнский з шнурами две копе грошей; за шаблю, за сагайдак и за рогатину три копы грошей; за шаблю и за рогатину боярина Грицка копу грошей. За тые всѣ шкоды выше мененые самого пана Малинского и слуг его милости—чотыриста коп сорокъ и одну копу и шестнадцат грошей; а навязки на тые всѣ шкоды помененые другую чотыриста коп сорок одну копу и шестнадцат грошей; за шкоды з навязкою осмъсот коп осмъдесят двѣ копе тридцат и два гроши; а за головщины, за бои и за раны двесте и пятдесят коп грошей. Того всего сумою тисячу коп грошей, сто двадцат две копе, тридцат и два гроши. И роки есми заплате положил, водле обычаю права посполитого и статуту земского, кождой сту копам грошей по дванатцати недел, а двацатма двомъ копамъ тридцатма и двомъ грошам литовское личбы чотыри не-

дели; на которые роки они повинни будут пану Михаилу Малинскому тую суму пенезей отдати и заплатити. А за непослушенство, за нестанемъ их ку праву на рок позваный, маю через лист свой без мешканя господару королю его милости дати знати. И то есми до книг замку Луцкого записати казал, с которых и выпис суду и всказаня моего под печатю моею его милость панъ Михайло Еловичъ Малинский, маршалокъ господаръский, на то собѣ взялъ. Писанъ в Луцку.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 118.

LXVI.

1566 г. мая 1. Заявленіе дворянина господарскаго Дахна Федоровича, о врученіи имъ Малинскому королевскаго листа о вводѣ Лысаковского во владѣніе им. Велицко и войтовствомъ Луцкимъ и королевскаго мандата, вызывающаго Малинскаго на королевскій судъ за самовольное отнятіе войтовства у Лысаковскаго. При этомъ Малинскій не допустилъ ввода въ домъ войтовскій.

Року 1566, месяца мая, первого дня. Пришодчы на вряд его кролевское милости до мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего луцкого, дворенин господарьский панъ Дахъно Федоровичъ оповедал тыми словы: ижъ дей нинешнего дня въ середу ходил есми з листы его кролевское милости до пана Михаила Еловича Малинского, маршалка господарьского, и знашодчы его в Луцку, давал есми ему до рукъ лист его кролевское милости увяжъчый, иж бых я во имене Велицко и у войтовство Луцкое кашталяна любачовского пана Миколая Лысаковского увезал, то ему на господаря короля его милость держати подал; тогды пан Михайло Еловичъ Малинъский, лист его кролевское милости принемъши, вычитал и засъ его мнѣ отдалъ, а копею с того листа списаную собѣ взялъ; а потом давалъ есми ему мандатъ господаръский, позываючи его перед господаря короля его милость о том, штож дей он тых часов недавно прошлых, не оказав и пану Миколаю Лысаковскому, кашталяну любачовскому, жадныхъ листовъ господаръских, але моцно кгвалтомъ имене Велицко и войтовъ-

ство Луцкое, што он на господара короля его милость держал, з моцы, з рукъ и владности его отнемшы, и тепер то на себе держить и вживаеть, што ширей а достаточней на том мандате господарьском естъ описано; за которим дей мандатом и рокъ есми пану Михаилу Еловичу Малинскому, в томъ мандате господарьском зложоный, перед господарем королем его милостью ку праву стати ознаймилъ, от поданя того мандату господаръского, тоесть от нинешнего дня середы, месяца мая первого, за чотыри недели; такъ же дей панъ Михайло Елович Малинский и тотъ листъ мандатъ его кролевъское милости принемшы, вычиталъ и зась его мне до рукъ моих отдалъ, и копею с того листа мандату господарьского списаную собѣ взялъ: такъ же дей есми заразомъ вышедчи от пана Малинского, у войтовство Луцъкое пана любачовского увезалъ и лантъвойтом служебника его милости пана Станислава Станковского зоставил, и вчинивши з мещан луцкихъ послушенство, вшелякие справы, на вряд лантвойский приналежачие, редити и справовати ему злецылъ; нижли дей ми пан Михайло Елович Малинский дому великого войтовского не поступилъ, и теперечы дей тамъ в томъ дому з многими слугами своими мешкаетъ. И просилъ панъ Дахно Федорович, дворенинъ господаръский, абы то было записано. А такъ я тое оповедане его в книги замъковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2040, л. 123 об.

LXVII.

1566 г. авг. 26. Грамота короля Сигизмунда Августа объ отдачѣ въ заставу дворца Гнидавы Ивану Чапличу-Шпановскому, у котораго король занялъ 1000 золотыхъ на веденіе войны съ в. кн. Московскимъ.

Заставной владѣлецъ можетъ и по выкупѣ сохранить пожизненно право владѣнія коронныммъ имѣніемъ, но уже на правахъ великокняжескаго урядника.

Лета от нароженъя Сына Божего 1584, месяца июня, 7 дня. На рокох судовых земских луцких, от дня светое Тройцы, рымского свята, в року теперешним осмъдесят четвертом припалых и судовне отправованых, перед нами Федорем Кадьяном Чапличом-Шпановским, судею, а Иваном Хренницким, подсудъком, врядники судовыми земскими луцкими, постановившися у суду очевисто его мл. панъ Семенъ Круневичъ, староста полонъский, положил привилей перед нами господарский славное и светобливое памети короля Полского и великого князя Литовского Жикгимонта-Авъгуста, который мает от его милости пана Ивана Чапълича-Шпановъского, воиского земли Волынское луцкого, на заведенъе и пустовенъе (?) именъя Гнедавы, которое его мл. пан Иван Чаплич от его королевъское милости, маючи право доживотное, и суму позычоную тисечу золотых чирвоных угорскихъ, на том именъю Гнидаве описаныхъ, тогды тое именъе Гнидаву пан Иванъ Чаплич - Шпановский пану Семену Круневичу, взявши от него пенези свои тисечу золотых чырвоных угорскихъ, привилей и въсе право свое, которое мел от его королевъское милости, листом своим описом доброволным влил и до рук пану Семену Круневичу, або тому, кому тое его милость правом своим запишет и заведет, отдал; просил пан Семен Круневич, абысмо тот привилей господарский, на именъе Гнидаву ему поданый, до книгъ справъ судовых земских

записати казали. Которого мы, для уписованя до книг приймуючи, перед собою читати казали, руки подписи и печати господарское огълед али и такъ се в собе мает:

Жикгимонътъ-Авъгуст, Божю милостю корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, лифлянтский и иных. Ознаумуемъ сим листомъ нашимъ, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати, штож пилно потребуючи пенезей на заплату людем служебним и на иншие потребы наши господарские земские, ведучи валку з неприятелем нашим великим князем московъским по взятью замку нашого Полоцкого, и на отретованъе его взяли есмо обычаем позычоным у скарбъ нашъ господарский и земский певъную суму пенезей тисячу золотых чырвоных угорскихъ, личечи в каждый золотый по сороку и двох грошох личъбы великого князства Литовского, у войского луцкого пана Ивана Петровича Чаплича-Шпановского, в которой суме пенезей заставили и записали есмо, и сим листомъ нашим заставуем и записуем ему, жоне, детем и потомкомъ их дворец нашъ ключа Луцкого, недалеко замку Луцкого лежачий Гнедаву, с пашнею дворною, зъ землями оремыми и неоремыми, з гаи, з леси, з дубровами, и сеножатми, з бояри путными, и з людми, на оныхъ кгрунтех Гнидавъских оселыми, платы пенежъными и серебщизнами, з дяклы житными, овсяными и сенъными, зо всими доходы и повинностями всякими оных подданыхъ гнидавъских, што колвек они з стародавна платити и полнити суть повинни, с пересуды, з винами, и со всим уживанъем и пожитки, которые на нас господаря и на ключника луцкого прихоживали и браны были, ничого на нас и потомковъ наших тых платов и повинностей не оставуючи а ни выймуючи; маеть пан Иван Чапълич дворец вышей поменепый Гнидавский ключа Луцкого заставнымъ обычаемъ от Нароженъя Панны Марьи руского свята, которое будет в року теперешънем шестдесят шостом пришлого, почати держати со всим по тому, яко вышей есть описано, ку пожитку своему в моцы справе и владности своей мети, ажъ

до таковогожъ свята Нароженъя Панны Мареи, которое будет, выдержавъшы рокъ зуполный, в году тисеча пятсот шестдесят семом; на который денъ и часъ пану Ивану Чапличу, або жоне, детем и потомкомъ их, або кому он от себе тую суму пенезей запишет, мает сума пенезей его тисеча золотых черленыхъ з скарбу нашого, або потомковъ наших скуточне готовыми грошъми, або такимиж золотыми черлеными, отдана и заплачона быти; а еслибы на тот рок верху означоный, по выдержанъю году, на ден Нароженъя Панны Мареи в року шестдесят семом пришълого свята, тая сума пенезей его з скарбу нашого, або потомковъ наших ему, жоне, детем и потомковъ их, або кому он запишет, не была отдана и заплачона, тогды рок од року он сам, жона, дети и потомки ихъ тот дворец Гнидаву зо всим потому, яко верху ест описано, ку пожитку своему держати будет до того часу, ажъ бы ему, або жоне, детем, и потомкомъ их на час назначоный, по выдерженъю от року до року, з скарбу нашого, або потомковъ наших, сума пенезей его тисеча золотых чирвоных зуполна отдана и заплачона была; а межи роков мы и потомки наши того дворца Гнедавы в него самого, жоны, детей и потомков ихъ выкуповати и никому инъшому, не отдавши ему, або жоне, детем и потомком ихъ сумы пенезей, до скарбу нашого от него взятое, в таковой же, а ни болшой суме заводити и в нихъ отнимати и никоторое переказы им в держанью того дворца вышей менованого и в пожитках тамошъних чинити не маем; а онъ тежъ, жона, дети и потомки их не будут повинны тое сумы своее з скарбу нашого межи роковъ брати, а нам и потомком нашим того дворца и подданых гнидавских поступовати; также и служъбы земское военное служити с того он сам, жона, дети и потомки их с тогоименъя нашого не повинни; а чого Боже уховай, на тое именъе огъня, або на люди поветрея, от войска спустошенъя и злодѣйства, або еслибы ся подданые проч розышъли, тогды мы и потомки наши не маемъ того на нем, жоне, детех и потомкох их поискивати, а ни пенезей при выкупованъю именья з сумы его, до скарбу нашего через него

даное, вытручати; а где быхмо на роки, в сем листе нашом описаные, ему суму пенезей отдали и заплатити росказали, тогды пред ся того дворца и подданых гнидавских от него брати и никому иному в суме пенезей заводити не маемъ; але он, взявши суму пенезей, мает тот дворец и люди верху помененые от нас господаря до живота своего держати, а зо въсих платовъ и доходовъ до скарбу нашого личъбу делати водлугъ того, яко оные именъя ключовые через нас господара, або посланъцовъ наших, постановены будут. А где быхъмо в том часе которого року, покул тое именъе панъ Иванъ Чапълич, жона, дети и потомки держати будут, серебъщизну на подданые замковъ и дворовъ наших ухвалили и на сейме положили, тогды теж он, жона, дети и потомки их, оную серебшъчизну с тых подданыхъ наших заставныхъ выбравши водле уфалы нашое, до скарбу нашого платити и отдавати и личбу вчинити будут повинни, также и побор на оборону речи посполитое, на тот час ново установленый, покулъ со всих подданых наших зложон не будут, он же сам, жона, дети и потомъки их выбираючи, з личбою до скарбу нашого отдавати мают; а ревизоры наши и поборцы в тое имѐнъе менованое въежъдчати, а ни от нас высыланы быти не мают, покул то они в той суме заставою держати будут. Волно тежъ будет пану Ивану Чапличу, жоне, детемъ и потомкомъ их, потребуючи пенезей, тое именъе наше въ той же суме пенезей кому хотечи заставити и записом своим завести; а кому бы они заставили и записомъ своим завели, тот мает оное именъе менованое в той же суме пенезей тым же способом и под тоюжъ моцю и роками описаными со въсим держати, службъ с подданыхъ, и платов з них приходячих и пожитков всяких уживати по тому, яко в сем листе нашом вышей описано ест. И на то есмо пану Ивану Чапличу-Шпановскому дати казали сес нашъ лист, подписавши его властною рукою нашою господарскою з нашою печатю. Писан у Люблине, лета Божого нароженъя тисеча пятсот шедесят шостого, месяца августа двадцат шостого дня. Подпис руки господарское: Жикгимонт-Август;

Остафей Волович, подканъцлерый великого князства Литовъского и маршалокъ дворный.

А так мы тот привилей на тое село Гнидавъское, от пана Ивана Чапълича-Шпановского пану Семену Круневичу старосте полонъскому даный, на тисечу золотых чирвоных угорских и на все право доживотное слово в слово с початку аж до конца (в) книги судовые земские луцкие записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2097, л. 637 № ак. 478.

LXVIII.

1566 г. сент. 14. Запродажная запись Марины Александровны (ур. Буремской) Хмариной, сыновей ея Семена и Степана и дочекъ Любки и Ганны („сообща о томъ размысливших") на имѣніе Плоскую Фед. Петровичу Чапличу-Шпановскому.

Я Федоровая Хмариная Марина з Буремля и з сынми моими Семеномъ а Степаномъ Хмаричы и з дочками моими Любъкою а Ганною вызнаваемъ сами на себе симъ нашим листом, штож которое имене Плоскую на реце Стублѣ небожчикъ муж Федор Хмара выменял за имене свое отчизное Миловши у пана Ивана Петровича Чаплича, войского земли Волынское луцкого, тое имене нашо Плоскую для великое а пилное потребы своее всѣ сполечне, достаточне ся в томъ розмысливши продали есмо пану Федору Петровичу Чапличу зо всѣмъ на все, ничого на себе не оставуючы, обел вечно ему самому, жонѣ, дѣтемъ, потомкомъ и изчадком его за певную суму пенезей за пятсот копъ грошей личбы литовское; нижли пан Федор Чаплич, на тот час не маючы всѣхъ пенезей сполна, дал нам на тое имене задатку двѣсте копъ грошей, а триста коп грошей маетъ нам отдати на року певномъ на день св. Шимона Июды, римского свята, которое будет в року теперешнемъ шестдесят шостомъ, не жадными фанътами, одно грошми готовыми, ничимъ того року не похиб-

ляючы и никоторых причин и вымовы не вынайдуючы; а мы на тот рокъ вышей описаный на местцу певномъ в замку господарьскомъ Луцкомъ, тые пенези триста коп грошей всю сполна до рукъ своих вземши, тогожъ часу листъ продажный и всю справу, листы, за которыми тое имене держимъ, пану Федору Чапличу дати и до книгъ врядовых вызнати; а до того року, поки пан Чаплич тые пенези триста копъ грошей отдаст, не маемъ никому того имення продавати и ничимъ с того запису нашого не отступовати, одно самимъ волно мешъкаючы держати и вживати, а пан Чаплич до того року в тое имене ничим ся вступовати и никоторое переказы чинити не мает. А естли бы пан Федор на тотъ рок перво реченый тых трехсот копъ грошей на местцу певномъ в замку Луцкомъ не отдал, а однымъ днемъ того року похибил, тогды тые пенези двѣсте копъ грошей, которые намъ в початку дал, вечне тратитъ, вже по томъ року сей лист нашъ пану Чапличу нигде у права ку помочи быти не мает, якъ того имення доходити, так и пенезей поисковати не мает вечными часы; волно намъ будет тое имене наше Плоскую самымъ держати, албо кому хотячы продати, заставити и имъ яко власностю своею шафовати. И на то есмо пану Федору Чапличу дали сес нашъ листъ под моею печатю. А при томъ были и того добре звѣдоми ихъ милости панове; его милость пан Александръ Марковичъ Жоравницкий, ключникъ земли Волынское луцкий, князь Янушъ Матфѣевич Четвертенский, пан Андрѣй Семеновичъ Бабинский а пан Иванъ Бурый, дворенин господарьский. Якожъ за прозбою моею и печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Луцку, лет Божего нароженья тисяча пятсот шестдесят шостого, месяца се́нтебра, четвертогонадцать дня.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2040, л. 38, об.

LXIX.

1567 г. янв. 8. Рѣшеніе Владимірскимъ земскимъ судомъ иска владимірскаго попа Малафея Ивановича на попа Есифа Гораина о землѣ и пр.

Ставши очевисте за листомъ господарскимъ и за позвы земскими въ замку господаръскомъ Володимерскомъ перед нами Богданомъ Костюшковичомъ Хоболтовскимъ, судею земскимъ повету Володимерского, а Павломъ Шпаковскимъ, подсудкомъ земскимъ повету Володимерскаго, попъ володимерский церкви святых праведных Якима и Анны Есифъ Гораинъ, на котораго за листомъ господарскимъ и за позвы земскими жаловал поп пятницкий володимерский Малофей Иванович о дъворище свое властное отчизное на Лопушной, с полми и сеножатми, иж дей онъ от часу немалого держит и на себе вживает; к тому тот же дей поп Гораин сеножат мою властнуюжъ отчизную Зеркаловскую, лежачую межи сеножатми церковъными Михайловъскую, Василевъскую и войтовскую, не маючи на то никоторого права, держит и въживаетъ; а онъ дей того дворища с полми и сеножатъми на . . . . . . тые сеножати моее Зеркаловское мнѣ поступити не хочетъ, яко ширей на листе господаръскомъ и на выписе врядовом . . . . и на позвехъ жалоба попа пятницкого ест ширей а достаточ . . . описано. Гдеж поп Есифъ Гораин, отказ за позвы чинечи, поведил, иж дей я от князя его милости князя Костентина Костентиновича Острозкого, воеводы киевского, маршалка земли Волынское, старосты володимерского, от пана моего милостивого тую церковъ мою и тое дворище с полми и з сеножатми при той церкве от князя его милости держу и въживаю. А так мы, вчинивъши межи собою обмову, а видечи то, иж то не нашъ судъ, одно пана подкоморего о тот кгрунтъ суд приходитъ, с тыхъ причинъ отложили и здали есъмо то на суд пана подкоморего, иж если поп пятницкий похочет о тотъ кгрунтъ правоватися, тогды маетъ его перед пана подкомо-

рего позъвати и о то право з ним мѣти. А што теж жаловал на тогожъ попа Гораина, ижъ он листы господаръские, которые ему от попа пятницъкого были даваны, фалшивыми быти миновал, ино того ся попъ Гораинъ упрел, ижъ того не меновал, а поп теж пятницкий на том перестал и доводу на него о то не чинил; от того поп Гораин волен зостал. Жаловал теж поп пятницкий на тогож попа Гораина водле позву своего о чотыри кони свое, одного чалого, двух гнедых а четъвертого вороного, иж дей онъ в року прошлом шестдесят пятом на доброволной дорозе в паробъков моих, которые дей з Устилога ехали, четъверо коней в них моих властных пограбил и их самых позбивал; а тыми дей конми моими тыжден робил, аж дей есми з ведомостю врядовою тые кони свои на поруку в него взял; на чом поп пятницъкий на него и довод чинити был готовъ. Нижли поп Гораин, на довод ся не даючи, поведил, иж я сам тых коней не гърабил, але пограбил их шафар княжий пан Миколай; одно тые коне одну ноч в мене ночовали. Гдеж есмо, взявши собе в том з статуту порозумене и слышачи то, иж ся поп Гораин сам зналъ, же тые кони не сам грабил и одну ноч, а не болшей, в себе ихъ держалъ, и на довод ся попа пятницкого пустити не хотел, иж бы тыми конми . . . . и их в себе держати мел; гдеж ся от него попу пятниц . . . . шъный грабеж стал, яко теж поп пятницкий в кого колвек . . . . . тые кони кождого ценою покупил, довод на том чинити . . . . а Гораин поп и ку тому ся доводу не давал,—сказали есмо попу пятницкому на попу Гораину, подлугъ его слушъного доводу, навязку тым конемъ чотыремъ: за гънедого коня коп пят, за другого коня гнедого коп чотыри и грошей пятнадцат, за чалого коня коп осмъ, а за вороного копъ чотыри и грошей дванадцат; того всего водлугъ купли тых коней чинит коп девятнадцат и грошей сорок два; и рок запълате от сего месяца генваря, первогонадцат дня, суботы чотыри недели зложили. А што дотычет о бои паробковъ попа пятницъкого, ино о то правом Гораина попа не

доходил, от того бою Гораин поп волен. Который суд и въсказанъе свое казали есмо до кънигъ земскихъ судовых записати. Писан у Володимери.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 954, л. 5 об.

LXX.

1567 г. февр. 9. Долговая запись кн. Льва Коширскаго „жиду" городельскому Марку на 2000 золот. (съ уплатою въ Данцигѣ, по прибытіи барокъ князя съ хлѣбомъ); въ случаѣ неуплаты въ срокъ, „жидъ" имѣетъ право вступить во владѣніе имѣніемъ кн. Коширскаго—Зивидовымъ.

Еврейское землевладѣніе.

Я Лев Александрович Санкгушко Коширский вызнавамъ самъ на себе тым моим листом, кому бы того была потреба ведати, ижемъ позычилъ и взял у Марка, жида городелского, ку своей пилной потребе готовыхъ пенезей две тисечи золотых и пол осма ста золотых личбы полское, личачи по тридцати гропіей полских в золотый; которые пенези мамъ и повинен буду отдати на певномъ местцу пришлого спусту во Кгданску в року дисейшемъ тисечномъ петсотномъ шестдесят семомъ през служебника своего Станислава Кглуховского, або который будет при тых комягах моих от мене посланый, на рокъ певный на ден светого Петра, свята римского; а если бы теж в коротшем часе дошли тые комяги мои до Кгданска, тогды служебник мой верхуминеный будет повинен в тыйден по проданю и по зсыпаню до шпихлира того жита моего тые пенези, всю суму вышей мененую, отдати, не отзываючися до мене пана своего и до жадного права, одно тамже на местцу верхуописаном, Маркови, або тому, при ком на он часъ тот мой лист будетъ, винен будет отдати; а чого пане Бже вховай, жебы якоюж колвек причиною тые пенези не были отданы Маркови през слугу моего вышей мененого там во Кгданску, тогды пан Марко волен буде, вземъши вижа с которого колве уряду, въехат и увезатися

во имене мое Завидов, никому ничимъ незаведеное, так в той суме верхуописаной, яко и во всихъ шкодахъ, которые бы ся ему стали, за неотданемъ от мене тое сумы пенезей верхумененое, през жадного права и доводу, одно на его приречене слова, держати мает тое имене мое, якося само в собе маетъ, зо всими пожитками к нему належачими, и вживат до того часу, покол бы ся ему от мене зуполная заплата и всих шкодъ нагорода стала, а штося тычет службы военное его кролевской милости, мам его в том заступит и с того именя служит. А еслибы хто до того именя моего якиеж колвекъ записы указывал, хот бы теж были при комъ писаные, таковые записы жадное моцы мет не мают, одно тот мой запис Маркови от мене даный при всей а зупольной моцы зоставую; гдеж если бы Марко мелъ на чомъ шкодоват за указованемъ записов чиих от когож колве на тое имене мое, тогды я винен буду в томъ во всемъ его властнымъ грошем своимъ заступоват без жадного права и доводу, одно на его слова приречене. И на том я ему далъ тот мой лист под властною печатю своею и с подписомъ властное моей руки по руску. Писан в Камени, року от Нароженя Божего тисечного петсотного шестдесят семого, месяца лютого, девятого дня. Лев Санькгушко Коширский, властну руку.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 934, л. 57 об.

LXXI.

1567 г. апр. 12. Марія и сынъ ея Романъ Васильевичъ Марковскіе заняли у „жида" локацкаго Мошка 200 копъ гр. литов. и заложили ему половину, принадлежащую имъ, млина въ им. Марковичахъ и 15 человѣкъ тамошнихъ „властныхъ" ихъ крестьянъ; застава наступаетъ въ случаѣ неуплаты въ срокъ, при этомъ прибавляется еще 3 крестьянина, по выбору „жида".

Еврейское землевладѣніе.

Лет Бож. Нарож. 1567, мца июня, 10 дня. Присылал до мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михаила Павловича подстаростего володимерского, земенин

господарский пан Роман Марковскийз листом своим оттвороным, до мене писаным, служебника своего Мартина Величковича, просечи мене, абых запис его, жиду локацкому Мошку от него на двесте коп грошей литовских даный, в книги замковые увел и выпис с книг тому жиду дал; который запис пана Марковского тот жид локацкий Мошко передо мною показывал; и тут же очевисте, при том служебнику пана Марковского, увес достаточне, почавши с початку аж до конца, читан был и так ся в собе мает.

Я Маря Василевая Марковская, весполок и з сыном моим Романом Василевичом Марковским, сознаваем сами на себе сим нашим листом кождому доброму, кому будет потреба того ведати, або чтучи его слышати: зостали есмо винни посполитого долгу нашого рукодаными готовыми пенезми двѣсте коп грошей литовское личбы, личачи по десяти пенезей в грош а по шестидесят грошей в копу, пану Мошку Исачкевичу, жиду локацкому, которую суму пенезей тую двѣсте коп грошей ни жадными фанты, а ни шацунки, одно готовыми грошми маем пану Мошку без жадное проволоки заплатит, на рок певный о Божем Нарожени свята прошлого (sic), которое быти маетъ в року тисяча пятсот шестдесят семом; а в той суме пенезей двусту копах грошей до того часу Божего Нароженя в том листе записном нашом ознаймуем ему во именю нашом в Марковичох половицу млына нашого, которую маем, держачи сполечную с паном Фалелеемъ в Марковичох, зо всяким розмером, ничого на себе не выйменуючи; а ку тому пятнадцет чоловеков наших властивых тамже в Марковичох: Полуяна, Томила, Трохима, Котка, Омелка, Иванчука, Савочку, Лущибуха, Панаса, Грицка, Евхима, Полуяна, Дудку, Еремея Очерета, Машлаиху; до котораго млына части и людей наших в Марковичох от инших, кому колвек быхмо винни, до того року вышей мененого жадное близкости и приступу, кроме пана Мошка, мети не мает, за чим бы пану Мошку оная сума пенезей вся сполна от нас на тот рок дошла; а паклиж быхмо яко на тот рок описаный тое сумы пенезей двусту коп

грошей пану Мошку не заплатили, тогды тую част млына нашого в Марковичох зо всяким розмером, ничого на себе не выйменуючи, и людей наших тамже в Марковичох пятнадцати чоловеков, меновите описаных, зъ их оседлостми, з дворищами, з огородами, с полми, и з сеножатми, платми, роботами и повозми и з ихъ всякими повинностми, без жадного права и позвов и увяжчих, всяких пана Мошковых прикладов, одно за вижом замъку господарского Володимерского, зо всим на все в целости сами доброволне маем поступити, на моц подати; при которой части млына и тых пятнадцати чоловеков, меновите описаных, яко на тот рок вышей значеный, инших людей своих во свободности быхмо тамже в Марковичох мели, тогды над тую пятнадцат чоловеков еще трех чоловеков, на суполной службе а дворищих целых, в той же суме пенезей, которые ся пану Мошку полюбят, маем теж ему, под таким же обовязаньем нашим, поступити и в моц подати; где пан Мошко, держачы тую част млына нашого в Марковичох и тую пятнадцат чоловека, а теж оных трех чоловеков на суполныхъ дворищах, которые ся ему полюбят, кром меновите описаных, держачи в той суме пенезей, волен будет з млына всяким розмером на себе брати и вживати, такъ и с тых людей наших в Марковичах, што мы ему поступимъ и в моц подамо, водле описаня листу нашого, платы и роботы, повозы и всякие живности волен будет мети и ку своему лепшо(му) и пожиточнейшому оборочати, што ся ему видети будет, поколе ся ему вся сполна заплата от нас дойдет; а за чим тая сума пенезей от нас пану Мошку сполна не дойдет, то ни я сама, а ни сын мой Роман, а ни жаден дей близкий потомок наш, не заплативши пану Мошку оное сумы пенезей сполна, яко в част млына, так и в люди наших в Марковичах ничимся вступовати не маем. А чого Пане Боже рачи уховати, на нас смерти при держаню его од нас части млына и людей наших в Марковичах, маючи ему от нас тот наш (sic) записный, таким же обычаем потомок наш, на кого бы мело то спасти, не заплативши сполна ему тое сумы пенезей, во все то жадными

причинами вступоватися не может, а ни теж пана Мошка ку праву или ку всякому прикладу за то приволокати не мает, хиба олиж ему тую суму пенезей всю сполна заплативши, и все то к рукам и к моцы своей от него взяти мает. А держачи теж ему част млына и людей наших в Марковичах маючы в моцы своей, ведле описаня листу нашого, кому хотечи зо всим тым заставити и в моц подати в той же суме пенезей таким же обычаем, яко пан Мошко од запису нашого от нас одержати собе мает; а кому тая част млына з людми нашими от пана Мошка в той суме пенезей заставлена будет и в моц через тот же запис наш бы подана, тогды и тот от пана Мошка державчий, маючи во влостности суме пенезей свое, мает туюж моц частъ млына и людей наших в Марковичох на себе держати и вживати, и маючи теж перед собою пилную потребу, кому хотечи, заставити. А мы теж и тому, не заплативши оное сумы пенезей, ни в чом также противны быти не маем. А поколе тот запис наш з руки пана Мошковы не выйдетъ, тогды мы жадных причин, а ни вымов о тую суму пенезей, нам от него позыченую, поведит не маем, покол алиж ему сполна заплатим и запис тот наш к рукам своим от него приймем; а естлиж быхмо на тот описаный рок пану Мошку оное сумы пенезей сполна не заплатили, и ни части млына и людей наших в Марковичах не поступили, и в моц не подали, тогда мы тые пенези пану Мошку маем совито, то есть чотыриста коп грошей, заплатити, шкоды и всякие наклады маем теж пану Мошку совито поплатити, которые бы мел пан Мошко поискиваючи тых пенезей от нас собе шкодоват, кроме всякого права и доводу, одно на меневане слово его, и над оную суму пенезей рукодануую его, и всякие шкоды и наклады его, чого Пане Боже рач уховат нас, не вчинивши досыт ему противку запису своего, еще заруки в замок господарский Володимерский двесте коп грошей маем заплатити; для которого обвезаня рукоданое сумы пенезей, нам позыченое, и всяких шкод и накладов пана Мошковых и заруки на замок господарский чуйности нашой, под ведомостю их милости панов судей господарскихъ

земских поветовых, казали то есмо в книги замковые записати и выпис с книг замку гєдръского на имя нашо взяти под печатми их милости. Для которого сведомя и твердости сего листу нашого я Маря Василевая Марковская, весполок и з сыном моим Романом Василевичом Марковским, свою есмо печат приложили к сему нашому листу; яко на тот час были и того добре сведоми их милост панове: судя земский господарский повету Володимерского пан Богдан Костюшкович Хоболтовский, и пан Павел Шпаковский пан подсудок его милост господарский, которым паном их милости были есмо чолом о приложене печатей, и их милост на чоломбите нашо вчинити рачили, печати свои приложили к сему нашому листу и при печати нашой и их милости панов судей господарских, я теж Роман Василевич Марковский свою руку властную подписал и для лепшого сведомя сего нашого листа. Писан в Марковичах, лета Божего Нароженя тисяча пятсот шестдесят семого, месяца априля, второгонадцат дня. Роман руку влостную подписал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 934, л. 96 об.

LXXII.

1567 г. іюня 29. Донесеніе дворянина господарскаго и вознаго о введеніи во владѣніе Михаила Вас. Дубницкаго войтовствомъ Владимірскимъ, которое продалъ ему прежній войтъ Максимъ Лудовичъ.

Но король наложилъ секвестръ на деньги за это войтовство впредь до преставленія Лудовичемъ отчета по войтовству.

Лет Бож. Нарож. 1567, месяца июня, 29 дня, в недѣлю. Што первей сего дня оногдашнего в суботу, месяца теперешнего июня двадцат первого, просил мене Якима Василевича, на тот час будучого на местцу пана Михаила Павловича, подстаростего володимерского, пан Михайло Василевич Дубницкий, дъяк канцлереи господарское,

абых ему придал возного ку дворанину господарскому пану Павлу Григоревичу Оранскому, который ему дан ест от его королевское милости на увязоване у войтовство Володимерское и во вси пожитки того войтовства; я ему на то придал возного земского повету Володимерского Тихна Андрѣевича Оранского; ино сего дня вышей датою помененого июня двадцат девятого тот дворенин господарский пан Павел Оранский и оный возный Тихно Оранский, пришодчи на вряд перед мене Якима, вызнали одными словы: иж што дей его кролевская милост з ласки своее господарское и за службы пана Михаила Василевича Дубницкого, и за прозбами и чоломбитемъ мещан володимерских, рачил его кролевска милост ему дати войтовство Володимерское зо всѣми добры, ку тому войтовству належачими, дозволивши дей ему его кролевская милост с того войтовства скупити бывшого войта володимерского пана Максима Ивановича Лудовича, с которымъ дей пан Михайло Дубницкий, будучи имъ обеюм при дворе его кролевское милости у Люблине, постановене вчинивши, до книг его милости господарских канцлерейскихъ тот бывший войтъ вызналъ, иж пан Михайло за право и привиля того пана Максима, которые он мелъ с продков своихъ на тое войтовство, отложити ему мелъ тисячу коп грошей нарокъ певный, то естъ на ден светого Спаса, свята близко пришлого в року нинешнемъ шестъдесятъ семомъ, або пакъ дей и вперед того свята, коли бы толко пан Михайло на тую суму способився; ино хотяж дей его кролевская милость тое вызнане оного Максима, войта бывшаго, за прозбою его до книг своихъ господарских записати росказати рачилъ, але дей тамъ же у в оный выпис его кролевская милость рачилъ казати доложити и записати: кгдыж дей его кролевская милость до каждого войтовства, яко вряду судового, который з рамени его кролевское милости везде ся становитъ, право свое кролевское мети рачитъ, также и около того войтовства Володимерского право свое господарское во всемъ при воли своей господарской зоставити и заховати рачил; зачимъ дей его кролевская милость майдат

его милости господарский по того пана Максима выдати росказати рачилъ, хотечи еще на дворе своемъ господарскомъ того казати досмотрети: естли дей тая сума ему, або властне до скарбу его милости господарского, прийти мает,—для того, же дей войны з оного войтовства не служил и частъ немалая того войтовства через продков его утрачона; с которым же дей мандатом господарскимъ, за листомъ и росказанемъ его кролевской милости, тут же з ними при той справе были дворенин его кролевское милости пан Богуш Василевич Древинский, маючи дей росказане господарское: скоро бы дей пан Михайло Дубницкий оную суму тому пану Максиму отложил, на вряде местьскомъ Володимерскомъ тую суму приповедати, а оного пана Максима, войта бывшого, мандатом его милости господарскимъ о тую суму ку справе позвати; топак дей пан Михайло Дубницкий, пред ся чинечи досыт оному постановеню, которое с тым паном Максимом, бывшимъ войтом, у Люблине учинил, еще дей уперед того свята светого Спаса на всю тую суму тисячу копъ грошей способившися, при них зо всею тою сумою до Володимера приехал помененого дня в суботу, мсца июня двадцат первого, в обедную годину, в семъ року шестъдесят семом; а иж дей ратуши у месте Володимерскомъ нетъ, тогды дей на рынку в дому бурмистра володимерского Василя Капли, перед его милостью паномъ Василемъ Петровичем Загоровскимъ и перед иными паны шляхтою—паном Яковом, и паном Остафъем Колпытовскими, и паном Василем Пузовским и передо мною дворанином его милости господарским, на тое увязане ему приданым, и передо мною возным земъским и перед зупольнымъ врядом меским тую дей всю суму тисечу копъ грошей сполна положил и тому пану Максиму, войту бывшому, водле постановеня, которое з ним у Люблине учинил, за право его отложити дей готов был; и домовял ся пан Михайло, абы мною дворанином и мною вознымъ войтъ ку браню пенезей обослан был. Ино дей мы, намовившися с тыми паны поменеными, в дом оного войта пана Максима ходили и кгды дей есмо его в дому не застали, пыталом я,

дворенин, жоны его панеи Настаси Подгороденского: где бы муж ее был? Она отказала, же вчора, в пятницу у вечор, поехал до пана Ивана Олехновича Борзобогатого до Рикан за осмъ мил от Володимера; я ей дал дей читати лист господарский, до мужа ее писаный, и минуту з оного листу до рук ее отдал, которого же бы дей до мужа своего слала и о положене тое сумы через пана Михаила Дубницкого ему ведати давала. Она дей перед нами отказала, хотечи дей тогож часу з оною минутою до мужа своего слати; я дей не чинечи того коротко, а не увязуючи еще пана Михаила в тое войтовство, отложилом то до завтрея до недели, абы тот пан Максим, войт бывший, ведаючи о том, ку браню пенезей от пана Михаи(ла) Дубницкого приехал, звлаща иж дей так неподалеку, у в осми милях, от Володимера был. А на завтрее дей в недѣлю, кгды я и пан Михайло доведалися есмо, же дей пан войт бывший в Пузове есть, у двох милях от Володимера, тогды я возный, за посланем пана Павла Оранского и пана Михаила Дубницкого, до Пузова ездил, навпоминаючи дей его, абы ку браню пенезей от пана Михаила ехал; топак дей кгды я возный там до Пузова до двора пана Тимоша Пузовского приехал, доведавшися о нем, же дей в том дворе был, нижли дей он, обачивши мене возного, до двора и в дом уходячи другими дверми, с того дому выскочил и у дворе у стайни замкнулъся, зникаючи дей передо мною; але дей пан Василей Пузовский поведил, же дей тепер з нами у дворе был, обедал, нижли тебе, пане возный обачивши, зникнул; а другий Пузовский пан Семен, свояк оного пана Максима, поведил: прожно поведатайти, же дей и вчорашнего дня пан войт в дому пана Тимоша Пузовского и у мене был. Ино дей пан Михайло тогож дня в неделю, вжо о нешпорной године, вземши тую всю суму тисячу коп грошей, при нас в дом того пана Максима, бывшого войта, посылал, абы тую суму взял, а права и привиля ему поотдавал; нижли дей як сам тот пан Максим ку отбираню тое сумы не был, так дей и никого отбирати ее не прислал и тому дей постановеню своему, которое с паном

Михаилом в Люблине вчинил, досыт не делаючи, зникал. А так дей я Павел Оранский, намовившися с тыми вышей менеными особами, паны шляхтою, обачивши то, иж дей тот пан Максим ведле постановеня своего, которое с паном Михаилом в Люблине учинил, поблизу дей так будучи от Володимера, ку браню оное сумы не ехал; але дей хотечи умыслъне тую справу звартовати, зникал, а сумы дей пенезей от пана Михаила не брал, прав и привилев своих, которое на тое войтовство мел, пану Михаилу не отдал; за чим дей вжо тую суму водле обовязку своего, которое на себе у Люблине учинил, до пана Михаила утратил. Я дей чинечи досыт воли и росказаню господарскому, жебых тогож часу, яко пан Михайло суму перед врядом Володимерским мѣским отложит, в тое войтовство его увезал, звлаща и то обачивши, же тая сума не тепер дей заразом тому пану Максиму прийти мела, але еще о тую суму перед господаремъ его милостю росправу ему быти мает, естли дей тая сума ему, або власне до скарбу господарского прийдетъ; с тых причин я в тое войтовство Володимерское и во всѣ пожитки, к тому войтовству здавна прислухаючими, и в дом того пана Максима у месте Володимерскомъ, в рынку лежачий, который пану Михайлу тот пан Максим ку войтовству заменою пустил, в люди, в фолварки, в земли, в сеножати пана Михаила Дубницкого увезал, и то все есми ему в держане подал, и рок жоне того пана Максима третий ден з оного дому выноситися зложил; а мещаном, которые на тот час вси собрани были, лист господарский о послушенство ку пану Михаилу, до них писаный, подалом, именем господарским росказал имъ, абы пана Михаила, яко войта и старшого своего, водле права майдеборского, послушни были; а мещане, будучи послушни росказаня господарского, пана Михаила, яко первей, так и тепер за войта приняли и послушенство ку нему чинити обецали перед нами дворанином и вознымъ. И просилъ мене Якима пан Михайло Дубницкий, абы тое вызнане дворанина господарского и того возного земъского до книг замковых записано было.

А так я за прозбою пана Михаила Дубницкого тое вызнане дворанина господарского и возного земъского в книги замковые записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 934, л. 108 об., № ак. 141 (¹).

LXXIII.

1568 г. февр. 25. Привилегія кн. Андрею Курбскому на Ковель съ потомствомъ муж. пола на вѣчное владѣніе.

1580 года, месяца июля, 26 дня. Писал и присылал на вряд кгродский володимерский до мене Костентина Курцевича, подстаростего володимерского, его милост князь Андрей Михайлович Курпъский Ярославский привилей славное светое памети зешлого небожчика короля его милости Жикгимонта-Августа, на паргамене писаный, с привесистою

---

¹) Изъ этого документа видно, что государственная власть не вполнѣ отказывалась отъ своихъ правъ, передавая воитовство въ руки частныхъ лицъ, и, при случаѣ, напоминала, что войтовство есть „урядъ судовый, который вездѣ установляется властію королевскою". Однако и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, король интересуется болѣе всего имущественною цѣнностію войтовства; до короля дошло свѣдѣніе, что предки Лудовича утратили не мало изъ доходныхъ статей войтовства; поэтому и задерживается выдача суммы, вырученная отъ продажи его. Возможныя неправильности въ отправленіи судебной и административной дѣятельности войта, конечно, не подлежали никакому денежному возмещенію.

Какъ кончилось дѣло объ учетѣ по войтовству Лудовича предъ королемъ, не знаемъ; но въ сентябрѣ тогоже года произошла выдача бывшему войту владимірскому части условленной суммы за войтовство отъ новаго войта—Дубницкаго, что видно изъ нижеслѣдующаго акта:

Лета Бож. Нарож. 1567, мсца сентября, 16 дня, у волторокъ. Постановившися очевисте передо мною Михаиломъ Привередовским, будучим на местцу княжати его милости

печатю и с подписю руки короля его милости, на замок Ковел, места, местечки, дворы, фолварки, волости, села, до Ковля належачие, его милости князю Курпъскому даный, и просил его милост, абы тот привелей в книги кгродские был уписан; которого я слово от слова в книги кгродские записати велел, и так ся в собе маеть:

Жикгимонтъ-Август Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий,

---

князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы киевского, маршалка земли Волынское, старосты володимерского, в замку Володимерскомъ, войт бывший володимерский Максимъ Иванович Лудовичъ оповедалъ и явне вызналъ, иж он сегодня у волторокъ вышей датою помененою взялъ у пана Михаила Василевича Дубницкого зуполна до рукъ своих суму пенезей триста копъ грошей литовское личбы, которую пан Дубницкий обовезалъ и подписался ему в Городне перед его кролевскою милостю отдати и рокъ певный тридцатого дня теперешнего мсца сентебря, а пан Дубницкий, чинечи досыт тому постановеню своему, которое з нимъ около того войтовства Володимерского вделалъ, а не нарушаючи и не омешкиваючи ничимъ того постановеня, еще вперод того року сегодня вышей помененого сентебря шостогонадцат оную суму триста коп грошей зуполна в дому его тут у Володимери ему заплатилъ и до рукъ его отдалъ перед вознымъ повету Володимерского Тихономъ Оранскимъ и перед шляхтою тогож повету Володимерского Федоромъ Солтаномъ, а паномъ Тимошемъ и паномъ Семеномъ Пузовскими, на штож он и квит свой под печатю и с подписю руки своее пану Дубницкому далъ, который передо мною вказовалъ, просячи, абых тое оповедане и вызнане его до книгъ замковых записати казалъ; а так я оного квиту его на то пану Дубницкому даного огледавши, велелъ есми его слово от слова у книги замковые уписати, и такъся в собе маетъ: я Максимъ Иванович Лудовича, войт бывший володимерский, вызнавам

лифляньский и иных, чиним явно сим нашим листом нинешнимъ и напотом будучим, што князь Андрей Михайлович Курпъский, будучи в земли Московской з дому своего старожитного, а слышечи и достаточне ведомост маючи от дробливости ласки нашое господарское, которую есмо ко всим подданымъ панствъ наших ховати звыкли, оставивши вси именя и маетност свою, которую в земли князя великого московского мел, и опустивши службы его, до которых езванъ былъ, на имя наше господаръское ку службамъ и под подъданство нашо при-

---

сим моимъ листомъ всѣмъ посполите, кому будет потреба того ведати, што тых часов будучи мне при дворе его кролевской милости в Городне, з волею и з ведомостю его кролевской милости, продалъ и спустилъ есми на вечност пану Михаилу Василевичу Дубницкому войтовство Володимерское зо всими пожитки ку тому войтовству прислухаючими и з никоторыми кгрунтами моими властными куплеными, што не ку войтовству прислухало, за певную суму пенезей, якож и початокъ тое заплаты обовезалъ и подписалъся пан Михайло триста копъ грошей мне отдати, заплатити и отложити за то войтовство мсца теперешнего сентебря, тридцатого дня, в року нынешнем шестдесят семом; а остатокъ тое сумы на инъший час отложити маетъ, што и перед его кролевскою милостю з обеюх сторон оповедали и вызнали есмо; которое вызнанъе нашо достаточне а меновите до книгъ его кролевской милости записано, чого и выпис с книг намъ обеюмъ под печатю его кролевской милости подаваны, в которых ширей то описано естъ. Ино пан Михайло Дубницкий, чинечи досыт оному постановеню своему, которое зо мною около того войтовства Володимерского у Городне перед его кролевскою милостю вделалъ, и не отступуючи, а ни нарушаючи и не омешкиваючи ничимъ того постановеня, еще вперед того року тридцатого дня, сентября мсца, сегодня у волторокъ тогож мсца шостогонадцат в початок заплаты за тое войтовство Володимерское оную суму триста копъ грошей литовских

ехалъ; а будучого вжо при службах наших господарских, з рыцерствомъ нашимъ ку воеваню земли неприятеля нашого московского посылан, добре, верне, и мужне нам господарю и речи посполитое служил; а про то мы, господарь, хотечи за именя и маетности его, которых княз для ласки нашое господарское в земли Московской отоехалъ, нагорожене вчинити и послуги его, которые намъ господарю и речи посполитое оказал, ласкою нашою господарскою вызнати и обяс-

---

зуполна в дому моемъ тут у Володимери мне заплатилъ, и до рукъ моих отдалъ передъ вознымъ повету Володимерского паном Тихномъ Оранскимъ и перед земяны шляхтою тогож повету Володимерского паномъ Федоромъ Солтаномъ, а паномъ Тимошемъ и паномъ Семеномъ Пузовскими, с чого я пана Михаила Дубницкого квитуючи, на то ему даю сес мой квитъ под моею печатю и с подписю руки моее; особливе, ижемся обовезалъ а того пана Михаила врядовне квитовати, тогды я чинечи досыт тому обовезаню своему, тогож дня у волторокъ вышей датою помененою, постановившися очевисто в замку господарском у Володимерскомъ перед паномъ Михаиломъ Привередовскимъ, будучим на местцу княжати его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, воеводы киевского, маршалка земли Волынское, старосты володимерского, в замку Володимерскомъ, то иж мене от пана Михаила тая сума триста коп грошей дошла, оповедалъ и явне вызнал. Котороежъ вызнане мое, за прозбою моею, до книг замковых записано и выпис с книгъ на то пану Михаилу данъ естъ. Писан у Володимери, лета Божего Нароженья тисяча петсот шестдесят семого, мсца сентебря, шестогонадцат дня.

(Книга Кіевск. Центр. Арх. № 934, л. 168 об., № ак. 230).

нити, и вперед охотнейшимъ его ку службамъ нашимъ господарским и потърeбамъ речи посполитое панства нашого великого князства Литовского вделати, первей сего дали есмо ему з ласки нашое господарское замокъ нашъ Ковел, в земли Волынской лежачий, з дворы, фолварками, з месты, з местечками, з ымени шляхетскими, ку Ковелю здавна прислухаючыми, з бояры путными, з волостями и зо всѣми их оселостми, и от подданых с платы грошовыми, данми медовыми и житнымы и зо всяким, яким колвек именем названые и менованые быти могутъ, с пожитки, и с пущчами и со всѣмъ на все, якъ ся тот замокъ нашъ Волынский со всѣми дворы, мести, местечками, бояры и волостями самъ в собе, в широкостях, в границах и пожитках своих мает, и якъ тое по королевой ее милости великой княгини Боне, матце нашой, на нас господара держано было, ничого на нас господаря не зоставуючи. Мает княз Андрей Курпъский самъ, его жона и их дети мужчизного рожаю тот замокъ Ковелский со всими дворы, месты, волостями и со всякими яким колвек именем назваными, ку именю Ковелскому належачими, кгрунты и пожитки держати и вживати вечне. Волни, там будучи, прибавити, разширити и як хотечи пожитки собе оттол привлащати вечными часы всяких волностей, правъ и свободъ панству нашому великому князству Литовскому наданые, вживати мають так, яко инше князи, панове, вся шляхта того же панства нашого вживают; а намъ господарю с того именя службу земскую военную, водлугъ уфалы земское, служити повинни будут по тому, як иные обователи шляхта великого князства Литовского службу военную служатъ. И на то есмо князю Андрею Михайловичу Курпъскому дали сес наш лист, подписавши рукою нашою господаръскою и з нашою печатю. Писан у Кнышине, лета Божого нароженя тисеча пятсот шестдесят осмого, месяца февраля двадцат пятого дня. А то ест подпис руки его королевское милости: Жикгимонтъ Августъ. Михайло Гарабурда, писаръ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 921, л. 293 об.

LXXIV.

1568 г. іюня 20. Грамота короля Сигизмунда-Августа князю Богушу Федоровичу Корецкому, которому король отдаетъ въ заставу замокъ, городъ и волость Винницкую, въ суммѣ 5000 копъ грошей.

Настоящій актъ есть наилучшій образецъ частныхъ распоряженій государственными правами: староства, какъ и войтовства, подлежали почти всѣмъ видамъ частныхъ сдѣлокъ (заставы, передачи въ наслѣдство и пр.). Въ данномъ случаѣ король оговариваетъ только право земянъ-шляхтичей, которые подлежатъ власти заставнаго владѣльца лишь по предметамъ государственнаго управленія и суда. Во всемъ прочемъ условія заставы совершенно равны условіямъ частной заставы (Актъ неисправно записанъ въ земскую книгу).

Лѣта Божего нароженя 1569, месяца октебра, 14 дня. Постановившися очевисто в замку господарьском Луцкомъ перед нами зуполным судомъ земским, тоест Гаврилом Василевичомъ Бокѣемъ, судею, а Остафъемъ Василевичомъ Сoколским, подсудком земским повѣту Луцкого, велможный князь Богушъ его милость Федорович Корецкий, староста луцкий, браславский и веницкий, покладал перед нами привилей его кролевское милости, на паркгамени писаный, печатю привесистою и с подписом руки его кролевское милости и теж с подписомъ руки писара его милости господарьского пана Василя Дрывинского, и тыми словы повѣдил: иж што дей его кролевская милость пан нашъ милостивый замок, мѣсто и волост Веницкую, в певной суме пенезей у пяти тисячей копах грошей личбы литовское, мнѣ самому, жоне, детемъ и потомкомъ моимъ заставити и завести рачил, яко дей о том ширей а достаточней на том привилю его кролевское милости ест описано; и просил его милость князь староста луцкий, абы тот привилей его кролевское милости, его милости даный, до книг справ земских записан был; ино мы, припустивши то ку вѣдомости своей, тот привилей его кролевское милости перед собою читати есмо казали, который слово от слова перед нами был вычитан и так ся в собѣ мает:

Жикгимонт-Август Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, ифлянский и иных, чинимъ явно сим нашим листом, кому будет потреба того ведати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, што перво сего з ласки нашое господарское за верные наклады и цнотливые службы старосты луцкого, браславского и веницкого князя Богуша Федоровича Корецкого дали есмо от нас в держане з ласки наши Браславлъ и Вѣницу у староство до его живота зо всими пожитки на нас и на вряд нашъ, тоесть на старосту тамошнего, належачими, яко то з особна привилем нашимъ господарьским князю старосте упевняно и утвержено ест, в котором достаточней и меновите все то описано; а так мы, уживши в том князя старосту луцкого пилным жеданемъ нашимъ господарьскимъ через их милость пановъ рад нашихъ, ку великим потребам нашим господарьским и земскимъ, тоест на заплату людем служебнымъ а для обороны замков наших Подвинских и земли Полоцкое часу валки з неприятелем нашимъ московским, взели есмо обычаем позычоным в скарбъ нашъ земский, с порадою и ведомостю пановъ рад наших через руки подскарбего земского великого князьства Литовского, писара нашого, державцы (мар)ковского, ушполского и пенянского, пана Миколая Нарушевича, у предреченого князя старосты луцкого князя Богуша Федоровича Корецкого пят тисячей копъ грошей личбы и монеты в здешнемъ панстве нашомъ, в великом князьствѣ Литовскомъ звыклое, тоест личачи в кождый грош по десяти пенезей полских белых, а в копу по шестидесят грошей; которую суму пенезей вышей описаную, за доброволнымъ на то зезволенемъ князя старосты луцкого, на што ач колвек не будучи его милость повинен за першим таковым правом своимъ, на тое староство ему от нас даным, ведже яко добрый верный и годный слуга нашъ, для нас господаря и пана своего прирожоного и для таковых пилных потребъ наших и речи посполитое, подлугъ звыклое веры и хути своее ку намъ господарю и ку службам нашим и земскимъ, учинил, а властност свою заведши,

нам тое сумы позычил—и на тое упевнены, не допираючися иншого (sic), зезволил, внесли есмо и сим листом нашим узносим его милости на замок, мѣсто и волост нашу Веницкую и сим листомъ заставили и завели есмо, с порадою и вѣдомостю тых же панов радъ наших, князю старосте луцкому князю Богушу Федоровичу Корецкому, ему самому, жонѣ, детем и потомком его тот пререченый замок, место и волост нашу Веницкую, со всими мещаны, людми волостными, и слугами путными и зъ их службами, платы и доходы и зо всими корчмами местскими и селскими, тоест пивными, медовыми, и горелчаными и з шинками инших всяких привозных трунков, и со всими иными пожитки и со всим тым, якося тот вышей помененый замок, место и волост наша Веницкая здавна и тепер во всих пожиткох своих маетъ, ничого там на нас господаря и на потомков наших, такжо на воевод и кашталянов браславских и веницкихъ и на старосту, хто бы потом замокъ Браславский от нас держал, с которым и тот Веницкий замок сполне держан первей, яко пожитков, так и присуду и ниякое повинности с подданых тамошних веницких не выймуючи и не зоставуючи; а иж там при том замку нашомъ инших пожитков мало, болший пожитокъ с корчомъ в месте тамошнем, с которого пожитку иж князю старосте интереси звыклое, яко то от нас постановено, от таковых в скарбъ нашъ позычоных сумъ заставникомъ брати, мело бы ити; а над то иж князь староста и потомки его почот звыклы . . . при ономъ замку пограничномъ с тогож ховати, так же што до сего часу рота пешая накладом скарбу нашого земского, и теж пушкари и и иные слуги замковые на том замку хованы были, то все он на себе и на потомство свое принял, хотячи то своимъ накладом опатровати, водле потребы и бачення своего, а скарбу нашого на то вжо не вытегати; што мы также з ласкою нашою от него принемшы и бачачы, иж он немалый наклад на почот езный, ховаючи его при оном пограничномъ замку и опатруючы его людом пешим, и пушкарми и иными слугами замковыми, завжды приймовати мусит, а (з) скарбу на-

шого тот наклад на люд служебный пеший он знялъ, с тое причины особливе то упевняемъ и обвар(ов)ываемъ ему самому и потомкомъ его, иж там—в месте, и на передместью Веницкомъ и у волости тамошней яко воеводове и кашталяпове, в оном повете постановленые, так и нихто иный, хотябы на то листы наши первей сего мел, и потом в нас одержал, же через то корчомъ и шинков жадных мети и вживати не маеть и не может, але князь староста луцкий и потомки его тых корчомъ и шинков всякими трункам в месте, и на передместю и на волости тамошней на себе доброволне без кождое переказы уживати; также вси платы и доходы и иные всякие пожитки, што колве там з места и з волости и с подданых наших тамошних на нас и на вряд нашъ прислухает и належит, на себе брати и ку своему пожитку оборочати и на кгрунте оного замку и места нашого люди осаживати и подлугъ воли и бачения своего пожитки там на себе, яко налепей розумеючи, прибавляти, причиняти и примножати, и подданых наших тамошних судити, радити и з них кождому справедливост чинити и инных винами, подлугъ уставы нашое и статуту земского, карати маюгь и волни будут; а никоторое личбы з доходов и пожитков наших тамошних нам до скарбу нашого чинити не повинни до того часу, покол тую суму пенезей вышей описаную пят тисячъ копъ грошей личбы и монеты литовское всю сполна одным разом мы и потомки наши ему, або и по(то)мкомъ его, з властного скарбу нашого земского отдадим и заплатим. Якож на выкупене того замку, места и волости нашое Веницкое а на отдане ему и потомком его суполна тое всее сумы пенезей вышей речоное складаемъ рокъ певный, тоест от дня и свята святого Мартина, римского свята, которое будет в року тепер идучом шестдесят осмом, месяца ноября, первогонадцат дня, за три годы, тоесть на таковоеж свято и ден святого Мартина, которое будет в року семдесят первомъ; на который рокъ вышей описаный маем мы з скарбу нашого тую суму пенезей пят тисячъ копъ грошей личбы и монеты литовское князю старосте луцкому, або потомком его, отдати и оный

замокъ нашъ Веницкий з местомъ и з волостю тамошнею окупити. А где быхмо господарь, або потомки наши, на тот рок, вышей меновите описаный, оное сумы пенезей князю старосте луцкому, або потомком его, з скарбу нашого не отдали, тогды он и его потомки также от трех до трех годовъ, тоест от такового свята и дня святого Мартина, римского свята, цо таковогож свята, тот замокъ нашъ Веницкий з местом и з волостю и зо всим, яко вышей и нижей в сем листе нашомъ описано ест, держати и вживати мают до того часу, покол ониж (sic) оная вся сума пенезей ему, або потомком, его з скарбу нашого на тот рокъ, от нас зложоный и вышей описаный, отдана и зуполна одным разом заплачона будет; а межи тых роков, вышей меновите описаных, мы сами и потомки наши оного замку, места и волости нашое в него самого и в потомков его окуповати, з рукъ, з моцы и з держаня их выймовати и никому их с того замку скуповати дозволяти и в таковой а ни болшой суме никому иному вжо того заставовати и заводити и его и потомков его ку приданю болшое на то сумы примушати не маем; одно з властного скарбу нашого то в них окупити маемъ аж на рокъ вышей меновите в сем листе нашомъ описаный; веджо где быx-мо, або потомки наши, за живота князя старосты луцкого, в него тот замок нашъ помененый Веницкий з местомъ и з волостю на тот рок описаный выкупили, тогды пред ся з рукъ и держаня его того староства на ономъ замку Венницкомъ, места и волости тамошней брати и его с того рушати не маем, одно олиж от потомков его; а онъ сам, подле першое ласки и данины нашое и привиля на то от нас ему даного, оного староства уживати мает аж до его живота. С которогож замку нашого Веницкого, з места и з волости тамошнее, князь староста луцкий, самъ и его потомки, держачи то таковым обычаем, заставным, службы земское военное служити и почту никоторого иного и нигде индей ставити и посылати не будут повинни, одно почот ездный слугъ своихъ, подлугъ первого звычаю, при оном замку пограничномъ для осторожности и обороны его ми-

лости, также и пешим людем (sic) и пушкарами, и иными слугами замковыми, водлугъ потребы и бачения своего, накладом своим тот замок опатровати мают; а ротмистра и служебных наших пеших оттол з оного замку нашого маем звести; и через то так на оном замку никоторое роты и служебных наших вжо держати и всылати не маемъ и не будем. Теж подданые наши замку Веницкого мещане и волощане и иные всякие, будучи в той заставе у князя старосты луцкого и в потомков его милости, стацей никоторых, и подвод и жадных иных повинностей над звыклую их повинност на нас господаря и потомъки наши, на воевод, и каштелянов и на старосту браславского, хто по немъ Браславль от нас держати будет, и никого иного, кромъ самого князя старосты и потомъков его, давати и полнити не повинни. Естлиж бы за держаня его самого и потомков его тым обычаемъ заставным оного замку Веницкого, з уфалы и постановеня валного сойму, серебщизна, або який иный податок уфален и постановен был з ыных подданых наших и князьских, панских и шляхетских повету Браславъского и Вѣницкого, тогды тот таковый податок нихто иный, толко врядники их выбирати и до скарбу нашого отдавати и личбу с того у скарбе чинити мают; ведже без уфалы и постановеня соймового мы и потомки наши никоторого податку и серебщизны на тых подданых наших замку Веницкого, ему и потомком его заставленых, покладати и брати казати не маемъ, а хотя бы коли, в невѣдомости сего листу нашого, який податок або серебщизна на тые подданые наши, ему и потомкомъ его заставленые, от нас и потомков наших колиж колве, окром уфалы соймовое, положон был, тогды князь староста луцкий и его потомки за симъ листомъ нашимъ таковых податковъ з оных подданых наших веницких, имъ заставленых, брати и давати не мают и не винни сут. Также покол тая вся сума верху менованая суполна на рокъ, от нас зложоный и вышей меновите описаный, скарбу нашого князю старосте луцкому, або потомкомъ его отдана будет, в том часе мы сами и потомки наши, а ни воеводове, и ка-

шталянове и старостове, хто по немъ замок Браславский держати будет, в тот замок, мѣсто и у волост Вѣницкую, и во вси пожитки, к тому замку здавна и тепер належачые, ничимся уступовати, такжо посланцовъ наших при бытности и в небытности его на местце его самого и потомков его, нам мешкане на оном замку отправовати, и там у Вѣницы въжо через то никоторых пожитковъ выдавати не маем, потомуж и ревизоров наших там всылати, и никоторых платов и повинностей на подданых наших тамошних класти, становити и их повышати не маем. К тому подданые наши замку Веницкого мещане, и волощане, слуги путные и иным, яким же колвек именем названые, будучи в них в той заставе и по выкупеню, их жадных кривдъ и шъкод своих на князю старосте луцком самом и на потомкох поискивати не мают, и они на то им в жадном праве отказывати и того им нагорожати и оправовати не повинни; однож̌ъ естлибы которые кривды от врядниковъ и слугъ их собѣ они быти меновали, и до нас ся о том втекли, тогды толко о вчинене справедливости до них листы наши писати и посланца нашого на пригледане учиненя о то до них право послати маем. Потомуж где бы, за держаня князя старосты луцкого и потомков его, з допущеня Божого, от огню, або повѣтриемъ моровым, албо от неприятеля постороннего, либо от людей войска нашого служебных жолнеров в замку, и в месте и волости тамошней шкоды якиеж колве статися мели, або теж подданые наши з мѣста и з волости замку тамошнего, с которых же колве причин, проч ся розышли, того всего мы сами и потомки наши на нем самом и на потомкох его, первей отданя сумы его и при отданю им тых пенезей позычоных и потом, поискивати, из сумы их того им выстручати не маемъ и не будем, але того им отступуемъ и сим листом нашим их отъ того всего волными чиним; але толко замок стрелбою на нем мают они нам здати, с тым (sic) князю старосте тамъ подано. Што ся дотычет земян шляхты повѣту Веницкого, тых самих, а ни их именей князю старосте луцкому, потомъкомъ его при том замку нашом не

заставили и не завели есмо; веджо они пред ся ку князю старосте луцкому до живота его, а по нем ку его потомкомъ, яко ку старосте нашому тамошнему, в речах, им здавна повинных, и подлуг справ посполитых и статуту земского, послушенство чинити; а они их, яко вряд замку нашого тамошнего, судити, радити и справовати и в том владности над ними уживати мают, ничим права посполитого и статуту земского не отступуючы и жадного им уближеня над право и статуту не чинячи. А гдебы теж хто колве в кгрунты и в якиеж колве пожитки того замку нашого Веницкого, за держаня их, уступоватися мел, того, яко властности нашое господарьское, князь староста луцкий сам и по нем его потомки правом нашим боронити мают, в чом мы и потомки наши, за ознайменемъ от них, оборону им чинити маем и будем, стерегучы того, якобы они на том ничого не шкодовали. Особливе теж покол тот замок, мѣсто и волост наша у князя старосты и потомком его в заставе в той помененой суме пенезей будет, до того часу мы и потомки наши людей, земль и нияких пожитков, без доброволного на то зезволеня их, вечным, дочасным и никоторым же иным правом давати не маемъ; а хотя бы, в неведомости сего листу привилю нашого и права на то от нас имъ даного, комуж колвек от нас и потомков наших люди и земли, або якиеж колвекъ пожит(ки) от того замку Веницкого отданы, и листы наши на то выданы были, таковых листов нашихъ они за сим листом нашим слухати и того, што на них будет написано, от замку поступовати не мают и не повинни сут. При том даем волност князю старосте луцкому и его потомком, потребуючы пенезей, тот замок нашъ Веницкий з местом, волостю и со всим, яко им от нас заведено и заставлено, не докладаючися въжо в том и нас господаря, або потомка нашого, а не беручи на то в нас иншого дозволеня, але за сим же листом нашим, (въ) таковой, а не болшой, суме пенезей, яко то есмо в него позычили, тоест пяти тисячах копах грошей личбы и монеты литовское, при животе и по животе своем, буд описом, буд и тестаментом своим то описати, заставити

и завести, а того, кому то они запишут и заведут, также во всемъ по тому, яко и их самыхъ, подлугъ сего листу, привиля и опису нашого, артыкулов и всих членков, в нем описаных, мы сами и потомки наши заховати маем, ничим непорушне до зуполное заплаты от нас з скарбу нашого на рок, от нас на то зложоный и вышей менovите описаный, всее тое сумы пенезей пяти тисячей копъ грошей личбы и монеты литовское. Теж естлибы от неприятеля постороннего, за держаня князя старосты луцкого и его потомков, або того, кому бы то у в оной суме от них заведено было, волост и мѣсто Вѣницкое скажено и спустошено, або и замок тамошний, чого Боже вховай, збуроно, того мы и потомки наши не мели на них поискивати и с тое сумы их ничого за то вытручати и ее зменшати не будем, але и овшем еще помоч ку забудованю замку и мѣста вчинити имъ маем. А где бы так оное мѣсто и волост от неприятеля скажоно было, жебы пожитку они с того никоторого мети не могли, тогды мы и потомки наши маем имъ где на иншом местцу столко именя от столу нашого господарьского завести и подати, што бы за то стояло, и гдебы ся им подобало, а Веницу на нас к рукам нашимъ взяти. А што ся дотычет роботы и направованя того замку Веницкого, мостов, гатей и сторожи от неприятеля при замку и мѣсте тамошнем, то все подданые наши господарьские и теж князьские, панские, земянские и духовные, подлугъ звыклое в том повинности их, будовати и оправовати и сторожу стеречи мают и повинни будут; а непослушных маемъ мы в том через листы наши и за грабежами примушати. А над то кгдыж князь староста луцкий, на жадане нашо ку таковым пилным потребам нашим и земским, з милости своее ку нам господару и пану своему прирожоному, властност свою заведши, на том украйнем замку упевненье тое сумы своее принял, и потребы того замку сам с тых же доходов и пожитков, оттол належачих и прислухаючих, осмотривати поднялся, и немало выкладу з скарбу нашого вземши, на себе то принял, с тых причин упевняем и обваровываем князю старосте луцкому и его потомком и тому, кому бы то

от них заведено, иж той заставе сему листу привилю и опису нашому жадные уфалы соймовые, которые первей бы сему опису нашому противные вчинены, также которые бы напотом на соймех валных з старых прав и привилев, або теж ново, або за постановенем унии панствам нашимъ коруне полской зъ великим князьством Литовским, и колиж колве потом, вынайдены и постановены были, ничого шкодити и на жадной переказе быти не мают, але мы господарь за нас, потомки наши, под словомъ и под повинностю нашою господарьскою, обецуем тот запис наш и вси в нем артыкулы, члонки и варунки князю старосте и его потомком и кождому, хтож бы колвек за сим листом нашим тот замокъ Веницкий в держаню своемъ въ оной суме пенезей мелъ, выполнити, из скарбу нашого на рок от нас зложоный и вышей описаный тую всю суму пенезей пят тисяч копъ грошей личбы и монеты литовское зуполна одным разом, никоторых причин ку струченю и зменшеню ее не вынайдуючи, отдати и заплатити маем и повинни будем. И на то есмо тот нашъ привилей князю старосте луцкому, при бытности и с призволенемъ всих пановъ рад наших великого князьства Литовского духовных и светских, княжат, панят и всих станов, на сойме теперешнемъ великом валном Городенскомъ при нас будучих, подписавши его влостною рукою нашою господарскою, дали и печат нашу к сему листу привилю нашому привесити есмо велели. Писан у Городне, лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят осмого, месяца июня, двадцатого дня. Подпис руки короля его милости, Василя Древинского подпис.

А так мы тот привилей его кролевское милости, князю Богушу Хведоровичу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и веницкому даный, слово от слова с початку аж до конца, вес достаточне выслухавши, до книг справ судовых земских повету Луцкого записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2093, л. 461 об., № ак. 90.

LXXV.

1568 г. окт. 30 [1]). Романъ Васильевичъ Марковскій вмѣстѣ съ матерью и женою, „съ совѣта дядей и общихъ пріятелей своихъ“, продаетъ половину своего имѣнія Марковичъ и Плискова Павлу Яцковичу Черневскому.

Актъ, свидѣтельствующій о томъ, что древній характеръ семейнаго и родового совладѣнія сохранялся еще и во 2-й полов. XVI в.: продаваемое имѣніе принадлежало отцу продавца, тѣмъ не менѣе мать его, будучи вдовою, распоряжается („заводитъ“) также имѣніемъ. Продажа совершается отъ имени мужа и жены его, по совѣту дядей и „общихъ пріятелей“. Право покупщика охраняется отъ всякихъ могущихъ появиться актовъ не только наличныхъ (дѣйствующихъ) продавцовъ (матери, сына и его жены), но и первой (умершей) жены продавца.

Я Романъ Василевич Марковский, посполъ з маткою моею Василевою Марковскою панею Марею Федоровною Олизаровского и зъ жоною моею Марею Подгороденского, чинимъ явно и вызнаваем сами на себе сим нашим листомъ нынешнимъ и напотом будучим, кому того потреба ведати будет: што небожчикъ отец мой Василей Марковский, для нѣкоторых потреб своих, зосталъ былъ виненъ немалую суму пенезей людем посторонним и въ оной суме пенезей завел былъ частъ именя своего Маркович; такъ теж по смерти отца моего матка моя еще болшую суму пенезей на тоеж имене Марковичи набрала, в которыхъ долзехъ увязанося было в тое имене Марковичи; а к тому иж теж и я самъ Роман, частокрот выправуючися на службу господарскую земскую, и не маючи поратованя од жадного прыятеля моего, остаток тогож именя моего Маркович муселем в руки обчие заставным обычаем пустити, которые за завоженемъ моимъ немалый час того именя моего Марковичъ у держанъю своем были, и не могучи я жадным обычаем до того именя моего, Маркович, не отдавши сумы пенезей, прийти, и в(г)лянувши в статутъ по праву сойму берестейского, в которомъ пишет, иж кождые обыватели великого князьства Литовского именъемъ своим отчизнымъ и материстым и якимъ колве обычаемъ набытым, не смотречи третее части, яко перед тымъ бывало, але яко

[1]) Актъ явленъ въ гродскомъ урядѣ въ 1578 г. нояб. 30.

хто хочет, буд тежъ и половицу, албо все, водле доброе воли и баченъя своего, отдати, продати, даровати, заставити волно; а такъ я, Романъ Василевич Марковский, з маткою и з жоною моею Марею, розъмыслившися на то добре, и взявши статочную раду от стрыев и от сполечных приятелей наших, без жадного припуженъя, леч с тых причин вышей помененых и по своей доброй воли, продалъ и заразом завелъ, и поступил есми половицу именя нашого Марковского, в земли Волынской в повете Володимерскомъ лежачого, которые од дядка моего пана Фалелея Марковского въ отделе маю, земенину господарскому пану Павлу Яцковичу Черневскому и жоне его панеи Катерине Якубовне, детем, потомком и счадкомъ ихъ, обел вечне, и навеки непорушне, за певную суму пенезей осмъсотъ коп грошей личбы и монеты великого князства Литовского, личачи по десяти пенезей белых в грош, тоест частъ половицу всего именя моего Маркович и Плискова с полъми, сеножатми дворными, з гаи, лесы, дубровами, заросли, проробки, и теж з ставы, ставици, млыны и ихъ вымелки, з мытомъ гребелнымъ, такъ в Марковичах, яко и на Плискове, к тому з людми отчизными, тяглыми и огородники, зъ их землями, и сеножатми, так якося есмо в собе в широкостях, и в границах, и в обыходех своих тое имене мое Марковичи маетъ, ничого на себе в той половицы, которуюм пану Черневскому продал и завелъ, на жону, дети, потомки и близкие мои з отца и матки моее не зоставуючи; которое имене мое Марковичи вже от сего часу маю я с паном Павлом Черневским от мала до велика, яко поля дворные, сеножати, гаи, лесы, дубровы, ставы, ставищи, млыны, мыто гребелное, люди отчизные и прихожие и их земли, поля и сеножати, ровно на полы в лыко (sic) розделити. Што ся дотычет людей моих отчизных и прихожих, тые маю я сам поровнавъши на два реестра пописати, и обадва реестра пану Черневскому подати, а он с тых двох реестровъ, на которых люди будут пописаны, маетъ вырозумевши, который хотечи реестръ з людми собе оставит, а другий реестръ мне отдати, и тые люди, розделеные на обедве стороне, вечне

держати маем. И волен будет панъ Павел Черневский и его жона пани Катерина, такъ теж и по них будучие счадки, яко дети и потомки их, в том именю своем, от мене Романа Марковского проданом, мешкаючи, вживати, прибавити, розробити, розширити, отдати, продати, кому хотечи записати, ку своему лепшому а пожиточному оборочати, и им шафовати, яко сами налепей розумеючи. А я Роман Марковский, такъ теж и жона моя Маря Погороденская, дети, потомки и по нас будучие счадки, и вси близкие мои, половицы того именя Маркович, которую есмо его мил. пану Павлу Черневскому продали, от сего часу, яко пану Черневскому самому, так жоне, детем, потомком и счадкомъ их в томъ именю Маръковскомъ, купли их, жадное трудности и переказы чинити и ничимся вступовати не маем; а гдебых я Роман Марковский, жона, дети, потомки и близкие мое в тую половицу именъя Маркович, которую есмо продавши заразом пану Черневскому завели и поступили, мели чим колвекъ в поля дворные, сеножати, в лесы, дубровы, ставы, млыны, и их вымелки, в мыто гребелное, в люди отчизные и прихожие, и в ихъ земли, и во всякие пожитки, яким колвек именемъ названы быти могут, мели вступовати, албо якую переказу чинечи, до права позывати, тогды таковый кождый мает заплатити вины господару королю его мил. двесте коп грошей а на суд земъский або кгродский, где колвекъ позвани будем, двесте коп грошей, а пану Павлу Черневскому, жоне, детемъ двесте коп грошей, и вси шкоды и наклады оправити без каждого права присяжного, одно на речене слова его мил., а заплативши тые заруки и вси шкоды и наклады, якося вышей поменило, оправивши, пред се тот запис и продажа моя при моцы в кождого права захована быти мает; а еслибых ся от мене Романа Марковского, и от матки моее рожоное, албо от жоны моее першое, так теж и теперешнее Мари Подгороденское який колвекъ запис на долгъ, або на якую колвекъ суму пенезей в когож колвекъ показатися мел, от такового кождого запису и права маю я Роман зъ жоною моею пана Черневского от кождого долгу и

запису заступовати и то все на мою власную частъ именъя своего Марковского перенести и кождому запису своему досыт чинити, а не пан Черневский; а гдебы теж пана Черъневского самого, жону, дети его мил. мел хто о який же колвекъ долгъ мой до права позывати и ку якой шкоде и накладу приводити, а я быхъ его у права заступовати не хотел, а о то до права кгродского албо земского, где воля его будет, позватися далъ, тогды повинен буду туюж заруку, в семъ листе моем у веръху описаную, яко господару королю его мил. и на судъ кгродский албо земский, где позванъ буду, и теж пану Черневскому заплатити и вси шкоды и наклады оправити. Который же тот лист мой продажны и записный маю я з маткою и зъ жоною моею до книг кгродъских володимерских, очевисто ставши, сознати и записати, а потом тамъже на первых рокох земъских, которые сужоны будут у Володимери, перед суд земский перенести, и то до книгъ вызнавши, записати под тымиж обовязками, заруками вышей помененными. А при том были и того добре сведоми ихъ милост панове: пан Станислав Кграевский, пан Семен Козинский, пан Василей Пузовский, пан Иван Вориский, а пан Юхно Яковицкий, которые панове вышей помененые за очевистою прозбою нашею печати свои к сему нашому листу продажному приложити рачили. А для лепшое твердости и я Романъ Василевич Марковский печат свою к сему нашому листу приложилъ и рукою моею властною подписалъ. Писан въ Марковичох, лета Божего нароженъя тисеча пятсотъ шестдесятъ осмого, месяца октебра, тридцатого дня. Роман Василевич Марковъский руку влостную подписалъ.

И просил мене пан Романъ Василевич Маръ(ков)ский, весполокъ з жоною своею Марею, абы тое доброволное а устное вызнане его, такъ теж и лист его вызнаный тое продажи, пану Павлу Черневскому и жоне его Катерине от него на то даный и передо мъною на вряде показованый, в книги замъковые записати казалъ. Я, за прозбою пана Романа Марковского и жоны его Маръи, тое доброволъное а устное вызнане его, так теж и лист его вызнаный тое продажи, пану

Павлу Черневскому и жоне его Катерине от него на то даный и передо мною на вряде показываный, слово от слова в книги замъковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 935, л. 158, № ак. 238.

LXXVI.

1568 г. дек. 6. Дарственная запись Фенны Дмитровны Харлинской (ур. княжны Любецкой) мужу ея Щасному Харлинскому на имѣнія въ Кіевскомъ повѣтѣ: Хойники, Острогъ, Лядовичи, Новоселки, Глядковичи, Хвосницу, Ставокъ, половину Лопатина, Загайцы, Гостомль, Вытечовъ, Бышевъ, Бугаевъ, землю Злобицкую, три дворища въ гор. Кіевѣ, дворъ дѣда ея Семена Полоза, и замокъ и городъ Хабное. Означенныя имѣнія княжна Любецкая наслѣдовала отъ матери своей и брата своего кн. Богуша Дмитріевича Любецкаго (у котораго они была заложены матерью).

Образецъ перехода большихъ владѣній древне-русскихъ фамилій въ руки мелкихъ польскихъ шляхтичей, пролѣзавшихъ на Русь подъ флагомъ „дворянъ" и „струкцизовъ господарскихъ" и увлекавшихъ въ брачныя связи богатыхъ и легкомысленныхъ наслѣдницъ. Родъ Харлинскихъ утвердился затѣмъ въ Кіевщинѣ.

Року 1568, месяца декабра, 12 дня, в неделю. Пришедши и постановившися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцком передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростим луцкимъ, ее мил. пани Щасная Харлинская пани Фенна Дмитровна Любецкая оповедала и тыми словы доброволне до книг кгродских сознала: иж дей што первей сего матка моя небожчица кнегиня Дмитровая Романовича Любецкая кнегиня Фенна Семеновна Полозовна небожчику брату моему а сыну своему князю Богушу Дмитровичу Любецкому зостала винна певную суму пенезей две тисечи коп грошей личбы литовское, которую взявши до рукъ своих, на потребы свое властные обернула и в той суме двохъ тисечахъ копахъ грошей заставила сыну своему а брату моему именя свои отчизныи, дедизны и материстые, в повети Киевскомъ лежачие, тоестъ на имя Хойники, Острог, Лядовичи, Новосюлки, Глядковичи, Хвостницу, Ставокъ, Сосновую, половица Лопатина, Загайцы, Гостомълъ, Вытечов, Бышов, Бу-

гаювъ, землю Злобицкую, три дворища в месте Киевскомъ, а дворище, на котором былъ двор небожчика деда моего пана Семена Полоза; которые имени и дворища вышей мененные в той суме пенезей въ двохъ тисечах копахъ грошей, за живота и по животе матки моее небожчицы, брат мой небожчикъ князъ Богуш Любецкий, яко властную заставу свою, на себе держалъ и тыхъ именей зо всими пожитки аж до живота своего уживал; а по животе его, яко . . потомъного, оная сума две тисечи копъ грошей, на (тыхъ) именяхъ записаная, на мене пришла и спала; которые вышей написаные в оной суме пенезей въ двох тисечах копах . . . . я, поспол з малъжонкомъ моим паномъ Щасным Харлинским, держу и того спольне зъ его милостю уживаю; а иж я Фенна Дмитровна (Любец)кая, вступивши в стан малженъский с паном Щаснымъ Харлин(ским) и мешкаючи зъ его милостю в стане малженскемъ по . . . . и у . . . . по его милости цнотливое верное малжонство, прихилност и . . . . уприймую малжен . . . . и хотечи то его милости малжонкови моему заделати и нагородити, а на часы пришлые и потомные его милости охотнейшим и прихилнейшимъ вделати, оную суму две тисечи копъ грошей, от брата моего небожчика князя Богуша небожчицы матце моей позычоную и на именяхъ первомененныхъ записаную и по брате моем небожчику князю Богушу на мене спалую, малжонку моему пану Щасному Харлинскому даю, дарую и на вечност записую, отдаляючи то от всих близких, кровных и повиноватых моих, што дей есть ширей а достаточней меновите на листе моем вызнаномъ описано и доложоно. Якож тотъ лист свой пани Фенна Дмитровна Любецкая, на то от себе малжонку своему пану Щасному Харлинъскому под печатю своею и под печатми людей зацных даный, передо мною на вряде покладала, просечи, абы был вычитан и въ книги кгродские записан; который лист такся въ собе маетъ:

Я Фенна Дмитровна Любецкая, жона пана Щасного Харлинского, дворенина и струкциса господара короля его ми-

лости, вызнаваю и явно чиню сим моим листомъ всим посполите и кождому з особна, кому того будет потреба ведати, або чтучи слышати нинешним и напотом будучимъ: што перво сего матка моя небожчица кнегиня Дмитровая Романовича Любецкая кнегиня Фенна Семеновна Полозовна небожчику брату моему а сыну своему князю Богушу Дмитровичу Любецкому зостала винна певную суму пенезей две тисечи копъ грошей личбы литовское, которую взявши до рукъ своих, на потребы свое властные обернула и в той суме двохъ тисечах копахъ грошей заста(вила сы)ну своему а брату моему именя свое отчизные, дедизные, материстые у повете Киевскомъ лежачие, тоестъ . . . . Хойники, Острог, Лядовичи, Новосолки, Глядковичи, (Хвостн)ицу, Ставокъ, Сосновую, половицу Лопатина, Загайцы, Гостомлъ, Вытечов, Бышов, Бугаювъ, землю Злобицкую, три (двори)ща в месте Киевскомъ а дворище, на которомъ (был двор небожчика) дѣда моего пана Семена Полоза, (которые именя и дворища вышей) мененые въ той суме его милости малжонкови моему заделати и нагородити а на часы пришлыи и потомныи его милост охотнейшимъ и прихелнейшимъ уделати, именя мои вышей мененыи замок и место Хабную, зо въсимы селы ку оному замку прислухаючими, што матка моя небожчику отцу моему за третюю част всее отчизны своее на вечностъ записала, со всѣмъ як ся в собѣ мает, з бояры, з людми отчизными, прихожими, данными, и куничъными, и с тяглыми, з данью медовою и грошовою, з боры, лесы, сеножатми, ставы, з мълыны, и зъ их вымелъками, з реками, и з речками, з бобровыми гоны, з ловы звериными, з пташъими, и зъ гнезды соколими и со всимъ, якъ ся тые именя сами в собе мают и якъ их небожчица матка моя небожчику отцу моему записала, малжонку (сво)ему пану Щасному Харлинскому даю, дарую и на вечност записую, отдаляючи от всѣхъ близких кровных и повиноватыхъ моихъ; мает и волен будет его милость панъ Щ(асный) Харлинский малжонокъ мой тые именя у верху мененые, у моцы и владности своей маючы, со всими пожи(тками) на себе вечне

держати и их уживати и там ку пожитку, своему росширити прибавити и кому хотячи продати, даровати, заменити, на вечност записати и такъ якося его милости налепе видати будет вечными . . . . . , ... и не порушно; а я сама также теж близкии, кровныи и повиноватыи мои того его милости боронити и (ни)чимъ уступовати немаем вечными часы и . . . . Дмитровна Любецкая его милости пану Щасному (Харлинскому) малжонку моему дала сес мой лист под моею печатю. А при томъ были и того добре сведоми . . . . . (че)ломбитьемъ к сему листу моему . . . . (при)ложити рачили: их мл. отец . . . . луцкий и острозский, пан Александро Жоравницкий, ключникъ и городничий луцкий, панъ Михайло Сербин, подкоморий повѣту Луцкого, пан Миколай Дубровский, панъ Гаврило Воютинъский з Брохович, а панъ Иван Васкович Шелвовский. Писан в Луцку, лета Божего нароженя тисеча пятсот шестдесят осмого, месяца декабра, шостого дня.

А так я тое оповедане, доброволъное сознане и лист панее Фенны Дмитровны Любецкое панее Щасное Харлинское слово от слова с початку аж до конъца до книгъ кгродских записати казал, на што и выпис с книгъ под печатю моею пан Щасный Харлинский, дворенин и струкъцис его кролевское милости, собе взялъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2042, л. 411, № ак. 442

LXXVII.

1569 г. янв. 7. Дарственная запись княгини Анны Романовны Соколинской, по 1-му мужу Остиковой, урожд. кн. Друцкой-Любецкой, зятю ея Льву Сангушковичу Кошерскому на половину замка и города Любча съ селами, приселками и волями, а также на свои права, записанныя ей 1-мъ мужемъ ея Остикомъ на имѣніяхъ въ Литвѣ, и на дома въ гор. Вильнѣ; въ замѣнъ всего этого кн. Левъ Сангушко записалъ женѣ своей (дочери дарительницы) 17,200 копъ гр. на своихъ имѣніяхъ—на замкѣ Камени и мѣстечкахъ, селахъ и приселкахъ, принадлежащихъ къ тому замку.

Я Ганна Романовна Любецкая кнежна Друцъкая Миколаевая Остиковая, а теперешняя кнегиня Павловая Соколинская, вызнаваю сама на себе сим моим листом кождому, кому будетъ потреба того ведати, албо чтучи его слышати, нинешним и напотом завжды будучим, штож року теперешнего тисеча пятьсот шестдесят девятого, месеца генваря, четвертого дня вчинили есмо постановенье зъ его милостью князем Илвом Санкгушковичом Кошерским, зъ зятем моим, и з дочкою моею кнегинею Ганною Остиковною, иж я Ганъна Романовна Любецкая Миколаевая Остиковая поступила в моцъ, в держане и вживанье, со всим на все подала его милости князю Льву Санкгушковичу Кошерскому половицу Любча, которую я окупила, яко отчизну свою, у его милости пана Остафъя Воловича, подканцлерого и маршалка дворного великого князства Литовского, старосты берестейского и кобрынского, в двух тисечах копах и в семисот копах грошей личбы и монеты великого князства Литовского, личачы по десети пенезей белых у грошъ, того половицу Любча всего замку, мѣста, селъ, приселков и воль, от небожчика князя Богуша осажоных, зо всим кгрунтом, так яко и брат мой рожоный князь Дмитръ Любецъкий за живота своего держал и вживал, ничого на себе при животе и по животе своем, такъ теж на близких, кревных, повиноватых моих не оставуючы; ку тому теж штося дотычеть именья отчизного небожчика пана малжонка моего, пана Миколая Остика, в повете Слонимском лежачого, на имя Косова, на

котором именью Косовском небожчик малжонок мой пан Миколай Остик описал мне две тисечы (коп) грошей литовских, а на Упите у волости Ша(довское) две тисячыж коп грошей литовских, а так я вышей помененая на том именью Косовском и на именью волости Шадовъское тую суму чотыри тисечы копъ грошей я его милости зятю своему князю Лву Кошерскому даровала, и тые именья вышей помененые Косов место з двором, зъ селы, записала, и вжо есми его милости зо всим на все поступила; а его милость князь Кошерский напротив тое всее сумы записал малжонце своей кнегини Ганъне Остиковне, дочце моей, именье свое отчизное, тоест замок Камень з местом и дворы, дворцы, зъ их приселки, зо всими людми и з их пожитки, против тое сумы шести тисячей и ста копъ грошей совито, тоесть дванадцать тисяч копъ грошей и двесте коп грошей литовских; ку тому теж што был его милость князь Левъ Кошерский мне Ганне Миколаевой Остиковой на лист свой записный позычоных пенезей сем тисечей копъ грошей литовских остал винен, у которых ми был его милость князь Лев Кошерский записал замокъ и место, отчизну свою, Перемиль, ино я Ганна Остиковая с тое сумы семи тисячей коп грошей литовских его милости князя Лва Кошерского даровала двема тисечми копами грошей, а пять тисечъ копъ грошей литовских тые его милость князь Левъ Кошерский ку той же суме дванадцатма тисечамъ и двум сот копам грошей малжонце своей а дочъце моей Ганне Миколаевне Остиковне записал на том же замку Камени, местех, селах и приселках, к тому замку приналежачых; того всего сумою . . . малжонце своей а дочце моей кнегини Ганне Миколаевне Остиковне его милость князь Лев Кошерский записалъ семнадцать тисечъ и двесте копъ грошей литовских; которою сумою семнадцатма тисечъма и двемасты копами грошей литовских кнегиня Кошерская дочка моя кнегиня Ганна Остиковна, яко властностю своею, шафовати, кому хотечы отписати волна ест; а ей того никто заборонити не маетъ, што ест ширей а достаточней на листе его милости вызнаномъ описано и

доложоно. А што теж я Ганна Остиковая мела записы от малжонка моего небожчика пана Миколая Остика на Понемоньи и на Вшетечне, на отчизне дочки моее кнегини Ганны Миколаевны Остиковны кнегини Лвовое Санкгушковича Кошерское, на которых именях записал ми был пан малжонокъ мой пан Миколай Остик пять тисячъ копъ грошей литовских, тую пят тисяч коп грошей литовских я Ганна Остиковая даю, дарую и на вечност сим листом моим записую его милости князю Лву Кошерскому, зятю своему, и дочце моей кнегини Ганне Остиковне; а каменица в месте Виленском поблизу рынку, на великой улицы, по праве идучи от замку против каменицы Кгаштолтовъское, также теж ку той каменицы дворецъ Литоваришъки, Мицовщину, Минтваловщину, которые ся сполечне зъ его милостью небожчиком малжонком своим паном Миколаем Остиком прикупила, такъ каменицу, якъ и тые дворцы верху мененые, зо всим на все, з кгрунты земле(ными) и водеными такъ, яко я з небожчиком мал(жонком) своим на себе держала, его милости князю Лву Кошерскому и малжонце его милости а дочце своей кнегини . . . даю, дарую и на вечность сим листом моим записую; однож ми его милость князь Лев Кошерский, зять мой, весполекъ з малжонкою своею а дочкою моею кнегинею Ганною Миколаевною Остиковъною, дозволили в той каменицы доброволного стояня, кгды я до места Виленъского приеду; такъ тежъ з дворцовъ верху мененых, которые я детем своим поступила, волно ми брати вшелякую живност собе, слугам и конем своим, такъ теж дерева на будованье и дров, што одно потреба; а его милость князь Левъ Кошерский и малжонка его а дочка моя, а ни врядники их милости мне того боронити не маютъ аж до живота моего, под зарукою на господара короля его мил. пятмасты копами грошей; якожъ есми вси именя вышей мененые небожчика пана Миколая Остика, малжонка моего, которые правом прирожонымъ на дочку мою кнегиню Ганну Миколаевну Остиковну в Литве пришли и спали, тые я вси именя, ничого на себе, на своих кровных, близких и повиноватых

моих не зоставуючы, такъ теж которые именя на Руси, правом прирожоным небожчика пана малжонка моего по небожчику князю Павлу княжати Голшанском, бискупу виленском, зостали, тоест Вишнево, Лукавецъ, Декешняны, Волмаянта (?), Отмут, Прусовичи, Довишичи, Дольцы, Корсаковичи и Нивье (?), тые я которые в моцы своей маю, до рукъ его милости князя Льва Кошерского, зятя своего, пустила; а которые сут в заставе, то его милость . . ить пенезми своими маетъ и волен будеть, окупившы, вечными часы их держати и вживати маетъ; а я в том его милости жадное переказы чинити не маю; такъ теж гдебы колвекъ якие именья мне сумою записаные, албо спадком и близкостью права прирожоного пришло, и теж еще прийти мело, и тые вси именья его милости князю Льву Кошерскому, зятю своему, и малжонце его милости а дочце моей кнегини Ганне Миколаевне Остиковне зо всими пожитки, з дворы, с пашнями дворными, з даню медовою, с пенезми цыншовыми и зо всими доходы и присуды, з бояры, з мещаны, з людми тяглыми подворыщными и огородниками, з боры, зъ гаи, запустами, з ставы, з ставищами, з млыны и з их вымелками, з бобровыми гоны, з ловы звериннымии и пташими, и зо всим на все, такъ якося тые имена сами в себе, в границах, межах и в обыходех своих маютъ, поступила и заразом в моц и держане его милости подала; кром того ижем собе волно ку шафованью своему оставила именье Рогов у повете Дорогицком, которое-м выслужила на отчиму своемъ пану Яне Стецку, маршалъку его кролевское милости, старосте менском, так и материстое свое влосное в повете Оршанском: Надеи, Черно, Мелискиничы (?) и Березвичы, а в повете Витебъском Контов надъ рекою Двиною, купля моя власная, и дворецъ Бенюны и земли, к нему прикупленые, а имене его под Вилном на Ковельскомъ гостинцу . . . . . . што маю в заставе; в тые ся его милость княз Кошерский, а ни дочка моя до воли и ласки моее вступовати не мають под закладом . . . . а Жировичи, отчизну дочки моее, по смерти моей его милость князь Лев Кошерский з малжонкою своею а дочкою моею,

отдавшы суму пенезей тисечу копъ грошей литовских его милости пану Остафъю Воловичу, або тому, кому то его милость за описом моим пуститъ, к рукам своимъ взяти маютъ и волни будутъ, и того их милости нихто боронити не маетъ. А што ся дотычеть на тые вси именья привильев, листовъ делчихъ, граничных, и всих иныхъ на тые имена вышей помененые прислухаючых и приналежачых, которые у мене по небожчику малжонку моемъ пану Миколаю Остику зостали, тые вси привилья и листы я Ганна Миколаевая Остиковая его милости князю Лву Кошерскому и дочце своей а малжонце его милости кнегини Ганне Остиковне до рукъ их милости вси отдала; а естлибы который привилей, або листы купчые, такъ теж вси листы, записы, которыем я от его милости князя Лва Кошерского, зятя своего, мела и тепер в себе маю, тые вси листы, описы его милости на долги и на вси розницы, што есмо межи себе мели, сим моимъ теперешним листом вечне уморяю и вжо тые листы мне, а никому иншому ку жадной помочы быти не маютъ, а ни жадное моцы в кождого права перед вшеляким врядом мети будутъ. А естли бых я Ганна Миколаевая Остиковая сама, або хто с кревных, близких (и по)виноватых моих сесь мой лист, в котором колвек артыкуле вышей помененомъ нарушити мела, тогды повинна буду платити заруки господару королю его милости шесть тисяч копъ грошей, а его милости князю Лву Кошерскому другую шест тисячъ копъ грошей литовских, а заплатившы тые заруки, предся тот лист мой в кождого права при моцы захованъ быти маетъ. И на то есми Ганна Миколаевна Остиковая его милости князю Лву Санкгушковичу Кошерскому и малжонце его милости кнегини Ганне Миколаевне Остиковне дала сес мой лист под моею печатю и с подписом власное руки моее; якож есми тое обдарованье свое заразом перед врядом кгродским замку господарского Луцкого вызнала и до книгъ кгродскихъ тот мой лист уписат дала, и вземшы выпис с книгъ, его милости князю Лву Кошерскому и малжонце его милости, дочце своей, кнегини Ганне Остиковне до рукъ ихъ милости дала. Ко-

торое сознане мое и тот лист мой, такъ теж и выпис вряду кгродского луцкого в кождом повете перед судом земъским за моцне принято и до книг земъских, хотя и без бытности моее, о рокох земъских уписано быти; а вряд земский во всих артыкулех, в сем листе моем описаныхъ, верити маетъ. А при том были и того добре сведоми и, за прозбою моею устную, печати свои къ сему моему листу приложити рачыли их милость а добродеи мои ласкавые: его милость, пан Петръ Богданович Загоровский, маршалок, пан Михайло Ело-Малинский, маршалок его кролевское милости, пан Михайло Федорович Сербин, подкоморый луцкий, пан Богданъ а панъ Семен Дрозденский, пан Михайло Янович Загоровский. Писан в Луцьку, лета Божого Нароженья тисеча пятьсот шестдесят девятого, месяца генвара, семого дня. Подписъ руки панее Ганны Остиковое: Анъна Романовна Любецкая: кнежна Друцкая вышей мененая власною рукою своею тот лист мой подписала.

А такъ я тое оповеданье доброволное сознанье и лист ее милости панее Ганны Романовны Любецъкое кнежны Друцкое Миколаевое Остиковое теперешнее кнегини Павловое Соколинское с початку аж до конца до книг кгродских записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 90—94.

LXXVIII.

1569 г. мая 5. Королева Бона раздаетъ участки земли слугамъ на условныхъ правахъ.

Oblata kopij originału nadania gruntow od nayiasnieyszey krolowey Bony imieniowi Szomanowiczow Myslinskich służącego. Roku tysiąc siedmset czterdziestego osmego, miesiąca septembris, szesnastego dnia. Na urzędzie grodz. w zamku iego mci Władz. przedemną Janem Brzostowskim, namiesnikiem grodz. władz., y xięgami ninieyszemi grod. staroscinskiemi, comparens personaliter urodz. i. msc pan Jan Maslinski (sic) tę kopią

de verbo ad verbum, z originalu ruskiego na polską przepisaną, nadania gruntow, od nayiasnieyszey krolowey Bony imieniowi Szomanowiczow Myslinskich w dobrach wsi Myslinney sluzącego, ad acta praesentia castrensia vladimiriensia per oblatam podał de tenore verborum ejus modi:

Ograniczenie sioła Suchoroz: zaczyna sie granica od Huszynskiey granicy od Kawdub dęba Bosaka, od Kadłub lasa na grobelką, tam osypaną kopcami; a konczysie po Szainską sianozęc; a druga strona konczysię po Uszynskę granicę od włok Obłapskich. Daię w zasługach Wasilowi y Michałowi Szomanowiczom y ze wszystkiemi pozytkami, nalezącemi, aby mieli wolnosć we wszystkim—w gruntach, w sianozęciach, w stawach, w młynach, w sosnach bartnych, winicach, a broworach y we wszystkich pozytkach, nalezących do tego; aby nie mieli ni od kogo przeszkody; aby byli posluszni na rzecz pospolitą; daię wam Wasilowi y Michałowi podział włok dwanascie a Nanczycowi Fedorowi wszytkich także włok dwanascie; Koladce Hryszkowi także dwanascie, aby byli pomierkowane między nimi. Wlasną swoią ręką podpisuię, tysiąc pięcset sześćdziesiąc dziewiątego roku, miesiaca maia, dnia piątego. A tey kopij originalu podpis ręki nayiasnieyszey krolowey w te słowa: Bona. Ktora że to kopia, de verbo ad verbum z originału przepisana, za własnym y oczewistym wyz rzeczonego i. mci podawaiącego podaniem y prozbą, a za moim urzędowym przyięciem, do xiąg ninieyszych grod. wlad. iest zapisana.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 1119, л. 1313, № ак. 353.

LXXIX.

1569 г. мая 18. Продажная запись кн. Андрея Петровича Масальскаго и жены его Ганны Богдановны Путятиной (которая получила продаваемое имѣніе по наслѣдству отъ тетки Богданы Федоровны) на части имѣній Подлѣсъ и Корсыня, въ пов. Луцкомъ, князю Марку Солтановичу Сокольскому, у котораго означенное имѣніе было и прежде въ заставномъ владѣніи.

Одно изъ свидѣтельствъ о древней общности правъ супруговъ (на имѣніе жены): оба продавца объявляютъ себя собственниками: женѣ досталось имѣніе по наслѣдству отъ тетки ея, а мужу „по жонѣ моей“, хотя жена не передавала своихъ правъ мужу и продолжала быть собственницею. Имѣніе пришло въ семейную массу не въ видѣ приданаго, а унаслѣдовано женою при существованіи брака.

Року 1569, месяца мая, 20 дня. Пришодчы и постанональшися очевисто на вряде его кролевское милости в замку Луцкомъ перед омною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ луцкимъ, его милость князь Андрей Петрович Масалский, восполок з малжонкою своею кнегинею Ганъною Богдановною Путятича, оповедали и доброволне до книг кгродскихъ тыми словы сознали: ижъ дей што которые части вы именяхъ, в повете Луцкомъ лежачих над рекою Стохотом, тоестъ в Подлесехъ, Корьсыню, по небожчицы панеи Ивановой, подскарбиной, панеи Богдане Федоровне на жону мою Ганну Путятичну правомъ прирожонымъ пришли и спали, а потомъ и на (ме)не самого Андрѣя Петровича Масалского по жоне моей, которые части вы именяхъ выше помененых в Подлесехъ и в Корсыню, еще скоро по смерти небожчицы панее подскарбиное, тетки жоны моее, маючы то мы в моцы и в деръжаню своем, завели и пустили есмо были в руки ихъ милость князю Василю а князю Марку Солтановичомъ Соколскимъ заставънымъ обычаем в некоторой суме пенезей и описалися есмо их милости тые части наши вы именяхъ вышей помененых в Подлесехъ и въ Корсыню, за шацункомъ слушънымъ приятелскимъ, а за певную и готовую суму пенезей на вечност пустити, якож их милость князь Василей а князь Марко Солтановичы Соколские держали то от нас в грошох своих презь часы немалые от колка лѣтъ; а такъ мы обачивъши тое, иж тые части именей вышей помененыхъ ма-

лый пожиток намъ чинють, а к тому иж до именей нашихъ иншихъ не подлегли, прото мы, розъмыслившися статочне, умыслили есмо тые части продати, а собе за тые пенези што иншого а пожиточнейшого ку именямъ своимъ привлащати, с тыхъ причин постерегаючы мы опису своего першого, от нас на то княземъ Соколским даного, не хотячи его ни в чомъ нарушати, а к тому ведаючы то добре и заховываючися в том водлуг уфалы сойму Берестейского в року тисеча пятсот шестьдесят шостомъ минулого, где описуеть, иж каждому волно именями своими подлугъ воли своее шафовати, и будъ въсе огулом, (або по) части кому хотечи отдати, продати, даровати, завести,—про то мы обое споломъ тые части наши вышей мененые в Корсине а в Подлесехъ, и што бы колвек ку властности нашой мене самого або жоны моее в тых частей назъвано тепер и напотом быти могло, въже есмо въсе на вечност продали, пустили его милости князю Марку Солтановичу Соколскому, ему самому, жоне, детемъ, потомству их и всимъ щадком его милости за певную а готовую суму пенезей, тоесть за пятсотъ копъ грошей личбы литовъское, личачи в кажъдый грошъ по десяти пенезей белых, на што дей есмо и листъ свой вызнаный под печатми нашими и с подписю руки моее властное мене Андрѣя Петровича Масалского, и тежъ под печатми людей зацных, его милости князю Марку Солтановичу Соколскому дали, въ которомъ ширей а достаточъней тая продажа наша ест описана и доложоно. И тот лист свой передо мъною на врядe покладали, просечы, абы был вычитан и въ книги кгродские уписан, который лист такъся в собе маетъ.

Я Андрей Петрович Масалский а я малжонка его Ганна Богдановна Путятича чиним явно и вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ кождому вобец, всимъ посполите, кому бы одно того потреба ведати, або чтучи его слышати, нинешним и напотомъ завды будучимъ, иж што которые части вы именях, в повете Луцкомъ лежачих над рекою Стохоттомъ, тоестъ в Подлесех и в Корсыню, по небожчицы панеи Ивановой, подскарбиной, панеи Богдане Федоровне на

жону мою Ганну Путятенну правом прирожонымъ пришьли и спали, а потомъ и на мене самого Андрея Петровича Масалского по жени моей, которые части вы именях вышей помененых в Подлесех и в Корсыню еще скоро по смерти небожчицы панеи подскарбиное тетки жоны моей, маючи мы то в моцы и в держаню своем, завели и пустили есмо были в руки их милости князю Василю а князю Марку Солтановичу Соколскимъ заставнымъ обычаем в некоторое суме пенезей и описалися есмо их милости тыи части наши вы именях вышей помененых в Подлесюх и в Корсыню за шацункомъ слушным прия(тельским за) певную и готовую суму пенезей на вечност пусти . . . их милостъ князъ Василей а князъ Марко Солтановичи Соколские держали то от нас в грошох своих през часы немалые от колка лет; а так мы обачивши тое, иж тые части именей вышей помененых малый пожиток намъ чинят, а к тому ижъ до именей наших инших не подлегъли, про то мы, розмысливъшися статочне, умыслили есмо тые части продат, а собе за тые пенези што иншого а пожиточнейшого ку именямъ своим правлащат; и с тых причин, постерегаючи мы опису своего першого, от нас на то князем Соколскимъ даного, не хотечи его ни в чомъ нарушати, а к тому ведаючи добре и заховываючися в том водлуг уфалы сойму берестейского в року тисеча пятсот шестдесят шостом минулого, где описует, иж каждому волно именъями своими подлуг воли своее шафовати, и буд все огулом, або и по части кому хотечи отдати, продати, даровати, и яко колвек завести,—прото мы обое сполом тые части наши вышей мененные в Корсыне и в Подлесехъ именей вышей помененых и што бы колвекъ ку властности нашей мене самого, або жоны моеи в тых частех названо тепер и напотом быти могло, вже есмо все на вечност продали и пустили его мл. князю Марку Солтановичовичу Соколскому, ему самому, жоне, детем, потомъкомъ и всимъ щадкомъ его мл. за певную а готовую суму пенезей, тоест за пятсот копъ грошей личбы литовское, личачи в кожъдый грош по десяти пенезей белыхъ, которую суму пенезей взяли есмо зараз всю

сполна до рук своих, а тые части вы именях вышей помененых з бояры, слугами путными, з людми тяглыми, отчизными, прихожими, с огородники, их всими землями, пашнями и бортными, с проробками новыми, с полми, ставами, и сыножатми зъ гаями, з борами, лесами, дубровами, зарослями, с кустувемъ, з болотами и мшаринъемъ, з ловы зверинными, птапими, з бобровыми гоны, з реками, з речками, с озеры и сажавками, з ставы, ставищами, з рудами и въсякими водами, зо всяким кгрунтомъ земъленымъ и воденымъ, так долго и широко, яко вси продкове наши и мы сами ведле часу своего ку тым частемъ в тых селех вышей поменованых чого колвек в деръжаню и вживаню своем мели, службами тых всих людей и слугъ, з данми медовыми и грошовыми, з дяклы житными и овсяными, иными платы, с чиншами, и доходы, с пожитки, и повинностями звечистыми, якъ которые бы одно якимъ колвек обычаемъ, або именемъ и вымыслом людским названо и вобец меновано быти могут, так по тому, иж особливое менование не мает шкодити посполитому, а посполитое особливому, и зо всим тымъ, якося одно тые части именей вышей помененых в Корсуню и в Подлесех сами в собе, в межахъ, границах, в обыходех и во всяких пожиткох своих з давных веков и на сес час мают, ничого и жадного вживаня в тых частех именей помененых на себе самых, детей, потомъков, всих щадков, теж близких, кровных и повиноватых наших не оставуючи, але все право свое на тые части належачие через сес власный а доброволный запис нашъ пушъчаемъ и вливаемъ приятелю своему его мил. князю Марку Солтановичу Соколскому, малжонце, детемъ, потомком и въсимъ щадком его милости, якожъ есмо вже заразомъ тых частей именей предречоных в Корсыне и в Подлесехъ зо всимъ на все в моц и в держане его милости здали и поступили на вечные часы; моцно и волно будет его милости князю Марку Соколъскому, малжонце, детемъ, потомкомъ и щадкомъ его милости тые вышей мененые части наши в Корсыню и в Подлесех, от нас его мил. на вечност проданые, держати и вживати, вшелякие пожитки собе з них привла-

щати и к тому, (кому) хочет отдати, даровати, продати, заменити, отказати, записати и ку своему налепшому а пожиточному оборочати и тымъ, яко властною отчизною своею, ведлуг налепшой воли и уподобаня своего, шафовати; а мы вже сами, дети, потомки а нихто з близких, кревных и повиноватых наших в тые части и во всякие пожитки в них належачие, от нас на вечност поданые, ничимъ ся вступовати а ни жадными причинами, которые бы одно кольвекъ ку нарушеню . . . продажи наший розумом людскимъ вынайде . . . . под князем Соколскимъ, малжонкою, детми, потомъки и щадками его мил. поискивати и доходити правным и неправным обычаем не маем и мочи не будем; але вже о то на вечные часы молчати маемъ; а еслибых мо мы сами, дѣти, потомъки, або хто колвек з близких, кровных и повиноватых наших милися в тые от нас вечно проданые части именей помененых в Корсыню и в Подлесех чимъ колвек уст(у)повати, а князя Марка Соколского, малжонку, дѣтий, потомъков и щадков его милости о то ку праву позывати, в трудност и наклады якие приводити, тогды тот, хтобы одно смел учинити, таковый каждый повинен будет заруки платити господару королю его милости осмъсот копъ грошей, а стороне нарушоной, тоест князю Марку Соколскому, жонѣ, дѣтемъ, або потомъком его мил. другую осмъсот копъ грошей, к тому шкоды и наклады, кром жадъного права и доводу и присеги, толко на речене слова, заплатити и нагородити; а заплативши тые заруки, так теж за шкоды и наклады стороне нарушоной досыт учинивши, пред ся его мил. князъ Марко Соколский, малжонка, дѣти и все потомство его мил. тые части в Корсыню, в Подлесехъ подлуг сего листу, продажи нашей вечистой, которым завжды и везде на каждом уряде и в кождого права при своей моцы зуполне деръжонъ и хован быти мае, держати и вживати мают на вечные часы, никды непорушно. И на то есмо дали его мил. князю Марку Солтановичу Соколскому сес нашъ лист з нашими печатми и с подписю руки моей влосной мене Андрея Петровича Масалского. А при том были и того добре сведоми их мил. па-

нове приятели наши: пан Иванъ Чаплич-Шпановский, войский луцкий земли Волынское луцкий, князъ Януш Матфеевич Четвертенский, пан Януш Прокоповичъ Угриновский, а пан Иванъ Бурый, дворенин господаръский, которые за усною прозбою нашею к тому листу нашему печати свои приложити рачили; якож есмо над то сес наш лист и вечистую продажу нашу, ставши очевисто весполок зъ малжонкою моею Ганною перед урядом замъку господаръском Луцком, до книгъ вызнали и записати казали. Писан у Луцку, лета Божого нароженъя тисеча пятсот шестдесят девятого, месяца мая, осмогонадцат дня. Анъдрей Масалъский рукою влостною подписал.

А такъ я тое очевистое оповедане доброволное сознане и лист его милости князя Андрея Петровича Масалского и малжонки его милости кнегини Ганны Богдановны Путятича слово от слова с початку ажь до конца до книг кгродскихъ записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2043, л. 234 об., № ак. 218.

LXXX.

1569 г. іюня 12. Заставная запись кн. Льва Александровича Сангушковича-Кошерскаго еврею Городельскому Еску (онъ же Юско) Аврамовичу на городъ Перемиль и село Смолевъ (въ Луцкомъ повѣтѣ) въ 6.000 золотыхъ польскихъ.

Еврейское землевладѣніе.

Року 1569, месяца июня, 30 дня. Присылалъ на вряд его королевское милости до мене Петра Хомека, подстаростего луцкого, его мил. князь Лев Александрович Санкгушковичъ Кошерский, абых я опис его мил. властный, который его мил. дал Юску Аврамовичу, жиду городелскому, на шест тисечей золотых полских, до книг кгродских записати казал; а так я, припустивши то ку ведомости своей, росказал есми тот опис его милости, Еску Аврамовичу от его милости

данный, до книг кгродских записати. Который лист слово от слова с початку аж до конца так ся в собѣ мает.

Я Лев Александрович Санкгушко Кошерский вызнаваю сам на себе симъ моимъ листомъ кождому, хто бы о томъ вѣдати хотелъ, штожъ будучи мне на сойме великомъ вальномъ в Люблине при его кролевское милости, позычил есми ку великой а пилной потребе моей в жида городельского Еска Аврамовича певъную суму готовыхъ пенезей шест тисечей золотых полъское личбы, личачи, въ кождый золотый по тридцати грошей полъскихъ, в которой суме пенезей в шести тисечей золотыхъ заставилъ есми ему двѣ именья мои отчизныи, никому ничимъ не винныи, не пенъныи и жадному первей сего, такъ посагомъ, яко и вшелякою заставою, незаведеные, лежачие в повете Луцкомъ, тоест меновите: з местомъ Перемилемъ, того места з мещаны, и з селомъ, ку нему належачимъ, Смолевомъ, з людми тяглыми подворищъными, зъ их оселями, полми, сеножатми, зо всими платы, доходы, пожитки и вшелякими их повинностями, ничого на себе не зоставуючи в томъ месте (Перемилѣ и) Смолеве, все по тому, яко я тые именья помененые мои на себе держалъ; якожъ я вже . . . . тые две именья мои Перемилъ (и Смолево) у в оной суме пенезей позычоной веръху мене(ной) . . . . в моц и в держанье и вживанье тому . . . . листом записным въжемъ завел, поступилъ, такъ, яко ся тые имена мои сами въ собе, в кгрунтехъ, в межахъ, границахъ, и обходех своих мают; мает он тыи мои именья и подданыи перемилъские и смолевъские, почонши от певного дня и часу, тоест от нароженя светого Ивана Крестителя, свята близко прийдучого, которое мает быти в року теперешнемъ шестдесят девятомъ, аж до году, до тогож дня и свята рождества светого Ивана, которое вже буде в року семъдесятомъ, в моцы, держанью и вживанью своемъ мети, платы, доходы и всякие пожитки, яким бы колвекъ обычаемъ, або именемъ названыи были, на себе брати и того вживати, яко я самъ; и кгды оный денъ и рокъ рожество светого

Ивана в року семъдесятомъ прийдеть, тогды я повиненъ буду шест тисечъ золотых полских всю сполна и на местьцу певномъ в замъку Луцкомъ перед урядом кгродскимъ отдати и заплатити, а тыи именя мои Перемилъ и Смолев в него окупити; естлижъ бых я на тот ден и рокъ, верху назначоный, тое сумы пенезей сполна ему всее не отдалъ и незаплатил, а оных именей моихъ (не выкупилъ), от того такъ року, аж до году и року в рокъ на себе деръжати и их вживати, яко властности своей; а я в промежъку роковъ, кромъ того року, в семъ листе моемъ описаного, тых именей моих в него окупити, такъ я самъ, и нихто зъ врядников, слугъ, бояр и подданыхъ моих в томъ ему никоторое трудъности и переказы чинити не маемъ; а пак ли бых я хотел в него тые именя мои промежку роков окуповати, або якуюж колъвекъ трудъност и переказу ему в томъ дѣлати, а он бы прав . . . ея о томъ зо мною што на то на . . . . . шкодовати мел, тогды я повинен буду . . господару королю его милости тисечу копъ грошей, а ему, яко стороне нарушоной, пятсот копъ грошей заплатити, и всѣ шкоды, наклады, кромъ всякого доводу и присеги, одъно на слово его, што поведит, маю ему оправит и досыт вделати, такъ якобы он ничого собѣ в томъ не шкодовал; а иле крот мел бых, черезъ сес обовезокъ мой, в чомъ ему кривду и переказу якую чинит, тыле крот перепадывати буду в заруки вышей помененые з оправенъемъ накладовъ и шкод его; ведже онъ в кажъдой таковой трудности а долегълости своей, которая бы от мене самого, врядников, слугъ, бояр и подданых моих ему чинена была, мает и моцонъ будет о такие трудности своей нигде инде, одно до суду кгродского замку его королевское милости Луцкого, мене позыват; а я не беручи собе на помоч апелеции жадное так до короля его милости, яко и до суду земского повету Луцкого, повинен буду за кождым позванъемъ его перед судомъ кгродским луцким усправедливитися, права, розсудку и вказу врядового, подле речи слушъное, послушон будучи, во всем; а хотяж бых разъ, або колко разов в заруки перепасти мел, тогды и по запла-

ченю тых зарукъ и по нагороде всих от мене ему шкод, пред ся сес записъ и обовязокъ мой во всех его артикулех вышших и низшихъ в кождого права и суду у моцы своей захован быти мает. Ку тому теж еслибы ся, за держаня его, кривды, втиски, кгвалты, бои, грабежи, забранъе и посягане от кого кгрунту земленого тымъ именъямъ и подданнымъ моимъ деяти мело, и теж еслибы ся што и подданных моихъ з оных имeней прочъ розышло, тогды во всих тых кривдах и долеглостях верху помененых самъ властнымъ коштом и накладомъ своимъ то заступовати, оправовати, оборонити маю; а о збеги подданные мои, яко ся вышей поменило, штобы ся им с тыхъ имeней моих проч розышло, не маю его о то ку жадному праву притегати, а ни того на нем поискивати не маю, на немъ самомъ, жоне и потомкох его. Еслибы теж под яким часомъ близкимъ, або и далнимъ, час смертелный на него пришол, а я бых оных имeней в него не окупил, ино жона, дети, потомки и близкие его, на кого бы то от него правом, або спадкомъ припало, тых имeней моих, з моцю и обовязкомъ сего запису моего, держати и вживати будут волни, так яко и он самъ; такъ теж кгдыбы и на мене пан Бог час смертелный допустить рачил, а тые бы именя не были въ него окуплены, тогды жона дети и близкие мои, водле сего обовязъку и опису моего, противко ему, або и тым усимъ, кому бы то належало, заховатися будут повинни. А кгды бы теж под которымъ часом указывала ему потреба пенезей, тогды воленъ и моцон будет он самъ, або и тотъ, на когобы то по животе его припало, кому хотечи в той же суме пенезей и тым же правом и моцю, яко самъ держалъ, заставою до рук завести, того я ему зъбраняти не маю. А што ся дотычет з оных имeней службы господарьское земское военное, тую я самъ накладом и коштомъ своимъ за него заступовати кождую войну буду повинен. И на то есми Еску Аврамовичу, жиду городелскому, дал сесь мой вызнаный лист з моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А для лепшое твердости, учинивши прозбу через особливый лист и посланца моего до враду кгродского луцкого,

просил есми вряду, абы сес листъ мой до книгъ кгродских слово от слова уписан был. А при том были и того добре сведоми их милость панове приятели мои: велможный князъ Роман Санкгушко, воевода . . . гетманъ полный, староста житомерский и речицкий, пан Олизар Кирдей, маршалок господарьский, панъ Гаврило Бокий, судя земский луцкий, панъ Петръ Костюшкович, пан Семен Дрозденский, панъ Федор Воютинъский. Которые их милость панове за прозбами моими печати свои приложили к сему листу моему. Писан в Люблине, лет Божого нароженя тисеча пятсот шестдесят девятого, месяца июня, второгонадцат дня. Лев Санкгушко Кошерскый властная рука.

А такъ я тое оповедане и лист его милости князя Лва Санкгушка Кошерского слово от слова с початку аж до конца до книг кгродских записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2043, л. 300 об., № ак. 284.

LXXXI.

1569 г. іюня 30. Вводъ еврея Юска Аврамовича во владѣніе гор. Перемилемъ и с. Смолевымъ по заставной записи кн. Льва Кошерскаго.

Еврейское землевладѣніе.

Того-жъ року (1569), месяца июня, 30 дня. Пришедши и постановившися очевисто в замку господаръскомъ Луцком передо мною Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ луцкимъ, возный повету Луцкого Богдан Кнегининский оповедал и тыми словы до книг кгродских сознал: иж будучи мне з уряду кгродского приданымъ вознымъ подданому господаръскому Юску Аврамовичу, жиду городелскому, для увязаня во имене его милости князя Лва Санкгушковича Кошерского Перемил и в село Смолеву за властнымъ описомъ его милости, а такъ я в сюю пятницу близко прошлую, месяца июня, двадцат семого, день нароженья святого Ивана Крестителя, маючи я

при собе шляхту людей добрых, был есми зъ Юском, жидомъ городелскимъ, в Перемилю; тамъ при мне возъном мовил Юско Аврамович, жид городелский, его милости князю Льву Санкгушковичу Кошерскому, абы его милост, водле з листу и властного опису своего, которымъ ся ему, будучи в Люблине, описал, иж позычил у него ку своей потребе шесть тисеч золотых полских, в которой суме Юску записал место Перемиль и село Смолеву, яко ест шырей а достаточней на том листе его милости описано и доложоно; абы ему тое место Перемил и село Смолеву поступил; его милост князь Кошерский Юску ни в чомъ противен не был и ведле опису своего место Перемил и з селом Смолевою Юску, жиду городелскому, поступилъ в моц, в держане, вживанъе, во владност его зо всимъ на все, з мещаны, з бояры, з людми тяглыми подворищъными, подсуседками, огородниками, з ставы, з млыны, з лесы, з дубровами, зъ зарослями, з сеножатми, и зо всим кгрунтом земълянымъ, такъ яко ся тые именя вышей помененые сами в собе, в границах, в межах и в обыходех своих мают, поступил; гдеж я возный, за поданемъ доброволным его милости князя Кошерского, в тое место Перемил и в село Смолеву Юска Аврамовича, жида городелского, водле листу а властного опису его милости князя Лва Кошерского, увезал, в моц, в держанъе и вживане его подал. И просил Юско Аврамович, абы то было записано; а так я тое возного сознане до книг кгродских записати казал.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2043, л. 302 об., № ак. 285.

LXXXII.

1569 г. іюля 13. Грамота короля Сигизмунда-Августа съ воспрещеніемъ вводить во владѣніе кн. Романа Сангушка коронными имѣніями, которыя состоятъ въ пожизненномъ владѣніи вдовы Францишка Хваличевскаго и сына ея Петра впредь до разсмотрѣнія ихъ правъ судомъ.

Пожизненное владѣніе двухъ поколѣній.

Року 1569, месяца июля, 25 дня. Присылали на вряд е(го) кролевское милости замку Луцкого до мене Кгрик(о)ра Еневича, подписка кгродского луцкого, в тот час будучого на местцу пана Петра Хомека, подстаростего луцкого, державчиная чернъчъгородъская пани Фронцишковая Хваличевская панни Ганна зъ Соботки, восполок зъ сыномъ своимъ паномъ Петромъ Хваличевскимъ, служебника своего Яна Ленского з листомъ его кролевское милости нашого милостивого пана отвореньмъ, под печатю и с подписомъ власное руки господарьское, по полску писанимъ, просечи, абы был вычитан и в книги кгродские луцкие уписан; а так я то, припустивши ку ведомости врядовой, росказал есми тот лист его кролевское милости слово от слова до книг кгродских луцъких уписати. Который лист так ся в собѣ мает:

Жикгимонт Август з Божей ласки корол полский, великий князъ литовский, руский, пруский, мазовецъкий, киевский, подляский, волынский, жомоитский и иныхъ, всимъ вобецъ и каждому . . . . воеводамъ, капталяномъ, старостамъ, подстаростимъ, буркграбимъ и дворяномъ . . . . тымъ, якогож колвек стану и прозвиска будет, который з листомъ нашимъ ку увязаню в добра наши, тоест Чернъчегородок, Маневице, Козълиниче, Бруховичи, Колкъ и Фадуне двое, през нас велможному князю Романови Санкгушковичови, воеводе бряславскому, старосте житомирскому и речицкому, даны, приданы сут, и инымъ, до которых бы одно ведомости тот листъ нашъ пришол, уприйме и верне намъ милымъ, ласку нашу кролевскую. Уприйме и верне намъ милые! Иж врожоная Ганна з Соботки, врожоного некгды

Францишъка Хваличевского малжонка, зъ сыномъ своимъ Петромъ, при доживотю имен нашихъ, вышей описаных, през нас от немалого часу есть заставена и до того часу в уживаню их сут, прото росказуемъ вамъ сродзе, абы кгды тамъ до имен тых з листы увяжчими, от нас князю Романови даными, приедут, за оказанемъ того листу нашого, жадного увязаня томуж то князю Романови не давали и з моцы а держаня през вшелякий кгвалт тымъ то намененым державцамъ теперешнимъ их не брали, так при самых их бытности, яко теж и кгды хтож колвек от них увязаня, за оповеданемъ того доживотя, их будет боронил; але овшем за тымъ росказанемъ нашим с тым до права обедве стороне ку розознаню през нас прав их отослали; што иначей, под ласкою нашею и срокгим каранемъ нашимъ, абы чинити не съмели конечне. Дан в Люблине, на сойме валномъ коронномъ, дня третегонадцат липца, року Божего тисеча пятсот шестдесят девятого, кролеваня нашого чотырдесятого. Подпис властное руки господаръское: Жикгимонт Августъ, рексъ.

А так я тот лист его кролевское милости слово от слова с початку аж до конца до книг кгродских луцких вписавши и выпис с книг кгродских (луцких) панеи Фаличевской и сынови ее милости пану . . . . своего дал.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2043, л. 348, № ак. 327.

LXXXIII.

1569 г. сент. 16. Заявленіе королевскаго дворянина о томъ, что урядникъ княгини Чорторыйской не дозволилъ ему возвратить епископіи Луцкой село церковное Медково, попавшее во владѣніе Чорторыйской.

Церковное имѣніе, отчужденное однимъ владыкою, виндицируется другимъ.

Року 1569, месяца сентебра, 16 дня. Ставши очевисто передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ луцкимъ, шляхетный Ян Фалибовский, дворенин его кр. милости, оповедалъ: иж дей тых часов недавно минулых месяца сентебра, осмого дня, в середу, року шестдесят девятого, будучи мне в Клевани з листомъ его кр. милости упоминалным, писаный (sic) до ее милости кнегини Ивановое Чорторыйской кнегини Пенны Кузминны Жославского от пана Ивана Борзобогатого Красенского, нареченого владыки луцкого и острозъского, о имене церковное Медково, которое первей прислухало до въладыцства Луцкого, також абы и тепер ку владыству Луцкому было привернено, и росказал ми его кролевская милость, абых ся достаточне выведал, естли то имене церковъное, або ли теж кнегини Чорторыйской; а и доведаломся достаточне, иж то ест имене Медковъ церковное владычне, и перед тым бывало, нижли дей перши владыка луцкий пан Марко Жоравницкий тое имене Медковъ небожчику князю Чорторыйскому поступил. А так самое кнегини Ивановое Чорторыйское не застал, алемъ тотъ листъ его кр. мл. дал врядику клеванскому пану Григорю Косте; оный лист его кр. милости, уцтиве принемши и вычитавши, мне его вернул, а собе копею списаную под печатю моею взял и поведил: иж дей я Медкова, кромъ воли и росказаня панеи своее, не поступлю; але коли ее милость кнегиня пани моя роскаже поступити, не толко Медков, але и Клеван, поступлю. А такъ дей он того имени церковного Медкова, над заруки в листе его кр. милости меновите описано пят-

сот коп грошей, не поступил, и оттол есми с тым проч отехал. А такъ я тое очевистое дворенина его кр. милости сознане до книг кгродских записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2043, л. 472 об., № ак. 447.

LXXXIV.

1569 г. окт. 12. Мировая между гор. Владиміромъ и Владимірскою епископіею объ имѣніяхъ церковныхъ и о правѣ подаванія.

Лета Божого нароженя 1569, октября 12 дня. На рокох судовых . . . о светом Михале, постановившися очевисто в суду земского передо мною Богданомъ Костюшковичемъ Хоболтовскимъ, судьею земскимъ повету Володимерского, а Гавриломъ Яковицкимъ, подсудком повету Володимерского, с одное стороны—в Бозе велебный его милость отец Өеодосей владыка володимерский и берестейский и капитула его милости церкви соборное володимерское светое Пречистое—протопопа и вси свещенники, крилошане: Ивановский Епимах, другий Ивановский Олексей, Прокопелский Өедоръ, Апостолский Василей Иванович, Николенский Тимофей, Федоровский Иван Михалъкович, а дъякон Стефан Грудка; а с другое стороны—войтъ володимерский пан Михайло Дубницкий, и тож бурмистр, радцы, лавники и вси мещане места господарского Володимерскаго доброволне и явне вызнали: иж которое заштье и розницу мели они межи собою от давных часов около людей, кгрунтовъ, поль, дубровъ и сеножатей, которые владыка его милость и капитула его милости своими власными церковными быти меновали, давнымъ держаньемъ и наданемъ продковъ его королевское милости ку епископии и ку церквамъ володимерскимъ, а войтъ, бурмистръ, радцы и вси мещане тыеж люди и кгрунты, поля, дубровы и сеножати своими властными месткими быти меновали, которые з выведанъя достаточного комисара его кро-

левское милости, за неоказанемъ передъ нимъ прав и фундатовъ на тые люди, кгрунты, што ку церквам владыка его милост с капитулою своею были забрали, его кролевская милост ку тому месту своему взяти и привлащити и через дворянина его кролевское милости имъ подати росказати; а потомъ его кролевская милост и декретом своим кролевским имъ ку месту присудити рачилъ. О которые-жъ люди, кгрунты, поля, дубровы и сеножати они з обеюхъ сторон, яко владыка его милост с капитулою, такъ и войт, бурмистръ и мещане не по один крот ку праву перед его кролевскую милост и перед врад замковый володимерский позывалися и тепер также они перед его кролевскую милост мандатом и перед суд земский на теперешние роки о светом Михале позвы позвалися; и кгды роки позваню з обеюх сторон припадали, они обедве стороне, яко его милост владыка с капитулою своею, так и пан войт, бурмистръ, радцы и вси мещане того места господарского Володимерского, зволившися из собою и не входячы в болшие наклады и шкоды, и вси справы свое першие, мандаты и позвы на сторону отложивъши, по доброй воли своей вгоду и вечное и навеки непорушное постановене межи собою вчинили и до книг земских, очевисте ставши, перед нами вызнали тым обычаем: иж кгрунты, поля, сеножати, лежачие на Залужи, названый Остров Волотславлъ, што перед тым владыка его милост держалъ ку церквам светому Онофрею, светому Прокопю и светому Пантелемону, тые кгрунты, поля и сеножати и Остров Волотславлъ и тепер вечными а непорушными часы владыка его милост ку тым вышеменованым церквам держати и вживати маеть; которыя кгрунтовъ и права своего, которое на тые кгрунты мели от его кролевское милости, и сами мещане володимерские отступили и вечными часы вырекалися. А што ся дотычет земли, поль и дубровъ попа Апостолского, што которое он своими церковными быти меновалъ, лежачие у межах и границах своих, то ест почовши одным концом подле границы и кгрунту именя пана войта Дубницкого, врочищемъ Струважою и стеною, которая была волокам положена,

аж до дороги великое, которая идет з Любомля до Володимера на предместе володимерское Запятниче, тая дорога делит из землею месткою-ж Туримъ полемъ, ажъ до улоцки малое, которая пошла в предместе Запятниче церкви светое Пятницы; а от рогу тое улоцки граница тое земли пошла против гумна Илка Вороновича, мещанина, дорожкою малою, берегом огородов и гумен местских и берегом окопища жидовского до гостинца Городелского, который идет з места Запятнича до Городла, берегом огородов и гумен Якима и Волоса, мещанъ володимерскихъ; с того-ж гостинца через дорогу, которая идет с передместя Заваля на тот же гостинец великий Городелский до валу, по границу людей попа Илинского, аж до реки Луга, а берегом реки аж до межи и границы селца Федоровского, а тою межею и границою черезъ гостинецъ Городелский до дороги, которая идет з Володимера до Пузова, утираючи земли владыки его милости Федорецкие и Олшатецкие, аж до поля владыки его милости Олшаницкого, которое лежит над бродом Пузовскимъ, утираючи того поля дубиною, ажъ до границы пани войтовы Дубиницкое, до тогож менованого местца и врочища Струважи; то праве вкругъ граница тое земли, межи которою землею в середыне нѣшто землъ и сеножатей попа Федоровскаго ест, тые земли вси, поля, дубровы, заросли и сеножати по тых выше менованых границах, знакох и врочищех, зо всимъ на все, яко ся вышей поменило, ку месту Володимерскому быти мают вечными часы; такиж мают войт, бурмистръ, радцы и вси мещане того места господарского Володимерского оные вси земли, поля, дубровы, заросли и сеножати в тых вышеменованых границах ку месту вечными и непорушными часы держати и вживати, яко своее власности месткое; которых же кгрунтовъ, пол, дубров, сеножатей и права своего, што на то мели владыка его милост и тые два попы Апостолский и Федоровский, доброволне перед ними отступили и вечными часы выреклися, так иж они сами и по них будучие владыки володимерские и попы тых церквей в тые кгрунты их месткие выше помененые ничимъ и нико-

торымъ обычаемъ вступоватися и до них вжо ничого мети вечными часы не мают. К тому владыка его милост, нагорожаючи мещаномъ, ку месту за то, иж они права своего, которое от его кролевское милости на оные вышеменованые кгрунты Залуские мели, отступили, поступили им некоторую част кгрунту своего Федоровского и Олшаницкого, прилеглого ку тому-ж кгрунту их месткому наверху мененому, то ест, якося вышей написали, граница месткое земли—дорога идучая з Володимера до Пузова, тогды с тое дороги Пузовское пошла другая дорога до Городла на Матеевъ Боръ влево до Пузова, едучи тою дорогою Городелскою, почонши отъ Пузовское дороги ажъ до Олшаницы речки, где тая дорога Городелская другая на Боръ Матеевъ у Олшаницу пришла, а от того места по сей стороне, не переежчаючи Олшаницы, берег тое Олшаницы на Белую-Криницу, аж до оноеж вышеменованое дороги Пузовское и до броду Пузовского, и через дорогу поле и заросли свое берегъ Олшаницы ж над бродомъ Пузовским лежачое—тот увесъ кгрунт, поля и заросли зо всим и на все в тых вилах межи оными дорогами по Олшаницу речку, кроме сеножатей, его милост отец владыка такиж им мещаном ку месту, ку их же кгрунту их месткому вечными часы пустил, подалъ и уступилъ и копцами то все от своее земли Федоровецкое и Олшаницкое берег тых дорог межи собою закопали и ограничили, и с тое стороны вечне и непорушне границою певною межи собою успокоили; к тому земли попа Ивановского Епимаха, найпервей остров земли на передместю Володимерском лежачий, подле дороги великое, з Володимера до Коилна идучое, а вподолжъ дороги Могиленское, одным боком лежит от места подле поля Поезницкого, а по дорожку малую, што идет з могилокъ до роспутя Оваденского, а другимъ боком лежит по Стружку и по дорогу, што идет на Коцоре; тогож попа Епимаха другий островъ врочище Полъничов, едучи дорогою великою Коиленскою, приехавши к Дубине, бежит дорожка, у правую руку берег поля панее Олехновое Загоровское дворца ее Островецкого, другим боком от поля Поезницкого

лежит тому полю врочище, третим боком лежит по стругу и по дорогу Коиленскую и Купечовскую, четвертым бокомъ лежит от пана Коиленского поля и по стругу . . . другого попа Ивановскаго Олексея поле на передместю Запятничю за кортанми, первым боком лежит берег дороги, з Володимера до Коилна идучое, другим боком по стружку и по дорожку Коцорскую, третимъ боком лежит от поля Поизницкого; — тые кгрунты, островы, поля, дубровы, заросли и сеножати обеох тых поповъ Ивановских по тых выше менованыхъ знакохъ и врочищохъ зо всим, яко ся в собе мают, владыка его милост и тые обадва попы Ивановские ку тому месту Володимерскому вечными а непорушными часы уступили и тых землъ вже вечне выреклися, такъ ижъ войтъ, бурмистръ, радцы и вси мещане того места господарского Володимерского оные земли, островы, поля, дубровы и сеножати ку месту вечно и навѣки непорушно держати и уживати мают. Нижли с тых всих кгрунтовъ, которые ку месту быти мают, сами доброволне войтъ, бурмистръ, радци, и вси мещане поступили и вечными часы поступують на три церкви по две волоки зуполных, яко помера выносит, то ест на церков светых Апостолов две волоки, на церков светого Ивана другую две волоки, а на другую церков светого Ивана третюю две волоки, то ест шест волок земли, вымеривши спoруч, ку тым церквамъ дали и поступили, которые ж шест волокъ, то ест по две волоки земли ку тым церквам вышей мененым, теперешние попы и по нихъ будучие попы тых церквей вечными и непорушными часы держати и вживати мают, а в тые волоки вжо мещаномъ на вечные часы никоторымъ обычаемъ правнымъ и неправнымъ не вступоватися. А особливе людей тых попов помененых Прокопенского, Апостолского, дву Ивановских, цыншъ на них попов и роботу на што были перед тымъ повинни давати и робити и под присудом ихъ быти мают и повинни будут; нижли кгрунта, на которых тые люде их сидят, мают они, свещеници, поспол с мещаны ошацовати, чого который кгрунтъ стоитъ, и водлуг шацунку тые люди их, так яко

и мещане володимерские, поспол з ними мещаны всякие платы и податки (его) кролевское милости и местские вечными часы давати и платити мают, коли и мещане давати будутъ; а естлибы люде з кгрунтовъ ихъ зыйти и знестися хотели на иншие кгрунты местские, тогды тые свещенники не маютъ тыхъ людей ничимъ гамовати, але доброволне их з будованями и зо всими маетностями за место на кгрунты местские пустити повинни, кромъ жадного задерживаня. А ведже тые вси церкви наверху помененые, то ест светого Прокопъя, светых Апостоловъ, светого Онофрея, светого Ивана, и дрогого светого Ивана, светого Николы, Уведение Светое Пречистое, светое Пятницы, светого Өедора и тож церковъ светого Или, въ поданю звечномъ владыки его милости и по нем будучих владыкъ володимерскихъ быти мают вѣчными часы, што и мещане вси сами перед нами доброволне вызнали, иж тые церкви з веков были и тепер ест въ подаваню владык их милости володимерских; над то владыка его милост с капитулою своею перед нами вызнали и доброволне ся в то поддали, иж они всим мещаном володимерскимъ, даючи на пахане инших кгрунтов своих, не мают вечными часы болше брати у мещанъ володимерских толко от кождого дня поля, што может плугом на ден зорати, на озимину по два гроши, а на веснину по одному грошу, а десятую копу от всякого збожя. Которое постановене и вечную вгоду, якъ они вышей перед нами вызнали, межи собою вчинивши, просили з обеюх сторон, абы тое очевистое сознане вгоды и постановеня их до книг земских записано было. А так мы за очевистою прозбою их то все въ книги судовые земские записати казали, с которых на обе стороне выданы сут выписы под печатми нашими. Писан у Володимери.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 954, л. 77—79.

LXXXV.

1569 г. окт. 12. Заставная запись войта Владимірскаго Михаила Васильевича Дубницкаго женѣ своей Томилѣ Даниловнѣ Попелевичевой на войтовство Владимірское, въ 400 копахъ гр., съ правомъ переуступки его дѣтямъ по достиженіи ими совершеннолѣтія; въ случаѣ бездѣтной смерти Дубницкаго, родственники его могутъ выкупить войтовство; въ противномъ случаѣ оно остается въ пожизненномъ владѣніи вдовы.

См. примѣчаніе къ № LVII.

Лѣта Божего нароженя 1569, месяца октебра, третегонадцат дня. Постановивъшися обличне перед нами Богданом Костюшковичомъ Хоболтовским, судею земскимъ повету Володимерского, а Гавриломъ Яковицкимъ, подсудкомъ земъским повету Володимерского, пан Михайло Василевич Дубницкий, войтъ володимерский, оповедалъ и до книгъ очевисто тыми словы созналъ: иж дей окупуючи мне в немалой суме пенезей войтовство Володимерское, позычил есми на окупене того войтовства у малжонки моее милое панее Томилы Даниловны Попелевич тисячу золотых полских, тоест чотыриста коп грошей литовских, и не маючи дей я ее оное сумы пенезей чимъ заплатити, на том же войтовстве моемъ Володимерскомъ тую суму пенезей тисячу золотых полских ее милости, малжонце моей, панеи Томиле Даниловне листомъ моим записую и вношу; маетъ молжонка моя пани Томила по животе моем в той суме пенезей тисячи золотых полских войтовство мое Володимерское, зо всею справою и владностю, зо всими доходы и пожитки, держати и уживати до живота своего, што ширей в листе моем записномъ, от мене панеи Томиле Даниловне, малжонце моей, даномъ, ест описано; при котором оповеданю своемъ тот лист свой записный, писаный под печатю своею и с подписом влостное руки своее и под печатми людей добрих, перед нами показавши, просилъ, абы тот лист его слово от слова въ книги земские записан былъ. Который лист так ся въ собе маетъ:

Я Михайло Дубницкий, войт володимерский, вызнавам самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому, кому будет по-

треба того ведати, албо чтучи его слышати, иж окупуючи мне в немалой суме пенезей войтовство Володимерское, позычилъ есми на окупене того войтовства в малжонки милое панее Томилы Даниловны Попелевича тисячу золотых полских, тоест чотыриста коп грошей литовских, и не маючи ее оное сумы пенезей чимъ заплатити, на том же войтовстве моем Володимерскомъ тую суму пенезей тисячу золотых полскихъ ее, малжонцы моей, симъ листом моимъ записую и вношу; мает малжонка моя пани Томила по животе моем в той суме пенезей в тисячи золотых полских войтовство мое Володимерское, зо всею справою и владностю, и зо всими доходы и пожитки, держати и вживати до живота своего, а естлибы замужъ не пошла; а гдебы она по животе моем замуж пошла, а чого Боже вховай, еслибы з нею потомства не мелъ, тогды братя и близкие мои мают еи тую суму тисячу золотых полскихъ сполъна всю дати и заплатити, а тое войтовство к рукам своимъ взяти; а не отдавши еи, жоне моей, тое сумы пенезей тисячи золотых, не мают брати и близкие мое того войтовства моего Володимерского въ нее брати, з моцы и держаня ее отыймовати некоторымъ обычаемъ, такъ правнымъ, яко и неправнымъ. А естли бы такъ она, жона моя, зо мною потомство мела, тогды по животе моемъ, хотябы она и замуж пошла, а потомство бы мое живо было, маетъ она тое войтовство мое Володимерское зо всимъ на все держати и уживати до живота своего; або естли сама она похочет, детем моим тое войтовство поступити при животе своемъ, еслибы которое детя мое лет доросло и годно бы войтовствомъ справовати. А держачи еи тое войтовство, с пожитков войтовских маетъ она и повинна будет дети мое вшелякими достатками выховывати и на науку давати; а веджо она по животе своемъ тое сумы тисячи золотых полских не маетъ и не может никому записати, а ни даровати, толко детем моим, которые з нею даст Бог мети буду. А здаючи тое войтовство або близким, або детемъ моимъ, кому прийдет, водлугъ сего запису моего, не маетъ а неповинна она будет никому личбы чинити

Томиле далъ сес мой листъ под моею печатю и с подписю руки моее. А при том были и того добре сведоми за прозбою моею печати свое к сему моему листу приложити рачили: пан Павелъ Оранский, а пан Яким Василевичъ, писар кгродский замку Володимерского. Писан у Володимери лета Божего нароженя тисяча пятсот шестдесят девятого, месяца октебра, второгонадцат дня. Михайло Василевичъ Дубницкий, войтъ володимерский, рука власная.

Которого листу мы огледавши и достаточне его выслухавши, тое оповедане и доброволное сознане пана Михаила Дубницкого, войта володимерского, въ книги земские записати казали, на што и выпис с книгъ пани Томила Даниловна Попелевича на то собе взяла под печатми нашими. Писан у Володимери.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 954, л. 79 об.

LXXXVI.

1569 г. окт. 15. Рѣшеніе земскимъ Владимірскимъ судомъ тяжбы о грунтѣ Колоновскомъ между Киселями и кн. Козекою.

Лѣта Бож. нарож. 1569, месяца окт., 15 дня, на рокохъ судовых земскихъ о светомъ Михале. Постановившися перед нами: Богданомъ Костюшковичомъ Хоболтовским, судею земскимъ повету Володимерского, а Гаврилом Ивановичом Яковицким, подсудком земским повету Володимерского, за позвы своими, княз Дмитрей Козека, тут же у права стоячи, умоцовавши обличне приятеля своего, пана Ѳедора Калусовского, который умоцованый от князя Дмитрея Андреевича Козеки с позву жаловалъ на пана Петра Тихновича Киселя и на брата его пана Андрея тым обычаем: штож дей который кгрунт именья моего отчизного Колоное, за живота отца его князя Андрея Козеки, з розсудку князя Яна Голшанского, зешлого воеводы троцкого, отцу ихъ пану Тихну Киселю къ именю их Дорогиничомъ, у повете Володимерском лежачого, прису-

жонъ и в держане до права поданъ, то пак дей он з братом своим рожоным, паном Андреем Киселем, зоставшися по животе отца своего на том именю Дорогиничох, не маючи на тот кгрунтъ вечности, одно держане до права, пробробки дей на том кгрунте почали собе чинить, новины копать; року де прошлого шестьдесятъ пятого малжонка пана Петрова, въ небытности его самого в том именю Дорогиничахъ, подданным своим дорогиницкимъ новину на дворе его на одном кгрунте выкопать казала, чого дей есми не замолчал и врядовне водле права в том се заховал, и часу потребы на праве показати хочу. Не хотечи дей болше того в том кгрунте кривды и шкоды собе от них приймовати и терпети, первей сего листы позовными его самого и брата его пана Андрея до суду земского повету Володимерского на роки судовые первшие, которые о трех кролех римского свята в року минулом шестдесят семом сужоны и отправованы были, роком меновитым о то ку праву их позывал, и рад бых от панов Киселев на том теперь позваном року от них вядом был: за яким правом мой властный кгрунт Колоновский, под себе забравши, держатъ и вживаютъ, пробробки робят, поля собе роскоповают? Пан Петръ и з братом своим паном Андреем, отказ чинечи, поведил: могли бых-мо на тот позов князю Козеце не отказывать, бо нас был не водле права позвал; але не беручи того перед себе, до того ся з братом своим мам на тот его позов готови есмо отказъ чинить, иж де мы жадного кгрунту Колоновского не держимъ, а ни вживаемъ, одно свой властный к именю нашому Дорогиничомъ, которого еще з веку предков своих за деда и отца нашего, а по отци нашим мы сами яко властного своего спокойне держим и вживаем. А што менит княз Козека, жебых-мо на то право и листы, за чим держимо, оказали и положили, и кгдыж то сам князь Козека на позве и жалобе своей через умоцованого своего, же суд князя Януша Голшанского, зешлого воеводы троцкого, быти поведилъ и, его признаваючи, поменилъ, иж о нем добре ведает и мает, нехай передъ вашою милостью положит и покажет, съ которого ся лацне с князем Козекою росправили и

о тот суд князя Янушов досыть з собою розмов немало мели. Потом княз Козека суд князя Янушов, которого ся у панов Киселев домовял, перед нами з стороны своее другий такий тогожъ воеводы троцкого князя Янушов суд показали и перед нами его положили, и до того ся знали, же розсудку его милости князя Януша отец наш небожчик з отцем теж его небожчиком князем Андреем Козекою не инакшей, одной такий же, як отцу нашому, так теж и его отцу, с одного суду и декрету, его милостю нам сказаного, слово от слова до рук отцом нашим дано, и давней было отцу его и по отци ему самому с тым ся было указать от отца нашого небожчика, с которым тое право усчело и вросло, ку праву было его притегат, и о то слушне з ним права своего доводить, а иж отец княз Казечин, по оном декрете будучи въ животе своем болш 10 год, того декрету занехал и в молчанью был, и права з отцем нашим собе не доводил, и вже теж колконадцат лет смерти . . . отца князя Козеки с того света княз Дмитрей Козека, оставшися по животе отца своего, того декрету и права своего не оказуючи, не доводечи, занехалъ, а вед-же просимы вашей милости за то, абы тые листы судовые перед вашею милостю для лепшого выразуменя были читаны. Которые листы с початку аж до конца вычитаны были; и по вычитаню оных листов судовых панъ Петръ Кисель до князя Козеки мовилъ: хотели быхмо то мет ним до чого прийдет, естли ку тому суду мали тыи обороны правные, або упоминане якое, тому праву належачое; княз Козека инших листов, окроме тых позвов, не показалъ.—И поведилъ княз Козека: волно то было отцу моему и мне самому так долго терпеть, а ведже видимся тут теперь жадных листовъ покозывать, тут о кгрунтъ жадного права з собою мети не можемъ, где нас на суд пана подкоморего одошлют, там же то на он час показати может.—Пан Петръ з братом своим паном Андрием поведилъ: то судъ не подкоморего, але ест суд земскій лавный; о кгрунт мы с твоею милостю, княже Козеко, не мамы што чинит, лацно с того суду и листу судового небожчика князя Янушова Голшанского вырозумет и обачит, и кгдыж нас вы-

роком своим росправил, а лавным правом отцовъ наших розсудил, у листех наших судовых однако не розно грани и копцы доложоны и описаны есть, кгды отцы наши з собою обычаем правным на кгрунт певный имени своего, княже Козеко, Замличъ и Колони(и) нашого имени Дорогиничъ выеждчали—як отца твоего небожчика князя Козеки суди, на он час на то взятые, весполокъ тежъ и з судями отца нашего небожчика, куды з доводы своими заехали, положили грани и посыпавши копцы до врочища, именем названое Буневы Долины, обоя сторона, призволивши на тые границы и копцы, до Буневы Долины отцу нашому небожчику сказано и вечно присужено, от тое Буневы Долины одна сторона, за незгодою небожчика отца твоего, з руки отца нашого небожчика с тымиж доводы, от Буневы Долины аж до остатней петы доехавши, также граници чинивши и копцы посылавши, за доводом правным отцу нашему также вечне сказано было; и с тых причин отцы наши были у суду небожчика князя Януша, воеводы троцкого, который то декретом своим панским, учинивши розознане и розсудок, на тых то листех отцов наших на писме даным, по Буневу Долину тые вси границы положоные и копцы засыпаные, от комисаровъ наших вечне сказаные, рачил его милост декретом своимъ оный суд комисарский потвердить, а от Буневы Долины тот заезд отцу нашому небожчику въ держане есть до права дан, а в том то зас . . . . . за Буневою отцу его князю Козеце з отцем нашим волъное мовенъе захорано. А вед же як отец наш, так и мы по отци своем, зоставшися, завше с покоем его вживаем и держим, упоминаня жадного як од отца твоего отцу нашому, так по отцы твоем от тебе самого, княже Козеко, жадного упоминаня о тот кгрунт не мели а ни маем, и просимо за то вашей милости, абы ваша милость рачила, ведле права посполитого и статуту земского, судити и межи нас розознане судовое учинити, а то с тых причин, иж княз Козека з очевистого мовеня з отцом нашим декрет князя Януловъ выдан есть в року сорок шостом, в руках своих то маючи и того правом не доводечи, и припоминаня о то жадного не маючи, не

тылко одною давностю, яко у статуте пишетъ: „хто бы о реч лежачую десет год молчал а припоминаня жадного не мелъ, тот вечне молчати, и о то вже жадного мовеня мети не можетъ", а княз Козека по оном декрете обеюм сполне даным мало не трою давностю упустил, припоминаня жадного не вчинилъ, а ни того правом яким у в отца нашого и в нас не доходил и того декрету своего не вживал. Князь Козека домавялся непооднокротъ, абы на суд пана подкоморего были одосланы, там же дей все на он час покажет перед судом подкоморего, ест ли я тою давностю упустил, и так много о то межи них спору не было, же княз Козека не показуючи жадного упоминаня и листов, кроме декрету а того позву вышей мененого. Пан Петръ Кисел и з братом своим паном Андреем поведили: где бысте нам над право и статут то учинили а мимо тую давност над подкоморего суд одослали, буду ся апелеват до его кролевское милости. А иж ся было вже того дня спознило, до дня завтрешнего ся то отложило; и коли вже было назавтрие у суботу обоя сторона, так княз Козека, яко и панове Кисели, у замку перед нами судом земъским ся постановили, просил пан Петръ и з братом своим паном Андреем: якож мы вчорашнего дня пред вашею милостю у суду земского стояли, естли вчорашнего дня княз Козека упоминаня листов або поступку правного, естли што мает, пред вашею милостю княз Козека и сего дня припоминаня жадного и поступков правных не показал и просто згола на суд подкоморего ся брал,—и просил пан Петръ Кисел з братом своим паном Андреем, абы были захованы водле обычаю права посполитого и статуту земского, кгдыж вже не пооднокротъ княз Козека о то у суду перед вашею милостю пытан, абы поступокъ права своего, естли мает, нехай укажет, княз Козека не показывалъ ничого, одно декрет а позвы, которыми позвал панов Киселев. Мы угленувши у статут, у котором пишет у розделе четвертом в артикуле шестдесят шостом: „хто бы о имене лежачое давность земскую десет лет у молчаню был а ни листов упоминалныхъ не брал, таковый вже кождый вечне о том молчати

и мовеня о то мети не мает, а хотя бы ся хто упоминалъ и ку праву позывал и в року стоял, а речи конца не довел, а потом также от дат листов або позву давность земскую десет лет промолчал и упоминался, таковый вже о таковую речь вечне молчати маетъ". А так мы з обудву сторон, так поводовое, яко и отпорное стороны, выслухавши, не отступуючи ничим статуту, на том есмо тую речь застановили: кгдыж кияз Козека, отец его кияз Андрей, по нем и сын его кияз Дмитрей того всего права давностью омешкали и упустили, сказали есмо пану Петру и пану Андрею Киселем то, што было отцу их небожчику пану Тихну Киселю з суду князя Януша Голшанского, воеводы тропкого бывшого, за Долиною Буневою, от именя князя Козечина Колоное до права в держане было подано, а кгдыж отец его кияз Андрей Козека и он сам кияз Дмитрей Козека и сын его давностью земскою омешкали и того промолчели, по тым границям и врочищам, яко в листе судовом князя Януша Голшанского отцу их даном описано, сказали есмо пану Петру и пану Андрею Киселям самым и потомству их вечне. Тот есмо суд наш до книг земских записати казали, на што и выписъ с книг пану Петру и пану Андрею Киселем под печатми нашими дали. Писан у Володимери.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 924, л. 42 об.

LXXXVII.

1569 г. окт. 29. Продажная запись Софьи Толмашовны, жены Станисл. Гасана, князю Стеф. Збаражскому, воеводѣ троцкому, на имѣнье Колесецъ, которое прежній мужъ продавщицы Янъ Котимовскій и она сама получили отъ королевы Боны въ пожизненное владѣніе (каковое право подтвердилъ и король Сигизмундъ-Августъ).

Къ вопросу о правѣ отчужденія пожизненнаго владѣнія.

Лета Божего Нароженя 1569, месяца октебра, тридцатого дня. Постановившися облично в замку его кролевское милости Кремянецком перед нами Езофом Крончовским, подстаростим кремянецким, а Олекшим Белецким, судею городовым кремянецким, от его милости князя Миколая Збаражского, старосты кремянецкого, на вряде зоставленными, пани Станиславовая Гасановая пани Зофея Толмашовна оповедала и очевисто до книг вызнала: иж продала имене Колесце, на котором мела мешкат до живота своего, велможному пану его милости князю Штефану Збаражскому, воеводе троцкому за сто копъ и за сорокъ копъ грошей монеты и личбы литовское, и на то его милости лист свой под печатю своею и под печатми людей добрых дала и, показавши тот лист, просила абы то в книги было записано. Который лист такся в собе мает:

Я Зофея Томашовна Гасановая сознаваю сама на себе сим моим листом, кому того потреба ведати, або его чтучи слышати, нинешнем и напотом будучим, што которое имене названое Колесец в повете Кремянецком мужу моему первому небожчику Яну Котимовскому и мне жоне его Зофеи Томашовне до животов наших ее милост славное памети королевая Боня за службы дати рачила, и якож господаръ корол его милост Жигмонт-Август, по животе королевое ее милости пани матки своее, тое имене Колесец небожчику мужу моему Яну Котимовскому и мне жоне его водле данины королевое ее милости и листом своим господарскимъ потвердити рачил, на котором именю небожчик муж мой Ян Котимовский, двор

збудовавши и людми его осадивши, о колкодесят лет мешкал и спокойно его аж до живота своего держал, и я по смерти того мужа своего Яна Котимовского и за другого пошедши мужа своего Гасана, водле тогож листу а потверженя его кролевское милости, того имени Колесца и до сего часу в держаню была; нижли я то обачивши, што на том именю слушного выхованя собе мети не могучи, к тому трудности, кривды и втиски немалые от суседов обаполных маючи, ни с чиее намовы и примушеня, одно по доброй воли своей, продала есми тое имене свое Колесец в повете Кремянецкомъ, никому ничимъ непенное а ни заведеное, на которомъ я мела мешкат до живота своего, велможному пану его милости князю Штефану Збаражскому, воеводе тропкому, кнегини малжонце, и детемъ его милости за певную суму пенезей за сто и за сорокъ коп грошей личбы и монеты велиликого князства Литовского, личачи по десети пенезей белых в грошъ литовский, которая сума пенезей вся сполна сто и сорокъ коп грошей литовских от его милости до рукъ моих отдана и заплачона; а продала есм(и) его милости тое имене помененое з будованемъ дворнымъ, з людми и их землями, з службами, подачками и всякими повинностями, з них приходячими, з ставомъ, з млыномъ, и з вымелком его, з дубровами, з сеножатми, с проробками, зо всим с тымъ, якося тое имене само в собе, в границах, в межах и в обыходех своих з давных часов была (sic) и тепер ест, так помененое непомененному, а (не)помененое помененому ничого шкодити не мает, якож муж мой небожчикъ Ян Котимовский тое имене Колесце на себе держал, и ничого от того имени Колесецкого на себе не зоставуючи, а ни уймуючи; мает его милост княз воевода троцки, кнегиня малжонка и вси потомки их милости тое имене Колесец на себе держати и его вживати водле того листу а потверженя его кролевское милости, за которым потверженемъ господарским небожчик муж мой Ян Котимовский держал, якож на том листе потверженю господарском вси границы того имени Колесца ест описаны и значно помененЫ; которое потвержене, намъ

от господаря короля его милости на тое имене Колесец даное, тепер я его милости князю воеводе троцкому з симъ листомъ моимъ отдала, а никоторого права а ни листов в себе на тое имене менованое не зоставила; и хотябы хто колвекъ зъ якими листы правомъ, або и з записами моими в которого права показал напротив его милости пана воеводы троцкого, тые вже листы, або и записы мои в кождого права моцы мети не будут; а я сама до живота своего в тое имене Колесец ничимъ вступовати и того под их милостю самими и потомками их милости и под тым, кому бы то от их милости якимъ колвекъ правом было заведено, поискивати не маю вечне. И на то есми его милости князю воеводе троцкому, кнегине малжонце и детем их милости дала сес мой лист продажный под моею печатю. И для лепшое твердости сего моего листу просила есми о приложене печатей их милости: пана Ивана Семеновича, войского и городничого кремянецкого, пана Якуба Красинского, секретара его кролевское милости а справцы именей Волынских его милости велможного пана Олбрахта Лаского, воеводы сирадзского, а пана Станислава Каменецкого, буркграбего замку господарского Кремянецкого. А их милость за прозбою моею печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Кремянцу, под лет Божего Нароженя тисяча пятсот шестдесят девятого, месяца октебря, двадцат девятого дня.

А такъ мы тое оповедане и очевистое вызнане Зофеи Томашовны Гасановое и лист ее записный слово в слово в книги городовые записати казали и выпис с книг под печатми нашими на то его милости князю воеводе троцкому дали. Писан в Кремянъцу.

Кіевск. Центр. Арх. Крем. ящ. 1478—1607, св. № 7.

LXXXVIII.

1569 г. октября 31. Заявленіе еврея Ески Аврамовича о томъ, что Петръ Загоровскій условился передать ему имѣніе кн. Сангушковича-Кошерскаго Смолеву за 800 копъ гр.; но къ назначенному сроку для полученія денегъ не явился.

Кн. Левъ Алекс. Санкгушко - Кошерскій отдалъ въ заставу гор. Перемиль и с. Смолево еврею Еску (см. № LXXIV); но с. Смолево было уже въ заставѣ у Петра Загоровского, и этотъ послѣдній условился уступить его еврею (но не явился къ сроку).

Року 1569, месяца октебра, 31 дня. Пришедчи на вряд его кролевское милости в замок Луцкий до мене Федора Ивановича Русина, писара кгродского замку Луцкого, в тот час будучого на местцу пана Петра Хомека, подстаростего луцкого, подданный господарский жид мѣста Городелского Еско Аврамович оповодал тымъ обычаемъ: иж дей тых часов недавно минулых, будучы мнѣ при его милости князю Лву Александровичу Санкгушковичу Кошерскомъ в Горхови (sic), гдеж его милост пан Петръ Загоровский, маршалок господарский, вчинил зо мною зъмову и постановене под тымъ обычаемъ: иж яко дня нинешнего, даты вышей писаное, тут на вряде в замку господарскомъ Луцкомъ от мене суму пенезей осмъсот коп грошей литовских взяти, а имене его милости князя Кошерского Смолеву зо всимъ на все поступити, в моц и держъжане мое дати мел; а так дей я ведлуг постановеня его милости пана Петра Загоровского яко дня нинешнего тую суму пенезей осмъсот коп грошей естемъ готов его милости отдати, а тое имене Смолеву к рукамъ своимъ взяти, нижли дей его милости пана Петра Загоровского самого, а ни вмоцованого его милости, тут на вряде в замку Луцкомъ не вижу. И просил, абы то было записано. А так я тое оповедане и пилност его с поранку аж до вечера до книг кгродскихъ записати казал.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2043, л. 536 об., ак. 513.

LXXXIX.

1570 г. янв. 11. Декретъ Луцкаго гродскаго суда по тяжбѣ между Вас. Андр. Холоневскимъ и Ив. Гавр. Холоневскимъ: а) запрещеніе послѣднимъ подданнымъ его уплатить долгъ ихъ первому; б) о выкупѣ одного дворища, заставленнаго отцомъ перваго отцу второго и о возвращеніи имущества человѣка, занимавшаго это дворище, забранное Ив. Холоневскимъ по смерти этого человѣка.

Право владѣльца на движимое имущество крестьянина, безпотомно умершаго. Раздѣлъ пополамъ спорнаго имущества, по рѣшенію суда, между заставнымъ владѣльцемъ и собственникомъ.

Лета Божого Нароженя тисеча пятсот семдесятого, месеца генвара, первогонадцать дня. Ставши очевисто в замку господарском Луцком на року за позвы припалом, обоя сторона поводовая и отпорная, напервей панъ Василей Андреевич Холоневский жаловал с позву своего на пана Ивана Гаврыловича Холоневского о том, штож дей подданые его Холоневские на имя Мацко Квач две мацы жыта а Мар. . . Шипчиная мацу жита взяли в него в новом . . . . . шестьдесят осмого, месеца апреля, третего дня, и мели дей ему тое жито отдати в том же року скоро по жнивехъ; то-пак на тот час албо рок назначоный вже давно проминул, а они дей ему и до сих часов того збожя трох мацъ жита не отдали, поведаючи: иж дей онъ им того збожя отдавати заказал, гдеж дей онъ до него и з возным врядовым ходил, просёчы и навпоминаючы его, абы тое збоже тры мацы жита подданым своим отдати казал, албо на них справедливость слушную вчинил; нижли дей онъ того жита его подданым своим отдавати не казал и жадное справедливости на них вчинити не хотелъ, менуючы, якобы он што слугам его виненъ быти мелъ; а он дей ему николи не жаловал и права не прохал. Ку тому теж жаловал, иж дей отецъ его небожчик Андрей Холоневский заставилъ отцу его небожчику Гаврылу Холоневскому в чотырох копах грошей чоловека своего власного отчизного на имя Лучку з дворищом, с полми, з сеножатми и зо всими статки и маетностю его, которого дей чоловека отецъ его небожчик Гаврило, а по нем

и онъ сам в моцы и во владности своеи през часы немалые держал, а потом дей, коли тот чоловекъ Лучка умеръ, тогды дей онъ по его смерти в жоны его Ганны вси статъки и маетност ее от велика и до мала побралъ; и то дей есть меновите, што в нее на он час маетности побралъ: напервей, коня одного, волов чотыри, коров тры, неуковъ чотыры, годных два, телочек две, овецъ десетеро, свиней одинадцатеро, гусей шестеро, пашни дей в гумне стоячое—два стога жита, пшеницы стогъ, ячменю стог, овса два стоги, гречки стог, (гор)оха стог, а проса стырту; а на поли дей пашни засеяное жита и пшеницы десет ден. А тепер дей онъ на томъ дворищу Луччинскомъ другого чоловека на имя Еремея за собою посадил; гдеж дей вже он его сам через себе и через людей добрых в том непооднокротъ просилъ и навпоминалъ, абы от него гроши свои взялъ, а ему тое дворище его отчизное зо всими статки небожчиковскими подал и поступил, або право свое, за чим тое дворыще его отчизное на себе держить, показалъ; а он дей яко грошей от него брати и ему того дворища власное отчизны его дати, поступити, так тежъ и права своего на то показати не хочеть. Тогды сторона отпорная—пан Иванъ Холоневский на то отказ чинил тыми словы: што дей тут жалуеть на мене пан Василей Холоневский о три мацы жита своего, што был двом подданым моим в новое позычилъ, менуючы, яко бых я того жита ему отдавать заказал и то загамовати мел; ино дей я того жита его не забавлялъ; хотяж бы дей и так было, иж бых того жита подданым своим с причинъ слушных отдават заказал, алемъ его до себе не бралъ и в том кгвалту, а ни грабежу не вчинил, в том бых маю винен. А што дей мене пан Василей Холоневский позвалъ о чоловека своего отчизного на имя Лучку, о дворище и маетност его, которого отецъ мой небожъчик у осми копах грошей через час немалый держал, а потом дей и в моем держаню через колко лет был, а за тым з сего света и с потомством своим зшол; такъжомъ дей я на тое дворище другого чоловека принял и за собою посадилъ. Гдежъ за мовеньем стороны поводовое,

положил перед нами право свое, тоест два листы, выданые з уряду замку господарского Луцкого еще за небожчика князя Федора Чорторыского, старосты луцкого, один лист судовый, а другий увяжчий, на которых обедвух листех суму одно поменено осмъ копъ грошей; при которых листех панъ Василей Холоневский припытовался маетности оного небожчика Лучки; на то пан Иван Холоневский поведил: иж штося дей было в гумне пашни зостало, тое всее з гумном погорело, а быдло, поведил, не паметаю, штося мне зостало. А такъ мы, выслухавшы з обудву сторон жалобы и отпоров, напервей знашли и вськазали есмо, абы пан Иван Холоневский пану Василю Холоневскому подданым своим Мацку Квачу и Марушце Шипчиной три мацы жита его отдати казалъ; чого пан Василей Холоневский выписом врядовым сознанья возного доводил, иж онъ тое жито его загамовал, и просил, абы то ему з навязкою было вернено; нижли мы, обачившы, ижъ пан Иван Холоневский тое жито в подданых своих толко заповедал, але его не брал и грабежу не вчинил, прото есмо тое жито ему, кром жадное навезки, вернути казали; а за тое дворище Лучинское, яко за власную отчизну пана Васильеву, вськазали есмо, абы пан Василей пану Ивану Холоневскому, водлугъ тых двох листов права Иванова, осмъ копъ грошей далъ, а тое дворище собе взял; а ведже тот чоловек на имя Еремей, которого панъ Иванъ Холоневский на том дворищу Луччинском посадил, естли схочеть на том дворыщы быти, то ему волно, не схочеть, то на егож воли; а севба его на поли засеяная пану Василю за тую севбу Луччинскую . . . . ати маеть. А штося дотычеть маетности того чоловека небожчика Лучки, яко пашни в гумне . . . ячое, такъ теж и быдла, ино о то пан Иванъ маеть выдати слушное сведецство суседов обаполных, тоест людми того села поддаными иншых пановъ—естли тая вся пашня небожчиковская погорела, такъ теж о коня, й о быдло малое и великое, якося тое маетности по небожчику Лучце много чого зостало, то все они промежку собою на полы розделити мають; а естлибы теж панъ Иван Холоневъский до чогося не знал, тогды пан

Василей маеть собе промежку двохъ подданых пана Ивановых, Федка а Степанъца Строцевича, одного чоловека, который ся ему приподобаеть, обрати, а тот маеть на томъ присягу вчинить, штося маетности небожчиковское зостало пану Ивану; а кгды присягнет, они тую маетност собе на-полы розделити мають; и на все тое наше судовое знайденье зложили есмо им рок завитый от нинешнего дня середы, даты верху написаное, за две недели; якож есмо тот суд и знайденье наше в книги справ земских записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 63 об., ак. 30.

XC.

1570 г. янв. 13. Продажная запись нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго Андрея Ивановича Русина-Берестецкаго Михаилу Корытенскому на млинарство Голешовское (3-ю мѣру, 3-й грошъ мыта гребельнаго, съ трынкалемъ и частію права рыболовства).

Промысловыя заведенія, какъ предметъ землевладѣнія, и приписка къ нимъ крестьянъ.

Я Анъдрей Иванович Русин-Берестецкий, нареченый владыка пинский и туровский, явно чиню и вызнаваю сим листом моим кождому в обецъ и всим посполите, нинешнего и напотом завжды будучого веку людем, кому одно того ку ведомости приходити належати будетъ, а сес листъ мой читаючи услышати усхочетъ, иж што которое млынарство у млыне Голешовскомъ с третею мерою и з грошомъ третим мыта гребелного, за куплею своею у пушкаря луцкого Олехна Скуйбеды, а за тым и за потверженем и данином его кролевское милости мне, держал и вживал есми от часу на себе немалого со всим тым, якося одно колвекъ в собе маетъ, тоестъ меновите с частю рыбъ ловенъя у ставу Голешовском, з людми и землями и всякими можностями, и теж з волностъю мне от его кролевъское милости даного на томъ

кгрунъте збудовати корчму волную со всякими пожитками и можностями, ку ней прислухаючими, не будучы повинъни никоторого плату, а ни капщизны до скаръбу его милости господарского, а ни на врядъ Луцкий с тое корчмы давати, што все ширей, значне, а меновите и достаточней своимъ способомъ а кгрунтовным тое речи положеный на многих а розных листех господарьских, наперед Петру Куйбеде (sic), отцу того Олехна менованого, а потом и мне даных, описано и значне выображоно и доложоно стоит; ино я за тым правомъ своим, тоест потверженя и дозволенемъ его кролевское милости, и теж поступуючи и заховываючися в том водле уфалъ соимовых, а меновите артыкулов на сойме валном великом Берестейскомъ, в году минулом шестдесят шостомъ справованом, выданых, тым волен будучы, яко своим властным, а якъ хотечи, шафовати и то так по частем, яко и все огулом, кому хотячы, отдати, продати и яко колвекъ завести оное млынарство Голешовское с третею мерою и з грошом третимъ мыта гребелного, и к тому с трынкалемъ, тоест выбиранемъ от кождого солоду по одному грошу, з людми, и зо всякими кгрунты, и землями пашными, и сеножатми, и статками, якие одно колвекъ ку нему належат, и теж з оною частю рыб ловеня у ставу Голешовском, свое власное, никому ничим непенное и никоторым обычаем, поступком, способом яко колвекъ вымешленным правным и неправным незаведеное, со всим тым, яко ест вышей поменено, продал есми на вечност за певную а готовую рукодануюсуму пенезей за сто коп грошей личбы и монеты великого князьства Литовского, в кождый грош по десети пенезей белых личачи, приятелю и сестренцу своему милому и ласкавому и его милости пану Михаилу Корытенскому, писару земскому повету Луцкого; я на себе самого, дѣтей и ни на кого з близких, кревных и повиноватых дому своего и нияких приятелей и людей знакомых не выймуючы, а ни заставуючи, и все огулом за тым проданем своим пану Корытенскому спустивши, в держане поступил и все право свое, которое есми в себе на тое менованое млынарство и теж лист

его кролевское милости на корчму волную мел, зараз его милости дал есми з уваженем и певным обварованем того и таковым значные (sic) выображоным обовязком, иж мает его милость пан Михайло Корытенский оное млынарство вышей менованое, от мене его милости проданое, зо всим на все, якося одно колвекъ в собе тепер мает и напотом яко названо, меновано и поличоно будет, на себе доброволне, за тым вечным от мене его милости пущоным правом, держати и вживати и там всякие пожитки розширати и корчму волную подлуг наданя его кр. милости збудовати и то, як кому колвекъ хотечы, ведле воли, мысли и налепшого уподобаня своего, завести, тоест отдати, продати, записати, заменити и на костелъ надати; а я самъ а нихто якъ з близкихъ, кревных, урожоных и повиноватых дому моего, так тежъ з детей мoихъ власныхъ и приятелей людей знакомитых в то ся вступовати и никоторыми якож колвекъ вынайдеными и вымышлеными правъными и неправъными причинами в том вечномъ от мене его милости пущонымъ праве, и в держаню, и вживанъю оттоль всяких пожитков ниякое переказы затрудненя и над сес запис мой никоторого выкрочиваня чинити не маемъ и не будемъ мочы, але в кождого права и суду пана Корытенского, малжонку, дети и потомки его заступовати и своимъ влостнымъ грошомъ и накладомъ оферовати буду повинен; а где-быx я самъ, албо хто колвек с тыхъ особ, верху менованых, его милости пану Корытенскому и кождому то державчому якую переказу в том во всемъ и теж в держаню чинити мели и заступовати его у права не хотели, и в чомъ албо въ якомъ колвек арьтыкуле сес запис мой нарушили, и его не здержали, тогды кождый таковый непослушъный маетъ и будетъ винен заруки господару королю его милости платити двесте коп грошей, а стороне ображеной другую двесте коп грошей; а по заплаченю тых зарукъ и по вчиненю всимъ тутъ вышей написаных обовязкомъ и артыкуломъ досытъ, пред ся сес листъ мой продажный во всемъ при зуполной а никгды ненарушоной моци у кождого права и на вшелякомъ местцу принят, хован и дер-

жанъ вечными а векуисте непорушъными часы быти маетъ. И на то дал есми его милости пану Михаилу Корытенскому сесь мой продажный лист з моею печатю и с подписомъ до него руки моее власное. А при томъ были и того суть добре, певне очевисте (sic) зведоми панове а приятели мои ласкавыи: их милостъ панъ Петръ Хомяк: подстаростий луцкий, пан Федор Иванович Русин, писар кгродский луцкий, брат мой, пан Ян Жоравъницкий, панъ Павел Корытенский, а пан Данило Рогозенский; которых то вышей писаных панов просил есми о приложене печатей, и их милостъ на мою прозбу то вчинили и печати свои до того моего продажного листу приложити рачыли. Писан у Берестечку, лета Божего Нароженя тисеча пят(сотъ) семдесятого, месяца генваря, тридцатого дня. Анъдрий Русин Берестецкий, нареченый владыка пинский и туровский, рука влосна.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2094, л. 200.

XCI.

1570 г. янв. 12. Грамота короля Сигизмунда-Августа гродскому Владимiрскому уряду объ охраненiи церковныхъ имуществъ отъ взысканiй по винѣ владыки.

Жикгимонтъ-Августъ, Божью милостью король полский, великий князъ литовский, руский, пруский, мазовецкий, жомоитский, ифлянский панъ и дедичь, велможному Костентину Костентиновичу княжати Острозскому, воеводе киевскому, маршалку земли Волынское, старосте володимерскому, упримему а верному намъ милему ласку нашу королевскую; а в небытности его самого въ Володимеру, подстаростему его тамошнему, и тежъ суди кгродскому володимерскому, тамъ отъ в. в. засажоному. Панове рада и вси обыватели земли Волынское, межи иными речами, писали до нас, за ускарженемъ владыки володимерского и берестейского, ижъ якобы войский и городничий кремянецкий Иванъ Семеновичъ въехать мелъ

вы имене церковныя владычства Володимерского безправне и держати его ку шкоде ему; чого мы неради слышимъ, ижъ именя церковные, которые сут з наданя продковъ нашихъ на службу Божю, под обороною его а подаванъемъ, албо шафункомъ нашимъ господарскимъ от церкве Божее отъходятъ. Але ижъ будучи овде при насъ въ Варшаве, войский кремянецкий показовалъ перед нами записы владыки володимерского на певные долги и тежъ листы увяжъчие и декретъ вряду кгродского володимерского, за которыми не безправне в тое имене церковное, але водлугъ записовъ владычныхъ, за правнымъ сказанемъ, албо декретомъ врядовымъ, въехалъ и держитъ его до выполненя запису владычнего; кгдыжъ кождому владыце волно до живота его именями церковными водлугъ воли своее шафовать, и ихъ заводить в кождомъ долгу своемъ, толко не правомъ вечнымъ. Который декретъ видичи мы быть его правне в тый мере противъ владыки вчиненымъ, во всемъ при моцы зоставили; ниж-ли што ся дотычетъ презыску за шкоды всказаного, на томъ же декрете описаного, хочемъ мети, абы жадными презыски именя церковные не онеровине (sic), кгдыж за жадъные презыски, в которые бы владыка с права попалъ, не естъ воленъ именей церковныхъ заводитъ и ихъ тымъ обтяжат; а прото в. в. княже воеводо, а в небытности его самого въ Володимеру, вамъ вряду кгродскому росказуемъ, абы есте в. в. з уряду своего, яко властъности нашое господарьское того моцно боронили и постерегали, абы за таковые презыски, в которые бы владыка с права попалъ, не толко войский нашъ кремянецкий, але и нихто иный на именя церковные ся не сягалъ, якобы за таковые презыски, в которые владыка с права попадываетъ, именямъ церковнымъ не деялося никоторое уближене; але кому бы ся видела кривъда, за такий презыскъ нехай его з оселости его властное, если которую маетъ, албо з рухомыхъ речей, навѣтъ з особы его правомъ патра. Што ся иначей нехай не деe надъ волю и росказане наше господарьское. Писанъ въ Варшаве, року Божого нароженя тисеча пятъсотъ семъ-

десятого, месяца генваря, второгонадъцать дня, а пнованя нашого чотыръдесятъ первый. На власное короля его милости росказане.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 2, № ак. 3.

XCII.

1570 г. янв. 28. Жалоба княгини Анны Кузминичны Чорторыйской, вдовы кн. Ивана Федоровича (ур. княжны Жеславской) отъ своего имени и отъ имени сыновей ея—Ивана и Юрія на князя Александра Федоровича Чорторыйскаго, воеводу волынскаго, который, имѣя въ общемъ владѣніи съ братомъ своимъ Иваномъ (мужемъ жалобщицы) монастырь Земенскій, не уступаетъ, по смерти этого послѣдняго, наслѣдникамъ его, пользованія половинными правами на означенный монастырь.

Лѣт Божего нароженя 15 семъдесятого, месяца генваря, 28 дня. Присылала до замку господарского Володимерского ко мне Павлу Григоревичу Оранскому, на тот час будучому подъстаростему володимерскому, ее милостъ кнегини Ивановая Федоровича Чорторыская, кнегини Ганна Кузминича, кнежна Жеславъская, служебника своего Ивана Спасовского, оповедаючи и жалуючи сама от себе и именемъ сыновъ своих—князя Ивана и князя Юря Ивановичовъ Чорторыскихъ, на его милост князя Александра Федоровича Чорторыского, воеводу волынского, о томъ, штожъ дей его милостъ князъ воевода манастыр Зименский с фолваркомъ и пашнею манастырскою его милости князю Ивану, брату своему, малжонку ее милости небожчику, зъ его милостю посполитый и нерозделный, зо всими пожитки и селы, к тому манастыру здавна належачими, по животе брата своего его милости князя Ивана, малжонка ее милости, в моцъ свою вземъши, якъ дей до оного манастыря архимандрыты безъ воли и ведомости ее милости невестъки своее, которой дей то съ сынми ее милости, братаничи его милости, яко и его милости самому належит, подавати, такъ же и именя церковные того манастыря, а меновите—село Земно, село Брыневъ с корчмою, став и млын чотыры кола, село дей Горечов с фолваркомъ и пашнею, при которомъ дей ставов спустныхъ два, село дей Тишковичи с фолваркомъ и паш-

нею, село Менчичи, село Марковъ—Ставъ с фолварки, пашнями, млыны и ставами в моц свою взяти и з оныхъ дей именей, с фолварковъ, съ ставовъ и подданых так свою, яко и ее милости и детемъ ее милости братаничомъ его милости частъ належачую, всих пожитковъ, яким колвекъ именемъ названы и помепены быти могут, на себе брати, и оные подъданые тых именей и селъ вышше мененых подъводами, незмерными роботами и возенемъ до Буга попелов, збожя и комяг от часу немалого обътежати дей рачит; а ее дей милости и детемъ ее милости, братаничамъ своимъ, яко в манастыре Земенъскомъ, такъ и во всихъ фолваркахъ, пашнях и именяхъ, ставехъ, млынехъ и во всих пожиткохъ половицы до шафунку и уживаня поступити не хочетъ. Якожъ дей ее милост, хотячи свою и детей своих, братаничов его милости, частъ манастыря направоваты, и порядок с ча(с)ти своее и детей своихъ, який напристойнейшей быти можетъ, в томъ манастыре вделати, перво сего посылала до его милости в року прошломъ шестъдесят девятомъ до именя его милости Чорторыска приятелей своихъ—его милости пана Василия Загоровского, маршалка его кролевское милости, городничого володимерского, опекуна своего, а его милости пана Остафъя Горностая, воеводича новгородъского, зятя своего, просечи и упоминаучи, абы его милостъ князъ воевода волынский, яко половицу монастыря Земенского, такъ же фолварковъ и пашен, млынов, ставовъ, сел и подданых, к тому манастыру прислухаючих, в частъ ее милости з детми ее милости, братаничи его милости, належачихъ, в моцъ и шафунок ее милости выделил и поступил, и самъ ся в то вступовати не рачил. Нижли дей его милостъ, за тымъ жаданемъ и навпоминанемъ ее милости приятелскимъ, в томъ манастыре Земенскомъ и в тых вышей мененых фолварковъ и именях части ее милости и детем ее милости, братаничомъ своимъ, выделити и до сего часу поступити не рачил, в чомъ ее милост княгини Ивановая, розумеючи собе и сыномъ своим кривду и шкоду немалую и хотечи о то его милости князя воеводу врядовне листомъ пана Богдана Костюшковича Хоболтов-

ского, суди земъского повету Володимерского, а пана Гаврила Ивановича Яковицкого, подъсудъка земъскогожъ повету Володимерского, такъ же и листомъ моимъ з уряду кгродского замку господарского Володимерского навпоменути, жадати ее милость рачила, абых з уряду якъ лист его милости упоминалный, также тежъ и ку поданю листу от суду земъского володимерского и для поданя того листу моего упоминалного возного ее милости придал. А так я з уряду на то ее милости возного поветового пана Тихна Оранского давал, который возный, у князя воеводы его милости волынского с тыми обема листы упоминалными вы именю его милости Чорторыску бывши, и оттол приехавши, передо мною и до книг кгродских тыми (словы) показал и просил, абых я яко усное а доброволное вызнане, такъ тежъ и тот листъ его милости вызнаный в книги замковые записати казал. Я того листу его милост огледавши и достаточне вычитавши, якъ тое доброволное а усное вызнане отца владыки его милости, так и листъ его милости вызнаный, пану войскому кремянецкому от его милости на то даный, слова от слова в книги замковые записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 3 об., № ак. 5/6.

XCIII.

1570 г. февр. 3. Заставная запись кн. Романа Федоровича Сангушка слугѣ его Яну Хрустицкому на имѣніе с. Красово, безъ срока, съ полнымъ правомъ суда и управленія крестьянами.

Я Роман Федоровичъ Санкгушко, воевода браславъский, гетман дворный великого князства Литовского, староста житомирский, державъца речиский, чиню явно и сознаваю самъ на себе сим моим листомъ, кому того потреба будет вѣдати, иж ку пилной а великой потребе моей позычил и к рукам своимъ взял есми у служебника моего пана

Яна Хрустицкого чотыриста осмъдесят и девет копъ грошей личъбы литовское, личечи по десети пенезей бѣлых у грошъ, в которой сумѣ пенезей заставил есми пану Яну Хрустицъкому имене мое отчизное, перед тымъ никому ни в чом незаведеное, в повете Луцъком лежачое, село Красово зо всимъ на все, якося тое село мое само в собѣ и в кгрунте своем мает, тоест з людми тяглыми и робочими и зо всими ихъ повинностяни, с чиншами грошовыми и овсяными, с полми, сеножатми, з гаями, з ставы, и млыны и з ихъ вымелками и зо всякими пожитки, к нему прислухаючими, зъ платы, доходы и з вырядомъ военнымъ; мает панъ Хрустицкий село мое зо всим на все на себе держати и оного вживати, платы и вшелякии доходы брати, судити и справовати, и вины с подданных за ихъ выступокъ брати и потол ихъ держати, покол я ему тую суму всю сполна отдамъ и заплачу; а покол тое вышей описаное сумы пенезей пану Яну Хрустицкому не заплачу и сполна не отдам, не маю з рукъ его того имѣня моего Красова брати я самъ, а ни малжонка моя и дѣти мои и нихто з близких моихъ; если бы до того часу, покол я Роман Санкгушко тую суму пенезей вышей мененую пану Яну Хрустицкому заплачу, Пан Богъ смертъ на мене допустити рачит, тогды по животѣ моемъ жона моя, або дѣти мои того имѣня моего Красова не мають з рукъ пана Яна Хрустицкого брати и отимовати, але иж наперед тую суму пенезей сполна чотыриста осмъдесят и девет копъ грошей литовских заплатят и отдадут; а еслибых я Роман Санкгушко, або малжонка, дѣти и близкие мои, не отдавши тое вышей описаное сумы пенезей пану Яну Хрустицкому, мѣли тое имѣне мое Красово, з рукъ, моцы и владности его самого, жоны, детей и близких его брати, або кгрунт того именя отимовати, тогды я Роман Санкгушко винен буду господарю кр. его милости заруки платити двесте копъ грошей, а пану Яну Хрустицкому, яко сторонѣ ображеной, другую двѣсте коп грошей; такъже и по животѣ моем жона моя, або дѣти мои и хто колвекъ з близкихъ моихъ, естлибы тое имѣне мое Красово з рукъ пана Яна Хрустицкого, або

жоны, детей и близких его, не отдавши ему вышей менение сумы пенезей, отняти мѣли, тогды повинен буду(т) тую заруку вышей описаную платити и тот увесъ обовязокъ, яко вышей описано естъ, полнити; а заплативши тую заруку, прет ся пан Янъ Хрустицкий мает тое имене мое Красово зо всимъ на все держати и вживати до тыхъ часов, поки ач ему тая вышей описаная сума пенезей заплачона и отдана будет. А еслибы за держаня его с того имѣня моего Красова который подданый мойречъ отжолъ (sic), тогды я, або малжонка и дѣти мои при откладаню пенезей не маемъ на немъ того поискивати и тое сумы пенезей ему за то вытручати. К тому теж отдавшы я ему тую всю сполна суму пенезей, если бы хотел тое имѣне мое Красово к рукам своим от него взяти, тогды волно ему будет всю пашню свою в Красове с пол забрати и кому хотечи ее продати, або где индей на сторону вывозити, к тому пожитку своему привлащати, а я ему того забороняти не маю. Пакъли бы теж на пана Яна Хрустицкого Пан Богъ смертъ допустити рачилъ до отданя тое сумы пенезей, тогды кому пан Хрустицкий, або дѣти его тую суму от мене взяти отпишут, або окажуть, тот за симъ записом моимъ мает тое имѣне мое Красово держати и оного уживати, яко и самъ панъ Хрустицкий, до тых же часов, покул тая сума пенезей чотыриста осмъдесят и девет копъ грошей ему заплачона будет. А штося дотычет службы военное с того имѣня Красова, тогды пан Хрустицкий повинен будет на тот часъ кгды посполитое рушене на службу земскую будет, при мне, або при сыну моемъ послати и выправовати маеть пристойне водлугъ зданя своего. И на то есми пану Яну Хрустицкому дал сесъ мой листъ под моею печатю и с подписомъ властное руки моее по руски. А при томъ были а того добре свѣдоми и за очевистою а устьною прозбою моею печати свои к сему листу записному приложити рачили: их милостъ княз Янушъ Миколаевич Збаражский, а пан Семен Дрозденский. Якожем сесъ листъ записъ мой очевисте на вряде господарскомъ Луцком оповедавши, до книгъ врядовых сознал и записати казал.

Писан у Звиначех, лѣта Божего Нароженя тисеча пятсотъ семдесятого, месеца февраля, третего дня. Роман Санкгушко рука влосная. А такъ мы тое очевистое оповедане и доброволное сознане князя Романа Федоровича Санкгушъка, воеводы браславского, гетмана дворного великого князства Литовского, старосты житомирского, державъцы речицкого, и лист его милости записный слово от слова с початку аж до конца на голос вычитавши, в книги кгродские записати казал, с которых и выпис под печатю моею пан Янъ Хрустицкий, хотечи то до земства на рокох судовых пренести, собѣ на то взялъ. Писан в Луцъку. Федор Ивановичъ Русин. А такъ мы тое оповедане пана Хрустицкого и тот выпис с книг кгродских з уписанем листу его милости князя Романова у преношеню слово в слово с початку аж до конца в книги справ земских записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 241.

XCIV.

1570 г. марта 10. Мѣновая между Палагеею Гулевичовою и Василіемъ Гулевичемъ имѣніями первой, лежащими въ Браславскомъ повѣтѣ, и имѣніемъ второго, Грушовскимъ, безъ документовъ, потому, что древнее владѣніе предковъ Палагеи (дѣда ея Семашка) продолжалось издавна такъ, что и „памяти нѣтъ".

Лѣта от Нароженя Исус Христова 1571, месяца октебра, 10 дня. На рокох земскихъ судовых etc. Пришедчи в замок его кр. милости Луцкий, тоест перед нас etc, пани Романовая Гулевичовая Полагя Матясовна Суропятовича, до книг справ нашихъ судовых очевисто тыми словы вызнала: иж дей маючи я именя свои материзну в повѣте Браславскомъ на имя Сутеску, Витаву, Дчунъково, Янково, Тиврово, Шумзу, до которых мнѣ было трудно про далекость дороги отсел з Волыни ездити, а звлаща яко белой голове, в край небезпечный, умысливши дей есми, для лепшого вчасу и пожитку своего, тые именя мои вышей помененые Сутеску, Витаву,

Дчуньково, Янково, Тиврово, Шумзу променяла его милости пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, дѣверу своему, на имене его милости Грушовенское, которое его милостъ мел от пана Ивана Ела-Букоемского и малжонки его милости панеи Ганны Михайловны Гулевичовны, братанны своее, и к тому еще придатку есми взяла у его милости деветдесят коп грошей личбы литовское, што чинить на полскую личбу двѣсте двадцать и пять золотых полскихъ; на которую мену и листы есмо записные на обѣдве сторонѣ межи собою один другому подавали, иж тую мену межи собою вѣчне держати маемъ; якож дей есми року прошлого семдесятого, скоро мену учинивши, то до книг городу тутошнего Луцкого вызнала и записати дала, на што и выпис с книг пан войский в себе маеть; пан Василей Гулевич, войский володимерский, тут же стоячи, показал листъ меновный, который от панее Романовое на то мает, который голосомъ перед нами при всѣхъ был читан, и по вычитани пан войский володимерский просил, абы тое сознане и выречене панее Романовое, так теж и увесь листъ, слово от слова до книг справъ нашихъ судовых земскихъ был уписан; который так ся в собе маеть: я Романовая Гулевичовая Палагъя Матясовна Суропятовича чиню явно и сознаваю тым моимъ листомъ кождому, кому будетъ потреба того вѣдати, або чтучи его слышати его, нинешнимъ и напотом будучим, завсегды, иж што которые имена мои материстые и дѣдизные маю в повѣте Браславскомъ, на имя Сутеску, Витаву, Дчунково, Янково, Тиврово, Шумзу, в спокойномъ держаню своемъ, никому непенное, вырозумевши есми лепший пожиток свой, променяла есми на вечность з дѣверомъ своимъ паномъ Василемъ Гулевичомъ, войским володимеръкимъ, на имене его милости Грушовно, лежачое в повѣте Луцком, которое онъ мел от пана Ивана Ела-Букоемского и от малжонки его пани Ганны Михайловны Гулевичовны, всего Грушовна четвертую част; и к тому придал ми его милость деветдесят копъ грошей литовское личбы, личачи по десяти пенезей белых у грошъ а по шестидесятъ грошей у копу; маеть и волен

будеть пан Василей Гулевич, жона, дѣти и потомки его милости тые именя мои вышей мененые Сутеску, Витаву, Дчунково, Янково, Тиврово, Шумзу зо всѣмъ на все—з лесы, з дубровами, съ селищами, ставы, ставищами, млыны, млынищами, и ихъ вымелками, з ловы звěринными и пташими, з бобровыми гоны и зо всякими пожитки, якимъ колвекъ именемъ названы и вынайдены быти могуть, яко ся тые именя мои сами в собѣ, в обыходех, в пожиткохъ и в широкостях своихъ мають, держати и вживати, розширяти, прибавляти, прибудовати, продати, заменити, куды хотячи обернути, яко своим властнымъ, водле воли своее шафовати, яко самъ налепей розумеючи, ничого я сама на себе тых вышей реченых именей на дѣти, потомъки и на близкие свои не оставуючи; а иж есми тые вышей реченые именя Сутеску, Витаву, Дчунково, Янково, Таврово, Шумзу, материзну и дѣдизну свою, пану Василю Гуливичу, дѣверу своему, променяла, а листовъ и привилевъ старых ему не подала, бо-мъ и сама их не мела, яко на звѣчную дѣдизну свою, которой и памети не маешъ, яко то давно продки мои и дед мой, отец матки моее, пан Семашко з вѣку продков своих там тые именя вышей реченые в повѣте Браславскомъ держалъ; с тое причины, естли бы хто з близкихъ, кревных и повиноватых моихъ мелися в тые вышей помененые именя мои Сутеску, Витаву, Дчунково, Янково, Тиврово, Шумзу, которыем я променяла пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, вступовати, або яким колве правомъ под его милостю самым, жоною и потомкомъ его милости поискивати мели, теды я сама, дети и потомки мои маем в том их в каждого права и на всяком местцу заступовати. И на то есми пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, дѣверу своему, дала сес мой лист з моею печатю; а ижем его сама подписати не вмела, ино з росказанемъ моимъ дочка моя Федора до того моего листу меновного руку свою подписала. А при томъ были и того добре сведоми и за прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили: их мл. княз Дмитръ Андреевичъ Козѣка, пан Иван а

пан Гаврило Гулевичи, а панъ Иван Семенович Окорский. Писан в Затурцохъ, лета от Нароженя Исус Христова тисяча пятсот семдесятого, месяца марца, десятого дня. За росказанемъ еи милости панеи матки своеи я Федора Романовна Гулевичовна рукою своею властною подписала. А так мы тое сознане панее Романовое Гулевичовое и тот листъ ее слово от слова до книг справ нашихъ судовых земскихъ записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 693 об., № ак. 162.

XCV.

1570 г. апр. 17. Передача заставы на церковное имѣніе Пятикоровы отъ Ив. Семеновича Петру Киселю Дорогиницкому.

Я Иван Семенович, войский и городничий кремянецкий, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому бы таковому была потреба того ведати нине и потомъ: ижъ што которое имене церковное владыцства Володимерского Пятикоровы и з дворцомъ в томъ имeню Пятикоровахъ, и с пашнею дворною, и з людми тяглыми и нетяглыми, и огородниками, и зо вшелякими кгрунты, и пожитки того имения, маючи я в себе в заставе отъ его милости владыки володимерского и берестейского отца Өеодосия в певной суме пенезей в пятисотъ золотыхъ полскихъ до року, в листе его описаномъ, то естъ который рокъ окупеню маетъ быти в року пришломъ тисяча пятсот семъдесят первомъ, месяца февъраля, осмого дня, и естли бы на тотъ рокъ не выкупилъ, тогды отъ року до року, а межы роковъ окупати не маеt, якожъ вже я за поступенемъ отъ его милости отца владыки тое имене Пятикоровы в держаню и вживаню своемъ маючи, и будучи есми потребен на тот час пенезей, позычил есми ку той пилной потребе моей в пана Петра Тимофеевича Киселя Дорогинецкого, городничого господарского витебского, пятсот золотых на полскую личбу, и в

тых пятисот золотых полских заставилъ есми его милости пану Петру Киселю тоеж имене Пятикоровы, кокорое в собе маючи заставою отъ его милости отца владыки, до того-ж року, яко и мне естъ описано, то ест на который рокъ в пана Петра Киселя откупати маю в року прийдучомъ тисяча пятсот семдесят первомъ, месяца февраля, осмого дня; мает его милост пан Петръ Кисел и пани малжонка его и врадник отъ нихъ тое имене Пятикоровы до того року вышей описаного держати и вживати зо всимъ на все, и з дворцемъ в томъ именю Пятикоровахъ, и с пашнею дворъною, и з огороды, и людми тяглыми и нетяглыми, и огородниками, и зо вшелякими их службами, подачками, и повинностъями, и вшелякими кгрунты, ку тому належачими, до зуполного отданя его милости отъ мене пятисот золотых полскихъ на рок вышей описаный, а межи роков, якъ владыка того у мене окуповати не мает, также и я того имени Пятикоров в пана Петра Киселя окупати не маю, ажъ на самый рок вышей описаный; а естли быx я на тот рокъ, в семъ листе описаный, пану Петру Киселю тое сумы пенезей пятисот золотых полскихъ не отдал и того именя Пятикоровъ не окупил, тогды мает панъ Петръ тое имене зо всимъ на все, яко вышей описано, до другого таковогож року на себе держати и вживати, и рок отъ року, аж до окупеня, завжды до таковoго часу и року, яко естъ в семъ листе описано; а естли же бы в томъ часе, за держаня пана Петра Киселя и панеи малжонки его и врядника от них, в томъ именю Пятикоровахъ отъ владыки володимерского, албо отъ кого колвекъ з строны, мало бы якое пренагабане, албо переказа в отнятю того именя Пятикоров и в чомъ бы колвекъ от кого быти мело, тогды я маю и буду повинен пана Петра Киселя в томъ заступовати и своимъ властнымъ накладомъ и працою то боронити и очищати от каждого таковаго, маючи в себе на то право и записы; а естли быx, ведле сего опису моего, въ якомъ пренагабанъю от кого колвекъ в отнятю того именя Пятикоров пана Петра Киселя и па-

неи малжонки его в томъ заступовати оправити и очистити быx не мел, албо и самъ, не отдалши тых пенезей пятисот золотых пану Петру Киселю, в тое имене Пятикоровы чимъ колвек вступовати мел, а он бы в том ку якой шкоде и накладу прийти мел, тогды покладаю самъ на себе заруки господарю королю его милости пятсот золотых полских заплатити маю, а пану Петру Киселю совито буду повиненъ тую суму пенезей вышей описаную (его) ему отдати и заплатити и вси шкоды и наклады его, што бы онъ на то наложити мелъ, безъ вшелякого доводу и присяги его, заплатити буду повинен. А естли бы Панъ Богъ сотворител в томъ часе до окупеня того именя Пятикоров на пана Петра Киселя смертъ допустит рачил, тогды я во всемъ ведле сего опису моего ку панеи малжонце его, ничимъ сего опису не отступуючи, под тымижъ заруками, заховатся маю; албо тежъ на мене естли бы Панъ Бог до окупеня в пана городничого того именя Пятикоров смертъ допустит рачил, тогды такиж жона моя и близкие мои во всемъ ся ведле сего опису моего ку пану Петру Киселю городничому и панеи малжонце его заховатися и то все полнити мают. И на то есми дал пану Петру Киселю Дорогинецкому, городничому витебскому, сес мой лист з моею печатю и с подписом властное руки моее. А будучи того добре сведоми, ихъ милостъ княз Дмитръ Анъдриевич Козека, а панъ Михайло Боратинский Ворона, панъ Война Васильевич Линевский, и за прозбою моею, печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писанъ у Володимери, лета Божего Нароженя тисеча пятсот семъдесятого, месяца априля, семогонадцат дня. Иванъ Семенович властную руку подписалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, № ак. 108 л. 20 на об.

XCVI.

1570 г. мая 6. Заставная запись Федора Бѣлинскаго Петру Богдановичу Загоровскому на им. Любинъ въ 100 золотыхъ польскихъ; при этомъ Бѣлинскій передаетъ самого себя и дѣтей своихъ въ опеку и зависимость Загоровскому.

Я Федор Оникиевичъ Белинский чиню явно и вызнаваю сим моимъ листом кождому вобец и всим посполите, кому бы одно того была потреба вѣдати, або чтучи его слышати, нинешним и напотомъ завжды будучи, иж што которое имѣнье называемое Любин, лежачее в повѣте Луцкомъ, выслужил есми у пана своего ласкавого в небожчика князя Юря Фаличовского, бискупа луцкого и берестейского, на што ми его милость небожчикъ князь бискупъ листы, твердости и все право свое надати рачил, за которымъ я правомъ того вышей помененого имѣнья Любинъ з лесами, з гаями, з дубровами, с полми, з сеножатми и зо вшелякими пожитки през часы немалые спокойне держалъ и вживал и вшелякие пожитки собе привлащалъ; а потомъ его королевская милость мнѣ тое ласкавое данины князя Юря Фаличовского, бискупа луцкого, за его милости ласкавыми причинами, привилемъ своимъ господарскимъ потвердити рачил. Гдеж есми того имѣнья вышей реченого Любин маючи в держанью и во владности, яко властность свою, то есми спокойне держал и вживал; а потомъ з великопилныхъ а долеглых потребъ своихъ заставил есми пану Станиславу Кграевскому тогож имѣнья своего властного двадцать волок у трохсот золотых полскихъ, и в том же имѣнью поступил есми зятю своему пану Яну Тупичовскому тринадцать волокъ, част у вѣне по дочце своей, а част в некоторой сумѣ пенезей; а еще маю на свободе своих властных а доброволных никому незаведеныхъ пятнадцать волокъ; ино у мене и тые остатние а доброволные пятнадцать волокъ Казимер Ледницкий, без бытности моее зобравшися з многими людми, наехавши моцно кгвалтомъ на дворъ и на тое имѣньечко мое Любин, жону

мою збил, змордовал и, зранивши окрутне, за мертвую покинул и всю маетност мою з двора моего побрал, и на остаток двор и тое имѣнечко мое остаток волокъ слободныхъ, моцно кгвалтомъ з моцы и держанья моего вынявшы, до сих часов на себе держить и вживает, што есть ширей а достаточней, ведле жалобы жоны моее, в книгах замковых и на выписехъ врядовыхъ описано и доложоно; о штом вжо того Ледницкого и до права позывал и на то есми много наложил, нижли собѣ о том з ним справедливости звести не могу пре неспособност здоровя своего. А так я, хотячи собѣ такового лекарства шукати, якобы-хъ еще ку способному здоровю своему прийти мог, уживал есми в том прозбами своими моего милостивого пана его милости пана Петра Загоровского, маршалка его кролевское милости, иж мнѣ его милость на тоеж имѣнье Любинъ сто золотыхъ личбы полское дати рачил, а я его милости пану маршалку в той сумѣ пенезей в сту золотых личбы полское тое имѣнье свое Любин, част свою властную, заставляю, симъ моимъ листом записую; бо не толко тое имѣньечко мое, але самъ себе и сынов своих Якуба, Янка, Войтеха и сына своего недорослого Лаврина и дочку мою Макгдалену его милости пану Петру Загоровскому, маршалку его кролевское милости, яко пану своему милостивому, у в оборону и в ласкавую опеку подавам, которые его милости служити могут; што и на вряде его кролевское милости до книг врядовых вызнати и записати дати маю и буду повиненъ. И на то есми дал его милости пану Петру Богдановичу Загоровскому, маршалку его кролевское милости, сесь мой лист под своею печатю властною. А при том были и того добре свѣдоми и за прозбою моею устною печати свои к сему моему листу приложити рачили их милость панове и добродѣи мои ласкавые: пан Андрей Иванович Русинъ, нареченый владыка пинский и туровский, пан Тит Хомякъ, судья кгродский замку Луцкого, а панъ Семен Хребтовичъ Богуринский. Писанъ в Луцку, лета Божого Нароженья тисяча пятъсот семдесятого, месяца мая, шостого дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. 2094, л. 656, № ак. 62.

XCVII.

1570 г. мая 22. Условіе о будущей мѣнѣ между Ив. Сем. Шелвовскимъ и Василемъ Гулевичемъ на имѣніе Шелвовъ (которое, какъ отданное во владѣніе кредитора, подлежало выкупу на деньги Гулевича) и на имѣнія второго въ Браславскомъ повѣтѣ.

Лѣта отъ нароженя Исусъ Хрыстова тисяча пятсот семъдесятого, месяца мая, двадъцат второго дня. Пришедчи и постановившися на враде передо мною Павломъ Григорьевичомъ Оранскимъ, на тот час подъстаростим володимерскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судьею кгродскимъ володимерскимъ, панъ Иван Семенович Шелвовский до книг справ судовых вызнал тыми словы: иж дей маючи я имене свое отчизное и дѣдизное Шелвовъ, заведеное в суме пенезей по смерти отца моего в презыску черезъ судъ и всказане его милости пана Петра Загоровского, маршалъка его королевъской милости, на он часъ будучого справцою староства Володимерского, и не маючи де я его чимъ окупити, учинил есми змову и постановене с паномъ Васильемъ Гулевичомъ, войскимъ володимерскимъ, а то под тымъ обычаем: ижъ вже заразомъ пан войский за тое имене мое Шелвовское мнѣ отмину` далъ именя свои, которые мелъ меною отъ панеи Романовой Гулевичовой, невистьки своеи, лежачие в повете Браславскомъ: Сутечку, Витаву, Дъчунково, Янъково, Тиврово, Шумзу, и в держанъе мое заразомъ поступил зо всѣмъ на все, яко ся тые имѣня его милости сами в собѣ и в пожиткох своих мают, а я дей маю и повинен есми безъ всякого омешканья, што напруджей быти может, тое именье мое Шелвовъ у кнегини Миколаевое Збаразской окупити за гроши пана Гулевичовы в той суме пенезей, которая ся окажетъ на декрете враду Володимерского, в чомъ будет за презыскъ жида холмъского Еврашка увязано в тое имене мое Шелвовъское, и скоро окупивши тое имене мое Шелвовъ, зо всѣмъ на все, яко тое имене мое Шелвовъское и с приселкомъ Волицею само в собѣ и в пожиткох своих мают, то естъ

половицу всего Шелвова, яко дѣдъ мой з розделку отъ пана Ванка, брата своего, держалъ, ничого на себе, на жону, на дѣти и на потомки свои не оставуючи, пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, малжонце и детемъ его милости поступити и в держане вѣчное подати маю и естемъ повинен, листы меновные на тую мену нашу маемъ собѣ на обе стороне, што намоцней быти можетъ, на паркгаменехъ справити и оденъ другому, яко я пану Гулевичу и малжонъце его милости дати буду повинен, такъ теж панъ Гулевич и малжонка его милости мнѣ дати будутъ повинни; и, чого Боже вховай, до того часу, нимъ той змовы нашой вышей помененое доконъчимо, на которогожъ колвек з нас смерти,—на мене самого, або на пана Гулевича, тогды тую змову нашу, которуюмъ учинил з добрымъ розмыслом, и потомъкове мои держати и выполнити будутъ повинни под обовязками в листе моемъ, который есми пану войскому с печатю моею и печатми людей зацных и с подписомъ руки писара городового браславъского на то дал. Якожъ панъ Гулевич, войский володимерский, тот лист его записный перед нами показалъ и просил абы был до книгъ справ наших судовых уписан; которого есмо слово отъ слова до книг своих замковых уписати казали, который так ся в собе мает: я Иван Семенович Шелвовъский чиню явно и вызнаваю симь моимъ листомъ кождому, кому бы того потреба была вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ завсегды, ижъ што которые, имена, властная отчизна и дѣдизна моя, лежачое кгрунтомъ в повете Володимерскомъ, тоестъ врочищомъ з веков названое ажъ и до сего часу с продков моих Шелвовъ и Волица, естъ заведено по смерти небожъчика отца моего пана Семена Богушевича Шелвовского в презыску сказаномъ з ураду его кролевской милости замку Володимерского в неякой сумѣ пенезей жиду, который жидъ в томъ же презыску своем тое имене Шелвовъ заставилъ пану Василю Яковицкому, а пан Яковицкий в той же суме пенезей тое имене мое Шелвовъ и Волицу заставоюжъ пустил в руки еи милости кнегини Миколаевой

Збаразъской, старостиной кремянецкой, которое именье, Шелвовъи Волицу, яко властную отчизну и дѣдизну свою, не маючи самъ чимъ того имени отъ кнегини Збаразской окупити, променял есми зъ его милостю паном Василемъ Гулевичом, войскимъ володимерскимъ, на другие имени его милости, то ест Сутеску, Витаву, Дчунково, Янково, Тиврово, Шумзу, которые лежат кгрунтомъ в повете Браславскомъ; противъ которых я именъя свои отчизные, то ест Шелвов и Волицу, в том презыску у ее милости кнегини Миколаевой Збаразской окупивши властными пенезями его милости пана Василя Гулевича, працою и старанемъ своимъ, толко закладомъ и коштомъ его милости властнымъ, противъ тыхъ имений вышей помененых, которые тежъ его милостъ меною отъ невестки своей панеи Романовой Гулевичовой, панеи Полаги Суротитовны, мел, до рукъ его милости в держанъе вечными часы пустити маю и повинен буду, а до того часу, покол тое имене отъ еи милости кнегини окуплено будет и его милости пана Василя Гулевича до рукъ дойдетъ, не повиненъ буду жадного гроша и одного пенезя на то накладати и в томъ собѣ шкодовати, одно толко радою и працою своею доходити такъ, яко бы тое имене мое Шелвовъ и Волица што нарыхлей до рукъ его милости пана Гулевичовых дошло, а скоро окуплено будетъ отъ еи милости кнегини Збаразской тое имене мое Шелвовъ и Волица з людми осѣлыми, съ ставы, млины, чинши и зо всѣми доходы и приходы, лесы, дубровами, сеножатми и зо всѣми врочищами поменеными и непоменеными, к тому Шелвову и Волици прислухаючими, ничого не умуючи, але зо всѣмъ с тымъ, яко ся вышей поменило и яко ся само в собѣ мает, его милости пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, подати в держанъе и вживане его милости на вечные часы маю и повиненъ буду; и на тот же часъ маемо, промежку себе з обу сторон знову листы меновные на паркгамени, чимъ намоцнейшие могут быти, справивши и подписавши ведле права посполитого и статуту земъского и на вряде вызнавши, собѣ на обе стороне подавати, и тое постановене уже вечными

часы держати, ничим не зрушаючи, будемо повинни. А где бых я Иванъ Семенович Шелвовъский сего постановеня в семъ листе написаного, выдержати и его милост пану Василъю Гулевичу, войскому володимерскому, досыт ведле обовязку своего чинити не хотѣл, того имѣня своего Шелвова и Волици за властныи пенези и накладомъ его милости отъ кнегини Збаразской працою своею не окупил и окупити и выискати не хотѣл, а его бы милостъ в томъ убезпечилъ и ку якому накладу и шкоде привел, тогды буду повиненъ на его кролевскую милост заруки заплатити пят сот коп грошей и всѣ шкоды и наклады, в чомъ бы его милост панъ Василей Гулевичъ отъ мене шкодовати мелъ, совито, без жадного доводу и присеги, одно на реченъе слова, оправити и тые именя всѣ верху мененые, которые есми отъ его милости в повѣте Браславскомъ противъ Шелвова и Волици взял, его милости зо всѣмъ с тымъ, с чимъ мнѣ отъ его милости будет подано, назадъ вернути и безъ жадного права доброволне поступити и пожитки всѣ, которые бых с тыхъ именей взялъ, при томъ же зараз усе его милости пану Василю Гулевичу отдати буду повиненъ. И на то есми его милости пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, дал сесъ мой лист под моею печатю; але ижъ самъ писати не вмѣю, про то есми сего листу моего рукою моею подписати не могъ, вмѣсто себе просил есми его милости пана Олекшого Томъковича, писара кгродского браславского и вѣницкого, же бы его милостъ сес мой лист рукою своею подписал; што его милост за прозбою моею вчинилъ и сесъ листъ мой рукою своею по рускии подписалъ. А при томъ были и того добре свѣдоми ихъ милост панове: его милость пан Григорей Гулевичъ, хоружий землѣ Волынское, а его милостъ князъ Янушъ Четверътенский, а его милост пан Петръ Микулинъский, на тот час поборца его кролевское милости воеводъства Браславского, а панъ Лаврин Яцковский, земенинъ повету Вѣницкого, а панъ Олекъший Томъковичъ, писаръ кгродский браславский и вѣницкий; а для лѣпъшой твердости того моего листу просил

есми ихъ милости о печати; ихъ милост на прозбу мою то вчинити рачили и печати свои к сему моему листу приложили. Писанъ в Баеви, лѣта Божего нароженья тисяча пятсот семъдесятого, месяца мая, семогонадцат дня. За прозбою пана Ивана Семеновича Шелвовского, за властным позволенемъ его, ижъ самъ поведил—писати не вмѣеть, просилъ мене, абых я Алекший Томъкович, писаръ кгродский браславский и вѣницкий, место его самого руку свою подписалъ, якожъ я за прозбою и властным позволенъемъ его самого на прозбу его то вчинилъ, рукою своею властною тот его лист подписал и до книг его порядне слово отъ слова вписалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 124 об. № ак. 113.

XCVIII.

1570 г., мая 22. Заявленіе Вас. Гулевича (сына бывшаго владыки Θеодосія) о томъ, что предъявленная ему запись на книгѣ, сдѣланная будто-бы отцомъ его о ежегодномъ взносѣ меду на мон. св. Спаса, фальшивая, ибо отецъ его—владыка Θеодосій писать не умѣлъ.

Лет Бож. нарож. 1570, месяца, мая, двадцат второго дня. Будучи мнѣ на вряде моемъ на местцю судовномъ, передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судьею кгродскимъ володимерскимъ, мовил панъ Павел Оранский, на тот час будучий подстаростий володимерский, пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, ижъ дей отецъ твой, пане Гулевичу, небожчикъ владыка луцкий, записал на церков святого Спаса володимерского, у которой я теперь игуменомъ естъ, чотыри ведрѣ меду присного; твоя дей милостъ николи ми его давати не хочешъ, надъ волю отца своего, што дей властною рукою своею записалъ. Пан Василей Гулевич поведил: правда дей естъ, пане Оранский, ижъ ты мнѣ о то мовил у Городне на

сойме прошломъ и тот напис ми есть у книзи показовал, в которой якобы мел отецъ мой рукою своею записати тот мед, который ты мениш, на светого Спаса; ямъ дей скоро тое писане обачивши, тобѣ повѣдил, ижъ то не естъ писмо отца моего, але потвар на имене мое и фалшивое писмо; бо дей отецъ мой писати не учился; а то дей писмо в той книзи человѣка учоного, а отец мой коли бы умел писати, снадъбы подъписал достамент свой, который намъ детемъ своимъ перед смертъю своею учинил. А хот же де я тое имене свое отчизное Качин передъ сеймомъ городенскимъ болшей двадцати лет въ рукахъ своих мел, продкове твои, игуменове спаскии, у мене николи ся жадного меду не упоминали, а ни ты самъ, ажъ до сейму городенского недавно прошлого; але хотечи я от того вниманя твоей милости, пане Оранскй, и отъ того фалшу, который ты на мене ховаеш, на вряде городовомъ, або земъскомъ усправедливити, на тот рок, коли ты одно зо мною хочеш приняти, абы тая потвар на потомки мои не отстала, которымъ трудней будет о справу, ижъ нихто не ведати меть, естли отецъ мой училъся писати, або не учил, ест ли же то его рука, або нѣ. Пан Оранъский року приймовати не хотелъ и на право жадное не позволялъ; панъ Василей Гулевичъ просил, ижъ бы потомъ ему тот фалшъ, або потомкомъ его не шкодил, просил, абы тые слова их обу дву сторон до книгъ справ судовых были записаны; я то в книги записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 966, л. 124, № ак. 112.

XCIX.

1570 г. іюня 14. Заявленіе вознаго объ отказѣ попа церкви св. Апостоловъ во Владимірѣ Василія Ивановича подчиниться полюбовному соглашенію Владимір. духовенства съ городомъ (1569 г. окт. 12; см. выше № LXXXIV) о церковныхъ имуществахъ.

Лет Божого нароженя 1570, мѣсяца июня, четвертогонадцат дня, в середу. Ставши очевисте на вряде передо мною Павломъ Григорьевичомъ Оранскимъ, на тот час будучимъ подстаростимъ володимерскимъ, возный земский повету володимерского Хацко Чуват - Туличовский вызналъ, ижъ за приданьемъ твоимъ врядовымъ войту, бурмистру и радъцамъ места володимерского ходил есми з ними до попа Апостолского володимерского Василя Ивановича в домъ его, тут на передъместьи володимерскомъ лежачимъ подле церкви святых Апостоловъ, где панъ войтъ и мещане передо мною того попа Апостоловского Василя пытали: естли онъ стоит при еднаню и постановеню своемъ, которое владыка его милост володимерский отецъ Ѳеодосей и он самъ, зволившися зо всею капитулою церкви головное володимерское святое Пречистое, з нами и зо всимъ местомъ Володимерскимъ вчинили и на рокох земскихъ судовых передъ судомъ земскимъ вызнали и у книги земъские записати дали, яко то тамъ у книгахъ земъскихъ ширей и достаточней описано ест. Ино тот поп Апостолский Василей передо мною возным поведил и на то пану войту и мещаномъ отказалъ: ижъ я при ономъ еднаню и постановеню, которое есми был весполокъ зо всею капитулою з вами вчинил и до книг земскихъ вызнал, стояти не хочу и тое вгоды з вами держати не буду, бомъ ся вжо подалъ у воборону пану Василю Загоровскому, маршалку господаръскому. Панъ войтъ и радъцы, то мною возным осветчивши, поведили: кгдыжъ ты, попе, тое вгоды и постановеня своего з нами не держиш и его отступуешъ, тогды не от нас, але самъ отъ себе кривду мети будеш, бо мы вжо, за твоимъ

отступенъемъ оного еднаня и постановеня твоего з нами, як люди, так и вси кгрунты, которые еси был подъ себе подъсягнул, подлуг перших листовъ и декретов его кролевское милости, на то намъ даных, держати и вживати будемъ, яко властности своее местское. И просили мене пан войтъ и радъцы места Володимерского, абы тое вызнане возного до книгъ замковыхъ было записано. А такъ я за прозбою ихъ то все у книги замковые записати велел.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 149 на об., № ак. 137.

С.

1570 г. іюля 29. Заставная запись Петра Тимофеевича Киселя-Дорогиницкаго: ею онъ передаетъ Михаилу Малинскому 10 службъ имѣнія Боголюбскаго, принадлежащаго Жидичинскому монастырю, въ которыя онъ самъ себя ввелъ во владѣніе за долгъ владыки луцкаго Ивана Яцковича Борзобогатаго-Красенскаго, обезпеченный прежде им. Пятикоровъ, принадлежащимъ владимірской епископіи, когда Борзобогатый былъ нареченнымъ епископомъ владимірскимъ (а затѣмъ когда перешелъ на епископію Луцкую, то заставной владѣлецъ лишился права владѣнія).

Я Петръ Тимофеевичъ Кисел-Дорогиницкий, городничий витебский, вызнаваю то сим моимъ листомъ, кому бы того потреба была ведати, або чтучи его слышати, сесчас и напотом завжды, штож узялъ и позычил у мене пан Иван Яцкович Борзобогатый - Красенский, владыка теперешный луцкий и острозский, архимандрыт жидичинский, ку своей пилной а великой потребе сто коп грошей монеты и личбы литовское, личачи по десети пенезей у грошъ, в которой суме пенезей у сту копах грошей литовских заставил был ми имене владыцства Володимерского, будучи ще на тот час владыкою нареченным володимерским, которое (во) владзы, в моцы, в держаню и вживаню своемъ мел, тоест Пяти-Коровы, зо всим тымъ, якося тое имене Пяти-Коровы само в собе мает, тоест с пашнею дворною засеяною, полми; и сеножатми, людми тяглыми подворищными и огородники, и всякими платы, доходы, подачками и всякими повинностями, так яко пан Иван

Борзобогатый-Красенский, владыка на тот час нареченый володимерский, держал и вживал, не оставуючи на себе ничого; на што ми ся и листомъ а описомъ своимъ описал и вмоцнил, што при животе своемъ он самъ, сынове, близкие а кревные его не мели ми в томъ держаню и вживаню моем никоторои переказы сам через себе и через сынов своих чинити, толко я мел тое имене Пяти-Коровы в той суме пенезей помененой до зуполной от него заплаты тых ста коп грошей держати и вживати, не отступуючи и не нарушаючи ни в чом того листу опису своего; а естлибы тое владыцство Володимерское от него отыйти мело, тогды даючи ми такуюж моц на листе а описе своемъ на иншомъ именю своемъ, которое бы в себе мел, в держаню и вживаню своем мелъ, также в десет служебъ людей подворищных, узявши вижа з уряду луцкого, моцно увезаться, и на себе держати до одданья и заплаченя тых ста копъ грошей литовских, яко ширей а достаточней и меновите на листе и описе его ест описано и доложоно. Кгдыж тое владыцство Володимерское от пана Ивана Борзобогатого отышло, в мене то отнято; гдем я о то владыце нареченому володимерскому не мовчал, листъ господарьский до него одержал, абы ми тую суму позычоную сто коп грошей отдал и заплатил; пан Иван Борзобогатый ач ся до листу признавал, але пред ся тых ста коп грошей мне не отдал и не заплатилъ; я зоховываючися в томъ подле листу а опису его, оповедавши лист а опис на вряде Луцкомъ гродском, просил есми пана Ивана Хребтовича-Бугуринского, подстаростего луцкого, водле листу его описного, о вижа, а подле статуту—о возного; его милость придал ми на то вижомъ служебника своего Михаила Бобровского, а возного пана Дахна Юнковича Гулялницкого. Маючи я, при собе шляхту людей добрых: пана Михаила Ворону-Боротинского, а пана Хому Козинского, а пана Федора Бережецкого, при которых есми уехал и, ведле опису его, увезался вы имене держаня его архимандрытства Жидичинского, в люди имени Боголюбского, в полдеветы служъбы людей тяглых подворищных, зо всими их повинностями; а за полторы службы лю-

дей подворищных в шест огородниковъ, которых есми имены кождого на реистръ списал перед вижомъ и вознымъ, и под печатю вижовою и возного собе реистръ взял, и тые люди зо всими пожитками спокойне на себе держал и вживал. А так я, отежчаючи для службы господарьское до Витебска, и будучи самъ потребен грошей, заставил есми тые люди вси, в которые ся есми увезал и спокойне держал, не оставуючи на себе ничого и с тым правом своим а влостным описомъ пана Ивана Борзобогатого-Красенского, теперешнего владыки луцкого и острозского, архимандрыта жидичинского, его милости пану Михаилу Малинскому, маршалку господарьскому, в той суме пенезей, верху помененой, в сту копах грошей литовских; мает его милость пан Малинский тые люди Боголюбские, в которыем ся увезал, в моц и в держане его милости подал, держати и вживати и з ихъ повинностями аж до зуполнои заплаты и отданя тое сумы пенезей ста копъ грошей литовских от пана Ивана Борзобогатого-Красенского, нареченого владыки луцкого и острозского, якожем тот лист опис его с печатю и с подъписомъ властное руки его и под печатми людей добрых и всю справу, ку тому листу належачую, до рук его милости пану Малинскому дал; а естлибы пан Иван Борзобогатый-Красенский, владыка луцкий, подле опису своего и листу мне даного, не заплативши пану Михаилу, маршалку его кролевское милости, тые люди у Боголюбомъ моцно отнял, а о то бы ку праву от его милости пана Малинского был позван, а в права за позвомъ пана Малинъского за то досыт чинити, не хотечи ко тому листу опису своему мовити, и ку якой приволоце пана Михаила приправовал, и того листу опису своего чим колвекъ отступовал, и его не полнил, и што к тому мовити мел, тогды я в каждого права того листу опису Борзобогатого маю подпирати, очищати, так яко бы пан Михайло на том ничого не шкодовал. И на то есми пану Михаилу Малинскому дал сес мой лист под моею печатю и подписом властное руки мое; а при том были и того добре сведоми и за прозбою моею печати свои приложити рачили: пан Анъдрей Ива-

новичъ Русин, нареченый владыка пинский и туревский, а князь Остафей Соколский, подсудокъ земский, а пан Михайло Ощовский. Писан в Луцку, тисеча пятсот семдесятого, месяца июля, 29 дня.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2044, л. 407, № ак. 428.

CI.

1570 г. іюля 31. Переуступка заставнаго владѣнія городомъ Перемилемъ и селомъ Смолевымъ (князя Сангушка-Кошерскаго) отъ еврейки Ривки Якубовны и зятя ея Марка Давыдовича Яну Пилецкому.

Еврейское землевладѣніе.

Лет Божого нароженя 15 семдесятого, мѣсяца июля, 31 дня. Постановившися обличне на вряде в замку господаръском Володимерском передо мною Павлом Григоревичом Оранским, на тот час будучимъ подстаростим володимерским, подданая господаръская жидовка городелская Юсковая Абрамовича Ривка Якубовна, весполокъ зъ зятем своим Маркомъ Давыдовичом, не будучи ни от кого ничим примушоны, сами доброволне а устне до книг замъковых вызнали тыми словы: штож дей которую суму пенезей шест тисечей золотых полских мужу моему Ривчиному, а тестю моему Марковому, небожчику Юску Абрамовичу, жиду городелскому, княз Лев Александрович Санкгушко-Коширский винен зостал и в той суме пенезей именя свои—место Перемил и село Смолеву з людми, и зо всѣмъ, якъ ся в собе мают, ему заставил, на што и листъ свой вызнаный под печатю своею и с подъписом властное руки своее и теж под сведомемъ и печатми людей добрыхъ ему дал; на которомъ дей ширей все меновите по достатъку описано и доложоно есть. А так мы, потребуючи грошей на пилные потребы свои, тую заставу место Перемил и село Смолеву его милости велможному пану Яну Пилецкому с Пилца, старосте городел-

скому, в той суме пенезей в шести тисечах золотых полских заставили и все право свое тое заставы, намъ належачое, на его милост влили и вливаемъ и листь записный князя Коширского его милости дали; которого права волен его милост вживати, так якобых мо мы сами, ведлуг листу записного князя Коширского; при котором доброволном вызнаню их з стороны его милости пана Яна Пилецкого с Пилца, старосты городелского, были шляхетные Крыштофъ Ганиский а Миколай Сацикгневский. И просила мене тая подданая господаръская жидовка городелская Юсковая Абрамовича Ривка Якубовна и зят ее Марко Давыдович, абы тое доброволное а устное вызнане их в книги замковые было записано. Я тое доброволное а устное вызнане их в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 966, л. 198, № ак. 193 (204).

CII.

1570 г. августа 3. Заставная запись князя Андрея Петровича Масальскаго и жены его Анны Богдановны Путятиной князю Владиславу Андреевичу Збаражскому на дворъ Ботинский, села: Суско, Бодачевъ, Носачевичи, Петрашечи, Олешковичи, Смердинъ и на дворъ въ замкѣ Луцкомъ.

Условіе о невыкупѣ чужими деньгами; инвентарь имѣній.

Я Андрей княз Масалский, посполу з малжонкою моею кнегинею Ганною Богдановною Путятиною, вызнавамъ тымъ нашимъ листомъ, кому будет потреба того вѣдати, або чтучи то слышати, иж есмо позычили и взяли ку своее великой а пилной потребе у его милости князя Владислава Андреевича Збаразского, державцы ботоцкого, двох тисяч копъ грошей монеты и личбы литовское, личачи по десяти пенезей у (г)рошъ; а в той сумѣ помененой, тоест двох тисечах копъ грошей, заставили есмо его милости двор нашъ Ботинский з будованемъ, и с пашнею дворною, з сады, з огороды, з волостю,

и з фолварками, и з гумъны, и з слугами путными, и з людми тяглыми, и з данми, и зъ их землями пашными и бортными, з гайми, и з лесы, з боры, и з дубровами, з сеножатми, з болоты, з озеры, з реками, и з речками, зъ ставы, и з ставищами, з млыны, и зъ их вымелками, з рудами и зъ их пожитками, з бобровыми гоны, с пущи, з ловы звериными и пташими, и даню медовою, и зо всими платы пеняжными, доходы и пожитки, яко ся само в собе тое имене мое мает, якомъ я самъ тое именье держалъ и вживалъ, в шир и в должъ границами ограничоны, кгрунт мой властный того именя вышей описаного; и мает его милость князь Владислав Збаразский, посполу з кнегинею малжонкою своею кнегинею Ганною, старостянкою пинскою, и с потомки своими, держати и вживати до шести лет, тоест свята пришлого Успения святое Пречистое в року Божомъ тисеча 500 семъдесятомъ, аж до року, в которымъ будут писати тисеча пятсот семъдесят шостого, такъжо на пришлое свято на Успеня святое Пречистое; а мает его милость князь Владислав Збаразский ку тому двору нашому Ботинскому тые сѣла держати и вживати: напрод село Ботин з ставомъ, и з млыном, который ест под двором Ботинским, з людми осѣлыми, которых ест человѣка служеб чотырнадцат, а три пустовщины; такъже теж село Суско з млыном, з ставомъ на Пляшовцы, з людми оселыми, которых ест пятдесят служоб, и корчма в томъ же селѣ, и с пашнею ку дворцови тамошнему; такъ теж село Бодачов и з дворцем, и с пашнею, з ставомъ, и з млыномъ; а в томъ сѣли человѣка дванадцать оселых, а одно дворище пустота; теж сѣло Носачевичи в томъ селѣ ставъ и млын, и руда, што зелезо робят, до того села осмъ человѣка оселых; а такъже село Петрашевици, а в томъ селѣ ставок, и млын, и рудный млын на зелезо; в томъ селѣ три человѣка оселых; такъже село Олишковичи, в томъ селе человѣка шест оселых; такъ теж сѣло Смердин над рекою Стыром, в томъ селѣ озерко, а человѣка осѣлых дванадцат. И тые села мои вышей описаные и з дворомъ моимъ Ботинскимъ его милости князю Владиславу Збараз-

скому заставиломъ и подаломъ в моц и в держане и вживане его милости в двох тисечах копах грошей литовских; мает его милость тот двор мой Ботинский с тыми сѣлы всими, вышей описаными, держати самъ, и пани малжонка его милости кнегиня Ганна Яновна, старостянка пинская, так теж и потомъкове его милости, и вживати зо всими пожитками и ку пожитку своему прибавят, такъ с полъ, яко и з лесов, и з боров, з руд, з ставовъ, з млыновъ, с пущи, яко налепей будут розумѣти. Ку тому теж поступиломъ в той же сумѣ его милости князю Владиславу Збаразскому двор мой в замъку Луцкомъ, который маю по небожчицы панеи Ивановой, подскарбиной, панее Богдане княжне Четвертенской, Высковский. А тое имѣнье мое Ботинское с тыми селы, вышей описаными, мает его милость в покою держати от мене и от малжонки моей кнегини Ганны Тутятинны (sic), такъ теж и от потомъковъ моих, от кревных, и близких моих приятел, ни в чомъ не нарушаючи а ни перереказуючи ни в чомъ в жадных пожитках уживаню тых имѣней вышей описаных, а до выдержаня тых шести лет вышей описаных; а естлибы тежъ его милости князю Владиславу Збаразскому была пилная потреба тых пенезей двох тисечей копъ литовских, которые его милость мнѣ на тые имена вышей описаные на заставу далъ, тогды ми его милость мает ознаймити перед рокомъ вышей описанымъ за дванадцат недѣлъ; а я ся мамъ его мл. о тые два тисяча копъ грошей старат, яко бых его милости на тот рокъ описаный отдалъ; а естлибым его милости не отдалъ той сумы ведле того опису листу моего, тогды его милость князь Владиславъ Збаразский волен будет тые имена мои заставити и запродати, кому бы ся одно трафит могло, в тых двох тисячи копъ литовских; а я того самъ, а ни малжонъка моя, а ни потомъки мои не маемъ боронити его милости. А естлибы теж его милость князь Владиславъ Збаразкий, або кнегиня малжонка и потомъкове его милости мѣли якую трудност мѣти около границ тых имѣней моих вышей описаных от которого колвекъ суседа моего, тогды я князь

Андрей Масалский мам в томъ во всемъ боронити и заступовати перед врядомъ повету Луцкого от позвовъ и от вшелякое трудности накладом своимъ его милости князя Владислава Збаразского; а его милость пред ся тые именья мает держати в покою в той сумѣ вышей описаной ажъ до шести лет, водлѣ того моего листу описаного. А естлибыхъ я князь Андрей Масалъский не выкупилъ тых имѣней вышей описаных в той сумѣ вышей описаной, або пани малжонка моя и потомокъ мой, на рокъ описаный, тогды его милость князь Владиславъ Збаразский буде волен тые именья держати в покою рокъ от року, поколь тые именья я князь Андрей Масальский, або малжонъка моя, або потомокъ мой выкупити своими властными пенезми такою монетою, которая на он час в князстве Литовъскимъ межи людми посполитыми, а не допускаючи никому иншому чужими пенезми выкуповати. А естлибы послуга господарская земская военная на тот час зашла, тогды я самъ маю тую послугу господарскую земъскую с тых именей моих заставныхъ вышей описаных заслуговати. А где бы Панъ Богъ на мене допустити рачилъ и на малъжонъку мою и на потомка моего час смертелный, а мы бы тых именей вышей описаных за живота своего не выкупили у его милости князя Владислава Збаразского, або у кнегини малъжонки и у потомъков его милости, тогды тот мает тые именя выкупити в той суме двох тисячи копъ грошей литовских, кому я, або малъжонка моя кнегиня Ганна Путятенна и потомокъ мой на тестаменти за живота своего и за доброе памети отпишемъ. А естлибых я самъ князь Анъдрей Масалъский, або малжонка моя кнегиня Ганна Путятинна и потомокъ мой, не отдавши тое сумы двох тисечи копъ грошей литовских, хотѣли в тые именя вступоватися в чомъ кольвекъ и з рук его милости самого, або в кнегини малъжонки и потомъков его милости, кромъ року описаного в семъ листе нашомъ, тогды таковый каждый з нас винен будет заруки господару королю его милости заплатити две тисячи коп грошей, вси шкоды и наклады, што его милость, правуючися з нами, наложит, через жад-

ного права и доводу, одно на реченье слова его милости заплатити повинни будемъ, а отдавши и заплативши тую заруку, вси шкоды и наклады, пред ся тот нашъ лист в каждого права при моцы захован быти мает. И на то есмо его милости князю Владиславу Збаразскому, державцы ботоцкому, дали сес нашъ лист под моею печатю и малжонки моее и с подписомъ руки властное моее. А при томъ были и тое добре сведоми: его милость пан Валенты Вкринский, и пан Криштофъ Дудинский, панъ Петръ Дудинский, пан Станислав Билинский; ихъ милость на прозбу нашу вчинити рачили и печати свои къ сему нашому листу приложили. Писан в Луцку, лет Божого Нароженья тисеча пятсот семъдесятого, месяца августа, третего дня. Андрей Масальский рукою властною подписалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 384, № ак. 104.

CIII.

1570 г. августа 18. Заявленіе Яна Андреевича Монтовта о томъ, что по добровольному соглашенію съ Феодосіемъ, владыкою владимірскимъ первый продолжаетъ держать въ арендѣ церковное имѣніе Десятину впредь до того времени, когда король, по просьбѣ Монтовта, пожалуетъ Влад. епископіи какое-либо другое имѣніе въ замѣнъ Десятины, или пока Монтовтъ самъ не замѣнитъ его другимъ имѣніемъ.

Лет Божого нароженя 1570, месяца августа, осмогонадцат дня, у пятницу. Пришодши на врядъ замку господаръского Володимерского и постановившися очевисто передо мною Павломъ Григоревичомъ Оранскимъ, подстаростимъ володимерскимъ, его милост панъ Янъ Андреевич Монтовтъ явне и доброволне мне до книг оповедалъ и вызналъ, иж што которое право мел есми у суду кгродского Луцкого зъ его милостю в Бозе велебнымъ и достойнымъ отцемъ Феодосиемъ, владыкою володимерскимъ и берестейскимъ, о выбите з ыменя селца Десятины, о збите врядника моего бискупицкого Григоря Белостоцкого, поделане шкодъ, ведле жалобы моее на

его милост владыку учиненое, ино за певнымъ постановенемъ зъ его милостю владыкою так з стороны своее, яко и з стороны врядника своего помененого Белостоцкого, заступуючи от него во всемъ его милость владыку, оное все право и презыски умораю и ни у вошто оборочаю вечными часы, такъ ижъ вжо я и тот врядникъ жадных шкодъ и тыхъ презысков своихъ на его милости владыце смотрети николи не маемъ; але о то вряднику своему самъ нагородити и от него его милости отцу владыку заступовати буду повинен. А што ся дотычет того селца Десятины, ино я за тое именице Десятину его милости владыце, а по его милости будучому, слушную замену у господаря его милости зъеднати, албо своимъ отдати маю; а до того часу, покол тая замена дойдет, от его милости и по немъ будучимъ владыкамъ с того селца церковного Десятины аранду по осми коп грошей монеты и личбы литовское в кождый годъ, водле давного постановеня и умовы, якъ до того часу его милост панъ Михайло Козинский, кашталянъ луцкий зешлый, и ее милост пани матухна и добродейка моя милостивая с того повинни были давати и давали, оплатити маю и обвезуюся, не выламуючися с того николи жадными причинами, под обовязки, в томъ помененомъ постановеню давномъ и листехъ положеными.—На што отецъ владыка его милост самъ доброволне позволилъ и то такъ же, яко и пан Монтовтъ, вызналъ; и просили мене з обудву сторон—отецъ владыка его милостъ володимерский Феодосей и его милост панъ Ян Андреевич Монтовт, абы то в книги замковые было записано. Я тое доброволное а устное вызнанье ихъ милости за прозбою ихъ милости в книги замковые записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 220 об., № ак. 212 (223).

CIV.

1570 г. сент. 26. Тяжба между паномъ Пав. Гр. Оранскимъ, игуменомъ мон. св. Спаса, и между Вощатинскими о землѣ.

Протестація пана Павла Оранскаго на пана Войтеха Паевского, жону и сына его.

Лета Божего нароженья 1570, месяца сентябра, 26 дня. Постановившися обличне на вряде в замку господаръскомъ Володимерскомъ передо мною Михайломъ Павловичом, подъстаростимъ володимерским, а передо мною Иваном Петровичом Калусовскимъ, судею кгродскимъ володимерскимъ, земенин господаръский повету Володимерского пан Павел Григорьевич Оранский жаловал нам о томъ, штож дей послал есми врадника своего яновского Яна Олшовского с поддаными своими яновскими, монастыря святого Спаса у Володимери, с плугами орати землю свою властную церковную Яновскую монастырскую, подле села своего Яновского, по долинку, которое дей земли предок мой небожчикъ игумен Спаский Васянъ, а потомъ и я сам через час немалый у спокойном держаню и вживаню был, о который дей кгрунт маршалок его кролевское милости пан Петръ Богданович Загоровский а земенин повету Володимерского пан Войтехъ Паевский и жона его пани Овдотя Петровна и з сынми своими першого мужа своего небожчика пана Грицка Обуха паном Тимофѣемъ, паном Иваном, паном Яцком а паномъ Федором Обуховичи Вощатинскими, правомъ никоторымъ не спирали; топакъ дей в року теперешнемъ семдесятомъ, месяца июня, двадцат шестого дня панъ Войтѣхъ Паевский з жоною своею Овдотею а и з сыном ее Тимофѣемъ, собравшися з многими людми помочниками своими, з бронями, з ручницами, зъ аркабузами, и з сагайдаками, и з рогатинами, и з ыншими бронями, ку бою приналежачими, кгвалтовне наехавши на тотъ кгрунтъ мой Яновский, перво помененый, з спокойного держаня в мене отняли, и плуги дей с тое земли моее согнали и врад-

ника моего яновского Яна Олшовского и при немъ подданыхъ моих яновскихъ на имя Дешка, Савку, Полумужа, Владычку, Волоса, Мартина, Лучку позбивали и поранили; а иншие дей ледва повтекали; в чомъ дей я кривду и шкоду немалую собе от тых трех особ, имены перво помененых, которые дей тот кгвалтъ, кривду и шкоду мне вчинили, быти менечи, первей сего Войтеха Паевского и жону его Вовдотью и сына ее Тимофѣя листы позовными вряду кгродского володимерского ку праву позывал, и на рок за позвы припалый, в замку господаръскомъ Володимерскомъ, перед судом кгродскимъ оповедаючися, зо всѣмъ доводомъ своимъ в той речи ку праву быти готов становился и пилность чинилъ, а Войтехъ Паевский и з жоною своею, на тот рок позваный, ку праву ся не становили и вмоцованного своего в той речи мне ку отказу не прислали и о собе у права ничого ведати не дали, а Тимофѣй Обухович ач колве на оный рокъ за позвы припалый перед врядом ся становил, нижли безъ его милости пана Петра Загоровского, маршалка его кролевское милости, так тежъ без Войтеха Паевского и жоны его Овдотьи, яко участниковъ, и безъ Ивана, Яцка и Федора, яко брати своее рожоное, властных отчичов того именя Вощатина, которые дей части свои отчизные, водле права прирожоного, в том именъю мают, а тот дей кгрунт, на которомъ ты кгвалт, кривду и шкоду собе быти мениш, поведаючи тотъ кгрунт свой церковный властный Яновский, и о то мене ку праву позвал, ино дей тот кгрунт не ест твой Яновский, але дей наш Вощатинский, мнѣ зъ его милостю паномъ Петромъ Загоровскимъ и з очимом Войтѣхомъ Паевскимъ и з жоною его, маткою моею,и братею моею — Иваномъ, Яцком а Федором посполитый; а иж дей ты не всѣхъ насъ от тот кгрунт посполитый имѣнъя нашого Вощатинского, але тылко трех—отчима и матку мою и мене ку праву позвал, ино с тыхъ трех не всѣх три перед урадом становят, то ест отчима и матки моее тут нит. И для того дей и Тѣмофей мне у в отказе быти не хотѣлъ, и с того

року ся зрываючи, а собе на помочъ, яко непозванемъ всих участников того именя Вощатина, такъ теж и нестанъемъ всихъ позваных, уряду кгродского просил, абы с того року волнымъ учинен был. Што врядъ кгродский с причинъ первопомененых вчинил, а того Тимофѣя з оного року волнымъ вделал; а мнѣ зъ его милостью паномъ Петром Загоровскимъ и зо всѣми ими, участнѣками того имѣня Вощатина первопоменеными, о кгвалтовное наехане з стороны того именя посполитого Вощатина, позбиване и поранене врядника и подданых моих яновскихъ и выбите мене с того кгрунту, з спокойного держаня, право в дѣле заховали. Прото де я яко его милост пана Петра Загоровского, такъ и всихъ имены, неоднокрот первопомененых, о то до суду кгродского рокомъ певным ку праву позвал, который дей рокъ дня сегоднешнего припал, якъ же и позов тое жалобы своее и лист вызнаный возного Ивана Летинского под печатю его, такъ тежъ выпис с книг кгродскихъ с подписю руки писара кгродского Якима Василевича, бо дей на он часъ я самъ на мѣстъцу подстаростскомъ был, сознаня тогож возного до книг, доводячи того року, перед нами положил; который позов и листъ вызнаный возного и выпис с книг врядовыхъ читаны были; и по вычитаню того всего, тут же стоячи очевисте, пан Тимофѣй а пан Иван Обуховичи Вощатинские позвы и рок признали, нижли дей безъ участников своихъ того именя Вощатина, то ест его милости пана Петра Загоровского и отчима своего Войтеха Паевского и жоны его, матки своее, Овдотьи и безъ брати своей Яцка а Федора отказывати есмо не повинни, а ни будемъ, якъ же и не отказывали. Пан Павел Оранский положил перед нами на довод спокойного держаня своего листъ князя Михайла Куцевича, пана Волчъка Якимовича Жасковского, пана Олехна Богдановича Загоровского, судей з руки панее Овдоти Вощатинское Обуховои, а теперешней Паевской, высланых через комисею его милости князя Костентина Костентиновича Острозского, маршалка Волынское земли, старосты во-

лодимерского, а з руки отца Васияна спаского володимерского, которые были с порученя пана Михайла Тихновича Козинского, подстаростего волоцимерского, пан Богуш Пузовский а пан Юско Федорович Обынизкий, а на местце пана Шолухи Яковицкого пан Лаврин Иваницкий, которые выежъчали на рок завитый, который рок собе приняли были оби стороне передъ его милостю княжатом, яко отецъ спаский за позванемъ своимъ с панею Обуховою о кгрунт земли, порубаня плоту кгвалтовне, на котором листе жалоба спаского и отпор панее Обуховое, которымся обычаемъ тая реч промежку их точила, ширей а достаточней описано естъ, и тот кгрунт промежку ихъ вгодливым обычаем поделили: которое лежит от болота через дорогу долиною и межи от копца, который закопан на болоте, просто долиною и дубинци межею, а межи поля и дубинки к дорозе, которая идет от Янова к Хотечеву—то мает держати спаский; а по другой стороне долины от границы Хотечовское к Вощатину—тое поле мает пани Обуховая держати. И поведил пан Оранский, иж дей того кгрунту, который тые панове первопомененые и в томъ листе описаные продку моему игумену спаскому Васьяну отделили, тотъ предок мой и я от часу немалого супокойномъ держаню и вживаню был. К тому положил вызнане возного Ивана Летинского на писме под печатю его огледаня того кгрунту, который дей в него Войтех Паевский и жона его Овдотя и Тимофей Обухович Вощатинский кгвалтовне отняли, и з спокойного держаня его с того кгрунту выбили, плуги согнали, врадника и подданыхъ его позбивали и поранили, такъ тежъ огледаня позбиваня и пораненя врадника и подданых его, як же и того врадника своего Яна Олшовского и подданых своих Дешка, Савку, Владычку, Лучку перед нами становил, а Волоса, Полумужа и Мартина—тых трох не поставил, которых поведил быт форыми: я дей и тых хоч завтра, або позавтрию поставлю. И просил нас пан Павел Оранский, абыхмо его в томъ водле обычаю права посполитого и ста-

туту земъского захowали. Мы, не чинечи того такъ сквапливе, ведле права трикрот и над право четвертый крот Тимофия а Ивана Обуховичов Вощатинскихъ пытали: если бы они сами за себе и за сябров и братю свою пану Оранскому у в отказе быти хотели? Они пред ся у в отказе быти не хотели и не отказывали. Пан Оранский якъ и перво, так и повторе, того просил, абы ведле права и статуту в том был захован. Мы, заховываючи его в том ведле обычаю права посполитого и статуту земского и ведлуг того листу оных первопомененых панов, которые промежку продка пана Оранского игумена спаского Васяна а панее Овдоти Вощатинское Обуховое тотъ кгрунт поделили и меновите, покол кому зостало, в листе своемъ описали, а тежъ вызнанъя возного на писме ему с печатю его огледаня того кгрунту, который дей в пана Оранского Войтехъ Паевский и жона его Овдотя, и Тимофей Обухович Вощатинский кгвалтовне отняли, и з спокойного держаня его с того кгрунту выбили, плуги согнали, врадника и подданыхъ его позбивали и поранили, такъ теж и огледаня позбиваня и пораненя того врадника и подданыхъ его даного,— тот кгрунт, о который пан Оранский позывал за ся, в держане ему есмо всказали. А за кгвалтъ посполитый на пану Паевскому и жоне его Овдоти, и Тимофию Обуховичу Вощатинскомъ, которых в томъ пан Оранский ожаловал, двадцат коп грошей всказали есмо; а што ся дотычет збитя и зраненя врадника и подданых пана Оранского, тым есмо на бои и раны присягу всказали, и рок присязе третий ден зложили; который рок в четвергъ кгды припал, панъ Павел Оранский того врадника своего Яна Олшовского и теж тых всих подданыхъ своихъ Дешка, Савку, Полумужа, Владычку, Волоса, Мартина, Лучку на врде становил и пилност того дня через увесъ ден чинил, который врядникъ и подданые его поведили ся быти готовы ку присязе; а пан Тимофей Обухович Вощатинский самъ не был и никого от себе не присылал и их ку присязе не вел. Мы и без присяги их кождому з них

зособна навезку, то естъ враднику пана Павловому Яну Олшовскому, который ся менилъ быт шляхтичомъ, двадцат коп грошей, а подданымъ его Дешку, Савце, Полумужу, Владычъце, Волосу, Мартину, Лучце по сту грошей, то естъ того всего сумою петъдесятъ копъ грошей литовскихъ копа и сорокъ грошей на Паевскомъ и жоне его Овдоти, и Тимофею Обуховичу Вощатинскому всказали, всказуем, и рок заплате от сего дня за шест недел зложили и складаем. Што для памети в книги замковые есмо записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 966, л. 261 об., № ак. 249.

CV.

1570 г. окт. 28. Иванъ Мих. Гулевичъ продаетъ часть общаго имущества—подворья въ замкѣ окольномъ Луцкомъ Василію Федоровичу Гулевичу съ правомъ поданья церкви св. Димитрія, выстроенной на томъже подворьѣ предкомъ продавца.

Я Иван Михайлович Гулевич чиню явно и сознаваю тым моимъ листом кождому, кому того потреба будет вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнего веку людемъ и напотом будучимъ завсегды, иж што которое подворе наше отчизное и дѣдизное в замку Луцкомъ околномъ от давных вѣков всего дому Гулевичового было, на котором продокъ нашъ Дмитрей Гулевич во имя свое церковъ мурованую збудовал и надалъ, которое было на части межи нами розделило и розошло, топак еще отецъ пана Василевъ, а дядко мой, пан Хведор Гулевич в нѣкоторых сябров наших в том подвори часток набыл а в некоторых теж самъ пан Василей Гулевич, брат мой, покупил и набыл, и вже праве оден я толко всю частку свою отчизную самъ в томъ подвори держал, бом был от брата своего рожоного пана Гаврила частки его набыл, и болшей петинадцати летъ в спокойномъ держани и уживани того подворя своего был, которое теж было вже все опало, и праве все будоване згнило и жадного пожитку

не чинило, а будовати знову для узкости пляцу ми ся не хотело, а звлаща иж есми потребовал сумы пенезей, с тое причины, будучи я волным шляхтичом, ведле уфалы сойму Берестейского, своим шафовати, продал есми на вечност тое все подворе свое в замъку околномъ Луцком, што одно мелъ отецъ мой небожчикъ в розделку от брата своего пана Хведора Гулевича и от стрыев своих пана з Броха Воютинского и пана Мицка Дрозденского, брату своему стрыечне рожоному пану Василю Хведоровичу Гулевича, войскому володимерскому, и с поданемъ церкви святого Дмитрея, которая ест на том подвори нашомъ в замку Луцкомъ, за пятдесят копъ грошей литовское личбы, личачи по десети пенезей бѣлых в грошъ а по шестидесят грошей у копу. Волен пан Василей Гулевич, войский володимерский, брат мой милый, жона, дѣти и потомки его милости тое все подворе мое вышей реченое и с поданемъ тое церкви святого Дмитрея держати, уживати, будовати, росширяти, продати, отдати, даровати, яко хотячи ку своему лепшому а пожиточнейшому оборочати, яко сами похочуть; а я сам, жона, дѣти, так теж и брат мой милый рожоный пан Гаврило, который ми теж в томъ подвори также частку свою продал, пану Василю брату моему, жонѣ, дѣтем и потомкомъ его милости жадное переказы а ни вступу в тое подворе наше вже от того часу навеки чинити не маемъ; а иж есми права, которое от брата своего рожоного пана Гаврила на тое подворе маю, пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, не отдал, я сам, жона, дѣти, и потомки мои повинни будемъ пана Василя Гулевича, войского володимерского, жону, дѣти и потомки его милости от пана Гаврила, брата моего, жоны, детей и потомъков его милости заступовати, якобы о тое подворе мое, которое есми его милости продалъ ни в чом не шкодовали на вечные часы. И на то есми пану Василю Гулевичу, войскому володимерскому, брату своему, дал сес мой лист под печатю моею и с подписом властное руки моее. А при том были и того добре свѣдоми их милость панове а приятели наши: его мил. пан Олександро Жоравницкй, и ключник и

городничий луцкий, княз Дмитрей Козѣка, пан Янъ Бокѣй-Печихвостский, пан Иван, пан Юрей, а пан Олехно Семеновичи Окорские; которые их милость за прозбою моею и печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан у Смолѣчови, лета от Нароженя Исус Христова тисеча пятсот семдесятого, месяца октябра, двадцат осмого дня. Иван Гулевич властная рука.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 694 об.

CVI.

1570 г. дек. 26. Ив. Ворискій отказывается принять деньги за выкупъ заставного имѣнія отъ Тихна и Вас. Радовицкихъ на другой день послѣ установленнаго срока.

Лет Божего Нарож. 1570, месяца декабра, двадцат шестого дня. Перед его велможною княжачою милостъю Костентиномъ Костентиновичомъ княжатемъ Острозскимъ, воеводою киевскимъ, маршалкомъ землѣ Волынское, старостою володимерскимъ, будучи его милости на тот час у Володимери, постановившися обличне, возный земъский повету Володимерского Тихно Оранъский до книг кгродских вызнал тыми словы: иж за приданъемъ его милости Тихну а Василю Васильевичом Радовицкимъ яко дня вчорашнего в понедѣлокъ, на ден Божего Нароженъя, Тихно а Василей Радовицкие, будучи готови гроши пану Ивану Ворыстскому отложити за долгъ отца своего и матки, такъ што и сами остали винни на части и сторону свою, на вряд здешный господаръский суму пенезей привозили и при мне возномъ и шляхтою оказовали и светчили, а то хотечи окупити части именъя в Радовичах, абы волные подали его милости пану Станиславу Кграевскому, дворанину его кролевское милости, которому вечностю тое именъе Радовичи продали и записали; нижли пан Иванъ Ворыстский яко самъ не был, такъ и никого отъ себе, пилнуючи, не посылалъ; а такъ яко дня нинешнего у волторокъ Тихно и Василей Радовицкие, доведавшися о пану Ворыстскомъ тут

у Володимери, взявши мене возного а при мъне шляхту людей добрых—пана Себестияна Хоенъского а пана Бартоша Незнавского, тамъ пришедчи до господы в дому Якима Василевича, писара кгродского володимерского, мовили и просили панове Радовицкие пана Ивана Ворыстского, абы гроши свои взялъ, а именъе имъ поступил, што в заставе деръжит; на што пан Ворыстский поведил: ижъ я будучи державцою того именя Радовичъ, не одно вы, пане Тихно и пане Василей в томъ записе описалися, але и братя ваши пан Роман и пан Иванъ Радовицкие с полною рукою описалися есте заразомъ мнѣ вси гроши отдати; а такъ я одныхъ грошей без других брати не повинен. Тамъ же заразомъ слуга пана Станислава Кграевского Войтех Бзовский, именемъ пана своего пану Ворыстскому поведилъ: иж дей пан мой, будучи вже дедичомъ именъя того в Радовичахъ от Тихна и Василя Радовицкихъ и от сестръ ихъ Галены Радовицкого Рыкалское и Ганны Радовицкое, которымъ всю выправу веновную вчинилъ с четвертое части именя Радович, и маючи право спущоное от панее Марины Василевое Радовицкое матки их на третей части вена ея в Радовичах, и будучи вже в посесеи и увязаню вечного держанъя тых частей именя Радовичъ, ест готов вашей милости, пане Ворыстский, вси грoши долгу пана Романа и пана Ивана Радовицких, при отложенъю сумы отъ Тихна и Василя Родовицких, положити и заплатити. Панъ Ворыстский поведил: иж мне гроши мели быт отданы яко на вчорашний ден Божего нароженъя, а тут пана Романа и пана Ивана Радовицких не вижу, а иж ми гроши по выиштъю дня и року вчорашнего хочете откладати, того я вчинити не готов. Што Бзовский именемъ пана своего, мною вознымъ и тою шляхтою светчил и пану Ворыстскому то мовил: если дей панъ мой на томъ шкодовати будет, тогды ни на комъ иномъ, одно на тобе, пане Ворыстский, тых всих шкод и омешканъя доходити будет. И просил княжати его милости пан Станислав Кграевский, абы его милост рачил роскaзати тое

вызнанъе возного в книги кгродские володимерские записати, што его милост вчинити, а тое вызнане возного в книги кгродские володимерские записати росказати рачил.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 966, л. 390, № ак. 349.

CVII.

1570 г. августа 12. Сознаніе вознаго Луцкаго повѣта о вводѣ во владѣніе князя Владислава Збаражскаго имѣніями, заставленными ему на 6 лѣтъ княземъ Андреемъ Петровичемъ Масальскимъ и женою его Ганною Богдановною Путятиною. Составъ имѣній (дворъ Ботинъ, с. Суско, с. Бодачевъ, с. Сачевичи, с. Петрашевичи, с. Олишковичи, с. Смординъ и Чолинцы) перечисляется по дворищамъ и дымамъ съ именами крестьянъ.

Лѣта Божого нароженя 1571, месяца генвара, 12 дня. На рокох земских судовых, от дня Трех Кролей, свята руского, в году нинешнемъ семдесят первом, ведле ста(туту), припалых и порядком судовне справованых, перед нами Гаврилом Бокѣемъ, судею а Остафъем, Соколским, подсудком, врядниками земскими судовыми повѣту Луцкого, его милость князь Владислав Збаражскій переносил до книг справ наших судовых земских выпис с книг кгродских луцких сознаня возного повѣтового Дахна Юнковича Гулялницкого, яко князя Владислава от князя Андрея Масалского во имѣня, от его ему в двух тисячах копах грошей на шест лет заставленые, увязовал и ему их в моц и в держане, зо всим, ведле листу князя Масалского, подал, о чом ширей и меновите на том выписе кгродском описано ест; который был перед нами покладан и читан, и так ся в собе маеть: Выпис с книг кгродских замку господарьского Луцкого. Лета Божо(го) нароженя тисяча пятсот семдесятого, месяца августа, второгонадцать дня, ставши очевисто в замку господарьском Луцкомъ передо мною Иваномъ Хребтовичомъ Богуринским, подстаростим луцким, возный повѣту Луцкого Дахно Юнкович Гулялницкий оповедал и до книг кгродских тыми словы сознал: иж дей будучи мнѣ з уряду приданым на справы его милости князю

Владиславу Збаражскому Андреевичу, державцы ботоцкому, для увязованя в тые именя, которые его милость князь Андрей Петрович Масалский, восполек з малжонкою своею кнегинею Ганною Богдановною Путятиною, в суме пенезей в двох тисячех копах грошей на шест год его милости князю Владиславу Збаражскому завел, заставил,—якож тых часов недавно минулых, месяца августа, осмого дня, волторок, маючи я при собе шляхту людей добрых, тоест его милости пана Валентого Вскринского, пана Крыштофа Дудинского, и пана Петра Дудинского, в тые есми именя, ведлугъ листу заставного, за доброволным позволенемъ а очевистымъ вызнанемъ на вряде господаръскомъ в замку Луцкомъ его милости князя Андрея Масалского и малжонки его милости кнегини Ганны Путятинны, тоест во имене и в двор Ботинский, в село Суско, в село Бодачов, село Сачевичи, в село Петрашевичи, село Олишковичи, а в село Смордин, и теж у Чолницы у в одно дворищо, его милости князя Владислава Андреевича Збаражского увезал, в моц и в держане его милости подал и поступил: тоест: село Ботин з дворомъ, з будованемъ, в которомъ дворе светлиц дви старых, два зрубы новые недорубленые на светлицу, на пекарню, к тому пикарня старая непокрытая, две клети, клуня, стайня, кухня плетеная лозою, а обора на быдло; а в том селе Ботине дворищъ пят, дымов десят оселых: напервей Миско дым, Грицина дым, Кунах дым, Павлюк дым, Яцко дым, Мартин, Григор дым, Кунец дым, Тимош дым, Иван дым, и огородников чотыри: Ярошъ, Нардица, Лукян, ... Село Суское: в том селе дворищъ десят, а дымов тридцать, тоест: Бабей дым, Васко з Михном дым, Андрей а Яцко дым, Мошко дым, Нецко с Томилом дым, Андрей Гацкович дым, Яцко зъ Еском дым, Сенко с Калеником и з Ыванцом дым, Семак старец з Грицкомъ Бабарынцом дым, Еско дым, Иван дым, Гацкович дым, Мацко с Костюком дым, Яцко з Миколаем дым, Грицко з Олешкомъ дым и з Дмитромъ, Яцко Лумевич з Радком дым, Иван Голузсевич дым, Грицко Байковичъ з Демидом дым, Юхно дым, Сенко з Олешкомъ

дым, Олифер с Петрушом дым, Иванец Бабыричинъ з Степанцом дым, Кузма дым, Васко з Гринцом Бабиковичом дым, Остапко дым, Олешко дым, Иван Шумович дым, Васко дым, Андрей дым, Исай дым, Федец з Давидом дым, Венек дым.—Село Бодачовъ: в том селе дворищъ сем, осмое пусто, а дымов девят: Грин, Микита зъ Яцкомъ дым, Манко з Андрушкомъ дым, Марко дым, Сенко дым, Харитон зъ дъяком дым, Дмитро дым, Гордей дым, Максим дым, Мелех мелник дым.—Село Носачевичи: в том селе два дворища, а дымов шест: Федина с Хилимоном дым, Яцко боярин дым, Антон з Ыванцом дым, Еско дым, Иванец Федкович дым, Сенко дым.—Село Петращевичи: в том селе одно дворище, дымов пят: Гриц а Харко дым, Савка дым, Ситко дым, Яско дым, Хома дым.—Село Смердин, в котором дворищъ чотыри, а дымов осмъ: Хома с Хведком дым, Михно дым, Остапко з Матфеем дым, Гринец зъ Андреем дым, Абраш дым, Данило з Остапком дым, Антон дым, Яцко дым; ку тому селу сеножати, которые сут над рекою Стыром, и подлегли под место Соколе. При том двор в замку Луцкомъ, в котором дворе изба, сени, а комора. А ку тому в Чолницы одно дворищо зо всимъ на все, зъ землею, с пашнею, з боры, з лесы, з озеры, з ловы звериными и пташими, яко ся тое дворищо в границах, обыходех своих само в собе мает; на котором дворище човловек на имя Иван Сущъ; тое менованое дворищо его милость князь Андрей Масалский з малжонкою своею кнегинею Ганною Путятинною его милости князю Владиславу Андреевичу Збаражскому передо мною возным и перед шляхтою вышей менованою пустил в моц и в держане его милости подали с тых причин, иж его милость князь Андрей Масалский з малжонкою своею, водле листу своего заставного, с тых вышей менованых именей своих двадцати и пяти человѣков его милости князю Владиславу Збаражскому был не додал, и водлуг того листу его милости заставного людей, як в оном листе описано, сполна не вышло; и того вышей менованого дворища в том листе его милости князя Андрея Масалского и малжонки его милости заставном не описано;

але нагорожаючи за то его милости, князь Андрей Масалский з малжонкою своею, тое дворищо к тымже именям вышей менованым привернувши, в той же суме менованой в двох тисячах копах грошей на шест год его милости князю Владиславу поступил в моц и в держане его милости подал. А кгды рокъ в листе заставномъ описаный, тоест шест год, выйдет, повинен будет его милость князь Андрей Масалский з малжонкою своею оное дворищо с тыми вышей описаными именями своими въ его милости князя Владислава Збаразскаго выкупити. И просил его милость князь Владислав Збараз ский, абы то было записано. А так я тое очевистое сознане возного до книг кгродских записати казал, и выпис с книг под печатю моею его милости князю Влодиславу Андреевичу Збаражскому, державцы ботоцкому, на то ест дан. Писан в Луцку, Федор Ивановичъ Русин. А так мы тот выпис с книг кгродских луцких, заховываючися ведле статуту, до книг справ своих судовых земских луцких принявши, и вес с початку аж до конца слово у слово до книг справ земских обычаем перенесеня записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 520 об., № ак. 37.

CVIII.

1571 г. янв. 19. Мѣновая запись Загоровскихъ (отца—Петра Богдановича и сыновей его Ивана, Федора, Михаила, Андрея и Александра) на имѣніе ихъ Подлозцы, промѣненное на имѣніе кн. Богуша Федоровича Корецкаго—Порско [1]).

Загоровскіе, получивши довольно значительный денежный придатокъ (1300 копъ) при мѣнѣ, даютъ односторонній актъ, какъ при продажѣ, и выражаются: „на вечность продали“.

Я Петръ Богданович Загоровский, маршалок его кролевское милости, и мы вси сынове его милости—лет дорослые:

---

[1]) Актъ приводится въ сокращеніи, съ опущеніемъ однообразныхъ повторяющихся формулъ.

Иван а Федор, так тежъ и меншая братя наши, которые еще лет не мают: Михайло, Андрей а Олександро Петровичы Загоровские вызнаваем и явно чиним сами на себе сим листом нашим, кому бы того потреба была ведати, або чтучи слышати, нинешним и напотом будучым, што которое имене, над рекою Стыром в повете Луцкомъ лежачое, на имя Подлозцы его милость князь Роман Федорович Санкгушко, воевода браславский, гетман дворный, староста житомирский, державца речицкий, по доброй воли своей сестре своее а малжонце моее Петра Загоровского и панеи матце нашой небожчице пане Федоре Федоровне дал и на вечност даровал, и то листом своимъ под печатю своею и с подписом руки своее и теж под печатми людей зацных, тое имене Подлозцы, от его милости князя Романа малжонце моее пана Загоровского и панеи матуние нашой, а сестре его милости вечне дарованое, по животе ее на мене Петра Загоровского и на нас сынов их милости вышей мененых, яко на властных дедичов, правом прирожоным пришло и спало; а так мы, намыслившися и намовившися в том з собою, и розумеючи з лепшим пожитком нашим, тое имене Подлозцы променили есмо его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, и браславскому, и веницкому, на третюю част именя Порского, в том же повете Луцкомъ лежачого, которое его милость у пана Григоря Чаплича, швакгра своего, за триста коп грошей на вечност был купил; и еще ку той части именя Порского на тое имене Подлозцы придал намъ его милость княз Корецкий готовую суму пенезей тринадцат сот коп грошей личбы литовское, личачи по десяти пенезей белых у грош; якож есмо учинивши таковую замену вечистую и вземши сполна до рук нашихъ тую суму пенезей тринадъцат сот копъ грошей литовское личбы, так теж и тую третюю част именя Порского от его милости князя Богуша Корецкого, заразом есмо тое имене Подлозцы его милости князю Богушу Корецкому в держане на вечност продали (sic), тоест двор з будованемъ, с пляцомъ, з садомъ, з гумном, з ого(ро)ды овощовыми, с пашнею дворною, з сеножатми, с полями паш-

ными, и с проробками, з гаи, с форощами, з дубровами, зарослями, з ставы, з млынами, з вымелками, з гоны бобровыми, з ловы звериннными, рыбными, пташими, и к тому з бояры, з слугами путными, з людми тяглыми, з огородниками, отчизными и прихожими, и з их землями пашными и яловыми, платы пенежъными, з даню грошовою, медовою и куничною, з дякълом житным и овсяным, зо всими службами и повинностями, и зо всим на все, якося тое имене Подлозцы здавна в межах, в границах и в широкости кгрунту само в собе мело и тепер мает, ничого на собе, и потомство и щадков наших не зоставуючы и ни в чомъ не выймуючи, вечными и навеки непорушными часы . . . . Якож есмо листы и все право, на тое имене Подлозцы належачие, при собе зоставили для тое причины, жебыхмо его мил. князя старосту луцкого самого, малжонку, дети и потомки его мил. от кождого таковогo, хтобы о тое имене Подлозцы позывати, або и под его мл. хто поискивати мел, подле сего опису нашого в кождого права заступовати и тыми листы в суду отпирати и тое имене очищати мели; а еслибыхмо за обосланемъ тое стор(он)ы держачое, которая от когож колвек о тое имене Подлозцы до права позвана будет, на рок назначоный у праве не стали и того, хто имене Подлозцы держати будеть, у права заступовати и того именя очищати не хотели, або и ставшы у права, того именя Подлозец не очистили, и за яким же колвек правомъ тое имене з рук и держаня его мил. князя Корецкого самого, малжонки, детей и потомков его милости кому иному было отсужоно, а мы бых ли того сами и потомъкы наши уборонити и очистити не могли, тогды скоро по тым праве того часу маемы сами, жоны, дети и потомки наши тую третюю част именя Порского, яко власност его мил. князя Корецкого, вернути, так теж и тую суму пенезей тринадцать сотъ копъ грошей, которую есмо у его милости в придатъку взяли, сполна взяти и заплатити и вси шкоды и наклады, которые колвекъ сторона ображоная и о тое имене Подлозцы позваная на жалобе и на реистре менити будеть, безъ кождого права и присяги,

одно на речене слова, заплатити и досыт учинити маем и повинни будем . . . . И на то я Петръ Богданович Загоровский и мы сынове его мил. Иван а Хведоръ Петровичы Загоровские дали его мил. князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и веницкому, сес нашъ лист под нашими печатми и с подъписанемъ власных рукъ наших. А при том были и того добре сведоми их милость панове а приятели наши: его мил. велебный в Бозе князь Викторин Веръбицкий, з ласки Божое бискуп луцкий и берестейский, панъ Михайло Ело-Малинский, маршалокъ его кролевское милости, пан Иван Чаплич—Шпановский, войский земли Волынское луцкий, а панъ Александро Маркович Жоравницкий, ключник и городничий луцкий; которых есмо просили о приложене печатей; их милость на прозбу нашу вчинили и печати свои к сему листу нашому приложити рачили. Писан у Луцку, лета Божого Нароженя тисяча пятсот семдесят первого, месяца генвара, девятогонадцат дня. Петръ Загоровский руку свою подписал. Иван Загоровский рукою власною. Федор Петрович Загоровский влосною рукою.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 559, № ак. 60.

CIX.

1571 г., февр. 23. Донесеніе вознаго о вводѣ во владѣніе Зигмунта Вольскаго, назначеннаго королемъ для пріема всѣхъ имѣній князей Острожскихъ, подаренныхъ Альб. Ласскимъ королю.

Лѣта Божого Нароженя тисяча петсот семдесят первого, мѣсяца февраля, 23 дня. Пришодши перед мене Богуша Федоровича Корецкого, старосты Луцъкого, бряславского и веницкого, возный повету Луцкого шляхетный Федор Броницкий, на справы его кролевъское милости до въсих заммков, мѣстъ и двор, именей и сел его кролевское милости князьства Острозского, в земли Волынской, в повете Луцкомъ належачих, за листомъ и росказанемъ его кролевское милости от мене его милости велможъному пану Зикгмунтови Волскому, кашталянови чирскому, старосте варшавскому, справъцы въсих замков его кролевское милости князьства Острозского и врядником его милости уставичным, возный приданый и на то установленый, обличне, очевисте а устне тыми словы сознал: ижъ што его милост пан Олбърыхтъ Лаский, воевода сирядский, дал, даровал и записал его кролевъское милости замок свой Острозский з местом и всими своими и церковными селы, и теж боярскими, к нему належачими, также и иные вси замки, места, дворы и села свои и боярскии, к ним прислухаючими, въ земли Волынъской лежачие, ино дей его мил. пан Зикгмунт Волский, кашталян чирский, а при его милости писар его кролевъское милости пан Базилиус Древинский, а пан Станислав Милошевъский, ловчий белзъский, секретаръ короля его милости, державца селецкий, а пан Якубъ Кресинъский, секретар короля его милости, маючи его возного при собе, за листы его кролевъское милости и тежъ его милости пана воеводы сирадъского, державец, наместниковъ и арендаровъ его милости пана воеводы сирадзъского о поступенъе кролеви его милости тых замъковъ, и мест, и дворовъ, именей и селъ, к ним належа

чих, писаными, во въси тые именъя, в земли Волынской, в повете Луцкомъ лежачие, напервей в замокъ и место Острогъ, во въси фолварки, дворы и села замъковые и боярские, и тежъ монастыри и церкви, и села к ним належачее, того прошлого мѣсяца октъебра, двадцат третего дня, року семъдесятого; в Сатыевъ двор и Жорновно место и села к нему належачие, сего семдесят первого року, мѣсяца генъвара, другого дня; в Ровное замок, место, и села к нему належачие, тогожъ мѣсяца генваря, четвертого дня; в замок и место Березъдовъ и во вси села к нему належачие, сего мѣсяца февраля, шостого дня на его кролевску милость увезали се и въ держане взяли; а державцы и наместники, и аренъдеры, и иныхъ замъковъ, местъ и двор вышей менованыхъ, тоесть острозский пан Анътоней Иловский, сатыевский и березъдовский пан Себестиян Туровский, и ровенский пан Станислав Сковеский, заразомъ ничимся не вымовляючи, але хотъливе и доброволъне, за листы его милости пана воеводы сирадзъского тые замки, места, дворы и села к ним належачие, и теж боярские села з бояры самыми, з монастырями, церкъвами и зо всѣми селы церковными, в держане и справу его милости пану Зикгимонтови Волскому, кашъталяну чирскому, поступили и подали. Просил возный, абы тое оповеданье и сознане его до книг кгродских записано было. Якожъ естъ записано.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2045, л. 38, № ак. 37.

CX.

1571 г., февр. 26. Запись Богданы Семашковны Воловичевой (по 1-му мужу княгини Четвертинской) и мужа ея Григорія Григорьевича Воловича о томъ, что они передаютъ въ пожизненное владѣніе отца Богданы Воловичевой Ивана Чаплича-Шпановскаго и его жены имѣніе Березолупы, которое уже раньше состояло въ пожизненной арендѣ тѣхъже лицъ [1]).

Я Григорей Григоревич Волович, а я Григоревая Воловичовая Богдана Семашковна вызнаваемо то сим нашим листом кождому, кому того потреба будет ведати сес час и напотом завжды, иж я Богдана, змовившися есми первей зъ его милостю князем первшим малжонкомъ (моимъ), небожчиком князем Янушом Матфеевичом Четвертенским, арендовали были есмо имене мое отчизное Березолупы зо всим тым, якося тое имене Березолупы сами в собѣ во всих пожиткох и кгрунтех своих мает, и што бы теж еще в нем ку пожитку за старанем пана отца и матки моей прибавили, все то его милости пану Ивану Чапличу-Шпановскому, войскому земли Волынское луцкому, пану отцу моему милому, и матухне моей милой, ее милости панеи Галене Карповне, за певную суму пенезей до животов их милости обеех, штося меновите а цостаточне на листе нашим аренде описало, который есмо дали их мил. сполною рукою нашою; топак Бог Сотворител князя Януша Четвертенского, малжонка моего милого, от мене Богданы Семашковны с того свѣта ку хвале своей святой взяти рачилъ, а мнѣся зоставши на столцу вдовемъ, маючи кривды и утиснене великое от неприятел моих, и теж особливе в кождых потребах моих власных, дознала есми в недостатку моем ласки досыт не мало от его милости пана Ивана Чаплича-Шпановского, отца моего милого, и пани малжонки его мил., матки моее, пани Галены Карповны, так в обороне кривдъ моих, также и у подпоможеню вшеляких достатков властным накладом и працами их мил., и хотечы его мил. пана отца моего и матку мою вперед на себе ласковыми способити, змовилися есмо

[1]) Актъ приводится съ сокращеніями.

с паном малжонком моим милым, паном Григоремъ Воловичом, сполечною рукою нашою, без жадное аренды, толко по доброй воли нашой, маючи в моцы своей, поступили есмо в моц и в держане, яко влостност свою, подали имене наше Березолупы з кгрунтом земленым, полми, сеножатми, лесы, боры, дубровами, з реками, ставы и ставищами, з слугами путными и людми тяглыми, зъ их службами, роботами и всякими повинностями малыми и великими, яким же колвек имены будут названы, не оставуючы ничого сами на себе, его милости пану Ивану Чапличу-Шпановскому, отцу нашому милому, и малжонце его милости, панеи матухне нашой милой, до животов их мил. обеех и, еслибы чого Боже вховай, на которого зъ их мил. смерти, тогды которое зъ их мил. ся зостанет, и тот до живота своего тое имене нашо Березолупы с тым всим, яко ся вышей поменило, держати и его вживати мает; а вже тых десети коп, водле первшое оранды, на рок давати не будет и не ест повинен. . . . . . Якож тое постановене наше повинни будемо, постановившися перед урядом кгродским луцким, очевисто сознати и до книг кгродских, сознавши, записати и на рокох земских, которые от сего часу напервей сужоны будут в Луцку, до книг земских перенести под тымиж заруками, в сем листе нашом вышей описаными. И на то есмо дали его милости пану Ивану Чапличу Шпановскому, войскому земли Волынское луцкому, отцу нашому милому, и малжонце его мил. Галене Карповне, матухне нашой милой, сес нашъ лист з нашими печатми и с подписанемъ власных рук наших. А при том были и того добре свѣдоми и за прозбою нашою печати свои приложити рачили к сему нашому листу их мил. панове приятели наши: его мил. наш мил. панъ навелебнейший князь Викторин Вербицкий, з ласки Божое бискуп луцкий, панъ Александро Семашко, подкоморей володимерский, панъ Андрей Халецкий, писар земский речицкий, пан Миколай Дубровский, пан Федор Кадянович Чаплич-Шпановский, панъ Фронцъ Крушъ, пан Федор Петрович Чаплич, панъ Андрей Романовский, а панъ Иван Звер. Писан в Милов-

шах, лета Божого Нароженя тисяча пятсот семдесят первого, месяца февраля, двадцат шостого дня. Григорий Волович влосною рукою подписал. Григоревая Воловича Богдана Семашковна влосною рукою подписала.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 588 (самый актъ).

CXI.

1571 г., апр. 25. Заставная запись, данная Василіемъ Гулевичемъ луцкому протопопу Демьяну Стефановичу (попу церкви Дмитровской въ Луцкѣ) на имѣніе Коршовецъ въ 84-хъ копахъ гр. Владѣлецъ не отвѣчаетъ за уменьшеніе цѣнности имѣнія отъ пожара или ухода крестьянъ. Собственникъ отбываетъ за владѣльца военную повинность.

Церковь Дмитровская есть „отчизная", наслѣдственная церковь Гулевичей.

Я Василей Гулевич, войский володимерский, чиню явно и вызнаваю тым моимъ листомъ, иж ку великой а пилной потребе моей взял и позычил есми и руками своими отличил у пана Демъяна Стефановича, попа церкви нашое отчизное Дмитровского, протопопы луцкого, осмъдесят копъ и чотыри копы грошей личбы литовское, личачи по десети пенезей белых в грошъ, а в копу по шестидесят грошей, в которой то менованой суме осмидесят в чотырох копах грошей завел и заставил есми и заразомъ до рукъ в моц и в держане его подалъ и поступил имене мое никому незаведеное а ни пенное, въ повете Луцкомъ, над рекою Полоною, лежачое, называемое Коршовец, з дворомъ, зо всим на все так, яко ся тое имене мое Коршовец само в собе и въ пожиткохъ своих мает, ничого на себе не зоставуючи; где я самъ, жона, дети и потомки мои не маемъ мочи того имення выкуповати до певного часу, тоест до Рожества Хвистова, которое свято мает быти ажъ в року тисяча пятъсотъ семдесят второмъ; а до того часу не маю я сам, жона, дети и

потомки мои въ спокойном деръжанъю, его милости пану протопопе самому, жоне, детемъ и потомъкомъ его жадное переказы чинити, а ни его до того року выкуповати; а естлибых мелъ выкуповати, тогды нигде инде, одно на въряду городовом тутъ в Луцку. А естлибых я сам, жона, дети и потомки мои у его милости самого, або в жоны, детей и потомковъ его того именя Коршовца на тот рокъ припалый выше менованое свято Нарожене Исусъ Хрыстово в году семъдесятъ втором, туть в замку Луцкомъ, перед врядомъ, грошей не отдавши, не выкупилъ, тогды як я самъ, так жона, дети и потомкове мои в него самого, жоны, детей и потомковъ его того именя вышей менованого Коршовца выкуповати жадное моцы мети не маю и не будут мочи, ажъ потомъ, зась в рок тогож свята в году семъдесят третемъ, а потомъ рокъ за рокомъ идучи; а межи роками того именя выкуповати не маю. Естлибы тежъ хто за держаня того именя моего Коршовца пану протопопе самому, жоне, дѣтем и потомъкомъ его якую переказу в держанью его чинил, або ся в кгрунт уступовал и о то ку праву позывати мелъ, тогды мне его мил. маеть о томъ дать знать; я самъ, жона, дети, потомъкове мои маю и повинни будемъ пана протопопу в каждого права своимъ коштом и накладомъ заступовати и боронити. Такъ тежъ естлибы за держаня его самого и потомковъ его служба господарьская военная и земъская припала, тогды я маю также самъ, водле обычаю, выбравши выред на людех, заступовати. А естли бы теж, чого Боже вховай, в томъ именю, або в дворцы Коршовском якая шкода через огон, такъ и в розыштью людей сталася, тогды я того з жоною, з детми и с потомъками своими на немъ самомъ, жоне, детех и потомъкох его жадного права доходити и поискивати не маю. Мает теж пан протопопа самъ и потомъки его за держанья их того именя Коршовца вси пожитки яко з людей, такъ з кгрунту на себе брати и их ку пожитку своему оборочати, пашни дворные орати, и сеножати косити, и рыбы ловити, кгдыж я на себе, жону, дети, жадного пожитку в томъ именю моемъ Коршовцы не зоста-

вуючи, его милости пану Демьяну, протопопе луцкому, зо всим заставил. А на то есми дал сесь мой вызнаный листъ з моею печатю и с подписомъ властное руки своее. А при томъ были и того добре сведоми: его мил. велможный пан Михаило Еловичъ-Малинский, маршалок его кролевское милости, а пан Семен Хребтович—Бугуринский, писар кгродский луцкий, а панъ Казимер Ледницкий; которые их милость за прозбою моею и печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писан в Луцку, лет. Божего Нароженя 1571, месяца априля, 25 дня. Я Василей Гулевич якомъ взял на вряде суму пенезей, так тежъ маю их положит на врядежъ тут в Луцку, коли тот часъ будетъ, рука властная.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 118, № ак. 130.

CXII.

1571 г., мая 1. Запись Николая Павловича Сопѣги и жены его Анны Сангушковой-Кошерской служебнику ихъ Лукашу Клементьевичу Котельницкому на владѣніе имѣніемъ въ части с. Лемешова, обезпеченное уплатою 100 копъ гр.; владѣлецъ, если не желаетъ служить собственнику, можетъ потребовать уплаты; а въ случаѣ неуплаты—передать свои права владѣнія кому-угодно, какъ заставу.

Служебное владѣніе подъ формою заставы.

Я Миколай Павлович Сопѣга, маршалокъ его кролевское милости, а я Ганна Андрѣевъна Санкгушковна-Кошеръская Миколаевая Сопежиная, маршалковая его кролевской милости, чинимо вѣдомо и вызнаваем сами на себе сим нашим листом, кому будет потреба того вѣдати, албо чтучи его слышати, нине и на потомные пришлые часы завжды будучие, иж дознавши есмо служебника своего Лукаша Климентеевича Котелницкого в службах наших ку собе склонного и зычливого у во всих пристойных потребах наших, намъ належачихъ, теды за тые почтивые службы его дали есмо ему самому,

жоне, детемъ и потомком его именя своего влостивого и никому ничимъ непенного часть села, в повѣте Луцкомъ лежачого, на имя въ селе Лемешеве, которое имене ку замку нашому Миркову прислухаеть, тоесть часть земли; на которой части дали есмо ему дворищъ пят з людми оселыми отчизными, тоесть люди меновите: Пашка Палитыра и з сыном его Федкомъ, Юска и з детми его, Мацка Кокореку и з сыном его Пилипом и иншими детми, Лаврѣна Литвина и з сынми его, и з их дворищами, и всѣми повинностями, роботами, платы грошовыми и овсяными, и всякими подачками малыми и великими, якими бы колвек имены названы мели быти, не зоставуючи и не умуючи з них ничого на себе, на дети и потомки наши, з их всѣми маетностями, з кгрунты, дворищами, полми ореными, которые поля ланами называют, подворищными, и скопными, и померками сенными на болоте, на которых сена косять; а пятое дворище на его властное мешкане, до которого дворища остров земли, зовемы Корначевщина, над гостинцемъ Луцкимъ, а на другомъ местцы островъ земли, зовемый Кутьсемъинский, и з запустомъ и сеножатю, перег (sic), и болото, и померки два на другом местьци на болоте, а на третем местцы поле померки два, на ширу сажон сорок от села до граници, у должы в том поли от подбережя; на которой жо части именя тых всѣхъ пяти дворищъ з людми и на тых землях, ку их дворищомъ належачих, даемъ и даруемъ и симъ нашимъ листомъ записуемъ ему самому, жоне, детемъ и потомъкомъ его суму пенезей, тоест сто копъ грошей литовских, личачи по десети пенезей белых в грош; в которой жо той выше мененой суме, от нас имъ дано, маеть он самъ, жона, дети и потомъки его тую часть именья держати и вживати, на вси пожитки свои оборочати, водле воли своеи, ажъ по тые часы, поколся ему самому, жоне, детемъ и потомъкомъ его от нас самыхъ, детей и потомъковъ нашихъ тая сума выше мененая заплачона будеть; а не отдавши ему тое сумы пенезей, мы сами, дети и потомъки наши, альбо и тот, кому бы иному тое именье якимъ колвекъ обычаемъ в руки увойти бы мело, теды отыймовати не маемъ, и не мають,

и мочи не будем, и не будут; а в деръжаньюономъ того именья якъ мы сами, дети и потомки, слуги и врядники наши, и нихто колвекъ будучи, переказы и затрудненя и никоторого вступованья, выймуючи з моци, и з владности, и спокойного держанья тых людей и их дворищъ всихъ и кгрунтов, выше мененыхъ, мочи мети не мають. А што ся дотычеть, иж он от нас маючи част именья и на ней суму пенезей описаную, а нам служит; а кгды бы ся ему в нас служъба не подобала, тогды нам самым, албо детем и потомкомъ нашим то ознаймити мает, и сумы своее ся в нас упоменути маеть, которую повинни будем мы сами, дѣти, и потомки, и хтобы колвекъ тое имене по нас до рукъ своих одержал, не чинечи жадных вымовъ, оддати ему самому, жоне, детемъ и потомъкомъ его; а естъли бых мо на тот час тое сумы отдати не мели, тогъды вжо волно ему будеть, жоне, детемъ и потомкомъ его, кому хотечи тую часть именья в той жо суме вышей мененой у сту копах грошей заставити, и взявши ее, кому хотечи служити; а штося дотычеть домовства, пашни, на полях засеяной и в гумнѣ зложоное, и будованя у дворе его, яким колъвекъ именем названо будеть, волно ему будеть то продати, и побрати, и отдати, и где хотечи обернути, яко власть свою; а мы сами, дети и потомки наши, слуги и врядники, и тот, кому бых мо з нѣяких припадков тое имене з рукъ своих пустили, якъ сумы пеняжное, вышей мененое, так пашни и будованя, ему самому, жоне, детем и потомком его забороняти жадными причинами не маем и не мают, и въ сем ся к нему самому, жоне, детем и потомком его спокойне, ведле сего листу и опису нашого, заховати маемъ и мают, ничим его не нарушаючи. И на то есмо ему самому, жоне, детемъ и потомкомъ его дали сес нашъ лист з нашими печатми и с подписми рук нашихъ; а того будучи добре сведоми, их милость панове а приятели наши: его милость панъ Гаврило Василевич Бокий-Печифостский, судя земский повету Луцкого, панъ Миколай Харлинъский, пан Янъ Федорович Бокий—Печифостский,—которые их милость за

прозбами нашими и печати свои к сему нашому листу приложили. Писан у в Олбязи, под леты Божего Нароженья тисеча пятсотъ семъдесят первого, месяца мая, перъвого дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 130, № ак. 154.

CXIII.

1571 г., мая 15. Заявленіе княгини Ганны Кузминичны Чорторыйской (урожд. Жеславской) и сына ея князя Ивана Ивановича Чорторыйскаго о томъ, что всѣ тяжбы объ имѣніяхъ брата княгини Ганны—князя Богдана Боровскаго: Боровой и Яровой, съ княземъ Богушемъ Өедоровичемъ Корецкимъ, покончены приговоромъ третейскихъ судей: имѣнія и документы переданы князю Корецкому, а княгиня Чорторыйская получила 500 копъ гр. по завѣщанію брата.

Я Ивановая Чорторыская Кузмянна Жеславского, воспол и зъ сыном моим Иваном Ивановичомъ Чорторыским, ознаймуем и явно чиним сим нашим листомъ, ижъ которое заисте в припозываню мели есмо зъ его милостью княземъ Богушомъ Корецким, старостою луцкимъ, браславскимъ и веницкимъ, о имене князя Богдана Боровского, брата моего, Боровои и Яровои, такъ и о пятсотъ копъ грошей литовских, которую суму пенезей на тых именях своих князь Богдан Боровский остатънею волею своею на тестаменте, яко винного долгу князю малжонку моему, есть описал, такеж и о иные шкоды и наклады свои, о тое все его милости припозываючи,—а иж за сполнымъ зволенемъ нашим обобравши каждый собе стороны своее приятелмы з руки, своее, его милости пана Михаила Ела-Малинского, маршалка его кролевское милости, а пана Ярохвея Василевича Гостского, а его милость князь Корецкий, з руки своее, князя Остафья Соколского, подсудка земъского луцкого, а пана Ивана Кирдѣя Мылского и пана Ивана Городисского, рокъ есмо межи себе принявши, по велицедни в чотырох неделях, мая тре-

тегонадцат дня, в неделю, и местце ку зъеханю в Бронникох зложили, на который рокъ и местъце зезволеное, и от нас их милость панове а приятели наши будучи засажоны, и подлуг поданя з обусторон в моц и кумпромис до вынайденя справедливости речи, з розсудку их милости, на въсемъ перестат; якожъ их милость справы и листов наших, такъ и тостамент князя Богдана Боровского, и лист на сто и двадцатъ коп винного долгу описаного, и иные листы на именя князя Богдана Боровского належачии презревши (sic), и с повести его милости князя Корецкого порозумевъши, же его милость правне и врядовне за листы и дворениномъ господаръским увязчим, на то собе приданым, ведле близкости тых имен, в Боровую и Яровую есть уехал; водлуг которого припозываня моего, от всих шкод и накладов моих волного их милости от нас его милости князя Корецкого от того всего ёсть вчинили; нижли тестамент князя Богдана Боровскаго, брата моего, и тот лист на долгъ на сто и двадцат копъ при моци заставивши, нам их милость оную пятьсот копъ грошей, водле тестаменту, на его милости князю Корецкомъ въсказали платити; которая сума пенезей пятсот коп грошей, водле декрету и вынайденя их милости приятелского, от его милости князя Корецкого вже нас дошла, и досыт ся нам от его милости стало; которое застановене и тое сумы пенезей пятисот копъ грошей от его милости князя Корецкого намъ досыт в заплате учинене на въряде замку господаръского Луцкого кгродском сознали и оповедалисмо, и до книгъ кгродскихъ записали; которого сознанъя и оповеданя нашого выпис с книг под печатю урядовою его милости князю Корецкому есмо дали; и вся тая справа наша, яко позвы, выписы, тестаментъ князя Богдана Боровского на пятсот коп грошей, так и лист записный на сто и двадцат копъ, и иные листы, на именя князя Богдана Боровского належачии, которые в нас были, вси через руки их милости пановъ а приятелъ наших его милости князю Корецкому есть отданы, и ни одного листу на тыи имена Боровую и Яровую в себе есмо не зоставили; а зъ розсудку ихъ милости на том въсем

есмо перестали, и тое речи мы сами и потомки наши, яко на его милости князю Корецкомъ самомъ, такъ и малжонце его милости и на детех его милости ничого таковъского зновлять правным и неправнымъ обычаемъ коло тых имен Боравои и Яровои, такжъ и о тот долгъ пятсотъ копъ грошей, ничим доходит не маемо и не будем мочи, але о то въже вечне молчат. И на то есмо дали его милости князю Богушу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и веницкому, сес нашъ листъ под нашими печатми и с подписю власное руки сына моего Ивана, такеж и их милость панове а приятели наши з обуполныи: его милость пан Михайло Ело-Малинский, маршалокъ его кролевское милости, пан Ерофей Василевич Гостский, князь Остафей Соколский, подсудок луцкий, панъ Иван Кирдей-Мылский, а пан Иван Городиский, за прозъбою и жеданемъ нашим, их милость к сему нашому листу печати свои приложит рачили. Писан въ Съморжове, року Божого Нароженя тисеча пятсот семдесятъ первого, мѣсяца мая, пятогонадцат дня. Подпис руки князя Ивана Чорторыского: Иванъ Ивановичъ Чорторыский власною рукою.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 143, № ак. 175.

CXIV.

1571 г., іюня 4. Заставная запись княгини Ганны Богдановны Масальской (урожд. Путятиной) князю Владиславу Збаразскому на дворъ и село Ботинъ, с. Бодячевъ, с. Носачевичи, с. Петрашевичи, с. Олишковичи и с. Смординъ, въ долговой суммѣ 2000 копъ гр., на 6 лѣтъ.

Княгиня Масальская, записавши всѣ имѣнія свои второму мужу— кн. Масальскому, вмѣстѣ съ нимъ отдаетъ тѣже имѣнія въ заставу и выдаетъ запись кн. Збаражскому уже по смерти мужа.—По полнотѣ и подробностямъ настоящая запись можетъ служить образцемъ актовъ этого рода.

Я Ганна Богдановна Путятянка, кнегиня Андрѣевая Масалская, вызнаваю тым моимъ листом, кому будет потреба

того ведати, або чтучи тое слышати, нинешнимъ и напотом будучым, иж я за великою прозбою ку пилной потребе моей позычилам и взялам, посполу з небожчиком князем Андреемъ Масалским, малжонком своим, у его милости князя Водислава Збаразского, державцы ботоцкого, так тежъ и в малжонки его милости кнегини Ганны Яновны, старостянки пинское, позычилам и взялам двох тисячей коп грошей монеты и личбы литовское, грошми и полугрошками монеты доброе, личечы в кождый грошъ по десяти пенезей, позычилам и взялам ку моей пилной потребе, платечы долги небожчика першого малжонка моего пана Богдана Семашка, так теж платечы слугам небожчиковскимъ, так тежъ выправуючи замуж дочку мою, которуюмъ мѣла з небожчикомъ паном Богданомъ Семашъком, даючы посаг, выдаючи замуж, так теж штомъ наложила, накладаючи и выправуючи на войны речи посполитое земское его господарское милости, такъ теж платечи за долги небожчика князя Андрѣя Масалского, тые имѣнья мои заставные, якожемъ я з небожчиком князем Андрѣемъ Масалскимъ тые имѣнья мои заставные выкупиламъ тоею сумою, взявшы от князя Владислава Збаражского и от малжонки его милости позычивши и взявши тые две тисечи копъ грошей литовских верху описаные, выкупиламъ тые имена мои, которые были в заставе, якож я Ганна Богдановна Путятянка, посполу з небожчикомъ малжонкомъ моимъ княземъ Андреемъ, Масалскимъ, ставши на замку перед врядомъ господарскимъ Луцким, вызнали есмо, иж есмо взяли тую суму предреченую верху описаную две тисечи копъ грошей, такъ теж я вызнаваю, иж тая сума верху описаная, тоест две тисечи копъ грошей, до рук моихъ от князя Владислава Збаражского и от малжонки его милости суполна дошла; гдеж я подала и поступила в той суме верху описаной, тоесть у двох тисечах коп грошей, князю Владиславу Збаражскому и малжонце его милости имѣнья мои отчизное и материстое, никому непенное, тоесть: двор мой Ботенский, зо всыми селы ку тому двору прислухаючими, з людми тяглыми и данными, з бояры путными,

зо всим будованемъ и с пашнею дворною, и з волостями, и слугами, и фолварками, с полми, з лесы, зъ гайми, и з садами, з борами, з бортным деревомъ, зъ ставами, з озерми, з озерищами, з реками, з речищами, з млынами, з рудами, и з рудными кузнями, и з их пожитками, з ловы звериннымп, пташими и з бобровыми гоны, со всими пожитками, яко ся сами в собѣ мають, и з даню медовою и грошовою, з дяклом жытнымъ и овсянымъ, ничого на себе не оставуючи, так якомъ сама тое имѣнье держала и его вживала, границами ограничоно, кгрунт мой властный, тоест меновите: двор мой Ботинский со всимъ будованемъ, так тежъ меновите: село Ботин, в котором селе дворищъ чотыры, а пятое пустое дворище; на тых дворищах з бояры, с огородныки дымовъ оселыхъ десят; село Суско, в том селе дворищъ девят, дымовъ оселых и з бояры тридцат и тры; село Бодячовъ, в том селе дворищъ три, одно дворище пустое, дымов оселых девят; такъ теж дворище на Чолницы на имя Супъчъ— один дымъ, и з сеножатми, и з деревомъ бортнымъ, и со всими уходы, яко се тое дворище з давных часов в собе мает; так тежъ село Носачевичи, в том селе дворищъ две, дымов шест, став и млын рудный; село Петрашевичи, в томъ селе дворище одно, дымов два, став и млын рудный; село Олишковичи, в томъ селе дворище одно, дымовъ чотыри; село Смординъ над Стыром, в том селе дворищъ чотыри, а дымов осьмъ, к тому селу сеножат над Стыромъ; у Соколя мостъ, который князъ Соколский через сеножати мое Сморденские, так тежъ и млыны на реце Стыру ку берегу моему збудовал,—тое мает князъ Соколский маетъ и млыны от берегу моего отнести, албося с князем Владиславомъ Збаражским, за позволенемъ моимъ и без шкоды моее, згодитсе мает. А к томуж именю моему Ботинскому двор мой в замку Луцкомъ, при томъ же именю моем зоставую; и тое имене мое Ботинское со всими селы заставиламъ и поступиламъ ,и подаламъ князю Владиславу Збаражскому и малжонце, потомкомъ и близкимъ его милости в моц, в держане и уживане со всими доходы, якомъ я на

себе тое имене держала; волен будет его мил. князь Владислав Збаразский з малжонкою, и с потомками, и близкими своими тое имене мое Ботинское, верху описаное, держати и уживати до тол, аж я, або потомки мои, албо ближние мои тую суму верху описаную, тоест две тисечы коп грошей монеты и личбы литовъское, так яко на тот час в князьстве Литовскомъ и на Волыню и в коруне полской брати будутъ. А тое имене мое Ботинское, с тыми селы верху описаными, мает его милост княз Владиславъ Збаразский з малжонкою своею держати и въживати в той заставе тые именя мои верху описаные до шести лет, тоест од Успенья Пречистое Святое, от року Нароженя Божого тисяча пятсот семдесятого, аж до року и дня тисяча пятсот семдесят шостого Успенья Пречистое Светое, которое в тот рок будетъ, писано до одданя тых двох тисечей коп грошей, которуюмъ позычила и взяламъ, яко в томъ ест листе моемъ верху описано. А естлибых я Ганна Богдановна Путятянка, кнегиня Андреевая Масалская, албо потомъкове мои, хотели выкуппти тые именя мои верху описаные у князя Владислава Збаразского, албо у малъжонки его милости, тогды я, або потомъки мои, мают дати знати князю Владиславу Збаражскому, або малжонце его милости для вывоженя з ыменя моего за дванадцат недел; а естли бым я, або потомъки мои и близкии мои, давши знати и обезпечивши князя Владислава Збаражского и малъжонку его, а в (sic) той сумы двох тисечей коп грошей на рок описаный не отдала его милости князю Владисълаву Збаразскому, и малъжонце, и потомъкомъ его мил., тое маю их милости заплатити без позываня и . . . . жадных, на приречене слова их милости в речи слушъной. Так тож я, а ни потомки мои не мают чужими грошъми именя моего верху описаного выкуповати, една своими властными грошми, а монетою доброю, грошми и полугрошками литовскими и ляцкими. Так теж естлибы его мил. князь Владислав Збаразский, або малжонка его мил., потребовал бы от мене тых двох тисячей копъ грошей, которуюмъ его мил. виновата, хотябы тот рок описаный не пришол, а дал бы ми его мил. князь Владиславъ Збаразский,

або малжонка его, знати за дванадцатъ недел̃ъ, тогды я и потомъкове мои винни будутъ князю Владиславу Збаразскому, и малжонце, и потомъкомъ его мил. тые две тисечи копъ грошей отдати и заплатити, не ждучи того року описаного. А естлибых я, албо потомъкове и близкие мои тое сумы двох тисечей копъ грошей князю Владиславу Збаразскому и малжонце его не отдали, а пилно бы потреба его милости тых двох тисечей копъ грошей была, тогды волъно будет его милости князю Владиславу Збаразскому и малъжонце его тые именя мои двор Вотинъский, и с тыми селы верху описаными, кому их мил. всхотят заставити и запродати, то будет их милости волъно; а тотъ которому бы князь Владиславъ Збаразский, албо малжонъка, потомки и близкие его милости тые именя мои двор Вотинский заставил, тот за таковоюж моцю и за тымиж моими записы тое имене мое верху описаные (sic) мают, под тоюж моцю, держати и вживати, аж до отданя двох тисечей коп грошей. А естлибых я, албо потомъки и близкие мои, тое сумы двох тисечей копъ грошей не отдали на тот рок описаный, тоест на рок Божий тисяча пятсотъ семдесят шостого, тогды его мил. княз Владиславъ Збаразский, и малъжонка, и потомъки, и близкие его от тых шести лет аж до других шести лет, и яко надалей, еслибых его мил. не отдала, тое сумы, мает его мил. князь Владиславъ Збаразский, и малжонка, и потомкове и близкие его мил. тые именя аж до отданя зуполное тое сумы верху описаное двох тисечей копъ грошей держати и вживати, ничим не нарушаючи, а ни перекажаючи в жадных пожиткохъ и уживаню тых имеңей моих. А естлибы княз Владислав Збаразский, албо малжонъка, и потомъкове и близкие его мели якую трудност мети около вшеляких долеглостях, так теж границ тых именей моих, вышей описаных, от котораго колъвек суседа тамошнего ботинского, тогды я Ганна Богъдановъна Путятянка, кнегини Андреевая Масалская, такъ теж потомъкове и близкие мои маемъ в томъ его милости боронити и заступовати перед урядомъ господарскимъ повѣту Луцкого и перед королемъ его мил. от по-

звовъ и от вшелякое трудности властнымъ накладомъ и грошем своимъ заступовати его мил. князя Владислава Збаразского, малъжонку, потомковъ и близкихъ его мил. винъна буду в томъ; а естлибы што и дошло через право тых именей моихъ верху описаных, тогды я и близкие мои винна буду нагорожати из своего влостного отчизного и материстого именя. А што ся дотычет службы господарское земъское военное, естлибы на тот часъ зашла, тогды я сама маю тую послугу господарскую земскую с тых именей моих заставных, выстшей описаных, заслуговати, выправуючи на тую войну своимъ властнымъ накладомъ. И тое теж позволяю князю Владиславу Збаражскому, малъжонце, потомкомъ и близкимъ его мил., еслибы што прибудовали властным своим грошемъ и накладомъ, так двори, млыны, ставы и гребли направуючи, тое я маю, албо потомъки и близкие мои, тот весъ наклад отдати и заплатити при отдаваню тое сумы верху описаное. А штося дотычет, еслибы, з Божимъ скаранемъ, неприятел, албо через поветрие моровое, албо голод, албо через огон, и якое колвек знищене подданымъ моим въ тых именяхъ моих, верху описаных, заставныхъ, сталося, тогды я, а ни потомки и близкии, того на князю Владиславу Збаразскому, а ни малъжонце его мил., потомъковъ и близких позыскивати, а ни позывати о то не маю. А естлибы на мене Панъ Бог рачил перепустити смерт. а тая сума, верху описаная, тоест две тисечи копъ грошей, штомъ позычала и взяла ку моей пилной потребе у его милости князя Владислава Збаразского и в малъжонки его мил., не отдана бы была, тогды потомкове и близкие мои, которые будут по мни именя мои отчизные и материстые держати и вживати, тогъды они тую суму, верху описаную, тое две тисечи копъ грошей, винни будут князю Владиславу Збаразскому, малжонце, и потомъкомъ, и близкимъ его мил. заплатити, тую суму зуполна отдати. А естлибых я, албо потомъки и близкие мои, не отдавши тое сумы и не заплативши, верху описаное, тоест двох тисячей коп грошей князю Владиславу Збаразскому и малжонце, потомкомъ и близким его

мил. не заплатила, а в томъ трудност задаючи, и переказу чинячи и позываючи о тое имене мое заставное, котороем я князю Владиславу Збаразскому заставила, тогды я Ганна Путятянка, кнегиня Андреевая Масалская, естлибых я в том дворе, або потомъки мои и близкие мои в дворе Ботинском и в селахъ, верху описаных, такъ теж потомки мои и близкии мои, не найдуючи причины и показуючи листы якие покутные, яко бым ся я мела перед урядом господарским, кому описавши, вызнавати, алъбо ся описовати, и абымъ ся я мела по смерти небожчика малжонка моего пана Богдана Семашъка вырекати с ойчизных и материстых именей моих, ни в чомъ собе волности не оставуючи ку проданю и заставленъю, так теж кому быx хотѣла отдати, продати, даровати и ку налепшому пожитку моему обернути именей моих отчизных и материстых, якож я, то чуючи о томъ покутномъ записе, перед господаремъ королем его милостю, такъ теж перед врядомъ господарским оповедаламъ и сознавалам, иж таковые сут покутные записы и в права жадного местца не мають, то теж я вызнаваю, иж я жадного запису малжонку моему першому пану Богдану Семашку, такъ теж и потомкомъ, которыем мела с паном Богданомъ Семашкомъ, жадныхъ записов перед врядом господарским не вызнаваламъ; а естлибы таковые записы по смерти моей в кого показатися мели, таковые записы и листы за фалшивые быти мают и в кождого уряду и права местца мети и приймованы быти не мают, окром тые листы и записы по смерти моей в кождомъ праве местцо и моц мети будет, которыми листами я доброволне славное памети небожчику малжонку моему, князю Андрею Масалскому, вси именя мои отчизные, материстые спадковые записала, которые листы и тые вси твердости и врядовые сознаня, штом стоячы на вряде господаръском Луцком, вызнавала и господару королю то обявила, яко ест все ширей а достаточней на описех и вызнанях моихъ описано и доложоно; дочка моя властная, которуюм з малжонком небожчиком князем Андреемъ Масалским маю, княжна Маря, маючи в руках

своих, волна она сама, або малжонок, которого еи Панъ Богъ дати будет рачыл, у его мил. князя Владислава Збаразского, и в малъжонки, потомков и близких его мил. тые именя окупит и, тую суму пенезей помененую две тисечы копъ грошей отдавши и заплативши, к рукам своим взяти. А естли бых я, Андреевая Масалская Ганна Богдановна Путятянъка, его мил. князю Владиславу Збаразскому, малжонце, потомком и близким его мил. сама, потомки, близкие мои в том причины якие колвекъ неправные, а хотя и правные, пропомневшы сего моего запису, в тых именях, от мене и от малжонка моего князя Андрея Масалского его милости заставленых, мела якую переказу и трудност чинити и в томъ ку якому праву поволокати, тогды я Андреевая Масалская Ганна Путятянка, такъ теж потомки мои и близкие, заруки господару королю его милости маю две тисечи копъ грошей литовское личбы заплатит, а князю Владиславу Збаразскому, малжонце, потомком, близким его мил., або тому, в кого сес мой лист от его мил. данъ будеть, також другую две тисячы копъ грошей литовских маю заплатити. А кгды бы его милость князь Владислав Збаразский, малжонка, потомки и близкие его милости от мене самое, близких и потомков моихъ в тых именяхъ его милости, от мене заставленых, што шкодовали, албо естлибы с тыхъ именей заставныхъ моих, верху описаныхъ, князю Владиславу Збаразскому, малжонце, потомкомъ и близкимъ его милости через право тыхъ именей моих, верху описаных, што отышло, тогды при животе моем, и по смерти моей потомки мои и близкие мои, естли бы хто колвекъ именя мои отчистые и материстые держалъ, албо заставные именя мои окуповалъ с тых именей моих, яко колвекъ заведеные, у потомков и близкихъ моих, тогды я Ганна Путятянка и потомкове, и близкие мои отчизныхъ и материстых винни будемъ тую суму нагорожати и заруку заплатити князю Владиславу Збаразскому, малжонъце его милости, што бы на то выложили, правуючися о тые именя мои, верху описаные, с потомками моими, верху описаными, албо и близкими моими, естлибы на томъ князь Владиславъ Збаразский, албо малжонка, по

томкове его милости шкодовали, такъ яко ся верху описало о тую суму две тисечы копъ грошей, такъ тежъ и о заруку, и накладовъ его милости зуполна не отдали, тогды его милость князь Владислав Збаразский, албо малжонка, потомкове и близкие его милости в тые имения мои отчизные и материстые волны будут се увезати и их держати во въсем томъ, яко в суме в двох тисечей копъ грошей, такъ теж и в заруках и в накладехъ, и их держати и уживати дотол, аж до отданя тое сумы всее; а предсе тая сума, верху описаная, на Ботине и на селахъ моих, верху описаныхъ, мает в целости отдана и заплачона быти князю Владиславу Збаразскому, и малжонце, и потомкомъ, и близкимъ его милости, так теж вси шкоды и наклады; а пред сеж тот мой лист у кождого права при суполной моцы захованъ быти мает. И на томъ я Ганна Богдановна Путятянка, кнегиня - Андреевая Масалская, его милости князю Владиславу Збаразскому и малжонце его милости дала сес мой лист з властною моею печатю. А для лепшого сведомя того моего листу просиламъ его милости пана Дахна Хребтовича - Богуринского, земенина господарского повету Луцкого, о приложене печати; его милость то для прозбы мое очевистое вчинит, печат свою рачил приложит к сему моему листу. Писан в Луцку, лета Божого Нароженя тисеча пятсот семдесят первого, месяца июня, четвертого дня.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 613 об. (самый актъ).

CXV.

1571 г., іюня 14. Тяжба кн. Збаражского съ Софьею Остророговою о выкупѣ изъ заставы им. Морозовичъ, заставленнаго отцомъ Збаражскаго Станиславу Залѣсскому-Медвѣдю.

Справа кн. Януша Збаражского, стар. кремененецкого. Лета Божого нароженя тисеча пятсот семдесят первого, месеца июня, четвертогонадцат дня, в четверг. На рокох судовых земских, которые ся почали судити от свята римского светое Тройцы. Постановившися очевисто в суду земского передо мною Богданом Костюшковичом-Хоболтовским, судъею земским повету Володимерского, а передо мною Гаврилом Ивановичем Яковицким, подсудком земским повету Володимерского, его милост княз Януш Збаражский, старостич кремянецкий, самъ от себе и именем сестры своее, позвом своим жаловал на ее милост панюю Межирецкую Станиславовою Остророговую, старостиную хелмъскую, панюю Зофию с Тенчина, и на сынов ее милости пана Яна а пана Миколая Станиславовичов Остророгов. А пан приятел ее милости панее Межирецкое пан Станислав Розвядовский, судя кгродский хелмъский, ставши очевисто перед нами судом земским, оповедил: ним дей еще позов князя его милости будет читан, показую моц от ее милости панее Межирецкое. И положил моц перед нами судом под печатю ее милости панее Межирецкое (съ) подписом властное руки ее; на которую моц приятел умоцованый его милости князя Януша Збаражского пан Федор Калусовский поведилъ: тая моц, которую панъ Розвядовский от ее милости панее Межирецкое покладает, не ест зуполна, толко под одною печатю и с подписом руки ее милости, при которой, водле статуту, мела бы еще для сведецтва другая печат быти которого чоловека доброго шляхтича, которое моцы за зуполною его милост княз у права не примует; другое, иж тот умоцованый ее милости панее Межирецкое менит себе быти умоцованым, нехай ми

то покажет, естли же мает он оселост в панстве его кролевское милости великом князстве Литовском; ибо таковой прокуратор, который в панстве Литовском оселости не мает, ведле статуту, жадное речи ни от кого у праве справовати не мает.—Пан Розвядовский поведил: иж маю моц зуполную и волно мовити, кгды тое панство Волын до коруны полское прилучоно есть; а пан Розвядовский мовилъ: иж я моц от панее Межирецкое показую, але его милост княз Януш Збаражский толко самъ тут перед судом стоит, а сестры его милости нет; естли же мает моц от сестры своее, нехай покажет. Его милост княз Янушъ показал от сестры своее, княжны Марины Збаражское, моцъ, водле права и статуту, зуполную, под печатю и с подписом властное руки ее. А так мы, намовившися в томъ зъ собою, пана Розвядовского, умоцованого ее милости панее Межирецкое, при моцы зуполной, ведле статуту, знашли и позов князя Януша Збаражского читати казали, в котором позве его милость княз Януш Збаражский, весполокъ з сестрою своею, жалует о имене на имя Морозовичи, в повете Володимерском лежачое, яко о властную материзну свою, которое дей отецъ нашъ его милость княз Мыколай Андреевич Зборажский, староста кремянецкий, не маючи на то права никоторого, а ни моцы жадное, в суме пенязей в певном долгу в петнадцати копах грошей литовских заставным обычаем небожчику Станиславу Залескому-Медведю завелъ и заставил, которое дей имене, не ведати которым обычаем и правом от кого, в держане небожчику малжонку ее милости пану Станиславу Остророгу, а по животе (его) ее милости самой и сыном ее, то ест пану Яну а пану Миколаю, в держане зостало; и тепер тое имене Морозовичи зо всими кгрунты, так яко ся первей мело, они на себе держат и вживают, а тое сумы пенязей петнадцати коп грошей за неоднократным отдаванемъ нашим у нас взяти и нам именя нашого материстого Морозович нам поступити не хотели . . . . иж дей мы вже первей сего на трое роки судовые Володимерские, а тепер на четвертые роки судовые земские, яко на рок завитый, их ку праву позываемъ; нижли

дей и до тых часов нам з ними справедливост о то дойти не может; о што просит, абых в том з их милостю справедливост была вчинена. Умоцованый ее милости панее Межирецкое панъ Станислав Розвядовский, заховываючи собе обороны правные, на позов князя Збаражского поведил: иж ее милост пани Межирецкая права жадного (на) тое имене Морозовичи в себе не маеть; а дети ее милости, тогды еще лет недорослые, которые от отца их небожчика пана Межирецкого по смерти за достаментом его у вопеци суть. Якъ тые дети ее милости сами, так теж именя и вси привиля, листы и твердости, на именья зналежачие, ест у вопеце их милости панов опекунов, где теж при тых же инших листех могут быти якие листы и на тое имене Морозовичи; нехай его милост кнез Збаражский их милости панов опекунов позываеть, а дети, не маючие лет, без опекуновъ не повинни ничого отповедати и летми незупольъными своего тратити. Умоцованый его милости князя Збаражского Федор Калусовский поведил и просил, абы статут отворон и артыкул осмый в розделе шостомъ был читан . . . . и статуту был захован, кгдыж дети лет недорослые повинни без жадных опекунов сами оповедати; про то нехай тые . . . ее милост пани Межирецкая и сынове ее милости чрез опекунов, або приятел своих, за тое имене Морозовичи (пенязи), которые их милост перед судом покладають, беретъ, а его милости князю и сестре его милости того именя поступит. А так мы статут отворити и артикул осмый в розделе шостом читати казали, в котором пишет: теж дети не маючи лет, будучи до права позваны, одно в чотырех речах повинни отповедати, первей, кгдыбы отец або матка за доброго здоровя которое имене лежачое в пенязях заставным обычаем держали, або якая колвек сума на том имени была описана, а близкие бы тое имене от тых детей выкупити хотели, и для того были бы позваны ку браню пенязей, тогды будут повинни через опекуна, або через приятел, кревных пенязи взяти и именя поступити. Умоцованый ее милости панее Межирецкое и сторона—панове приятелеве, которые з руки ее милости ку тому

праву до суду были приехали, просили на отступене обмовы, абым того ведле статуту допустили. Кгды з обмовы своее пришодши и засе на местцах своих засели, умоцованый ее милости панее Межирецкое пан Розвядовский, ставши перед нами, поведил: иж я, захowываючи ее милости панее Межирецкое вси обварунки правные в целости, яком первей мовил, иж без опекунов своих дети лет недорослые не повинны отповедати, але князь его милост о то нехай опекунов позывает. Умоцованый князя Януша Збаражского Федор Калусовский мовил: вже то ее милости панее Межирецкая и сыны ее милости от князя Януша Збаражского и сестры его тройма позвы на роки судовые позываны были, а то вже четвертым позвом и роком завитым ее милост сама и сыны ее милости есть позваны,—чому ее милост первей сего за жадным позвом никгды опекунов никоторых ни поведала а ни меновала, ни ими ся не щитила; але его милост княз Збаражский пенязи стороне за имене, яко на року завитом, водле права и статуту, откладает и о декрет просит. Умоцованый и панове сторона ее милости панее Межирецкое просили повторе на отступоване для обмовы; мы им того, ведле статуту, и повторе допустили; а кгдыж засе з обмовы своее до суду пришли, умоцованый ее милости панее Межирецкое пан Розвадовский, не отступуючи далей в права ку отказу на позов его милости князя Збаражского, просил абы ему апелацыя допущона была. Мы ему апелацыи, водле статуту, не допустили с тых причин, иж апеляцыя або отзов аж по сказаню головное речи мает допущона быти; и не затрудняючи суду речми непотребными, умоцованому панее Межирецкое казали есмо в право далей поступовати; тогды з стороны ее милости панее Межирецкое приятел ее милости пан Миколай Лысоковский, кашталян любачевский, показал перед нами судом якийс лист, не в жадное право прислухаючий, печатми двема недоложоный, показуючи то, якобы тое имене Морозовичи не заставою отошло, але якобы вечностю за чотыриста коп грошей продано было от отца и матки его милости князя Януша Збаражского пану Стани-

славу Залескому-Медведю; сторона поводовая княз Збаражский просил, абы того листу ему огледати дано, естлибы ведле права писан был, абы з него собе, ведле обычаю права, видимус взялъ и з него добре вырозумел; тогды з стороны приятел ее милост панее Межирецкое пан Миколай Лысаковский, показавши тот лист, и заразом его за се до себе взял и стороне до рук огледати не дал; его милост княз Збаражский поведил: до того листу, который пан Лисаковский якийс неправный в суду покладает, мне мало потреба, едноже ся не водле статуту заховывает, а́ мъне и сестре моей справедливости проволока есть, прошу, абых был ведле права захован, а нехай будет статут отворон, иж з стороны нихто никому речми непотребными права розрывати ку проволоце справедливости его не может. Мы статут отворити и артикул сорок третий в розделе четвертом читати казали, в котором пишет: естлибы сторона позваная, будучи у права, отступивши от позву стороне поводовой, што такового нового задала, хотечи право зорвати, а проволоку чинити, тогды стороне той у суда ити не может; мает суд, отложивши то на сторону, пред ся стороне поводовой справедливости чинити водле позву о то, о што позвана. Мы стороны отпорное пытали: естлибы она што иншого на помоч собе правного мела, у права покладала, а тыми ся речми неправными не бавила; умоцованый панее Межирецкое Станислав Розвядовский через то на позов князя Януша Збаражского не мовил, права никоторого ку отпору на позов его не показывал; княз Януш через того умоцованого своего Федора Калусовского мовил: яком я первей сего пенязи покладал, и тепер тые пенязи пятнадцат коп грошей за имене Морозовичи, яко властную материзну нашу, покладам, а кгдыж их сторона брати не хочет, прошу, абы тые пенязи при книгах на вряду зостали, а мне бы в тое имене наше Морозовичи увязане дали; бо я з сестрою своею того згола не дохожу, але над то покладам еще привилей славное памети его милости князя великого Швитригайла, который привилей перед нами судом с печатю привесистою был покладан и читан,—въ кото-

ром все есть значне и достаточне описано, иж то ест властная материзна моя; бо дей кгды бы тое имене Морозовичи з дому нашого продажою вечистою вышло, подобно бы тое право все, которое тепер показую, в того было, кому то продано. А так мы, в том межи собою достаточне намовившися и не отступуючи ничим права посполитого и статуту земского, всему панству великому князству Литовскому от его кролевское милости даного и нам его упривилеваного, на том тую реч зостоновили и выррокомъ своим знашли: кгдыж сторона отпорная умоцованый ее милости панее Межирецкое пан Станислав Розвадовский на позов князя Януша Збаражского и сестры его милости кнежны Марины Збаражское далей у права не поступовал, одно ся опекунами тых детей ее милости панее Межирецкое закладал, што ему ведле права ити не могло, кгдыж и статут на то учит: кгды дети не маючи лет до права ку браню пенязей будут позваны, тогды повинни будут через опекунов, або близких кревных пенязи взяти, а именя поступити; ку тому што стороны приятел ее милости панее Межирецкое пан Миколай Лысаковскй показывал перед судом неякийс лист, с двема печатми недоложоный, которого ся листу сторона поводовая домагала бы его огледала и видимус з него для выразуменя собе взяла, того листу стороне поводовой, князю Збаражскому, не давал и за се его до рук своих взялъ,—который теж лист до права жадного не прислухал, едно речми непотребными право зрывал, чого бы . . . . и водле статуту . . . . нового ку проволоце справедливости стороне . . . . а потом за пытанем нашим от суду умоцованый ее милости панее Межирецкое Станислав Розвадовский права и поступку никоторого отпору на позов князя Януша Збаражского и сестры его, естлибы мел, не показывал, а его милост княз Янушъ Збаражский привилей славное намети его милости великого князя Швитригайла перед нами судом покладал, показуючи то, иж того именя Морозович, яко близкости и материзны своее, не згола доходят, а ее милост панюю Межирецкую (са)мую и сынов ее

милости первей сего ку браню пенязей вже на третьи роки судовые володимерские позывал, а тепер также ку браню пенязей четвертым позвом и роком завитым ее милост самую и сынов ее позывал, ее милост первей сего никгды за тыми позвы на роки тые трои роки судовые опекунами жадными не боронила и ими ся не щитила, а тое сумы пенязей, которую княз Збаражский перед судом за тое имене покладал, не брал; с тых всих причин помененых мы выроком своим сказали его милости князю Янушу Збаражскому тую суму пенязей петнадцат коп грошей, ведле статуту, на вряде при книгахъ земъских положити, а в тое имене Морозовичи, яко властную материзну их милости, вземши возного от суду земъского, уехати и его держати и вживати, яко властности своее. Сторона отпорная—умоцованый ее милости панее Межирецкое Станислав Розвадовский, по сказаню тое головное речи и декрету урядового, не приймуючи того декрету, апелевал до его королевское милости, которое апеляцыи мы ему допустили и, ведле статуту прав земских, рок перед его королевскою милостю так ознаймили: от сего дня и даты вышей написаное за чотыры недели. Котороеж правомовене князя Януша Збаражского умоцованым ее милости панее Межирецкое, паномъ Станиславом Розвадовским, для памети в книги земские записати, с которых и сес выпис под печатми нашими умоцованому ее милости панее Межирецкое, пану Станиславу Розвадовскому, на то есмо дати казали. Писан у Володимере.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 954, л. 226.

CXVI.

1571 г., іюня 23. Вызовъ къ суду кн. Льва Александровича Сангушковича-Кошерскаго „жидомъ городельскимъ“ Юскомъ Абрамовичемъ по дѣлу о выкупѣ имѣнія Сангушки с. Смолевы, которое было въ заставѣ у Петра Загоровскаго и которое Сангушко обязался выкупить и передать еврею, а также объ отнятіи урядникомъ Сангушки хлѣба у крестьянъ перемильскихъ, находящихся въ заставѣ у еврея.

Лѣта Божего нароженя тисеча пятсот семъдесят первого, месяца июня, 23 дня. Ставши очевисто передо мною Иваном Хребтовичомъ-Богуринскимъ, подстаростимъ луцкимъ, возный повету Луцкого Федор Фурсовичъ Бронницкий оповедал и до книг кгродских тыми словы сознал: ижь дей яко дня оногдашнего волторокъ, месяца июня двадцатого, маючи я при собе шляхту людей добрыхъ, тоест: земенина повету Городелского пана Лавринца Витинского, а служебника его милости пана Александра Жоравницкого, ключника и городничого луцкого, поборцы земли Волынское, Яна Липъского, ездиломъ с тою вышей мененою шляхтою до его милости князя Лва Александровича Санкгушковича-Кошерского, гдеж есми его милости князя Кошерского самого у Горухове, а ни врядника его милости князя тамошнего (не засталъ), только засталъ есми ключника его мил. кн. Кошерского тамошнего гороховского, которому дал есми в замку Гороховскомъ два позвы кгродские луцкие, нескробаные, немазаные, в дате и во всемъ згодливые, писаные по его милость князя Лва Кошерского от Юска Абрамовича, жида городелского, о выкупене именя своего Смолевы, которое князь Кошеръский Юску, жиду городелскому, при месте своемъ Перемили у шести тисячехъ золотых полскихъ заставил; которое имене Смолеву его милость князь Кошерский у его милости пана Петра Загоровского, маршалка его кролевское милости, выкупити и высвободити а жиду Юску до рукъ его поступити мел, такь теж и о побране збожя посполитого с поля Перемилского подданыхъ перемилскихъ, которы подданые теперь у заставе у Юска, жида городелского, от врядника его милости князя Кошерского перемил-

ского Савы, и о поделане немалых шкодъ; а другий позов о невыкупене сребра своего рухомого, которое его милость князь Кошерский Юску, жиду городелскому, у трохсот копахъ грошей личбы литовское заставил, которое серебро мел его князь Кошерский выкупити на рокъ певный, на ден Шимона и Юды, року прошлого шестдесят девятого; што ширей а достаточней на тыхъ двохъ позвехъ кгродских ест описано и меновите доложоно; гдеж давьшы есми тые позвы, по его милость князя Кошерского писаныи, до рукъ ключнику его милости гороховскому, с тою шляхътою вышей помененою осветчил; за которымиж позвы зложилъ есми его милости князю Кошерскому перед судом кгродскимъ луцкимъ стати от поданя позвов за чотыри недели. А такъ я тое очевистое возного сознанье до книг кгродскихъ записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2044, л. 323, № ак. 324.

CXVII.

1571 г., іюля 4. Реестръ двора Рыканскаго и части имѣній Рыканъ и Мытищъ п. Юрія Тишковскаго.

Шляхетскій дворъ XVI в. съ подробнымъ описаніемъ построекъ и движимаго имущества; указаніе именъ и повинностей крестьянъ.

Року 1571, мѣсяца июля, 4 дня. Пришодчи на вряд его кролевское милости в замок Луцкий перед Ивана Хребтовича-Богуринского, подстаростего луцкого, возный повету Луцкого Иван Жуковецкий до книг кгродскихъ вызнал и реистръ переписаня двора Рыканского и части пана Юря Тишковского в Рыканех и в Мытищах, под печатю своею и под печатми шляхты людей добрых, передо мною на вряде господарскомъ покладал; который реистръ так ся в собѣ мает: Лета Божого Нароженя тисеча пятсот семдесят первого, мѣсяца июля, четвертого дня, в середу. Реистръ списаня

двора Рыканского и части пана Юря Тишковъского в Рыканех и в Мытищах, тоест наперве: вшедши в двор, по левой руце, светлица зъ сенми, драницами побита, сени, коломъ обтыканы и глиною обмазаные; двери сенные на завесех железныхъ; окон у светлицы чотыри без железных завес; столов великих два, третий в сенех без ножокъ лежитъ; лав три, четвертая подле порога; стена у светлицы от стайни вывалилася; печ белая, кахли простые; против тое светлицы дъве светлочки малых и з сенми, одна против одное; в одной—столик один простый, лав две, окон две без оболонокъ, оконницы и двери без железных завес, печ белая простая; в другой светлочце—столиков два малых, лав три великихъ, четвертая подли порога, окон три малых и з засовками, четвертое болшое з оболонами паперными, печ белая простая, двери простые; в той же светлицы ложко, на томъ ложку зъголове рабое, святостей малых две; в тых же светлочках прибок, в том прибоку одна скрыня великая малеваная, замок в ней нутрный, другая скрыня белая также великая зъ замком нутреным, третяя скрынка малая косая, обита железомъ; котел броварный великий пивный в сенцех выход; ключникъ дворный Савка Соловевич поведил, иж дей от тых скрын ключи при панеи; над одною светлочкою комора на горе; в той коморе мис ценовыхъ три, одна великая, две малых, приставок чотыри, пятая лихая, талерей ценовыхъ одиннадцат, полуквартокъ ценовый, котелокъ невеликий, триножокъ лихой без рукояети, друшляк, склянка; шишаков три, остроги гусарское; стрымен мосязовых две—одно доброе, другого половина; скрынек две малых зъ замками нутреными; полавочников два рябых; сукно чирвоное, чернымъ полотномъ подшитое, до воза котчого; сукман музкий чорный лихий; масла горщъков пят; меду пресного коробочка маленкая, другая дежечка меду зо двое пригорщы; черешен сухих пол коробки; волны осмъ рунъ; прадива сто; сал две; кунпев пят; колбас три; яецъ копа; коса одна; хмелю с пол-мацы; соли крупястое пол солянки; пряжи куделное клубков чотыри, другая чотыри конопныхъ; один

клубочок суконный пряжи тонкое серпанковое; починков тридцат; бердъ чотырнадцат; прадива чесаного кужелю; косок две плетеных; маку коробочка; железа возового десетеро; млынового железа трое; сокира лихая; пражи основка две прядени; подле тых светлочок сырникъ, на сырнику сыров коп две, тридцат и чотыри рыб вялых, линков и карасковъ двесте, кунпей две, поребейля две, полтиков мяса два малых, мяса яловичого вялого шротов шест; ночов великихъ двое; подле сырника кухня; в кухне столѣк без ног, лав три; подле кухни гридня зъ сенми рублеными, у гридни стол, лав три; в сенех стол, лава одна, ступа; за гриднею хлев лесою плетен, соломою покрыт; в томъ же хлеве стоят двери светличные зъ завесами железными, рукоястей железных двое; корыто лихое; у хлеве двери простые, защепка железная съ прибоемъ; против того хлева коморка зрубленая, в той коморце молоко бывает; тамъ же корыто и засек; двери в тое коморки простые, защепка железная с прибоемъ и замокъ; за тою коморкою стайня рубленая в замет, драницами побита; в стайни воз котчий окованый; сани писаные на два кони; поклет старый на стайни, двери простые, засчепок железных двѣ; идучи в гумъно, по правой руце, коморок рубленыхъ две, в одной коморце кадолбов пят порожнихъ, проса в стузе з мацу, лехтар железный, скура воловая, шлея одна, хомутина новая; двери простые, засчепочка железная с прибоемъ и замочок; в другой коморце солоду мац чотыри, суржицы маца; шлей возовых двѣ; седлисчъ лихих две; у дверей тое коморки засчепка железная с прибойми без замъка; на тых коморкахъ гора, на той горе мис деревяных чотыри, талерей деревяных девят, мис глиняных две, горщков поливаныхъ десят, збан оден, сит две, решет две; подле тых коморок зрубов два новых поставлено, против тыхъ зрубов погреб, в погребе бочок десят порожных, кадолбов шест, цебры два, лейка, капусты кадь, двери простые, засчепка железная с прибоем и замокъ; котел горелчаный без труб; гумно, в гумне клуня тыном обтыненая; в клуне нит ничого; на гумне сена стожок старого; ледняц две з ледомъ; за дво-

ромъ над ставом бровар; в бровари кадей две, под кадми корыто; вдъверей броварных засчепка железная с прибоем, озница лиха; лазня там же подли бровара; подле гумна обора, в той оборе волов робочих девят, коров девятъ с теляты, подтелков осмъ, быков третяков пят, телиц третячокъ три, овец шест зъ ягняты; в дворе свиней девятеронадцат, поросят десятеро, гусей старых з молодыми тридцат шест; пав пят, —самиц три, самъцов два; журавлъ один; каплунов шест, куриц осмъ малых, курят тридцат; огород один дворный, в томъ огороде пестернаку леха посеяного, цыбули высадковъ грядъ чотыри, цыбули посеяное гряд чотырнадцат, моркве гряд чотыри, свеклы гряд три, капусты гряд пятдесят; поля дворные: на поли жита засеяного зо пшеницою ден пятдесят; овса засеяного двадцат мац; ячменю дванадцат мац; гречки мац две; проса пол мацы; гороху пол мацы; семеня илняного пол мацы; ку двору став верхний; гай сосновец; сеножат в селища; другая за дворомъ в Солоткинах; к тому двору церквѣ две: одна в селе перед двором, другая за селомъ; поп тых церквей дворище с полми и зъ сеножатми держит. А то ест люди двора Рыкан: найпервей Андрей боярин, подачки не дает, одно конем служит повинен; Михно боярин туюж службу служит повиненъ; люди подворищные што повинны: Полуян у кождый год чиншу пол копы грошей дати повинен, робити до дъвора на кождый тыжден три дни; Андрей Быстрей туюж роботу и подачку дати повинен; Остапко Руды туюж роботу и подачку дати повинен; Вакула Пастухович туюж роботу и подачку дати повинен; Савка Соловевич туюж роботу и подачку дати повинен. А то ест подсуседки, пол не мают и сеножатей и подачки нит, на имя: Охремъ, тот повинност робити повинен; Петръ туюж повинност робити повинен. А то ест люди з Мыстищъ подворищные, ку двору Рыканскому прислухаючие, на имя: Иван Лавринович з братомъ дворище держит, на год подачки дати повинен пол копы грошей, на кождый тыжденъ до двора три дни робити повинен; Степан Иванович туюж роботу и подачку дати повинен; Микита Куптевич туюж роботу и подачку дати повинен; Мас «Маки-

донович туюж роботу и подачку дати повинен; Богданецъ Тимошевич туюж роботу и подачку дати повинен; Мартин Мазный туюж роботу и подачку дати повинен; Гришко Тимошевичъ туюж роботу и подачку дати повинен; Яцко Тимошевичъ туюж роботу и подачку дати повинен; Степан Тимошевич туюж роботу и подачку дати повинен; Богданец Макидонович туюж роботу и подачку дати повинен; Васил Макидонович брат тую роботу и подачку дати повинен; Берна Кравец такоеж дворище держит, яко и другие. Корчма пуста стоит. А то ест огородникъ один на имя Иван Губка, подачки не дает, одно у тыжден денъ робит. И тот же Иван Жуковецкий, возный повету Луцкого, вызнал: иж в тот час при мъне были шляхта люди добрые, тоист: пан Грицко Красноселский а пан Семен Хмара. А так я тое очевистое сознане возно(го) и реистръ помененый слово от слова до книг кгродских луцких записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 212, № ак. 265.

CXVIII.

1571 г. іюля 26. Донесеніе вознаго о передачѣ князьями Сокольскими братьямъ Борзобогатымъ-Красенскимъ трехъ имѣній за долгъ въ заставное владѣніе, и о непередачѣ одного имѣнія, какъ уже находящагося въ заставѣ у третьяго лица.

Застава по просрочкѣ долга.

Року 1571, мѣсяца июля, 26 дня. Пришедши на врад господаръский в замокъ Луцкий перед мене Ивана Хребтовича-Богурынского, подстаростего луцкого, дня прошлого у во въторокъ, мѣсяца тогож июля, семогонадцать дня, пан Иляшъ Борзобогатович-Красенский оповедил мне сам от себе и от брата своего рожоного пана Степана Красенскогож тыми словы: иж дей году прошлого семдесятого на ден светых апостол Петра и Павла позычили в них ку потребе своей готовых рукоданных пенезей сполною рукою кнегиня ее

милость Олена Солтановъна Соколская а сын ее милости княз Марко Солтанович Соколский же пятсотъ и пятдесят коп грошей литовъское личбы, на што дей имъ и лист свой записный, под печатми своими и с подписом руки князя Марковы и под печатми людей добрых, дали, которую дей суму вышше помененую мели им на рокъ и день певный светых апостол Петра и Павла, в теперешнем году семдесятъ первом, месяца июня, двадцат девятого дня прошлых, такъ же готовыми грошъми, отдати и заплатити, и уищаючи дей им тую суму, описали им именя свои двор и село Сетовичи, двор и село Подлесы, село Корсьни, докладаючи дей того в записе своемъ: естли бы им на тот рокъ и ден писаный тое сумы пятисот и пятидесят коп грошей не отдали и не заплатили и чимъ бы колвекъ того року похибили, тогды дей мели им перепасти совитость—такуюж другую суму пятсот и пятдесят коп грошей литовскихъ, в которой суме, так истизне и совитости, тоест, у тисечи и сту копах грошей, скоро по ономъ року на завтрееж, або колиб колвекъ хотячи, з возным врядовым, або и без возного, яко бы сами похотели, мели уехати в тые помененные дворы и села и зо всимъ в моц, в держанъе и ку уживаню своему взяти, ничого на ихъ милость не зоставуючи, а они дей имъ такового увязаня и въеханя в помененные дворы и села и во въсѣ пожитки ихъ и по вехани жадное переказы чинити не мели, под заруками на короля его милости и на нихъ описаными и оправенъемъ всихъ шкодъ ихъ, што дей все меновите, ширей а достаточъной на томъ листе-описе ихъ милости есть описано и доложоно. Ино дей их милость яко на тотъ рокъ и на денъ светыхъ апостолъ Петра и Павла вже прошълыхъ, такъ и до того часу нам тое сумы пенезей не отдали и не заплатили и въ совитостъ попали; и хотечи ся дей еще ихъ милости такое сумы пенезей своее истизны и совитости упоменути, просилъ мене за то, абыхъ им з уряду придал возного, перед которымъ, естли бы дей нам тыхъ пенезей ихъ милость не отдали, хотечи водле опису во имене ихъ милости уехати. А так я им на то з уряду господаръ-

ского придалъ возного поветового пана Богдана Княгининского, который возный, тамъ на той справе бывши, передо мъною до книг кгродскихъ дня нинешнего тыми словы сознаиъ: иж дей дня оногдашнего в четвергъ, мѣсяца июля, девятогонадцатъ дня былъ есми с паном Ильею Борзобогатовичомъ-Красенскимъ в Соколю у княгини Олены Солтановое Соколъское и сына ее милости князя Марка Солтановича Соколского, которымъ панъ Иляшъ мовил передо мъною самъ от себе и от брата своего пана Степана, абы имъ суму пенезей, в них позычоную, пятсот и пятдесят коп грошей, къ тому, иж на рокъ описаный на денъ светых апостол Петра и Павла, недавно месяца июня, двадцат девятого дня, прошлыхъ, тыхъ пенезей позычоныхъ им не (sic) заплатили, абы ведле опису своего и совитостъ другую пятсот и пятдесят коп грошей им отдали и заплатили; на то ему их милость поведили, же тыхъ пенезей яко на тот рокъ светыхъ апостол Петра и Павла самое истизны, так и на тотъ час истизны и совитости способити есмо не могли и не маемъ дей чого вашей милостямъ дати; але дей водле опису своего во всем том, в ыстизни и совитости, именей своих описаных поступим. Якож ихъ милость зараз послали врядника своего ситовицкого, на имя Гаца, и служебника своего Макара, передо мъною устне имъ росказавши, абы пану Иляшу дворы, именя з людми и зо вьсими пожитками, в листе ихъ милости описаныи, поступили и подали; с которыми пан Иляшъ перво ехал до села Корсын, хотечи в моцъ свою взяти, водле опису и листу кнегини и князя ихъ милости Соколъскихъ; ино тые слуги их милости, вышей менованые, до Корсинъ з нами приехавши, пану Иляшу поведили: ижъ дей кнегиня и князь ихъ милость того села Косыръна (sic) поступоват вашей милости не казали, бо дей тое село и дворище Ленартовъское з дворцемъ и с пашнею в селе Подлесахъ пану Богуфалу Иваницкому в суме пенезей заставити (sic); якожъ панъ Иляшъ пыталъ подданыхъ корсынскихъ: хто быx и тепер и которого часу деръжалъ? Они поведили, ижъ нас и княгиня и князь его милость, панове наши, заставили на ден светого

Миколы зимнего в теперешъчемъ же году пану Богуфалу Иваницъкому. Што мною возънымъ пан Ильяшъ светъчилъ, ижъ в том ихъ милость княгиня Соколская и сын ее милости князь Марко, лист свой описный нарушивши, в заруки попали. А потомъ тогожъ дня ехал пан Илъяшъ зо мною вознымъ до села Подлес, в которомъ слуги ихъ милости Гац а Макар поступили и ему вси люди, которыи на частъ кнегини и князя ихъ милости Соколскихъ приходили, въ полътретя дворища, тоесть, дворище Данилович, дворище Кунзековичъ, полъдворища Синичич, на которыхъ тые имены люди мешъкают: на имя Куцъ, Васко, Ленко, Лукянецъ Березка з сынмы, Дацко, Ивашко, Богданецъ, Олекъса, Костюкъ, Сачъко, Михъно, Сенъко Гриневичи, вдовица, Гриц, Федецъ, Дешъко; к тому подали пану Иляшови жито дворное, на поли посеяное, и паренину на дворъ поорануе. И впоминался имъ пан Илъяш, абы, ведле опису их милости кнегини Соколское и сына ее милости князя Марка, и тое дворище Ленартовское з дворцем и с пашнею в томъ же селе Подлесих поступили; они ему на то повѣдили, иж яко нам того княгиня и княз их милость не росказовали, так теж ся того важити не смеемо; бо теж того их милост вже и сами в руках своих не мают, иж пану Иваницкому с Корсынем заставою пустили; што пан Иляшъ мною возным светчил, иж ихъ милост, нарушивши опис свой, в заруки попали. За се теж на завтрее, в ден в пятницу светого Или, пан Иляшъ ехал зо мъною до двора и села их милости Сетович; там ему тые слуги менованые кнегини и князя Соколскихъ поступили от панов своих двор зо всимъ будованемъ, люди и воленики зо всими их платы и повинностями, на имя тых: Яца мелника, Миска, Степана, Стецка, Андрея, Оницка, Санка, Иваницу, Мартина, Яцка, Якима, Кунаха Бортника, Васка, Мойсея, Бобрика, Потапа, Остапа мелника, Дешка, Максима, Билюка, Остапца Удробыша, Данила, Гаврила, Ивана; к тому пашнею дворною озимую и яринную, на поли посеяную, и ролъю, на двор поорануе, вси сеножати, землю бортную зо бчолами и без бчол, ставы,

млины, руды, ступы и фалюшъ, от мала до велика; а в дворе быдла рогатого: коров двѣ с теляты, свиней старых пят, подсвинков чотыри, а поросят осмеро, гусей старых девятеро и молодых пятеро, кур старых четверонадцатеро и молодых осмеро,—ничого на панов своих не оставуючи, яко у Сетовичох, так и в Подлесах. Дворникъ сетовицкий Юско и рикуня, жона его, также и врядникъ тамошний же менованый Гац пану Иляшове поведил, иж з роскazаня их милости княгини и князя Соколскихъ ночи тое, с четверга на пятницу, отогнали до их милости к Соколю с того двора Сетович быдла дворного рогатото тридцат трое поголовя, тоесть, коров с теляты десят, волов два, озимков шест, подтелков пят, масла горщъков полчетверта, сыров тридцат и чотыри, мандрыков пятдесят девят, кур дванадцат; што мною возным пан Иляшъ осветчил, иж дей в том их милости, лист свой нарушивши, в заруки попали. К тому теж подали тыеж менованые слуги их милости княгини и князя Соколскихъ Гацъ и Марко два человѣки в Грушовне селе, на имя Остапа, Костюка Шевлевича з братею, а дворище пустовское Гуцовское и Кащикинское другое, которые тыеж люди под собою держат зо всими пожитками и з рудою, част тую, которую его милост князъ Марко от пана Юря Тишковского и малжонки его мает. И просили мене их милость пан Степан и пан Иляшъ, абы оповедане их милости и возного сознане до книг записано было; я таковое оповедане их милости на вряде очевистое возного сознане принемши, до книг кгродских записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 272 об., № ак. 320.

CXIX.

1571 г. авг. 4. Заставная запись п. Казимира Ледницкаго мѣщанину луцкому Парфену Щетинчичу, въ суммѣ 135 копъ грошей лит., на 7 человѣкъ крестьянъ въ имѣніи Божевѣ, которымъ самъ Ледницкій владѣлъ по заставѣ отъ князя Марка Сокольскаго.

Весьма рѣдкій случай мѣщанскаго землевладѣнія (хотя очень незначительнаго). Отношеніе правъ лица, владѣющаго по перезаставѣ не всѣмъ имѣніемъ, а лишь частію его, къ правамъ первоначальнаго заставного владѣльца.

Року 1574, месяца мая, 7 дня. Пришедчи на вряд кгродский в замок Луцкий перед мене Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и вѣницкого, свещеникъ троецкий луцкий отецъ Гарасимъ оповедал сам от себе и именем шурина своега Матфѣя Щетинчича, мещанина луцкого, штож дей небожчикъ пан Казимер Ледницкий зостал винен шурину моему, зошлому Парфену Шетинчичу, мещанину луцкому, на лист опис свой, тоест, сто тридцат и пять копъ грошей литовскихъ, которое дей сумы пенезей пан Казимер Ледницкий на рок, водле опису своего, такъ и по року, Парфену Щетинце еще за живота его, а по животе его намъ, повинным его, не отдалъ и не заплатил, и тому листу опису своему и обовязкамъ, в немъ описанымъ, досыт не вчинивши, сам з сего света ушолъ; якож свещенникъ троецкий луцкий отецъ Гарасим тот лист описъ зошлого пана Казимера Ледницкого, под печатю и с подписом руки его и тежъ под печатьми людей добрых, передо мною на вряде положивши, просил, абы был вычитан и в книги кгродские луцкие уписан; которого я огледавши, перед собою читати казалъ, и такъ ся в собе маеть:

Я Казимер Ледницъкий чиню явно и вызнаваю симъ моимъ листомъ кождому, кому того будеть потреба ведати нине и завжды, иж взял и позычил есми ку пилъной а великой потребе своей сто тридцать и пять копъ грошей личбы

и монеты литовское, личачи в кождый грошъ по десети пенезей белыхъ, а в копу по шестьдесят грошей литовскихъ, у приятеля своего пана Парфена Васильевича Щетинъчича, мещанина луцкого, в которой суме пенезей, в сту в тридцати и пяти копахъ грошей литовскихъ, маю и буду повиненъ пану Парфену поступити и в держанье подати семъ чоловека оселыхъ зъ ихъ полми, сеножатми, с платы грошовыми и зо всякими иными доходы и повинъностями, и зо всимъ на все, якося оные люди, нижей помененые, сами въ собе здавна мають, а осмого огородника, на рокъ и день певный, тоесть, на ден Преображения Господа Бога Спаса нашого Исуса Хрыста, вроку тепер идучомъ семъдесятъ первомъ, месяца августа, шостого дня, в понедѣлок, во именю Божеви, которое я именье от его милости князя Марка Соколского в заставе в певъной суме пенезей держу, а тоест меновите людей: Олешка Шпаковича, Хому Мартинъчича, Жданъца Сидоровича, Федину Молявича, Федъца Гладкого, Васка Быцковича, Васка Молявчича, а огородника на имя Лукъяна Шараваpу, которые семъ чоловѣка тяглых а осмого огородника, вышей помененыхъ, доброволные, никому ни в чом первей сего незаведеные, зо всѣмъ на все, яко одно колвекъ сами в собе и во всѣ (sic) можностяхъ, пожиткохъ и обыходехъ своихъ тые люде земли мают на свои части, пан Парфен маеть держати и ихъ уживати, водле звыклости стародавное и водлуг доброе воли своей, як самъ похочеть, доброволне, до часу певного—тоест до светого Марцина, свята римского, в року нинешнемъ семдесят первомъ, до которого року и я тое имене Божовъ држу; а гдебых я Казимер Ледницкий, водле сего листу опису своего, на день назначоный, в понеделокъ, на Преображение Господа Бога Спаса нашого Исус Хрыста не подал и не поступил, в заруки впадываю пану Паръфену сто коп грошей; а естлибы князь Марко Соколский на тот рокъ и ден светого Марцина, римского свята, тое имене Божовъ у мене выкупил, тогды я тогож часу, при отданю мне тое сумы пенезей от князя Соколского, с тых же грошей взявши оную верхо менованую суму пенезей сто тридцать

и пят коп грошей литовскихъ, маю и повиненъ буду пану Паръфену отдати и сполна заплатити; а пакли бы князь Марко Соколский на тот рокъ и ден светого Марцина у мене того имяня Божова не выкупил, тогды панъ Парфенъ маеть и волен будетъ тую сем чоловѣка тяглыхъ а осмого огородника, зъ их платы, и якося вышей поменило, до таковогож року светого Марцина держати и вживати, ажъ до зуполнои заплаты тои помененое сумы пенезей; а межи роковъ не маю и не буду мочи окуповати под заруками на господаря короля его милости стома копами грошей. А еслибы ся ему в том держаню и вживаню якие кривды и шкоды деяли от мене самого, або слуг моихъ, тогды в таковуюж заруку впадоваю. А штося дотычет службы господаръское земское военное с тыхъ семи чоловѣка тяглыхъ а осмого огордника, ино я часу войны, а не пан Парфенъ службу военную маю служити своим властным коштом и накладомъ. А еслибы в томъ часе на мене Пан Богъ смерти допустити рачил, ино пан Парфенъ без всякого нарушеня мает тую семъ чоловѣка а осмого огородника в суме вышей помененой властности своей держати и вживати ажъ до зуполнои заплаты вышей помененое сумы пенезей ста тридцати и пяти коп грошей. А пакли бы и на пана Парфена Пан Богъ также смерть допустити рачил, ино жона, албо близкие, повиноватые, кому то он запишет, волно будет тую семъ чоловѣка тяглых а осмого огородника держати и вживати до зуполное заплаты. А гдебы пан Парфенъ до того року и дня вышей менованого, светого Марцина, римского свята, потребовал сумы пенезей таковое, которую я в него позычилъ, тогды маетъ и будетъ воленъ кому хотечи в таковой же суме, а не въ болшой, тоест в сту тридцати и пяти копах грошей, за сим же листомъ описомъ моимъ заставити и завести оную семъ чоловека и осмого огородника во имяню Божове; а я такъ пану Парфену, яко и тому, кому то он за симъ листом описомъ моим заведетъ, жадное кривды, шкоды и переказы самъ через себе, врядника, слуг, бояр и подданых своихъ чинити не маю и мочи не буду. А естлибы князь

Марко Соколский у мене тое именье Божовъ выкупил, и люди з моци моее и з моци пана Парфена взял, тогды я тогожъ часу маю и буду повиненъ пану Паръфену самому, або кому то заведеть, оную суму заплатити; а гдебыхъ ему самому, такъ и тому, кому заставитъ, оное сумы не заплатил, поддаюся о то доброволне себе до суду кгродского луцкого позвом кгродским луцкимъ, яко на рокъ завитый, на дви недели позвати; а вряд кгродский, буд зуполный або незуполный, хотя оденъ пан подстаростий, мает моцно на мне тую суму пенезей сто тридцат и пят копъ грошей совито, к тому вси шкоды и наклады на голое слово его самого, або того, кому то он заставит, всказати и зараз отправу на именю моемъ, где бых на тот час держал, моцно вделати маеть. И на то есми ему дал сес мой лист подъ моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми ихъ милость панове а приятели мои: его милость пан Иванъ Хребтовичъ-Богуринский, подстаростий луцкий, а пан Миколай Харлинъский, которыхъ просил есми о приложене печатей; што ихъ милость на прозбу мою вчинити и печати свои к сему моему листу приложити рачили. Писанъ в Луцку, лѣтъ Божого Нароженья тисеча пятсот семдесят первого, месяца августа, четвертого дня. Казимер Ледницкий властная рука подписалъ.

А так я тое оповедане священника троецкого луцкого отца Гарасима и тот лист зошлого Казимера Ледницкого с початку ажъ до конца до книг кгродскихъ луцкихъ записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 95 об., № ак. 134.

CXX.

1571 г., августа 13. Запись владыки луцкого Іоны Красенскаго о способахъ удовлетворенія подканцлера в. кн. Литовскаго Остафія Воловича въ суммѣ, присужденной королемъ съ перваго въ пользу послѣдняго, 29628 зол. и 25 гр. Владыка обязывается передать Воловичу свое имѣніе Красное съ приселками, находящееся въ заставѣ у кн. Богуша Корецкаго, а недостающее затѣмъ до полнаго удовлетворенія пополнить изъ доходовъ и имуществъ церковныхъ имѣній. Въ случаѣ нарушенія этой записи владыкою, Воловичъ имѣетъ право ввестись во владѣніе церковными имѣніями.

Я Иона Красенский, владыка луцкий и острозский, архимандрит жидичинский, вызнаваю то сим моим листом кождому, кому того будет потреба вѣдати, ижъ што которую суму понезей двадцат девят тисячей шестьсотъ двадцат осмъ золотыхъ и двадцат пят грошей, монеты и личбы полское, его кролевская мил. выроком своим господарским велможному пану его милости пану Оставю Воловичу, пану троцкому, подканцлерому великого князьства Литовского, старосте берестейскому и кобринскому, на мне сказати и присудити и на отправу тое сумы з ыменей моих властных и теж добръ и пожитков церковныхъ владычства Луцкого и архимандрытства Жидичинского коморника своего господаръского пана Мартина Броневъского его милости пану троцкому придати и послати рачил, яко о том на выроку его кролевское милости ширей описано и доложоно ест; гдеж посланец его кролевское милости пан Броневский, весполок з служебники его милости пана троцкого, у мене в ыменю владычства Луцкого в Рожищах по два крот для тое отправы и ввязанъя урядовне был, а мне листы его кролевское милости показавши, отправу чинити хотел; топак я забегаючи так великому впаду и шкоде своей, а уфаючи ласце и милосердъю его милости пана троцкого, же ся его мил. зо мноюльже обыти рачил, ужилем прозбами моими того коморника его королевъское милости и иншихъ некоторых приятелей и слуг его милости пана троцкого, же мнѣ, не ввязуючися на сес часъ, року от сегодня в дате нижей описа-

ного до чотырох недель, тоест месяца сенътебра, десятого дня, абымъ в томъ часе до его милости пана троцкого сам доехати и его милости за тую суму, на мне сказаную, перебыти и досыт учинити мог, узычили под тым способом, же ся я его милости пану троцкому описую сим моим листом, иж где бым до того часу и дня его милости за всю тую суму досыт не вчинил и не заплатил, иж его мил. и тот, кому бы то его милость злецил, алъбо спустил, волен и моцен будет именъе мое власное село Красное и с приселки Радомышлем, Сухою Волею, з дворы, з людми и всими належъностями, к нимъ прислухаючими, на сес час от мене его кролевской милости у в осминадцати сот копах заведеное, которое тепер князь Корецкий, староста луцкий, в оной же суме осмънадцати сот копах, а не болшой, держит, в той суме на мъне присужоной, тоест в толку, штобы водле статуту выносило, албо в колку похочет, у князя Корецкого окупити, або естлибы его милости и того, кому бы то от его милости належало, воля была от князя Корецкого заплату, як бы великая сума з оного имени быт могла, приняти; а остаток с пожитков готовых именей церковных, з гумен, з ставов, млынов, корчъмъ, мыт, быдла и всее маетности им бы ся то слушне выплатило и выполнило, и тежъ, гдебы чого не доставало, все, водле выроку его кролевское милости и права посполитого, через тогож коморника его кролевское милости пана Броневского моцне з вирхности его кролевское милости на мне съправити, так иж бы его милости пану троцкому, албо кому бы то за зълеценемъ его милости прислушало, вся тая сума, водле декрету его кролевское милости, скутечне выплачона и отправлена была; а я от того часу поты, поки ся зъ его милостью не росправлю, яко того именя моего Красенского в болшой суме, ниж ся поменило осмънадцатисот копахъ грошей, в чом тепер князь Корецкий держит, а (не)болшей, на то права и записов не маю никому и нияким способом заводити, так изъ духовныхъ именей пожитков ничого упускати, зменшати и жадного спустошенъя в дворех и именяхъ владычнихъ и архи-

мандритских чинити, тоест, стада, быдла, збожя и всякое наменшое речи, кром выхованя а севбы, рушати, продавати и вывозити, такъ же спустовъ ставовых, млынов, корчъмъ, мыт с подданых, цыншов и нияких подачок брати; а кгды до ввязаня прийдеть, увязаня и отправы боронити, жадного спротивеня и затрудн҃ене ниякими листы и вымовами, а ни вынамагки (sic), сам через себе, сынов, приятелей и слуг моих чинити не маю и не буду мочи, под закладом так великое сумы двадцати девети тисячей шестисотъ двадъцати и осми золотыхъ и грошей двадцати и пяти, монеты и личбы полское; и теж, гдебы ся што колвек в тыхъ чотырох неделяхъ, яко спустошене и роспрошене якое, албо найдоване яких причин и фортелев ку затрудненю тое справы показало, тогды коморникъ его кролевъское милости пан Броневский, або который колвек инший, оного часу чотырох недел не ждучи и ни на што ся не огледаючи, буд то зъвирхностю его кролевское милости врядовне, буд теж то з моцю приятел або слуг его милости, яко колвек способленою, в ыменя мое властные и духовные моцне въеждчати и всего водле выроку его кролевское милости и тых обовязков моихъ, тоест закладов, отправ учинити мает, моцен и волен будет; а я ся такиж тому жаднымъ способом и вымыслом яко самъ, такъ ни через кого спротивляти; и кгды его милость в держаню тыхъ именей, яко моих властных, так и духовных, прийдет, шкоды, переказы и затрудненъя никоторого чинити, а ни во што ся, до выплаченья тое всее сумы, вступовати, а ни о жадную реч его милости пану троцкому, приятелем и слугам его милости никоторое трудности задавати и небезпечности чинити я сам, сынове, приятели и слуги мои, под тымже вышей помененым закладом, не мают; а хотябы нине якие инъшие записы, заводячи имене мое в болшой суме князю Корецкому, або и кому иному, уделал, або якую трудност его милости пану троцкому, приятелем и слугам его милости о якие шкоды задавати хотел, тогды то у жадного права и суду местца мети и приймовано быти не мает. А иж ся теж ихъ милость панове приятели и слуги его милости пилне домогали

списаня именей, добръ и пожитков церковныхъ, яко быдла, гумен, ставов, млынов, корчъмъ, мыт, цыншов и всякихъ приналежностей, што бы мне было потръвоженемъ подданых великое замешане и омешкане у господарстве и ку той дорозе до его милости пана троцкого учинило, прото, у место списованя, если бых его милости пана троцкого не перебыл, а пришло бы до вязаня, тогды врядъники, войтове и тивунове именей моих церковных, когобы колвекъ обрано, мают на том присягу вчинити, иж ничого з дворов и именей не продано, не вывезено и не рушоно, кром выхованъя моего и севъбы; а гдебы ся то вызнанъемъ которогож колвек нашло, тогды заклад помененый плати(ти), а к тому выховане слушное коморникови его кролевское милости до одного часу давати, и всих врядниковъ войтов и тивунов теперешних для ведомости пожитков доходити, и их ку присязе ставити, под обовязки, вышей поменеными, маю и буду повинен. И на том дал тому коморнику его кролевское милости, приятелем и слугам его милости пана троцкого сес мой лист под моею печатю и с подписю руки моее властное. А при том были и того суть добре ведоми и за прозбою моею печати свои приложити рачили к сему моему листу велможныи панове ихъ милость: его милост пан Миколай Дорогостайский, столник его кролевское милости великого князьства Литовского, староста веленский, тивун кгондинский, а пан Александро Семашко, подкоморий володимерский, панъ Григорей Гулевич, хоружий земли Волынское, а пан Иван Чаплич-Шпановский, войский земли Волынское луцкий, а пан Гектор Кавачинский, староста олыцкий. Писанъ в Луцку, лета Божого Нароженя тисяча пятсот семдесят первого, месяца августа, третегонадъцат дня. Иона Красенский, владыка луцкий, власною рукою.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 345 об. № ак. 393.

CXXI.

1571 г., авг. 25. Размежеваніе въ с. Волковыѣ между имѣніемъ Подгаецкихъ, получившихъ пожалованье отъ вел. кн. Свидригайла, и Ивана Чаплича-Шпановскаго, которому пожаловалъ король Сигизмундъ-Августъ.

Между прочимъ опредѣляется право въѣзда въ чужой лѣсъ за дровами и право охоты какъ самихъ пановъ, такъ и ихъ крестьянъ.

Лѣта Божого Нарожен я 1571, месяца октебра, 16 дня. На рокох земъскихъ судовых, от дня светого Михала, римского свята, в году нинешнемъ семдесят первом ведлугъ статуту припалыхъ и судовне отправованых, ставши очевисто в замку господарском Луцкомъ перед нами, тоест Гаврилом Бокѣемъ, судею, а Остафъемъ Сокольским, подсудком, врядниками земскими судовыми повѣту Луцкого, земяне господарские Семенъ а Левко Костичы, Гаврыло Сидор а Степан Ивашковичи Подгаецкие, а Настасья Матфѣевая Зѣнковна Подгаецкая и сыны ее Петръ а Васко, сами доброволне сознавши, покладали перед нами лист свой с печатми своими и теж с печатми людей добрыхъ, даный пану Ивану Чапличу-Шпановскому, войскому земъли Волынское луцкому, на граниченье имѣнья Волковый, яко ширей о томъ в оном листе ихъ описано и доложоно стоить, и просили они, абы тот лист вычитанъ и в книги справ земъских слово в слово уписанъ былъ. Ино мы его огледавши, перед собою читати казали, который лист такъ ся в собѣ маеть:

Я Семен Костич Подгаецкий, возный повѣту Луцкого, я Левко Костич Подгаецкий, я Гаврило, Сидоръ а Степан Ивашковичи Подгаецкие, я Настасья Матфѣевая Зѣнковна Подгаецкая и з сынми моими Петром а Васкомъ, вызнаваемъ и чинимъ явно сим нашим листом кождому, кому вѣдати належить, што з ласки господарское, вже от давныхъ часовъ, за даниною продком нашим, маючи привилей великого князя Свитригайла, еще с продковъ наших держали есмо имѣнь-

ечко наше Волковый, от которого имѣньечка в кгрунтехъ земленыхъ, в гаех и в озерах вже от давныхъ часовъ немалые розницы, заштья в посеганью земль с поддаными господарскими ключовыми подгайчаны мѣли есмо; топакъ ижъ з ласки своее господарское его кролевская милость за вѣрные послуги тое именье Подгайцы ключовое зо всими кгрунты и людми, на нихъ осѣлыми, его милости пану Ивану Чапличу-Шпановскому, войскому земли Волынское луцкому, вѣчне в отчизну, жонѣ, дѣтемъ и щадкомъ его милости отдати рачилъ; его мил. маючы то в моцы своей и постерегаючы своее хрестянское повинности, также и звыклости своей досыть чинечы, прагнучы с кождым покою и не хотечи, абы есмо его милость о забранье кгрунтов, што есмо менили от подданых его милости докучали, жаловать, або ку праву позвати мѣли, самъ доброволне, обославши нас и зезволившися з нами, и приняли есмо з его милостью рок на тые вси кгрунты, якъ колвекъ помененыи будуть, выехати и то межи собою вѣчне успокоити; и упросилис мы ку той справе его милость пана а добродѣя нашого милостивого пана Михаила Еловича - Малинского, маршалъка его кролевъское милости, который такъ з стороны, яко прошоный, якъ и з стороны права своего осѣлости, которую в том имѣнью Волковыях з нами маеть, то межи нами становити рачыл; а его милость пан войский з стороны своее взяти рачил его милость пана Григоръя Гулевича, хоружого земъли Волынъское; и такъ есмо доброволне з обу сторон без укривженья справедливе межи собою, ведле привилья господарского, будучы мы от его милости захованы, ограничили и копцами закопали, на вѣчные часы обовезавши себе и потомъство свое тое заграниченье держати: на первей, почавши от дорожки, которая нас граничить зъ его милостью паномъ войскимъ и имѣньем владыки луцким Теремнымъ, бо к той дорожце прилегла в головах земля Теременъская от места, а от Хорлупа пана Чапличова Подгаецкаго, через горбъ великий, ажъ до высокого горбу, а оттоль через Сто Могилы до дороги великое, оторая идеть з Луцка до Олыки, тамъ маеть границу панъ

Чапличъ з владыкою, тамъ на той дорожцы усыпали есмо два копцы; а нарожный по правой сторонѣ копецъ нашъ от мѣста Луцкого, а по левой сторонѣ копецъ его милости пана войского; а отголь дубровою межи дорожкою, которая идеть с Подъгаец до Киверец, пускаючи дорожъку по праву в нашу сторону, а проробки в левую сторону пану Чапличу, праве по половицы дубровки пускаючи до проробков, а половицу к дорозе, посередине, якъ гдѣ мѣра вказала, копцы есмо покопали; тамъ от тое дорожки аж до нивки, в дуброве прокопаное, которую Дяковая выкопала, мимо Протасов горбъ, бо тая нивка лежить межи Протасовым горбомъ а Медвежъею могилою,—тую нивку панъ Чапличъ был поорал, иж его кгрунту было принято; усыпали есмо до нивки семъ копцовъ, а на нивце три копцы; тамже через тую нивку до дорожки дубровою, которая дорожка идеть до Медвежое могилы, усыпали есмо копцовъ два, на Медвежей могиле копец; а от Медвежое могилы, пускаючы земълю пану войскому по леву, а нашу по праву от Луцка, дорожкою до лужка а лозокъ, прозываемых Чолновищъ, усыпали есмо копцовъ два, а нарожные два копцы недалеко от лужка на дорогахъ усыпали есмо; а отголь повернули есмо водотокомъ дорогою круто перехресною, мимо запуст пана войского, пускаючи запустъ по леву пану войскому, а намъ поля по праву от Луцка, через дорогу долиною водотоком до мостищъ, по середине, пускаючи запуст пану войскому по леву, а нашъ по праву, усыпали есмо копцовъ четыре, мимо Витовтовъ колодезь, над которымъ копецъ усыпали есмо; а от Витовтова колодеза аж до дороги великои, гостинца звыклого, который идеть з Луцка до Острога, усыпали есмо три копъцы, и тою дорогою, пускаючи запуст пана Чапличовъ по леву, тоюж дорогою ажъ до поля, в которомъ мы жадного вступу чинити не маемъ вѣчне; на той дорозе, с приезду от Луцка, на рогъ запусту усыпали есмо один копец, а по другой сторонѣ дороги другий копецъ; а от тое дороги гостинца великого, который идеть з Луцъка до Острога, ажъ до озерца Бутыра, серед долины, водотокомъ, усыпали есмо копцовъ пять, пу-

скаючи запусты наши по-праву, а кгрунт и гай пана Чапличовъ по леву; а потомъ посередъ озерца Бутыра убили есмо палей чотыри, пускаючи по-леву къ гаю половицу озерца пану Чапличу, а по-праву половицу озерца от села нашого намъ аж до гребельки, а з одное стороны гребелки убили есмо паль одинъ, а по другой сторонѣ тое-жъ гребелки усыпали есмо копецъ; а оттоль нам колодезь, край горы виноградное, пускаючы гору виноградную и колодезь по леву пану войскому, гдѣ дворецъ его милости, а по-праву кгрунт нашъ; а оттоль к болоту, и над болотомъ усыпали есмо пять копцовъ; а от тых копцовъ у болоте маем держати и вживати сеножатей ведле стародавного обычаю, бо тамъ межи нами розница николи не была, аж до крутого берега, гдѣ пришла земъля панов Воронъ; а против крутого берега над рекою по сей сторонѣ убили есмо паль. А што ся дотычеть гаю Подгаецкого, окромь запустовъ, почавши от дороги великое Мостищъкое, которая идеть з Луцка до Острога, аж до гребелки и до дороги, которая идеть з Волковый до Подгаецъ з села нашого через гребелку до Крупои, пускаючы в гай пана войского липовый цыркон (sic) в левую руку, а дворецъ панский в правую; в тотъ гай мы и подданые наши, также и подданые его милости пана Малинского тутошние волковыйские, и дворищъ Станицкихъ въездъ по дрова и по хворост, окром звѣру, доброволный вѣчне мѣти маем; толко заецы намъ в том гаи пана войского межи дорогами вышей менеными, в который намъ уездъ по дрова пустил, сам на потребу свою ловить волно, але подданым нашим не волно; и нам самым звѣру в запусте его милости ловити не волно; бо уезду в тот гай помененый, подле привилья нашого, его милость панъ Чаплич и позволил и умоцнилъ; и лист нам свой граничный, в тоежъ слово на то все по достатку выписавши, далъ. И вже мы сами, жоны, также дѣти и щадки наши в тые кгрунты его милости пана войского, в поля, в сеножати, в запусты и в половицу озера Бутыра за копцы посыпаные и за пали побитые, вышей помененые, вступовати и его милости самому и подданым его милости,

также жонѣ, дѣтем и щадкомъ его милости переказы чинити не маемъ вечными часы; толко в гай его милости липовый волный уездъ до дорогъ и врочищъ, вышей мененых, мѣти маем мы сами, дѣти, счадки и подданые наши вѣчне. А если быхмо мы сее постановенье, албо сесь лист наш в которой колвекъ речи вышей мененой, або артыкуле описаномъ сами, або жоны и дѣти наши нарушили, повинни будем заплатити заруки старосте луцкому триста золотых личбы польское, а пану Ивану Чапличу тисечу золотых личбы полское-жъ; а заплатившы заруки, пред ся сесь лист и попостановенье наше вѣчне, непорушне перед заплаченьем и по заплаченью зарукъ держати и полнити маемъ. Которое постановенье и ограниченье, ижъ стало за власным позволеньем нашим, постерегаючи, абы ся вже жадными причинами правными и неправными, такъ же и тымъ, жес мы подкоморого при том не мѣли, не ламали, повинни будем в замку Луцкомъ передъ судом земъским о перших рокох земъскихъ, которые сужоны будуть о светомъ Михале в року теперешнем семъдесят первомъ, вызнати, оповедати и сес лист нашъ до книгъ дати записати под тымижъ заруками вышей описаными. А ихъ милость панове а приятели наши, вышей мененые, за прозбою нашою печати свои къ сему нашому листу приложити рачили; якож его милость панъ маршалокъ, иж то межи нами становилъ за прозбою нашою, и з стороны осѣлости, которую в том имѣньечку маеть, и руку свою подписати рачил; а мы теж для лѣпшое твердости и сведома печати свои приложили; которые вмѣють писати, руки подписали къ сему нашому листу. Писан в Подгайцохъ, лета Божого Нароженья тисеча пятсот семъдесят первого, месеца августа, двадцать пятого дня. Михайло Малинский, маршалок его кролевское милости влосною рукою подписал. А под печатми в того листа особливе написано в тые слова: иж тамъ в листе не поменено, колко палей в болоте, то для того, же на тотъ час вода была велика, палей бити не могли, ажъ теперъ вбито палей тринадцать; тые пали забитые в болоте за гра-

ницу вѣчную держати мають, бо в болоте жадного заштья меж инами не было.

И такъ мы тое оповеданье, за очевистым сознанем ихъ, и лист слово в слово панов Подгаецкихъ с початку аж до конца до книгъ справъ судовыхъ земских записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 747 № ак. 153.

CXXII.

1571 г. сент. 1. Грамота короля Сигизмунда-Августа луцкимъ властямъ о недопущеніи впредь взысканій по частнымъ долгамъ владыки луцкаго на церковныхъ имѣніяхъ въ Луцкой епископіи.

Король заявляетъ, что церковныя имѣнія суть „собственность наша господарская“.

Лѣта́ Божого Нароженя 1571, месяца октебра, 9 дня. На рокох земскихъ судовых etc. Пришедши в замок господарский Луцкий перед насъ, тоесть etc., возный повѣту Луцкого Дахно Гулялницкий подал нам суду лист его кр. милости, одержаный с канцеляреи от владыки луцкого и острозского архимандрита жидичинского отца Ионы Красенского; который листъ такъ ся в собе маеть:

Жикгимонт-Август, Божю милостю король полский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, жомоитский, ифлянтский, пан и дѣдич. Врожоным князю Богушу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и вѣницкому, врядником земскимъ повѣту Луцкого Гаврилу Бокѣю, суди, князю Остафю Соколскому, подсудку, Михаилу Корытенскому, писару, а в небытности князя Корецкого самого в Луцку, ино подстаростему его и теж суди кгродскому луцкому, вѣрнымъ намъ милым ласку нашу кролевскую. Врожоные, вѣрные нам, милые! тых часов писал и присылал до нас велебный отецъ Иона Красенский, владыка луцкий и

острозский, архимандрытъ жидичинский, ознаймуючи о томъ, иж дей многие князи, и панове, земяне, шляхта и иные розные особы, маючи з нимъ нѣкоторые давные зайштья и розницы и справы в речах своих властныхъ, в чом дей его перед правом сперети не могли, тепер до тых судов наших кгродского и земъского Луцкого перед вр. вш. его притпскиваючи, и за розсудком вашим права на нем перевожовали, и тепер еще права у судов наших мети мають, и отправу в речах сужоных з врядов помененых от вр. вш. на именяхъ тоесть владыцства Луцкого и архимандрытства Жидичинского чинити и в тые то именя церковные увязыватися хочуть, чого вы з врядов своих никому допущати не маете; еще с пилностю того боронити и перестерегати повинни есте, кгдыж вси именя церковные есть властност наша господарская, на которых не толко, абы отправаниякая за чужую вину чинена быти мела, але и наменшое шкоды и ущирбку их не ради быхмо видели; якож згола не хотячи того мѣти, приказуемъ вамъ, пререченым врядникомъ нашим суду кгродского и земского Луцкого, сродзе, аж бы есте о том вѣдаючи, тепер и напотомъ за чужий долгъ вы именя наши владыцства Луцкого, архимандритства Жидичинского никому въеждчати и ввязоватися не допускали, и того с пилностю постерегаючи, и боронили, и сами с тых врядов своих отправы никоторое никому чинити не мели и того ся не важили, под ласкою нашею кролевскою, абы есте того иначей не делали конечно. Писан у Варшаве, дня 1 месяца сентебра, лета Божого Нароженья 1571, панованя нашого року 41. На росказане короля его милости властное. Подпис руки князя подканцлерого коронного. Который же то лист господарский слово в слово до книг справ земскихъ записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2094, л. 684, № ак. 102.

CXXIII.

1571 г., окт. 8. Продажная запись Александра, Михаила, Яна и Василія Жоравницкихъ князю Богушу Федоровичу Корецкому на им. Жабокрики, доставшееся имъ по наслѣдству отъ Мих. Мих. Свинюскаго [1]).

Михаилъ Михайловичъ Свинюсский купилъ двѣ трети имѣнія Жабокрикъ „въ суммѣ пенезей" (т. е. получилъ въ заставу), а одну треть „на вѣчность" у Вас. Яцк. Жабокрицкаго; затѣмъ по смерти покупщика четыре брата его наслѣдовали это имѣніе и продаютъ его (въ собственность) кн. Корецкому. Такъ приближается заставное право къ праву собственности.

Мы всѣ сполечне и одностайне братя роженые: я Олександро Маркович Жоравницкий, ключникъ и городничий луцкий, а я Михайло, а Ян, Василевич (Василій) Марковичи Жоравницкие, так каждый з нас з особна, яко и всѣ чотыри и(з) нас братя особами весполок явно чинимъ и вызнаваемъ сами на себе сим нашимъ листомъ всѣмъ вобец и каждому з особна, даючи то ведати, кому бы того належала потреба ку веданю, албо слышаню, сесчас и напотом завжды, што которое имене половица Жабокрык небожчика Василя Яцковича Жабокрицкого, которую брат наш небожчик пан Михайло Михайлович Свинюский купил у того помененого Василя Яцковича Жабокрыцкого и в жоны его Опранки Сербиновны за певную суму пенезей две части в суме пенезей, а третюю часть на вечност, котороеж имене половина Жабокрык, его купля небожчика брата нашого, спала на нас вышей менованых всих чотырох братов к рукам нашим по смерти того менованого брата нашого пана Михаила Свинюского правомъ прирожоным на нас, яко на властных братьев, и потомков, и близких его; а так по смерти помененого небожчика брата нашого пана Михаила Свинюского пани Зеновя Мордвиновна Жабокрыцкая з дочками своими а сестрами небожчика помененого Василя Яцковича Жабокрыцкого в спокойном держаню нашомъ того именья половины Жабокрык переказу

---

[1]) Актъ приводится съ сокращеніями.

намъ чинили, гдеж мы всѣ помененые братя Жоравницкие, с тою Зеновю Мордвиновною Яцковою Жабокрыцкою и двема дочками ее Кетериною и Оксимею Жабокрытскою постановене врядовне учинивши, и особливыхъ и листов, и записов на тое имене, подле права, одержавши, которое они нам под вѣдомостю врядовою, подле права посполитого и статуту земского, дали, потвержаючи и вмоцнаючи тую куплю небожчика брата нашего пана Михаила Свинюского, от небожчика Василя Жабокрыцкого, брата ихъ, и от нихъ самыхъ продануую и заведеную, будучи мы в спокойном держаню и вживаню того имени небожчика Василя Яцковича Жабокрытского половицу Жабокрык, яко властивое купли и правне набытого именя нашого, а не будучи ни от кого о то намовленыи а ни приневоленыи, одно сами по своей доброй воли, толко для самое потребы и для лепшого пожитку нашого сполечне, а ведаючи то, иж кождый стан шляхетский волностю своею ведле права шафовати есть волен, ино не отступуючы мы того дей ни в чомъ статуту права посполитого земского, але и овшемъ водле того ся справуючи, в томъ преречономъ именю нашомъ купли и права набытого небожчика помененого брата нашого и нашое, в повете Кремянецкомъ лежачомъ, половицу Жабокрик, никому ничимъ непенную, в жадномъ долгу а ни в сумахъ никоторыхъ перво сего от нас незаведеную, леч яко властную куплю и правное набыте небожчика помененного брата нашого и нашу, як долго и широко, и около вкругъ межи вчастниками Иваномъ а Гурином з братею его Дахновичи Жабокрытскими, а з ними вже от обаполных суседов у границах от кгрунтов именя Теслуговского и приселков его Борятина и Добриводки, и панов Рогозинскихъ, и князя воеводы киевского Птичского, и от пана маршалка его кролевское милости пана Михаила Ела-Малинского именя Вербовского, и от панов Козинских и от именей ихъ Козинскихъ, и от именя моего Михайлова Крупецкого, так теж и отъ именей панов Корытенскихъ Хотеня, так якося того помененого именя Ж(аб)окрытского кгрунты стародавна от часов вечныхъ собѣ мели, мают и

мети будутъ, а потребуючи ку великой а пилной потребе нашой сумы пенезей, продали есмо всѣ помененая братя полечно (sic), одностайною рукою, тое имене нашо половицу Жабокр(ик) завели зо всѣмъ на все, якося тая Василя Яцковича половица имени Жабокрык сама в собе и в граница(хъ) своихъ мает и мети будет, тымжо правом, якъ небожчик брат наш панъ Михайло Михайлович Свинюский, то купивши у помененого Василя Яцковича и также у помененый в жоны и в сестръ его, на себе держачи, уживал и нам по животе своемъ оставил, к тому с тым правом, которое вжо от тое помененое Зеновъи, матки того Василя Жабокрыцкого, и двух дочок ее мы вся помененая братя набыли обел вѣчне и навеки непорушоно, ничого сами от себе, и на дѣти, и на потомки, и на близкие наши не зоставуючи, а ни выймуючи, его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и вѣницкому, и его милости кнегини, и его милости дѣтемъ, и потомъкомъ и напотом будучим щадком ихъ милости, за певъную сумму пенезей, тоест за чотыри тисячи копъ грошей личбы великого князьства Литовъского, личачи в кожъдый грошъ по десети пенезей белыхъ, а въ кажъдую копу по шестидесят грошей литовскихъ; которую готовую суму пенезей вже сполна есмо зараз руками своими отличивши, и ку шафованю своему и пожитку сполечному от его милости князя Богуша Федоровича Корецкого, старосты луцкого, сполна взяли; а продали есмо тую помененую половицу имени нашого Жабокрык з двором нашимъ Жабокрыцкимъ, с полми пашными, и сеножатми дворными, з гумны, з фолварками, с огородами, с пашнями засѣяными, и всяким домовствомъ, и з слугами путными и з людми тяглыми, отчизными, прихожими и заседелыми, куничными, и с огородниками, зъ ихъ службами, роботами, з данми медовыми, грошовыми, з цынши житными, пшеничными, овсяными, всякими доходы и повинностями звечными, на сес час и напотом будучими, с пустотинами, зъ селищи, з городищами, зъ землями пашными, бортными, з сеножатми, з островы, з гаи, боры, з лесы, дубровами, зарослями, и с

проробками, с пущами, з ловы звериными и пташими, з болотами и з мъшкарниками, з озеры, зъ сажовками, з реками, з речками, з бобровыми гоны, з ставы, з ставищами, з млыны и з ихъ вымелками, з береги речными, и всякими водами волными, и особливыми, и суместными, и зо всѣми кгрунты землеными и водеными, лежачими (на) нашой половине в том именю Жабокрыкахъ здавна, и на сес час дедичне належачими и прислухаючими, которые яким колвек именем, албо назвиском могут, алъбо теж и не могут вобец названы и особливе менены быти, леч зо всѣмъ на все, яко ся тая половина именя нашого купленого Жабокрыцкого межи всѣми поменеными вчасниками належачими и прислухаючими в земляхъ и границахъ, межахъ, и в оступехъ, обыходехъ и во всѣхъ пожитъкохъ своих на долгость, широкост и округлост от давныхъ вечныхъ часовъ и на сес час само в себе мает и наперед мѣти будет, так иж ни в чомъ его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, и его милости кнегини ихъ милости, и дѣтем и всѣмъ потомкомъ и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ милости, и на той купли его милости половина Жабокрыкъ и во вшелякумъ поступъку правнымъ и неправнымъ, яко особливое менованому, а посполитое неменованому и особливому, шкодити не мает, якож есмо всѣ чотыри помененая братя вже зараз тое половины купли небожчика помененого брата нашего пана Михаила Свинюского, нашего власного правного набытя в томъ именю половицы Жабокрык, ведле продажи нашое властное и сего запису нашого, заступили и в спокойное держане и вживане вечно до рук его милости князю Богушу Корецкому, старосте луцкому, жонѣ, дѣтемъ, и потомъкомъ его милости зо всѣмъ на все поступили и подали, и листы вечистые всѣ права наши, яким бы колвек именемъ называны, которые небожчик брат наш панъ Михайло Свинюский мел и от пана Василя Жабокрыцкого, жоны его, также и мы по смерти небожчика брата нашего якие колвек листы одно есмо мели от небожчици Зенови Яцковое Жабокрыцкое и от дочок ее, на тую половицу именя

Жабокрык прислухаючи, а в руках нашихъ бы листы есмо всѣ ни одного листа, а ни записа в себе не оставуючи, князю Богушу Корецкому его милости в руки подали; а гдебы ся который напотомъ лист, албо запис, в нас самыхъ, албо в приятел, кревныхъ и повиноватыхъ нашихъ, на тую половину Жабокрик прислухаючихъ, показатися мел, таковый нигде местца мети, а ни в жадного права приймован быти не мает. А еслибыхмо теж сами, албо дети, потомъки, близкие и кревные наши в тую половину именя Жабокрыцъкого, от нас на вечностъ князю Богушу Корецкому его милости проданое, а правне заведеное, чимъ колвекъ мели се вступовати, до права его милости самого, жону, дети и потомков его милости о то позывати, в шкоды и наклады которые ихъ милость приводити, и в чомъ быхмо одно, якъ в болшой, так и в меншой речи, мели з сего запису листу своего продажного выступити и досыт ему не вчинити, тогды маем и будем повинни сами, тымъже обычаемъ, дети и потомки наши мают и будутъ повинни толко, колко крот быхмо выступили, заплатити з маетности добръ нашихъ лежачихъ и рухомыхъ, который з нас где колвек правомъ дедизным вечистымъ, в сумах яким колвек обычаемъ албо, способомъ до сего часу на здержаню (sic) и вживаню нашомъ власне належит и вперед належати будет, заруки его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, также кнегини, малжонце его милости, детем и потомкомъ ихъ милости, яко властного долгу, чотыри тисечи коп грошей личбы великого князьства Литовского, и всѣ шкоды и наклады, без жаднаго доводу права и присеги, одно на голое слово умоцованого его милости, совито платити и нагородити; а заплативши тое все предся сес листъ нашъ его милости князю Богушу Корецкому у кождого права и на кождомъ местцу завжды вцеле и ни в чомъ ненарушоне держан и при зуполной моци захован быти мает. А естли быхмо мы сес лист наш, от нас всѣхъ помененыхъ чотырохъ братов Жоравницкихъ на тую от нас продануюи правне заведѐную половицу помененo(го) именя Жабокрыцкого его милости

князю Богушу Корецкому, кнегине, и детемъ, потомъкомъ его милости даного, чим нарушили, або з него выступили, тогды о то мает нас его милость, албо потомки его милости припозвати до которого колвек права похочет, так земского, яко и кгродского и надворного, а мы за позвом, от его милости данымъ, повинни ся есмо перед тым урядомъ, где будем позваны, становити и во всемъ ся без каждых вымов и отзбиваня аж до конца усправедливитися, во всемъ декрету и сказаня ихъ милости послушни будучи. Гдеж для певнейшое моцности тое продажи и правного заведеня нашого тое помененое половины именя Жабокрыцкого, тот лист нашъ до книг земскихъ судовых повету Луцкого, так и до книг кгродскихъ луцкихъ, перед зуполнымъ врядом земскимъ кгродским луцкимъ ставши, есмо очевисте тую продажу и правного заведеня нашого половины помененого именя Жабокрыцкого до книг земскихъ и кгродскихъ зознали, и тот лист наш записати дали; а иж есмо на тот час, подле повинности нашое и права посполитого, того листа нашого, от нас всѣхъ помененыхъ чотырох братов Жоравницких его милости князю Богушу Корецкому на тую продажу и правное заведене наше на половицу именя Жабокрыцкого, даного, до книг земскихъ судовыхъ кремянецкихъ, в котором повете тое помененое имене Жабокрыки лежат, не зознали и записати его не дали, тогды естъмо то не без причины учинили, одно затрудненемъ на тот час суду земского кремянецкого, але скоро даст Богъ, на першихъ пришлыхъ рокохъ земскихъ кремянецкихъ заседанемъ зуполного суду земского, подле права посполитого и статуту земъского, тогды мы всѣ помененые чотыри братя Жоравницкие маем и повынни будем, кром жадныхъ вымов, на перший ден заседаня суду земъского кремянецкого, у Кремянци перед судомъ земъским стати и тую (sic) и правное заведене наше помененое половину Жабокрик, от нас его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому проданое и правне заведеное, до книг земскихъ судовыхъ явне зознати и записат его дати; што все, под тымиж зарукам и обовязками, вышей в сем листе

нашом описаными и поменеными, без жадныхъ вымов выполнити повинни будемъ. И на то есмо его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому, старосте луцкому, браславскому и веницкому, сес лист под нашими печатми, и руками нашими властными подписавши, дали и для лепшое твердости, и ведомости, и певнейшого умоцненъя сего листу, также продажи и правного заведеня тое помененое половицы именя нашого Жабокрыцкого просили есмо их милости велможныхъ панов, его милости пана Михаила Еловича, Малинского а пана Александра Федоровича Вагановского, маршалковъ его кролевское милости, пана Василя Федоровича Гулевича, войского володимерского, пана Михаила Федоровича Корытенского, писара земского луцкого, пана Богдана а пана Ивана Михайловичов Хренницкихъ, а пана Михаила Андрѣевича Вилгорского о приложене печатей; их милост вышей помененые панове, будучи тое продажи и правного заведеня нашого тое помененое половицы именя Жабокрыцкого от нас добре сведоми, и за прозбами нашими, печати свои приложили к сему нашому листу. Писан в Луцку, под лѣть Божого Нароженя тисеча петсот семдесят первого, мѣсяца октебра, осмого дня. Александро Журавницкий, ключник и городничий луцкий, власна рука, Михайло Журавницкий, влосная рука. Янъ Журавницкий, власная рука, Василей Журавницкий, власною рукою.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 482 об., № ак. 533.

CXXIV.

1572 г., янв. 8. Заставная запись Федоры Боговитиновны Загоровской Ленарту Гурскому на половину имѣнія въ Загоровѣ, завѣщаннаго ей сыномъ.

Залогъ, предупреждающій заставу.—Выборъ крестьянъ, предназнаемыхъ въ заставу, предоставляется самому кредитору; владѣлецъ получаетъ права на крестьянъ „съ судомъ и караньемъ винъ".

Я Яновая Загоровъская Федора Боговитиновна чиню явно и вызнаваю сама на себе симъ моим листомъ кождому, кому бы потреба была того листу моего ведати, або чтучи его слышати, иж што сын мой небожчикъ пан Гаврило Яновичъ Загоровский, з милости своее сыновское, за живота своего тую всю часть свою имени своего отчизного, которая ему з делу от брата его рожоного, а сына, моего пана, Михаила Яновича Загоровского в Загорове зостала, тоест двор з людми, зъ землями, полми, сеножатми, гаи, и запусты, дубровами, з ставомъ поддворнымъ и с половицею ставу великого, и с половицею млына и пожитков млынскихъ, и з кгрунътомъ Защитовскимъ, мне матце своей дал, даровал и на вечность записал и при остатней воли своей, сходечи с того свѣта, на тастаменте своемъ то описал, а то все поступкомъ правнымъ вчинивши, врядовне мне утвердилъ; на которомъ тестаменте своем и то поменил, иж суму пенезей чотыриста и сорокъ копъ грошей пану Ленарту Кгурскому виненъ зостал, а где оную суму пенезей чотыриста и сорокъ копъ грошей и на которые местъца обернулъ и розшафовалъ, то сын мой пан Гаврило Загоровский на ономъ же тестаменте своемъ достаточне описал; в котором тестаменте и то доложил, абымъ я матъка его, яко держачая именя Загорова, мне от него дарованого и на вечность записаного, оный долгъ его чотыриста и сорокъ копъ грошей пану Ленарту Кгурскому отдала и заплатила, в которых же то пенезехъ, водлуг запису сына моего пана Гаврила, пан Ленартъ Кгурский в половицу именья Загорова увезатися и в держане свое увезатися хотел; одножемъ я просила пана

Ленарта Кгурского, абы его милость в половицу того именя, мне от сына моего, с того свѣта зешлого, небожчика пана Гаврила дарованое и записаное, чого я вже водлугъ даровизны и записаня его в держаню и вживаню естъ, не увязываючися, оное сумы пенезей чотырох сотъ и сорока копъ грошей до которого часу слушного мне пождал, и еще жебы мне чотырнадъцат копъ грошей на потребу мою позычилъ; якожъ пан Ленартъ Кгурский за прозбою моею то вчинилъ, а в тую половицу того именя не увязываючися, мне оное сумы пенезей чотырех сотъ и сорока копъ грошей до часу певного, тоестъ до Рожества светого Ивана, свята прийдучого, которое мает быти в року теперешнемъ тисяча пятсотъ семъдесят второмъ, месяца июня, двадцать четвертого дня, ждати позволилъ, и еще к тому чотырънадцать копъ грошей литовъскихъ на потребу мою до тогож часу до святого Ивана мне позычил; тоест того всего долгу сынего и моего властного полпетаста и чотыри копы грошей литовское личбы пану Ленарту Кгурскому и малжонце его панеи Зофеи с Тернова винна есми зостала, и тую всю суму пенезей на половицы тое всее части именя Загоровъского, мнѣ от сына моего зешлого пана Гаврила дарованое и записаное, их милости записую и во всей той суме пенезей у полпетусту и чотырехъ копахъ грошей половицу тое всее части именя моего ихъ милости заставую подъ такимъ обычаемъ: иж маю я и буду повинна на ден свята Рожества святого Ивана тую всю суму пенезей полпетаста и чотыри копы грошей литовское личъбы в домъ его милости пана Ленарта Кгурского до Устилуга отнести и его милости самому и малжонце его милости панеи Зофеи с Тернова отдати и заплатити грошми готовыми таковыми, которые на тотъ час тут на Волыни по чому ити и браны будуть; а еслибых я на тот рокъ описаный на ден свята рожества светого Ивана тое всее сумы пенезей полпетаста и чотырех копъ грошей пану Ленарту Кгурскому и малжонце его милости панеи Зофеи в дому их милости в Устилузе не отьдала и не заплатила, тогды пан Ленартъ Кгурский, або малжонъка его милости пани Зофея,

або теж умоцованый ихъ милости, от ихъ милости на то посланый, взявши возного, а в недостатку возного, вижа з уряду кгродского Володимерского, маеть моцно на завтриеж после того року Рожества святого Ивана у половину тое всее части именя моего Загоровъского, мне от сына моего зешлого небожчика пана Гаврила Яновича Загоровского дарованое и записаное, тоестъ у половину двора и всего будованья, и осели дворное, садов, и огородов, гумна, оборы, пол засеяныхъ и незасеяных, сеножатей дворныхъ, и людей тыхъ, у которых самъ похочет и которые ся ему подобати будут, што бы на половину тое части приходило, зъ ихъ садъбищами, и з землями, полми, сеножатми, и в половину ставовъ, и млына, гаевъ, запустов, дубровы, и во все тое, што колве на половину тое части, мне от сына моего зешлого небожчика пана Гаврила дарованое и записаное, приходит, въехати и в той суме пенезей у полъпету сту и в чотырохъ копахъ грошей литовское личбы увезатися, и то все рокомъ певнымъ, почавши от якого часу якъся увяжеть, аж до целого году, зо всѣми платы, доходы, пожитъки, и якимъ бы колве именем названы, або поменены быти могли, а з роботами людскими, судомъ и каранемъ винъ, и бранемъ куницъ, и всякихъ пожитковъ так с подданыхъ, яко и вшелякихъ кгрунтовъ, ставовъ, и млына, и деревъ овоцовыхъ и неовоцовыхъ, на себе держати и с того всего, яко властности своее, вживати водле воли и подобаня своего, яко самъ налепей розумеючи; а я сама, дети, и никоторые близкие, кревные и повиноватые мои, врядникъ, слуги, бояре и подданые мои, и нихто инший ничимъ того увязаня ихъ милости забороняти и, по увязаню, во все тое, у во што ся увяжетъ, ничимъ уступовати и никоторое переказы в держаню и вживаню их милости чинити не маемъ аж до року описаного и отданя их милост от мене тое всее сумы пенезей. А гдебых я, водле описаня сего листу моего, на тот пришлый рокъ ден святого Ивана в тую половицу именя моего Загорова, в оной суме пенезей вышей помененой, пану Кгурскому увязанья не поступила, або теж хотя и увязаня

поступивши, а до того другого року описаного дня святого Ивана не дочекавши и зуполное заплаты пану Кгурскому и малжонце его милости в той суме, вышшей описаной, в половицы именя моегс Загорова якую колвекъ переказу и трудность пану Кгурскому чинити мела, тогды з особы моее винъна буду на замокъ господаръский Володимерский такуюж суму пенезей закладу заплатити, а пану Кгурскому тые пенези его совито отдати и всѣ шкоды и наклады пану Кгурскому добре нагородити, кромъ жадного права и доводу, одно на приречене слова его милости; а заплативши тот закладъ врядовый и совитость тое сумы пану Кгурскому, и всѣ шкоды и наклады добре нагородивши, пред ся панъ Кгурский тую половицу именя моего Загорова з малжонкою своею в той суме пенезей позыченой, от року до року спокойне держати и вживати мают, аж до суполное заплаты, покол вся тая сума сполна пана Кгурского и малжонки его милости от мене дойдеть; в томъ держаню пана Кгурского и малжонки его милости тое половицы именя моего Загорова еслибыся потрафила якая служба господаръская и земъская военная, тогды пан Кгуръский не повиненъ будет службы военное с тое половицы именя Загорова служити, а ни тежъ мене с тое половицы выправовати; одно я сама, яко держачая того именя, винна буду, водле пристойности, службу господаръскую и земъскую заступовати. А хто бы тежъ с кревныхъ и близких моихъ у кгрунт тое половицы именя моего Загорова чимъ колвекъ уступоватися и якую колвекъ труцность и перекAзу пану Кгурскому чинити мели, тогды я маю то очищати и от таковых кривдъ и шкод пана Кгурского боронити. И ку тому тежъ в томъ часе за держаня пана Кгурского с тое половицы именя моего Загорова если бы хто с подданых моих мелися розыйти проч, тогды я, при отданю оное сумы пенезей, тых подданых на пану Кгурскомъ поискивати и никоторыми причинами тое сумы пенезей за таковых збегов збивати не маемъ. А где бы в томъ часе, нимъ оную суму пенезей полпетаста и чотыри копы грошей литовскихъ пану Кгурскому отдамъ, на пана Кгурского Пан Богъ смертъ

допустити рачил, тогды я противо панее малжонки его милости и потомъков ихъ милости во всемъ подле сего опису моего, такъ яко и противо самому пану Кгурскому, заховыватися маю и повинна буду. Пакли бы теж в таковомъ же часе и на мене самую Пан Богъ смерть допустил, теды держачи(й) того именя, который за якимъ колвекъ правомъ по животе моемъ оное имене мое Загоровъ держати будет, противо пану Ленарту Кгурскому, малжонце и потомъком ихъ милости во всемъ по тому, яко и я сама, водлугъ сего листу моего заховыватися и досыть чинити ему винен будет. А кгды я через себе самую, або черезъ умоцованого своего оную суму пенезей пану Ленарту Кгурскому, або панеи малжонце его милости отдамъ и заплачу, теды пан Кгурский, або малжжонка его милости сес лист мой вызнаный мнѣ, або умоцованому моему отдати маеть и винен будет. И на томъ дала пану Ленарту Кгурскому тот мой вызнаный листъ под печатю моею. А для большого утверъженя того моего листу, за прозбою моею, пан Павел Оранский, дворенин его королевское милости, пан Щастный Терновский, пан Кузма Тирон Гричинин печати свои до сего листу моего приложити рачили. Писан у Володимери, лѣта Божого нароженя тисяча пятсотъ семъдесят второго, месяца генваря осмого.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 967, л. 358 об.

CXXV.

1572 г. февр., 22. Дарственная Палаги Яковны Крокотчанки княжны Яловицкой мужу Степану Русину на принадлежащія ей части въ имѣніи Яловицкомъ, Чекнѣ, Котельнѣ и Ворсинѣ и на дворъ Яловицкій.

Дарственная дается съ условіемъ, чтобы имѣніе по смерти одаряемаго не выходило изъ дому Берестецкаго. Имѣнія передаются съ частію церкви Яловицкой св. Димитрія и съ частію монастыря св. Креста.

Я Полагя Якововна Крокотчанка княжна Яловицкая, жона его мил. пана Стефана Русина Берестецкого, сознаваю и чиню явно сим моим листом кождому, кому бы то ведати

належало такъ нинешнего, яко и напотом завжды будучого веку людем, иж я узнавшы ласку, добродѣйство великое, милост и прихилност по малъжонку моемъ намилшом пану Стефану Русину и теж кошт и наклады его на дом, господарьство, именя мои, так теж што его мил. пан малъжонок мой своими властными пенезьми долгъ небожчицы матки моее платилъ, тое все добродѣйство его мил. я узнавшы и хотячы то его мил. поволностю своею вызнати и нагородити, а тым большую ласку его мил. на себе позыскати и способити, а будучы волна, ведле права и статуту теперешнего, а менովите, уфалы сойму берестейского, в року прошломъ 1565-мъ (sic) учиненое, на вечност потверженое и в статут великого князства Литовского установленое, властностю своею, яко стан шляхетский, ведлугъ воли и уподобаня своего шафовати, не будучи ни хоробою затруднена и ничым ни от кого примушона, то сама по своей доброй воли дала, даровала и сим листом своим даю, дарую и записую менованому малъжонку своему пану Стефану Русину вси части свои во именях моих отчизных, меновите въ Яловичох с частю церкви Яловицкое святого Дмитра, Чекнѣ з частю манастыра Чеконского светого Чесного Креста, Котелеве а Ворсине, и двор Яловицкий и част подворя в замку Луцком з будованемъ всим дворным, и з дворцем, оборою, з быдлом рогатымъ малым и великим, з стадом сверпъимъ, пашнею, в гумне стоячою и на поли засеяною, и теж зо всим домовством и спрятом домовым, з ставы, и з ставищами, з млыны, и з их вымелъками, з мыты гребелъными, з гаями, зъ запустами, з лесами, хворощами, з гаем, з деревом бортным, дубровами, садами, озерами, реками, речками и болотами и со всими кгрунты землеными и водеными, з гоны бобровыми, з людми подворищными тяглыми и нетяглыми, с подсуседками, з слугами путными, с платы грошовыми, з чиншами овсяными и зо всими их пожитки и с тым всим, якося тые вси части мои в ыменяхъ менованых сами в собе и во всих пожиткох и можностях своих мают и якож колвекъ менованы и поличоны сут и напотом будуть розширoны, хотям делу ровного а вечистого з

сестрами своими, меновите с панею Василевою Приверѣдовскою, панею Марею Григоревою Слуцкою, панею Настасею а кнегинею Михайловою Ружинскою, кнегинею Ганною и з сыном зошлое сестры моее небожчицы Масѣлки, зъ княжнами Яловицкими, которая была за паном Дмитром Дольматовичом Исайковским, на имя Михайлом Дмитровичом, еще есми не мела и на сес час промежку собою не маемъ,—и часть фолварку, которое пустует и лежит пляцем неподалеку Гнидавы, але што тепер в держаню и вживаню своем маю, то все огулом, або здоймом, зо всим на все, правом своим прирожоным отдаляючы от всих близких и кревных своих, выпускаючы вечне з дому своего, на его милост пана малъжонка своего все право свое прирожоное вливаючы, хотябых и дети зъ его милостю мела, албо бы, чого Боже вховай, его милост наперед умер, тогды и от детей и сама от себе, колибых, ся по его мил. вдовою застала, все отдаляючы и ничого оттол на себе, на сестры, близкие и кревные свое не выймуючы а ни зоставуючи, толко все на вечные часы на дом его мил. Берестецкий вливаючы; и мает его милост пан малъжонок мой милый, пан Стефан Русин Берестецкий, тые вси части, верху менованые от мене его мил. на вечност дарованые, ведлугъ объдарованя сего листу и запису моего, зо всим держати и уживати такъ при животе, яко и по животе моем, а теж и по его животе нигде индей то не мает спасти, толко на домъ его мил. Берестецкий, и вже почавшы от даты сее, в сем листе моем нижей написаное, аж и на вечные а непорушные часы, и як хотячы, тым шафовати, тоест отдати, продати, заставити, променити, у суме завести, и ведлуг воли и уподобаня своего, буд все зараз, або част которую, з рукъ упустити, то его мил. волно, яко властностю своею, шафовати, оборочати, прибавляти и разширити, и к тому волен и моцен будет за живота и при животе моем, теж при бытности и без бытности особы моее, делъ ровный и вечистый в тых менованых именях моих ку частем помененым, от мене его мил. дарованым и верху менованым способомъ записным, з сестрами моими верху менеными и сестренцом моим Михаиломъ Дмит-

ровичом приймовати, чинити и умоцняти, яко его мил. похочет, во властности своей без жадное в том кривды и переказы, и к тому тые дворища Яловицкие, которые в пана Григоря Слуцкого и в пана Дмитра от небожчицы кнегини матки моее въ суме пнезей в заставе ест, моцон и повинен будет своими пенезми окупити и с тым всим ведле того обдарованя моего держати и вживати на вечные часы. А гдебых я сама, чого Боже вховай, албо хто з близких дому моего в том праве в держаню тых именей, властности пана малъжонка моего, албо хто бы то держалъ, якую переказу чинилъ о вечност того права, буд близкостю, албо спадком яким менечы, ку праву позывати мелъ и хотя в наменшом слове сес лист мой нарушил, тогды кождый таковый противный будет повинен стороне обpажоной две тисечы копъ грошей заруки заплатити, шкоды и наклады на словоречене совито оправити толко крот, колко сес лист мой хто нарушить, а пред ся сес лист мой вечистого объдарованя моего, зо всими словами и артыкулами в нем описаными, завжды в кождого права при зуполной а ненарушеной моцы захован и држан быти мает. Якож я помененая Полагя, сама ставшы очевисто перед врядомъ кгродскимъ луцкимъ зуполнымъ в замку господарьскомъ Луцком, сее обдароване свое сознати и сес лист и запис мой до книг кгродских луцких записати дати и выпис с книг пан малъжонок мой собе взяти маеть, который выпис на перших рокох судовых земских до книг земских луцких, так сам через себе, яко и через приятеля своего, перенести и записати дати волно его мил. будеть, и вжо от сего часу, хотя бых я сама перед судом земским луцким ставши очевисто не сознала, ино суд земский, вглянувши в сес лист мой и выпис кгродский, тогды вряд вряду в томъ вѣрити и сес лист мой до книг справъ земских судовых вписати маеть.—И на то есми пану Стефану Русину-Берестецкому, малъжонку своему милому, сес мой лист, до которого секгнет гербу своего притиснувшы, дала, а къ тому о приложене печатей просила есми их мил. панов а добродѣевъ моих: пана Михаила Корытенского, писара земского повѣту Луцкого, пана Григоря

Болъбаса-Ростоцкого, писара земского повѣту Кременецкого, пана Андрея Киверецкого, пана Василя, пана Дмитра, пана Фалелея Рогозенъских а брати своее ве кърви повинных: пана Олехна а пана Яска Томиловичов Вороничовъ-Боротинских; которые их мил. верху менованые панове, будучы того добре сведоми, за прозбою моею устъною печати свое властные к сему моему листу приложити рачили. Писанъ у Волъковыях, лѣта Божого Нароженя 1572, мца февраля, 12 дня.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л. 41 об., № ак. 10.

CXXVI.

1573 г., авг. 23. Донесеніе вознаго о томъ, что онъ отвелъ церковное имѣніе Вороны владыкѣ владимірскому Феодосію, присужденное ему, по старымъ границамъ, опредѣленнымъ въ разъѣзжемъ листѣ Ивана Ходкевича—старосты луцкаго и Олизара Шиловича—маршалка земли Волынской (т. е. въ XV в.).

Року 1573, мѣсяца августа, 23 дня. Постановившися очевисте на вряде кгродскомъ Луцкомъ передо мъною Семеном Хребтовичомъ - Богуринскимъ, писаромъ кгродским луцкимъ, будучим на местцу пана Петра Хомека, подстаростего луцъкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и вѣницъкого, возный земский повету Луцкого Юрей Рогачовъский сознал тыми словы: ижъ будучи я, за приданемъ ихъ милости пановъ депутатов, судей с кола рыцерского, в земли Волынъской браных, такъ тежъ и за приданъем твоее милости ото вряду тутошъного кгродъского Луцкого, на справе в Бозе велебного его милости отца Федосия, владыки володимерского и берестейского, року тепер идучого семъдесят третего, мѣсяца августа, двадцатого дня, в четвергъ, маючи я при собе шляхъту ихъ милости: пана Хацка Чувата-Туличовъского, возного земъского повету Володимерского, пана Семена Дрозденъского, пана Манойла Болобана-Осекровъского, пана Максима Лудовича а пана Ивана Тудоровича, водлуг листу

судового и листу увяжъчого ихъ милости панов депутатовъ, обехавъши кгрунт и границы именъя владыки его милости Вороны з ыменъемъ ихъ милости пановъ Любитовъскихъ Любитова, водле старыхъ границъ и листу судового розездного пана Ивана Ходкевича, старосты луцкого, а пана Олизара Шиловича, маршалъка земли Волынское, и знаковъ в томъ листе ихъ милости граничномъ описаных, тот вес кгрунт, черезъ их милость пановъ Любитовъскихъ от села его милости владыки Вороны забраный, его милости отцу владыце завелъ и в спокойное держанъе и во вживанье подалъ, меновите—по тыхъ границахъ, тоест яко въ листе старомъ граничномъ описано: почонъши от долины и леска врочища званого Муравска, тут панъ Семенъ Дрозденский, ставши на пяте, поведил, же на той стороне того лиса Дрозденская земля, а на сей стороне церковъная земля Воронская; а оттолъ врочища Муравъска от Дрозденское границы я возный, водле листу граничного и знаковъ старыхъ, заводечи его милости владыце тот кгрунтъ врочищами старыми ажъ до роскопаное могилы, черезъ тую могилу роскопаною межею жъ через Ротново поле аж до крыницы, которая от Ротнова поля потекъла, а от тое крыницы через болотъце к ставищу и к лескови Болпая (sic) крыница; и тотъ стрымен делитъ владыки его милость церковную Воронъскую землю из Любитовомъ аж до того местца, где тот стрымен и крыница в Рокитницу втекла, по тыхъ всих знакохъ и границахъ старыхъ, водле того листа граничного ихъ милости пана Ивана Ходкевича и пана Олизара Шиловича, и подле суду и листу увяжъчого ихъ милости пановъ депутатов, его милости отцу владыце володимерскому ку именю его милости Вороне весь кгрунт, черезъ границу от ихъ милости панов Любитовъскихъ забраный, завелъ и в держаънe спокойне подал. А к тому ездил есми до именъя их милости пановъ Любитовскихъ до Любитова з листомъ увяжъчим закладным, маючи при собе шляхту возного земъского повѣту Володимерского пана Хацъка Чувата-Туличовъского, а пана Манойла Болобана-Осекровъского, а пана Максима Лудовича а пана Ивана

Тудоровича; с которою шляхтою помененою положилъ есми копеи з листу увяжчого закладного под печатю возного володимерского пана Хацка и с подписю руки моее, ижъ есми в тот час печати своее не мял, на частех ихъ милости панов Любитовъских в дворехъ ихъ милости, на реч посполитую под петъмасты копами грошей литовъскихъ, а на сторону ображоную также под петьмасты копами грошей; а пану Михаилу Дрозденъскому, участнику любитовскому, при той же шляхте очевисте в Любитове тот лист пановъ депутатов закладный увяжчий подал есми, который лист от мене принял и с того листу копею собе взял, абы ся вже через тые границы в тот кгрунт, от мене его милости владыце подданый и заведеный, не вступалися и границ не переходили, под тым закладом вышей описаным. И просил мене его милость владыка володимерский и берестейский отецъ Федосий через коморника своего Мартина Приборского, абыхъ я тое сознане возного в книги кгродские записати казалъ. Што я, припустивши ку ведомости врядовой, тое сознане возного до книг кгродских луцких записати велелъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2047, л. 295, № ак. 417.

CXXVII.

1574 г., мая 12. Жалоба священниковъ луцкихъ Герасима-Троицкаго и Тимофея—Рождественскаго, отъ себя и отъ имени игуменовъ—Пречистенскаго—Омельяна, Никольскаго—Якова и Афанасьевскаго—Григорія на Яна Томиловича Ворону за нападеніе на церковный грунтъ Реванецкій.

Сложный субъектъ правъ на церковныя имущества: см. ниже №№ CXXXI и CXXXVIII.

Року 1574, мца мая, 12 дня. Передо мною Богданом Борейкомъ-Кнерутским, подвоеводим волынским, будучимъ на местцу пана Михаила Вилгоръского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и вѣницкого, став-

ши очевисто, богомолци господаря короля его милости свещенници луцкие Герасим Троецкий а Тимофий Рожественский, сами от себе и именемъ брати своеи: игумена Пречисткого Омеляна, Николенского Якова, а Офанасовского Григоря, обтяжливе жаловали и оповедали тыми словы: иж дей дня вчорашнего волторокъ, месяца мая, первогонадцать дня, пан Янъ Томилович Ворона, наехавши моцно кгвалтомъ на властный а звечистый спокойный кгрунт церквей Божих Реванецкий, у которых мы на сес часъ служителми, властный плуг мой Троецкого с поля оного помененого церковного вечистого кгвалтовне зогнал; якожъ дей мы, ни маючи ни от кого жадное ведомости, для которое причины то бы панъ Ворона учинити мел, вже сегодня в середу, месяца мая, первогонадцать дня, я Троецкий послал есми был на свое властное а старовѣчное поле спокойное держане плугомъ своимъ орати; то-пак дей пан Янъ Ворона, наполнившися воли своее, едучи з мѣста Луцкого и приехавши до плуга моего, который на власномъ звечистомъ кгрунте нашом Реванецком на мене орал, молодца моего на имя Корнила збил и окрутне киемъ у голову зранил, плугъ мой з оного поля зогнал, а тым дей насъ усихъ свещенниковъ, вышей описаныхъ, з спокойного держаня з оного поля, яко спокойне державших, кгвалтовне выбил. И просили свещенники луцкие Гарасим Троецкий а Тимохвѣй Рожественский, абы то было записано. А такъ я тую жалобу и оповедане ихъ до книг кгродских луцкихъ записати казал.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2048, л. 103 об.

CXXVIII.

1574 г., мая 31. Мѣновая запись Іоны Красенскаго, владыки луцкаго, данная Николаю-Крыштофу, Юрію, Ольбрехту и Станиславу Радивиламъ на обмѣнъ церковнаго имѣнія Харлупъ на имѣніе Фалимичи во Владимір. повѣтѣ, съ прописаніемъ грамоты кор. Генриха 1574 г., марта 25, которою дозволяется эта мѣна.

Мѣна—единственный способъ отчужденія церковныхъ имуществъ.

Року 1574, месяца сеньтебра, 5 дня. Постановившися очевисто на вряде кгродскомъ в замку Луцкомъ перед нами Михаиломъ Вилгорскимъ, подстаростимъ, и Титомъ Хомекомъ-Смордовскимъ, судею, а Семеномъ Богуринъскимъ, писаромъ, зуполномъ вряде кгродскомъ луцкомъ, его милость велебный отец Иона Красеньский, владыка луцкий и острозьский, архиманъдрытъ жидичиньский, оповедалъ и передъ нами тыми словы вызнал: иж дей я маючи великие незъностные кривды, утисненье и шкоды в кгвалтехъ, боехъ, грабежохъ, у отниманю кгронтовъ (sic) от именья моего, ку владыцъству Луцкому належачого, Хорлупа, и не могучи я обороны тому именью учинити, а ни жадъного пожитку собе привлащати, за волею, вѣдомостью и позъволеньемъ его королевъское милости короля Генъдрыка, пана нашого, яко подавцы, фундатора и оборонцы хлебов духовныхъ, а ку пожиточнейшому и спокойнейшому церкви Божое епископъи Луцкое, менованые именья-замокъ, местечко и село Хорлупъ з селы, к Хорлупу належачими, и зо всимъ на все, якъся тые именья в положенію своемъ мають, ихъ велможной княжацкой милости паномъ Миколаю-Кришътофу, Юрю, Олбрыхту и Станиславу Радивиломъ, княжатомъ на Олыце и Несвежу, у вечную замену пустилъ есми в моцъ и в держанье через коморника его кролевское милости пана Юря Коса, от его кролевское милости на то зосланого, я, черезъ возного повету Луцкого пана Левка Верховъского и шъляхту пана Станислава Держановъского а Собестьяна Райского, подал есми; а от ихъ милости пановъ Радивиловъ напротивко того

именя Хорлупа такъже вечною заменою ку церкви Божои епископъи моее Луцкои замокъ и село Фалимичи, у повете Володимерскомъ лежачое, з селы и зъ Василевскою церковью у мѣсти Володимерскомъ узявши, листомъ и правомъ, водле права посполитого, ихъ милости на туую замену умоцнил есми. И показал перед нами лист позъволенья его королевъского милости, на то владыце его милости даный, который так ся в собе маеть: Генърикъ, Божъю милостью корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецъкий, жомоитский, киевъский, волынский, подъляский, лифлянтский, панъ княжа анъдикгавеньский, борбоньский и алверньский. Ознаймуемъ нашимъ листомъ, шътожъ владыка луцкий и острозьский, аръхимандрытъ жидичинский, велебный Иона Борзобогатый-Красеньский присылалъ к нам сына своего Василя Борзобогатого-Красеньского жъ з листомъ своим, до нас писаным, оповедаючи то нам, ижъ которые именья церковные владыцства Луцкого и Острозьского, подаваня нашого господарьского, замокъ и местечко Хорлупъ, к тому села к нимъ прислухаючие, в кгрунтехъ своихъ от нѣкоторыхъ суседов, к тымъ именьямъ прилеглыхъ, укрывженье великое и утисненье терпятъ въ кгрунтехъ, в боехъ и гърабежохъ, а онъ оному именью, яко тому, которое поодаль от оного владыцства отлегло, ратунку жадного дати, и обороны слушънее учинити, и пожитъку с него мети не могучи, черезъ менованого сына своего и через писане свое жедал насъ о то, абыхъмо в той церкви Божой владыцъства Луцкого болшей того шкоды терпети не допущаючи, зъ вирхности нашое господарьское, яко будучи подавцою и оборонцою ку церкви Божое владыцъства Луцкого, ку лепшому пожитъку церковному, тые именя заменою вечьною маршалку дворному великого князьства Литовъского пану Миколаю-Криштофу и брати его милости—пану Юрю, пану Олбрыхту и пану Станиславу Радивиломъ, княжатомъ на Ольще и Несвежу, пустити; а от ихъ милости замокъ и именье их Фалимичи, в повете Володимерскомъ лежачое, также у вечьную отмену ему взяти позволили и на то листъ нашъ позволеный дали.

А прото кгдыж владыка луцкий, розумеючи быти тую замену спокойнейшимъ и з лепъшимъ пожитъкомъ оное церкви Божое, позволенья нашого господарьского на то потребуеть, мы тежъ, бачачи быти в томъ жедане владыки луцкого слушное, такъ з вирхности нашое господарьское, яко и з стороны подаваня нашого, на тую замену позволили и за именя менованые пана маршалка дворного и брати его милости замокъ Фалимичи и села, к нему належачие, тое имене церковное у вечьную замену дати позволяемъ и симъ листом нашим позволили есмо; маеть и волен будеть владыка луцкий Иона Борзобогатый-Красенъский за симъ листомъ, позволенемъ нашимъ господарьским, тое имене церковное владычества Луцкого—замокъ, двор и местечко, села и приселъки, и вси кгрунты и пожитки того именья Хорлупъского, здавна и тепер ку нему належачие, у вечьную замену пану маршалъку дворному и брати его милости, вышей менованымъ, пустити; а от нихъ оное имене ихъ замокъ Фалимичи и иншие села и приселки, к нему належачие, зо всими кгрунты и пожитками ихъ, здавна и теперъ прислухаючими, такъже у вечную замену ку владычеству Луцкому взяти и листы своими меновъными тую замену умоцнити; которую замену тымъ обычаемъ, яко вышей поменено, учиненую, мы господаръ за слушъную мети хочемъ, вечне ее держати и заховывати тепер и напотомъ обецуемъ. И на то есмо дали владыце луцкому и острозскому, архимандрыту жидичинъскому, велебному Ионе Борзобогатому-Красенъскому и потомкомъ его, по немъ будучимъ владыкамъ, архимандрытомъ, сес нашъ листъ, подписавъши его рукою нашою королевъскою, з нашою печатю. Писан в Кракове, лета Божого Нароженя тисяча пятсотъ семъдесятъ четвертого, марца двадцат пятаго дня. Тут подпис руки его королевъское милости и теж подпис руки его милости пана подканцлера короны полское.—Потомъ владыка его милость показалъ листъ меновъный с печатью и с подписомъ руки своее и под печатми людей добрыхъ, который такъся в собе маеть: Я Иона Борзобогатый-Красенъский, владыка луцкий и острозский, архи-

мандрытъ жидичинъский, ознаймую и чиню явно тымъ моимъ листомъ нинешнимъ и напотомъ будучимъ, иж за листомъ и позволенемъ его королевское милости великого князя Генрыка, пана нашого милостивого, а с потребы пожиточнейшое церкви Божое владычества Луцкого и Острозъского, учинил есми постановене и вечьную замену именями з вельможнымъ княжатем паномъ Миколымъ-Криштофомъ Радивиломъ, маршалъкомъ дворнымъ великого князъства Литовъскаго, и брати его милости—паномъ Юремъ, паномъ Олбрыхтом и паномъ Станиславомъ Радивилами, княжаты на Олыце, Несвежу; а я владыка луцкий имене церковное владычества моего Луцкого, тоесть замокъ Харлупъ, в земли Волынской в повете Луцкомъ лежачие, з дворомъ и з будованемъ замъковымъ дворнымъ, с форлварки, и с пашнею дворною, огороды, сады, сажовъками, ставы, ставищами, млыны и ихъ вымелками, и местечком Харлупъскимъ, с подаванемъ церкви, к тому именю прислухаючими, з ыменями бояры шляхты, такъже з бояры панцерными и путными, з мещаны, людми тяглыми, и отчизными, и прихожими, с коморниками и огородниками и з ихъ кгрунты, с платы пенежными, даню медовою, дяклами житными и овсяными, и сенными, з них приходячими, с пущою, боры, лесы, дубровами и зо всими кгрунты и пожитъки, якими колвекъ имены названы и менованы быти могуть, ничого на себе и на потомъки мои владыки луцкие тамъ у в ономъ имено Хорлупъскомъ не зоставуючи, пустилъ и въ вечную замену его милости пану маршалъку дворному и паномъ брати его митости подал и поступил, з владзы и держанья своего вырекаючися, и вырекъся есми. А его милость пан маршалокъ дворный, самъ от себе и отъ ихъ милости пановъ братьи своее рожоное, вышей менованное, напротивъко того именья Хорлупъского имене свое замокъ Фалимичи з фолварки, з гумны, с пашнею дворною, огороды, сады, сажовъками, ставы, ставищами, млыны и ихъ вымелками, зо всими селы и огородниками у месте Володимерскомъ, с подаванемъ церквей, ку тымъ именямъ прислухаючими, з ыменями бояр шляхъты,

з бояры панцерьными и путными, з людьми тяглыми, отчизными и прихожими, с коморниками, огородниками, зъ ихъ кгрунты, платы пенежными, даню медовою, дяклы житными, овсяными и сенъными, и зо всими кгрунты и пожитъками, с тыхъ именей належачими, ку владычеству Луцкому такъже у вечную замену мне поступити, в моцъ и в деръжане мое подати и тую замену листомъ своимъ менованымъ, на то данымъ, упевънити рачилъ, што ширей и достаточней на ономъ листе его милости, мне на то данымъ, есть описано и доложоно; и вжо его милость пан Миколай-Кришътофъ Радивил, маршалокъ дворный, и их милость панове братя его милости, вышей в семъ листе менованые, ихъ милость сами, дети, потомъки и щадки ихъ милости, водле тое замены межи нас вчиненое, мають тое именье церковъное владычства Луцкого, черезъ мене у вечьную замену ихъ милости пущоное, тоесть замокъ Хорлупъ, в повете Луцкомъ лежачий, з дворомъ и з будованъемъ замковымъ и дворнымъ, с фолваръками, с пашнею дворною, огороды, сады, сажовъками, ставы, ставищами, з млыны и ихъ вымелками, з местечкомъ Хорлупъскимъ, с подаванемъ церквей, ку тому именью прислухаючими, з ыменями бояр шляхты, также з бояры панцирными и путными, з мещаны, з селы и приселки, людми тяглыми, отчизными и прихожими, с коморниками и огородниками и з ихъ кгрунты, с платы пенежными, данью медовою, дяклами житными, овсяными и сенными, з нихъ приходячими, с пущою, боры, лесы, гаи, дубровами, пасеками, выпусты, сеножатми, болоты, лугами, ловы зверинными, пташими и рыбными, з гоны бобровыми, з реками и речьками, мытами водеными, местскими и торъговыми, и зо всими кгрунты, пожитъками, с того именья належачими, которые теперъ есть и которые ся еще и напотомъ вынайти и постановити могутъ, на себе деръжати и того всего вживати мають вечными и непорушными часы, ничого тамъ у оном именью Хорлупъском, в кгрунтехъ, широкостяхъ и всихъ пожитъкохъ его на мене и потомъки мои владыки луцкие и острозъские не зоставуючи; волни будуть ихъ милость сами, дети

потомъки и щадки ихъ милости тымъ именемъ Хорлупъскимъ, або которого частью оного именья менованого, их милости через мене у вечьную замену, за позволенемъ и листомъ господарьскимъ, поступленого, водле воли своее, яко отчизною своею, шафовати, отдати, продати, заменити и куды хотячи ку пожитъку своему обернути, яко саминалепей розумиючи; а я самъ и потомъки мои владыки луцкие и острозские в тое имене Хорлупское, у вечьную отмену ихъ милости поступленое, и ни в которую часть его, а ни в жаденъ пожитокъ ему належачий уступоватися и переказы в држаню и вживанью ихъ милость чинити и никоторыхъ причинъ и права теперъ и напотомъ собе до того именя заховывати и недостатку якого в семъ листе нашомъ вынайдовати не маемъ и не будем мочи вечьными часы, такъ иж менованое неменованому, а неменованое менованому шкодити моцы и владзы никоторое сему листу и постановенью моему уймовати и переказы чинити не можеть вечьне. А если бы, чого Боже уховай, которое именье, такъ Хорлупъ, яко и которое село от Хорлупа черезъ право которое, або близкость якую, от ихъ княжачое милости пановъ Радивиловъ, детей, потомъковъ и близъкихъ их милости отыйти мело, тогды я владыка луцкий и острозъский и потомъки мои владыки луцкие и острозские в томъ в кождого црава и суду ихъ милости заступовати и такъ же добрымъ именъемъ, которое бы через право отыйти мело, нагородити маемъ и винни будемъ и о тое, гдебыхъ я владыка и потомъкове мои, по мне будучие владыки луцкие и острозъские, до которого суду кгродского або земъского луцкого, такъ тежъ до суду кгродского и земъского володимерского позвани были, повиньни будемо стат отказовати и с права нагороду их княжочой милости, детем и потомъкомъ ихъ милости паномъ Радивиломъ именемъ церковънымъ от епископъи Луцкое такъ добрымъ нагородити, не вымовляючися жадными причинами правными и неправными, под зарукою на господаря короля его милости двема тисячми копами грошей личбы звыклое литовъское, а на ихъ княжячую милость пановъ Радивиловъ, детей и по-

томъковъ и близкихъ ихъ милости тисячою копами грошей. И на то есми дал его милости пану Миколаю-Крыштофу и паномъ брати его милости пану Юрю, пану Олбрыхъту и пану Станиславу Радивиломъ, княжатомъ на Олыце и Несвежу, сес мой лист меновъный з моею печатю и с подписомъ власное руки своее. А при том были, того добре сведоми и за очевистою прозбою моею печати свои к сему моему меновъному листу приложити рачили их милость: пан Александро Жоравъницкий, ключникъ и городничий луцкий, пан Василей Гулевич, войский володимерский, пан Иван Борзобогатович-Красенский, мостовничий луцкий, князь Марко Солтанович Соколъский а пан Янушъ Угриновъский. Писан в Рожищохъ, лета Божого Нароженья тисяча пятсот семдесять четверътого, месяца мая, тридцат первого дня. Иона Красенский, владыка луцкий, власною рукою.—А такъ мы тое очевистое а доброволное сознане владыки его милости луцкого и острозского, архимандрыта жидичинского, велебного отца Ионы Борзобогатого-Красенского, так теж лист его кр. милости позволеный и лист владыки его милости меновъный с початку аж до конца до книг кгродскихъ луцкихъ записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 311 об., № ак. 426.

CXXIX.

1574 г., іюня 4. Грамота короля Генриха Николаю Дорогостайскому о передачѣ Кречовскому испрошенной неправильно Дорогостайскимъ державы (пользованія) двора и волости Шерешовской, которая держава предоставлена была еще королемъ Сигизмундомъ-Августомъ Ярошу Кречовскому за долгъ ему короля въ 15 т. зл. и затѣмъ на два доживотья (Кречовскому и его женѣ).

Условное владѣніе частныхъ лицъ государственными имуществами.

Року 1574, месяца июля, 11 дня. Присылалъ до мене Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости

князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынъское, старосты луцкого, браславского и веницкого, панъ Еронимъ Кречовский, староста шерешовский, служебника своего пана Богдана Халаимовича, оповедаючи, иж тыхъ дей часов недавно минулыхъ, тоесть месяца июня, двадцатого дня, дворянинъ дей короля его милости панъ Миколай Немчинович давалъ лист его королевское милости с подписом руки короля его милости в дворе Шерешовскомъ подстаростему его милости пана Миколая Дорогостайского, столника великого князьства Литовского, шерешовскому, пану Войтеху Лисовскому, писаный до его милости пана столника, абы он двор Шерешовский з мѣстомъ и з волостью Шерешовскою и зо всимъ с тымъ, с чимъ одно был взял засъ в держанье и вживанье, поступил пану Ерониму Кречовскому, што ширей а достаточней на томъ листе его королевское милости есть доложоно; которого дей листу его королевское милости, а ни копии, з него списаное, взяти не хотел и пану своему его милости пану столънику дати знати не обецался; с которого листу его королевское милости копию списаную под печатью и с подписом властное руки по полску подписаную дворянина его королевское милости пана Миколая Нимчиновича передо мъною на вряде показовал, и просилъ служебъникъ его милости пана Еронима Кречовского выше помененый, абы тая копия слово от слова была до книгъ кгродскихъ луцкихъ записана. Которая так ся в собе маеть: Генрикъ Божю милостью корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, лифлянский, княжа андекгавенское, борбонское, альверменское и иныхъ. Столнику нашому великого князьста Литовского, державце веленскому и бойсакговскому, тивону земли Жомоитское волости Кгондинъское, пану Миколаю Дорогостайскому. Обтяжъливе намъ господарю жаловалъ державца шерешовский Ярошъ Кречовский о томъ, иж ты в тых часохъ на державу Шерешовскую, которую дей он от короля его милости славное памети Жикгимонта-Августа, продка нашого, за певнымъ правомъ в суме пнзей державъ, и самъ и з жоною своею на

немъ двое доживотье мае, собе в нас господара право, яко он менует, неслушне одержавши, а ему о томъ знати не давши и листы нашими его не обославши, а ни теж сумы пнзей, которую он на той державе маеть, не откладаючи, в семъ року семъдесять четвертомъ, месяца мая, четвертого дня, двор Шерешовский зо въсею его маетностью, которое дей тамъ не мало было, также место и волость Шерешовскую з моцы и держания врядника его тамошнего Себестьяна Пожарского взялъ; а Кречевский сезде перед нами господаремъ оказовал лист короля его милости, продка нашого, на котором то есть описано, ижъ оная держава Шерешовская зо всимъ ему от короля его милости в суме пнзей, у пятинадцати тисячахъ золотыхъ полскихъ, на выдержанье тое сумы под певными варунки естъ дана, и по выбраню пнязей пред ся ему и жоне его на той державе право доживотное з оддованемъ доходов и пожитковъ наших, с чиненемъ личбы до скарбу нашого описано(го), што ширей в оном праве его ест доложоно; над которое Кречовский соби от тебе в томъ кривду, шкоду и жал великий быти менуючи, бил намъ чоломъ, абыхъмо ему того терпити не допустили, а его при той державе Шерешовской, которое он, яко менит, за тымъ правомъ своимъ от колка год в спокойномъ держанью есть, водле права, от короля его милости ему наданого, заховали. А прото мы господаръ, постерегаючи того, абы за щастливого панованя нашого никому с подданых нашихъ над право ни в чомъ уближене не дѣялося, а уважаючи, иж Кречевский помененую державу Шерешевскую от короля его милости, продка нашого, за такимъ правомъ в суме пнязей держалъ и самъ з жоною своею на томъ двое доживотье маеть, якося то на листе его королевское милости, ему на то даномъ, значить, тогды Кречовскому в томъ над право его уближеня не зычечи, посылаемъ до тебе дворанина нашого Миколая Нимчиновича и приказуемъ тобе, ажъ бы еси оного права своего, которые собе от нас господаря на Шерешов упросил, на тот час ухиливши, двор Шерешовский з маетностю Кречевского и з ыными вшелякими речами так, яко и с чимъ

еси его был взял, такъже мѣсто и волость Шерешовскую Ярошу Кречовскому, яко тому, который того в спокойном держанью был, и жадъным правомъ еще с того несть отсужонъ в держаню его, перед тымъ посланцом нашимъ, зараз, безъ всякихъ вымовъ, здалъ и поступил; а самъ ся в то до того часу, поколъ з ним росправу приймеш, ничим ся не вступовал конечно. А ведже гдѣ бы еси водле права своего, которое тобе от нас есть дано, оное державы доходити и в руках своих мити хотел, тогды мы тобе, права твоего, от нас на Шерепıов даного, не нарушаючи с Кречевскимъ вольный поступок права в той речи в целе заховываем. Писанъ у Кракове, лита Бож. Нарож. тисяча пятсот семъдесят четвертого, мѣсяца июня, четвертого дня. Подпис руки короля его милости. Лаврин Война, подскарбий дворный, писар. А такъ я тое оповедане его милости пана Еронима Кречовского и копию, з листу его кролевское милости списаную, с початку аж до конца до книг кгродскихъ луцкихъ записати казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 190, № ак. 264.

CXXX.

1574 г., іюня 4. Донесеніе вознаго Луцкаго повѣта о вводѣ имъ во владѣніе слугъ княг. Чорторыйской имѣніями „отчизными" владыки Іоны Красенскаго: Омелеником, селищемъ Красносельскимъ, а также церковнымъ имѣніемъ епископіи Луцкой Водирадами и монастыря Жидичинскаго дворцомъ Боголюбскимъ за долгъ владыки и сына его Василія въ 2 т. коп. гр. княгинѣ Ганнѣ Кузминичнѣ Чорторыйской, урожден. Жеславской.

Отвѣтственность церковныхъ имуществъ за долги правящаго владыки.

Року 1574, мѣсяца июня, 4 дня. Пришодчи на вряд кгродский в замок Луцкий перед мене Федора Унятинскаго, вортного замку Луцкого, будучого на местцу пана Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и веницкого, возный повету Луцкого Левко Грицковичъ Верховский до книг кгродских луцкихъ очевисто со-

знал тыми словы: ижъ будучи мнѣ от его милости князя воеводы волынского приданымъ на справу ее милости княгини Ивановое Чорторыское, княгини Ганне Кузмянъны Жеславского, тоест на въвязанье, водлугъ листу а доброволного опису владыки его милости луцкого и острозского, архимандрита жидичинского, отца Ионы Борзобогатого—Красенского и сына его пана Василья, во именья ихъ в суме пензей в двох тисячохъ копахъ грошей, гдежъ в середу прошлую, мѣсяца июня, второго дня, року семъдесят четвертого, маючи я при себе шляхту людей добрых, тоесть пана Яцка Рогачовского а пана Михаила Гутора-Рогачовского, ездил есми до владыки его милости луцкого и острозского до Рожищъ; тамъ же заставши владыку его милость въ Рожищох, подал есми ему копею з листу запису его милости и сына его пана Василя, которымъ ся их милость описали ее милости княгини Ивановои Чорторыскои; которую копѣю его милость владыка луцкий от мене возного принемъши и вычитавши, мне ее зас вернул и поведил тыми словы: иж дей есми року, в томъ листе описаного, пробачил и сумы пензей ее милости кнегини Ивановой Чорторыской не отдалъ про небытность сына моего Василья; ведже сегожъ дня к вечору буду ведомост мети от сына своего, которогомъ о томъ до кнегине ее милости посłалъ; ваша дей милость будете отъ мене ведомость мѣти. И кгдыж мнѣ возному и шляхте того дня в середу от владыки его милости в томъ ведомости ниякое не дано, тогды я на завтрее в четвергъ, яко дня вчорашнего, мѣсяца июня, третего дня, с тоюж помененою шляхтою ехал до именья властного отчизного владыки его милости луцкого до Омеленика и до двора Омеленицкого, и тежъ до селища Красноселского на въвязыванье, водле опису владыки его милости луцкого и сына его пана Василья; тамъ есмо застали врядника омеленицкого Данила Нѣмъца и пытал есми его: хто тотъ дворъ и имене держить? тотъ врядникъ поведил, ижъ пан Василей Борзобогатый-Красенский. Ибомъ я перед тымъ врядникомъ давалъ читати копею зъ запису владыки его милости луцкого и сына его пана Василья, и мовилъ есми ему: естлиже

бы поступил увязанье водлуг опису владычнего такъ и пана Васильева? тот врядникъ поведил: я дей увязанья не поступую, бо не маю на то росказанья и науки пана своего. А в томъ часе приехала пани Васильевая Борзобогатая-Красенская до двора Омеленицкого и поведила тыми словы: ижъ дей я в дворъ увязанья не поступлю. Ямъ ся еи не противляючи, ехалъ з двора и въвезал в люди Омеленицкие, к тому в пашню дворную засеяную, такъ в жито, яко и въ ярину, в сеножати, в ставъ, в мълынъ из вымелками, и во всѣ пожитки ку тому именью прислухаючие, так тежъ селище пустное Красносельское; а потомъ ехаломъ с тоюж шляхтою до Водирад; засталомъ тамъ урядника водирадского на имя Ярошa, которогомъ пытал: от кого бы тотъ дворъ и именье Водырады с приселки к нему прислухаючие, тоесть Тернки, Сядмерки и Подберезе, держал? Он поведилъ: ижъ дей я держу тые всѣ именья от его милости отца владыки луцкого и от сына его пана Василья. Тогдымъ я возный показовалъ тому врядникy водирадскому копею з листу запису владычнего и сына его пана Василья и пыталъ есми того врядника помененого Ярошa: чи поступуеш тое увязанье в дворъ и во именье Водирады и в тые приселки помененые, ведле опису пановъ своихъ? Тотъ врядникъ поведил: боронити дей я увязанья не бороню, а поступовати науки от пановъ своих не маю. А такъ я, водлугъ листу опису владычнего и сына его пана Василья, увезалъ у двор и в пашню дворную водирадскую, якъ у в озимину засеяную, такъ и въ ярину, в люди тяглые, бояры путные водирадские, и в приселки помененые к тому двору прислухаючие: Тернъки, Сядьмерки и Подъберезе, в люди тяглые подворищные, в бояре путные, в подсуседки, и огородники, в став, в млын, и в сеножати, и во всякие пожитки от мала и до велика, к тому двору Водирадскому приналежачие. А потомъ ехаломъ с тоюжъ менованою шляхтою до Боголюбого, именья архимандриства жидичинъского, и, приехавши до дворца, тамъ застал урядника на имя Юска а тивона Иевца; пытал есми того урядника: от кого бы тое именье держалъ? Онъ поведит: от его милости отца вла-

дыки луцкого и острозского, архимандрита жидичинского. Ямъ поведилъ: ижемъ тутъ приехалъ на увязыванье, ведлугъ запису владыки его милости, которымъ ся ее милости кнегини Чорторыской, посполъ з сыномъ своимъ паном Васильемъ, описалъ, и пытаю тебе, естли ми поступуешъ увязаные у дворец, во именье, и в люди? Тотъ врядникъ Еско поведилъ: я дей увязаня боронити не бороню, а науки от его милости владыки пана своего на поступованье увязанья не маю. А такъ я возный, заховавшися ведлугъ оного запису и ведлугъ приданья его милости князя воеводы волынского, увезаломъ у у дворецъ Боголюбский, такъ тежъ в кгрунтъ с пашнею засеяною, озимину и въ ярину, з людми и зо всякими пожитки, к тому дворцу прислухаючими, с платы грошовыми, и з ыными повинъностями; которыежъ всѣ именья, вышей менованые, яко Омеленикъ и селище Красноселское отчизное, такъ именье владычства Луцкого, державы владыки его милости Водирадское—двор зо всимъ на все и с приселками, к нему прислухаючие: Терки (sic), Сядьмерки и Подберезе, такъ и именье державы владыки его милости архимандриства жидичинского Боголюбое—дворец з людми, зо всѣми пожитками, якъ с пашнями дворными, такъ з людми, з доходы, с платы грошовыми и з ыными повинъностями, з ставы, з млыны, з сеножатми,—и все подостатку меновите переписавши на ре(е)стръ и въвезавшися, в моц и в деръжанье подал есми поручоным служебникомъ ее милости кнегини Ивановое Чорторыское пану Сабостьяну Богушевичу а пану Павлу Заболоцкому, в суме пенязей в двох тисечахъ копахъ грошей, водлугъ опису владыки его милости луцкого и сына его пана Василья, которымъся описали ее милости кнегини Чорторыской; до которого реистру я возный руку свою подписалъ и печат свою приложил; такъ теж и шляхта, вышей менованая, пан Яцко Рогачовский а пан Михайло Гутор-Рогачовский и свои печати до того реистру приложили. А такъ я тое очевистое сознанье возного до книгъ кгродских луцких записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2048, л. 130, № ак. 182.

CXXXI.

1574 г., іюня 19. Заявленіе вознаго по жалобѣ владыки луцкаго Іоны Красенскаго о нападеніи пановъ Воронъ на церковное имѣніе, которымъ издавна владѣли сообща луцкіе священники (въ данномъ случаѣ: попы Пречистенскій, Троицкій, Никольскій и Рождественскій).

См. выше № CXXVII и ниже CXXXVIII.

Року 1574, мѣсяца июня, 19 дня. Пришодчи на вряд кгродский Луцкий перед мене Богдана Борейка-Кнерутъского, подъвоеводего волынъского, на сесь часъ и подстаростего луцкого от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и веницкого, возный повету Луцкого Адамъ Маевъский до книг тыми словы сознал: иж дей маючи я при собе шляхту людей добрых Бартоша Раковъского а Мартина Коровчича, што дей есми приданъ былъ з уряду замкового на справу велебного владыки луцкого и острозьского отца Ионы Красенъского о кгрунты церъковные, которые з вековъ свещенники луцкие уживають, тепер мешкаючие попы луцкие: Пречистский, Троецкий, Никольский, Рожесвенъский, с покоем держати, топак дей панове Вороны тые поля кгвалтомъ оруть; и кгдым тамъ на тыхъ кгрунтехъ поповских был, виделъ есми панов Ворон з слугами их, з сагайдаки, з ощепы, с кийми, з ыншею броню, и подданых немало, и три плуги на нивахъ поповских; волы были выпрежены, перегнаны на тую сторону валу к Боротину. И попираючи властности своей, свещенники—попы луцкие вели мене границою, которая ся починает от петы дороги, которая дорога идет з нового ставу до Луцка; с тое дороги, границою валомъ аж до долины, которую врочищемъ зовут Жолобином; тою долиною по половицы, аж до реки Стыру; которыхъ то кгрунътов панове Вороны отнимают кгвалтовне якобы на двѣсти ден. И далей потомъ поткали нас пан Томило Ворона з сыньми своими, паномъ Олехномъ а паномъ Яномъ, и з братаничомъ Яном Яцковичом, которых врядникъ владычний полонъский Размус Три-

стинъский навпоминалъ именемъ владычнымъ, жебы тому кгрунту дали покой а большей не орали. Они поведили: же то ест наше властное; а попы поведили: же то есть властное поле наше векуистое; и был спор межи ними, при котором споре панъ Томило Ворона почал зараз на попа Рожественского нарывать и сынове его, и поведил панъ Томило Ворона отцу Тимофею Рожественъскому: есть дей у мене тридцат копъ за тебѣ заплатит; што попъ мною возным и шляхтою освѣтъчил; и почали пансве Воронове указоват, якобы была звыклая гран, и виделом межи не барзо великие. А так я тое сознане возного до книг кгродских луцких записати казалъ.

Книга Кiевск. Центр. Арх. № 2048, л. 158, № ак. 219.

CXXXII.

1574 г., iюня 23. Жалоба п. Николая Дорогостайскаго на князя К. К. Острожскаго объ отнятiи изъ его владѣнiя монастыря Чернчицкаго св. Спаса, которымъ жалобщикъ владѣлъ спокойно по пожалованiю короля.

Монастырь, какъ предметъ частнаго владѣнiя (jus patronatûs)).

Року 1574, мѣсяца июля, 23 дня. Присылал на врядъ кгродский луцкий, до мене Михаила Вильгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынъское, старосты луцкого, брасловского и веницкого, велеможный панъ его милость панъ Миколай Дорогостайский, столникъ великого князьства Литовъского, державца веленъский, бойсакгольский, шерешевский, тивон кгондинъский, служебника своего Лукаша Бигановского, оповедаючи и обтяжъливе жалуючи о томъ: штож дей дня оногдашнего в середу, мѣсяца июля, двадцат перъвого дня в року семдесят четвертомъ его милость князь Костенътин Костентинович Острозский, воевода киевский, маршалокъ земли Волынское, староста володимеръский, наславши моцно кгвалтомъ врядника своего крупскаго пана Яна Шадурского

а пана Богдана Шашъка з ынъшими слугами, бояры и поддаными своими крупъскими о колкодясять коней, з рознымъ оружъемъ на манастыр Светого Спаса Чернъчицкий, который я от его кролевское милости мел и въ спокойномъ держаню ажъ до сего часу былъ, в небытности врядника моего чернъчицкого Манка Мартиновича, который былъ отехал за посланемъ моимъ до Лъвова, тот монастыр светого Спаса с поддаными манастырскими чернъчицкими моцно, кгвалтомъ в держанъе свое взяти и речи мои властныи, так тежъ живность, которыи в том манастыри были для приеханя моего наготованы, побрати казал; тоест меновите: муки иржаное мац шесть, пъшеничъное мацъ две, крупъ ячъныхъ мацу, пшона пол мацы, меду сычаного бочекъ шесть, пива бочокъ осмъ, сыровъ копъ две, масла горшъков три, рыбъ—щук вялыхъ копъ две, яловицъ шесть, быдла моих властныхъ волов, которыми тамъ в дворцы манастырскомъ на мене орано, осмъ, коров чотыри, гусей двадцат осмъ, кур шестьдесять, и иншого домовства не мало; а пенези, которые съ подъданых тамошънихъ монастырскихъ и збожъе продаючи брал, копъ двадцат семъ литовскихъ; к тому речи с того врядника моего чернъчицкого Манка Мартиновича: сукман люнский блакитный з шънурами шолковыми блакитными, сукман чорный муравский, жупанъ муравский синий, смушъками белыми подшитый, грошей копъ чотыри, жита на поли засеяного моимъ збожъемъ властьнымъ, што з Дорогостай вожоно, ден двадцат чотыри, овса денъ шесть, маку засеяного ден; дерево, которое за мое властные пенези на будоване скуплено, копъ две; и огородныхъ речей не мало. И на пытане Богдана Шашка, который в томъ манастыру мешъкаеть, естли же они за росказанемъ его милости князя воеводы киевского пана своего, або сами, з умыслу своего, кгвалтовне тот манастырь въ его милости пана столника отняли и речи его милости, так теж врядвика его милости Чернъчицкого Манковы, вышей менованые, побрали, давал есми з уряду кгродского Луцкого его милости пану столнику возного повету Луцкого Анъдрея Сикорского, который в томъ мана-

стыру бывши, и оттолъ в пятницу, даты вышей писаное, месяца июля, двадцат третего дня, до Луцка сезде приехавши, передо мною очевисто до книгъ кгродскихъ луцкихъ тыми словы сознал: маючи дей я при собе шляхту людей добрых — пана Миколая Шумовского а пана Федора Яцъковича, былъ есми в манастыре светого Спаса Чернъчицкомъ, и при мне возномъ и шъляхте вышей менованой пыталъ служебникъ его милости пана столников панъ Лукашъ Бекгановский, именемъ пана своего его милости пана столника, пана Богдана Шашка: для которое дей причины и за чиимъ росказанемъ твоя милость, пане Шашку, с паномъ Яномъ Шадурскимъ, врядникомъ крупъскимъ, и з ынъшими слугами, бояры и поддаными его милости князя воеводы киевского крупъскими, о колкодесят коней, з розным оружемъ, дня оногдашнего в середу, месяца июля, двадцать перваго дня, наехавши моцъно, кгвалтомъ на манастыр Светого Спаса Чернъчицкий, который манастыр панъ мой, его милость панъ столникъ от его королевское милости и в спокойномъ держаню ажъ до сего часу был, тот манастыр с подъдаными манастырскими чернъчицкими моцъно кгвалтомъ в пана моего его милости пана столника отняли и речи властныи пана моего, так теж живности, которые в томъ манастыре для приеханъя пана моего его милости, пана столника, наготованы были, тоесть муку пшеничъную и житную, крупы, пшоно, мед сыченый, пиво, сыры, масло, рыбы вялые, яловицы, гуси, куры, волы ореные, коровы и иншого домовства не мало и пенезей пана моего, которые на подданых чернъчицкихъ врядникъ пана моего черънъчицкий Манко, так тежъ и за збожъе, бърал, копъ двадцат семъ литовских, и речи врядника пана моего чернъчицкого Манъковы, сукъманы, гроши, к тому дерево, за властьные гроши пана моего скупленое, и збожъе на поли засеяное, так озимое яко и яринное, и речи огородные кгвалътовне побрали, — естли же то вы за росказанемъ его милости князя воеводы киевъского, пана своего, або ли сами з умыслу своего то вчинили? Панъ Богдан Шашъко на то поведил: ижъ дей тот манастыр Светого Спаса Чернъчицкий и с под-

даными чернъчицкими и збожъемъ, на поли засеянымъ, и зо всимъ домовствомъ его милость князь воевода киевъский, пан мой, мне дал, и върядник крупский пан Янъ Шадурский мене в тот манастыр увезалъ; а речей жадныхъ его милости пана столниковыхъ есмо не брали; а збоже на поли засеяное я казал жати; такъ тежъ и дерево в манастыре есть; але якъ збожъя и огородныхъ речей, такъ и дерево его милости пану столнику не дам, бо то мне его милость князь воевода киевский зо всимъ дал. Што служебник его милости пана столников панъ Лукаш Бекгановский мною возным и шъляхтою осветчил. А так я тое оповедане и жалобу его милости пана столникова а возного сознане в книги кгродские луцкие запити казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 219 об., № ак. 301.

CXXXIII.

1574 г., августа 3. Вводъ во владѣніе кн. К. К. Острожскаго и племянницы его Елизаветы изъ Горки всѣми имѣніями кн. Острожскихъ, возвращенными имъ по рѣшенію королевского суда.

Року 1574, месяца августа, третего дня. Передо мною Михаиломъ Вильгорскимъ, подстаростимъ луцкимъ, от его милости князя Богуша Федоровича Корецкого, воеводы земли Волынъское, старосты луцкого, браславского и веницкого, постановившися обличне на въряде, дворенинъ его королевъское милости панъ Янъ Бестриковъский оповедал и до книгъ вызнал тыми словы: будучи мнѣ от его королевское милости короля Генъдрика приданымъ и посланымъ на увязане и поданъе всихъ замковъ, местъ, манастыровъ, дворовъ, фольварков, селъ, кгрунътовъ, бояръ и ихъ именей, и селъ церъковныхъ, мещан и жидовъ, татар, слугъ и всихъ подданыхъ, ведле декрету его королевское милости, присужоныхъ, около чого на ономъ декрете его королевское милости и на инъшихъ листехъ ест достаточне описано, топак я, чинечи досыть воли и росказанью его королевъское милости, то, што

належало вельможному пану Костенътину княжати Острозскому, воеводе киевъскому, маръшалку земли Волынъское, старосте володимерскому, такъже и братанъце его милости княжнѣ Гальжбеты Острозской, панеи Лукашовой з Кгорки, воеводиной познанъской, маючи при собе возныхъ Коптя и Яска Опарипеского и шляхту, взявши все з вирхности его королевской милости, ихъ милости увезалъ и въ держанье спокойне подалъ, тоест: в замокъ Ост(р)огъ, въ замокъ Полоный, в замок Чудновъ, в замокъ Шулжинъцы, в замокъ Красовъ, в замокъ Колодно, в замокъ Черънеховъ, в замокъ Бероздовъ, в замокъ Ровное, в пол Степаня, и въ Головинъ, в Жоръновно, и въ Сатыевъ, в манастыръ над Стыром, недалеко Луцка, Светого Спаса, в село Доросын и Киежъ того манастыра, у шесть пляцов в замку Луцкомъ и въ месте, со всими месты, мещаны, жиды, дворы, фольваръки, селы замковыми, церковными и боярскими, што кольвекъ з стародавна к тымъ всимъ замкомъ належало, з кгрунты землеными, объехавши в границахъ ихъ по тому, якъ стародавъне было, и што к чому належало, зо всими пожитки, повинъностями и належностями, чого нихто нигде такъ объеханья и поданя ничимъ не зборонял и противко декретови воли и росказаня его королевское милости и мне, на то посланому, жаден противенъ не былъ, правы ни якими, а ни жадными причинами не заслонял, штомъ по достатку меновите на листе моемъ и на реистрахъ всих тых именей, также и кгрунтовъ всихъ тыхъ, в границах объеханыхъ и поданыхъ, есть описано и ихъ милости дано; якож и далейся в томъ, ведле повинъности своее, заховамъ; мають то ихъ милость, ведле декрету его королевъское милости и ведле увязаня и поданя через мене з кгрунты, по тому, якомъ объехал и подалъ, якося звечна, з стародавна в собе в широкости, в пожиткохъ и належностяхъ мають, вечными часы, яко властную отчизну свою, держати и вживати, и тыхъ шафовати. К тому оповедал тежъ тое передо мною, иж державцы вси, которыи от его королевское милости светое а (с)лавное памети Жикгимонта - Августа замъки держали, сами и ихъ наместники,

ведле присуженья и декрету его королевское милости, личбы передо мною со всихъ платовъ, доходовъ и пожитъковъ не учинили. И просил панъ Бестрыковский, абы то было до книг. записано.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2048, л. 247 об., № ак. 338.

CXXXIV.

1575 г., марта 7. Долговая запись кн. Конст. Острожскаго королевскому секретарю Яну Больману на 5300 золотыхъ польскихъ, съ обязательствомъ, при неуплатѣ въ срокъ, допустить кредитора во владѣніе имѣніемъ Березловымъ и дворомъ Здолбицею, а въ случаѣ разоренія этихъ имѣній непріятелями, или вообще потери ихъ, перенести обезпеченіе на другія имѣнія кн. Острожскаго.

Заставному владѣльцу предоставляется право „дать, продать, даровать и записать“ заставное имѣніе (т. е. заставное право. а не самую вещь).

Лет Божего нарожения 1575, месяца июня, 24 дня. Передо мною Михаилом Вильгорскимъ, подстаростим луцкимъ, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславъского и веницкого, ставши очевисто пан Михалъ Кгиза и положивши передо мною листъ записъ его милости князя воеводы киевъского под печатью и с подписомъ руки его милости и под печатми людей добрых на позычоную суму пенезей пяти тисячей и трохсот золотых польскихъ пану Яну Болеману, секретару его кролевское милости, даный, просилъ, абы был вычитан и в книги кгродъские луцкие уписанъ; которого я огледавши, перед собою читати казалъ, и такъся в собѣ маетъ: Костентинъ княжа Острозское, воевода киевъский, маршалокъ земли Волынское, староста володимерский, ознаймую симъ моимъ листомъ, кому то вѣдати потреба, топершнимъ и напотом будучимъ, штож есми осталъ винен врожоному пану Яну Болеману, секретару короля его милости, пят тисячей и триста золотых личбы и монеты полское, в кождый золотый по

триццати грошей польских личачи, долгу певного и истого, которую то пят тисячей и триста золотых польских обецую и симъ листом моимъ за мене и за потомки свои обовезуюся пречоному пану Яну Болеману заплатити готовыми пенезми во Кг(д)анску, на близко пришлую весну, тоесть межи великоднемъ а семою суботою, з спроданъя товаров моихъ лесныхъ, до рукъ того, у кого сесь мой лист будеть; а гдебых во Кгданьску не заплатилъ, тогды на далей, на ден свята светого Яна Крестителя, близко пришлого, року теперешнего семъдесят пятого, в Луцку, перед врядом кгродскимъ, томуж то пану Яну Больману, альбо потомком его, альбо кому то он листомъ своимъ злецит и спустит, и в когобы одно сесь листъ былъ, готовыми пенезми заразом, ничимъ того року и дня не похибляючи, до рукъ отдати и заплати(ти), безъ жадного гамованя, затрудненъя, альбо отволоки, повинен буду; а гдебы пан Больман самъ, альбо который з спотомков и умоцованыхъ, альбо справецъ его, на тот часъ, коли тые пенези положоны будуть, в Луцку не былъ, тогды там на том врядѣ у книг кгродъскихъ луцкихъ положити повиненъ буду; которые то пенези никому инъшому, одно пану Больману самому, потомкомъ его, альбо кому то он за листомъ своимъ спуститъ и зълецить, и в кого одно сесь мой листъ былъ, и коли они взяти похочуть, без жадного затрудненя, гамованя и отволоки, з уряду одданы быти маютъ. А гдебых тое верху помененое сумы пяти тисячей и трехсотъ золотыхъ польских во Кгданску на близко пришлую весну, альбо въ Луцку на день свята светого Яна Крестителя пану Больману, потомкомъ его, альбо комубы то он за листомъ своимъ злецитъ и спуститъ, и в кого бы одно сесь мой листъ был [1]), зуполне истотне до рукъ его не отдалъ, и скуточне не заплатил, тогды повинен буду заразомъ, якожъ и сим листомъ моимъ обовезуюся и описую, пану Яну Больману самому, потомкомъ его, дати истотъное увязанъе, ску-

---

[1]) Эта формула („альбо кому... сесь мой листъ былъ"), постоянно повторяющаяся, далѣе нами опускается.

течное уживанъе и спокойное и реченъное держане заставъ ным обычаемъ, через которогож кольвекъ возного поветового, з ураду приданего, альбо и неприданого, которого собѣ панъ Больманъ и потомки его оберуть, в именья мои Березлово, такъ тежъ и въ двор мой Здолъбице, в земли тутошней Волынской, в повете Луцкомъ, лежачие, ни в чомъ никому на сесь часъ от мене незаведеные, зо всими ихъ належностями, тоесть замокъ, место, двор, волости, селы, приселъки, и зо всими фольварки, до того замку и места Березловъского и двору Здолбицкого стародавна прислухаючими, и ихъ пожитки и приналежностями, з будованъемъ, дворми, фольварки, дворищами, з гумны, пашнями дворными и фольварковыми, в гумне зложоными, и на полю засеяными, з шляхтою, зъ бояры, и слугами замку Березловского и двору Здолъбицкого и ихъ службами, повинъностями и пожитками, з платы, чиншами, з даньми, и селы, с подсуседками и огородниками, з быдломъ всякимъ рогатым и нерогатымъ, з стадами, людми тяглыми и дворными и ихъ работами, и зо всѣми землями, кгрунты, польми ораными и неораными, с пушъчами, з лесы, з дубровами, зарослями, з борами, з гаями, з деревомъ бортнымъ, з бчолами, з ловы звериннными и пътаншными, з реками, з ставы, з ставищами, сажовками, з рыбами, з млыны и ихъ вымелъки, з людми и ихъ службами, маетностми, повинъностями, з даньми, чинъшами, платы, з мытами и всякими иншими доходы и пожитками, которые якимъ кольвекъ именемъ здавна названые суть, которые тепер и напотомъ тамъ вынайдены и названы быти могут, и зо всѣмъ на все згола, такъ долъго и широко, яко се тые именъя мои преречоные Березлово и Здолбице здавна сами в собе в границахъ, обыходехъ и пожиткахъ своихъ передъ тым мели и теперъ мають, яко то предкове мои держали и уживали, зо всѣмъ правомъ, панъствомъ, власностью, волностью, пожитками, доходы и приналежностями своими, ничого собѣ права панства и некоторыхъ пожитков оттуль на мене самого и потомки мои, а ни на кого иньшого не выймуючи, окром робленъя по-

пеловъ, на рокъ певный, тоесть, почавши от свята светого Яна Крестителя, которое будеть в року теперешнемъ семъдесятъ пятомъ, месяца июня, двадцать четвертого дня, аж до другогожъ таковего свята светого Яна Крестителя, близко пришлого, которое будеть в року пришломъ, семдесятъ шостомъ, месяца июня, двадцат четвертого дня. А гдебых на тот помененый рокъ, тоетсь на день свята светого Яна Крестителя, близко пришлого, в року семъдесятъ шостомъ, у пана Больмана, потомком его. тыхъ ыменей моихъ, замку и места Береэдовъского и двору Здовбицкого, в тых пяти тисячей золотых и трохъсотъ золотых польскихъ не выкупилъ и не высвободилъ, тогды от року до року, яко лета уставичне нероздилне по собѣ идуть, аж до зуполного и целого преречоное сумы пяти тисячей и трохъсотъ золотых польскихъ заплаченя и преречоных добръ выкупленя и свыбоденья, такъ пан Больман, потомкомъ его, от мене держати и всѣхъ пожитков и з людей служебных платовъ и доходовъ на себе уживать маеть; а промежку роковъ тых вышей помененыхъ именей и добръ моих пана Больмана, альбо потомков его, окуповати, а ни жадного припоминанъя и трудности в томъ чинити не маю и не буду мочи [1]). А волно теж будеть пану Больману, потомкомъ его, в той преречоной суми пяти тисячей и трохсотъ золотых польскихъ тые помененые именя мои кому хотечи завести, и заставити, дати, продати, даровати, записати, яким кольвекъ хотечи обычаемъ, и с ними почати (sic) и на нихъ тое сумы своеи пяти тисячей и трохсотъ золотых полъскихъ доходити; а я самъ а ни потомкове мои не маю и не буду мочи ничимъся в тые именья, не заплативши ему, альбо потомкомъ его, альбо тому, кому то он за листом своимъ злецить и спустит, и в кого бы одно сесь мой листъ был, тое помененое сумы пяти тисячей и трохсотъ золотыхъ польских все сполъна, не по рокомъ, але заразомъ, вступоватися, з моци и спокой-

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ обязательство собственника не препятствовать владѣнію и пользованію заставного владѣльца.

ного держанья его выймовати и жадное переказы в томъ чинити. А паклибых в тыхъ именей моихъ, всѣхъ меновите описаныхъ и от мене пану Больману заведеныхъ, на часъ и день вышей описаный пану Больману, потомкомъ его, альбо кому то он за листомъ своимъ злецить и спустить, и в кого бы одно сесь мой листъ былъ, не поступилъ и въ посесѣю и скуточное и реченъное держанъе и въ спокойное уживанъе доброволъне не подалъ, тогды повиненъ буду з с потомками своими таковую суму пят тисячей и триста золотыхъ польскихъ пану Болману, албо потомкомъ его, совито заплатити [1]). Маю пана Болмана, потомки его, завжды колькобы разовъ того потребовали, везде у кождого права и суду заступовати и от всякихъ трудностей и пренагабаня, такъ правного. яко кгвалтовного, власнымъ накладомъ моим боронити, заступовати, и очищати, и презшкоднымъ учинити. Паклибы ся теж в тыхъ именьяхъ моих пречечоныхъ шкода якая, чого Боже уховай, в розейстью людей и подданых, в спустошенью от поганства татар и иных заразомъ припалыхъ неприятелей и пригода стала. тогды о таковыхъ всѣхъ шкодах маеть быти пан Больманъ, потомкове его, от мене и от потомков моихъ волными, ничого на них поискивати не маю, але еще, за слушнымъ оказанемъ, вси шкоды нагорожати повинен буду; гдебы тежъ то все через неприятеля, альбо через когож кольвекъ инъшого, пану Бальману и потомкомъ его, держачимъ тые именья наши, з моци и спокойного держанья и уживанья его было отнято, тогды на иншихъ именъяхъ, маетностяхъ и добрахъ моихъ, которые бы такъ много пожитков чинили и вынесли, яко тые, што ему кгвалтомъ, альбо якимъ кольвекъ способомъ з моцы взято, и которые бы за тую пят тисячей и триста золотых польскихъ стояли, повинен буду зъ потомками моими таковую суму пят тисечей и триста золотыхъ польских звести, указати и оные именя и добра ему, альбо потомкомъ его, в посесию и в спо-

[1]) Далѣе слѣдуетъ обязательство собственника уплачивать штрафъ, равный долговой суммѣ, въ случаѣ нарушенія договора.

койное и речное (sic) держанье, в моц и вживане, зо всими пожитками их, так же и якимъ же обычаемъ и правомъ, яко тые вышей помененые именья, подати и поступити. Естли бы теж пан Больман, потомъкове его, альбо тот, кому то он за листомъ своимъ злецит, альбо спустит, и в кого одно сесь записъ мой будеть, на будованье замку Берездовъского и двору Здолъбицкого и фолварковъ тыхъ именей моихъ што кольвекъ наложили, альбо што кольвекъ збожя на полю засеяли, тогды то все при выкупленю и отложенъю сумы истизны и совитости, водлугъ реистровъ слушных, весь наклад ему и потомкомъ его я з с потомками моими отложити, заплати(ти) и нагорожати повинен буду. А гдебы теж панъ Болманъ, потомкове его, тых именей и добръ моихъ, вышей помененыхъ, в той суми преречоной пяти тисячехъ и трехсотъ золотых польских далей держати не хотел, тогды мают мне дати знати полъ рока перед рокомъ часу выкупленъя и высвоболенья; а я и потомкове мои повинни будемъ тую вышей помененую суму пят тисечей и триста золотыхъ польских, а коли (sic) суму пять тисячей и триста золотыхъ полъских заплатити и отложити заразомъ, под закладомъ пяти тисячей и трохсотъ золотыхъ польскихъ; а коли сума отложона будеть, а он бы мелъ в замку, в месте, в дворѣ, селах, и фольваркахъ Берездовъского и Здолъбицкихъ товары якие, збожя, быдла, стадо и иную маетность свою, тогды, по отложенью пенезей, десеть недѣлъ до румованя и выпроваженья пану Болъману и потомком его поступити маю и повинен буду; а пан Больманъ тамошнимиж поддаными звезти и отправадити оттоль, кромъ жадное трудности, воленъ и мочи будеть, кроме пашней, на полю засеяной, которая на мене и на потомки мои по выкупне, верху мененымъ, прийти маеть. А коли тую помененую пят тисячей и триста золотыхъ польских зсполна и досътаточне а пану Больману и потомкомъ его заплачу и отложу и тые именья мои окуплю, тогды мне пан Больман тот записъ мой вернути и отдати маеть; а поколь у пана Больмана и в потомков его тот теперешний записъ мой будеть, потоль то не маеть быти жадным

квитомъ, альбо якимъ колвекъ иншимъ обычаемъ, касованы, альбо умороны; але и овшемъ при зуполной моци во всѣхъ пунъктах, артикулехъ через мене и потомки мои, аж до зуполного отложенъя всее сумы и взятя до рукъ моих того запису моего, захован быти маеть; а хотя бы сесь нинешний записъ мой в чомъ кольвекъ добре и правнымъ не был, тогды предся, водле права посполитого, яко доброволъное от мене учиненое, никоторым способомъ и ниякимъ вынайденъемъ розумов людскихъ и жадными правы, привильями, уставами и записами давными, новыми, первшими и последними бурити, казити и касовати я самъ не маю, такъже и потомкове мои и нихто иный мочи не будеть [1]). А паклибых я самъ, альбо потомкове мои, на тот рокъ, за позванемъ пана Болмановым, потомком его, альбо и ставши, таковому сказаню и декрету судовому, альбо врядовому, якося вышей поменило, послушнымъ быти не хотил, тогды, так в суме головной истизне и совитости, яко теж во всѣхъ зарукахъ и шкодах пану Больману, потомкомъ его... во именю и оседлости мои и потомков моихъ дедичные и доживотные, лежачие и рухомые, в которые колвекъ похочуть, моцю сего запису моего, волно будет въехати, въ вошто он же врядъ, и всякий иный вряд и звирхность, имъ увезянъе и зкутечное держане и уживане моцно маеть дати; а я сам и потомки мои ни в чом ся в том спротивити и того боронити не маемъ. Што все сам за себе и за потомки мои моцно и стале держати и выполнити, под всими варунками, вышей описаными, обецую симъ листом моимъ обовезуюся. И на то есми далъ пану Болману сесь мой лист зс подписом руки моеи и под печатю моею; и ку тому о приложенъе печати до него просил есми врожоныхъ панов: пана Ивана Малинского, а пана Александра Конецпольского, которые то на прозбу мою вчинили и печати свои к сему листу моему приложили. Писан в Дубне, лета Божого нароженъя тисяча пятсот семдесятъ пятого, месяца

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ общеизвѣстное обязательство собственника отвѣчать, по иску заставного владѣльца, предъ всякимъ судомъ по выбору послѣдняго.

марца, семого дня. Костентинъ Острозский, власна рука. — А так я тот лист запис его милости князя воеводы киевского слово в слово с початку аж до конца до книг кгродских луцких записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 247, № ак. 58.

CXXXV.

(Р е г е с т а).

1575 г., апрѣля 6. Заявленіе вознаго луцкому уряду о томъ, что Иванъ Красенскій, отъ своего имени и отъ имени младшаго брата своего Семена, предлагалъ въ срокъ княгинѣ Аннѣ Деспотовнѣ Збаражской выкупную сумму заимѣніе владыки луцкаго Іоны Вечинъ, отданное этимъ послѣднимъ въ заставу Станиславу Шемету за 620 копъ гр., а Шеметомъ въ 1566 г. перезаложенное княгинѣ Збаражской за ту же сумму, но княгиня Збаражская отказалась возвратить имѣніе на томъ основаніи, что послѣ заставной записи Шемета, братья Ивана Красенскаго—Степанъ и Ильяшъ, объявляя это имѣніе своимъ собственнымъ, взяли у княгини еще 600 копъ подъ обезпеченіе на томъ же Вечинѣ, такъ что полный долгъ на имѣніи составляетъ уже 1220 копъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 119, № ак. 1.

CXXXVI.

1575 г., іюля 11. Жалоба торчинскаго намѣстника бискупа луцкаго Викторина Вербицкаго о томъ, что нѣсколько крестьянъ упомянутаго бискупа бѣжали (оставшись должными за чиншъ владѣльцу и сосѣдямъ) на землю владыки владимірскаго Ѳеодосія въ имѣніе Городецъ и что урядникъ этого имѣнія отказалъ въ удовлетвореніи „за отбѣщину“.

„Властныя, отчизныя“ поля крестьянъ и поля, взятыя ими у землевладѣльца „изъ десятины“.

Року 1575, мѣсяца июля, 11 дня. Писал и присылал до мене Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское,

старосты луцкого, браславского, и вѣницкого, наместник в Бозе велебного его милости князя Викторина Вербицкого, з ласки Божей бискупа луцкаго и берестейского, торчинъский, пан Стефан Янович Нешковский, жалуючи и оповедаючи на велебного в Бозе отца Феодосия, владыку володимерского и берестейского, ижъ дей часу недавно прошлого в року тепер идучом семдесятъ пятом подданые его милости пана моего Викторинские, на имя Левко, Стас и Грицко, зоставши не мало винни чиншу урочистого его милости, и не мало задолжившися подданым сусидом своим, зо именя его милости пана моего Викторина утекли проч, которые, готуючися утекати, ничого на полях своих власных, отчизных, которыхъ з вековъ своих уживали, не сеяли, але всю пашню озимую, тоесть жито, в року семдесят четвертом сеяли, за позволенемъ врядника его милости отца владыки, з десетины на кгрунте именя его милости Городецкого, которого дей жита всего ест днов двадцать; якожъ дей я, маючи ведомость о том жите их засеяном, писалом до его милости отца владыки, просечи, абы оное жито мне, яко отбежчину, на его милость пана моего пожати позволити с тоей же десятины рачил; его милость ми дей то през писане свое приобщал, а потом дей урядникъ его милости городецкий оное жито пожал и до двора Городецкого звезти (sic). Што пан Стефан Нешъковский, розумеючи быти шкодою его милости пана своего, просил мене о возного, хотечи послати до урядника городецкого; ям ему на то придал возного врядового Тараса Гулялницкого, который там бывши, пришедши, передо мною ку записаню до книг тогож мѣсяца июля, двадцат второго дня, в пятницу, вызнал тыми словы: ижъ будучи дей мне от вашей милости пане подстаростий приданымъ на справы его милости князя бискупа луцкого, пан Стефанъ Нешковский, наместник торчинский, придавши мне шляхту людей добрых: земенина господарьского пана Василя Ленковича Гулялницкого, а служебника его милости пана Гаврила Гулевича, Петра Шарковича, мѣсяца июля, дванадцетого дня, посылал мене до урядника городецкого Семена Даниловича, которого кгды

есмо у дворе Городецкомъ застали, пытал его передо мною возным и шъляхтою служебникъ пана Нешковского Ян Загайко, если бы то з волею его милости отца владыки, пана своего, учинил, а жито, которое збегове подданые князя бискуповы сияли на кгрунъте Городецком, пожати и до двора Городецкого звезти казал? Он ся до того знал, жем дей я тое жито пожати казалъ и до того часу дей его не верну, ажъ буду въ том мити науку пана своего до себе. Што служебникъ пана Нешковского мною возным и шъляхтою светъчил. А так я тое сознане возного до книг кгродских луцких записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 285, № ак. 28.

CXXXVII.

1575 г., іюля 15. Жалоба мѣщанъ острожскихъ и донесеніе вознаго о насильственномъ отнятіи у острожскихъ мѣщанъ имѣнія Дорогостаевъ и части имѣнія Романовскаго, принадлежавшихъ Николаю Дорогостайскому, но переданныхъ, по рѣшенію суда, мѣщанамъ острожскимъ въ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные имъ Дорогостайскимъ.

Владѣніе мѣщанъ (in corpore) имѣніями по взысканіямъ (при неисполненіи обязательствъ) съ пана.

Року 1575, месяца июля, 15 дня. Што первий сего в року тепер идучом тисяча пятсот семдесят пятого, месяца июня, двадцат осмого дня, писали и присылали до мене Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Хведоревича Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и веницкого, мещане острозские, оповедаючи и жалуючи: ижъ дей што есмо были через возного повѣту Луцкого Яска Опарипеского, з уряду приданого, и служебниковъ их милости панов судей, пана Миколая Лысаковского, кашталяна хелменского, пана Григоря Ела-Букоемского, а пана Хведора Рудецкого, увязано во именя его милости пана Миколая Дорогостайского, столника вели-

кого князьства Литовского, старосты виленъского и шерешовского, державцы бойсакголского, тивона кгондинского, в Дорогостаи и в част его милости имени Романовского, чого дей есмо в спокойномъ держаню были; теды дей врядник его милости дорогостайский Антоней Коханский, за росказанемъ пана своего, через заруку, в листе судейскомъ описаную, дня вчорашнего в понеделокъ, месяца июня, двадцать семого дня, з многими помочъниками, слугами и поддаными пана своего, з немалымъ почтомъ людей, збройно, з стрельбою, обычаемъ валъки неприятельской, наехавъши, моцно кгвалтомъ на господы наши, и въврядника нашого Акгиша, насъ самыхъ не мало безвинне, позбивал и татарина Гасана, который на тотъ часъ при нас был, окрутне зранил, не вемы, будет ли живъ, въ врядника нашего и нас самых кгвалтотовне з спокойного держаня, во што есмо были увязаны, ото всихъ статковъ и маетностей нашихъ выбил. И просили мене о придане возного для осветченя таковото кгвалтовного выбитя з спокойного держаня, позбиваня и того ранного, также и шкод своих, и для опытаня врядника дорсгостайского Коханского, война и подданых в той же речи; на штомъ имъ все придал возного повѣту Луцкого Яска Опарипеского; топак оный возный дня сегоднешнего, даты веръху написаной, постановившися передо мною на вряде в замку обличне, до книг ку записованю тыми словы сознал; будучим дей от твоей милости, пане подстаростий, з уряду мещаном острозскимъ приданым для осветченя кгвалтовного выбитя ихъ с покойного держанъя, такъ яко они справу дали, за росказанемъ его милости пана Миколая Дорогостайского, столника великого князьства Литовского, через врядника его милости Антония Коханского, помочниковъ, слуг и подданых его милости, такъже их самых позбиваных, пораненых, списаня шкод и для опытаня врядника, война и подданыхъ в той же речи; теды дня недавно прошлого в року тепер идучом тисяча пятсотъ семъдесятъ пятомъ, месяца июня, тридцатого дня, в четвергъ, маючи я при соби шляхту людей добрых, тоесть пана Хведора Костюковича Ремелского а пана

Мартина Хойновского, з мещаны острозскими, кгдым приехалъ до именя его милости пана столникова Дорогостай, освҍтчили и оказали мнҍ, и видел есми знаки кгвалтовныи: в килку домех окны и двери повибываныи; поведил передо мною Акгишъ, врядник ихъ, такъ теж и мещане острозские, ижъ дей кгды есмо были врядовне в тое имене пана столниково увязани и спокойне держали, и в тых то домехъ господы есмо свои и врядник нашъ Акгишъ мҍли, врядникъ дей его милости пана столников Антоний Кохански в понедилокъ прошлый, месяца июня, двадцат семого дня, с помочниками, слугами и поддаными, зо росказанем пана своего, збройно, стрелбою, обычаемъ валки неприятелскои, моцно кгвалтом на тыи домы, господы наши, наехал, нас самых немало позбивал, татарина Гасана, который на тотъ час при насъ был, окрутне зранил и нас всҍхъ, которыи есмо на он час были, кгвалтовне с того всего, во што врядника нашого и нас увязано было, от всҍхъ статков и маетъностей наших спокойного держанъя выбил; и на он же час пытали передо мною войта дорогостайского и подданыхъ: кого бы на тотъ часъ послушни были? Они поведали: коли дей врядника вашого и вас там было увязано и нас дей есте держали, мы дей и вас и врядника вашого слухали; а коли дей врядникъ нашъ, за росказанемъ пана нашого, нас от вас отнял и врядника и вас отсел выбилъ, мы дей иншого пана не маем, толко пана своего отчизного, тогожъ и слухаемъ; и вы хочете дей з добромъ отехати, едте жъ дей в час; если ся оногды мало кому зостало, теперся болшей зостанетъ. Што все мною освҍтчили. Потомъ ехал есми до местечка и цо замочку, хотячися с паном урядником видети и в тои же речи мовити; теды мя не толко до замочку, але и до местечка не допущено, з дел, з гаковниц, и з ручницъ стреляно; будучи есмо не безпечни здоровя своего, мусели есми зъехати проч. А оттол з Дорогостай ехал есми с тымиж мещаны острозскими до Романова, маючи з собою шляхту тых же людей добрых; тамъ так же, за оказаньемъ и осветченемъ их, видел есми таковыеж знаки кгвалтовныи; повҍдили: ижъ дей врядника

нашого и нас самых, также за росказанемъ его милости пана столниковымъ, кгвалтовне з спокойного держаня выбито. И кгды хотели атамана и мужиков пытати, они, отказу никоторого не чинячи, до ручниц ся хопивши, нас бити хотели, заледво есмо з села уехали. Потом на завтрее у в Острозе, за оказанемъ и осветченемъ ихъ, видел есми на мещанехъ острозских, на имя Еску Литвинцовичу, Дорофею, Степану, Кондрату, Лаврину, Максиму, Тишку, Васку, Лукашу, Васку, Давыду, Олексию, Гринцу, Дмитру, Ониску, Онопку, Андрѣю, Ивашку, Конону, Олешку, Евтуху, Богдану, Карпу, Анътону, Грицку, раны синявыи и кривавыи, кийми битыи; а Гасана татарина видел есми окрутне збитого и на руцы рану рубаную шкодливую, с которой не вемъ, естли жив будет; которое позбиване, раны и шкоды свои, яко тыи битыи, так теж врядник ихъ Акгишъ, и иные мещаны острозские повѣдили, же на он час при оном кгвалтовномъ выбитю з спокойного держаня, за росказанемъ его милости пана столниковым, через врядника, помочниковъ, слуг и подданых его милости стали; и меновите каждый з них шкоды свои поведаючи, просили мене, абым на реистре списал; але ижъ по оном осветченю Пан Бог мя хоробою наведити рачил, томум досыт учинити не мог; ведже рахуючи з реистров, менили быти шкод своих в грошох готовых, в конях, в плати и в инших речах рухомых, и в статкох домовых три тисячи копъ грошей личбы литовское, хотячи то меновите часу своего кожды з них на праве оказати. Якож бым был заразом то пред вашъ мостъю, пане подъстаростий, на вряде и до книгъ вызнал, одножъ за туюж хоробою не могломъ на визи, а ни на кони ехати; ижъ тепер ледво живъ зоставши, мало не мертвый, тум ся на визи ку вашъ милости для вызнанъя приволокъ, и то, штомъ видел и слышалъ, пред вашъ мимилостю вызнавамъ. И мещане острозские через посланъца своего просили, обы тое оповеданъе ихъ и сознане возного до книг было записано. Штомъ записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 302, ак. 55.

CXXXVIII.

1575 г., іюля 16. Жалоба луцкихъ священниковъ церквей: Никольской—Якова, Рождественской—Тимофея, Троицкой — Герасима о наѣздѣ Яна и Олехна Воронъ на (церковное) имѣніе общее Реванцы и причиненіи подданнымъ ихъ побоевъ и изнасилованіи женщины.

См. выше № CXXVII и CXXXI.

Року 1575, месяца июля, 16 дня. Пришодчи на вряд его королевское милости в замок Луцкий до мене Михаила Вилгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы волынского, старосты луцкого, браславского и виницкого, свещенники луцкии отец Яковъ Николинский а отец Тимофей Рожественъский обтяжливе жаловали и оповедали сами от себе, и именем свещенника Троецкого луцкого отца Гарасима, тыми словы: ижъ дей дня прошълого месяца июля, четвертогонадцать дня, в четвергъ, панъ Ян и панъ Олехно Вороны, выехавши з места Луцкого за примостокъ, а наполнившися воли своей до злого, отправили наперед себе двохъ служебников своих на имя Федора Вечорку и з товаришем его и росказали имъ, абы кого колвекъ нашедши на Реванцох и на полях наших Реванецких, били и лупили; якож оны служебники их, за властъным росказанемъ и посланемъ их самых, чинечи росказанъю их досыт, скочивши наперед их и набегли девку Яна рыболова противку огорода Офанасовского, внимаючи, ижъ бы была наша поповская, один з них, на имя Вечорко, добывъши шабли, почал за нею гонити, ажъ тая девка у воду в Стыр скочила, и батко ее тот рыболов Ян, прибегши, ажъ до челна ухватил; а она з оного страху малося не втопила; а потомъ далей подле фолварку Троецкого над Стыромъ наехали жонку наемную Троецкого и хлопца моего Миколинского, которыи полотна белили, и зараз за ними и з рогатинами гонити почали, ижъ лед тая жонка и хлопец у в огород повтекали, а полотна они на рогатины побрали, и аж против пастовника Троецкого поколотыи рогатинами тые полотна есмо понаходили, а выехавши за Коморовъ, ше-

стеро гусей подданого Троецкого Сенца побивши, у торока повезали; и скочивши на поля наши Реванецкие, челед мою Николъского и з двох женцовъ моихъ — з девки и з жонки познимали, — з девки окъсамитную тканку, сермягу чорную, серпъ, а з жонки—сермягу чорную, рантух, плахту и серпъ; а побегши от них, нашли на поли нашом Реванецком, подле леска, подданого Троецкого Корнилца с жоною и с челядником, которого били и за лобъ ирвали, поличковали, серъмягу новую чорную з него злупили, поес с калитою и з полукопъем грошей, шапку новую и серповъ два у него отняли, и с челядника его плахту черчатую, тесму з мошною и з десетма грошми, плат, серпъ поотнимали, а жону его Аннушку один с тыхъ служебников порвалъ ее еежъ платомъ за шию и умъкнул у лесок и тамъ дей сромотный кгвалт по своей воли еи учинил и, зкгвалтовавши дей ее, всю облупил: сермягу серую новую, плахту червоную добрую, тесму с ыголником, с петнадцатми грошми, платъ и чепец, — то все от нее поотнимал. Якож и того подданого Троецкого помененого Корнилца очевисто передо мною врядомъ постановили, который в тыиж слова, якъ и оный священник, о кгвалтъ жоны своее Аннушки и о лупъ жалобу чинил. И просили священники луцкии Миколский и Рожественский с подданым Троецкого, абы тая жалоба и оповедане их до книг кгродских была записана. Што я записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 308, №ак. 63.

CXXXIX.

1575 г., 18 августа Заявленіе вознаго о томъ, что онъ доставилъ во дворѣ Вышковѣ владѣльцу (заставному) Викентію Понятовскому и его женѣ Марьѣ Зверовнѣ открытый листъ собственника этого имѣнія Александра Семашка съ напоминаніемъ о приближеніи срока выкупа его и намѣреніи Семашка уплатить долгъ.

Року 1575, месяца августа, 18 дня. Передо мною Михаилом Вилгорским, подстаростим луцким, от его милости

князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, брацлавского и веницкого, ставши очевисто, возный повету Луцкого Юрей Рогачовский тыми словы до книг кгродскихъ сознал: иж тых недавныхъ часов в году нинешнем тисяча пятсот семдесят пятом, месяца июля, десятого дня, маючи я при собе шляхту Якуба Попелянского, в небытности пана Валентого Понятовского и малжонки его милости панее Мари Зъверовны у Вышкове, а при бытности Яна Кримского, служебника его, положил есми листъ отвороный его милости пана Александра Семашка, подкоморего володимерского, у дворе Вышкове, в котором листе его милость пан подкоморий до пана Понетовского и малоржонки его милости пишет, ознаймуючи их милости о того, иж его милость у пана Понетовского и малжонки его имене свое властное Вышков, их милости в полчетверти ста коп грошей заставеное, на ден светого Семена въ году нинешнем семдесят пятом, месяца сентебра, первого дня, выкупити мает; абы вѣдаючи о том, на тот рокъ ку браню пенезей на местцу, у листе записном назначоном, были готовы. А так я тое сознане возного до книг кгродскихъ луцких записати казалъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 382 об., № 54.

CXL.

1575 г., августа 22. Реестръ (инвентарь) имѣнія Метишина, составленный слугою Евстафія Воловича послѣ обратнаго полученія имъ этого двора отъ (заставнаго) владѣльца Захаріи Лагодовскаго (который обязанъ былъ составить такой реестръ при самой сдачѣ, но не исполнилъ этого).

Року 1575, месяца августа, 22 дня. Писал и присылал на вряд кгродский в замок Луцкий до мене Михаила Вильгорского, подстаростего луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты луцкого, браславского и веницкого, служебникъ вельможного пана его милости пана Остафъя Воловича, пана троцкого, подканъцлерого великого князьства Литовского, старосты бере-

стейского и кобринского, пан Фронцъ Крушъ, оповедаючи тыми словы: ижъ дей его милость панъ Захарияшъ Лагодовский вчинил был постановенье зъ его милостью паномъ моим, паномъ троцким, иж при зъдаванью двора именъя Мстишина его милости пану моему до рукъ моих мел, списавши двор и што бы в дворе было, также люде, бояре и тягълые, мнѣ реистръ всего того дати под печатю и с подписом влостъное руки своее, а от мене другий такий реистръ мѣл мети; а такъ дей при отдаванъю оного двора и именья Мстишина пан Лагодовский того ми реистру дати не хотѣлъ, вымовляючися потребою и пилным отеханъемъ до именя своего поду Львовъ, и обецалъ ми был на тот сеймикъ, тепер прошълый, такий реистръ отдати; нижли дей пан Лагодовский самъ не был и никсго от себе не присылалъ и того реистру мнѣ не дал. Я дей, маючи при собе з уряду приданого возъного повету Луцкого пана Андрея Сикорского, уходечи сам от его милости вниманя, обвелъ есми тым возънымъ и списалъ на реистръ двор и што в немъ было, так тежъ на сели люде, бояре, тягълые; якож то и возный Андрей Сикорский, ставши передо мною, подстаростимъ, на вряде сегожъ дня в понедилок, месяца августа, двадцать въторого дня, до книг кгродских луцкихъ сознал тыми словы: ижъ дей дня вчорашънего в недѣлю, месяца августа, двадцать первого дня, при мне возъномъ, з уряду приданымъ, и при шляхъте людех добрыхъ, пану Трояну Кгумовъскомъ а пану Даниелю Закревъскомъ, списан на реистръ двор Имъстишинский, и што в нем есть, такъ тежъ бояръ и подданыхъ мстишинъскихъ, полгановъскихъ и калнятицъкихъ, а тоесть меновите: на первей, у дворе у ворот две светлицы, сини и кганокъ; в одной светълицы столъ малый, чотыри лавы, печ поливаная, и то побитая, а по половини двох оболонъ склянныхъ, и то побитые, паперомъ позаправовано; у кганку стол малый; у другой светлици чотыри лавы, пѣчъ поливаная скроз пробитая, уся зопъсованая, у двохъ оболонъ скла по половине, и то побитое; у другомъ дому глиною облепленый две светлицы, сини, у в одной светлице

чотыре лавы, печ поливаная, половина оболоны скляной, и то побито; у другой светлицы лав две, печ поливаная побитая; с тои светлицы комора, лав две, у той же светлицы оболоны три скляные побитые, попсованые; пивница: на пивъницы комора, кухня, стайня, гридня; подле других ворот сырникъ, ликая стаенька, малая спижарня, две хижи; в гумне клуня, гумно попъсовано, и огороды и двор увесъ опалъ. Бояре мстишинъские: Ивашъко Жуковичъ, Омельян Менюкъ, Панец Хръсовичъ, Кондратъ Тивон, Панасъ Савъчичъ, Мац Микитич, Гаврило Трухоновичъ, Яцъко Чуперчич, Гриц Свабин, Иван Данцевичъ, Ничипор, Кирикъ Костюкович, Кошковичъ, Остапец Ничипорович, Савка Петриничъ, Курило Яцкович, Семен слесар, Юско Щупъловичъ, Яцъко Приступа, Тишко Чоботар. Пустые дворища: Марковъская Пустка, на еи ни машъ хаты и ни жадъного будованя; Оносковское дворище, Тишъковъское, Олешъковъское, Грицъковское, на томъ хата ест; Мишкотовское, Процовское, Гринъцовское, Тимошовъское; огородники: Корней огородъникъ, Клерман, Зосин, Яцко, Кулѣшъ, Трухон Шеметиловичъ, Харко, Хома Гулецъ; господа и млын, а другий попъсованъ. Село Полганов: боярове полгановские; Смолка, Иляшъ Нестеровичъ, Петръ Борисовичъ, Иовец Иванковичъ; подданые: Васко Левонченя, Васко Мелевичъ, Грицъ Мороз; огородникъ Занько, Халец, Сенко, Мордышъ; подданые боярские полгановъские: Федецъ Нестерович, Иванец, Шуляк, Юшъковая удова, Степан Воропай, Миско, Сенко, Юско. Село Калнятичи: Радюковичъ, Семакова вдова, Хома Гарасимович, Федко Куприяновичъ, Лашко Гарасимович, Масюкъ Приступа, Мартин Зарубейко, Василь Атамановичъ, Олизарецъ, Хацъ Герасимовичъ огородъникъ, Сакъ огородъникъ, Федор Боговецъ огородникъ, Охремъ Гарасимовичъ огородникъ, Грицчая вдова огородничка, Мицукъ Радюкович огородникъ. Млынъ. Бекетовъское пустое дворище. Якож дей я возъный оного переписова (sic) и реистръ под печатю и с подписом влостное руки моее пану Фронцу Крушу, служебънику его милости пана троцкого дал. И просил панъ Фронцъ Круш,

абы то было записано. А так я тое оповедане его и возъного созънанъе до книг кгродских луцкихъ запи(са)ти казал.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2049, л. 386, № ак. 62.

CXLI.

1575 г., ноября 8. Жалоба Яна Больмана на урядника своего въ Ровномъ Крыштофа Брониша о самовольной передачѣ этого имѣнія воеводѣ сѣрадскому (Ласскому), между тѣмъ Больманъ владѣлъ этимъ имѣніемъ отъ Ласскаго въ суммѣ 40,000 польск. золотыхъ.

Заставной владѣлецъ, урядникъ котораго незаконно передалъ собственнику имѣніе, имѣетъ право иска не къ собственнику, а къ своему уряднику.

Року 1575, месяца ноября, 8 дня. Будучи его милости князю Богушу Корецкому, воеводе земли Волынское, старосте луцкому, браславскому и веницкому, пришедчи передъ его милость панъ Михалъ Кгижа, панъ Давыдъ Горнъ, а панъ Михалъ Плавинский, оповедали именемъ пана Яна его милости Больмана, секретара его кролевское милости, на пана Крыштофа Брониша тымъ обычаемъ: иж дей менованый пан Крыштофъ Брониш, будучи врядникомъ от пана Яна Больмана у Ровномъ, а выбравши вси податьки и платы, и з арандъ мытных всѣ пожитъки побравши, такъ з мещанъ, яко и зо въсее волости Ровенъское, нѣтъ вѣдома для которое причины, або за чиимъ роскзаньемъ и дозволеньемъ, окромъ росказанья и вѣдомости пана Больманова, через властный описъ свой, от него пану Больману под обовязками даны, до его милости пана воеводы сирадского послал, а потомъ дей замокъ зо всею волостью Ровенъскою, што было от его милости пана воеводы сирадского в суме пинязей, въ сороку тисячохъ золотых полских, пану Болману заведено, егожъ милости пану воеводе сирадскому тых часовъ в року теперешнемъ семъдесятъ пятомъ, мѣсяца октебра, тридцатого дня, в неделю, зо всимъ на все подал и поступил, который замокъ зо въсимъ до властныхъ рукъ пана Кришътофа Бро-

ниша, водлугъ опису его, от пана Вольмана былъ зъверон. И просили, абы то было записано; а такъ князь его милость тое оповеданье их до книг кгродских луцкихъ записати росказалъ.

Книга Кіевс. Центр. Арх. № 2049, л. 456. об., №а 13.

CXLII.

1575 г., дек. 4. Заявленіе вознаго о томъ, что онъ не могъ вручить Станиславу Граевскому, подстаростѣ владимірскому, листъ кн. Кон. Острожскаго, въ которомъ кн. Острожскій заявляетъ, что готовъ уплатить своему подстаростѣ 2 т. копъ гр. за аренду староства и возвратить доходы староства въ свою пользу.

Староство, какъ предметъ частно-правный.

Лѣта по нароженю Исус Христа Сына Божего тисеча пятсот семдесят пятого, месяца декабра, четвертого дня, в неделю. Постановившис обличне на вряде в замку господарском Володимерском передо мною Григоремъ Семеновичом Оранским, будучи мне на местцу его милости пана Станислава Кграевского, столника землѣ Подляшское, подстаростего володимерского, в небытности его милости у Володимери, а передо мною Лазаром Иваницкимъ, судею кгродским володимерским, возный земский повету Володимерского пан Яско Тихнович Оранский до книг кгродских вызнал тыми словы: иж будучи мне з уряду кгродского володимерского от т. мил., пане Оранский, приданым на потребы кнежати его милости Острозского, воеводы киевского, за листом вряду кгродского володимерского до его милости пана Станислава Кграевского, столника землѣ Подляшское, подстаростего володимерского, писаным, а маючи я при собе людей добрых шляхту пана Матея Кгораевского, пана Миколая Скаринского а пана Омеляна Волницкого, сего дня, месяца декабра, четвертого дня, в неделю, в року нынешнем тисяча пятсот семдесят пятого, был есми з шляхтою помененою в дворе его милости пана Кграевского, столника подляшского, под-

старостего володимерского, у Володимери на Залужи з листом урядовым уряду кгродского володимерского в потребе княжати его мил. Острозского, воеводы киевского, до его милости пана Станислава Кграевского писаным, ознаймуючи его мил. пану Кграевскому помененому, иж княжа его мил. Острозское, воевода киевский, суму пенезей две тисечи золотых полских, вместо аранды пожитков староства своего володимерского, его милости пану Кграевскому належачих, на новое лето тепер близко пришлое в замку Луцком его мил. пану Кграевскому отдати и оные пожитки арендовные окупити хочет; который листъ хотел есми его мил. пану самому, або хто бы от его милости в оном дворе его милости был, оказат, а копею з него отдати словне о том отдаваню пенезей от княжати его милости на новое лето близко пришлое ознаймит; але есмо никого у в оном дворе не нашли и посылали Андрея Сушибабы, слуги его мил. пана Кграевского, который якобы оного двора мел догледати, шукати; але его мой посланец и я сам з шляхтою нигде и в месте не могли найти; одно служебник его мил. пана Кграевского именем Ян Кгосовский з господы пана Кграевского ку нам до оного двора пришол, которомум я тот лист урядовый оказовал и копею з него давал; нижли он копеи от мене брати не хотел, поведаючи, иж ему до того ничого, бо дей тут его милост пан Кграевский все, яко врядовые, так иные справы и потребы свои и тот двор, поручил пану Григорю Семеновичу Оранскому а пану Якиму Стрывязскому, писару кгродскому; а так я при оной шляхте копею з оного листу, слово в слово списаную, под печатю своею и с подписом руки моее, в оном дворе его мил. пана Кграевского на Залужи зоставил и у в . . . . дверей сенных оную копею уткнул есми; а оттол идучи, поткавши се з служебником его мил. пана Кграевского, паном Мартином Хреновским, оповедали есмо то оному служебнику, иж есмо там в дворе пана его на Залужи были и копея з листу в потребе княжати его мил. Острозского, вышше помененом, там в дворе оставлена; а потом пришодчи до дому твоей мил., пане Оранский, на

тот час будучи твоей мил. на местцу врядовом, кгды есмо твоей мил. дома не зостали, нашодчи твою мил. на рынку, хотели есмо с твоею милостю в той мери розмовити, але твоя мил., не слухаючи нас, шол до дому своего, где мы, пришедчи за твоею милостю, твоей милости оный лист, з уряду от твоей мил. выданный в потребе княжати его мил., при оной шляхте оказовал и копею з оного листу под печатю своею и с подписом руки своее твоей мил., пане Оранский, давал есми; который лист и копею твоей мил., пане Григорей Оранский, до рук своих взявши, мел слебезовати (sic); а потом оного листу твоя мил. не похотел был отдати, ажся нами пан Романовский на твою мил. светчал; тож взявши твоя мил. оный лист, подписал свое имя на исподе, в чом твою мил. пан Романовский навпоминал, абыс оного листу княжати его милости не малевал, але его в целости, так яко был твоей мил. до рук подан, вернул; а твоя дей мил., не слухаючи того, подписовал што пан Романовский на твою мил., пане Оранский, нами светчил, иж оный лист, еще вчора пану Романовскому от твоей мил. з уряду выданый, тепер не ведати для чого твоя мил. подписовал; кгдыж дей твоей мил. не потреба листу подписовати и чужое справы ничим касовати, што мы сами видили, яко твоя мил. в тот час подписовал, о пана Романовского навпоминане и мовене ничого не дбаючи; а кгды есмо от твоей мил., пане Оранский, мели ити, оную копею, перво ее принявши, назад мнѣ отдавал а на землю ее кинул; я потом, нашодчи есмо пана Якима, писара кгродского, оный же лист врядовый пану Якиму, которому теж его мил. пан Кграевский справы и и потребы свои поручити рачил, оказовал есми и устне ознаймовал о отданю пенезей от княжати его мил. пану Кграевскому на новое лето близко пришлое и о таких копеях з оного листу, же одна в дворе его мил. пана Кграевского на Залужи, а другая в пана Григоря Оранского зоставлены, якже и шляхта звышпомененая, тут же перед нами с паном возным очевисто стоечи, так же, яко и возный, то все и тыми словы, як въверху описано, вызнали, иж так было, а не ина-

чей. Котороеж сознане возного и шляхты мы до книг кгродъскихъ записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 920, л. 212, № ак. 209.

CXLIII.

1575 г., дек. 22. Амвросій Юрьевичъ Овлучимскій отдаетъ за долгъ въ 80 копъ гр. Андрею Павловскому въ заставу плебанію Владимірскую, пожалованную ему королемъ.

Отдача въ заставу имѣнія, полученнаго отъ государственной власти лишь въ пользованіи (не на правахъ собственности).

Я Амброжей Овлучимский чиню явно и сознаваю сам на себе тым моим теперешним записом, кому того тепер и напотом потреба будет ведати, иж ку великой а пилной потребе моей позычил и отличивши до рук своих взял есми готовыми грошми у пана Андрея Павловского, врядника перевалского, осмьдесят коп грошей личбы и монеты великого князства Литовского, личечи в кождую копу по шестдесят грошей литовских, а в грош по десети пенезей белых; в которых осмидесят копах грошей литовских заставил есми и заразом поступил доброволного увязаня у плебанѣю Володимерскую, которую я з ласки господаръское за выслугу свою маю, яко в двор, в пашню, на поли засеяную, в люде, в поля, в сеножати, зо всѣм на все, ничого на себе не зоставуючи а ни выймуючи, на рок зуполный, тоест от теперешнего Божого Нароженя, до другого Божого Нароженя, которое мает быти в року Божом тисячном пятсотном семдесят шостом, якож вже от сего часу, за доброволным поданем моим, пан Андрей Павловский тое имене держати и всѣ пожитки с подданых на себе брати мает; а гдеж бых я на рок Божого Нароженя, не окупил а грошей сполна не отдал, тогды пан Павловский, альбо его потомкове до другого року, и рок за роками, по собе идучими, держати и вживати спокойне мают, кром жадное перказы и трудности от мене самого и потомков моих; а я

сам, также и потомкове мои, яко перед роками, так же и по роцех, того именя окуповати и грошей отдавати пану Павловскому не маемо, толко на рок Божого Нароженя, якося вышей поменило; а если бых я на рок описаный гроши пану Павловскому сполна отдал, тогды пан Павловский, або его потомкове, взявши тую суму сполна, вышей описаную, имене тое нам мает вернути; а што будет на поли засеяно, также в гумне зложоно, то собе пан Павловский, кром жадное переказы и трудности, в целости побрати и на свой пожиток обернути, а нам толко с тым же подати, яко тепер от мене взял. А гдебых я за держаня пана Павловского, албо потомков его с того именя выгнал, албо якую шкоду и переказу учинил, сам през себе, албо през когож колвек, а дал бых се о то до которогож колвек так земского, яко и кгродского права позвати, тогды за першим позвом, яко на року завитом, маю стати и кгвалт водле статуту за выбите спокойного держаня платити, шкоды, наклады, кром доводу, толко на словное мовене нагорожати буду повинен, а каждый суд, перед который буду позван, хотяж бых и за позванем очевисто стати не хотел, то на именю моем отчистом Овлучиму присудивши, и отправу учинити мает; и колко бых разов я, албо потомкове мои, с того выступати а того запису не рушати (sic) мели, толко разов кгвалт и шкоды нагорожати будемо повинни. А пред ся тот запис ни в чом нарушен быти не мает. А гдебы тое имене, тоест тая плебанѣя, которую я пану Павловскому в суме грошей завел, за ласкою господарскою яким колвек обычаем одыйти мела, тогды я в той суме осмидесят копах грошей литовских пану Павловскому, албо его потомком, так же много и так пожиточного кгрунту с поддаными своими на именю моем отчизном Овлучиму подати на уживане и спокойное держане пану Павловскому, албо его потомком, а подавши увязане, также спокойне держати мает, кром жадное переказы и трудности от мене и потомков моих, аж до отданя сумы сполна грошей; а еслибы за держаня пана Павловского через огон пожога стала, або ся подданые розошли, тогды при окупеню и отданю

сумы от мене и потомков моих у пана Павловского поисковати, а ни, отдаючи грошей, з сумы вытручати не маемо, але суму сполна отдати будемо повинни; а гдебыся пану Павловскому в держаню тых людей и кгрунту якое пренагабане и трудност деят мела, тогды я повинен буду его коштом и накладом своим боронити и заступовати, илебы того потреба вказывала. И на то есми пану Андрею Павловскому дал тот мой вызнаный лист под печатю моею и с подписом власное руки моее; при чом был и того добре сведом и печат свою за прозбою моею приложил его мил. пан Миколай Непелский, арендар перевалский. И утвержаючи я тым лепей тот запис мой, ставши на вряде кгродском володимерском, вызнал и записати дал. Писан у в Овлучиме, року Божого Нароженя тисеча пятсот семдесят пятого, месяца декабра, двадцат второго дня. Амброжий Овлучемский рукою своею власною.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 920, л. 225, № ак. 213.

I.

Указатель личный.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

II.

Указатель географическій.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Содержаніе:

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.

Замѣченныя погрѣшности.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
13	16 сн.	Гяличанскому	Галичанскому
24	3 св.	с. Навоза	с. Навозъ
27	17 св.	наном	паном
32	13 св.	Проского	Пронского
33	2 сн.	Ежусянъки	Джусянъки
54	1 св.	Олеховича.	Олехновича.
60	17 сн.	теткѣ свой.	теткѣ своей.
85	12 сн.	Дубравскій.	Дубровскій.
224	23 сн.	они была	они были
248	3 св.	Медковъ.	Медково
299	13 сн.	Петрашечи	Петрашевичи.
307	5 сн.	Куцевича	Курцевича.
314	10 св.	Чолинцы	Чолницы
384	7 сн.	Котельнѣ	Котелевѣ